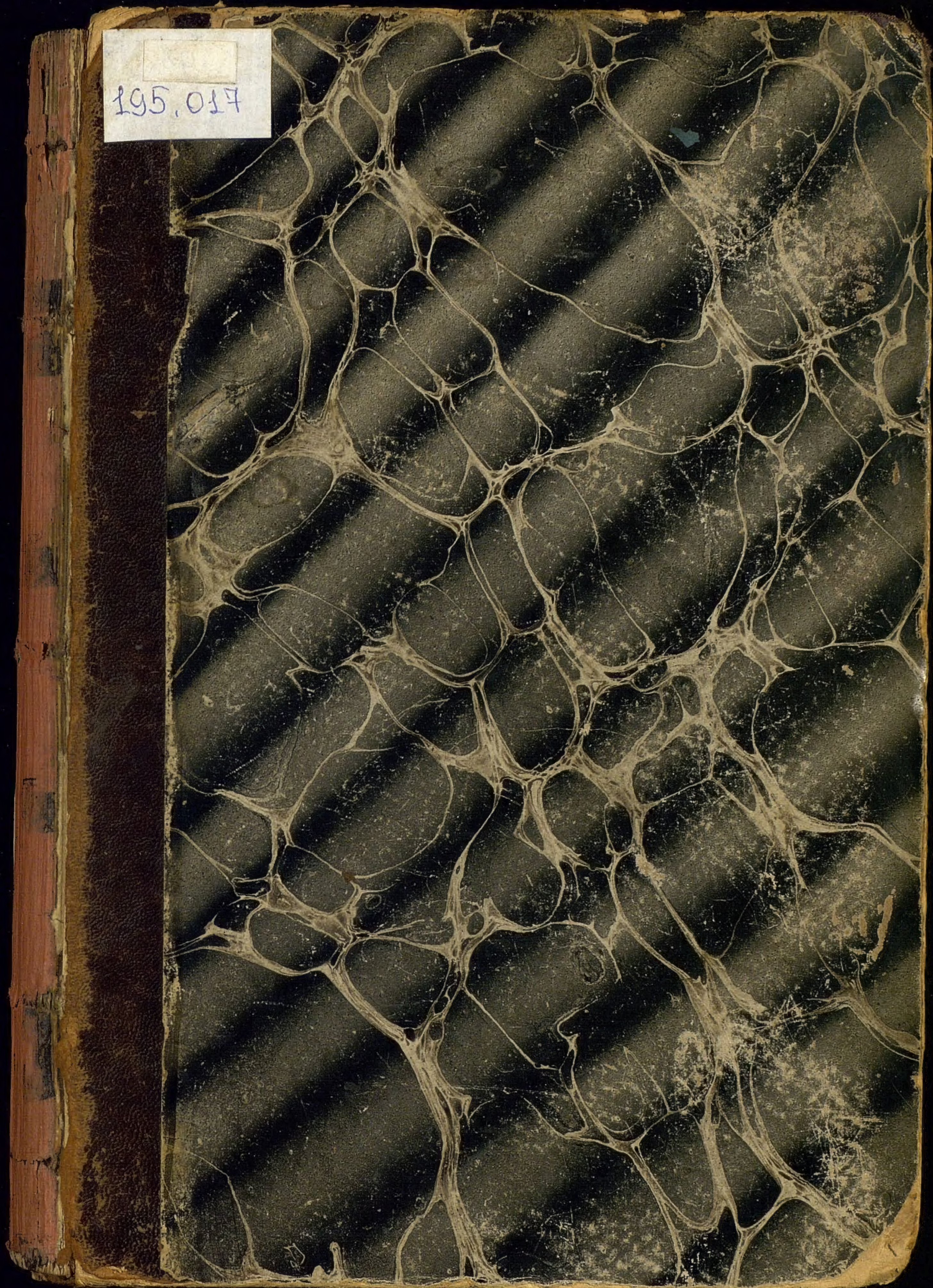
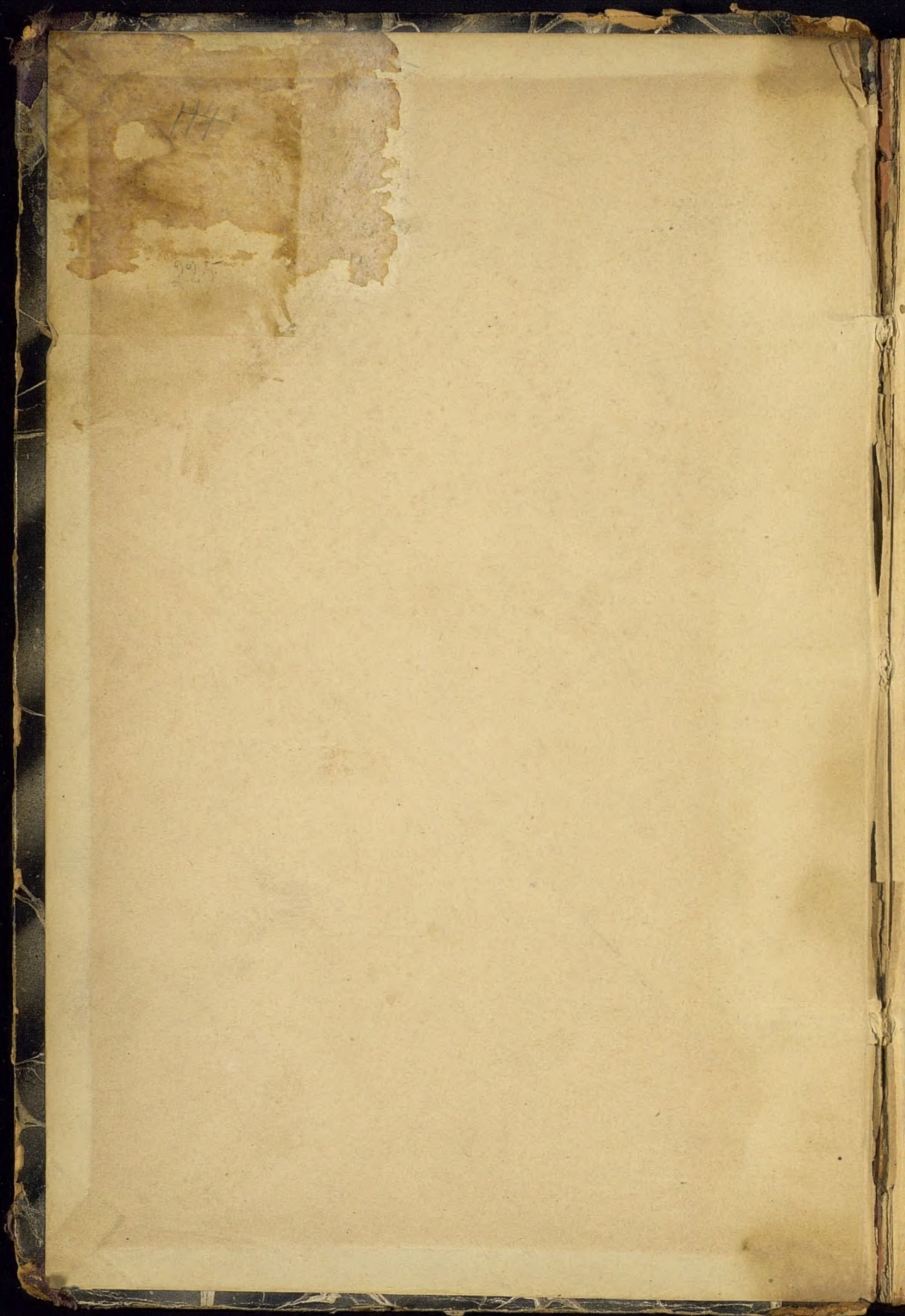






ИСТОРІЯ

80^го ПѢХОТНАГО КАБАРДИНСКАГО

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛА

КНЯЗЯ БАРЯТИНСКАГО ПОЛКА.

(1726—1880).

ТОМЪ III.

А. Зиссермана.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Граціанскаго. Невскій пр., № 46.
1881.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

XVI. СТР.

Фельдфебель 1-й роты Василій Ивановичъ Ивановъ.

Изъ солдатскихъ дѣтей, Ярославскаго батальона военныхъ кантонистовъ; поступилъ на службу въ августѣ 1832 года въ резервный батальонъ Брянскаго полка; въ 1836 г. произведенъ въ унтеръ-офицеры; въ 1840 каптенармусомъ; въ 1841 году переведенъ въ Кабардинскій полкъ и въ 1843 назначенъ фельдфебелемъ. За дѣло при Хасавъ-юртѣ въ 1846 г. получилъ первый георгіевскій крестъ, (4-й степени) за зимнюю экспедицію 1850—51 года получилъ 2-й крестъ, (3 степени) за отличіе съ 1856 на 57 награжденъ георгіевскимъ крестомъ 1-й степени, за спасеніе утопавшаго въ р. Терекѣ человѣка, съ опасностью собственной жизни, получилъ медаль на Владимірской лентѣ и денежную награду; имѣлъ всѣ нашивки, золотой шевронъ и серебрянный темлякъ; какъ отказавшійся отъ производства въ офицеры по выдержаніи испытанія, получилъ двѣ трети прапорщичьяго жалованья; за прослуженіе 5 лѣтъ послѣ отказа отъ производства награжденъ вторымъ золотымъ шевраномъ, за выслугу лѣтъ и отказъ отъ отставки получилъ серебрянную медаль «за усердіе.» За особыя отличія въ дѣлахъ съ возмутившимися чеченцами въ 1860—61 годахъ, *не въ примѣръ прочимъ, награжденъ золотою медалью для ношенія на шеѣ на георгіевской лентѣ, съ надписью «за храбрость»*. (Исключительная награда, никогда ни кѣмъ въ регулярныхъ войскахъ неполученная!) Въ 1865 году за многолѣтнюю добровольную службу, опять не въ примѣръ другимъ, награжденъ *брилліянтовымъ перстнемъ;* въ 1874-мъ году все еще продолжалъ службу и награжденъ золотою медалью на Александровской лентѣ; въ 1877 Высочайше повелѣно производить ему по 300 р. жалованья въ годъ. Разно-

временно въ числѣ другихъ получилъ три денежныя награды. Умеръ въ Хасавъ-юртѣ въ маѣ 1878 года. Въ 1863-мъ году ему было предложено отправиться въ роту дворцовыхъ гренадеръ, но онъ убѣдительно просилъ дозволить ему умереть въ своемъ полку, гдѣ онъ свыкся и со службой и съ мѣстомъ, «гдѣ онъ къ чему нибудь годенъ, а въ Петербургѣ, среди гвардейцевъ, я буду послѣдній человѣкъ,» прибавилъ нашъ бравый Ивановъ.—Это былъ типъ стараго, честнаго, храбраго служаки,какихъ въ былыя времени можно было встрѣтить въ каждомъ полку, не взирая на существовавшую тогда систему жестокихъ наказаній и тяжелыя условія службы. Понятно Ивановъ пользовался полнымъ уваженіемъ всѣхъ, отъ полковаго командира до юнѣйшаго прапорщика, но никогда не позволилъ онъ себѣ ни малѣйшаго отступленія отъ строгихъ требованій дисциплины; солдаты же, не только своей роты, но и другихъ, питали къ нему особое почтеніе. Такими людьми, какъ наипрочнѣйшимъ цементомъ, держится военная часть въ духѣ своихъ исконныхъ преданій и доблестей.



Фельдфебель Василій Ивановъ.

Дозв. ценз. Спб.		Типографія В. Граціанскаго, Нево., 46.

I.

Переломъ въ ходѣ кавказской войны.—Усиленные набѣги горцевъ.—Движеніе Шамиля въ Кабарду. — Постройка укр. Хасавъ-юрта и стычки съ Гойтемиромъ. — Результаты возведенія укрѣпленій и штабъ-квартиръ. — Пораженіе Шамиля въ Кутиши.—Предположенія кн. Воронцова объ обезпеченіи Средняго Дагестана.—Польскія прокламаціи въ горахъ.

Какъ въ продолжительныхъ, тяжкихъ болѣзняхъ нерѣдко наступаетъ кризисъ, сопровождаемый симптомами, возбуждающими крайнія опасенія въ медикахъ и причиняющими усиленныя страданія больному, но кончающійся поворотомъ къ исцѣленію, такъ точно цѣлый рядъ неудачь нашихъ на Кавказѣ завершился кровавымъ, безрезультатнымъ походомъ 1845 года въ Дарго, казавшимся предвѣстникомъ наступленія еще худшихъ обстоятельствъ, но оказавшимся, напротивъ, благотворнымъ кризисомъ.

Предшествовавшія неудачи вызвали назначеніе князя Воронцова. Это одно уже было большимъ шагомъ впередъ, потому что ограничивало категорическія приказанія изъ Петербурга, не всегда удобоисполнимыя: съ княземъ Воронцовымъ приходилось до крайности стѣсняться, чтобы какъ нибудь не возбудить его неудовольствія. Военный министръ, князь Чернышевъ старался всѣми мѣрами не раздражить чѣмъ нибудь кавказскаго главнокомандующаго; онъ неоднократно требовалъ отъ своего директора канцеляріи Брискорна крайней осторожности въ бумагахъ и самъ исправлялъ въ черновыхъ каждое слово, могшее показаться недостаточно деликатнымъ. Очевидно, этого требовалъ Государь, рѣшившійся предоставить Воронцову полную свободу дѣйствій, оказывая ему широкое довѣ-

ріе. Къ крайнему сожалѣнію, система эта не была примѣнена *вполнѣ* съ момента назначенія князя Михаила Семеновича на Кавказъ и ему передали рѣшенный планъ наступленія въ Анди, Дарго и проч. для непремѣннаго исполненія. Эта послѣдняя попытка однимъ ударомъ «сокрушить» власть Шамиля обошлась намъ очень дорого; но, какъ уже сказано, послужила благотворнымъ кризисомъ: наступилъ періодъ систематическихъ дѣйствій, имѣвшихъ привести къ конечному результату; торжество непріятеля, не взирая даже на нѣсколько еще послѣдующихъ неудачь нашихъ при штурмахъ укрѣпленныхъ ауловъ, смѣнилось очевиднымъ уныніемъ, потому что онъ лучше многихъ нашихъ генераловъ уразумѣлъ, чѣмъ угрожаетъ ему новый образъ дѣйствій. Однимъ словомъ, съ 1846 г. окончился періодъ нашихъ неудачь и наступило время несомнѣнныхъ успѣховъ.

Кабардинскому полку на весь 1846 годъ назначалось оставаться на мѣстѣ, довершать во Внезапной постройки, охранять Кумыкскую плоскость отъ набѣговъ и построить на Ярыкъсу укрѣпленіе на одну роту и двѣ сотни казаковъ.

Упоенный удачами послѣднихъ лѣтъ и особенно пораженіемъ, нанесеннымъ главному отряду въ 1845 году, Шамиль приказалъ своимъ наибамъ безпрерывно тревожить насъ нападеніями *. Особенно подвергался этому лѣвый флангъ Кавказской линіи, какъ наиболѣе удобный вторженіямъ и имѣющій сосѣдями Аuховцевъ и Чеченцевъ, почти поголовно конныхъ и спеціалистовъ по части хищныхъ наѣздовъ. Съ самаго начала 1846 года, тревоги, стычки съ партіями, внезапныя нападенія и проч. стали явленіями обыкновенными, и войскамъ, занимавшимъ пространство отъ границъ Владикавказскаго округа (укр. Казакъ-кичу) до Сѣвернаго Дагестана (Чирьюрта) пришлось нести тяжолую службу безпрестаннаго безпокойства, неувѣренности ни единаго часа въ возможности исполнить

* Въ одномъ письмѣ къ наибу Большой Чечни, Талгику, Шамиль, между прочимъ, писалъ: «безпокойте русскихъ безпрестанно, стрѣляйте изъ орудія, сто мусульманъ должны бить тысячи русскихъ. *Такъ сказано въ коранѣ*".

предположенное, бѣганіе на тревоги изо дня въ день десятки верстъ то въ ту, то въ другую сторону,—вообще, крайняго напряженія.

Гарнизонъ укр. Куринскаго находился въ положеніи стрѣлковой цѣпи, въ виду непріятеля; каждый шагъ за ворота сопровождался выстрѣлами. Кругомъ Внезапной, особенно въ лѣсу, при рубкѣ дровъ, тоже рѣдко обходилось безъ перестрѣлокъ.

Особенно важныхъ происшествій было, впрочемъ, не много и я привожу только тѣ, которыя касаются нашего полка. Объ одномъ только, изъ ряда выдающемся по чрезвычайной дерзости плана и ловкости исполненія считаю нужнымъ упомянуть, хотя Кабардинскіе батальоны тутъ не участвовали.

9 Апрѣля 1846 г. одинъ мюридъ доставилъ въ Грозную генералу Фрейтагу для прочтенія письмо, данное ему Шамилемъ для доставленія наибу Большой Чечни, Талгику. «Отъ князя мусульманскаго народа и султана тѣхъ людей, которые признаютъ единаго Бога, моимъ братьямъ Бата (качкалыковскій наибъ) и Талгику. Да хранитъ васъ Богъ отъ невѣрныхъ и отъ непріятельскихъ хитростей. Я приказалъ всѣмъ наибамъ собрать ввѣренныя имъ части войскъ въ будущую субботу до полудня и вы тоже сдѣлайте. Шали назначаю сборнымъ пунктомъ, куда и я прибуду къ означенному времени съ нѣсколькими пушками, которыя хочу поставить *«около непріятельской дороги»*. Прошу хранить это въ тайнѣ, чтобы не было извѣстно въ народѣ».

Это былъ не первый примѣръ доставленія г. Фрейтагу шамилевскихъ предписаній къ наибамъ; за нѣсколько рублей эти люди измѣняли своему имаму, рискуя головой. Этимъ путемъ съ нашей стороны нѣсколько разъ предупреждались набѣги. И въ этотъ разъ съ письма была снята копія, а подлинникъ возвращенъ лазутчику, который и отправился по назначенію. Тотчасъ было дано знать всѣмъ частнымъ начальникамъ о принятіи мѣръ осторожности, созваны резервы и т. п. Но все это ни къ чему не повело: на этотъ разъ Шамиль затѣялъ дѣло, возможность котораго никому и въ голову не приходила, и слова «на непріятельской дорогѣ» остались совершен-

но непонятными. Собравъ тысячь двѣнадцать пѣшихъ и конныхъ, съ нѣсколькими орудіями, имамъ переправился чрезъ Сунжу и Терекъ въ Малую Кабарду, а оттуда въ Большую, гдѣ и расположился, приглашая населеніе къ возстанію и нападенію на станицы и посты по Военногрузинской дорогѣ, для прекращенія сообщеній Россіи съ Грузіею, рисуя кабардинскимъ князьямъ и узденямъ заманчивую перспективу совершеннаго освобожденія отъ русской власти, захвата всѣхъ земель до Ставрополя и т. п.

Нѣсколько дней оставался Шамиль съ своимъ полчищемъ въ Кабардѣ, мѣняя позиціи; но тамошніе князья и вообще вліятельные люди, хотя были многіе и сочувствовавшіе мысли объ изгнаніи русскихъ изъ края, не могли однако рѣшиться присоединиться къ нему, во-первыхъ, считая ниже своего достоинства подчиниться горскому байгушу, какимъ родовая аристократія Кабардиночеркеская считала Шамиля, не взирая на его власть и значеніе въ Дагестанѣ, во вторыхъ, мало надѣясь на успѣхъ борьбы съ русскими войсками въ ровной, открытой мѣстности, при отсутствіи общаго единодушнаго согласія всего населенія, добрая половина коего, напротивъ, едва-ли не готова была оставаться пассивною, или даже служить русскимъ. Видя неуспѣхи переговоровъ и зная, что наконецъ войска наши соберутся и могутъ отрѣзать ему возвращеніе за Сунжу, Шамиль отступилъ и тѣмъ же путемъ возвратился въ Чечню, — почти безъ потери...

Читатель, маломальски знакомый съ мѣстностью, легко можетъ себѣ представить переполохъ, произведенный нашествіемъ Шамиля въ Кабарду. Тревога распространилась отъ Средняго Егорлыка на границѣ Донской Области далеко за Тифлисъ. Военногрузинская дорога—этотъ жизненный нервъ всего Кавказа, особенно въ тогдашнее время, очутилась въ блокадѣ и крайней опасности; въ случаѣ поголовнаго возстанія всей Кабарды и населенія окрестностей Владикавказа, воображенію рисовалась ужасная картина истребленія всѣхъ станицъ, военныхъ поселеній, постовъ, почтовыхъ станцій; еще хуже,— Пятигорска со всѣми его заведеніями минеральныхъ водъ!.. Понятно, съ какою лихорадочною торопливостью принимались

мѣры, двигались войска, стягиваемыя со всѣхъ концовъ. Шамиль такъ ловко замаскировалъ свое движенiе, что много времени было потеряно пока колонны наши попали въ надлежащее направленiе. Зная что у него большiя силы, слухами преувеличенныя на 50%, старались сосредоточивать колонны въ нѣсколько батальоновъ, чтобы малой части не подвергнуться пораженiю, что требовало опять много времени; отчасти начальство растерялось, и кончилось тѣмъ, что, не взирая на отличную распорядительность и энергiю генерала Фрейтага, Шамиль имѣлъ только двѣ встрѣчи съ русскими войсками. Первая съ однимъ 4-мъ бат. Тенгинскаго полка на Змѣйкѣ; понятно что когда бат. этотъ, остановившись въ каре, отбилъ нѣсколько атакъ многотысячной непрiятельской конницы и не оставивъ противнику даже ни единаго тѣла убитыхъ солдатъ отступилъ къ стан. Змѣйской, отъ него нельзя было ничего больше и требовать; батальонъ молодецки встрѣтилъ врага, превосходившаго его чуть не въ 20 разъ. Другая встрѣча была на самой почтовой дорогѣ, у уроч. Татартупа, близъ Минарета, въ верстѣ отъ переправы чрезъ Терекъ. Здѣсь расположилась колонна полковника барона Меллера Закомельскаго, командира Куринскаго полка, состоявшая изъ 3-хъ батальоновъ, 3-хъ сотенъ казаковъ и нѣсколькихъ орудiй. Мѣстность была для отступающаго непрiятеля крайне неудобна, тѣмъ болѣе что переправа чрезъ быструю рѣку, особенно для пѣшихъ, а ихъ было тысячь 8, представляла большое затрудненiе; къ тому же не оставалось уже сомнѣнiя, что русскiе спѣшатъ со всѣхъ сторонъ и каждую минуту можно было ожидать прибытiя новыхъ войскъ.

Когда Шамиль увидѣлъ на Татартупѣ лагерь русскихъ войскъ, онъ совершенно растерялся, собралъ къ себѣ всѣхъ бывшихъ съ нимъ наибовъ, высказалъ опасенiе за возможность спасенiя и требовалъ мнѣнiя—что дѣлать. Наибы признали положенiе дѣйствительно крайне критическимъ, но рѣшили, что лучшiй выходъ идти на проломъ, не теряя времени, пока ихъ не окружили со всѣмъ. Въ виду очевидной опасности и возможности гибели, каждый рѣшился на отчаянную битву и въ знакъ готовности умереть, защищая имама, распустили концы

чалмы. Сомкнувъ тѣснѣе ряды своихъ полчищъ, горцы двинулись прямо къ переправѣ... Къ совершенному изумленію, русскій отрядъ не только не перерѣзалъ имъ дороги, но остался на своей позиціи въ сторонѣ и ограничился артиллерійскимъ огнемъ, да нападеніемъ казаковъ на хвостъ отступающихъ. Такимъ образомъ, Шамиль совершилъ первую и важнѣйшую половину своей ретирады, съ потерей всего около 70 человѣкъ, перешелъ обратно чрезъ Терекъ въ Малую Кабарду и, еще къ большему изумленію, не встрѣтилъ здѣсь отряда генерала Фрейтага, прошедшаго между тѣмъ къ Баксану и уже напрасно гнавшагося оттуда по слѣдамъ Шамиля, успѣвшаго вторую часть отступленія совершить и совсѣмъ безъ потери! *).

Дѣло полков. Меллера-Закомельскаго было какой-то загадкой для всѣхъ современниковъ этихъ событій, осталось загадкой и до сихъ поръ. Его оффиціальное донесеніе, само собою, ничего не разъясняетъ; оно, какъ водится, есть наборъ фразъ и реляція къ своему восхваленію. Но много было тогда и послѣ толковъ по этому случаю и въ Тифлисѣ, и во всѣхъ кавказскихъ военныхъ кругахъ. Были такіе, которые тоже приписывали трусости дѣйствія Меллера, хотя онъ былъ извѣстенъ и какъ лично храбрый человѣкъ, и какъ рѣшительный самостоятельный начальникъ отдѣльныхъ колоннъ, предпринимавшій смѣлые набѣги въ Чечнѣ. Иные обвиняли его въ умышленномъ пропускѣ Шамиля съ его полчищемъ, чтобы не кончать кавказской войны, въ которой Меллеру хотѣлось сдѣлать карьеру съ приличнымъ матеріальнымъ обезпеченіемъ... Подобное суждѣніе, само собою, слѣдуетъ считать только плохой остротой и слѣдствіемъ неудовольствія на человѣка, вообще не пользовавшагося особымъ расположеніемъ. Скорѣе можно допустить, что Меллеръ-Закомельскій, участвовавшій въ походѣ 1845 г., подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ кровавыхъ его эпизодовъ, и въ самомъ дѣлѣ не рѣшился, съ относительно

*) Бывшій наибомъ Шамиля, а послѣ нашимъ качкалыковскимъ старшиной, штабсъ-капитанъ милиціи Бата разсказывалъ мнѣ эти подробности и, по его соображеніямъ, Меллеръ просто струсилъ, увидѣвъ такую массу людей, готовыхъ на отчаянную драку.

небольшимъ отрядомъ, преградить непріятелю путь отступленія и, вызвавъ его на отчаянный бой, рисковать подвергнуться пораженію. Это, впрочемъ, вовсе не оправдываетъ г. Меллера.

Такъ или иначе, но Шамиль ускользнулъ и все наказаніе за дерзость его предпріятія ограничилось тѣмъ, что оно осталось безъ успѣха, что наши тревоги и опасенія превратились въ пріятную увѣренность за прочность русской власти въ Кабардѣ и невозможность соединенія подъ одно знамя горцевъ Восточнаго и Западнаго Кавказа.

Вскорѣ послѣ этого происшествія князь Воронцовъ проѣзжалъ по лѣвому флангу и приказалъ нашему полковому командиру Козловскому приступить къ постройкѣ укрѣпленія на Ярыкъ-су (Хасавъ-юртъ). 19 мая туда выступили три роты 1-го бат. и весь 3-й бат.

Сосѣдній ауховскій наибъ Гой-темиръ, извѣстный наѣздникъ, съ своей стороны тоже собралъ партію въ 300 конныхъ и расположился въ ближайшемъ лѣсу, съ цѣлью тревожить насъ и наносить по возможности вредъ.

Уже на другой день, 20 мая, онъ напалъ на 8 и 9 егерскія роты, вышедшія безъ орудій на фуражировку, но былъ встрѣченъ егерями, какъ подобаетъ молодцамъ. Видя невозможность какого-либо успѣха, невзирая на превосходсто въ силахъ и дѣйствіе своей пушки, Гой-темиръ отступилъ. Потеря наша ограничилась 4-мя человѣками.

24 мая Гойтемиръ, усилившись нѣсколькими стами пѣшихъ, съ невиданною смѣлостью атаковалъ нашъ лагерь. По первымъ пушечнымъ выстрѣламъ, изъ Внезапной выступили бѣгомъ подполковникъ Косоротовъ съ своднымъ батальономъ, прибывшимъ туда изъ Темиръ-Ханъ-Шуры. Гойтемиръ бросилъ ему на встрѣчу большую часть своей партіи и застигъ его въ такъ называемой Воровской балкѣ, весьма неудобной для насъ мѣстности. Замѣтивъ это, Козловскій отправилъ бѣгомъ туда три роты 1 бат. съ орудіемъ, которыя и заставили горцевъ бѣжать. Мы потеряли убитыми офицера (прапорщ. Базилевичъ-Верховскій) и 6 рядовыхъ.

26 мая Козловскій рѣшился въ свою очередь атаковать Гойтемира, расположившагося въ 9 верстахъ отъ нашего ла-

геря и поминутно насъ безпокоившій. Подполковникъ Тиммерманъ съ 3-мя ротами 1-го и капитанъ Кириленко съ 2-мя ротами 3-го бат. скрытно приблизились къ расположенію непріятеля на окруженной лѣсомъ полянѣ, а Донскіе казаки обошли его съ тыла и, невзирая на упорную защиту, нанесли непріятелю сильное пораженіе, заставивъ бѣжать въ разсыпную. Мы потеряли при этомъ 1-го офицера и 10 ниж. чиновъ, да казаки 1 офицера и 5 человѣкъ ранеными.

14 іюня Козловскій неосторожно выѣхалъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ кумыковъ впередъ для осмотра мѣстности. Гойтемиръ какъ изъ земли выросъ, наскочилъ и чуть не захватилъ нашего командира со свитою, успѣвшихъ благополучно ускользнуть только благодаря чрезвычайной быстротѣ, съ которою казаки изъ лагеря прискакали по первому пушечному выстрѣлу, сдѣланному непріятелемъ. При этомъ сильно контуженъ въ голову гранатою нашего полка поручикъ Акуличъ.

30 іюня между Хасавъ-юртомъ и Внезапною появился съ большою партіею самъ Шамиль. Должно думать, что онъ надѣялся развлечь наши батальоны фальшивыми атаками и демонстраціями куда-нибудь въ сторону, а между тѣмъ ворваться въ Андрееву, исполнивъ давнишній его, завѣтный планъ: разорить этотъ аулъ и увести жителей въ горы. Но начальствовавшій, за отсутствіемъ Козловскаго, войсками, полковникъ Витовскій съ 3-мя нашими батальонами прямо ударилъ на шамилевскую партію и прогналъ ее послѣ довольно жаркаго дѣла назадъ въ Аухъ. Это дѣло стоило намъ 1 убитаго и 5 раненыхъ солдатъ (кромѣ нѣсколькихъ раненыхъ казаковъ) два офицера контужены, изъ нихъ шт.-кап. Щербаковъ гранатою въ голову.

14 іюля Гойтемиръ напалъ на 14-ю егер. роту бывшую на покосѣ, но встрѣтивъ отпоръ отступилъ безъ успѣха, если не считать трофеемъ убитаго деньщика полковаго священника и взятыхъ двухъ его лошадей, удалившихся отъ роты въ сторону.

Я привелъ эти нѣсколько происшествій только какъ образчикъ. Каждый день были тревоги; то кого-нибудь ранили,

убили, захватили; то лазутчики приносили свѣдѣнія о значительномъ сборѣ непріятеля въ сосѣдствѣ, или движенія его въ которую либо сторону, и роты или бѣжали къ угрожаемому пункту, или стояли подъ ружьемъ, или встрѣчались съ назойливымъ непріятелемъ, хитростямъ и неожиданнымъ предпріятіямъ котораго не было конца.

До чего доходила дерзость непріятеля и безпокойство причиняемое нашимъ людямъ, можно видѣть еще изъ слѣдующаго примѣра: 9-го октября ночью подошли къ воротамъ укр. Куринскаго два чеченца, объявляя часовому, что они лазутчики. Часовой вызвалъ ефрейтора, но неуспѣлъ онъ растворить ворота—раздался пистолетный выстрѣлъ, ефрейторъ упалъ тяжело раненый, а чеченцы скрылись въ темнотѣ, при нѣсколькихъ безвредныхъ для нихъ выстрѣлахъ нашихъ людей...

Однако никакою удачею непріятель за все это время похвастать не могъ; укр. Хасавъ-юртъ было построено, заградивъ весьма важную дорогу изъ горъ на Кумыкскую плоскость; по Сунжѣ тоже устроивались посты, станицы, обезпечивавшіе сообщенія съ Терекомъ, и князь Воронцовъ въ своемъ донесеніи Государю придавалъ особое важное значеніе этимъ обстоятельствамъ.

Въ тоже время произведена постройка укр. Ачхоя на Ассѣ, что отозвалось благопріятно на безопасность ближайшихъ къ Владикавказу окрестностей. Многіе горцы стали выселяться къ намъ, исподоволь у нашихъ укрѣпленій образовались аулы, оказавшіеся очень полезными, какъ предупредители мелкихъ хищническихъ нападеній и снабжатели войскъ нѣкоторыми хозяйственными продуктами. Еще важнѣе было въ томъ же году устройство въ Чиръ-юртѣ постояннаго моста чрезъ Сулакъ, съ укрѣпленною штабъ-квартирою линейнаго батальона, и расположеніе вблизи штабъ-квартиры Нижегородскаго драгунскаго полка, десять эскадроновъ коего составили надежный резервъ и для лѣваго фланга и для плоскости Сѣвернаго Дагестана; обѣ эти части края пріобрѣли наконецъ прочную связь и возможность взаимной поддержки, къ чему стремился еще Ермоловъ. Сформированіе же двухъ новыхъ пѣхотныхъ полковъ (Дагестанскаго и Самурскаго) и расположеніе ихъ штабовъ въ Ишкарты и

Дешлагарѣ не только значительно усилило постоянныя боевыя средства Дагестана, но и упрочило за нами рѣшительное преобладаніе во всемъ предгоріи, давъ возможность вскорѣ связать Сѣверный Дагестанъ съ Южнымъ рядомъ укрѣпленій и подвижныхъ резервовъ.

Въ довершеніе всего, Шамиль осенью 1846 года предпринялъ походъ въ Средній Дагестанъ и разорилъ два большихъ богатыхъ аула Цудахаръ и Ходжалъ-Махи за ихъ покорность намъ и оказываемыя услуги при движеніяхъ войскъ. Неудовольствовавшись этимъ прискорбнымъ для насъ дѣломъ, потому что оно убѣждало покорныхъ горцевъ въ безсиліи русскихъ защитить ихъ отъ Шамиля, онъ занявъ ближайшій къ Гергебилю акушинскій аулъ Кутиши, съ сильною партіею мюридовъ (3 т. человѣкъ) съ тремя орудіями, началъ возмущать Акушу и сосѣдніе аулы верховій Мехтулинскаго владѣнія, въ надеждѣ повторить 1843 годъ. Но, какъ уже сказано, рядъ неудачь для насъ кончился и настала очередь противника испытывать ихъ. Князь В. О. Бебутовъ, командовавшій тогда войсками Сѣвернаго Дагестана, собралъ наскоро нѣсколько батальоновъ и дивизіонъ драгунъ, двинулся къ Кутиши и съ похвальною рѣшимостью, невзирая на трудно доступную мѣстность аула, расположеннаго амфитеатромъ по уступамъ крутыхъ скалистыхъ высотъ, невзирая на то что каждая сакля громаднаго аула составляетъ укрѣпленіе, противустоящее даже полевой артиллеріи, двинулъ войска въ атаку послѣ непродолжительной канонады. Драгуны дебютировали здѣсь блистательнымъ подвигомъ, ворвавшись въ карьеръ по узенькому переулку въ аулъ и рубя направо и налѣво выскакивавшихъ изъ саклей мюридовъ. Бѣгство Шамиля было такъ поспѣшно, что онъ оставилъ свою шубу и коранъ на коврикѣ одной сакли, въ которой сидѣлъ съ нѣсколькими приближенными, въ полной увѣренности продолжительнаго упорнаго боя. Бывшій при немъ во всѣхъ поѣздкахъ палачь не успѣлъ захватить своей сѣкиры, которая и досталась въ наши руки, вмѣстѣ съ одной пушкой, отбитой при преслѣдованіи бѣжавшаго непріятеля.

Крупная неудача понесенная здѣсь Шамилемъ имѣла результатомъ совершенное успокоеніе населенія плоскости и предго-

рій, убѣдившихся, что неудачи предшествовавшихъ лѣтъ вовсе не ослабили насъ и что мы по старинному начинаемъ бить горцевъ при каждой встрѣчѣ, и что угрозы Шамиля изгнать русскихъ за море—пустыя мечтанія.

Возвратившись въ Ведень изъ неудачнаго похода въ Дагестанъ, Шамиль писалъ къ наибу Чечни Талгику 11 ноября, что потерялъ одно орудіе, взамѣнъ коего приказывалъ «стараться отбить у русскихъ изъ оказій, ибо онъ слышалъ что это очень легко сдѣлать». Письмо это, по обыкновенію, предварительно было доставлено посланнымъ въ Грозную къ генер. Фрейтагу для прочтенія...

Однако эти происшествія обратили вниманіе кн. Воронцова на Средній Дагестанъ, остававшійся вовсе необезпеченнымъ отъ подобныхъ покушеній и составлявшій не малый раіонъ для свободныхъ дѣйствій Шамиля среди густаго народонаселенія, покорность коего намъ не могла никогда считаться особенно прочною. Обстоятельство это и послужило зародышемъ идеи о необходимости овладѣть непріятельскими укрѣпленіями Гергебилемъ, Салты, Чохомъ и Ирибомъ, о возведеніи въ Гергебилѣ нашего укрѣпленія, о расположеніи въ Ругджѣ укрѣпленнаго лагеря съ постояннымъ резервомъ и проч.—16 декабря 1846 г. князь представилъ Государю подробную записку о положеніи края и о своихъ предположеніяхъ, не вполнѣ имъ еще тогда сознанныхъ, о коихъ онъ имѣлъ въ виду поговорить съ кн. Бебутовымъ и Аргутинскимъ. Интересно въ этой запискѣ объясненіе почему при 150 тыс. войскъ, стоющихъ Россіи такихъ большихъ жертвъ, все еще усмиреніе Кавказа не доведено до конца. Объ этомъ въ тѣ времена постоянно говорили, толкуя на разные лады и—главное—обвиняя кавказское начальство въ неумѣлости. Каждый отличившійся на плацпарадахъ генералъ и даже каждый высокопоставленный гражданскій чиновникъ изощрился въ критикѣ дѣйствій кавказскихъ главнокомандующихъ и при этомъ давалъ уразумѣть, что будь онъ на ихъ мѣстѣ дѣло давно было бы покончено... «Я самъ, писалъ кн. Воронцовъ, до ознакомленія съ краемъ такъ думалъ; но теперь вижу что иначе невозможно, особенно послѣ событій предшествовавшихъ

лѣтъ». Занимая діагональную линію отъ Кизляра до укр. св. Николая (на Черномъ морѣ) и отъ Тамани до Ленкорани, мы должны были охранять отъ дѣятельнаго непріятеля на сѣверѣ все пространство между двумя морями, на югѣ отъ Персіи и Турціи, по восточному берегу Чернаго моря отъ черкесъ, на западъ отъ лезгинскихъ племенъ, не довѣряя вполнѣ внутри многочисленному мусульманскому населенію». Быть можетъ, присовокупилъ князь, не слѣдовало прежде вдаваться такъ далеко въ Дагестанъ, но теперь уже нельзя оттуда уходить. Вотъ въ чемъ разгадка сомнѣній не знающихъ людей". Впрочемъ, князь выражалъ надежду на улучшеніе обстоятельствъ, *чтобы можно было большую часть пѣхоты перевести за Кавказъ*, какъ необходимую силу противъ неизбѣжныхъ усложненій на персидско-турецкой границѣ, и хотя при дряхлости своей дожить до этого не расчитывалъ, но обѣщалъ «постоянно употреблять всѣ усилія къ сближенію сего времени, не жалѣя для этого ни силъ, ни самой жизни».

Отъ предвидѣнія государственнаго человѣка, каковымъ былъ Мих. Сем. Воронцовъ, не ускользнула важность нашего положенія за Кавказомъ и необходимость имѣть тамъ достаточныя силы; но, къ сожалѣнію, не только чрезъ семь лѣтъ послѣ того какъ онъ писалъ приведенныя выше слова, т. е. въ 1853 г., при начавшейся почти неожиданно войнѣ, не оказалось возможнымъ вывести пѣхоту съ сѣвера за Кавказъ, но и чрезъ тридцать съ лишкомъ лѣтъ, когда борьба съ горцами давно уже была покончена, а обстоятельства снова привели къ войнѣ въ Азіятской Турціи, мы были въ необходимости оставить на сѣверѣ края двѣ съ половиною дивизіи, присутствіе коихъ, хотя бы въ половинномъ числѣ, въ началѣ, на театрѣ войны 1874 г., дало бы совершенно другой оборотъ событіямъ и имѣло бы громадное вліяніе на рѣшеніе роковаго восточнаго вопроса...

Императоръ Николай, въ собственноручномъ длинномъ отвѣтѣ, 2-го января 1847 года, благодарилъ князя Воронцова за его записку, находилъ всѣ соображенія вполнѣ правильными и согласными съ его убѣжденіями.

Такъ, очевидно, 1846 годъ былъ поворотной точкой въ

ходѣ нашихъ кавказскихъ дѣлъ. Отъ проницательныхъ людей не могло ускользнуть, что физіономія края измѣнилась и что мы стали на путь несомнѣнно вѣрный и имѣющій привести къ цѣли. Но еще много кровавыхъ событій, много колебаній, разочарованій, даже сомнѣній, пришлось пережить, пока соображенія проницательныхъ людей, каковыми были преимущественно многіе туземцы изъ нашихъ противниковъ, осуществились, и кровавой, вѣковой борьбѣ насталъ конецъ.

Въ видѣ курьоза, упоминаю еще объ одномъ обстоятельствѣ, имѣвшемъ мѣсто въ 1846 г. Начальникъ Владикавказскаго округа г. Нестеровъ, получивъ свѣдѣніе, что между горцами распространяются какія-то прокламаціи, доставленныя изъ за Кубани отъ агента Шамиля Сулеймана-Эфенди, жившаго между черкесами для проповѣдыванія мирюдизма и приглашенія ихъ соединиться съ Шамилемъ, — поручилъ одному офицеру изъ Осетинъ постараться достать эти прокламаціи. Хлопоты увѣнчались успѣхомъ и князю Воронцову были представлены: оловянныя медали съ портретомъ Адама I, короля польскаго, (Чарторыйскій) печатныя прокламаціи отъ гр. Замойскаго и гербъ Польши. Чеченцы, конечно, ничего не понимали, да и самъ Шамиль относился совершенно равнодушно къ такимъ «вещественнымъ доказательствамъ невещественныхъ отношеній», какимъ онъ предпочелъ бы нѣсколько серебрянныхъ рублей или боченковъ пороха.

Всѣ эти вещи были представлены въ Петербургъ, но изъ военнаго министерства отосланы къ канцлеру гр. Нессельроде и находятся вѣроятно при дѣлахъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Впрочемъ, въ 1859 году, при взятіи Гуниба, намъ опять досталось нѣсколько такихъ медалей съ изображеніемъ будущаго короля польскаго Адама I...

II.

Сдача полка князю Барятинскому — Характеристика Козловскаго. — Предположенія о занятіяхъ въ 1847 году. — Знаніе Шамилемъ впередъ о предстоящихъ дѣйствіяхъ. — Неудачный штурмъ Гергебиля и осада Салты. — Результаты этихъ дѣйствій.—Успѣхи въ Чечнѣ.—Мелкія происшествія въ расположеніи полка.—Зимнія дѣйствія отряда ген. Фрейтага. — Набѣги съ Кумыкской плоскости.— Замѣчательные результаты 47 года.

На зиму 1846—47 г. полкъ былъ расположенъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1-го бат. одна рота въ Ташъ-Кичу, двѣ въ Хасавъ-юртѣ, одна въ Акбулатъ-юртѣ, 2-й бат. въ укр. Куринскомъ, 3-й—во Внезапной, 4-й—тамъ-же, а 5-й—по мелкимъ башнямъ и укрѣпленнымъ постамъ.

Въ 1846 году въ жизни Кабардинскаго полка произошло важное событіе: командиръ его Вик. Мих. Козловскій, произведенный въ генералы съ назначеніемъ бригаднымъ командиромъ, сдалъ полкъ флигель-адъютанту полковнику Алекс. Иван. Барятинскому.

Я вовсе не преувеличиваю, называя эту перемѣну событіемъ, и важнымъ событіемъ въ судьбахъ полка. Назначеніе князя Барятинскаго составило новый періодъ въ существованіи Кабардинскаго полка. Послѣ уже расказаннаго эпизода, давшаго имя «Кабардинскій» мало извѣстному на Кавказѣ Казанскому полку, наступилъ періодъ когда нашъ полкъ, такъ сказать, сошелъ со сцены, на которой онъ подвизался въ видной, дѣятельной роли, и остался въ тѣни, въ скромныхъ роляхъ мало замѣтныхъ, второстепенныхъ дѣятелей. Полковнику Пирятинскому, благодаря начавшимся наступательнымъ дѣйствіямъ въ земли черкесъ, суждено было положить основаніе возрожденію извѣстности полка на боемъ поприщѣ; мы видѣ-

ли какъ онъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе обращалъ на себя вниманіе генерала Вельяминова и отличался имъ. Счастливый случай передалъ полкъ изъ рукъ Пирятинскаго въ руки Лабынцова,—этотъ типъ боеваго командира, разомъ поднявшаго славу полка до забытыхъ уже временъ Гулякова. Аргуани, Ахульго, Хубаръ, Ичкеринскій бой 1842 года, сидѣніе съ Пассекомъ въ Зырянахъ, походъ 1845 г. въ Дарго, все это событія, въ которыхъ и Кабардинцы и Лабынцовъ навсегда врѣзали свои имена въ кавказской военной лѣтописи.

Затѣмъ полкъ перешелъ къ Козловскому, тоже своего рода лихому командиру, хотя, конечно, необладавшему качествами Лабынцева, но своею личною храбростью и неразсуждающею рѣшительностью въ атакахъ непріятеля соотвѣтствовавшему духу полка и вполнѣ поддерживавшему его беззавѣтную отвагу.

Однако, подобно существовавшему въ тѣ давно минувшія времена во всей арміи, а въ Кавказской въ особенности, обычаю широкихъ кутежей, съ разными варіяціями мѣстнаго колорита, и Кабардинскій полкъ не составлялъ исключенія и даже болѣе другихъ отличался въ этомъ отношеніи, какъ бы увлеченный извѣстнымъ принципомъ «жизнь — копѣйка...» Впереди всѣхъ въ огнѣ, на встрѣчу смерти, также впереди въ попойкѣ, въ безшабашныхъ выходкахъ при чихираніи въ станицахъ Гребенскихъ казаковъ. И если при И. М. Лабынцовѣ, спартанцѣ въ образѣ жизни, не поощрявшемъ не нравившихся ему попоекъ со всѣми ихъ атрибутами, приходилось стѣсняться и совершать ихъ нѣкоторымъ образомъ контрабандою, и отнюдь не въ его присутствіи, то при Козловскомъ, напротивъ, эта сторона полковой жизни получила полное развитіе. Самъ охотникъ «погулять» на чисто кавказскій ладъ, не обѣдавшій, не ужинавшій безъ выпивки, пѣсенниковъ, крику, гаму, качаній и проч., онъ, само собою, не стѣснялъ въ этомъ отношеніи никого. Понятно, результаты оказались вполнѣ соотвѣтственные и кутилы-мученики стали преобладающимъ элементомъ въ полковомъ обществѣ.

Съ вступленіемъ въ командованіе князя Барятинскаго, произошелъ вдругъ переломъ; «гуляніе» приняло иной харак-

теръ, съ болѣе полированнымъ, аристократическимъ оттѣнкомъ, не до такой степени на распашку. Въ полкъ стали прибывать въ большомъ числѣ молодые офицеры изъ высшихъ слоевъ общества, приносившіе болѣе очищенные нравы, больше джентльменства. Кутить, въ сущности, быть можетъ кутили не меньше, да и странно было бы требовать отъ военной молодежи, заброшенной на край свѣта, въ тревожную жизнь, полную безпрестанныхъ опасностей, какого-то воздержнаго, скромнаго монашескаго образа жизни; но формы кутежа измѣнились, чихиряніе потеряло свою грубую оболочку, противную не рѣдко той части офицеровъ, которые не совсѣмъ забыли требованія болѣе развитой жизни. Оставаясь тѣми же беззавѣтными храбрецами въ дѣлѣ, увлекавшими за собою солдатъ, тѣми же ловкими, распорядительными въ лѣсной войнѣ какъ и прежде, офицеры, за весьма рѣдкими исключеніями, пошли по слѣдамъ новыхъ, прибывшихъ въ полкъ людей и, начиная съ платья, измѣнили рѣзко весь бытъ на болѣе, если можно такъ выразиться, полированный.

Богатый, щедрый, сильный своими связями и поддержкой въ наивысшихъ сферахъ, тѣломъ и душой военный человѣкъ, увлекавшійся поэтической стороной кавказской боевой жизни, князь Барятинскій съумѣлъ въ короткое время привить полку особую притягательную силу: все молодое, стремившееся на Кавказъ за отличіями, за славой, жаждавшее сильныхъ ощущеній, просилось и поступало въ Кабардинскій полкъ, извѣстность коего распространилась по всѣмъ военнымъ кружкамъ Россіи. Съ этого времени командованіе Кабардинскимъ полкомъ составляло предметъ честолюбивѣйшихъ мечтаній многихъ молодыхъ людей, поставленныхъ происхожденіемъ, связями, или и личными заслугами на путь къ военной карьерѣ и извѣстности. Самъ князь Барятинскій, быстро возвысившійся изъ полковыхъ командировъ въ начальники дивизіи и лѣваго фланга, въ начальники главнаго штаба арміи, наконецъ въ главнокомандующіе, само собою, не забывалъ полка, съ которымъ въ 1845 г. отличился въ Андіи и получилъ георгіевскій крестъ, которымъ командовалъ въ періодъ жаркихъ дѣлъ съ чеченцами, и отличалъ его, хотя нужно сказать, совершенно

безпристрастно и не въ ущербъ никакому другому полку. Съ 1858 года Государю Императору благоугодно было навсегда связать полкъ съ именемъ князя Барятинскаго и, такимъ образомъ, важность событія 1846 г. т. е. назначенія его полковымъ командиромъ, получила свое окончательное, полное выраженіе.

В. М. Козловскій, въ свою очередь, ставъ бригаднымъ командиромъ и временно начальникомъ отряда въ Чечнѣ, затѣмъ командующимъ войсками всей Кавказской линіи, не забывалъ своихъ Кабардинцевъ, съ которыми совершилъ столько молодецкихъ, кровавыхъ дѣлъ съ 1842 по 1846 годъ и съ которыми провелъ четыре года веселой, походной жизни... Не взирая на рѣзкую перемѣну, послѣдовавшую послѣ него во всемъ строѣ полковой жизни, объ немъ сохранилась добрая память и масса различныхъ анекдотовъ и забавныхъ сценъ.

Воспитанникъ Дворянскаго полка, Козловскій въ 1815 г. выпущенъ былъ прапорщикомъ въ 16-й егерьскій полкъ, бывшій на Кавказѣ. Съ тѣхъ поръ онъ уже не покидалъ края и гордился тѣмъ, что онъ ермоловскій офицеръ. Если вспомнить, что такое были кадеты вообще, а въ дворянскомъ полку, да еще въ 1812 — 15 году въ особенности, то можно себѣ представить что такое былъ В. М. Козловскій, остававшійся въ нѣкоторомъ родѣ кадетомъ всю жизнь, даже въ званіи командующаго войсками и въ чинѣ полнаго генерала. Съ самымъ ограниченнымъ запасомъ образованія, врагъ книгъ, писанія и т. п. не офицерскихъ занятій, неодаренный отъ природы ни особеннымъ умомъ, ни особою сообразительностью, ни даже большою ловкостью втираться въ милость предержащихъ властей и обдѣлывать свои дѣлишки, не рѣчистый, не казистый на видъ, Козловскій былъ только простой добрый малый, хорошій товарищъ, молодецъ выпить и кутнуть, заломивъ шапку на затылокъ — идти впереди цѣпи и бросаться на ура,—это въ меньшихъ чинахъ; въ штабъ-офицерскихъ—все тоже, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ начальственнаго тона, а въ генеральскихъ, ставъ семейнымъ человѣкомъ, съ кутежами крайне сокращенныхъ размѣровъ и даже вовсе безъ нихъ, уже отяжелѣвшимъ, онъ и въ военныхъ дѣйствіяхъ, и въ рас-



поряженіяхъ по линіи оказался обыкновеннымъ служакой, дѣйствовавшимъ «по примѣру прежнихъ лѣтъ», безъ малѣйшей инициативы, хотя съ полнымъ желаніемъ исполнять честно свой долгъ.

— Какъ это вы, Викентій Михайловичъ, въ 1843 году Шамиля подъ Внезапной разбили? спросилъ Козловскаго одинъ изъ начальствующихъ.

«Какъ вышелъ я изъ крѣпости, какъ вижу непріятель-съ; ну, одинъ батальонъ какъ направо, другой на лѣво, третій прямо-съ, ура, какъ въ штыки-съ и кончено, какъ».

И дѣйствительно—вся стратегія и тактика Козловскаго заключались въ этомъ — батальонъ на право, другой на лѣво, ура и больше ничего-съ.

Никакихъ разсужденій, соображеній, справокъ съ картами и проч.; никакой мысли о возможности неудачи, о потеряхъ, объ отвѣтственности: ура, вотъ и весь кодексъ. И выходило хорошо; какъ же было не увѣровать въ себя?

Человѣкъ онъ былъ хорошій, снисходительный къ поступкамъ подчиненныхъ и съ какимъ то особеннымъ запанибратствомъ обращавшійся съ солдатами, потѣшавшій ихъ казарменными прибаутками, поившій водкой, веселившій пѣсенниками и т. п. И любили его солдаты, какъ рѣдко любятъ командировъ. Козловскій былъ оригинальный типъ староармейскаго офицера, типъ нынѣ уже вымершій, да и не соотвѣтствующій измѣнившимся условіямъ военнослужебнымъ и общественнымъ. Всему свое время; сорокъ лѣтъ тому назадъ полкъ имѣлъ въ покойномъ В. М. Козловскомъ хорошаго командира и можетъ сохранить объ немъ добрую память, князь Барятинскій всегда называлъ Козловскаго своимъ учителемъ въ военномъ дѣлѣ, хотя, кромѣ дѣла при штурмѣ андійскихъ высотъ, неизвѣстно гдѣ это учительство могло проявиться.

На 1847 годъ предположенія о предстоявшихъ дѣйствіяхъ ограничивались работами по довершенію начатыхъ укрѣпленій, устройству штабъ-квартиръ—въ Чиръ-юртѣ драгунскаго, въ Ишкартахъ и Дешлагарѣ Дагестанскаго и Самурскаго полковъ, водворенію казачьихъ станицъ по Сунжѣ, исправленію дорогъ, мостовъ, возведенію близь Грозной и Внезапной нѣсколькихъ

башень и т. п. Въ Чечнѣ и въ Самурскомъ округѣ предполагалось имѣть въ видѣ резерва по 7-ми батальоновъ, которые находясь на работахъ были бы однако въ готовности двинуться по первому приказанію къ угрожаемому пункту. «Никакихъ наступательныхъ дѣйствій, хотя служащихъ къ славѣ нашихъ войскъ, но неприносящихъ существенной пользы» — сказано было въ представленіи.

Кабардинскому полку приказано было: 1-му бат. достроивать укр. на Ярыкъ-су (Хасавъ-юртъ), 2-му занимать укр. Куринское, 3-му и 4-му во Внезапной строить башни, а 5-му занимать мелкіе посты.

Однако уже 13-го марта 1847 г. князь Воронцовъ подъ большимъ секретомъ сообщилъ военному министру о своихъ предположеніяхъ на счетъ взятія Салты, Гергебиля, Ириба и проч., сдѣлавъ при томъ нужные предварительныя распоряженія. Приведенныя мотивы и сображенія не могутъ быть сочтены достаточно вѣскими для рѣшимости отступить отъ такого категорическаго заявленія, какое было сдѣлано всего три мѣсяца раньше въ предположеніяхъ о дѣйствіяхъ на 1847 годъ, выше нами приведеннаго. Императоръ Николай, хотя не раздѣлялъ въ этомъ случаѣ мнѣній князя Воронцова, но не хотѣлъ измѣнить принятому принципу «предоставленія полной свободы дѣйствій главнокомандующему», тѣмъ болѣе что уже сдѣланы были на мѣстѣ распоряженія; однако замѣтилъ, что Гергебиль, лежащій въ глубокой котловинѣ, едва ли удобенъ для постройки самостоятельнаго русскаго укрѣпленія.

Проѣзжая въ Дагестанѣ къ предстоявшимъ наступательнымъ дѣйствіямъ, князь Воронцовъ осматривалъ по обыкновенію весь лѣвый флангъ и между прочимъ писалъ кн. Чернышеву, что Хасавъ-юртъ выстроенъ образцово, невзирая на безпрестанное отвлеченіе Кабардинскихъ ротъ для отраженія непріятеля, постоянно тревожившаго Кумыкскую плоскость.

Въ приснопамятныхъ, кровавыхъ дѣлахъ лѣта 1847 года, Кабардинскій полкъ неучаствовалъ; осады и штурмы Гергебиля и Салты, составляющіе замѣчательные страницы въ лѣтописи кавказской войны, какъ по блестящимъ подвигамъ нашихъ войскъ, такъ и по отчаянной, изумительной защитѣ гор-

цевъ, несвязаны, къ сожалѣнію, съ именемъ нашего полка и поэтому я не могу здѣсь ихъ описывать; ограничиваюсь нѣсколькими словами.

Прежде всего нужно сказать, что большой секретъ, въ которомъ держались предположенія наши, такъ хорошо былъ соблюденъ, что когда князь Бебутовъ сдѣлалъ предварительную рекогносцировку къ Гергебилю, то онъ оказался сильно укрѣпленнымъ; кругомъ стѣна, траверзы, блиндажи; всѣ семейства и имущество были увезены, гарнизонъ, снабженный запасами, въ полной готовности, а наибамъ дано Шамилемъ приказаніе держать людей въ сборѣ, чтобы по первому сигналу явиться для «отрѣзанія русскимъ войскамъ всѣхъ путей сообщенія». Князь Бебутовъ вынужденъ былъ, не спускаясь чрезъ Аймяки, гдѣ сообщенія дѣйствительно могли быть отрѣзаны, двинуться кругомъ чрезъ Ходжалъ-Махи.

Вообще неоднократно было замѣчено, что всѣ наши предположенія и важнѣйшія распоряженія заблаговременно дѣлались извѣстными непріятелю. Еще 7-го сентября 1844 г., по повелѣнію Николая Павловича, было писано генералу Нейдгарту принять строжайшія противъ этого мѣры, а между тѣмъ донести какимъ образомъ можетъ Шамиль узнавать самыя секретнѣйшія предположенія. Объясненіе ген. Нейдгарта не выдерживало критики, ибо онъ приписывалъ все проницательности непріятеля, дѣлающаго заключеніе по движенію нашихъ войскъ и производимымъ интендантскимъ заготовленіямъ, тогда какъ всякія предположенія бывали открытымъ секретомъ для тифлисскихъ собирателей новостей, въ томъ числѣ для разныхъ «состоящихъ» при томъ или другомъ лицѣ, или штабѣ, туземцевъ изъ мусульманъ. Не было той тайны, ни въ высшемъ, ни въ гражданскомъ вѣдомствѣ, которую бы любознательные, ловкіе собиратели «хабаровъ» (новостей) не узнавали ранѣе даже многихъ высшихъ должностныхъ лицъ. За тѣмъ во Владикавказѣ, Темиръ-Ханъ-Шурѣ или Грозной, при генералахъ и военныхъ канцеляріяхъ, постоянно, вертѣлись разные осетины, чеченцы или аварцы, изъ такъ называемыхъ преданныхъ русскому правительству, болтавшихъ изрядно по русски, покуначившихся и съ писарями, и съ штабными млад-

шими офицерами; при этихъ то господахъ, за стаканомъ чаю или закуской, неособенно стѣснялись болтать о томъ, о чемъ слѣдовало молчать. Мнѣ самому не разъ случалось отъ армянъ и маркитантовъ узнавать о предстоящемъ походѣ или перемѣнѣ расположенія батальоновъ, за долго до полученія объ этомъ приказаній.

Итакъ, одно изъ главныхъ условій успѣха—неожиданность появленія войскъ къ Гергебилю—уже было потеряно. Въ довершеніе бѣды, въ отрядѣ открылась холера. Невзирая на это, князь Воронцовъ уже не захотѣлъ отмѣнить начатой экспедиціи и двинулся къ Гергебилю. Устроили батареи, пробили брешь, крайнія сакли были разрушены, защитники рѣдко показывались и ихъ казалось не много. 4-го іюня пошли наши на штурмъ, но были отбиты съ большимъ урономъ; попытались вторично—таже неудача... Между тѣмъ холера усилилась, снарядовъ оказалось мало, вынуждены были снять осаду и уйти на Турчидагъ, гдѣ возвышенное мѣсто, здоровый воздухъ, обиліе пастбищъ и проч. удобства могли благотворно вліять на здоровье отряда.

Потеря состояла изъ 4-хъ штабъ, 32-хъ оберъ-офицеровъ и 582 человѣкъ нижнихъ чиновъ.

На оправдательное письмо князя Воронцова, государь 1-го іюля писалъ ему: «Получилъ съ прискорбіемъ; оно было бы еще больше, если бы я не зналъ, что вы дорожите кровью храбрыхъ войскъ и безъ крайней нужды не рѣшились бы ими жертвовать. Неудача сія служитъ однако новымъ опытомъ, что не-всегда достаточно одной отважной храбрости, чтобы одолѣть препятствіе свыше человѣческихъ силъ противъ непріятеля, не менѣе храбраго и особенно искуснаго въ оборонѣ. Вы сами это лучше знаете и мнѣ этого достаточно, чтобы остаться въ надеждѣ, что подобныя предпріятія безъ надобности неповторятся».

Однако это не повліяло на рѣшимость князя Воронцова загладить гергебильскую неудачу, возстановить авторитетъ нашей силы и не дать восторжествовать вліянію Шамиля... Отдохнувъ, притянувъ нѣкоторыя подкрѣпленія, пополнивъ снаряды

и запасы, отрядъ двинулся къ другому непріятельскому укрѣпленному аулу—Салта и осадилъ его.

Пятьдесятъ два дня длилась осада. Повторились ахульгинскія происшествія. Два штурма были отбиты; велись мины нами и контрмины горцами... Невыносимая жара, недостатокъ воды и хлѣба, гніеніе труповъ и раненыхъ безъ перевязокъ, всѣ ужасы, возможные въ осажденныхъ мѣстахъ, произошли въ Салтѣ, но горцы не сдавались, защищались отчаянно, умирали героями и когда ихъ оставалось уже меньше половины, окончательно изнуренныхъ, они ночью ушли по оставленной имъ нарочно дорожкѣ, и мы заняли окровавленныя развалины аула, стоившіе намъ болѣе 100 офицеровъ и 2000 нижнихъ чиновъ... Подробное описаніе осады и взятіе Салты можетъ составить отдѣльный, весьма интересный историческій очеркъ одного изъ эпизодовъ кавказской войны; но мнѣ не приходится этого дѣлать потому что, какъ уже сказано, Кабардинскій полкъ здѣсь не былъ, а мои отступленія отъ прямой задачи и безъ того уже могутъ заслуживать справедливые упреки.

Послѣ взятія Салты, въ Ходжалъ-Махи и Цудахарѣ были построены укрѣпленія, связывавшія Сѣверный Дагестанъ и главный пунктъ—укрѣпленіе Темиръ-Ханъ-Шуру съ Казикумыхомъ и Южнымъ Дагестаномъ, прикрывая въ тылу ихъ лежащіе аулы Акуши и большую дорогу къ Дербенту отъ внезапныхъ набѣговъ большихъ непріятельскихъ партій. Но этого можно было достигнуть и безъ кровопролитныхъ попытокъ въ Гергебилѣ и Салты: непріятель, хотя и имѣя вблизи свои укрѣпленные аулы, не могъ воспрепятствовать нашимъ работамъ по возведенію этихъ укрѣпленій, а попытки его къ этому были бы лишь пустыми тревогами и стычками, стоившими развѣ нѣсколько десятковъ человѣкъ, а не тысячь. Вредъ же ему причиненный, въ сущности, былъ ничтоженъ: такихъ каменныхъ сакль, заблаговременно оставленныхъ семействами жителей, горцы не особенно жалѣли, фанатизмъ и ненависть къ русскимъ такъ ихъ ослѣпляла, что они легко переносили тогда матеріальныя потери и нужду, переселялись въ другіе аулы, ограничивали до minimum свои и безъ того крайне огра-

ниченныя потребности и если что для нихъ было чувствительной потерей, то это павшіе въ сраженіяхъ люди, хотя и тутъ утѣшались тѣмъ, что Магометовъ рай со всѣми его прелестями служилъ покойникамъ вознагражденіемъ.

Князь Воронцовъ, само собою, придавалъ взятію Салты чрезвычайное значеніе; по словамъ его донесенія, Шамиль и всѣ главные его помощники впали въ большое уныніе; вѣсть объ этомъ событіи совершенно успокоила весь край, благопріятное вліяніе распространилось не только на Чечню, но даже на правый флангъ, т. е. за Кубань, и на береговую Черноморскую линію.

Къ сожалѣнію, все это были иллюзіи, самообманъ: не прошло 20 дней и князю пришлось доносить, что Абадзехи усилили свои враждебныя дѣйствія и послали къ Шамилю депутацію просить назначенія къ нимъ опытнаго руководителя въ дѣлѣ утвержденія шаріата и предводительствованія въ предпріятіяхъ противъ русскихъ! Еще чрезъ два мѣсяца князь доносилъ, между прочимъ, что Шамиль приказалъ всѣмъ своимъ наибамъ усилить нападенія на наши предѣлы и возмущать покорные аулы. Въ половинѣ ноября непріятель значительными силами ворвался въ Казикумыхское ханство, занялъ многіе аулы и даже Цудахаръ, въ виду возводимаго нашего форта. Пришлось потревожить войска, неуспѣвшіе отдохнуть послѣ осады; 10 батальоновъ атаковали 22 ноября непріятеля, прогнавъ его обратно въ горы съ потерей, и за тѣмъ нѣсколько батальоновъ съ орудіями были оставлены на зиму въ аулахъ. наиболѣе открытыхъ вторженіямъ или командующихъ путями сообщеній. Эта мѣра, введенная впервые княземъ Аргутинскимъ, вступившимъ тогда въ командованіе всѣмъ Прикаспійскимъ краемъ, была одною изъ самыхъ существенно-полезныхъ, имѣвшая гораздо лучшіе результаты чѣмъ постройка мелкихъ укрѣпленій, гарнизоны коихъ были едва достаточны для собственной защиты, но не для загражденія пути непріятельскимъ большимъ партіямъ.

Проѣзжая послѣ взятія Салты чрезъ Кумыкскую плоскость, князь Воронцовъ писалъ также военному министру, что осмотрѣлъ вездѣ войска и работы, что во Внезапной и другихъ

пунктахъ Кумыкской плоскости осмотрѣлъ штабъ-квартиру и большую часть Кабардинскаго егерьскаго полка, «который нетолько не пересталъ быть тѣмъ чѣмъ онъ всегда былъ, но чрезъ пламенное усердіе къ службѣ князя Барятинскаго выигралъ еще много въ отношеніи внутренняго порядка и образованія».

Между тѣмъ, собственно на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи, все дѣлалось согласно предположеніямъ и успѣхи были очевидные. Съ самаго начала 1847 г. генералъ Фрейтагъ продолжалъ въ Чечнѣ рубку просѣкъ, совершенно истребилъ Алдинскіе хутора и въ Малой Чечнѣ много поселковъ, образовавшихся среди лѣсной чащи. Населеніе было до крайности обезпокоено и стѣснено: чеченцы опять послали къ Шамилю депутацію чтобы объяснить ему свое бѣдственное положеніе; но онъ вмѣсто помощи отправилъ къ нимъ слѣдующій письменный приказъ: «Желаю вамъ вѣчный миръ съ Богомъ всемогущимъ. Послѣ этого душевнаго привѣтствія, строго повелѣваю не имѣть нетолько намѣренія, но и помышленія покоряться русскимъ, до тѣхъ поръ пока будетъ существовать небесная твердь. Мы взяли на себя обязанность съ мечемъ въ рукахъ подвизаться противъ невѣрныхъ и должны это свято исполнять до конца нашей жизни. Я самъ скоро прибуду къ вамъ съ войскомъ и пушками. Я требую отъ наибовъ и народа точнаго исполненія моихъ приказаній и каждый пусть помнитъ, что за нарушеніе моей воли никакое раскаяніе не спасетъ виновнаго».

Время шло, Шамиль съ войскомъ не являлся, а просѣки все болѣе и болѣе облегчали русскимъ доступъ въ глубь Чечни и сгоняли жителей съ лучшихъ мѣстъ въ безплодныя трущобы. Опять послали имаму слезныя жалобы на свое положеніе. «Терпите и непокоряйтесь, отвѣчалъ онъ имъ, если небудете вознаграждены въ сей жизни, то въ будущей. Теперь русскіе васъ стали ласкать, желая вашей покорности, но вспомните что было прежде, когда у васъ стали отбирать оружіе. Еслибы не вразумилъ васъ Богъ въ 1840 году, вы бы уже были солдатами и ходили вмѣсто кинжаловъ съ штыками, а жены ваши были бы поруганы. Можете судить по прошедшему о бу-

дущемъ. Лучше умереть во враждѣ съ русскими, чѣмъ жить съ невѣрными. Я скоро съ кораномъ и шашкою въ рукахъ поведу васъ противъ русскихъ».

И эти хвастливые писанія дѣйствовали на легковѣрное, на фанатизованное населеніе; розсказнямъ о солдатчинѣ, кормленіи свининой, уничтоженіи мечетей, лишеніи женщинъ правъ носить шаровары, которыхъ русскія бабы не носятъ, вѣрили вполнѣ, ибо онѣ распространялись и муллами, и разными туземцами, носившими русскіе чины и ордена, постоянно вертѣвшимися среди русскаго начальства, слѣдовательно все хорошо знающими... Воспоминанія же о временахъ пулловскихъ экзекуцій въ концѣ 1839 г. и вообще въ разныхъ мѣстахъ края происходившія административныя ошибки, несвоевременныя неполитичныя мѣры, или злоупотребленія и безобразія единичныхъ личностей, какъ бы служили къ подтвержденію внушаемыхъ опасеній и поддерживали вражду населенія къ русскимъ.

Дѣйствій отряда генерала Фрейтага въ Чечнѣ за этотъ періодъ я неописываю, потому что нашъ полкъ тамъ неучаствовалъ, а весь находился на Кумыкской плоскости въ спеціальныхъ своихъ занятіяхъ: возведеніи разныхъ построекъ, въ работахъ и охраненіи отъ набѣговъ мирныхъ ауловъ и сообщеній съ Терекомъ.

Происшествія, по обыкновенію, происходили безпрестанно; особенно вокругъ укрѣпленія Куринскаго, гдѣ сосѣдній наибъ Бата, (бывшій нашъ милиціонный офицеръ бѣжавшій къ Шамилю) желая выслужиться предъ своимъ новымъ владыкой, тревожилъ насъ каждый день мелкими партіями.

8-го генваря довольно значительная партія хотѣла пробраться за Терекъ, но встрѣченная казаками и выстрѣлами изъ орудій бросилась назадъ и наткнулась на ѣхавшаго бригаднаго адъютанта подпоручика Геймана, (Вас. Алекс. впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ, извѣстный взятіемъ Ардагана и Дево-бойну въ 1877 г.) у котораго было въ конвоѣ 15 казаковъ. Гейманъ спѣшился, отстрѣливался болѣе часа, пока не показались еще казаки, скакавшіе по тревогѣ, и непріятель, превосходившій Геймана въ пять разъ, поспѣшилъ бѣ-

жать. Нѣсколько казачьихъ лошадей были убиты, имѣя по 5-ти пуль въ тѣлѣ.

15-го мая между Амиръ-Аджюртомъ и Щедринскою станицею захватили въ плѣнъ нашего полка прапорщика Мясоѣдова, поѣхавшаго безъ разрѣшенія и безъ конвоя за Терекъ.

27-го мая партія въ нѣсколько сотъ человѣкъ угнала близъ Ташъ-кичу 2000 штукъ скота. По тревогѣ сбѣжались съ разныхъ сторонъ Донскіе казаки и команды Кабардинцевъ. Партія понесла огромный уронъ, потеряла значекъ своего наиба, нѣсколькихъ убитыхъ, имѣвшихъ серебряные знаки за отличіе, оставшихся въ нашихъ рукахъ, весь скотъ отбитъ назадъ и чеченцы избѣгли совершеннаго истребленія, только благодаря наступившей темнотѣ. У насъ убито 3 и ранено 15 человѣкъ. Донцы вели себя молодцами въ этомъ дѣлѣ, но главный ударъ непріятелю нанесъ нашего полка подпоручикъ Квятковскій, бросившись съ командой человѣкъ въ 60 въ толпу, съ крикомъ ура! въ штыки.

22-го іюня изъ Хасавъ-юрта во Внезапную была отправлена такъ называемая оказія. Подъѣзжая къ Воровской балкѣ, дивизіонный докторъ Червинскій и прапорщикъ Криворучковъ выѣхали впередъ прикрытія. Начальникъ колонны подпоручикъ Наттеръ послалъ казака съ требованіемъ чтобы они возвратились, но не успѣлъ посланный еще доѣхать, какъ скрывавшіеся въ кустахъ 10 человѣкъ ауховцевъ выскочили, схватили доктора въ плѣнъ, а Криворучкова, отчаянно защищавшагося шашкой, изрубили и скрылись безнаказанно въ лѣсъ. Червинскій на пятый день ухитрился бѣжать и благополучно прибылъ во Внезапную.

26 августа въ той же балкѣ значительная партія внезапно напала на роту, слѣдовавшую въ Хасавъ-юртъ; но рота двигалась въ порядкѣ и потому горцы встрѣченные залпомъ показали тылъ, не причинивъ намъ вреда. Роту велъ подпоручикъ Яновичъ.

23 ч. рядовые Бирюковичъ и Леонтьевъ охотились близъ Внезапной; вдругъ выскочили нѣсколько хищниковъ, перваго убили, а второй получивъ три шашечныя раны успѣлъ бѣжать въ крѣпость.

Однимъ словомъ, безъ происшествій подобнаго рода необходился ни одинъ день.

14 сентября князь Барятинскій съ 10-ю ротами, казаками и артиллеріею предпринялъ скрытное движеніе для разоренія непріятельскаго аула Зандакъ. Открытый заранѣе непріятелемъ, отрядъ нашъ долженъ былъ отступить безъ успѣха. Въ арріергардѣ произошло довольно жаркое дѣло, но непріятеля не допустили на узкую дорогу, по которой тянулась колонна съ артиллеріею. Мы потеряли раненными поручика Богданова, прапорщика Гамкрелидзе и 16 рядовыхъ, два солдата убиты.

17 октября подполковникъ баронъ Майдель съ 2-мя батальонами вышелъ изъ укр. Куринскаго на Качкалыковскій хребетъ для рубки лѣса. При отступленіи Чеченцы насѣли на арріергардную 4-ю (нынѣ 6-я) роту, которая молодецки отбила атаку, потерявъ раненными подпоручика Марковскаго и 19 рядовыхъ, одинъ солдатъ убитъ.

Того же числа, князь Барятинскій, узнавъ что въ Андреевской деревнѣ скрываются нѣсколько человѣкъ хищниковъ, пришедшихъ въ гости къ своимъ кунакамъ, приказалъ на ночь разставить вокругъ аула секреты. Предъ разсвѣтомъ четыре горца наткнулись на одинъ залогъ; ихъ встрѣтили залпомъ, двое убито, одного раненнаго взяли въ плѣнъ, четвертый бѣжалъ.

20 октября 400 чеченцовъ, расположившись у аула Наимъ-Берды, послали сто человѣкъ къ Тереку за добычей, оставаясь сами въ резервѣ для прикрытія отступленія. Объ этомъ узнали въ Куринскомъ и немедленно двинули три роты егерей съ донцами Бакланова къ Наимъ-Берды. Внезапное появленіе и стремительная атака произвели среди непріятеля переполохъ и онъ, понеся не малую потерю, бѣжалъ. Баклановъ здѣсь отличился, изрубивъ собственноручно знаменьщика и отнявъ у него значекъ, при чемъ былъ раненъ въ лѣвую руку.

Къ 13 ноября въ кр. Воздвиженской собрался отрядъ генерала Фрейтага для зимнихъ дѣйствій. Въ числѣ 9-ти батальоновъ былъ 2-й Кабардинскій подполковника Майделя, въ

сильномъ составѣ 825 штыковъ, а князь Барятинскій тоже прибылъ съ нимъ, по желанію г. Фрейтага, для командованія отдѣльными колоннами,

Первые дни прошли въ возобновленіи просѣки въ Гойтинскомъ лѣсу. Въ теченіе двухъ лѣтъ заросло уже все что было вырублено зимою 1845 г., новыя деревья и поросли поднялись до двухъ сажень, благодаря напускной водѣ и изумительной растительности вообще въ этомъ краѣ.

19 ноября кн. Барятинскій ходилъ съ 4 батальонами внизъ по р. Мартану для истребленія Джарганъ-юртовскихъ хуторовъ. Одинъ аулъ, упорно защищаемый, пришлось штурмовать. Для этого двинуты сводный бат. изъ 2-хъ ротъ Кабардинцевъ, одной Тенгинцовъ и одной Грузинскаго гренадерскаго полка. Аулъ конечно взятъ и разоренъ. Потеря наша ограничилась 1 убитымъ, 25 ранеными и десяткомъ контуженныхъ.

20 числа въ этихъ же мѣстахъ непріятель собравшійся въ большемъ числѣ дрался настойчивѣе и колонна потеряла 1 офицера и 10 нижн. чиновъ убитыми, 46 человѣкъ ранеными.

24 и 26 чиселъ въ колоннахъ отдѣльно дѣйствовавшихъ былъ нашъ 2-й бат., о которомъ ген. Фрейтагъ отозвался въ военномъ журналѣ съ особой похвалой за молодецкое занятіе лѣса, въ которомъ засѣли пѣшіе чеченцы, и образцовое отступленіе 24 числа.

Чтобы затруднить намъ дѣйствія, чеченцы сожгли большую часть сѣна и что можно было увезли въ неприступныя трущобы; въ провіантѣ тоже оказывался недостатокъ и потому отрядъ былъ на нѣсколько дней распущенъ въ Грозную и Воздвиженскую.

3 декабря войска, пополнивъ свой запасъ, опять выступили къ Гелень-Гойтѣ. Въ Авангардѣ былъ нашъ бат. съ 6 орудіями и занялъ почти безъ сопротивленія хутора, раскинутые на разстояніи 2-хъ верстъ. Все было вывезено и сѣна найдено самое незначительное количество. При отступленіи, въ лѣвой цѣпи были Куринцы, на которыхъ наибъ Малой Чечни Саабадулла производилъ отчаянные натиски; пришлось подкрѣпить ихъ и князь Барятинскій послалъ туда одну роту Тенгинцевъ и одну нашу. Послѣ жаркаго дѣла наконецъ ото-

гнали непріятеля и отступили изъ лѣса, потерявъ убитыми 7, ранеными офицеровъ 5 (два наши прапорщика Рындинъ и Концевичь) и нижнихъ чиновъ до 60, въ томъ числѣ 15 Кабардинцевъ.

6 Декабря генералъ Фрейтагъ рѣшилъ разорить аулъ самаго наиба Саабдуллы, хвалившагося что не отдастъ своего жилища и будетъ защищать его до послѣдней капли крови. Одна колонна была послана опять внизъ по Мартану для отвлеченія силъ непріятеля, а другая подъ начальствомъ князя Барятинскаго двинулась въ трущобу гдѣ былъ хуторъ наиба. 2-й бат. нашъ почти бѣгомъ прошелъ чащу лѣса, ворвался въ аулъ безъ выстрѣла. Семейства и имущества не оказалось, но большіе запасы хлѣба, сѣна, а въ саклѣ Сабдуллы два мѣшка пороху, артиллерійскіе снаряды и значекъ. Мгновенно все было сожжено и разорено; необходимо было, не теряя лишняго времени, отступать, потому что изъ окруженнаго почти непроницаемой лѣсной чащей аула тянулась только одна узкая извилистая дорожка, по бокамъ коей были навалены вѣковые чинары, а непріятель, уже сбѣгавшійся сюда толпами, безъ сомнѣнія, будетъ отчаянно драться.

Истребивъ все, князь Барятинскій приказалъ начать отступленіе. Всѣ мѣры для сохраненія строжайшаго порядка были приняты. Баронъ Майдель и 2-й бат. нашъ показали до какого совершенства полкъ довелъ искусство отступленія въ лѣсу. Саабдулла отчаянно бросался то съ одной, то съ другой стороны, но егеря мигомъ поворачивали на лѣво кругомъ и съ громкимъ ура, бросались въ штыки. При одномъ такомъ поворотѣ, быстрота удара была такъ сильна что 6 проколотыхъ чеченцевъ остались въ нашихъ рукахъ, случай чрезвычайно рѣдкій съ непріятелемъ, считавшимъ величайшимъ стыдомъ и несчастіемъ оставить въ рукахъ гяуровъ тѣла своихъ убитыхъ.

Между тѣмъ непріятель осыпалъ изъ за деревьевъ пулями. Гики чеченцевъ, ура, выстрѣлы, изрѣдка зыкъ картечи разсыпаемой по древеснымъ стволамъ, отдѣльные звуки то рожковъ, то какихъ то рѣзкихъ выкрикиванiй чеченскихъ, все сливалось въ тотъ особенный, раздражающій нервы до забвенія, хаоти-

ческій шумъ, который хорошо былъ знакомъ всѣмъ намъ, участникамъ походовъ пятидесятыхъ годовъ въ Чечнѣ.

Благодаря тому, что, по выраженію генерала Фрейтага «всѣ офицеры и нижніе чины 2-го батальона одинаково содѣйствовали отступленію чрезъ трущобу, произведенному какъ на маневрахъ», потеря всего движенія ограничилась 39 человѣками, изъ коихъ 31 Кабардинцевъ.

14 декабря князь Барятинскій былъ посланъ съ колонной изъ 5-ти батальоновъ для истребленія еще одного чрезвычайно трудно доступнаго аула Богочарой, въ которомъ скрылись многіе бѣжавшіе изъ разоренныхъ уже хуторовъ.

Невзирая на тишину и скрытность выступленія въ 4 часа утра, непріятель уже въ 4-хъ верстахъ отъ аула открылъ наше движеніе, поднялъ тревогу, семейства и скотъ успѣли скрыться въ лѣса. Однако въ аулѣ найдены большіе запасы и даже много свѣже-испеченнаго хлѣба. Въ теченіе часа все сожжено, разорено, часть фуража взята и начато отступленіе. По обыкновенію, въ арріергардѣ былъ нашъ 2-й батальонъ. И въ этотъ разъ съ версту нужно было идти по узенькой тропинкѣ чрезъ густой, заваленный срубами лѣсъ, гдѣ едва можно было протащить одно орудіе. Чеченцы съ озлобленіемъ и отчаянно бросались на арріергардъ и цѣпи, но и наши егеря отстаивали себя съ всегдашнимъ мужествомъ и искусствомъ. Не взирая на 20° морозъ, происходило весьма жаркое дѣло до самаго выхода колонны на открытую поляну, когда заранѣе выставленная батарея изъ 6-ти легкихъ орудій свиснула картечью по опушкѣ и заставила чеченцевъ отстать. Обѣ стороны понесли значительныя потери. У насъ убито 7 человѣкъ (4 Кабардинца), ранено 5 офицеровъ, въ томъ числѣ два наши прапорщики: Рындинъ и Концевичь вторично (раны 3 декабря были у нихъ легкія и они, послѣ нѣсколькихъ дней перевязокъ, возвратились во фронтъ) и 88 нижнихъ чиновъ.

До 23 декабря продолжалась рубка просѣкъ, а въ этотъ день, узнавъ о движеніи значительной партіи къ низовьямъ Сунжи, ген. Фрейтагъ послалъ всю кавалерію прямой дорогой къ Умаханъ-юрту, а 2-й бат. нашъ форсированнымъ маршемъ чрезъ Грозную туда же; но непріятель уже успѣлъ отступить.

Отрядъ требовалъ отдыха, послѣ трехъ недѣль работъ, движеній и боя, при такихъ жестокихъ морозахъ, и генералъ Фрейтагъ распустилъ войска.

Въ то время какъ въ Чечнѣ происходили вышеописанныя дѣла отряда, командовавшій войсками на Кумыкской плоскости генералъ-маіоръ Витовскій тоже не оставлялъ въ покоѣ ближайшаго враждебнаго населенія.

Съ 27 на 28 ноября съ 6-ю ротами Кабардинцевъ и нѣсколькими сотнями Донцевъ, г. Витовскій внезапно перешелъ за Качкалыковскій хребетъ, разорилъ аулъ Наимъ-Берды, имѣлъ только при отступленіи незначительную перестрѣлку, въ коей мы потеряли 4-хъ егерей, да сильно контуженъ капитанъ Длотовскій.

29 ноября такимъ же образомъ былъ разоренъ аулъ Аллерой; при отступленіи потеря — 6 егерей. 3 чис. истребили аулъ Шавдонъ-Шари.

Всѣми этими движеніями мичиковцы были удержаны отъ содѣйствія той части Чечни, которая служила театромъ дѣйствій отряда и оставались въ страхѣ за свои жилища, не имѣя возможности предпринимать набѣги къ Тереку.

1847 годъ, невзирая на напрасныя жертвы, принесенныя въ Дагестанѣ, на неудачный штурмъ Гергебиля и изумительно геройскую защиту горцами Салты, что возвысило въ глазахъ большинства кавказскаго населенія мнѣніе о военной силѣ Шамиля, слѣдуетъ однако считать продолженіемъ наступившаго періода нашихъ успѣховъ. Постройка въ Дагестанѣ Ходжалъ-Махи и Цудахара имѣла важное мѣстное значеніе, а крайность, до которой доходило населеніе Чечни, вытѣсняемое все болѣе и болѣе изъ удобныхъ мѣстъ въ горныя трущобы, упроченіе наше по Сунжѣ поселеніемъ казачьихъ станицъ и безсиліе Шамиля сдѣлать что-либо для облегченія бѣдствій чеченцевъ, настойчиво роптавшихъ, ясно показывали, что важнѣйшая задача наша—покончить съ сопротивленіемъ чеченцевъ вступила въ фазисъ дѣйствительнаго рѣшенія и требовала только настойчивости въ продолженіи дѣйствій по начатой системѣ. Какъ бы Шамиль не держался въ Дагестанѣ, какъ бы прочна не была его власть тамъ, но разъ онъ ли-

шится Чечни—звѣзда его должна будетъ померкнуть... Это понимали лучше всего сами горцы *).

---

*) За 1846 и 47 гг. въ полкъ даны слѣдующ. награды: подполк. Яковлевъ Анну 2-й степ. съ короной, безъ короны бар. Майдель, 3-й ст. шт.-капит. Рудановскій, 4-й ст. за храбрость Киселевъ, поруч. Ильченко, Берсенадзе, прапорщ. Трусовъ, Канавинъ, Благовольскій, Влад. 4-й ст. капит. Краузъ, шт.-капит. Цытовскій, поруч. Горяиновъ, Ежовъ; слѣд. чины капит. Кириленко, подполк. Левицкій и Майдель, шт.-капит. Козинцовъ, поруч. Запъ, Рагожинъ, Ильченко, подпор. кн. Святополкъ-Мирскій; прапорщ. Бѣликъ, Гамкрелидзе, Богдановичъ, князь Святополкъ-Мирскій, ун.-офиц. Соболевъ и разжалованный гр. Кошкуль въ офицеры; Влад. 4 и 3-й ст. князь Барятинскій, 4-й ст. шт.-кап. Козинцовъ и Романовскій, Анны 2-й ст. кап. Краузъ, 3-й ст. поруч. Гейманъ, Марковскій, Навроцкій, Куриловъ; нижн. чинамъ 10 георгіевск. крестовъ, нѣсколькими банты на кресты и прощены штрафы.

III.

Предположенія на 1848 годъ. — Зимнія дѣйствія въ М. Чечнѣ. — Осада и взятіе Гергебиля. — Разсказъ Соковнина о плѣнѣ. — Дѣла полковника Веревкина. — Переходъ полка въ Хасавъ-юртъ. — Успѣшные результаты 1848 года.

Предположенія о дѣйствіяхъ и занятіяхъ войскъ Кавказской арміи на 1848 годъ были довольно обширны. На лѣвомъ флангѣ должно было возвести башню въ Гойтѣ, укрѣпленіе въ Урусъ-Мартанѣ, довершить просѣки для свободнаго прохода колоннъ къ Атагинской и Чахкиринской полянамъ, по такъ называемой «Русской дорогѣ», отнявъ такимъ образомъ у чеченцевъ эту значительную плодородную равнину; на р. Карасу построить укрѣпленный постъ для кавалерійскаго резерва, необходимаго при отраженіи вторгающихся на Кумыкскую плоскость большихъ непріятельскихъ партій; довершить устройство Куринскаго укрѣпленія, работы въ коемъ имѣли видъ какой-то нескончаемости; близь Грозной и Внезапной возвести нѣсколько башень; докончить Хасавъ-Юртовское укрѣпленіе и—что было весьма важно—въ ст. Николаевской на Терекѣ и въ Грозной на Сунжѣ построить мосты. Въ Дагестанѣ — взять Гергебиль и поставить тутъ наше укрѣпленіе, доканчивать устройство штабъ-квартиръ Дешлагаръ, Ишкарты и Чиръюрта, а отъ перваго разработать дорогу въ Казикумыкъ. О другихъ предпріятіяхъ на правомъ флангѣ, въ центрѣ, въ Владикавказѣ, на Лезгинской линіи и за Кавказомъ я не упоминаю, какъ не связанныхъ съ событіями, въ которыхъ принималъ участіе Кабардинскій полкъ.

Характеристическою страстью того времени было — возведеніе башень, съ цѣлью преградить доступъ непріятелю. Кро-

мѣ приведенныхъ выше въ Грозной и Внезапной, нѣсколько башенъ должно было строиться и во Владикавказѣ, и въ центрѣ, а на одной Лезгинской линіи *десять* башенъ на южномъ склонѣ хребта, не только для обезпеченія отъ вторженій шаекъ, но и для уменьшенія яко бы вліянія бѣжавшаго элисуйскаго султана Даніель-бека. Всѣ эти башни стоили не мало денегъ, поглощали малыми командами много войска и оказывались положительно безполезными: непріятель ихъ обходилъ, а если былъ въ значительныхъ силахъ, то не стѣснялся проходить открыто; сигнальные выстрѣлы (кстати нужно упомянуть о весьма частыхъ разрывахъ чугунныхъ пушекъ, что каждый разъ стоило нѣсколькихъ изувѣченныхъ артиллеристовъ) сплошь и рядомъ оказывались или фальшивой тревогой, или запоздалыми и вообще никакого вліянія на уменьшеніе хищническихъ набѣговъ и тѣмъ болѣе на вліяніе Даніель-бека, именно на Лезгинской линіи, всѣ эти башни не имѣли, въ чемъ я собственнымъ опытомъ убѣдился во время службы тамъ въ 1848—49 году.

Хотя, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, императоръ Николай весьма справедливо замѣчалъ на счетъ трудностей овладѣнія непріятельскими укрѣпленіями и сомнительной пользѣ постройки въ Гергебильской котловинѣ нашего форта, однако, разъ довѣривъ все князю Воронцову, твердо уже держался этого рѣшенія и потому всѣ предположенія утвердилъ безъ измѣненій, съ изъявленіемъ на все полнаго согласія.

Годъ начался дѣйствіями въ Малой Чечнѣ, гдѣ продолжалась рубка просѣкъ параллельно хребту Черныхъ горъ. Въ составъ отряда, 8-го января, выступилъ нашъ 1-й батальонъ въ Воздвиженскую, а 10-го числа къ Урусъ-Мартану. Морозъ держался не ниже 15° и пребываніе въ такую стужу въ лагерѣ, въ палаткахъ, выступленіе въ 4 часа утра на рубку лѣса и возвращеніе лишь вечеромъ—было тяжелымъ служебнымъ трудомъ, требовавшимъ большой энергіи и напряженія силъ. Обиліе лѣса давало, конечно, возможность разводить большіе костры и поддерживать огонь почти всю ночь, но это отзывалось на здоровьи людей чуть ли не вреднѣе, чѣмъ самый холодъ. По солдатскому выраженію это было — «спереди

Петровки, а сзади Рождественскій постъ»;—насморки, хроническіе катарры, ломоты были послѣдствіями такихъ походовъ, длившихся по нѣсколько мѣсяцевъ и лѣтъ сряду; рѣдко кто былъ такъ счастливъ, чтобы не вынести неизлечимыхъ недуговъ на остатокъ всей жизни. Но во время самыхъ этихъ походовъ никто объ этомъ не разсуждалъ, между нижними чинами особой болѣзненности не замѣчалось, настроеніе войскъ было, напротивъ, самое веселое и предпочиталось нахожденію гдѣ-нибудь на работахъ или въ гарнизонѣ пустыннаго укрѣпленія, гдѣ одолѣвала тоска и развивалась болѣзненность.

17-го января между Мартаномъ и Рошни вырубали лѣсъ въ крутомъ оврагѣ, прорѣзывавшемъ дорогу. Чеченцы вели жаркую перестрѣлку съ нашимъ 1-мъ батальономъ, составлявшимъ прикрытіе рабочихъ, при этомъ тяжело ранены прапорщикъ Гернгросъ и 7 рядовыхъ.

21-го числа партія чеченцевъ подкравшись въ сумерки къ пикету, бросилась въ надеждѣ застигнуть егерей въ расплохъ, но ошиблась: встрѣченная залпомъ, она, бросивъ двухъ своихъ убитыхъ, скрылась поспѣшно въ лѣсъ. Кабардинцы не плошали.

30-го января отрядъ двинулся къ Казакъ-кичу и Ачхою и соединившись здѣсь съ отрядомъ генерала Нестерова изъ Владикавказа, рубили просѣку между Натхоемъ и Шалажи къ Мартану, истребляя поселившіеся по р. Валерику хутора; 15 февраля достигли Гехи. Вся «Русская дорога», т. е. отъ кр. Воздвиженской до Ачхоя, параллельно Сунжѣ съ одной и хребту Черныхъ горъ съ другой стороны, была такъ очищена отъ лѣсной чащи и близкаго враждебнаго населенія, что войска могли ходить по ней уже малыми частями.

18-го февраля отрядъ былъ распущенъ. Вдругъ наступившая оттепель чрезвычайно затрудняла переправы чрезъ многочисленныя рѣчки и канавы, давая чеченцамъ возможность на каждомъ шагу задерживать войска и открывать огонь. Въ это время 1-й батальонъ потерялъ ранеными подпоручика Навроцкаго и 9 нижнихъ чиновъ, а прапорщикъ Джаджановъ получилъ сильную контузію.

На Кумыкской плоскости, по обыкновенію, все время происходили тревоги, мелкія перестрѣлки и т. п., особенно около

Куринскаго, гдѣ подвижнымъ резервомъ командовалъ баронъ Майдель. До какой степени каждый шагъ за ворота укрѣпленій сопровождался опасностью можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра: 11-го апрѣля фельдфебель 10-й роты съ 4 рядовыми (всѣ при ружьяхъ) проходили изъ Внезапной въ Андрееву, всего какихъ-нибудь двѣ версты, вдругъ раздался залпъ, одинъ изъ рядовыхъ палъ мертвымъ; фельдфебель и остальные бросились къ мѣсту выстрѣловъ, но хищниковъ и слѣдъ исчезъ.

Лѣтомъ, согласно приведеннымъ выше предположеніямъ на 1848 годъ, въ Дагестанѣ собрался отрядъ генералъ лейтенанта князя Аргутинскаго-Долгорукаго для атаки Гергебиля. Въ числѣ 15 батальоновъ назначены были 3-й и 4-й Кабардинскаго полка, которые и выступили въ Темиръ-Ханъ-Шуру съ княземъ Барятинскимъ. 5-го іюня отрядъ двинулся къ аулу Оглы по дорогѣ къ Гергебилю. Шамиль очень хорошо зналъ о цѣли нашего движенія и сосредоточилъ сюда значительную массу горцевъ съ 7-ю орудіями; снарядовъ онъ не жалѣлъ, огонь открывалъ съ дальнихъ разстояній, стрѣляя навѣсно гранатами. Послѣ артиллерійской перестрѣлки, стоившей обѣимъ сторонамъ нѣсколькихъ человѣкъ, передовая позиція была занята нашимъ 4-мъ батальономъ, къ которому на ночь высылались по очереди еще по два батальона; кругомъ Гергебиля были большіе густые сады на террасахъ, чѣмъ непріятель пользовался чтобы тревожить войска внезапными нападеніями по ночамъ. Чрезъ Койсу былъ устроенъ висячій веревочный мостъ; начались обычныя осадныя работы, возведены батареи, открыта канонада и т. д.

23-го іюня приказано было занять глубокій оврагъ, лежащій предъ расположеніемъ нашей позиціи, въ которомъ протекаетъ небольшая рѣчка, разработать чрезъ него удобное сообщеніе и укрѣпиться на противоположной его сторонѣ возведеніемъ полеваго редута. Для этого были отряжены пять батальоновъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Брюммера, помощникомъ коего назначенъ князь Барятинскій. При выступленіи съ позиціи наши 3-й и 4-й батальоны двинуты впередъ для занятія оврага. Оставивъ 3-ю карабинерную и 7-ю егерскую роты при входѣ надъ оврагомъ, князь Барятинскій съ осталь-

ными 6 ротами спустился къ рѣчкѣ; отсюда 8 и 9 егерскія роты были направлены къ подъему, для составленія правой цѣпи, прикрывающей оврагъ отъ Гергебиля, а 4-я карабинерная оставлена у рѣчки въ резервѣ. Затѣмъ 10-я, 11-я и 12-я егерскія роты двинулись на противуположный берегъ лѣвѣе къ сторонѣ Кикуны. Такимъ образомъ изъ пяти ротъ образовался полукругъ, подъ прикрытіемъ котораго инженеры приступили къ разработкѣ дороги чрезъ оврагъ.

Непріятель въ значительныхъ силахъ вышелъ изъ Гергебиля и атаковалъ 8 и 9-ю роты. Послѣ непродолжительной перестрѣлки, наши молодцы съ громкимъ ура! ударили въ штыки, оттѣснили горцевъ, но, увлеченные преслѣдованіемъ, зашли слишкомъ далеко, попали подъ сильный артиллерійскій огонь непріятельскаго укрѣпленія и вынуждены отступить. Въ это время толпа въ тысячу человѣкъ, спустившись съ окрестныхъ высотъ чрезъ Кикунинскій мостъ, отчаянно бросилась прямо въ шашки на 10-ю, 11-ю и 12-ю роты; подкрѣпленные 4-ю карабинерною, прибѣжавшею съ рѣчки, егеря штыками встрѣтили непріятеля, не отступая ни на шагъ. Горцы захвативъ своихъ убитыхъ и раненыхъ, отошли, оправились и вторично ринулись въ атаку съ шашками въ рукахъ, оглашая воздухъ пронзительными гиками; они направили главный ударъ на оконечность лѣваго фланга, но 4-я карабинерная и 12-я егерская роты опять встрѣтили ихъ штыками. Въ эту минуту прибѣжали въ подкрѣпленіе три роты Дагестанскаго полка, бросившіяся въ штыки на открывшаго изъ-за ближайшихъ деревьевъ и камней убійственный огонь непріятеля и окончательно прогнали его въ горы. Къ вечеру утомленные боемъ и движеніями по жарѣ, войска были переведены за оврагъ.

Дѣло это стоило намъ не малыхъ жертвъ. Убитъ командиръ 4-го батальона маіоръ Кириленко и 38 нижнихъ чиновъ, ранены 10 офицеровъ, изъ коихъ 7 Кабардинцевъ: капитанъ Старосельскій, умершій на другой день, поручикъ Берсенадзе, подпоручикъ князь Святополкъ-Мирскій въ грудь на вылетъ (нынѣ членъ государственнаго совѣта), прапорщики Бекрѣевъ, Медвѣдевъ, Степановъ, Длотовскій и 230 нижнихъ чиновъ.

24-го числа войска прошли чрезъ оврагъ уже безъ вы-

стрѣла и соединились съ другою обходною колонною; укрѣпленіе было возведено, дорога проложена и цѣль достигнута,—непріятелю отрѣзано всякое сообщеніе съ осажденнымъ ауломъ.

1-го іюля въ день тезоименитства императрицы Александры Θеодоровны былъ молебенъ и произведенъ 101 выстрѣлъ по непріятельскому аулу, въ которомъ вся верхняя часть отъ этого салюта обвалилась.

6-го іюля всѣ осадныя работы были окончены и открыта усиленная бомбардировка изъ 26 орудій и мортиръ. Съ 3-хъ часовъ утра до 9-ти вечера продолжался этотъ убійственный огонь, произведшій большое разрушеніе; особенно пострадала водяная башня и стѣнка, прикрывавшая проходъ воды въ аулъ.

7-го іюля, ослабѣвшій уже значительно отъ потерь и недостатка продовольствія, непріятельскій гарнизонъ, видя возможность вскорѣ потерять воду, дождался вечера, незамѣтно вышелъ и бросился въ разныя стороны, но вездѣ натыкался на наши секреты, засады изъ охотниковъ, засѣки и редуты. Понеся весьма большую потерю, непріятель разсѣялся, бросивъ три орудія, много снарядовъ, пороху, оружія и проч.

Послѣ этого, въ теченіе цѣлой недѣли, продолжалось разрушеніе аула, посредствомъ фугасовъ, вырубка садовъ—этихъ драгоцѣнныхъ плодовъ вѣковыхъ усилій, разработка дороги назадъ къ аулу Аймяки, гдѣ рѣшено возвести укрѣпленіе, вмѣсто предполагавшагося Гергебильскаго, вывозъ изъ садовъ и ближней рощи громадныхъ деревьевъ, въ томъ числѣ дорогихъ орѣховыхъ, для построекъ въ Аймяки. Все время непріятель изъ-за Койсу не прекращалъ огня, но вреда причинилъ намъ немного.

14-го іюля вся осадная и тяжелая артиллерія, подъ прикрытіемъ нашего 4-го баталіона, отправлена въ Ходжалъ-махи, а 15-го остальныя тяжести отряда начали отвозить назадъ. Отрядъ однако оставался на мѣстѣ и, зная что отступленіе безъ жаркаго преслѣдованія не обойдется, князь Аргутинскій воспользовался присутствіемъ въ отрядѣ команды съ новоизобрѣтенными галваническими аппаратами, приказалъ устроить

нѣсколько минъ. Заложили двѣ мины по 3 пуда, 4 полевыя по 20 фунтовъ и большой каменометный фугасъ.

Въ полдень начато снятіе войскъ съ блокадной позиціи; роты стали незамѣтно спускаться изъ-за оврага, но непріятель замѣтивъ это тотчасъ же насѣлъ на арріергардъ,—тогда были произведены взрывы минъ, остановившіе преслѣдованіе, впрочемъ только своимъ неожиданнымъ трескомъ и гуломъ, вреда жа особаго они непріятелю непричинили. Отступленіе обошлось отряду пожертвованіемъ 1 офицера и 4-хъ нижнихъ чиновъ убитыми, 3 офицеровъ 47 ниж. чиновъ ранеными. Отрядъ ушелъ частью къ Ходжалъ-махи, частью къ Аймяки, гдѣ и приступили къ постройкѣ укрѣпленія.

17-го іюля оба Кабардинскіе батальоны выступили изъ Ходжалъ-махи въ свои квартиры на Кумыкскую плоскость.

На этомъ походѣ случилось у насъ крайне прискорбное происшествіе. 22-го іюля батальоны подошли къ Сулаку, между Темиръ-Ханъ-Шурой и Чиръ-юртомъ, и остановились отдыхать. Жаръ былъ невыносимый и переходъ по безводному пространству чрезвычайно тяжелъ. Три нашихъ офицера—шт.-кап. Занъ, подпоручики Соковнинъ и Кацюцевичъ, недождавшись высылки пикетовъ къ берегу, поѣхали чтобы поскорѣе напоить лошадей и самимъ освѣжиться; но неуспѣли они въѣхать въ воду, какъ изъ ближайшихъ кустовъ выскочили человѣкъ десять горцевъ, приставили имъ кинжалы къ горлу и, подъ впечатлѣніемъ внезапности и естественной паники, съ тремя плѣнниками переправились на другую сторону рѣки, почти въ виду двухъ батальоновъ. Ни помочь, ни преслѣдовать не было никакой возможности, потому что Сулакъ здѣсь глубокъ и быстръ, только лошади вплавь могли перебраться. Впослѣдствіи Соковнинъ вышелъ изъ плѣна и я привожу здѣсь его разсказъ, переданный Г. К. Властовымъ въ его воспоминаніяхъ на французскомъ языкѣ:

«Во время путешествія, которое продолжалось десять убійственныхъ часовъ, мы были привязаны къ тавлинскимъ всадникамъ; одна рука была привязана на спинѣ, другая къ кушаку всадника. На ночь мы остановились въ аулѣ, гдѣ насъ

сейчасъ-же спустили въ вонючую яму, съ кувшиномъ воды и кускомъ кукурузной лепешки.

На другой день, къ девяти часамъ насъ вытащили изъ ямы, чтобы показать народу, который осмѣивалъ насъ; плевалъ намъ въ лицо и бросалъ въ насъ камнями. Потомъ насъ снова привязали къ лошадямъ и мы, проѣзжая по дорогѣ изрѣзанной глубокими оврагами, прибыли къ пяти часамъ въ аулъ, къ которому принадлежали наши похитители. Здѣсь мы подверглись ужасной сценѣ; послѣ безконечныхъ обидъ, толпа повела насъ на остроконечную скалу надъ пропастью, и десять мужчинъ зарядили ружья; вдругъ толпа женщинъ бросилась между нами и ружьями, вступаясь за насъ. Наконецъ, послѣ большихъ переговоровъ и раздирающихъ криковъ, насъ свели къ ямѣ, подобной той, съ которою мы уже познакомились, и намъ велѣли черезъ солдата, плѣннаго или дезертира, написать письмо, чтобы попросить выкупъ въ 5,000 р. за каждаго, прибавляя, что насъ убьютъ если выкупъ не будетъ заплаченъ.

Мы подозрѣвали уже, что сцена на скалѣ была комедія, чтобы растрогать насъ и заставить написать плачевное и трогательное письмо о нашемъ выкупѣ. Мы были убѣждены въ вѣрности нашего предположенія, когда явился къ намъ ночью почтенный старикъ, который съ грѣхомъ по поламъ объяснялся по русски, чтобы насъ утѣшать. Онъ намъ разсказалъ, что давно тому назадъ жилъ въ аулѣ, покорномъ русскимъ, какъ онъ тамъ совершилъ преступленіе и былъ сосланъ въ Сибирь, откуда, пробывъ тамъ назначенное время, вернулся на Кавказъ; но не захотѣвъ жить въ зависимости отъ русскихъ, удалился въ горы. Онъ намъ приводилъ себя въ примѣръ, чтобы ободрить насъ, и прибавилъ, что нѣтъ надобности бояться, когда намъ будутъ угрожать смертью, потому что, говорилъ онъ, знайте, что ваши похитители этого никогда не дозволятъ; вы имъ принадлежите по закону, и они не захотятъ потерять добычу.

На слѣдующій день принесли намъ куски бумаги съ карандашемъ; но я на отрѣзъ отказался написать о томъ, чтобъ меня выкупили за 5,000 р. Все что я могу обѣщать вамъ, говорилъ я, это 1,000 р., которые мои товарищи съ большимъ

трудомъ можетъ быть будутъ въ состояніи собрать, но не больше. Занъ зналъ немножко татарскій языкъ, и бѣглый солдатъ, который говорилъ по тавлински, переводили.

Когда горцы поняли что я сказалъ, множество ударовъ посыпалось мнѣ на плечи, но я выдерживалъ, и повторялъ имъ нѣсколько разъ, что если они намѣрены такъ поступать со мной, то я самъ себя убью. Эта угроза имѣла желанный эфектъ, у нихъ былъ подобный примѣръ съ плѣннымъ офицеромъ, котораго дурное обращеніе довело до самоубійства. Я услышалъ сотню голосовъ, которые кричали, что это большой грѣхъ; мулла подошелъ ко мнѣ, говоря, что жизнь съ страданіями коротка, а вѣчность длинна и т. д. Съ той минуты меня начали беречь; наконецъ я написалъ письмо и съ ихъ согласія назвалъ ту сумму, которую я самъ назначилъ, т. е., 1,000 р. с.

Ту-же сумму они потребовали и за Зана. Когда письмо было написано и отправлено, намъ дали днемъ немного свободы. Правда, что одна нога оставалась въ кандалахъ, но мы могли ходить вокругъ дома нашего сторожа, садиться и грѣться на солнцѣ, разговаривать съ горцами, которые приходили освѣдомляться о Россіи, Петербургѣ, Москвѣ, о жизни въ степяхъ, о хлѣбѣ, который тамъ разводятъ и т. д. Занъ былъ хитрѣе меня, старался попасть къ нимъ въ милость, набожно молясь утромъ и вечеромъ на колѣняхъ передъ всѣми.

Горцы, не видя никогда чтобъ я молился, сдѣлали мнѣ увѣщаніе на этотъ счетъ и говорили, что надо много молиться, что Богъ тотъ же, какъ для мусульманина, такъ и для христіанина; правда, что вы осквернены свинымъ мясомъ, но милость Божія безконечна. Бисмилла!»

Между тѣмъ, когда посланный прибылъ въ Хасавъ-юртъ, офицеры собрали сей-часъ же 2,000 р. серебромъ показали ихъ посланному, съ тѣмъ чтобы онъ извѣстилъ объ этомъ тотъ часъ же плѣнниковъ и горцевъ и возвратился бы съ подробными условіями размѣна. Это усердіе въ сборѣ денегъ было несчастіемъ для плѣнныхъ: какъ только хищники услышали что деньги приготовлены, они послали другихъ людей сказать, что сумма должна быть удвоена. Офицеры не знали

на чемъ остановится алчность горцевъ, были того мнѣнія, что нужно держаться первой суммы и отказали въ новомъ требованіи.

Когда послы вернулись во второй разъ съ извѣстіемъ, что не заплатятъ больше условленной цѣны, горцы взбѣсились, но я имъ спокойно сказалъ, что они сами виноваты, зная отлично, что больше не дадутъ, и разъ они согласились на этотъ договоръ, они обязаны были сдержать слово. Но они слышать ничего не хотѣли, и хотя не повторяли побоевъ, рѣшили насъ перевести въ еще болѣе отдаленный аулъ, чтобы заставить насъ потерять всякую надежду на побѣгъ.

Въ этомъ новомъ аулѣ, который былъ меньше и бѣднѣе перваго, насъ заперли снова въ погребъ, въ этотъ разъ довольно просторный. Рѣшившись бѣжать, я осмотрѣлъ погребъ со вниманіемъ. Это была большая яма, выложенная бревнами, надъ которою находился домъ нашего надсмотрщика. Входили въ погребъ черезъ отверстіе, находившееся въ комнатѣ дома. Ночью тамъ можно было задохнуться. Надо было, чтобы выйти изъ подвала, прокопать выходъ за стѣны сакли. Съ самаго начала бревна казались мнѣ неодолимымъ препятствіемъ; однажды Занъ и одинъ молодой кумыкскій князь, плѣнникъ какъ и мы, были на верху, я остался одинъ въ подвалѣ, и еще разъ осмотрѣлъ стѣны нашей темницы. Къ счастью бревна были положены по татарски, т. е. безъ фальца, и мнѣ удалось перевернуть одно, это мнѣ доставило маленькій проходъ черезъ который я вышелъ. Я хранилъ все въ тайнѣ и каждую ночь, когда мои товарищи спали, я прокрадывался въ порожнее мѣсто сзади бревенъ, и кускомъ желѣза, которое нашелъ, копалъ по заранѣе выбранному направленію, расчитывая разстояніе, которое я приблизительно измѣрилъ когда намъ позволяли выходить. Землю, которую я вынималъ, я клалъ вокругъ бревенъ, между которыми было довольно пустого пространства. Но какъ то ночью, когда я возвращался съ работы, молодой кумыкскій князь, говорившій очень хорошо по русски, приблизился къ моему уху и сказалъ: я отгадываю что ты дѣлаешь, я не ребенокъ, только возьми меня съ собой. Я обѣщалъ сказать ему когда работа моя будетъ окончена, и

на другой день я сообщилъ Зану мой планъ бѣгства, но условился, что я первый выйду и каждый будетъ имѣть право выбрать себѣ направленіе. Впрочемъ, работа была почти что окончена; оставалось только открыть ножемъ верхній слой земли, который покрывалъ еще выходъ подземнаго хода.

Надо было торопиться, потому что дождь могъ размыть и обрушить этотъ тонкій слой, державшійся еще, благодаря довольно сильному морозу. Наконецъ, въ одну холодную февральскую ночь, мы вышли всѣ трое,—я первымъ; но такъ какъ я не былъ увѣренъ въ твердости характера моихъ товарищей, которые могли въ послѣднюю минуту потерять рѣшимость, я ихъ не сталъ поджидать и бросился къ сторонѣ горъ.

Я шелъ весь день противоположно тому направленію, которому надо бы идти, чтобы подойти къ русскимъ укрѣпленіямъ, съ цѣлью обмануть преслѣдованіе. Я былъ принужденъ блуждать въ лѣсахъ, боясь приблизиться къ жилищамъ, гдѣ лай собакъ открылъ бы меня. Когда я повернулъ на другой день къ сѣверу по другой дорогѣ, я къ счастью очутился въ долинѣ Акъ-таша; по моему расчету мнѣ оставалось, по крайней мѣрѣ, еще два дня ходьбы. Изнуренный, съ ранами на ногахъ отъ оковъ, почти что лишенный пищи, потому что я могъ взять съ собой лишь нѣсколько лепешекъ, оборванный, я имѣлъ мало шансовъ дойти до нашихъ укрѣпленій; впрочемъ, собравъ всѣ свои силы, я продолжалъ идти, держась вдали отъ ауловъ и прячась въ кусты при малѣйшемъ шумѣ. Такъ какъ луна свѣтила, то я рѣшился идти, ночью, но я едва не погибъ, упавъ въ какой то оврагъ, и только къ разсвѣту настолько оправился, чтобы продолжать путь. Мои запасы были истощены, обувь изорвана, одежда въ лохмотьяхъ, а морозъ неменѣе 8—10 гр. На второй день я думалъ, что мнѣ суждено погибнуть; на одну минуту у меня явилось желаніе сдаться, но это было только на мгновеніе...

Воспоминаніе объ оскорбленіяхъ, перенесенныхъ мною, возвратило мнѣ бодрость, и я продолжалъ дорогу босикомъ, голодный, но съ твердымъ намѣреніемъ скорѣе погибнуть чѣмъ опять очутиться плѣннымъ. Къ вечеру втораго дня я началъ узнавать мѣста, мнѣ казалось что я на поляхъ, недалеко отъ

Внезапной, знакомыхъ мнѣ по движеніямъ съ войсками. Но надо было дождаться ночи, потому что непокорный аулъ былъ въ близи и слышался лай собакъ; поэтому я углубился въ лѣсъ, въ которомъ и остался до ночи, окоченевъ почти до смерти. Наконецъ я пустился опять въ путь, но уже съ большимъ трудомъ двигался; мною овладѣло неодолимое желаніе уснуть, но я понималъ, что если засну то больше не встану. По мѣрѣ того какъ я шелъ, кровообращеніе возстановлялось, хотя я уже еле переставлялъ замерзшія ноги; положеніе было отчаянное, жизнь висѣла на волоскѣ и только мысль, что черезъ часъ или полтора моя цѣль можетъ быть достигнута, меня поддерживала. Наконецъ, я услышалъ въ дали обыкновенный окликъ часовыхъ ночью, и возблагодарилъ Бога за то что Онъ меня спасъ. Оставалась еще не малая опасность,—приблизиться къ крѣпости на разстояніе человѣческаго голоса ночью была вещь нелегкая; могли убить раньше чѣмъ я былъ бы въ состояніи объясниться. Къ тому же можно было наткнуться на секретъ и быть подстрѣленнымъ. Я приближался съ большою осторожностью и началъ звать на помощь, на сколько у меня еще хватало силъ».

Соковнина нашли полумертвымъ на снѣгу, но благодаря заботливому уходу и молодой крѣпкой натурѣ, онъ выздоровѣлъ и возобновилъ службу. Онъ былъ воспитанникъ одного изъ кадетскихъ корпусовъ, съ порядочнымъ образованіемъ, любознательный, во всѣхъ отношеніяхъ отличный офицеръ.

Занъ тоже возвратился въ полкъ, послѣ двадцати мѣсяцевъ плѣна, но подробности его приключеній мнѣ неизвѣстны.

Неудача постигшая наши войска подъ Гергебилемъ въ 1847 г. была заглажена и—сравнительно—безъ большихъ жертвъ; но и эта осада была въ сущности предпріятіемъ безцѣльнымъ, потому что укрѣпленіе въ Аймяки можно было построить не бравъ Гергебиля, а сосѣдство его ни въ чемъ намъ немогло препятствовать, какъ незамедлило оказаться на слѣдующій же годъ: Шамиль выстроилъ тутъ же, на другой сторонѣ Койсу, въ аулѣ Кикуны новое укрѣпленіе, еще обширнѣе и искуснѣе Гергебильскаго и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, что мы опять предпримемъ осаду, потеряемъ для этого годъ-другой, пожертвуемъ

многими людьми и средствами... Но мы на эту приманку уже не пошли.

Донесеніе о взятіи Гергебиля было послано съ подполковникомъ генеральнаго штаба барономъ Николаи, который пожалованъ флигель-адъютантомъ, князь Аргутинскій назначенъ генералъ-адъютантомъ, князь Барятинскій произведенъ въ генералы свиты, князю Воронцову присланъ былъ весьма лестный рескриптъ о его благоразуміи, своевременныхъ мѣрахъ и успѣхѣ дѣйствій. Князь Воронцовъ въ это время находился въ Чечнѣ, приказалъ построить въ Урусъ-Мартанѣ укрѣпленіе на двѣ роты; на правомъ берегу Аргуна противъ Воздвиженской возвели башню, прикрывавшую переправу, прочищали просѣки, приводили въ порядокъ вновь поселенные по Сунжѣ казачьи станицы и т. д. Результатомъ всего этого было выселеніе многихъ чеченцевъ изъ лѣсныхъ трущобъ подъ защиту нашихъ укрѣпленій, бѣгство къ намъ шамилевскаго наиба Атабая, пожалованнаго за это въ поручики милиціи съ пожизненною пенсіею въ 500 р., и очевидное убѣжденіе чеченцевъ вообще въ безполезности борьбы съ русскими; сопротивленіе продолжалось уже почти исключительно подъ страхомъ жестокихъ наказаній, къ коимъ прибѣгали наибы, окруженные присланными отъ Шамиля мюридами и муртазеками—людьми обрекшими себя на службу деспотизму имама и находившими въ этомъ свои личныя выгоды, кромѣ фанатическаго вѣрованія въ святость борьбы съ гяурами.

Въ то время какъ князь Барятинскій съ двумя батальонами находился въ Дагестанскомъ отрядѣ, на Кумыкскую плоскость, для временнаго командованія тамъ войсками, былъ присланъ генеральнаго штаба полковникъ Веревкинъ, состоявшій при главнокомандующемъ для особыхъ порученій и преимущественно въ качествѣ сочинителя военныхъ реляцій.

Желая нанести вредъ сосѣднему враждебному населенію, въ особенности за принятіе къ себѣ многихъ кумыкскихъ абрековъ, производившихъ постоянныя хищничества, Веревкинъ 24 іюня предпринялъ экспедицію къ Ахметъ-тала, укрѣпленному пункту ичкеринскаго наиба. Предположенное движеніе хранилось въ большомъ секретѣ и Веревкинъ былъ увѣ-

ренъ, что ударъ будетъ внезапный и застанетъ непріятеля въ расплохъ. Но случилось иначе: для участія въ этомъ набѣгѣ изъ Грозной были двинуты батальоны Куринскаго и Тенгинскаго полковъ къ укр. Куринскому; движеніе ихъ въ совершенно необычное время, среди лѣта, обратило на себя вниманіе горцевъ и они приняли мѣры осторожности.

23-го чис. ночью отрядъ собрался въ Герзель-аулѣ, въ составѣ 14 ротъ, (въ томъ числѣ двѣ 1-го и четыре 2-го бат. Кабардинскаго полка) два эскадрона Нижегородскихъ драгунъ, 6 сот. казаковъ и 4 орудія. Произведены были весьма сложные маневры: изъ Хасавъ-юрта демонстраціи; самъ начальникъ отряда двигался по правому берегу Аксая, гдѣ, по свѣдѣніямъ, не было непріятельскихъ карауловъ; часть отряда по лѣвому берегу; кавалерія особо. Въ полночь выступили, безъ выстрѣла почти захватили аулъ, пограбили, зажгли и стали отступать. Въ арріергардѣ шли пять ротъ Кабардинцевъ, подъ начальствомъ барона Майделя.

Перейдя на другую сторону Аксая, отрядъ весь день отступалъ съ боемъ, понеся значительныя потери при переходѣ чрезъ шесть лѣсистыхъ овраговъ и въ 11 часовъ ночи возвратился въ Герзель-аулъ. Наиболѣе отличившимися въ аріергардѣ названы наши подпор. Брянскій и Джаджановъ. Походъ этотъ стоилъ намъ 12 убитыхъ, 114 раненыхъ и 43 контужен. ниж. чиновъ, одного раненаго и двухъ контуженныхъ офицеровъ, убито 52 лошади, выпущено 172 тысячи патроновъ; главная потеря была въ Кабардинскихъ ротахъ— 7 убитыхъ, 84 раненыхъ, 30 контуженныхъ. Военный министръ обратилъ вниманіе на огромную трату патроновъ и требовалъ разслѣдовать это обстоятельство...

18-го декабря полковникъ Веревкинъ опять собралъ 14 ротъ Кабардинцевъ, 8 сот. казаковъ и 4 орудія и весьма секретно двинулся въ промежутокъ между рѣками Ямансу и Аксаемъ, для наказанія аула Махмудъ-юртъ. Произошло опять то же что и въ іюлѣ: въ аулъ ворвались мгновенно, зажгли, истребили и проч., но отступленіе сопровождалось отчаянной дракой съ озлобленнымъ непріятелемъ и, при всемъ искусствѣ, при всемъ хладнокровіи и мужествѣ Кабардинцевъ въ этомъ

привычномъ имъ дѣлѣ, потери, сравнительно съ числительностью отряда, были несоразмѣрно велики: убиты капитанъ Козинцевъ, штабсъ-капитанъ Качинскій и 8 рядовыхъ, ранены поручикъ Богдановичъ *), прапорщики графъ Коскуль и Ноздрачевъ, одинъ Донской офицеръ и 111 ниж. чиновъ, въ томъ числѣ 99 Кабардинцевъ; патроновъ выпущено 112 тысячъ...

Въ донесеніяхъ объ этихъ дѣлахъ, полковникъ Веревкинъ, конечно, объяснялъ великое значеніе достигнутыхъ результатовъ, страхъ наведенный на непріятеля жестокими ударами, увеличившееся число переселенцевъ въ наши предѣлы, уныніе и отказъ окрестнаго населенія идти на усиленіе обороны Чечни во время зимнихъ тамъ дѣйствій, уменьшеніе набѣговъ и проч. Но, по безпристрастной оцѣнкѣ дѣйствій и соглашеніи съ результатами негадательными, а въ дѣйствительности оказавшимися, приходится сказать, что все это были легкомысленныя предпріятія, напрасно подвергавшія жизнь и здоровье сотень храбрыхъ людей опасностямъ, а казну значительнымъ издержкамъ, не только безъ всякой пользы дѣлу, но даже съ вредомъ; непріятель не считалъ сожженный аулъ потерею,—въ мѣсяцъ онъ выстраивалъ такой же и на томъ же мѣстѣ,—а людьми онъ едва ли терялъ десять процентовъ того, во что намъ обходились подобныя дѣла; за тѣмъ, онъ продолжалъ свои хищничества по прежнему. Только настойчивыя, систематическія дѣйствія, вырубка лѣсовъ, проложеніе дорогъ, занятіе и заселеніе казаками отвоеванныхъ земель, возведеніе на важныхъ пунктахъ укрѣпленій, хорошая спра-

*) Богдановичъ, отличный офицеръ, командовалъ сформированною княземъ Барятинскимъ командою охотниковъ изъ отборныхъ людей полка, вооруженныхъ двухствольными бельгійскими штуцерами, выписанными на деньги князя Ал. Ив.—Николай Васильевичъ Богдановичъ оказывалъ съ своей комондой чудеса храбрости, расторопности, партизанской удали и совершалъ замѣчательные переходы вмѣстѣ съ кавалеріею, иногда на крупахъ казачьихъ лошадей, а чаще просто бѣгомъ за двигавшимися рысью казаками. Люди были одѣты въ азіатскіе костюмы, съ кинжалами за поясами, обуты по чеченски, даже головы брили. Подобныя команды были почти во всѣхъ полкахъ кавказскихъ, расположенныхъ ближе къ непріятелю, но ни одна не могла сравняться съ Кабардинскою.

ведливая администрація покорнымъ населеніемъ и т. п., вели къ цѣли и чрезъ нѣсколько лѣтъ достигли ея. Трудно объяснимымъ, по этому, становится—для чего разрѣшались такія безплодныя экспедиціи и предприниматели ихъ, любители реляцій, вмѣсто внушеній, поощрялись наградами? Особенно бросается это въ глаза въ періодъ послѣ несчастнаго Даргинскаго похода, послѣ кровавыхъ штурмовъ Гергебиля и Салты, когда князь Воронцовъ самъ же указывалъ на необходимость другой системы дѣйствій, а Императоръ Николай съ этимъ согласился и не разъ напоминалъ, что слѣдуетъ щадить дорогую кровь нашихъ храбрыхъ войскъ.

Въ 1848 году въ жизни Кабардинскаго полка произошла важная перемѣна: штабъ-квартира изъ Внезапной была переведена въ Хасавъ-юртъ. Князь Воронцовъ, проѣзжая въ апрѣлѣ по Кавказской линіи и Кумыкской плоскости въ Дагестанъ, лично убѣдился, что расположеніе штаба полка въ Хасавъ-юртѣ представитъ значительныя выгоды, какъ въ отношеніи общей обороны Кумыкской плоскости, ибо это новое укрѣпленіе лежитъ на соединеніи нѣсколькихъ военныхъ дорогъ, такъ и потому что покосныя мѣста, пріобрѣтенныя для полка отъ кумыковъ въ 1843 году, находятся у самаго Хасавъ-юрта; постройки же во Внезапной будутъ и набудущее время полезными для помѣщенія частей полка. По этимъ причинамъ князь и приказалъ перевести въ Хасавъ-юртъ полковой штабъ, что и было исполнено 27-го апрѣля, при чемъ тамъ помѣстился 3 й бат.; 2-й оставался въ Куринскомъ, а остальные во Внезапной и по другимъ мелкимъ укрѣпленіямъ.

Этотъ переходъ на новое мѣсто напоминаетъ мнѣ забавный анекдотъ съ однимъ изъ нашихъ офицеровъ. Числился въ полку нѣкто маіоръ Дуровъ, произведенный изъ капитановъ Тифлисскаго полка, состоявшій въ Тифлисѣ при чемъ-то—при корпусномъ ли штабѣ, при учебномъ ли баталіонѣ, или какой то комиссіи, навѣрное не знаю; былъ онъ одинъ изъ тѣхъ, которыя вѣкъ свой умѣютъ только «числиться», но не служить, и въ Кабардинскомъ полку онъ никогда не былъ, никто его тамъ не зналъ. Былъ Дуровъ извѣстенъ въ Тифлисѣ какъ

острякъ, шутникъ, балагуръ, анекдотовъ о немъ расказывались десятки, одинъ забавнѣе другаго.

Въ 1848 или 49 году ему поручили отвести въ Петербургъ десятокъ туземныхъ мальчиковъ, назначенныхъ для поступленія въ кадетскіе корпуса. По прибытіи въ столицу, онъ, между прочимъ, явился къ военному министру князю Чернышеву и тотъ, какъ шефъ Кабардинскаго полка, принялъ его весьма ласково, распрашивалъ о полкѣ, о новой штабъ-квартирѣ и т. п. Дуровъ вмѣсто того чтобы объяснить, что онъ числится въ полку, но не былъ въ немъ и потому не можетъ отвѣчать на вопросы, позволилъ себѣ солгать на удачу. Кн. Чернышевъ былъ очень доволенъ и пригласилъ его къ себѣ обѣдать. Дуровъ явился, готовый разыгрывать свою роль и весьма развязно усѣлся на указанное мѣсто; но каково вдругъ стало его положеніе, когда, оглядывая столъ, онъ увидѣлъ на противуположной сторонѣ совершенно незнакомаго ему офицера въ мундирѣ Кабардинскаго полка! Князь Чернышевъ не замедлилъ опять возобновить свои распросы и особенно объ новой штабъ-квартирѣ полка,—готовъ ли полковой лазаретъ, сколько человѣкъ могутъ въ немъ удобно помѣститься, на сколько ротъ казармы, каковъ домъ полковаго командира и т. п.—Дуровъ не теряется и смѣло отвѣчаетъ, фантазируя на удачу. Между тѣмъ незнакомый офицеръ бросаетъ на него вопросительные взгляды и дѣлаетъ мину, какъ бы собираясь заговорить, очевидно раскрыть истину и изобличить лжеца, но Дуровъ въ свою очередь, незамѣтно для другихъ, дѣлаетъ ему умоляющіе знаки, обезоруживая незнакомца трагикомичностью своего положенія.

Почти весь обѣдъ продолжалась эта сцена, обмѣнъ вопросовъ князя съ вымышленными свѣдѣніями Дурова и обмѣнъ угрожающихъ и умоляющихъ взглядовъ между нимъ и офицеромъ въ мундирѣ Кабардинскаго полка.

Когда кончился обѣдъ, Дуровъ поспѣшилъ къ незнакомцу, схватилъ его за руку и осыпалъ: «благодѣтель, другъ, товарищъ, не погубилъ, вѣкъ не забуду и т. д.,» а за тѣмъ увезъ къ себѣ, угостилъ шампанскимъ, разъяснилъ какъ все это

произошло; а послѣ въ Тифлисѣ самъ же разсказывалъ объ своемъ приключеніи, къ великой потѣхѣ своихъ слушателей.

Въ теченіе 1848 года всѣ предположенія исполнялись съ успѣхомъ; давно уже на Кавказѣ не бывало такого спокойствія. Исключеніе составляла Лезгинская линія, гдѣ хищническіе набѣги и разбои шаекъ абрековъ, (качаговъ) наводнившихъ весь Закатальскій округъ, непрекращались; но это трудно было прекратить чисто военными мѣрами и вслѣдствіе мѣстности, и вслѣдствіе особаго положенія мусульманскаго населенія, и вслѣдствіе неутраченнаго бѣглымъ элисуйскимъ султаномъ вліянія; тутъ нужны были хорошія партизанскія команды и энергическія военно-полицейскія мѣры; къ сожалѣнію, не было ни того, ни другаго.

Постепенное занятіе передовыхъ линій, твердо продолжаемая система, видимо крайне стѣсняла непріятеля, надъ которымъ какъ бы висѣла постоянная угроза. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ Шамиль рѣшился попробовать счастія, — не повторится ли удача 1843 года, — и атаковалъ укр. Ахты на Самурѣ, собравъ для этого многотысячное скопище, къ которому присоединились почти всѣ жители Самурскаго округа и верхнихъ магаловъ Элисуйскаго владѣнія. Но обстоятельства въ теченіе послѣднихъ трехъ-четырехъ лѣтъ рѣзко измѣнились: Ахта оказалась уже не Унцукулемъ; укрѣпленіе, хотя и неудачно расположенное вблизи огромнаго аула Ахта, было въ болѣе исправномъ видѣ и вообще болѣе сносной профили, гарнизонъ былъ сильнѣе и лучше снабженъ, войскъ въ краѣ гораздо больше, средства обильнѣе и князь Аргутинскій съ замѣчательною быстротою поспѣлъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры на выручку осажденныхъ. Разбитыя передовыя скопища отступили; Шамиль вынужденъ былъ снять осаду и поспѣшно спасаться, потерявъ не мало людей; онъ могъ быть совершенно уничтоженъ и, быть можетъ, попасться въ наши руки, если бы генералъ-маіоръ Бюрно не струсилъ и съ своей колонной, бывшей на разработкѣ военно-Ахтинской дороги, отрѣзалъ Шамилю пути отступленія.

Это пораженіе, послѣ паденія Гергебиля и устройства ряда укрѣпленій, обезпечившихъ сообщеніе сѣвернаго Дагестана

съ южнымъ, нанесло порядочный ударъ положенію имама въ Дагестанѣ, тогда какъ въ Чечнѣ дѣла его принимали еще худшій оборотъ: Владикавказъ, Назранъ, Ачхой, Урусъ-Мартанъ и Воздвиженская расчищенными просѣками получили между собою окончательную связь и плоскость Малой Чечни, между Сунжей и уступами Черныхъ горъ, была совершенно и навсегда потеряна для враждебнаго намъ населенія. На этомъ пространствѣ, въ прежнее время, всякое движеніе большихъ отрядовъ сопровождалось кровавыми эпизодами: Валерикъ, Рошня и Гойта не разъ окрашивались русскою кровью, какъ уже разсказано мною въ прежнихъ главахъ. Теперь же, т. е. въ 1848 г., тутъ проходила такъ называемая *«русская дорога»* (такъ называли ее сами чеченцы) и довольно было 2-хъ ротъ пѣхотъ съ пушкой, да нѣсколькихъ казаковъ, чтобы пройти безопасно, или внезапно появиться для истребленія посѣвовъ и запасовъ въ ближайшихъ хуторахъ. Лѣвый берегъ Сунжи заселился казачьими станицами, между которыми учредился рядъ постовъ съ готовыми конными резервами,— набѣги съ этой стороны на Терекъ сдѣлались уже слишкомъ рискованнымъ дѣломъ. Устройство же мостовъ дало возможность безпрепятственно двигаться нашимъ казакамъ и резервамъ съ Терека для постоянныхъ вторженій въ Чечню. Драгунскій полкъ въ Чиръ-юртѣ, построенный здѣсь мостъ чрезъ Сулакъ съ укрѣпленіемъ на переправѣ, связали Кумыкскую плоскость съ Шамхальской плоскостью. Войска могли взаимно поддерживать другъ друга, для чего достаточно было двухъ усиленныхъ переходовъ, тогда какъ прежде трудно было и въ шесть пройти это пространство, а при разлитіи рѣкъ или ледоходѣ и вовсе не было сообщенія. Хасавъ-юртъ крайне стеснилъ ауховцевъ въ свободномъ проходѣ на Кумыкскую плоскость и къ Тереку для набѣговъ, а постъ Карасу съ казачьимъ резервомъ угрожалъ отрѣзать хищникамъ отступленіе. Если бы послѣ взятія въ 1832 году Гимры и убійствѣ Кази-муллы было приступлено къ этимъ работамъ и постепенно бы ихъ довершили въ теченіи 6—7 лѣтъ, то, можно сказать безошибочно, не было бы ни Ахульго, ни возстанія Чечни въ 1840 году, ни кровавыхъ экспедицій 42 и 45 годовъ, ни ка-

тастрофы 43 года, ни печальной памяти похода 44 года. Кабардинскому полку, съ эгоистической точки зрѣнія, конечно, нечего объ этомъ жалѣть: всѣ эти годы были годами его торжества, роста его громкой славы, незыблемымъ фундаментомъ его геройскихъ традицій; но въ интересахъ общихъ, государственныхъ, и даже самаго кавказскаго населенія, нельзя не пожалѣть о многихъ годахъ напрасныхъ жертвъ, и было бы неумѣстно умалчивать объ этомъ въ историческомъ очеркѣ, хотя имѣющемъ опредѣленную, небольшую программу, но тѣмъ не менѣе могущемъ принести нѣкоторую долю пользы, именно поучительностью примѣровъ. *)

---

*) За 1848 годъ полкъ получилъ слѣд. награды: князь Барятинскій въ генералъ-маіоры; подполковникъ Майдель въ колковники, капит. Краузъ, шт.-кап. Нейманъ, поручики Ильченко, Берсенадзе, Рогожинъ, Качинскій, подпоруч. Яновичъ, князь Святополкъ-Мирскій, Крашевскій, Богдановичъ, прапор. Концевичъ, Пяткинъ, Степановъ 1-й и 2-й, Длотовскій, Прохоровъ, Джаджановъ, Брянскій, Кошкуль, докторъ Головинскій въ слѣд. чины; юнкера Разнатовскій, Ярмушъ, Рейтеръ, Королевъ въ прапорщики; Владиміра 4-й ст. съ бант. капит. Козинцеву, шт. кап. Романовскому, подпоруч. князю Святополку Мирскому, маіорамъ Верминскому и Лактіонову; Анну 2-й ст. капит. Данилову и Краузе, 3-й ст. съ бант. шт. капит. Рогожину, Романовскому, поруч. Чернавскому, Навроцкому, Курилову, прапор. Бекрѣеву, лекарю Брошневскому; 4-й ст. за храбрость шт. капит. Шмицъ, подпоруч. Стамелло, Асланову, прапор. Варакину; золотыя сабли капит. Дохтурову и Цытовскому; священнику Смольянскому золотой крестъ на георгіевской лентѣ; десять разжалованныхъ рядовыхъ произведены въ унтеръ-офицеры; ниж. чинамъ 68 георгіев. крестовъ.

IV.

Предположенія на 1849 годъ.—Зимнія дѣйствія въ Чечнѣ.—Постройка укрѣпленія Тепликичу.—Взаимные набѣги.—Переписка Шамиля съ Отоманской Портой.—Неудачная осада Чоха.—Предположенія на 1850 годъ.—Сдача полка кн. Барятинскимъ барону Майделю и характеристика перваго.—Зимняя экспедиція въ Чечнѣ.—Отношенія Кабардинцевъ къ Куринцамъ и ротныя хозяйства.

Предположенія князя Воронцова о дѣйствіяхъ и занятіяхъ Кавказской арміи въ 1849 году предназначали Кабардинскій полкъ къ роли, такъ сказать, болѣе мирной. Онъ въ полномъ составѣ долженъ былъ оставаться на своемъ мѣстѣ, работать по устройству своей штабъ-квартиры, моста и тетъ-де-пона въ станицѣ Шелковой, охранять Кумыкскую плоскость и, конечно, быть готовымъ двинуться, если обстоятельства потребуютъ, на какой-либо угрожаемый пунктъ, или для внезапнаго вторженія въ земли непокорныхъ горцевъ. Главныя же дѣйствія назначались въ Дагестанѣ, гдѣ предполагалось взять шамилевскія укрѣпленія Чохъ и Согратль, дабы изгнать непріятеля изъ Андаляля, откуда онъ собиралъ партіи для вторженій въ Казикумыхъ, постоянно угрожалъ южному Дагестану, и велись торговыя сношенія съ покорнымъ населеніемъ.

Предшествовавшія осады Тилитля, Салты и Гергебиля не успѣли еще убѣдить въ безплодности жертвъ, приносимыхъ при овладѣніи укрѣпленными аулами горцевъ; на эти укрѣпленія все еще смотрѣли съ точки зрѣнія европейскихъ крѣпостей, служащихъ базой для дѣйствій непріятельской арміи, забывая, что нашимъ противникомъ было простое, воинственное, вооруженное народонаселеніе, собиравшееся по первому при-

казанію въ своихъ аулахъ и распускаемое по домамъ чрезъ короткое время, безъ всякой потребности въ базѣ, потому что у нихъ было все нужное съ собою или реквизировалось у мѣстныхъ жителей. Какъ будто съ взятіемъ Гергебиля мы лишили Шамиля возможности собирать на Койсу партіи и вообще быть тамъ полновластнымъ распорядителемъ? То же было бы и со взятіемъ Чоха или Согратля, если бы мы не могли совсѣмъ остаться въ этихъ мѣстахъ и при томъ не съ одними лишь гарнизонами, защищающими себя, а съ такими подвижными силами, которыхъ было бы достаточно для подавленія всякой враждебной попытки, для нанесенія рѣшительнаго удара Шамилю съ его партіями, однимъ словомъ, для удержанія всего Андаляля въ полной отъ себя зависимости и спокойствія. Но это то и было невозможностью, потому что зимой всякое сообщеніе чрезъ горы прекращалось, всѣ запасы нужно было заготовить заранѣе и обезпечить оставленныя войска вполнѣ, по крайней мѣрѣ на 6—7 мѣсяцевъ. Если въ отношеніи провіанта и снарядовъ еще и можно бы было это исполнить, то фуражъ и особенно топливо представили бы неодолимыя препятствія, чему мы уже видѣли примѣры во время занятія Аваріи.

Собственно на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи въ 1849 году предполагалось еще довершить вырубку лѣса по правому берегу Сунжи, дабы обезопасить поселеніе станицъ для 2-го Сунженскаго казачьяго полка, и построить на переправѣ чрезъ Аргунъ у Большаго Чечня башню. Пристрастіе къ башнямъ все еще продолжалось и на Лезгинской линіи ихъ назначено было и въ этотъ разъ возвести не мало.

Для рубки лѣса отрядъ собрался по обыкновенію зимою; нашъ 1-й батальонъ прибылъ 13-го января въ Грозную; 14-го января выступили въ Воздвиженскую, а 15-го въ Урусъ-Мартанъ. Отсюда начались работы, очищали отъ лѣса пространство между Заканъ-юртомъ, Грозной и Ачхоемъ по «Русской дорогѣ», устроили переправу чрезъ Сунжу, истребляли оставшіеся отъ удалившихся жителей хутора, прикрывали выходцевъ чеченцевъ, начавшихъ исподволь выселяться изъ трущобъ ближе къ нашимъ крѣпостямъ.

Все это сопровождалось пустыми перестрѣлками, почти

безъ всякихъ потерь; только 30-го чис. января, въ набѣгѣ, подъ начальствомъ барона Вревскаго, за Валерикъ, на хуторъ Чорти-Ирзау, при отступленіи завязалось жаркое дѣло, стоившее намъ 7-мь убитыхъ, а ранеными 1 штабъ, 3-хъ оберъ-офицеровъ и до 40 нижнихъ чиновъ.

2-го февраля весь отрядъ отошелъ къ Гойтѣ, прорубилъ просѣку къ Энгели и 8-го чис. былъ роспущенъ.

Между тѣмъ, 20 и 30 января, все еще остававшійся на Кумыкской плоскости за старшаго, полковникъ Веревкинъ, съ нашими ротами ходилъ на Мичикъ, въ видахъ отвлеченія непріятельскихъ силъ отъ Чеченскаго отряда. Движеніе это, къ счастью, обошлось для насъ безъ потерь и только у казаковъ было два-три человѣка раненыхъ.

Въ концѣ іюля генералъ Нестеровъ съ небольшимъ отрядомъ, въ томъ числѣ двѣ роты 1-го бат. Кабардинцевъ съ капитаномъ Трамбецкимъ, построили на низовьи Сунжи укр. Тепликичу, связывавшее грозную съ Умаханъ-юртомъ. 4 августа войска перешли на правый берегъ Сунжи, вырубили часть лѣса противъ укрѣпленія; при этомъ у насъ 1 человѣкъ утонулъ, 2 убиты и 14 ранены. Затѣмъ устроили временной мостъ на козлахъ и въ послѣдующіе дни еще болѣе очистили отъ лѣса пространство по правому берегу, гдѣ непріятель могъ бы собираться скрытно вблизи укрѣпленія. Къ концу сентября Тепликичу окончили, оставили роту линейнаго бат. въ гарнизонѣ, а войска распустили,—одна изъ нашихъ ротъ возвратилась на Кумыкскую плоскость, а другая временно осталась въ Грозной для усиленія гарнизона.

Новое укрѣпленіе осталось не безъ пользы въ смыслѣ нѣкотораго облегченія сообщенія Грозной съ Умаханъ-юртомъ кратчайшимъ путемъ, хотя и послѣ того проходить здѣсь могли только достаточно сильные колонны; но что касается прекращенія прорыва непріятельскихъ шаекъ чрезъ нижнюю Сунжу къ Тереку,—какъ это предполагалось,—укрѣпленіе не принесло никакой пользы и шайки по прежнему ходили мимо укрѣпленія, зная что малый пѣшій гарнизонъ озабоченъ болѣе охраненіемъ себя.

Въ укр. Куринскомъ командовалъ подвижнымъ резервомъ

пріобрѣвшій извѣстность командиръ Донскаго казачьяго полка полковникъ Баклановъ. Онъ весьма часто дѣлалъ внезапные набѣги въ долину Мичика или Гудермеса, имѣя съ собою двѣ, три роты Кабардинцевъ. Всякій разъ происходила при отступленіи перестрѣлка, но потери ограничивались единичными ранеными, а добыча нѣсколькими десятками скота, поступавшаго на порціи войскамъ; чаще всего дѣло ограничивалось сожженіемъ нѣсколькихъ копенъ сѣна и страхомъ ближайшихъ ауловъ, спѣшившихъ прятать свои семейства въ лѣса. 6-го ноября добыча была значительная, за то наши роты потеряли 1 убитаго и 3-хъ раненыхъ, у казаковъ тоже были раненые.

Съ своей стороны Чеченцы тоже не оставляли насъ по долгу въ покоѣ, перестрѣливались при рубкѣ дровъ, прорывались на плоскость къ Тереку, къ Кизляру, даже въ Астраханскую губернію, гдѣ грабили кочевыхъ нагайцевъ и дѣлали не безопаснымъ почтовый трактъ. Тревоги были по-вседневнымъ явленіемъ, пріучавшимъ нашихъ егерей къ быстрымъ маршамъ до 6 верстъ въ часъ, къ расторопности и бдительности; мелкія партіи нерѣдко натыкались на наши секреты и залоги, теряли людей, оставляя въ нашихъ рукахъ тѣла, осѣдланныхъ лошадей, оружіе и т. п. Нерѣдко и непріятель торжествовалъ, совершая удачные поиски, или нанося намъ чувствительный вредъ. Кабардинскій полкъ былъ въ этомъ отношеній еще счастливѣе другихъ; а то, напримѣръ, въ іюнѣ 1849 года полковникъ Сусловъ, находившійся близъ Грозной съ колонной для постройки башни на Нефтянкѣ, сдѣлалъ набѣгъ за Аргунъ, захватилъ до 300 головъ скота, но изъ двухъ ротъ Куринцевъ, прикрывавшихъ отступленіе, потерялъ убитымъ старшаго капитана, тяжело раненымъ другаго офицера и 50 ниж. чиновъ, да казаки потеряли 36 лошадей! Императоръ Николай нашелъ, что такія потери невознаграждаются добычею и требовалъ впредь быть осмотрительнѣе.

Въ этомъ году Шамиль и его лучшій совѣтникъ Джемаль-Эдинъ усилили переписку съ Константинополемъ. Письма ихъ къ султану Абдулъ-Меджиду и великому визирю, а также прошеніе Чеченцевъ къ султану, съ изъявленіемъ преданности и просьбой о помощи противъ русскихъ, захватывающихъ

земли съ цѣлью навсегда ихъ покорить, были во время пересылки доставлены нашимъ властямъ для прочтенія. Снятыя копіи были представлены въ Петербургъ, переданы канцлеру гр. Нессельроде, которымъ отосланы къ послу нашему Титову для его соображеній, такъ какъ изъ писемъ къ визирю видно было что это отвѣты на его посланія. Что оказалось послѣ, изъ дѣлъ главнаго штаба не видно,—безъ сомнѣнія распорядители Оттоманской Порты отвергли всякія сношенія съ Кавказомъ; а быть можетъ и въ самомъ дѣлѣ Шамиль нарочно посылалъ письма къ султану, чтобы показать горцамъ на кого онъ опирается и надѣется...

Между тѣмъ въ Дагестанѣ отрядъ князя Аргутинскаго приступилъ къ осадѣ Чоха. Средства были ему даны вельма значительныя; кромѣ мѣстной артиллеріи, доставили съ величайшими затрудненіями и издержками двѣ 24 фунтовыя осадныя пушки изъ Эривани и нѣсколько 5 пудовыхъ мортиръ; но ни матеріальныя средства, ни искусство лучшихъ инженерныхъ и артиллерійскихъ офицеровъ не увѣнчали предпріятія успѣхомъ. Князь Воронцовъ и Аргутинскій доносили, что отрядомъ были встрѣчены чрезвычайныя препятствія и отъ трудной мѣстности, и отъ непріятеля, который отчаянно защищался и умѣлъ воспользоваться всѣми пособіями инженернаго искусства; кромѣ того осажденные были поддержаны присутствіемъ большихъ сборищъ Шамиля. Укрѣпленіе Чохъ, по словамъ донесенія, бомбардированіемъ совершенно разрушено, но не взято нами потому, что штурмъ стоилъ бы громадныхъ потерь и наконецъ это было бы безполезно, въ виду укрѣпленія непріятелемъ окрестныхъ высотъ и невозможности оставить наши войска здѣсь на зиму. Императоръ Николай на рапортѣ кн. Аргутинскаго написалъ: «или неудача, или безплодная трата людей на безплодную экспедицію». Слова эти изъ деликатности не были сообщены князю Воронцову...

И дѣйствительно предпріятіе было безплодное, какъ я уже замѣтилъ выше; да и бомбардированіе, хоть и причинило поврежденія укрѣпленію, и стоило горцамъ можетъ быть сотни, другой убитыхъ, и раненыхъ людей, осталось безъ послѣдствій, потому что всѣ поврежденія были немедленно исправлены, слабые пункты

усилены и чрезъ десять лѣтъ, когда Шамиль палъ, мы посѣтили Чохъ и нашли укрѣпленіе замѣчательной постройки безъ всякихъ слѣдовъ разрушенія. Безуспѣшность же осады, невзирая на такія силы и пушки, только ободрила горцевъ и была для насъ нравственнымъ пораженіемъ. Потеряли мы при этомъ 1 штабъ, 3 оберъ-офицеровъ и 104 ниж. чиновъ убитыми, 3 штабъ, — 32 оберъ офицеровъ и 427 ниж. чиновъ ранеными, кромѣ большаго числа контуженныхъ, иногда опаснѣе всякой раны, и не считая потерь милицій. Потеря непріятеля, само собою, вещь гадательная, — у него не было строевыхъ рапортовъ, которые бы намъ пришлось читать, на полѣ сраженія трупы неоставались;—донесенія наши основывались на показаніяхъ лазутчиковъ и на теоріи вѣроятности; полагали, что горцы потеряли 1500 человѣкъ убитыхъ и столько же раненыхъ, и что Шамиль въ виду такого количества послѣднихъ вынужденъ былъ учредить нѣчто вродѣ лазаретовъ, занявъ въ нѣсколькихъ аулахъ большія сакли и мечети.

Это была послѣдняя попытка брать непріятельскія крѣпости и Шамиль уже напрасно ждалъ насъ въ Кикуны или Чохъ. Съ этого времени окончательно обратились къ наступленію въ Чечнѣ, для прочнаго овладѣнія ею, а Дагестанъ оставили въ оборонительномъ положеніи.

На 1850 годъ предположено было довершить постройки въ Хасавъ-юртѣ, перестроить Умаханъ-юртъ, докончить Урусъ-Мартанское укрѣпленіе и прочія работы, возвести двѣ башни—на Ямансу и Воровской балкѣ, главнымъ же образомъ продолжать въ Большой и Малой Чечнѣ вырубку лѣсовъ. Государь Николай Павловичъ всѣ предположенія и испрашиваемыя средства утвердилъ, выразившись между прочимъ, что въ Чечнѣ уже много сдѣлано водвореніемъ 1-го Сунженскаго казачьяго полка, необходимо продолжать рубить лѣса и селить 2-й Сунженскій полкъ.

До сихъ поръ весь разсказъ мой о кавказскихъ дѣйствіяхъ Кабардинскаго полка основывался исключительно на оффиціальныхъ документахъ; никакихъ частныхъ записокъ я не встрѣчалъ, да едва ли онѣ и существовали. Теперь же, съ 1850 года, я могу пополнять содержаніе оффиціальныхъ бу-

магъ воспоминаніями Г. К. Властова, не предназначенными пока для печати, а также отрывками дневника барона Л. П. Николаи, бывшаго нашего полковаго командира, наконецъ и моими собственными воспоминаніями. Такимъ образомъ, разсказъ можетъ принять менѣе сухую форму и служить болѣе характеристикѣ лицъ, принадлежащихъ къ составу Кабардинскаго полка.

Въ концѣ 1849 года князь Барятинскій сдалъ полкъ полковнику Егору Ивановичу Майделю и уѣхалъ въ Петербургъ, но Высочайшаго приказа объ отчисленіи отъ командованія еще не было и онъ состоялся только 8-го апрѣля 1850 г. Подробная характеристика князя возможна только вмѣстѣ съ полною его біографіею, а это должно составить совсѣмъ особый трудъ и не можетъ входить въ настоящую исторію. Я ограничусь здѣсь лишь краткимъ очеркомъ кн. Барятинскаго, какъ полковаго командира, основываясь преимущественно на замѣткахъ г. Властова, лица во всѣхъ отношеніяхъ почтеннаго и заслуживающаго полнаго довѣрія, а также на моихъ собственныхъ воспоминаніяхъ и наблюденіяхъ.

Князь Барятинскій принялъ полкъ относительно молодымъ человѣкомъ,—33-хъ лѣтъ; но у него было столько врожденныхъ способностей, что онѣ замѣняли и недостатокъ солиднаго образованія, и недостатокъ опытности. Смѣлость въ дѣйствіяхъ, не только военныхъ, но вообще въ службѣ и жизни, необычайный тактъ, умѣніе узнавать людей и пользоваться ими, умѣніе примѣняться къ обстоятельствамъ, вліять на толпу, заставлять ее повиноваться себѣ, бояться себя, не прибѣгая ни къ крикамъ, распеканіямъ, жестокостямъ, ни къ надоѣдливой педантической регламентаціи всякаго шага, обдуманность, наконецъ, всякаго своего поступка, всякаго слова, которое онъ собирался произносить въ роли начальника, все это выдвигало его изъ ряда обыкновенныхъ, заурядныхъ людей; къ этому слѣдуетъ еще прибавить счастливую наружность, производившую не малое обаяніе, большое состояніе, дававшее возможность быть щедрымъ, связи и покровительство высокихъ сферъ, создавшія въ немъ крѣпкую вѣру въ свою счастливую звѣзду.

Во время командованія полкомъ, утративъ уже отчасти блескъ и свѣжесть молодости, кн. Барятинскій началъ держать себя старикомъ, ходилъ немного сгорбившись, въ длиннополомъ сюртукѣ толстаго сукна, введенномъ на Кавказѣ въ моду княземъ Воронцовымъ, прихрамывалъ и жаловался на подагру. Онъ въ то время уже проявлялъ свою непреклонную волю, свою настойчивость въ выполненіи задуманнаго, которыя были причиною и его всѣхъ послѣдующихъ успѣховъ. Не слѣдуетъ забывать, что въ ту эпоху командиръ Кабардинскаго полка былъ лицемъ съ важнымъ значеніемъ и обширнымъ кругомъ дѣятельности: онъ вѣдь командовалъ и всѣми войсками, находившимися на Кумыкской плоскости, и управлялъ туземцами, и начальствовалъ отдѣльными отрядами, дѣйствовавшими самостоятельно при движеніяхъ въ Аухъ, на Мичикъ или Гудермесъ; онъ вѣдалъ и всѣ работы, постройки, отвѣчалъ за отпускаемыя суммы, отчеты инженеровъ и проч. Слѣдовательно, уже были случаи проявлять не только личную храбрость, или способности полковаго командирства, но и административныя, распорядительныя соображенія, умѣніе дѣйствовать при сознаніи отвѣтственности. Онъ тогда уже носился съ мыслями, какъ слѣдуетъ повести дѣло, чтобы достигнуть цѣли и окончить вѣковую борьбу на Кавказѣ, казавшуюся многимъ, даже умнымъ людямъ, безконечною. Чрезъ десять лѣтъ, бывши главнокомандующимъ, онъ тѣ же мысли и планы привелъ въ исполненіе, вспоминая иногда о Хасавъ-юртѣ и времени рожденія этихъ предположеній.

Занимательный собесѣдникъ, анекдотистъ, поклонникъ прекраснаго пола и хорошаго вина—въ маленькомъ, избранномъ кружкѣ, по вечерамъ,—онъ былъ грозенъ въ дѣлахъ службы, особенно когда оставался чѣмъ нибудь недоволенъ. Старые боевые штабъ-офицеры трепетали предъ его наморщенными бровями, предъ его нѣсколько саркастическою, рѣзко-холодною рѣчью, указывавшею на сдѣланное упущеніе или отдававшею приказанія. Рѣдко можно было встрѣтить человѣка, который умѣлъ бы такъ очаровывать своимъ ласковымъ обращеніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заставить признавать себя старшимъ, внушающимъ уваженіе и повиновеніе. Съ удивитель-

нымъ тактомъ пускалъ онъ въ ходъ эти двѣ пружины, вызывавшія въ подчиненныхъ боязнь прогнѣвить его и радость быть обласканнымъ; онъ управлялъ своими подчиненными не только какъ офицерами, но и какъ людьми, что составляло весьма рѣдкій талантъ, необходимый для высшихъ начальствующихъ лицъ. Иногда онъ спускался до уровня понятій бѣдныхъ офицеровъ, невидавшихъ въ жизни ничего, кромѣ полковаго штаба и казачьихъ станицъ, съ непритворнымъ, казалось, участіемъ входилъ въ ихъ мысли, становился на ихъ точку зрѣнія и все это такъ тонко, такъ деликанто, что тѣ были въ восхищеніи, не замѣчая добродушнаго обмана. Въ такихъ случаяхъ, однако, онъ былъ крайне недоволенъ присутствіемъ кого либо изъ такихъ лицъ, которые могли понять его неискренность.

Часто принимая къ себѣ на обѣды и вечера всѣхъ офицеровъ, вступая то съ тѣмъ, то съ другимъ въ разговоры, князь Барятинскій, при своемъ рѣдкомъ умѣніи заглядывать въ душу человѣка, узнавалъ всѣхъ, оцѣнивалъ ихъ способности и безошибочно употреблялъ каждаго на то дѣло, на которое онъ былъ пригоденъ. А эти оригинальные балы, только и возможные при тогдашней кавказской обстановкѣ, которые онъ давалъ нерѣдко!? Балы, возбуждавшіе въ молодежи самыя радостныя фантастическія иллюзіи особыхъ чувствъ наслажденія жизнью, такъ гармонировавшія и съ окружающею природою, и съ ежечасною готовностью рисковать головою. Могли ли офицеры не дорожить командиромъ, который доставлялъ имъ такія удовольствія, для иныхъ совершенно новыя, невиданныя, для другихъ—воспоминанія о прежней, столичной жизни!..

Само собою, большинство офицеровъ искренно любили своего командира и готовы были съ нимъ въ огонь и въ воду; о солдатахъ нечего и говорить: щедрый и храбрый человѣкъ всегда ихъ кумиръ. Но, какъ водится, были и недовольные, и обвинители. Роптали нѣкоторые, что онъ не жалѣетъ солдатъ, что отчасти имѣло основаніе: онъ мало принималъ во вниманіе физическія силы людей, увлекался мыслью о начертанномъ планѣ и гналъ его исполненіе во что бы ни стало, причемъ солдату приходилось мало отдыхать. Напримѣръ,

чтобы въ теченіе недѣли не пропадали рабочіе дни — при спѣшномъ устройствѣ штабъ-квартиры, онъ приказывалъ всѣ оказіи и т. п. командировки посылать по воскресеніямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это была не его собственная выдумка, а господъ штабныхъ, къ числу которыхъ принадлежали нѣкоторые офицеры изъ воспитанныхъ на мѣдный грошъ, или — какъ ихъ называли—«изъ бурбоновъ», т. е. изъ фельдфебелей, не отличавшихся гуманностью, но умѣвшихъ услужить начальству такъ, какъ никогда ни одинъ мало мальски образованный человѣкъ не захочетъ и не съумѣетъ. Обвиняли князя еще за то, что онъ терпѣлъ наушниковъ. Дѣйствительно, наушники были, какъ онѣ есть у всякаго начальника, желающаго знать что происходитъ въ его части, но князь Барятинскій не вполнѣ довѣрялъ имъ, весьма часто даже зная о чемъ нибудь—не подавалъ вида что ему извѣстно, а только становился осторожнѣе и наблюдательнѣе за оговореннымъ лицемъ.—Наконецъ, обвинители порицали его излишнюю строгость. Онъ, конечно, не скупился на выговоры и аресты, когда считалъ офицера провинившимся, но обвиненіе въ излишней строгости было совершенно неосновательно и исходило отъ избалованныхъ нѣкоторою распущенностью офицеровъ, неиспытавшихъ дѣйствительной строгости, какая практиковалась въ нѣкоторыхъ другихъ полкахъ кавказскихъ, не говоря о полкахъ расположенныхъ въ Россіи, гдѣ такіе командиры, какъ князь Барятинскій, были бы немыслимы—за свою слабость. Если ему случалось иногда взыскать съ офицера по ошибкѣ, или ради извѣстнаго установленнаго принципа, онъ самъ же призывалъ наказаннаго и съ присущимъ ему тонкимъ знаніемъ человѣческаго сердца и тактомъ, такъ ласково высказывалъ сожалѣніе о случившемся, что человѣкъ таялъ и не могъ не прощать ему, не могъ несознавать, что имѣетъ дѣло съ отличнымъ человѣкомъ. — И вся эта строгость не исключала крайней снисходительности къ проступкамъ, даже фамильярности съ большинствомъ офицеровъ. Примѣровъ этому можно бы привести множество; ограничусь двумя, тремя.

20 іюля 1849 г. на покосѣ праздновали ротный образъ 5-й карабинерной роты и именины ея командира, Ильи

Абрамовича Киселева. Какъ водится, всѣ порядочно кутнули, въ томъ числѣ и начальникъ охотничьей команды, незабвенный нашъ Николай Васильевичъ Богдановичъ. Послѣ обѣда, такъ какъ самыя опасныя мѣста уже были выкошены и въ большомъ прикрытіи не предвидѣлось надобности, охотничью команду и 4-ю караб. роту отпустили домой. Какъ на зло, съ ними возвращался въ Хасавъ-юртъ маркитантъ Перваковъ, у котораго оказалось нѣсколько бутылокъ отличнаго бѣлаго вина. 12 верстъ съ пѣхотой—три часа ходу, и вотъ командиръ 4-й роты кап. Властовъ съ батарейнымъ командиромъ, подполковникомъ Алексѣевымъ сидятъ на орудіи, ведутъ *серьезные* разговоры, а Богдановичъ ѣдетъ около нихъ верхомъ и слушаетъ,—все это сопровождается опорожниваніемъ одной бутылки за другою, такъ что подойдя къ Хасавъ-юрту всѣ были пьяны и особенно Богдановичъ, который, однако, по принятому обычаю, отправился являться къ полковому командиру съ рапортомъ о благополучномъ прибытіи.

Князь Барятинскій былъ въ залѣ и конечно неожидалъ увидѣть пьянаго начальника команды, а потому, на докладъ лакея, что поручикъ Богдановичъ пришелъ, сказалъ «проси». Можно себѣ представить его удивленіе, когда распахнулись двери и два солдата проворно ввели Богдановича подъ руки, поставили его къ стѣнкѣ и выскочили вонъ,—самъ онъ уже не держался на ногахъ...

Князь только улыбнулся и, послѣ обычнаго «все обстоитъ благополучно» произнесеннаго нетвердымъ языкомъ, спросилъ: «гдѣ это вы кутили»?

— 5-я Караб. рота именинница, ваше сіятельство.

«Хорошо, ступайте», сказалъ князь, любопытствуя видѣть какъ Богдановичъ выйдетъ изъ комнаты.

— Силантьевъ! крикнулъ онъ вдругъ во все горло. И тѣ же два солдата мигомъ выскочили изъ-за двери передней, схватили своего командира подъ руки и вывели вонъ...

Сцена эта до того понравилась князю, что онъ долго ее разсказывалъ и представлялъ въ лицахъ, съ замѣчательнымъ комизмомъ.

Но нужно же при этомъ сказать, что Богдановичъ былъ

отличный, умный, способный, геройски храбрый офицеръ и прекрасный товарищъ. Онъ съ своей охотничьей командой совершалъ набѣги, забираясь далеко въ горы къ враждебнымъ ауламъ, ложился на тропинкахъ, по которымъ пробирались хищническія партіи на плоскость, нерѣдко встрѣчалъ ихъ залпомъ и ударомъ въ штыки, принося головы оставшихся въ нашихъ рукахъ хищниковъ. Этотъ нехорошій обычай, впрочемъ, былъ скоро уничтоженъ, тѣмъ болѣе, что солдаты дѣлали изъ головъ родъ торговли, отдавая ихъ за деньги родственникамъ убитыхъ, являвшихся для выкупа. Нужно отдать справедливость нашимъ солдатамъ, что какъ только Г. К. Властовъ въ своемъ батальонѣ сдѣлалъ починъ и запретилъ отрѣзывать головы, какъ надругиваніе надъ тѣломъ убитаго, они вполнѣ поняли и согласились съ справедливостью такого распоряженія.

Никто въ полку не давалъ столько матеріала для анекдотовъ о князѣ Барятинскомъ, какъ нѣкто Тарасъ Павловичъ Ильченко, офицеръ произведенный изъ фельдфебелей, съ почти безобразною наружностью, краснымъ огромнымъ носомъ, съ тремя шишками, но самымъ лукавопродувнымъ малороссійскимъ умомъ. Онъ командовалъ фурштатами, завѣдывалъ разными хозяйственными отраслями, сѣнокосами и т. п. дѣлами, сопряженными съ денежными счетами и интересами полковаго командира. Прикидываться простоватымъ, почти глуповатымъ, якобы прямодушно-грубымъ и при томъ до самоотверженія берегущимъ интересы своего начальника,—извѣстный маневръ многихъ простыхъ людей, въ особенности изъ малороссовъ, дѣйствовавшихъ съ большимъ успѣхомъ такимъ способомъ при высокопоставленныхъ особахъ изъ аристократіи.—Ильченко съумѣлъ пріобрѣсти полное довѣріе и считаться безупречно честнымъ человѣкомъ—въ глазахъ князя. Какими путями онъ достигалъ этого можно судить послѣдующему примѣру: при недостаткѣ накошеннаго сѣна для полковыхъ лошадей, покупалось иногда оно у туземцовъ привозившихъ на своихъ арбахъ сѣно въ Хасавъ-юртъ. Однажды Ильченко у воротъ укрѣпленія торговалъ сѣно; замѣтивъ что идетъ князь Барятинскій, онъ какъ будто не видитъ его, горячо съ Кумыкомъ сталъ спорить, торговаться наконецъ взялъ клокъ

сѣна въ ротъ и сталъ жевать. Въ эту минуту подошелъ князь Барятинскій и Ильченко поспѣшилъ вытянуться и взять подъ козырекъ, какъ бы скрывая клокъ сѣна.

— Что это, вы сѣно ѣдите? спросилъ князь съ изумленіемъ.

— Помилуйте, ваше сіятельство, вотъ татаринъ дорогую цѣну запрашиваетъ, увѣряетъ что сѣно отличное, а я ему доказываю что сѣно плохое, не сочное, покупаю только по нуждѣ для полковыхъ лошадей и желаю дешевле купить.

Князь Барятинскій улыбнулся и чуть-ли не повѣрилъ этой выходкѣ, потому что сказалъ по французски бывшему съ нимъ (непомню кто именно это былъ) офицеру изъ приближенныхъ: удивительный человѣкъ этотъ Ильченко; сѣно жретъ, чтобы выторговать въ мою пользу нѣсколько копѣекъ!

А между тѣмъ Ильченко полковое же сѣно показывалъ купленнымъ на сторонѣ и получалъ за него съ князя большія деньги!...

Когда у князя бывали балы, то приглашались всѣ полковыя дамы безъ исключенія, въ томъ числѣ и м-me Ильченко, здоровая, дебелая баба, подъ стать своему мужу, большая охотница до танцевъ. Когда ее выбирали въ мазуркѣ, она съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ и съ какою-то грубою радостью бросалась въ плясъ, катясь какъ бочка. Мужъ стоялъ однажды въ дверяхъ залы и съ неподражаемой хохлацкой ироніей громко воскликнулъ: «Якъ копна сина валытъ!».—Это было тотчасъ передано князю и онъ, какъ большой охотникъ до подобныхъ шутокъ, долго смѣялся, повторяя это выраженіе.

Въ другой разъ Ильченко опять далъ случай князю посмѣяться, у него былъ очень болѣнъ ребенокъ и князь Барятинскій принималъ въ этомъ участіе, посылалъ доктора и, кажется, какое-то гомеопатическое средство. Утромъ является Ильченко по службѣ, князь встрѣчаетъ его вопросомъ—«ну, что, какъ ребенокъ?».

— Оченно боленъ, ваше сіятельство.

«Что-же, вы давали ему лекарство?».

— Ни, нашимъ дѣтямъ такія лекарства не годятся.

«Какъ не годятся, а чѣмъ-же вы его лечите?

— Я ему настоялъ рѣдьки съ перцемъ — тѣмъ сокомъ поимъ; это очень помогаетъ; мы уже много разъ такъ дѣлали.

Когда вышелъ Ильченко, князь обратился къ бывшимъ у него въ это время офицерамъ съ выраженіемъ удивленія. «Что за натура у этихъ людей! ребенку, въ горячкѣ, даютъ рѣдьку съ перцемъ!» и долго разсказывалъ о такомъ необыкновенномъ цѣлебномъ средствѣ, и о такой натурѣ...

А Ильченко, само собою, вралъ, зная что большой баринъ, при всемъ своемъ умѣ, простого народа совсѣмъ не знаетъ и нѣтъ ничего легче какъ надувать его, надѣвъ маску почти дикости.

Ильченко пользовался покровительствомъ князя Барянскаго и послѣ сдачи полка. Когда князь былъ начальникомъ лѣваго фланга, онъ вызывалъ Ильченку въ отрядъ и поручалъ ему завѣдываніе всѣми рабочими, рубившими лѣсъ, что тотъ и исполнялъ исправно, непереставая, конечно, выкидывать свои штуки. Умеръ онъ въ чинѣ подполковника.

Что касается собственно военныхъ достоинствъ князя Барятинскаго, то ничего больше не остается сказать, какъ только: при блестящей личной храбрости, онъ обладалъ природнымъ военнымъ талантомъ, т. е. быстро схватывалъ характеръ мѣстности, также быстро создавалъ планъ предстоящаго дѣйствія и съ рѣшительностью приводилъ его въ исполненіе. Полная вѣра въ свое счастіе и въ несомнѣнный успѣхъ, надежда на прочность связей съ сильными міра, очевидно были главными его руководителями вездѣ и во всемъ. Да и какъ было этому баловню судьбы не вѣрить въ свою звѣзду?

Прощаніе его съ полкомъ носило характеръ гомерическаго кутежа, о которомъ понятіе имѣемъ лишь мы, старые кавказцы. Шампанское изъ турьихъ роговъ, тосты, сопровождаемые залпами изъ тысячи ружей боевыми патронами, выстрѣлами со всѣхъ батарей, шумъ пѣсенниковъ, толумбасовъ, музыка, крики ура, однимъ словомъ оргія грандіозныхъ размѣровъ и множество сценъ крайне забавныхъ — для отуманенныхъ винными парами головъ, но безобразныхъ для

глазъ трезваго человѣка. Таковы были времена и нравы, вполнѣ соотвѣтствовавшія всей боевой обстановкѣ, гдѣ ежеминутная опасность и неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ осуществляли нѣкоторымъ образомъ поговорку: «жизнь копѣйка».

На другой день послѣ кутежа, князь Барятинскій выѣхалъ чрезъ Герзель-аулъ и Куринское, прощаясь съ выставленными по дорогѣ ротами.

Вскорѣ наступило время зимней экспедиціи и новый командиръ полка Е. И. Майдель выступилъ съ 1-мъ, 2-мъ и 3-мъ бат. въ Грозную. Походъ совершался знакомымъ путемъ чрезъ Ташкичу, Шелковую, Щедринъ, Червленную, Николаевскій мостъ и Старый юртъ. До Шелковскаго моста замѣтенъ бывалъ рѣшительный безпорядокъ; большинство офицеровъ, даже многіе нижніе чины не соображались съ маршрутомъ, а торопились въ Щедринъ и еще болѣе въ Червленную, въ знакомыя объятія... Здѣсь дневка, послѣдній роздыхъ предъ длиннымъ тяжелымъ періодомъ зимняго похода, сопряженнаго съ массою невѣроятныхъ лишеній, трудовъ и опасностей, похода, изъ котораго многимъ не суждено было возвратиться.

Съ переходомъ чрезъ Терекъ движеніе уже принимало видъ военнаго порядка, обозъ начиналъ причинять свою обычную напасть: то повозки вязнутъ въ глинистой грязи, то лошади и быки не двигаются по гололедицѣ, или за поломкой, люди на плечахъ вытаскиваютъ телѣги, а между фурштатами еще много съ отяжелѣвшими отъ червленскаго хмѣля головами, опрокидываютъ фуры, крикъ, возня... Но это только до Стараго юрта. Отсюда, сближаясь съ главнымъ начальствомъ, все приходило въ окончательный порядокъ, дисциплинарныя вожжи подбирались, шутки, вольности отбрасывались въ сторону и въ Грозную вступала колонна, которою нельзя было не любоваться. Ее встрѣчалъ начальникъ фланга генералъ Нестеровъ, въ сопровожденіи нашего бригадира и стараго отца командира В. М. Козловскаго, большой свиты разныхъ полковыхъ командировъ, батальоны коихъ тоже прибыли въ отрядъ, и конвоя изъ лихихъ казаковъ и чеченскихъ милиціонеровъ съ развѣвающимися разноцвѣтными значками. Батальоны останавливались,

выравнивались и громкое, съ особымъ «Кабардинскимъ» шикомъ «здравія желаемъ, ваше-ствооо», раздавалось въ отвѣтъ на привѣтствіе генерала.

Въ Грозной офицеровъ расхватывали къ себѣ въ гости расположенные тамъ Куринцы и начинался неизбѣжный кутежъ; кахетинское смѣнялось чихиремъ, чихирь портеромъ, бывшимъ у насъ, въ свое время, въ большомъ ходу, въ заключеніе большинство открывало игру, принимавшую иногда довольно значительные, азартные размѣры. Золото переходило изъ рукъ въ руки кучками,—тогда бумажки были рѣдкость. Впрочемъ, Кабардинскій полкъ въ этомъ отношеніи былъ изъ самыхъ скромнѣйшихъ и игра у насъ не была явленіемъ распространеннымъ, а ограничивалась не большимъ числомъ игроковъ. Кутежъ длился до поздней ночи, нѣкоторые благоразумные скрывались, чтобы выспаться предъ выступленіемъ, другіе продолжали оргію съ пѣсенниками и гамомъ почти до самой минуты выступленія...

Въ пять часовъ утра бьютъ по возамъ; холодный туманъ пронизываетъ невыспавшихся людей, наскоро глотаются стаканы горячаго чая, все приходитъ въ движеніе и собирается у тетъ-де-пона за Сунжей, на дорогѣ къ Воздвиженской. Кавалерія, при которой слѣдуетъ все главное начальство отряда, двигается впередъ, за нею колонна обыкновеннымъ боевымъ порядкомъ, съ цѣпями и ихъ резервами со всѣхъ сторонъ, съ орудіями въ интервалахъ. Пока до Воздвиженскаго мѣстность ровная, открытая, опасности особой нѣтъ, обозъ идетъ въ нѣсколько рядовъ, цѣпямъ легко неразрываться и смыкать свои фланги съ авангардомъ и арріергардомъ; но дальше, въ лѣсистой мѣстности, это становилось главной задачей, крайне трудной въ исполненіи; разрывами цѣпи всегда умѣлъ пользоваться ловкій непріятель и врываясь въ обозъ, производилъ панику среди нестроевой толпы фурлейтовъ, деньщиковъ, маркитантовъ и т. п. Допустить такой прорывъ считалось великимъ стыдомъ и потому ротные командиры зорко слѣдили за углами цѣпей, групируя тамъ побольше резервъ.

Наконецъ раздается сигналъ движенія; солдаты крестятся, оправляются, все принимаетъ серьезный видъ; разгулъ, нѣко-

торая распущенность остались назади и съ этой минуты уже очевидно двигается отрядъ войскъ—боевыхъ, закаленныхъ, неоставляющихъ мѣста самомалѣйшему сомнѣнію въ своей готовности и умѣніи выполнить блестящимъ образомъ свой долгъ.

Вправо, вдали виднѣются Черныя горы Малой Чечни, ближе громадный Алханъ-юртовскій курганъ, на лѣво Аргунъ и за нимъ подъ таинственной завѣсой Большая Чечня—объектъ предстоящихъ дѣйствій, окруженная уступами Черныхъ горъ. Впереди широкое Ханкальское ущелье, въ которомъ небольшіе отрядцы, содержавшіе сообщеніе между Грозной и Воздвиженской, почти никогда не проходили безъ перестрѣлки, безъ канонады изъ непріятельскихъ орудій и безъ нѣкоторой потери. За ущельемъ опять широкая открытая мѣстность и впереди виднѣются бѣлые домики и казармы кр. Воздвиженской, штабъ-квартиры нашихъ собригадниковъ и боевыхъ пріятелей Куринцовъ.

Между этими двумя полками уже издавна установилась особаго рода дружба, независимо отъ индивидуальныхъ симпатій или антипатій, потому ли что они стояли въ сосѣдствѣ, больше сходились въ дѣлахъ противъ непріятеля или были егерями, тогда какъ другіе, дѣйствовавшіе тутъ же полки, были мушкетеры,—трудно сказать; но, дѣйствительно, какое то особое расположеніе Кабардинцевъ къ Куринцамъ и обратно существовало, и офицеры и солдаты ближе сходились, чѣмъ съ другими частями. По издавна вкоренившемуся обычаю, три батальона Куринцевъ встрѣчаютъ подходящихъ къ Воздвиженской три батальона Кабардинцевъ и принимаютъ ихъ къ себѣ на правахъ гостей: солдатъ въ казармы соотвѣтствующихъ ротъ, офицеровъ въ квартиры ихъ же офицеровъ — батальонные у батальонеровъ, ротные у ротныхъ; угощаютъ всѣхъ людей водкой и обѣдомъ на свой счетъ, при чемъ всякій подходящій съ чаркой къ ведру Кабардинецъ кланяется Куринской ротѣ, а та ему отвѣчаетъ поклономъ. Фельдфебеля и капралы угощаются отдѣльно фельдфебелями же.

Рота была самостоятельная хозяйка, сама распоряжалась своими капиталами, покупала, расходовала, контролировала своихъ выборныхъ, была, однимъ словомъ, такая замѣчательная

община, какой нигдѣ въ другихъ войскахъ, да и въ русской арміи не встрѣчалось. Кавказская рота, сложившаяся въ экономическомъ отношеніи, при особыхъ условіяхъ, почти совершенно свободно отъ начальственнаго вліянія, была своего рода артель, въ которой каждый членъ обязанъ заботой для всѣхъ, въ которой общее желаніе было закономъ и противъ коей не рѣшался возставать ни кто, ни фельдфебель, ни даже ротный командиръ, хотя вліяніе ихъ голоса все таки бывало весьма замѣтно; великорусскій элементъ, съ его традиціонными воззрѣніями, порожденными общиной и артелью, легко ассимилировалъ значительное число малороссовъ, поступавшихъ въ кавказскія войска, (нѣсколько же казанскихъ татаръ или поляковъ составляли едва замѣтную частицу) и разногласія въ ротныхъ дѣлахъ не встрѣчалось. Отсюда извѣстное выраженіе: «рота большой человѣкъ», бывшее въ ходу на Кавказѣ,—тоже что въ деревняхъ: «міръ — сила; кто можетъ противу міра идти?» — Рота въ такомъ видѣ, при тогдашнихъ условіяхъ жизни и службы, была учрежденіемъ не только полезнымъ, экономическимъ, но и нравственнымъ: она возмущалась противъ всякой несправедливости, противъ воровства, противъ безобразій, берегла общее добро, вмѣстѣ съ тѣмъ была добродѣтельна, мягкосерда и съ нѣкоторымъ родомъ гордости, всегда готова была помочь въ нуждѣ, иногда великодушно проститъ провинившагося,—все, конечно, въ дѣлахъ ея хозяйства. И нужно сказать, что все это нимало не отзывалось на дисциплинѣ, на безропотности исполненія тяжелѣйшихъ требованій службы, на боевыхъ качествахъ; напротивъ, чѣмъ сильнѣе была общинная связь, чѣмъ стойчѣе рота защищала свои права, протестуя противъ неправильно задѣтыхъ ея интересовъ, противъ нарушенной ротной чести, тѣмъ болѣе отличалась она въ боевомъ и вообще служебномъ отношеніяхъ. Никогда не было примѣра, чтобы какой нибудь протестъ, отказъ подчиниться распоряженію, не только ротнаго командира, даже фельдфебеля, касался служебнаго дѣла. Если иногда случалось что нибудь подобное, (весьма впрочемъ рѣдко) называвшееся неумѣстнымъ именемъ ротнаго бунта, то только по дѣламъ экономическимъ, т. е. когда растрачивали ротныя деньги или

припасы, расходовали ихъ безъ согласія, злоупотребляли, однимъ словомъ, властью.

Бывали случаи, (и нашъ полкъ несоставлялъ исключенія) что ротные командиры занимали деньги изъ ротныхъ суммъ; люди знали объ этомъ и, пока долгъ былъ въ нѣсколько десятковъ рублей, молчали, когда же онъ доходилъ до ста и выше, начинался говоръ, толки, посылались депутаціи съ заявленіями къ батальонному командиру,—все зависѣло отъ того каковъ былъ ротный командиръ,—если храбрый, справедливый, привѣтливый, недравшійся безъ толку, то терпѣливо ожидали возврата долга, а въ случаѣ сдачи роты и неимѣнія средствъ уплатить, даже совсѣмъ слагали; если же былъ человѣкъ нелюбимый, то грозили жалобами, претензіей, заставляли отдать все что у него было. (лошадей, заготовленное сѣно и т. п.) Напримѣръ, 6-ю егерьскою (нынѣ 8-я) командовалъ нѣкто К — скій, человѣкъ очень добрый, даже слабый и безхарактерный, но у него жила какая то простая дѣвица, которой вѣстовые обязаны были прислуживать, какъ бы законной супругѣ ротнаго командира. Это такъ возмущало роту, что когда г. К. пришлось сдавать роту, на него заявили массу претензій и большею частію самыхъ нелѣпыхъ, оказавшихся по строгому разбирательству неосновательными; но рота удовольствовалась причиненными ему непріятностями и тѣмъ, что высказала прямо причину своего неудовольствія. Солдатамъ не было дѣла до нравственности своего начальника, да и не были они такими щепетильными пуританами, но они не выносили униженія своихъ товарищей предъ дѣвкой!

Еще примѣръ. Во 2-мъ же батальонѣ былъ ротный командиръ Трегубовъ, страстный игрокъ, имѣвшій часто большія деньги, но иногда проигрывавшійся и занимавшій изъ ротныхъ суммъ; рота на это непретендовала потому, что онъ исправно расплачивался. Въ февралѣ 1853-го года былъ назначенъ штурмъ Мичиковскихъ заваловъ, причемъ ожидалась большая потеря. Ночью къ батальонному командиру явился фельдфебель съ артельщикомъ доложить, что рота собралась и опасается какъ бы Т. не былъ убитъ и тогда пропадутъ должныя имъ въ ротный ящикъ 300 рублей. Т. былъ призванъ, пред-

ставленъ тутъ же къ полковому командиру, который приказалъ его арестовать, а въ дѣло идти другому офицеру. Штурмъ однако кончился безъ потерь. Т. послѣ заплатилъ всѣ деньги, но роты уже не получилъ.

Само собою, это были явленія крайне прискорбныя, хотя нужно сказать, что эти позаимствованія или растраты ротныхъ денегъ ни въ какомъ случаѣ не были желаніемъ получить ихъ въ собственность, поживиться доходцемъ съ роты; вовсе нѣтъ: это были дѣйствительно легкомысленные займы, весьма легко совершавшіеся, потому что ящики съ деньгами находились въ рукахъ ротнаго командира и артельщика-солдата, не смѣвшаго сказать своему начальнику: не берите денегъ; займы, за весьма рѣдкими исключеніями, скоро пополнявшіеся и непринесшіе ротѣ никакого ущерба. Такой характеръ этого все же злоупотребленія, былъ извѣстенъ начальству и потому виновные не подвергались строгимъ взысканіямъ, тѣмъ болѣе что ими оказывались иногда офицеры, во всѣхъ отношеніяхъ отличные и увлекшіеся игрой или какими нибудь крайними случаями нужды. Большею частію кончалось отрѣшеніемъ отъ командованія на болѣе или менѣе продолжительное время, переводомъ въ другой батальонъ, кратковременнымъ арестомъ; эта снисходительность къ увлеченіямъ молодости сохранила не мало офицеровъ, оказавшихся впослѣдствіи полезными боевыми генералами. Достаточно указать на В. А. Геймана, который чуть ли не два или три раза лишался командованія ротой за растрату сотни, другой рублей артельныхъ денегъ (конечно пополненныхъ), а чрезъ какой-нибудь десятокъ лѣтъ уже командовалъ Севастопольскимъ полкомъ и отдѣльными отрядами, игралъ весьма видную роль при покореніи Западнаго Кавказа, получилъ Георгія 3-й ст., а еще чрезъ десять лѣтъ командовалъ нашею 20-ю дивизіею и, вызванный въ Азіятскую Турцію въ войну 1877 года, оказалъ большія заслуги при взятіи Ардагана, Девебойну, Эрзерума, получилъ высокую награду Георгія 2-й степени.

Для многихъ, служба которыхъ началась въ новѣйшія времена, при измѣнившихся условіяхъ, при короткихъ срокахъ общей воинской повинности, мирномъ положеніи края, можетъ

показаться не совсѣмъ понятнымъ, откуда являлось въ ротахъ такое обширное хозяйство, такія крупныя суммы денегъ; я, поэтому, нахожу не лишнимъ, для характеристики полка во времена давноминувшія, сказать объ этомъ нѣсколько подробнѣе.

Въ ротѣ были три разряда суммъ: а) на жалованье и амуницію, б) собственныя солдатскія — приносимыя изъ рекрутства, отчисляемыя ежегодно изъ жалованья по 25% для выдачи при выходѣ въ отставку и т. п., в) съѣстная — харчевая. Первыя двѣ были священны, никто къ нимъ не касался и не было случая ихъ растраты; но третья сумма—самая значительная, составлявшая въ теченіе года оборотъ отъ одной до полутора тысячъ рублей, отпускаемая по третямъ изъ казны, подъ названіемъ категорическихъ денегъ, смотря по мѣстности—5 р. 60 к. и 8 р. 40 к. на человѣка, находилась въ распоряженіи ротнаго командира, обязаннаго при фельдфебелѣ отпускать артельщику сколько потребуется на расходы по покупкѣ припасовъ, лошади, скота, телѣги и проч., что будетъ признано общимъ согласіемъ роты нужнымъ, и изъ этой то суммы, какъ оборотной, то уменьшавшейся, то возроставшей, и производились займы.

Хозяйство заключалось главнѣйше въ огородахъ, рабочемъ скотѣ (онъ же убойный), въ лошадяхъ, сбруѣ и др. принадлежностяхъ походнаго движенія, — всякая рота имѣла съ собой три собственныя троечныя телѣги, щеголяя другъ предъ другомъ лошадьми и ухаживая за ними съ дѣтски наивною нѣжностью; отъ казны въ ротѣ не полагалось ни одной лошади, ибо, по теоріи, солдатъ долженъ былъ въ походѣ на себѣ носить 4-хъ или 6-ти дневный провіантъ, мундиръ, шинель и др. вещи, кромѣ вооруженія, шанцоваго инструмента, котелка, и въ полушубкѣ, длинныхъ сапожищахъ, подкованныхъ гвоздями, по горамъ, оврагамъ, лѣснымъ чащамъ, переправамъ въ бродъ, теорія оказывалась безчеловѣчною и просто неисполнимою, тѣмъ болѣе, что иногда, вмѣсто 4-хъ или 6-ти дневнаго, за недостаткомъ полковыхъ лошадей, рота вынуждена была возить и весь десятидневный провіантъ, кромѣ капусты, соли, сала, муки, большихъ котловъ и т. п.

Задача ротнаго хозяйства сводилась къ тому, чтобы имѣть три тройки лошадей, штукъ сорокъ быковъ, съ семью, восемью возами, достаточное количество сѣна для прокормленія ихъ, отличный огородъ съ обильными запасами капусты и др. овощей, на всѣхъ людей хорошіе полушубки, папахи и прочные длинные сапоги, которыхъ казна до 1856 года тоже не отпускала. Всѣ работы производились общими силами и самымъ добросовѣстнымъ образомъ, потому что всякій понималъ значеніе покоса, огорода и проч. для своего благосостоянія; быки, игравшіе важную роль при работахъ и затѣмъ какъ продовольствіе, покупались на ярмаркахъ въ Моздокѣ и Георгіевскѣ, куда посылались выборные отъ ротъ люди, по 5 человѣкъ. Выборы были внѣ всякаго вліянія начальства, отчитывались предъ ротой и если случалась растрата (весьма рѣдко), то принимались въ уваженіе личность виновнаго, обстоятельства, показаніе людей другихъ ротъ, бывшихъ на ярмаркѣ, и тогда слѣдовало прощеніе, послѣ чистосердечнаго раскаянія съ поклономъ въ ноги, или жаловались начальству и просили отдать виновнаго подъ судъ. Въ артельщики и повѣренные для покупокъ на линіи выбирались преимущественно люди, прослужившіе 10, 15 лѣтъ, непьющіе, изрѣдка унтеръ-офицеры, хотя изъ молодыхъ, но исправныхъ, старавшихся заслужить ротѣ и просившихся на подобную командировку, чтобы прогуляться и пожить нѣсколько времени веселѣе; посланнымъ назначались отъ роты особыя деньги на ихъ расходы и довольно щедро. Почти не было случая, чтобы выборные во зло употребили довѣріе роты.

Купленный скотъ все лѣто работалъ, возилъ сѣно, дрова, лѣсные матеріалы, капусту; осенью, усиленно откармливался и въ ноябрѣ частью убивался на солонину, приготовляемую на столько отличнаго качества, что щи съ нею были гастрономическимъ блюдомъ и для офицерскихъ желудковъ, остальной оставался на порціи, которыми солдаты лакомились по воскресеньямъ и праздникамъ. Вообще, на мѣстѣ, люди ѣли отлично, въ волю, и все это обходилось чрезвычайно дешево,— мясо напримѣръ копѣекъ 80 за пудъ! Потому то и оставалось въ экономіи столько денегъ, что могли одѣвать всѣхъ людей

въ отличные полушубки, высокія папахи съ разными верхами для различія ротъ, сапоги съ длинными голенищами, а лѣтомъ въ чадровыя (кумачевыя) шаровары.

Вотъ такой плотно сложившійся и самою жизнію развитый строй отношеній между командирами и людьми, при чемъ, первые во все не мѣшались въ хозяйственную часть, создалъ типъ кавказскаго войска прежняго времени, (въ старыхъ полкахъ и не безъ исключеній, конечно) типъ военной общины—продуктъ предоставленной ей относительной свободы, съумѣвшей устроить себѣ весьма сносную жизнь изъ такихъ ничтожныхъ средствъ, какъ 5 р. 60 к. на человѣка въ годъ. Эти же отношенія были причиной, что рота сложилась въ плотную боевую единицу, особенно неоцѣнимую въ малой войнѣ, и что командующіе офицеры большею частью пользовались полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ; отсутствіе систематическихъ злоупотребленій по пользованію ротнымъ добромъ или ея рабочей силой, хорошо были понимаемы солдатами, а случаи займовъ безъ ихъ вѣдома, при полной увѣренности что это *заемъ* и непремѣнно возвращаемый, не считался ими наживой на ихъ счетъ; въ этой формѣ зло неимѣло того растлѣвающаго характера, какимъ отличались практиковавшіяся въ другихъ мѣстахъ злоупотребленія съ схороненными концами. Были въ этомъ отношеніи замѣчательные случаи, весьма характерные для уразумѣнія отношеній роты къ своему командиру. Такъ, 10-ю егерскою ротою командовалъ поручикъ Трегубовъ, бывшій вѣчно въ долгу у роты; но на него никогда не только не было претензій, а напротивъ, однажды солдатъ его роты, бывши вѣстовымъ у полковаго командира, подслушалъ разговоръ что баронъ (Л. И. Николаи) собирается внезапно провѣрить суммы 10-й роты, въ попыхахъ прибѣжалъ съ этимъ извѣстіемъ къ артельщику, тотъ объявилъ ротѣ и порѣшили попросить денегъ у Михаила Ивановича, а Мих. Ив. Ивановъ былъ фельдфебель этой роты, кандидатъ, съ двумя нашивками, весьма уважаемый въ полку, степенный и капиталистъ. Трегубовъ ничего не знаетъ, дуется въ карты, а рота хлопочетъ какъ бы покрыть его грѣхи и Михаилъ Ивановичъ съ удовольствіемъ положилъ въ ящикъ свои деньги, объявилъ обо

всемъ Трегубову и кстати взялъ ящикъ изъ его квартиры къ себѣ въ ротную канцелярію, боясь чтобы тотъ и остальныхъ не проигралъ. Само собою, нужно было быть Трегубовымъ *), чтобы заслужить такую любовь роты, а все же это замѣчательная черта простаго русскаго человѣка и доказательство до какого нравственнаго развитія можетъ онъ достигнуть, даже въ строгой военной службѣ, при извѣстной долѣ разумной свободы, самодѣятельности и человѣчнаго къ нему отношенія. Можно ли было не уважать и непривязываться къ такимъ людямъ?

Еще примѣръ предоставленной ротной общинѣ свободы: иногда, за какое-нибудь особенно блестящее дѣло съ непріятелемъ, главнокомандующій присылалъ въ распоряженіе начальника отряда георгіевскіе кресты, для раздачи участвовавшимъ войскамъ въ опредѣленномъ размѣрѣ: два или три на роту, эскадронъ, сотню. Эти кресты назывались голосными, потому что давались тѣмъ кто общимъ голосомъ роты будетъ выбранъ, въ отличіе отъ именныхъ, т. е. получавшихся по особымъ представленіямъ людьми, оказавшими особое отличіе. Эти голосные кресты доставались людямъ положительно по свободному выбору роты, безъ всякаго вмѣшательства и вліянія начальства и доставались безукоризненно правильно трезвымъ, усерднымъ служакамъ, ничѣмъ неопороченнымъ; весьма рѣдкія исключенія бывали только въ случаѣ сильнаго неудовольствія роты на ближайшее начальство и тогда давали крестъ кому-нибудь изъ горлановъ, запѣвалъ въ жалобахъ и претензіяхъ, но и то если онъ не былъ плохой или развратный солдатъ.

Дѣло въ томъ, что мы на Кавказѣ (особенно на лѣвомъ флангѣ) не сочиняли безчисленныхъ правилъ, уставовъ, регламентацій, жили какъ указывали условія жизни, имѣли всегда предъ глазами смерть, помнили что солдатъ тоже человѣкъ, разумное существо, не обирали его, не гнушались имъ, не третировали его съ высока, не вгоняли въ него постояннаго

*) Объ немъ подробнѣе будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

страха, не могли, наконецъ, не уважать его, видя какъ онъ росъ вмѣстѣ съ опасностью, развивался нравственно и очевидно считалъ офицера своимъ наставникомъ и покровителемъ въ бою, старавшимся его уберечь отъ опасности. Были исключенія, но рѣдкія. Славное было время и чувство особаго рода удовольствія испытывается теперь, на старости, вспоминая объ немъ, и объ этихъ бравыхъ молодцахъ, руками и грудью коихъ сломили мы вѣковое упорство кавказскихъ джигитовъ, сломили самую грозную природу, какъ будто нехотѣвшую покориться пришельцамъ съ далекаго сѣвера!.. Братскій, сердечный привѣтъ живущимъ и вѣчная память успокоившимся братьямъ-товарищамъ!.

Награды за 1849 г.

Слѣд. чины: капитанъ Дятковъ и Цытовскій, штабсъ-капитанъ Рудановскій, поручики князь Святополкъ-Мирскій, Трегубовъ, Шелеметьевъ, Романусъ, кодпоручики Рындинъ, Пяткинъ, Бѣликъ, прапорщики Эрнъ, Канавинъ, Бѣлецкій, Григоровичъ, Кацуцевичъ; золотыя сабли: полковникъ Майдель, маіоръ Краузе, штабсъ-капитанъ Горяиновъ; Анну 3 ст. съ бантомъ капитанъ Дохтуровъ, штабсъ-капитаны Шелеметьевъ, Киселевъ, Ильченко, поручикъ князь Святополкъ-Мирскій, прапорщики Кошкуль, Ноздрачевъ; Анну 4-й за храбрость: поручики Суринъ, Квятковскій, Богдановъ, подпоручикъ Никитинъ; десять Высочайшихъ благоволеній, юнкеръ Пальмъ въ офицеры; нижнимъ чинамъ 42 Георгіевскихъ креста.

V.

Дѣйствія отряда въ Большой Чечнѣ.—Порядокъ рубки просѣкъ.—Перестрѣлки, потери и примѣры сильныхъ контузій.—Майдель и Николаи—какъ колонные начальники.—Возвращеніе войскъ въ квартиры.—Набѣгъ на Ямансу.—Дѣла на Шалинскомъ окопѣ.—Рубка просѣки на Качкалыковскомъ хребтѣ.—Пріѣздъ въ Хасавъ-юртъ Императора Александра II.—Анекдотъ по поводу раненаго доктора.

Возвращаюсь къ разсказу о дѣйствіяхъ отряда въ январѣ 1850 г.

Главная задача была рубка лѣсовъ отъ Воздвиженской къ Шали, чтобы сдѣлать доступными во всякое время и незначительнымъ колоннамъ тѣ богатыя поляны, которыя кормили не только самихъ чеченцевъ, но и много народа въ горахъ. Шамиль обѣщалъ защищать Чечню до крайности, прислалъ Хаджи-Мурата съ дагестанскими горцами на помощь, приказалъ произвести повсемѣстный сборъ людей, даже въ самыхъ отдаленныхъ лезгинскихъ обществахъ, но все это ни къ чему не повело, да и самое сопротивленіе было далеко не такъ отчаянно, какъ то, которое нерѣдко оказывали прежде сами чеченцы, безъ помощи отъ Шамиля. Ясно было, что большинство сознавало безплодность борьбы и приближеніе роковой минуты, когда придется сложить оружіе и подчиниться неизбѣжному.

10-го января перешелъ отрядъ чрезъ Аргунъ. Предоставляю здѣсь набросить картину движенія Г. К. Властову.

«Было 8 часовъ утра; густой туманъ висѣлъ на лѣсахъ виднѣющихся въ синевѣ тумана, въ разстояніи полутора пушечнаго выстрѣла отъ праваго берега Аргуна и отъ тетъ-депона. Лѣсъ этотъ спускался прежде до самой рѣки, но былъ вырубленъ по занятіи Воздвиженской и устройствѣ моста. Мы

должны были двигаться внизъ по правому берегу Аргуна, т. е. дѣлать обратное противу вчерашняго дня движеніе только по другому, непріятельскому берегу. На лѣвой сторонѣ у насъ вдали виднѣлось Ханкальское ущелье, вправо же, по мѣрѣ того какъ мы подвигались, открывался восхитительный, хотя суровый видъ амфитеатра Большой Чечни. Аргунъ составляетъ тетиву этого гигантскаго лука. Туманъ по немногу рѣдѣлъ и Черные горы виднѣлись вдали, спускаясь мягкою покатостію къ большой оси эллипсиса, на которой мы находились. Черные, густые, громадные, и казалось непроходимые лѣса сулили намъ второй Валерикъ». (Преданіе объ этомъ кровопролитномъ дѣлѣ въ чинаровомъ лѣсу Малой Чечни, гдѣ каждое поваленное громадное дерево замѣняло укрѣпленіе, которое брали штурмомъ,—было живо въ то время).

«Но все было тихо, непріятель не показывался на ровномъ и чистомъ мѣстѣ, по которому мы шли. Мы были верстахъ въ пяти отъ Воздвиженской внизъ по Аргуну, и въ этомъ мѣстѣ лѣса Большой Чечни отступаютъ отъ Аргуна верстъ на пять, оставляя весь правый берегъ Аргуна чистымъ, и опять приближаются къ Аргуну лишь гораздо ниже Ханкальскаго ущелья. Колонна двигалась какъ всегда въ непріятельской землѣ тихо и въ полномъ боевомъ порядкѣ. Кавалерія съ своей конной артиллеріей, съ начальникомъ отряда и его штабомъ, шла впереди, отклоняясь иногда и въ сторону къ лѣсамъ для осмотра мѣстности. Пѣхота, (съ обозомъ по серединѣ), шла въ обычномъ порядкѣ съ своими цѣпями, изъ которыхъ лѣвая была спущена въ обрывъ высокаго берега Аргуна, и шла по отмелямъ его и по низменному берегу, покрытому кустарникомъ. Всѣ были такъ проникнуты торжественностью этой минуты, что даже дикіе кабаны и козы выскакивавшіе изъ кустовъ, не могли обратить на себя вниманіе солдатъ.

Трудно передать обаяніе чувства, овладѣвающаго душою при движеніи въ непріятельской землѣ, въ тихое морозное утро, среди величественной природы, красоты которой чувствуются какъ-то необычайно сильно человѣкомъ, знающимъ, что только настоящій моментъ жизни ему принадлежитъ, бу-

дущее же его не только неизвѣстно, но и подвержено сомнѣнію. Даже нынѣ, въ особенности во время тумана, запахъ лѣса напоминаетъ Большую Чечню, обаяніе овладѣваетъ душой, и становишся снова молодъ, и воскресаютъ призраки прошедшаго, и знакомыя лица подымаются изъ своихъ могилъ»!...

Верстахъ въ 8 или 9 отъ Воздвиженскаго тетъ-де-пона, внизъ по правому берегу Аргуна, отрядъ остановился. Штабъ потребовалъ баталіонныхъ и др. адъютантовъ, указалъ мѣста, разбилъ лагерь, раздѣливъ отрядъ на двѣ части; на одной террасѣ, на верху, спиной къ Аргуну сталъ лагерь трехъ баталіоновъ Кабардинскаго полка.

Какъ только колонны остановилась, тотчасъ были назначены три баталіона съ орудіями и рабочими отъ всѣхъ частей въ лѣсъ для доставленія дровъ, при этомъ шли двѣ сотни казаковъ для рекогносцировки. Впереди было тихо, лѣсъ былъ рѣдокъ и мелокъ, опасностей не представлялось и часа черезъ три колонна съ дровянымъ обозомъ возвратилась благополучно въ лагерь; палатки были уже разбиты на предварительно очищенныхъ отъ снѣга мѣстахъ, просушенныхъ посредствомъ небольшихъ костровъ; кругомъ палатки, на ея полы, нагребали побольше снѣга, чтобъ закрыться отъ рѣзкаго вѣтра, врывавшагося въ скважины; въ серединѣ же палатки выкапывали яму и клали въ нее перегорѣлые горячіе уголья,—это распространяло въ мигъ пріятную теплоту и даже при морозахъ въ 10—15 градусовъ можно было перемѣнять бѣлье, бриться и т. п.; но отъ этихъ угольевъ почти всегда распространялся сильный угаръ, очень вредно дѣйствовавшій на голову и, что еще хуже, отъ рѣзкой перемѣны температуры, при выходѣ изъ нагрѣтой палатки на сильный холодъ, рождались различныя простудныя болѣзни, оставлявшія весьма дурныя послѣдствія на всю жизнь.

И такъ, лагерь готовъ, къ рѣкѣ продѣланы спуски, палатки поставлены, все устроилось въ обычный порядокъ и къ сумеркамъ вдругъ все освѣтилось яркими кострами. Шумъ, гамъ, смѣхъ, фырканіе лошадей слышатся отовсюду. Для солдатъ поставили котлы варить кашу, для офицеровъ деньщики на-

скоро жарили битки, извѣстные, не знаю почему, подъ названіемъ «84 пробы», или поджаривались съ капустой сосиски, что носило польское названіе «бигосъ», весьма любимое блюдо, въ особенности къ походной закускѣ. Всѣ офицеры усаживались кучками у костровъ, на барабанахъ, тутъ же закусывали, пили чай и вели безконечные разговоры, большею частью, такъ сказать, лагернаго колорита, ожидали съ нетерпѣніемъ приказаній наслѣдующій день. Наконецъ, часу въ 10-мъ, барабанщикъ въ отрядномъ штабѣ подавалъ сигналъ, его подхватывали дежурные барабанщики всѣхъ баталіоновъ, писаря и адъютанты бѣгомъ бросались въ штабъ и черезъ часъ возвращались съ приказаніями. Узнавъ что кому предстояло дѣлать на слѣдующій день и сдѣлавъ у себя соотвѣтствующее распоряженіе, всѣ отправлялись въ палатки, закутывались въ шубы и бурки, напяливали на головы папахи и засыпали тѣмъ богатырскимъ сномъ, который только извѣстенъ людямъ, бывавшимъ въ походахъ. Не спала только цѣпь, раскинутая впереди лагеря со всѣхъ сторонъ, да слышенъ изрѣдка топотъ дежурнаго по отряду, объѣзжающаго ночью съ казаками цѣпь, и тихій свистъ, которымъ онъ обмѣнивается съ часовыми.

Начались обычныя занятія отряда; каждый день назначалась колонна изъ 4-хъ или 5 бат. съ извѣстнымъ числомъ орудій и кавалеріи, для рубки просѣкъ по направленію къ Шалинской полянѣ. Первые дни проходили почти безъ дѣлъ или съ самою пустой перестрѣлкой. Генералъ Нестеровъ дѣйствовалъ слишкомъ робко и нерѣшительно, все боясь вдаваться въ глубину лѣса; между тѣмъ лѣсъ былъ не шире одной или полутора верстъ, а за нимъ опять тянулись обширныя поляны съ небольшими перелѣсками, по которымъ можно было безъ значительной потери достигнуть рѣки Басъ,—цѣли и стремленій тогдашняго отряднаго начальства.

Генералъ Нестеровъ былъ человѣкъ необычайно добрый и мягкосердечный: всякая потеря пугала его, потому что ему пришлось уже раза два испытать кровавыя уроки въ М. Чечнѣ, при весьма критической обстановкѣ. Онъ старался сдѣлать дѣло съ наименьшими потерями, хотя бы это и мѣшало возможности написать блестящую реляцію. Тѣмъ неменѣе, про-

изведи онъ въ самомъ началѣ экспедиціи 1850 года болѣе смѣлую рекогносцировку, мы бы выиграли много времени и избавились бы отъ излишнихъ жертвъ въ послѣдствіи.

Говоря вообще о рубкахъ лѣса, не лишне упомянуть о пріемахъ, употреблявшихся при этомъ. Въ три, четыре часа утра, въ темную морозную ночь, выходили для этого назначенныя войска и строились передъ лагеремъ, стараясь двигаться какъ можно тише къ той части лѣса, въ которой предполагалось рубить. Рубили не постоянно на одномъ мѣстѣ, дабы избѣгнуть засады, но опредѣливъ главную линію, направленную къ Шали, колонны входили то съ правой, то съ лѣвой стороны магистральной линіи, пока не прорубились до этой широкой поляны, соединивъ ее впослѣдствіи съ безлѣсной равниной, примыкавшей къ Аргуну. Часамъ къ пяти колонна достигала лѣса, свѣтъ чуть-чуть брезжилъ на горизонтѣ, туманъ поднимался вверхъ и войска раскидывались обширнымъ каре, занимая около квадратной версты, иногда и болѣе, смотря по мѣстности, состоя изъ цѣпей и ротныхъ колоннъ, между которыми располагались орудія. Впрочемъ, входя въ густой лѣсъ, цѣпи съ собой орудій не имѣли, а онѣ располагались по опушкѣ просѣки или на прогалинахъ для обстрѣливанія въ пространствѣ. Изъ всѣхъ ротъ отряда высылались рабочіе съ топорами и какъ только колонны останавливались, начиналась спѣшная повальная рубка лѣса, заключеннаго въ каре; его стаскивали въ кучи и поджигали, что впрочемъ мало достигало цѣли, потому что объиндивѣвшія сырыя деревья рѣшительно отказывались горѣть, производя только огромныя облака дыма, дававшаго непріятелю возможность удачно посылать свои снаряды въ мѣсто, занятое колонною. Рабочіе наперерывъ старались окончить заданный урокъ, потому что Шамиль съ своими толпами, или какъ солдаты просто говорили «татары», никогда не выѣзжали съ своими пушками ранѣе 10-ти часовъ утра. Это аристократическое войско не любило вставать рано въ холодное время; къ тому же они вывозили свои пушки и высылали стрѣлковъ съ крайнею осторожностью, подробно высмотрѣвъ мѣстность, чтобы не попасть въ засаду.

Итакъ съ 10-ти часовъ утра всѣ ожидали перваго выстрѣла непріятеля; обыкновенно къ этому времени рабочіе уже вырубались на просѣку, которая представляла огромное расчищенное пространство, дымившееся кострами. Кругомъ ихъ, въ различныхъ группахъ, сидѣли офицеры и солдаты, весело болтали и завтракали; при этомъ хотя подавались водка и вино, но считалось постыднымъ выпить лишнее; лучшіе же офицеры вовсе не пили въ это время водки, чтобъ голова была совершенно свѣжа при отступленіи.

Во время самой канонады въ сущности дѣлать было нечего, непріятель рѣдко подходилъ къ цѣпи, ограничиваясь бросаніемъ издали ядеръ и гранатъ въ колонну; поэтому всѣ сидѣли на своихъ мѣстахъ, курили, вели посторонніе разговоры съ видомъ совершеннаго равнодушія къ падающимъ черезъ нѣсколько минутъ ядрамъ. Но это сидѣніе подъ ядрами, безъ дѣла, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, было настоящею пыткою и всѣ вскакивали съ радостью, когда получалось приказаніе объ отступленіи въ лагерь. Положимъ, что артиллерійскій огонь горцевъ наносилъ мало вреда, но инстинктивное чувство самосохраненія брало верхъ надъ привычкою къ опасности и присущею большинству непритворною храбростью.

Кстати разсказать здѣсь забавный случай съ двумя храбрѣйшими офицерами нашего полка. Былъ у насъ старый острякъ и шутникъ Квятковскій, который сидя разъ у костра наклонилъ голову подъ просвиставшимъ надъ нимъ ядромъ. Богдановичъ сталъ надъ нимъ трунить; Квятковскій смолчалъ, но началъ присматривать за Богдановичемъ. Вотъ однажды сидятъ рядомъ начальникъ колонны Майдель съ Богдановичемъ, завтракаютъ и болтаютъ; вдругъ надъ ними съ особымъ зловѣщимъ свистомъ довольно низко пролетѣла пустая граната, оба мгновенно наклонились, стукнули другъ друга лбами, потерли ихъ и не говоря объ этомъ ни слова, продолжали разговоръ, какъ ни въ чемъ не бывало, конечно, внутренно стыдясь своей слабости. Богдановичъ при этомъ, какъ онъ самъ послѣ разсказывалъ, осмотрѣлся кругомъ, не замѣтилъ ли этого пассажа Квятковскій; но тотъ упорно смотрѣлъ въ другую сторону и, казалось, ничего не замѣтилъ. Вечеромъ у ко-

стра собралось большое общество офицеровъ и когда къ Квятковскому пришелъ фельдфебель за приказаніями, онъ между прочимъ обратился къ фельфебелю съ слѣдующими, весьма громко сказанными словами: « да еще сдѣлай распоряженіе въ ротѣ, чтобъ во время рубки люди близко не сидѣли другъ возлѣ друга». Фельдфебель смотритъ съ удивленіемъ, всѣ офицеры стали прислушиваться, что за чепуху несетъ человѣкъ; а Квятковскій съ невозмутимою важностью продолжалъ: «такъ чтобъ не сидѣли близко другъ возлѣ друга; отъ этого происходитъ вредъ; вотъ я сегодня утромъ видѣлъ, что хоть ядро не попало въ двухъ рядомъ сидящихъ, но они разшибли себѣ лбы, стукнувшись другъ о друга.»

Богдановичъ расхохотался, какъ сумасшедшій, и закричалъ: «да вѣдь ты, старый чертъ, въ меня мѣтишь», и разсказалъ въ чемъ было дѣло. Всѣ, конечно, отъ души смѣялись. А кто же могъ заподозрить Майделя или Богдановича въ трусости?

Въ теченіе всей этой зимней экспедиціи было нѣсколько дней, выдававшихся болѣе сильными дѣлами съ непріятелемъ.

19-го января, во время рубки лѣса, горцы завели довольно жаркую перестрѣлку, при чемъ мы потеряли 13 человѣкъ, преимущественно изъ 1-го бат. Кабард. полка, находившагося въ цѣпи.

21-го января дѣло было дѣйствительно жаркое. 2-й и 3-й бат. Кабар. полка были справа и слѣва въ прикрытіи рабочихъ. Непріятель, какъ бы опомнился и вышелъ изъ своей апатіи, при отступленіи не только усилилъ артиллерійскій огонь, но и насѣлъ значительными толпами на арріергардъ. Мы потеряли 6 челов. убитыми, ранеными 4 офицеровъ, 62 ниж. чин. и 50 челов. контуженными; изъ этого числа болѣе всего пришлось на наши батальоны,—ранены: поручикъ Крашевскій и докторъ Брошневскій, ниж. чиновъ убитыхъ и раненыхъ 65 человѣкъ. Кстати приведу здѣсь примѣры, какія иногда бывали контузіи. Въ этомъ дѣлѣ, 21-го января, молодой солдатъ 9-й роты вдругъ закричалъ и схватился за руку, къ нему подбѣжалъ докторъ, на рукавѣ полушубка оказалось два прорѣза, какъ бы сдѣланныхъ ножемъ; его раздѣли, докторъ пощупалъ

руку выше локтя, кости оказались раздробленными и къ ночи солдатъ умеръ въ жестокихъ страданіяхъ. Въ другой разъ, въ Малой Чечнѣ, также ядро контузило солдата Навагинскаго полка, сорвавъ у него патронную суму стараго образца, носимую сзади; солдатъ жаловался на боль поясницы, хотя при осмотрѣ знака почти никакого не было: онъ, однако, не прожилъ и сутокъ. Еще одинъ разъ въ январѣ 1855 г., въ Большой Чечнѣ, ѣхалъ я впереди 3-го Куринск. бат. съ его командиромъ подполковникомъ Мансурадзе, (нынѣ генералъ-маіоръ, кажется въ отставкѣ) при чемъ я ему передавалъ какое-то приказаніе начальника отряда. Вдругъ мимо насъ просвистѣло ядро, шлепнулось сзади въ батальонъ, вырвало 2-хъ человѣкъ и зарылось въ оттаявшую землю; Мансурадзе-же схватился за щеку, почувствовалъ боль, какъ бы отъ удара палкою. Я посмотрѣлъ на больное мѣсто, но кромѣ самой незначительной красноты ничего не замѣтилъ. Посовѣтовавъ ему потереть щеку снѣгомъ, я уѣхалъ, въ полной увѣренности, что это пустякъ, который останется безъ всякихъ послѣдствій; а между тѣмъ къ вечеру у Мансурадзе распухла щека, въ скулѣ оказались раздробленныя кости и онъ пролежалъ болѣе 2-хъ мѣсяцевъ пока вылечился.

6-го февраля, при занятіи устроеннаго непріятелемъ завала, главное дѣло выпало нашему 3-му бат. Непріятель дрался довольно упорно и мы потеряли 4-хъ убитыхъ, 1-го артиллерійскаго офицера и 51-го раненаго ниж. чин., 41-го контуженнаго.

10-го числа, командовавшій въ Куринскомъ укрѣп. подвижнымъ резервомъ, донской полковникъ Баклановъ сдѣлалъ диверсію на Мичикъ и при отступленіи весьма ловко устроилъ засаду, въ которую и попались преслѣдовавшіе чеченцы, понесшіе большую потерю, — у насъ же при этомъ убито 5-ть человѣкъ, ранены: командиръ 4-го батальона маіоръ Цитовскій, подпоручикъ Джаджановъ, прапорщикъ Мировичъ и 10 нижнихъ чиновъ.

Генералъ Нестеровъ, описывая въ своемъ военномъ журналѣ всѣ эти дѣла и воздавая преимущественную хвалу Куринскому и Кабардинскому полкамъ, выразился въ одномъ

мѣстѣ: грозные батальоны Кабардинскаго полка».—Императоръ Николай, при чтеніи журнала, написалъ съ боку: «хорошія дѣла».

Въ упомянутыхъ выше дѣлахъ, 21-го января и 6-го февраля, колоннымъ начальникомъ былъ нашъ полковой командиръ Егоръ Ивановичъ Майдель, какъ будто созданный для этой роли; человѣкъ далеко не ученый, ни чемъ особенно невыдававшійся, онъ, кромѣ личной, безупречной храбрости, обладалъ какимъ-то особымъ здравымъ смысломъ въ бою, умѣлъ пользоваться всякой ошибкой непріятеля, всякимъ обстоятельствомъ, служащимъ въ нашу пользу; умѣлъ во время рискнуть рѣшительнымъ движеніемъ, ловко вывести войска изъ подъ огня, чтобы не терять напрасно людей; но и не щадить жертвъ, когда это требовалось для достиженія результатовъ. Отступленія Майделя изъ занятаго непріятелемъ лѣса (самое трудное движеніе въ Чечнѣ), потому и удавались безукоризненно хорошо, что онъ всегда самъ разъяснялъ все въ подробности частнымъ начальникамъ, сзывая ихъ передъ началомъ отступленія къ себѣ. Отсюда происходило то, что всякій зналъ, что ему дѣлать и чего не дѣлать, чтобы не мѣшать сосѣдней части войскъ и какъ, въ случаѣ опасности, ей помочь. Какъ колонный начальникъ, Майдель былъ любимцемъ солдатъ, хорошо умѣвшихъ подмѣтить достоинства и недостатки своего начальства. Къ сожалѣнію, не обо всѣхъ колонныхъ начальникахъ можно сказать тоже, и, напримѣръ, преемникъ Майделя, баронъ Николаи, человѣкъ гораздо болѣе образованный, держался уже совершенно противуположной системы: вѣроятно убѣжденный, что тайна необходима въ дѣйствіяхъ начальника, онъ никому не сообщалъ своихъ соображеній; всѣ частные начальники, не зная общаго плана дѣйствій и получая отрывочныя приказанія, путались въ исполненіи и при крайне медленномъ отступленіи, до котораго баронъ Николаи былъ охотникъ, вслѣдствіе своего примѣрнаго хладнокровія въ бою, мы несли лишнія потери.

Я уже упоминалъ о введенномъ И. М. Лабынцевымъ извѣстномъ маневрѣ отступленія перекатными цѣпями, или залоговъ съ отбѣгающею цѣпью. Маневръ этотъ, чрезвычайно полезный при отступленіяхъ, составлялъ какъ бы спеціаль-

ность Кабардинскаго полка, который и получилъ особую кличку «арріергардный полкъ». Полковникъ Майдель всегда съ большимъ искусствомъ пользовался этимъ маневромъ. Такъ было и 6-го февраля: стройно и ровно съ обѣихъ сторонъ выдвинулись войска изъ лѣса, перешли балку, гдѣ утромъ былъ взятъ завалъ, поддержанные артиллеріею, которая съ просѣки обстрѣливала углы цѣпей, не давая непріятелю насѣдать на нихъ; но въ минуту оставленія лѣса, толпа горцевъ устремилась къ опушкѣ, чтобы послѣ жаркаго огня броситься на крайніе ряды въ атаку; однако нашъ извѣстный маневръ былъ уже подготовленъ, цѣпь на опушкѣ остановилась и вела усиленную перестрѣлку, за нею въ пятидесяти шагахъ лежала другая густая цѣпь. Безъ сигналовъ, по голосу офицера, который заранѣе предупреждалъ каждую пару о залогѣ и указывалъ мѣсто его нахожденія, передняя цѣпь мгновенно отбѣгала, размыкаясь въ обѣ стороны, приказаніе офицера отдавалось не иначе какъ по сигналу начальника, для чего обыкновенно служилъ бѣлый платокъ. Какъ только свертывавшіяся въ кучки пары цѣпи начинали убѣгать, горцы мгновенно бросались за ними къ опушкѣ, съ обнаженными шашками, но тутъ убійственный огонь заранѣе поставленныхъ орудій и скрытыхъ залоговъ наносилъ имъ значительную потерю, заставляя скрываться обратно въ лѣсъ; и когда, смотря по мѣстности, отступленіе такимъ порядкомъ продолжалось на значительныя разстоянія, иногда уже перваго залога было достаточно, чтобы прекратить преслѣдованіе. Конечно, такой маневръ былъ возможенъ только съ опытными и развитыми войсками, какими были наши кавказцы, и не было случая, чтобы въ отбѣгающей цѣпи кто-нибудь былъ убитъ своими пулями, доказательство, что каждый солдатъ понималъ, что нужно дѣлать и куда бѣжать, а также, что ни въ залогахъ ни въ артиллеріи не происходило пустой суетливости и горячки, всегда портящихъ дѣло.

Вообще 6-го февраля всѣ были очень довольны, потому что, относительно, потеря была незначительна и цѣль движенія, невзирая на сопротивленіе многотысячной толпы непріятеля, въ тотъ день очевидно чѣмъ-то ободреннаго, была достигнута.

На встрѣчу колоннѣ изъ лагеря шелъ Нестеровъ съ значительнымъ подкрѣпленіемъ; онъ, кажется, только около полудня получилъ извѣстіе, что непріятельскія партіи весьма усилились и что Майдель имѣетъ жаркое дѣло съ слишкомъ неравносильнымъ числомъ войскъ; услыхавъ сильную канонаду, онъ и двинулся на встрѣчу. Нестеровъ былъ блѣденъ какъ полотно; человѣкъ добрый и самолюбивый, онъ былъ въ лихорадочномъ волненіи, воображая себѣ гибель колонны по его небрежности; у него тогда уже начиналась та нервическая болѣзнь, которая впослѣдствіи свела его съ ума и въ могилу. Увидя выходящую изъ лѣса цѣлую и невредимую колонну, онъ бросился обнимать Майделя, разспрашивать его и чуть ли не прослезился... Не даромъ говорятъ: «пуганая ворона куста боится», а покойный Нестеровъ былъ дѣйствительно пуганымъ, какъ читатель могъ видѣть изъ описанныхъ уже дѣлъ въ Малой Чечнѣ, въ сороковыхъ годахъ. Рѣдкій военный человѣкъ обладаетъ столь сильнымъ характеромъ, чтобы не подчиниться впечатлѣніямъ испытанныхъ неудачъ или неувлечься удачами; чаще всего замѣчаются, поэтому, переходы изъ одной крайности въ другую, переходы, наносящіе часто неисправимый вредъ.

Кабардинскіе батальоны, какъ главные герои дня, съ тріумфомъ возвратились въ лагерь; сейчасъ сочинился общій обѣдъ, окончившійся одною изъ тѣхъ извѣстныхъ оргій, какія умѣли только задавать на Кавказѣ. Майделя напоили наповалъ. Особенно были у насъ въ ходу плошки, т. е. кусокъ сахара на блюдечкѣ, облитый ромомъ и зажженый,—своего рода жженка.

Послѣ этихъ дѣлъ, горцы, понеся большія потери, пріуныли и въ остальные дни экспедиціи уже ограничивались ничтожными перестрѣлками. 12-го февраля просѣка была окончена и войска выступили обратно въ свои квартиры. При проходѣ черезъ Грозную, генералъ Нестеровъ сдѣлалъ тремъ Кабардинскимъ батальонамъ особенную любезность, пригласивъ всѣхъ офицеровъ на вечеръ и ужинъ, за которымъ торжественно пили за здоровье храбраго полка. На другой день, въ самомъ веселомъ настроеніи, выступили батальоны извѣстнымъ путемъ по линіи на Кумыкскую плоскость.

Вскорѣ послѣ этого, именно 23 февраля, полковникъ Майдель съ одинадцатью рот. Кабардинцевъ и двумя батальонами изъ Дагестанскихъ войскъ, приходившихъ на усиленіе чеченскаго отряда, дѣлалъ набѣгъ вверхъ по р. Яманъ-су, гдѣ было разорено и сожжено нѣсколько хуторовъ, а при отступленіи, какъ водится, въ арріергардѣ, состоявшемъ изъ Кабардинцевъ, произошло довольно жаркое дѣло, стоивше намъ 6-ти убитыхъ, одного офицера и 18 нижнихъ чиновъ раненыхъ; кромѣ того сильно контуженъ нашъ капитанъ Замойскій.

Въ теченіе лѣта Шамиль распорядился оградить всю Шалинскую поляну на разстояніи полутора верстъ окопомъ съ редутами на флангахъ, и хотя вскорѣ генералъ Козловскій, начальствовавшій лѣвымъ флангомъ за болѣзнію Нестерова, атаковалъ этотъ окопъ, разрушилъ его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и проработалъ дороги для прохода артиллеріи, при чемъ было потеряно до 140 человѣкъ, но особеннаго результата отъ этого въ нашу пользу не произошло. Какъ только мы отступили, Шамиль сейчасъ приказалъ собрать толпы робочихъ, еще ширилъ окопъ и увѣнчалъ его во всю длину турами. Черезъ нѣкоторое время, пользуясь отсутствіемъ Козловскаго, и начальникъ Сунженской линіи Слѣпцовъ, съ небольшою колонною, налетомъ появился на Шалинскомъ окопѣ, прогналъ бывшій тамъ непріятельскій караулъ и тоже разрушилъ часть работъ,—немедленно, впрочемъ, опять исправленныхъ и занятыхъ болѣе сильною партіею.

Всѣ эти дѣйстія, уклонявшіяся отъ предпринятой системы, неувѣнчивались успѣхомъ и съ очевидностью показывали, что только вырубка лѣсовъ зимою и прочное занятіе удобныхъ мѣстъ нашими укрѣпленіями и поселеніями могутъ привести къ достиженію цѣли.

Къ такимъ же, не вполнѣ объяснимымъ дѣйствіямъ приходится отнести и предпринятую въ томъ же году лѣтомъ рубку просѣки на Качкалыковскомъ хребтѣ. 2-го августа, въ Куринскомъ, генералъ Козловскій собралъ небольшой отрядъ изъ нашихъ 2-го и 4-го батальоновъ и двухъ ротъ линейнаго батальона, съ нѣсколькими орудіями и сотнями казаковъ, и приступилъ къ рубкѣ.

9-го числа, при занятіи лѣса, наши 5-я, 11-я и 12-я егерскія роты встрѣтили жестокое сопротивленіе непріятеля; убійственные залпы и атаки въ шашки слѣдовали одна за другими съ такою отчаянною настойчивостью, что, послѣ довольно продолжительнаго дѣла, роты, потерявъ очень много людей, уже собирались отступать и только быстрый обходъ непріятеля Баклановскими казаками, открывшими ему въ тылъ огонь ракетами, вынудили чеченцевъ удалиться. Дѣло это стоило намъ 12 убитыхъ, 68 раненыхъ, 12 контуженныхъ;—ранены маіоръ Нейманъ, поручикъ Гейманъ и подпоручикъ Рындинъ. Такая потеря изъ трехъ ротъ, составлявшихъ всего едва ли 420 человѣкъ, была чрезвычайно чувствительна и напоминала о необходимости избѣгать лѣтнихъ движеній въ лѣса.

Въ теченіе цѣлаго мѣсяца продолжалась рубка просѣки отъ Куринскаго къ Мичику, каждый день происходили перестрѣлки, непріятель дѣйствовалъ изъ четырехъ орудій; но потери наши ограничивались уже незначительнымъ числомъ раненыхъ. 2-го сентября просѣка была окончена и отрядъ распущенъ.

Осенью этого же 1850 года Кавказъ посѣтилъ въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ Николаевичъ, тогда еще Наслѣдникъ Престола, въ сопровожденіи князя Барятинскаго. Въ Хасавъ-юртъ пріѣхали вечеромъ, а на другой день былъ смотръ и наличныя части полка встрѣтили Его Высочество побатальонно, во взводныхъ колоннахъ съ права.

Послѣ *легкаго* смотра и церемоніальнаго марша *), бата-

---

*) Его Высочеству, безъ сомнѣнія, была извѣстна слабая сторона кавказскихъ войскъ вообще, а служившихъ на Лѣвомъ флангѣ въ особенности,—говорю о фронтовомъ образованіи. Изъ самаго описанія военныхъ дѣйствій и всѣхъ занятій войскъ уже можно видѣть была ли возможность заниматься нашимъ полкамъ усиленными ученіями и фронтовыми муштрованіями; ограничивались обученіемъ собираемыхъ въ штабъ полка отъ ротъ людей, составлявшихъ учебную команду, да при малѣйшемъ свободномъ времени разсыпному ротному строю; остальнаго съ насъ нечего было и спрашивать, хотя пройти мимо начальства молодцами и гаркнуть «ради стараться», не взирая на плохое равненіе и заваливаніе плечь, мы умѣли съ особеннымъ даже шикомъ. Въ отношеніи фронта кавказскія войска въ Петербургѣ вообще считались чѣмъ то отпѣтымъ и на эту тему ходило даже очень мно-

льоны были отпущены и форсированно отправились занимать по дорогѣ назначенныя мѣста, для безопасности проѣзда. Между тѣмъ Цесаревичъ отправился осматривать штабъ-квартиру и зашелъ въ лазаретъ. На порогѣ встрѣтилъ доктора Брошневскаго *), какъ выше упомянуто раненаго въ январѣ мѣсяцѣ, съ рукою на перевязи. Наслѣдникъ, замѣтивъ это, спросилъ у Брошневскаго, что означаетъ рука на перевязи? Узнавъ, что тотъ раненъ пулею въ цѣпи, обратился къ провожавшимъ его, преимущественно къ своей свитѣ, и сказалъ: «вотъ новое доказательство, что наши медики честно исполняютъ долгъ свой на Кавказѣ».

Слова эти показались нашимъ офицерамъ не совсѣмъ понятными и вечеромъ только князь Барятинскій разъяснилъ ихъ значеніе, разсказавъ слѣдующій анекдотъ. «Адъютантъ наслѣдника цесаревича Мердеръ, по поводу извѣстной геройской защиты укрѣпленія Ахты въ 1848 г., написалъ для петербургскаго цирка піесу, въ которой на сцену появлялись орудія въ полной упряжи, войска, джигитующіе горцы и казаки и т. п. Піеса была чрезвычайно эфектная и по новости подобнаго рода зрѣлищъ въ Петербургѣ имѣла огромный успѣхъ.

го анекдотовъ. Такъ, расказывали истинное происшествіе, бывшее въ Куринскомъ полку. Туда былъ переведенъ изъ гренадерскаго корпуса какой-то штабъ-офицеръ—большой фронтовикъ. Принявъ въ командованіе батальонъ, онъ въ первый же свободный день вывелъ его на ученіе, поставилъ развернутымъ фронтомъ и скомандовалъ: «унтеръ офицеры», впередъ *на линію*». Нѣкоторые унтеры стали выходить впередъ, не совсѣмъ впрочемъ увѣренные—что имъ дѣлать; въ это время вдругъ изъ заднихъ рядовъ выходитъ рядовой и громкимъ голосомъ говоритъ: «Ваше Высокоблагородіе, позвольте и мнѣ *на линію*: я женатый». Въ рядахъ раздался сдержанный хохотъ, а батальонеръ сталъ въ рѣшительный тупикъ и подумалъ что солдатъ внезапно съума сошелъ. Батальонный адъютантъ разъяснилъ ему загадку: каждый годъ вызывали изъ всѣхъ полковъ охотниковъ—женатыхъ нижнихъ чиновъ *на передовыя линіи*, т. е. по Лабѣ, Сунжѣ, и т. д. гдѣ ихъ зачисляли въ казаки. Теперь понятно почему этотъ женатый рядовой вышелъ изъ фронта и заявилъ свое желаніе. Батальонеръ расхохотался, а чрезъ два три мѣсяца всѣ гренадерскія традиціи съ него какъ рукой сняло,—онъ превратился въ обыкновеннаго кавказскаго служаку и убѣдился, что въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ.

*) Впослѣдствіи генералъ штабъ-докторъ кавказской арміи, умершій въ 1881 году въ чинѣ тайнаго совѣтника.

Въ нее между прочимъ было введено лицо комическое — медикъ, выставленный страшнымъ трусомъ, прячущимся отъ выстрѣловъ подъ повозки и вообще игравшимъ роль шута.

Первыя два представленія никто не обратилъ на это особаго вниманія, хотя въ циркѣ побывали и государь Николай Павловичъ и Наслѣдникъ, и вообще высшія военныя лица.

Въ одинъ день Николай Павловичъ, встрѣтивъ во дворцѣ лейбъ-медика Енохина, спросилъ его, шутя, «видѣлъ ли онъ новую піесу и своего прячущагося отъ пуль собрата?—Удивленіе императора не имѣло предѣловъ, когда Енохинъ, съ свойственнымъ ему суровымъ тономъ, отвѣтилъ, что онъ піесу видѣлъ, но удивляется, какъ Государь позволяетъ на сценѣ оскорблять благородное сословіе, медиковъ, которые дѣлятъ на Кавказѣ всѣ опасности съ войсками.

Николай Павловичъ было вспыхнулъ, но тотчасъ одумался, видя что Енохинъ совершенно правъ и досадуя только, что ему прежде не пришла таже мысль. Не сказавъ ни слова, Государь ушелъ и въ туже минуту послалъ приказать Мердеру, чтобы къ вечернему представленію піеса была передѣлана и труса медика на сценѣ уже не было. И дѣйствительно, въ тотъ же вечеръ, въ представленіи, медикъ явился прехрабрымъ и всѣхъ рубилъ, — а роль шута и труса была перенесена на жида—маркитанта. (Нужно сказать однако, что и это была неудачная передѣлка, ибо на Кавказѣ никогда жидовъ маркитантовъ не было). Это то и было поводомъ выше приведенныхъ словъ наслѣдника, увидѣвшаго раненаго Брошневскаго.

Награды за 1850-й годъ.

Слѣдующія чины: маіоръ Краузе, капитаны: Трамбецкій, Властовъ, Тимошенко, штабсъ-капитаны: Ильченко, Горяиновъ, Шелеметьевъ, Романусъ, Киселевъ, Поручики: Суринъ, Горкушевскій, Квятковскій, Гейманъ, Пяткинъ, Колядинскій, Богдановичъ, Степановъ, подпоручики: Соковнинъ, Вороновичъ, Длотовскій, Джаджановъ, Эрнъ, Григоровичъ, Безпятовъ, прапорщики: Гзель, Козловскій 3 и 4-й, Княжищевъ, Ноздрачевъ, Озерецкій, Штегельманъ, Дейкинъ, Мировичъ, Хлѣбниковъ, Блажіевичъ, Бурковскій; золот. сабл. капит. Данилову. Анну 2-й ст. маіоры: Цытовскій, Нейманъ, 3-й ст. съ бантомъ маіоръ Хризопулло, шт. кап. Грегубовъ, Чаплыгинъ, прапор. Ушаковъ, 4-й ст. за храбр. подпор. Бѣлецкій; прапорщ. Козловскій, Недѣльковичъ, 8-мъ благоволеній, нижнимъ чинамъ 72 Георгіевскихъ креста.

VI.

Результаты послѣднихъ пяти лѣтъ.—Предположенія на 1851-й годъ.—Зимнія дѣйствія въ Чечнѣ.—Занятіе Шалинскаго окопа. — Скелетъ убитаго горца.—Кавалерійская атака 27-го февраля.—Успѣшные результаты и мелкія стычки и происшествія.—Взятіе аула Дахинъ-ирзау.—Назначеніе князя Барятинскаго начальникомъ лѣваго фланга.—Зимняя экспедиція 1852 г.—Взятіе Автура.—Разореніе Мезеинскихъ ауловъ.

Твердое, неуклонное исполненіе предначертанной системы, въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, имѣло результатомъ крайнее стѣсненіе чеченцевъ въ пользованіи удобными землями. Это гораздо вѣрнѣе и безъ большихъ жертвъ вело къ цѣли, чѣмъ ежегодныя экспедиціи въ горы. Край былъ спокойнѣе, наше вліяніе усиливалось, а Шамиля падало. Галашевцы и Карабулахи безусловно покорились, Малая Чечня была доведена до небывалаго положенія; колонны изъ 2-хъ ротъ съ пушкой проходили по ней свободно; въ Самашкахъ, Алханъ-юртѣ поселились станицы, казаки на *правомъ* берегу р. Сунжи рубили дрова и косили сѣно. Ничего подобнаго, еще два три года тому назадъ, никто не ожидалъ.

Въ виду всего этого, предположенія о дѣйствіяхъ на 1851-й годъ состояли: для лѣваго фланга въ уничтоженіи устроеннаго Шамилемъ окопа и въ продолженіи рубки просѣкъ въ Большой Чечнѣ, въ томъ же направленіи, къ Шали и Басу, да въ постройкѣ на Кумыкской плоскости, между Герзель ауломъ и Чиръ-юртомъ, трехъ башенъ. Въ Дагестанѣ рѣшено оставаться въ оборонительномъ положеніи; а на правомъ флангѣ начать наступательныя дѣйствія къ р. Бѣлой.

Въ первыхъ числахъ января чеченскій отрядъ, въ составъ коего входили 1-й, 3-й и 4-й баталіоны Кабардинскаго полка,

собрался въ крѣп. Грозной подъ начальствомъ генерала Козловскаго; а 4-го выступилъ на Аргунъ и расположился лагеремъ нѣсколько ниже того мѣста, гдѣ стоялъ въ прошломъ году.

Непріятельскій окопъ оказался въ полной исправности, устроеннымъ съ замѣчательнымъ искусствомъ и тщательностью; непрерывная линія туровъ шла во всю длину парапета, ровъ имѣлъ крутые откосы, на оконечностяхъ бастіоны и за ними еще отдѣльные редуты, окруженные рвомъ и парапетами съ живою изгородью; въ рвахъ оказалась замерзшая вода, проведенная издали посредствомъ другаго рва, тянувшагося далеко въ лѣсъ; все было замѣчательно соображено.

Овладѣть этою укрѣпленною оградою предполагалось штурмомъ; но посланная 7-го числа для рубки лѣвой стороны лѣса и осмотра мѣстности, колонна, нетревожимая непріятелемъ, дошла до опушки и передъ нею совершенно неожиданно открылись поляны, по которымъ взоръ простирался до новой просѣки. Такимъ образомъ, планъ овладѣнія грознымъ окопомъ, имѣвшимъ три сажени глубины и ширины, при 4-хъ саженяхъ толщины и 2-хъ саж. высоты, вмѣсто штурма, измѣнялся въ простое обходное движеніе, которое и совершилось 8-го числа. Многочисленныя толпы горцевъ съ удивленіемъ замѣтили наши войска въ тылу своихъ окоповъ и бѣжали, преслѣдуемыя кавалеріею—при чемъ произошла незначительная перестрѣлка, стоившая намъ 11 человѣкъ раненыхъ. Окопы были заняты, по флангамъ ихъ были двинуты въ лѣсъ батальоны, а рабочіе назначены для прокопанія проѣздовъ въ валу.

Думать объ уничтоженіи вала на всемъ его протяженіи (750 саж.), не было возможности, потому что сильные морозы сковали щебенистую землю и гладкая ледяная поверхность наружной отлогости бруствера противустояла всѣмъ усиліямъ кирокъ и лопатъ; должны были прибѣгнуть къ взрывамъ и съ великимъ трудомъ разработали три проѣзда для прохода артилріи. Можно себѣ представить, что произошло бы если бы эти окопы пришлось штурмовать!

Къ вечеру войска возвратились въ лагерь, а въ слѣдующіе дни начались постоянныя рубки, расширеніе просѣкъ и разрушеніе непріятельскихъ укрѣпленій,—сопровождалось все это

пустыми перестрѣлками; но 16-го и 17-го января дѣла были жарче, потому что непріятель усилился новыми скопищами, прибывшими съ Даніель-бекомъ изъ горъ, и выставилъ батарею въ 5 орудій. Въ эти два дня у насъ убито 4 человѣка, ранено и контужено до 50 чел. а одному казачьему артиллерійскому офицеру оторвало ногу.

18-го числа непріятель еще упорнѣе насѣдалъ на цѣпи, гдѣ былъ нашъ 3-й батальонъ и 1-й Куринскій, отстсупавшіе по обыкновенію молодецки. Въ этотъ день тоже убито 4 человѣка, ранено 4 офицера, въ томъ числѣ нашъ прапорщикъ Чернявскій, и до 50 ниж. чин. Къ сожалѣнію, кавалерія, бывшая въ этомъ году въ первый разъ въ значительномъ составѣ, дѣйствовала крайне нерѣшительно, потому что начальникъ ея, атаманъ Кавказскаго линейнаго казачьяго войска, генералъ-маіоръ Круковскій, самъ лично весьма храбрый человѣкъ, очень берегъ казаковъ, зная, какая невознаградимая потеря въ казачьемъ быту смерть ея главы и кормильца. Драгуны крайне на это досадовали, а пѣхота трунила надъ конницей; наконецъ всѣ стали роптать на ея бездѣйствіе и когда исподволь тактику измѣнили, кавалерія произвела нѣсколько блестящихъ атакъ.

Въ этомъ же году были въ употребленіи ракеты во вновь сформированныхъ при полкахъ пѣшихъ и конныхъ командъ; испытывали также закладку усиленныхъ горновъ съ гальваническими проводниками. Впрочемъ, ни то ни другое особенно важныхъ результатовъ не имѣло: ракеты на открытыхъ мѣстахъ нѣсколько разгоняли чеченскую конницу, въ лѣсу же были опаснѣе себѣ чѣмъ непріятелю, а взрывы горновъ, по короткости проводовъ, причиняли мало вреда.

22-го января непріятель устроилъ новый окопъ сажень на сто въ длину, который необходимо было взять, и это исполнилъ нашъ маіоръ Цытовскій съ 4-мъ бат., вообще отличившимся въ этотъ день блестящимъ мужествомъ; у насъ убито 3, ранено 30 ниж. чиновъ и контуженъ прапорщикъ Вольбекъ.

На другой день непріятель видимо рѣшился выказать больше упорства и энергіи и самъ сталъ переходить въ наступленіе. Сильнѣе всего кипѣлъ бой съ лѣвой стороны, гдѣ при-

крытіе составляли Кабардинцы—1-й бат. маіора Властова и 3-й флигель-адъютанта подполковника барона Николаи, незадолго предъ этимъ только переведеннаго въ полкъ. При отступленіи приходилось поворачивать кругомъ, бросаться на ура и отогнавъ непріятеля опять отступать. При этомъ наша охотничья команда съ Богдановичемъ сдѣлала удачную засаду.

Дѣло было жаркое, убитъ ядромъ артиллерійскій офицеръ, 5 ниж. чиновъ, ранены баронъ Николаи въ горло, наши же подпоручикъ Бѣлецкій и прапорщикъ Дювари, да 30 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Изъ нѣсколькихъ убитыхъ горцевъ одно тѣло осталось въ нашихъ рукахъ и было притащено въ лагерь. Это былъ такой гигантъ тавлинецъ, какого рѣдко можно было встрѣтить на Кавказѣ, и докторъ Куринскаго полка взялъ его въ Воздвиженское, чтобы сдѣлать скелетъ, для чего, какъ водится, распорядился сварить трупъ, чтобы очистить кости. Горцы узнали объ этомъ и одинъ явился въ лагерь съ лазутчиками ночью, упрекая генерала Козловскаго за такой поступокъ; но тотъ ничего не зналъ и крайне разсердился на доктора. Горецъ погрозилъ эскулапу подкараулить его и сварить живого; стали назначать ему постоянный конвой и наконецъ совсѣмъ перевели въ другое мѣсто, во избѣжаніе грозившей ему здѣсь серьезной опасности.

Послѣдующіе дни, до 1 февраля, проходили уже тише, при незначительныхъ перестрѣлкахъ, но въ этотъ день непріятель опять проявилъ болѣе энергіи и дѣйствовалъ изъ орудій на близкомъ разстояніи; убиты ядромъ 1 штабъ-офицеръ Навагинскаго полка и 2 рядовыхъ, ранены 1 офицеръ, 8 нижнихъ чиновъ и нѣсколько человѣкъ контужено.

Затѣмъ, до 25 февраля, ничего особаго не случилось, просѣка все увеличивалась и приближалась уже къ выходу на рѣку Басъ. Въ этотъ день наконецъ наша многочисленная кавалерія рѣшилась переправиться чрезъ рѣчьку и атаковать собравшагося тамъ непріятеля, вовсе неожидавшаго такого движенія и весьма сконфуженнаго внезапностью удара; потерявъ человѣкъ до 30 изрубленныхъ, горцы бѣжали въ лѣса. Шамиль, крайне недовольный робостью своихъ наибовъ и ихъ неудачными дѣйствіями, сдѣлалъ имъ строжайшій выговоръ

и на общемъ совѣтѣ рѣшено было въ слѣдующій разъ встрѣтить русскихъ не въ разсыпную, разрозненными кучами, а сомкнутой пѣхотой, для чего тотчасъ ввести порядокъ (низамъ) и выдвигая свою конницу для атаки, поддерживать ее пѣшими колоннами, какъ дѣлаютъ гяуры. Эта несчастная мысль, разомъ уничтожавшая традиціонную тактику горцевъ, была причиной жестокой катастрофы. Отличные стрѣлки, ловко пользующіеся мѣстностью, дѣйствуя по одиночкѣ, горцы какъ кошки умѣли ускользать отъ атакующаго и, нанося вредъ противнику, сами, большею частью, отдѣлывались незначительною потерею; переходя же къ несвойственному имъ сомкнутому строю, безъ предварительнаго подготовленія и безъ неизбѣжной строгой дисциплины, дающей возможность командующему держать массу въ своихъ рукахъ, горцы сдѣлали грубѣйшую ошибку и дорого за нее поплатились.

27 февраля усиленная колонна была подъ начальствомъ князя Барятинскаго. Оставивъ пѣхоту прорубать боковую просѣку къ Мезенинской полянѣ, онъ самъ съ кавалеріей поѣхалъ на рекогносцировку. Съ высоты кургана князь вдругъ замѣтилъ массу пѣшихъ горцевъ, выдвигавшихся на большую Шалинскую поляну впереди р. Баса. Мгновенно, чтобы не дать ей ускользнуть въ лѣсъ, кн. Барятинскій приказалъ кавалеріи обскакать съ двухъ сторонъ поляну и, по данному сигналу, драгуны, казаки линейные и дунайскіе ринулись на непріятельскую пѣхоту и врѣзались въ ея ряды съ шашками и пиками. Паническое бѣгство большинства и избіеніе остальныхъ было результатомъ этой атаки. Около 270 изрубленныхъ тѣлъ, два десятка плѣнныхъ, много оружія и проч. остались въ нашихъ рукахъ. Уныніе непріятеля было послѣ такой катастрофы безгранично и распространилось по всѣмъ горамъ; партіи начали расходиться, сопротивленіе прекратилось и когда черезъ два дня генералъ Козловскій предпринялъ рекогносцировку по теченію р. Баса, дальше тѣхъ мѣстъ, до которыхъ въ эту экспедицію доходили, то непріятель не показывался и не раздался ни одинъ выстрѣлъ.

Вообще, успѣхи двухмѣсячныхъ дѣйствій были весьма важны; Большой Чечнѣ былъ нанесенъ рѣшительный ударъ; до-

ступъ къ ея плодороднѣйшимъ полямъ открытъ; ничтожность усилій Шамиля къ ихъ защитѣ и напрасное лишь обремененіе жителей продовольствіемъ лезгинскихъ полчищъ — доказаны неопровержимо; ропотъ чеченцевъ, сознаніе неминуемаго вскорѣ прекращенія сопротивленія, уже стали заявляться болѣе откровенно. Все это было достигнуто, относительно, небольшой потерей: 30 убитыхъ и 300 раненыхъ. Императоръ Николай былъ очень доволенъ дѣйствіями Чеченскаго отряда и пожаловалъ всѣмъ нижнимъ чинамъ по 2 р. на человѣка, а отличившимся щедрыя награды.

2-го марта Кабардинскіе батальоны выступили въ свои квартиры.

Какъ доказательство важнаго для насъ значенія прорубленныхъ просѣкъ, слѣдуетъ привести движеніе князя Барятинскаго въ совершенно необычное время, 28-го іюня, изъ Грозной, съ массой кавалеріи и $4^1/_2$ бат., въ Шали и долину Гудермеса, на Мезенискія поля и къ Автуру, для истребленія посѣвовъ и ближайшаго осмотра мѣстъ, уже десять лѣтъ невидавшихъ русскихъ отрядовъ, въ которыхъ предстояло дѣйствовать въ слѣдующую зиму. И все это движеніе, о которомъ еще годъ назадъ не мечтали самые рѣшительные оптимисты, совершилось съ относительно незначительной потерей: 3-хъ убитыхъ солдатъ,—2-хъ офицеровъ и 34 нижн. чин. раненыхъ. Кабардинцы не участвовали въ этомъ движеніи и потому я подробностей его не касаюсь; только нашъ маіоръ Тромбецкій изъ укр. Куринскаго выходилъ на Мичикъ съ двумя ротами, орудіемъ и казаками, чтобы этой диверсіей отвлечь часть населенія отъ содѣйствія Автуринцамъ, дравшимся противъ отряда кн. Барятинскаго.

Въ 1851 году Богдановичъ съ своей охотничьей или стрѣлковой (какъ называли ее въ Кабардинскомъ полку) командой дѣйствовалъ чрезвычайно ловко и смѣло. 23 и 25 марта, лежа въ секретѣ въ окрестностяхъ Хасавъ-юрта, онъ схватилъ 6 человѣкъ хищниковъ въ плѣнъ и нѣсколько убилъ.

1-го мая горцы напали на табунъ, прикрытый однимъ взводомъ, но, благодаря порядку и стойкости, непріятель не поживился ни одной лошадью, потерялъ нѣсколько человѣкъ,

4-хъ осѣдланныхъ лошадей и, видя приближеніе резерва, бѣжалъ. Приэтомъ у насъ 2 человѣка убиты и 1 раненъ.

Ночью на 3-е іюля Богдановичъ съ своей командой пробрался на Качкалыковскій хребетъ къ аулу Карасу, изрубилъ работавшихъ въ полѣ 3-хъ человѣкъ, захватилъ 10 штукъ скота и безъ потери возвратился. 6 числа онъ же устроилъ засаду у раззореннаго аула Акташъ-ауха и наткнувшаяся партія, пробиравшаяся на плоскость, потерявъ 5 человѣкъ убитыхъ, бѣжала, оставя тѣла въ нашихъ рукахъ. Тоже произошло опять 29 числа въ засадѣ близь укр. Куринскаго, гдѣ охотники 2-хъ убили и 5-ть человѣкъ взяли живьемъ.

15 сентября чеченцы съ своей стороны вздумали поправить неудачу послѣдняго времени и наибъ Талгикъ съ значительною партіею переправился чрезъ Сунжу и угналъ весь скотъ мирныхъ чеченцевъ, поселившихся подъ защитой нашихъ укрѣпленій. Но періодъ неудачъ очевидно уже перешелъ отъ насъ на противную сторону: при обратной переправѣ чрезъ рѣку, партія была встрѣчена на *своей сторонѣ* всею нашею кавалеріей и мирными земляками, бросила добычу, спасаясь кто куда могъ. Побоище было ужасное; до 200 тѣлъ осталось на мѣстѣ, 38 плѣнныхъ и сотня осѣдланныхъ лошадей, съ большимъ количествомъ оружія, были добычей казаковъ. Страшное уныніе овладѣло Чечней, наибъ долгое время прятался, боясь мщенія и стыдясь показатся народу; надежды на Шамиля все болѣе и болѣе падали. Нужно однако сказать, что такого рода удачныя дѣла происходили отъ своевременности и вѣрности доставляемыхъ лазутчиками свѣденій.

До чего времена измѣнились можно заключить еще изъ слѣдующаго: 23-го сентября полковникъ Майдель сдѣлалъ съ 7-ю ротами набѣгъ въ Аухъ, захватилъ 118 штукъ скота; 10-го октября двѣ роты съ казаками, изъ Куринскаго, на Мичикѣ взяли 40 штукъ, а 21-го числа онѣ же опять 190 головъ скота, и всѣ три раза мы возвратились безъ всякой потери.

Противъ укр. Тепликичу на правой сторонѣ Сунжи, въ углу образуемомъ при впаденіи въ нее р. Джалки, находится аулъ Дахинъ-Ирзау; жители, пользуясь густымъ лѣсомъ и топ-

кими канавами, затруднявшими доступъ, дерзко производили хищничество на лѣвой сторонѣ рѣки, во-кругъ укрѣпленія, по дорогѣ къ Тереку, и причиняли намъ безпрерывный вредъ и безпокойство. Рѣшено было истребить это гнѣздо.

16-го ноября генералъ Козловскій выступилъ туда изъ Грозной, а полковникъ Майдель съ нашимъ 4-мя ротами: (3 Караб., 5, 6 и 7-й егерскими,) охотничьей командой Богдановича и 8-ю сотнями Донскихъ казаковъ изъ Куринскаго. Почти не замѣтно переправившись чрезъ Сунжу, бывшіе впереди роты Куринцевъ внезапно ворвались въ аулъ и жители, не видя спасенія, завязали отчаянное дѣло; бой былъ одиночный, по саклямъ, за плетнями, вообще гдѣ только можно было скрыться; предавъ пламени сакли, скирды хлѣба и сѣна, захвативъ 24 плѣнныхъ и нѣсколько десятковъ скота, отрядъ началъ отступленіе и Кабардинскій батальонъ, по обыкновенію, оставленъ въ арріергардѣ. Озлобленные чеченцы, къ которымъ по выстрѣламъ уже успѣли прибыть подкрѣпленія изъ ближайшихъ деревень, насѣли на нашихъ егерей, отступавшихъ шагъ за шагомъ, со свойственнымъ имъ порядкомъ и мужествомъ. Дѣло стоило намъ довольно дорого: полковникъ Майдель, прапорщ. Соковнинъ и 4 Куринскихъ офицера ранены довольно тяжело, нижнихъ чиновъ убито и ранено 73 (въ томъ числѣ 24 Кабардинца, составлявшихъ едва 6-ю часть отряда;) тутъ убитъ и молодецъ охотникъ Силантьевъ, о которомъ я разказывалъ, какъ онъ пьянаго Богдановича вводилъ къ князю Барятинскому.

20-го ноября одна наша рота между Внезапной и башней встрѣтилась неожиданно съ партіею, возвращавшеюся съ добычей отъ Терека; сдѣлавъ залпъ, егеря бросились на непріятеля, отбили всю добычу и заставили хищниковъ разсѣяться; у насъ ранены при этомъ 2 человѣка.

Наконецъ, 3-го декабря, полковникъ Баклановъ, узнавъ, что на Мичикѣ по приказанію Шамиля начали устраивать какіе-то новые завалы, двинулся туда съ нашими тремя ротами и казаками, скрытно дошелъ до рѣки, разрушилъ начатые работы и возвратился, потерявъ 4-хъ раненыхъ.

Въ концѣ 1851 года, князь Барятинскій былъ назначенъ

начальникомъ нашей 20-й дивизіи и лѣваго фланга Кавказской линіи. Безъ взякаго преувеличенія можно сказать, что одно это назначеніе, само по себѣ, составляло уже громадный успѣхъ и ручательство за близкій конецъ чеченской войнѣ. Нетолько знакомство съ краемъ и его населеніемъ, личная храбрость и предпріимчивость были въ этомъ случаѣ тѣми выдающимися качествами, которыя давали право предвидѣть вѣрный успѣхъ, но—и даже главнѣйше—извѣстная всѣмъ вѣра князя въ свою счастливую звѣзду, его искренне глубокое убѣжденіе въ непогрѣшимости составленныхъ предположеній и гораздо меньшая, чѣмъ у всякаго другаго генерала, боязнь предъ начальствомъ, свобода отъ гнетущей большинство подчиненныхъ мысли—«что скажутъ, какъ примутъ, а не дай Богъ какой нибудь неудачи» и т. п., были причиной, что дѣйствія его были смѣлы, рѣшительны, озадачивавшія непріятеля и наводившія на него уныніе; въ насъ же, напротивъ, вселявшія увѣренность въ торжествѣ.

Для зимнихъ дѣйствій 1852 года былъ собранъ отрядъ значительной силы: 11¼ бат., въ томъ числѣ 1. 2 и 4-й Кабардинскаго полка, четыре эскадр. драгунъ, 7 сот. казаковъ, 24 орудія (12 батарейныхъ) 4 ракетныя и галваническая команды, кромѣ милиціи. Шамиль, въ свою очередь, предположилъ оказать серьезное сопротивленіе и собралъ большія толпы горцевъ изъ Дагестана и лезгинскихъ обществъ. — Это была съ его стороны громадная ошибка. Обязанность продовольствовать горцевъ была для чеченцевъ крайне тяжолою и непріятною, тѣмъ болѣе, что пришельцы играли отчасти роль экзекуціонныхъ войскъ;—порождалась вражда между населеніемъ Чечни и горъ; дагестанскія толпы помогали весьма мало, ибо въ лѣсахъ не умѣли драться, да и особаго рвенія сражаться за чужое дѣло непроявляли, а гдѣ приходилось встрѣтиться имъ съ русскими войсками терпѣли огромныя потери, разнося по своимъ горамъ уныніе, вопли и ропотъ—на деспота, гнавшаго ихъ погибать на чужбинѣ. Между тѣмъ чеченцы, полагаясь на ихъ присутствіе, и сами не проявляли всей той энергіи, къ какой были способны и которую не разъ выказывали, будучи даже въ малочисленномъ сборѣ, когда,

пользуясь мѣстностью, наносили намъ такой вредъ, какого никогда присутствіе многотысячныхъ полчищъ Шамиля намъ непричиняли.—Для ободренія чеченцевъ и содѣйствія имъ въ защитѣ ихъ земли, достаточно было Шамилю приходить съ артиллеріею и съ нѣсколькими стами отборныхъ своихъ мюридовъ, которые не ударили бы лицомъ въ грязь предъ чеченцами и отличились бы совершеннымъ презрѣніемъ къ смерти, да употребить мѣры противу лазутчиковъ, ремесло коихъ до того распространилось въ Чечнѣ, что намъ были извѣстны и всякій шагъ, и всякій планъ непріятеля;—конечно, это парализировало его дѣйствія и давало намъ большой перевѣсъ, помимо перевѣса въ матеріяльныхъ средствахъ и достоинствѣ войскъ.

3-го января 1852 года наши батальоны, подъ командою полковника барона Николаи, прибыли въ Грозную, соединились здѣсь съ Тенгинцами, Навагинцами, драгунами и артиллеріею, 4-го выступили въ Воздвиженскую, откуда 5-го числа, уже вмѣстѣ съ Куринцами, послѣ молебствія, двинулись за Аргунъ, ставъ лагеремъ не вдалекѣ отъ переправы. Погода была скверная: дождь смѣшанный со снѣгомъ; это гораздо хуже было для войскъ, чѣмъ морозъ хоть и въ 10°.

По свѣдѣніямъ отъ лазутчиковъ было извѣстно, что Шамиль сдѣлалъ распоряженіе о заготовленіи продовольствія въ разныхъ пунктахъ и новыя сборища изъ горъ должны были вскорѣ прибыть. Князь Барятинскій рѣшился отступить отъ установившагося въ прежніе годы порядка и, вмѣсто начатія рубки просѣкъ, съ свѣжимъ отрядомъ, рвущимся въ бой, двинуться въ глубь Большой Чечни, пока непріятель еще неусилился подкрѣпленіями изъ Дагестана, уничтожить всѣ его запасы, разбить его, если онъ встрѣтится и—что важнѣе всего—сорвать завѣсу съ той части края, которая съ 1841 года не видала у себя русскихъ войскъ и превратилась для насъ во что то таинстевенно-пугающее, неприступное.

Оставивъ лагерь подъ прикрытіемъ двухъ Навагинскихъ и одного сводно-линейнаго батальона съ 8-ю орудіями, князь Барятинскій, 6-го января, въ день нашего полковаго праздника, въ 4 часа утра, съ остальнымъ отрядомъ пошелъ чрезъ Шали

къ Автуру, состоящему изъ нѣсколькихъ ауловъ, почти непрерывной нитью тянущихся по обрывистому берегу рѣчки Хулхулау; главный аулъ на правомъ берегу былъ совершенно скрытъ среди большихъ прекрасныхъ садовъ, примыкавшихъ къ находившемуся за ними лѣсу. Ожидая встрѣтить сильное сопротивленіе, князь сдѣлалъ нужныя распоряженія и въ атаку съ барабаннымъ боемъ были двинуты Куринцы, бывшіе подъ камандою сына своего шефа, князя Семена Воронцова. Оказалось однако, что аулъ былъ уже оставленъ жителями, только что незадолго предъ тѣмъ успѣвшими вывести семейства и скотъ въ лѣсныя чащи; въ сакляхъ найдено еще много имущества и захвачены нѣсколько отсталыхъ.

Оставивъ въ Автурѣ Куринцевъ и нашъ 4-й бат., съ остальными войсками князь Барятинскій двинулся къ слѣдующему аулу Гельдыгену, лежащему верстахъ въ 7 дальше, почти на уступахъ Черныхъ горъ. Дорога пролегала по открытой равнинѣ, покрытой небольшими лѣсными группами и однимъ нѣсколько болѣе густымъ лѣсомъ, прорѣзаннымъ извилистой, неглубокой балкой. Не встрѣчая никакого сопротивленія, колонна достигла Гельдыгена, близь котораго оказался еще аулъ Османъюртъ; оба были пусты, брошенные жителями, очевидно узнавшими о нашемъ движеніи.—Дома оказались довольно обширные и хорошо построенныя, такъ что сожженіе ихъ представило нѣкоторыя затрудненія. Когда пламя нѣсколько распространилось, былъ данъ сигналъ къ отступленію, которое и совершилось съ весьма слабой перестрѣлкой, стоившей намъ нѣсколькихъ раненыхъ. Къ ночи возвратились въ Автуры сильно утомленные батальоны, особенно наши, бывшіе въ арріергардѣ и вынужденные на рѣзкомъ холодѣ ожидать, пока вся артиллерія переходила чрезъ плохіе, обрушивавшіеся мостики, наскоро устроенные на Хулхулау.

Послѣ ночи, проведенной на бивуакахъ, весь отрядъ въ 7-мъ часовъ утра выступилъ изъ Автура, предавъ его пламени. Когда всѣ войска переправились чрезъ рѣчку и вышли на большую поляну, князь Барятинскій взялъ 1-й нашъ и 1-й Куринскій батальоны и отправился съ ними на рекогносцировку вверхъ по Хулхулау, лѣвымъ берегомъ коей идетъ до-

рога въ Ведень. Отойдя верстъ 5-ть и ознакомившись съ мѣстностью первыхъ уступовъ Черныхъ горъ, князь возвратился, имѣя жаркую перестрѣлку съ встревоженными пѣшими толпами горцевъ, думавшихъ что мы идемъ въ Ведень, изъ котораго именно въ этотъ день ѣхалъ Шамиль, ведя подкрѣпленія въ Чечню.

По соединеніи на полянѣ всѣхъ частей отряда, войска были двинуты назадъ къ Аргуну уже по другой дорогѣ, во избѣжаніе встрѣчи съ засадами, которыя могли быть подготовлены непріятелемъ на вчерашней дорогѣ. На этомъ движеніи только въ лѣвой цѣпи Куринцы имѣли перестрѣлку при истребленіи двухъ встрѣченныхъ на дорогѣ ауловъ, вся же колонна вообще была провожаема ядрами, причинившими незначительный вредъ. Весь уронъ за эти два дня заключался въ 1-мъ убитомъ и 24 раненыхъ нижнихъ чинахъ, а между тѣмъ дѣло было совершено весьма хорошее. Движеніе 6-го и 7-го января доказывало и рѣшимость, и вѣрность взгляда князя Барятинскаго, и умѣніе обмануть непріятеля неожиданно измѣняемымъ направленіемъ марша войскъ, что и было причиной ничтожной потери. Весьма важное преимущество было у насъ, впрочемъ, въ эту экспедицію—значительная масса конницы съ конными орудіями, недостатокъ коей прежде составлялъ именно нашу слабую сторону въ сравненіи съ многочисленною и ловкою конницею непріятеля.

Присутствіе большихъ скопищъ съ 5-ю орудіями и самаго Шамиля оказались ни къ чему неведущими, хотя Имамъ въ одномъ мѣстѣ, желая воодушевить своихъ горцевъ, бросился впередъ, самъ выстрѣлилъ изъ винтовки, выхватилъ шашку съ намѣреніемъ врубиться въ наши ряды и едва былъ уведенъ своими мюридами, изъ которыхъ двое поплатились жизнью на его же глазахъ, пораженные пулями нашихъ застрѣльщиковъ. Такъ, покрайней мѣрѣ, разсказывалъ лазутчикъ. Чеченцамъ приходилось убѣждаться въ безсиліи Шамиля защитить ихъ и въ томъ, что періодъ нашей робости, нашихъ неудачъ прошелъ, что возвращаются времена до 1840 года...

По возвращеніи въ лагерь, Кабардинцы, вмѣсто 6-го, от-

праздновали свой полковой праздникъ 8-го числа, весьма оживленный присутствіемъ князя Барятинскаго.

Донесеніе объ этихъ дѣлахъ было отправлено изъ Тифлиса въ Петербургъ съ особымъ офицеромъ. (Генер. штаба капит. Циммерманъ *). Императоръ Николай написалъ своеручно: «хорошія дѣла, можно надѣяться на такія же послѣдствія; малость потери невѣроятна». А князь Чернышевъ добавилъ:

«Это, кажется, рѣшительный ударъ для Большой Чечни».

10-го января была отправлена колонна для истребленія нѣсколькихъ небольшихъ ауловъ на Мезеинской полянѣ; выступили въ $3^1/_2$ часа утра всѣ три Кабардинскіе батальоны и два Навагинскихъ. Дѣло было исполнено, аулы сожжены, но при отступленіи чеченцы, невзирая на отсутствіе многочисленныхъ горскихъ партій, воспользовались крайне пересѣченною, неудобною для насъ мѣстностью и жестоко насѣли на нашъ 2-й батальонъ; отступать приходилось не только безъ перекатныхъ, но просто безъ цѣпей, потому что въ одномъ мѣстѣ, на разстояніи почти версты, лѣсъ былъ такъ густъ, перевитъ дикимъ виноградомъ и т. п., что не иначе можно было идти какъ по узенькой тропинкѣ, растянувшись рядами. Къ счастью, у насъ въ этомъ мѣстѣ не было орудій, которыя окончательно затруднили бы отступленіе. Только при выходѣ изъ этой чащи на болѣе открытое мѣсто, Кабардинцы застали Навагинскій батальонъ съ 4-мя орудіями, сейчасъ же обдавшими картечью лѣсъ и ослабившіе преслѣдованіе. Потеря оказалась довольно значительная: убиты 6 человѣкъ, раненъ маіоръ Трамбецкій въ бокъ и еще одинъ Навагинскій офицеръ и 58 нижнихъ чиновъ, не считая контуженныхъ и лошадей, десятками погибавшихъ во всякомъ дѣлѣ.

---

*) Нынѣ членъ военнаго совѣта, генералъ-лейтенантъ.

VII.

Перенесеніе дѣйствій въ Малую Чечню.—Дѣло колонны барона Вревскаго.—Смерть атамана Круковскаго.—Возвращеніе на Аргунъ, продолженіе дѣйствій въ Большой Чечнѣ, по Джалкѣ.—Движеніе чрезъ Маюртупъ къ Куринскому.—Выступленіе чрезъ Грозную опять въ Чечню и окончаніе экспедиціи.

Желая воспользоваться впечатлѣніемъ, произведеннымъ на непокорное населеніе успѣшными дѣйствіями нашими въ Большой Чечнѣ, князь Барятинскій рѣшилъ перенести внезапно театръ дѣйствій въ Малую Чечню и истребить образовавшіеся тамъ поселенія въ верховьяхъ рѣчекъ Гойты, Рошни и другихъ, считавшихъ себя обезпеченными отъ нашего вторженія лѣсистою мѣстностью, сильно пересѣченною уступами Черныхъ горъ. Вырубивъ въ вѣковыхъ лѣсахъ полянки, эти переселенцы съ плоскости, очутившейся уже въ нашихъ рукахъ, послѣ вырубки лѣсовъ и заселенія Сунжи казаками, о покорности не думали и отъ набѣговъ не отказались.

Съ этою цѣлью были сформированы двѣ колонны: одна, подъ начальствомъ генералъ-маіора барона Вревскаго, изъ трехъ батальоновъ Кабардинскаго и одного Навагинскаго полковъ, при 5-ти сотняхъ Сунженскихъ казаковъ, для движенія на Рошню; другая изъ пяти другихъ батальоновъ со всею кавалеріею, подъ личнымъ начальствомъ князя Барятинскаго, для дѣйствія на Гойтѣ.

17-го января, въ 8 часовъ вечера, выступила первая колонна и двигалась всю ночь. Привожу здѣсь подлинный разсказъ барона Николаи изъ его дневника: «обойдя Урусъ-Мартанъ, который остается влѣво отъ насъ, мы переходимъ рѣч-

ку Мартанку близь Драганъ-юрта, затѣмъ, перейдя Рошню, сворачиваемъ налѣво и вторично переходимъ эту рѣчку, по такъ называемой «русской дорогѣ», потомъ идемъ вверхъ по рѣкѣ, на правомъ ея берегу и, дойдя до опушки лѣса, скрываемся въ оврагъ, въ ожиданіи прихода Сунженскихъ казаковъ. Спустя часъ или полтора они прибываютъ, запоздавъ, потому что ожидали насъ около Гехинки. Мы вновь двигаемся впередъ, кавалерія слѣдуетъ по отдѣльной тропѣ, вправо, около самого берега рѣчки. Со входомъ въ лѣсъ мы встрѣчаемъ разныя препятствія, въ видѣ заваловъ изъ срубленныхъ деревъ, маленькихъ рвовъ, которыми непріятель перерылъ дорогу, и безъ того узкую и извилистую; проходя чрезъ густой орѣшникъ, она въ полномъ смыслѣ прескверная, и саперамъ достается порядочно поработать. Наконецъ колонна, которой почти все время пришлось идти гуськомъ, выходитъ на открытую мѣстность; но тутъ мы встрѣчаемъ валъ и за нимъ ровъ, которые пересѣкаютъ всю поляну, упираясь съ одной стороны въ уступъ, надъ самою рѣчкою, а съ другой въ гущу лѣса. Не было возможности перейти; нужно было спуститься съ крутого уступа въ ложе рѣки, что, конечно, для повозокъ не обошлось безъ трудностей. Пѣхота и конница стянулись подъ прикрытіемъ этого уступа. Пока еще не было видно ни одного непріятеля и не слышался ни одинъ выстрѣлъ, а уже было 9 часовъ утра!

Когда голова колонны выбралась, баронъ Вревскій двинулся впередъ съ кавалеріею, нашимъ четвертымъ баталіономъ и полубаталіономъ Навагинскимъ; я былъ оставленъ съ остальною частью колонны, чтобы ускорить переправу артиллеріи; второму же баталіону Кабардинскому назначено остаться на полянѣ, чтобы устроить дорогу чрезъ валъ и ровъ,—а въ особенности чтобы охранять это мѣсто. Переправивъ артиллерію, я двинулъ остальную часть пѣхоты, и замѣтивъ, что передовая колонна уже отошла на 1½ версты, я поскакалъ къ ней; мѣстность здѣсь открытая, по обоимъ берегамъ Рошни; по мѣрѣ того, какъ мы удалились отъ вала, она расширяется; но берега, при постоянномъ уклонѣ, съуживаютъ рѣку до тѣхъ поръ, пока она течетъ между отвѣсными стѣнами. Долина эта

имѣетъ около 4-хъ верстъ протяженія; она волниста, покрыта маленькими хуторами, въ которыхъ чеченцы живутъ лѣтомъ, а на зиму переходятъ въ большой аулъ, расположенный въ концѣ долины, при самомъ входѣ въ ущелье Черныхъ горъ, или же въ другіе хутора и мелкіе аулы, скрытые въ лѣсной чащѣ. Близъ самаго аула, Рошня течетъ въ глубокомъ ущелье, имѣющемъ по крайней мѣрѣ одну версту ширины. Когда я догналъ пѣхоту первой колонны, она уже прошла мимо первыхъ хуторовъ, но еще никакого непріятеля не было видно. Кавалерія отдѣлившись впередъ, бросилась въ аулъ Шуаипбъ, тотъ самый, который былъ при входѣ въ ущелье; тогда только раздались первые ружейные выстрѣлы. Казаки весьма скоро заняли весь аулъ, изъ котораго непріятель побѣжалъ въ оврагъ и на ту сторону рѣки. Недолго спустя, мы увидѣли казаковъ, выходящихъ обратно изъ аула; они гнали передъ собою отъ 15 до 20 штукъ скота и везли разную добычу; они примкнули къ намъ и отступленіе началось, съ слабою пока перестрѣлкою. Приказаніе сжечь хутора нѣсколько, а по моему мнѣнію даже слишкомъ, замедляетъ наше движеніе. Артиллерія въ свою очередь также дѣлаетъ остановку, ибо пользуется каждымъ пригоркомъ, чтобы производитъ выстрѣлы. Я получаю отъ барона Вревскаго приказаніе отдѣлить, подъ начальствомъ полковника Булгакова, нашъ 4-й бат. и двѣ роты Навагинскія вправо, для составленія чего-то вродѣ отдѣльной и усиленной цѣпи, и дабы сжечь маленькіе аулы, которые виднѣются у опушки лѣса. Это опять замедляетъ движеніе. Между тѣмъ въ лѣсу виднѣются толпы конныхъ и пѣшихъ непріятелей, которые, повидимому, спѣшили насъ предупредить. Вскорѣ сильная перестрѣлка началась въ правой цѣпи; пламя и густой дымъ извѣстили, что аулы горятъ; а пока мы все медленно отступали къ завалу, который прикрывалъ входъ въ лѣсъ. Вдругъ я замѣтилъ какого-то раненаго офицера, котораго положили въ повозку, и врача, который около него суетился; на мой вопросъ: «Кто это»?—мнѣ отвѣчаютъ, что это Корсаковъ. (молодой Кабардинскій офицеръ.) Бѣдный юноша! мнѣ очень жаль его. Приблизившись къ нему, я по блѣдному и стра-

дальческому выраженію его лица и по затемнѣлымъ глазамъ вижу, что рана должна быть тяжелая; онъ раненъ въ бокъ и пуля осталась въ тѣлѣ. Вслѣдъ за тѣмъ узнаю, что поручикъ Пяткинъ, командиръ 4-й Карабинерной роты, также раненъ, но легче, хотя въ грудь; что капитану Богдановичу пуля попала въ руку, но это не препятствуетъ ему оставаться верхомъ во главѣ своей храброй команды.

Мало по малу вся колонна подошла къ завалу, черезъ который между тѣмъ нашъ второй батальонъ продѣлалъ отверстіе, достаточное для прохода артиллеріи. Четвертый батальонъ также подошелъ. Баронъ Вревскій приказываетъ установить шесть батарейныхъ орудій передъ заваломъ, чтобы обстрѣливать картечью правую опушку лѣса, гдѣ непріятель долженъ быть сосредоточенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, къ немалому моему удивленію, онъ объявляетъ мнѣ, что намѣренъ остановиться на этомъ мѣстѣ, чтобы рубить лѣсъ. При этомъ отдается приказаніе, чтобы 2-й батальонъ Кабардинскій, который я назначилъ для охраненія завала до прихода всей колонны и для составленія затѣмъ арьергарда, занялъ обѣ цѣпи, и чтобы Навагинскій батальонъ прошелъ лѣсъ въ авангардѣ; мнѣ же предоставляется затѣмъ сдѣлать остальныя распоряженія.

Эти передвиженія заставили меня назначить въ арьергардъ 1-й батальонъ, съ которымъ я шелъ, и перевести 4-й батальонъ съ правой цѣпи на лѣвую сторону въ лѣсъ. Все это было не мало затруднительно въ столь невыгодной мѣстности, гдѣ лѣсъ былъ такъ густъ, что ничего не было видно на 40 шаговъ. Между тѣмъ артиллерія не переставала стрѣлять картечью. Поручикъ 1-й егерской роты, Рындинъ, раненъ въ ногу, но продолжаетъ командовать ротою. Пока это происходило, остальная артиллерія и обозъ въѣхали въ лѣсъ; послѣ болѣе нежели получасовой канонады, баронъ Вревскій прислалъ мнѣ приказаніе начинать отступленіе и командовать арьергардомъ; орудія постепенно перевозятся черезъ завалъ и за ними слѣдуетъ первый батальонъ. Я расположилъ 1-ю карабинерную роту съ лѣвой стороны дороги, за заваломъ, а 1-ю егерьскую въ резервъ; на правой сторонѣ 2-ю егерьскую, приказавъ имъ до того, пока они тронутся, поддерживать учащенный ру-

жейный огонь. При невозможности дѣйствовать орудіями на столь узкой и извилистой дорогѣ, я отдалъ подполковнику Янову приказаніе отвезти послѣднія два орудія, которыя еще оставались около завала; 3-я егерьская рота назначена составлять голову правой цѣпи, и хотя ей слѣдовало примыкать къ 4-му батальону, но по причинѣ неимовѣрной густоты лѣса нельзя было избѣгнуть перерывовъ.

Когда я удостовѣрился, что орудія отъѣхали на нѣкоторое разстояніе, арьергардъ тронулся; капитану Богдановичу было приказано составить съ своею стрѣлковою командою уголъ соединенія арьергарда съ лѣвой цѣпью. Имѣя основаніе ожидать въ этомъ мѣстѣ самыхъ усиленныхъ непріятельскихъ покушеній, я счелъ нужнымъ ввѣрить этотъ важный и опасный постъ расторопному начальнику и столь надежной командѣ. Впрочемъ я пока предполагалъ, что со стороны непріятеля будетъ только очень сильная перестрѣлка и, быть можетъ, нѣсколько частныхъ попытокъ нападенія холоднымъ оружіемъ, но ни какъ не ожидалъ того, что за симъ послѣдовало.

Чуть только роты, которыя охраняли завалъ, отошли отъ него шаговъ на двадцать, какъ я замѣтилъ появленіе сплошной массы пѣшаго непріятеля около дерева, находившагося на оконечности завала. Намѣреніе ихъ броситься въ шашки на арріергардъ было очевидно; направо и налѣво лѣсъ былъ такъ густъ, что 1-я карабинерная и 1-я егерьская роты должны были слѣдовать по одной только узкой дорогѣ, и потому скучились, составляя одну массу.

Чувствуя всю важность этого момента, и понимая, что единственное средство остановить дерзость непріятеля состояла въ томъ, чтобы самому перейти въ наступленіе, я, хотя съ трудомъ, остановилъ роты, которыя растянулись и, крикнувъ: ура! повелъ ихъ впередъ. Храбрые солдаты, подъ предводительствомъ своихъ отличныхъ офицеровъ, двухъ юнкеровъ Бибиковыхъ, которые состояли при мнѣ, и кумыкскаго жителя Амиръ-хана, бросились на непріятеля, повторяя мой крикъ: ура! Непріятель не выдержалъ натиска и обратился въ бѣгсуво, но, прикрывшись лѣсомъ, онъ тотчасъ открылъ убійственный огонь, который стоилъ намъ немало жертвъ; не про-

шло мгновенія, какъ уже вынесли убитаго нашего офицера, молодаго князя Бебутова, вслѣдъ затѣмъ маіоръ Крыловъ раненъ пулею въ нижнее бедро; за то солдатамъ удалось нѣсколькихъ чеченцевъ поднять на штыки, другіе же пали отъ пуль нашихъ. Предъ самымъ наступленіемъ нашимъ, былъ слышанъ изъ непріятельской толпы голосъ, который кричалъ по-русски: «А! попались наконецъ! вотъ мы вамъ зададимъ». Но крикуна вслѣдъ за тѣмъ уложила пуля. Храбрый штабсъ-капитанъ Суринъ шелъ впереди своихъ карабинеровъ, а поручикъ Рындинъ схватилъ солдатское ружье.

Однако нужно было опять обратиться къ отступленію; какъ только послѣ нѣсколькихъ шаговъ первый изгибъ дороги закрылъ отъ насъ завалъ, послышался новый гикъ непріятеля; минута была критическая. Я понялъ въ этотъ моментъ, на сколько отступленіе ставитъ въ невыгодныя условія, имѣя, само по себѣ, неблагопріятное вліяніе на расположеніе духа людей. Бываетъ невольное колебаніе... Я долженъ былъ суетиться, кричать; старые солдаты меня поддержали, съ ними Суринъ и Рындинъ; наконецъ намъ удалось вновь броситься на непріятеля. Хотя ряды наши были значительно уменьшены, успѣхъ былъ несомнѣненъ; непріятель опрокинутъ во второй разъ, но бѣдный Рындинъ тяжело раненъ въ ногу и его пришлось вынести.

Какъ только непріятель побѣжалъ, я тотчасъ, не преслѣдуя его, приказалъ продолжать отступленіе; онъ въ третій разъ возобновилъ нападеніе, потомъ въ четвертый и даже въ пятый; каждый разъ повторялось тоже самое, но за то и каждый разъ было минутное недоумѣніе. Между тѣмъ я посылалъ одно за другимъ приказаніе 4-му батальону идти къ намъ въ подкрѣпленіе, ибо ни 3-ю, ни 2-ю роту я не могъ употребить въ дѣло, такъ какъ онѣ имѣли свое назначеніе охранять правую сторону и мѣсто было слишкомъ тѣсно. Штабсъ-капитанъ Суринъ своимъ хладнокровіемъ и мужествомъ вызывалъ мое искреннее удивленіе. Во все это время мы прошли не болѣе 1/2 версты. Пока это происходило, капитанъ Богдановичъ съ своими храбрецами оказалъ намъ значительныя услуги, удерживая натискъ непріятеля; стрѣлки даже успѣли овладѣть двумя непріятельскими тѣлами; если бы непріятелю

удалось пробить этотъ пунктъ, онъ бы атаковалъ насъ съ тылу, и тогда Богъ вѣсть, чтобы случилось, ибо наши постоянныя наступательныя дѣйствія отдалили насъ отъ колонны, которую скрывала густота лѣса, и мы, повидимому, были совсѣмъ одни въ лѣсу. Мы всѣ были пѣшіе, и я приказалъ всей моей свитѣ спѣшиться.

Наконецъ я увидѣлъ маіора Цитовскаго, идущаго къ намъ съ 4-ю карабинерною ротою; дѣло обратилось въ жаркую перестрѣлку, непріятель повидимому утомился. Я отдалъ приказаніе маіору Цитовскому съ 4-ю ротою вступить въ арьергардъ, пропустивъ горсть нашихъ храбрецовъ, которая выдержала весь натискъ непріятеля и этимъ, можно сказать, спасла отступленіе колонны. Честь и слава молодцамъ!

Съ неописаннымъ удовольствіемъ мы наконецъ увидѣли конецъ этого страшнаго лѣса; я тотчасъ распорядился поставить четыре орудія, для того, чтобы, послѣ выхода 4-й карабинерной роты изъ лѣса, онѣ обстрѣливали сей послѣдній картечью. Но дѣло было уже окончено, и самая ружейная перестрѣлка мало по малу прекратилась. Благодареніе Богу, который и меня охранилъ отъ такой опасности! Я сердечно поблагодарилъ штабсъ-капитана Сурина и его храбрыхъ карабинеровъ, а также капитана Богдановича и его стрѣлковъ за ихъ истинно геройское поведеніе. Къ сожалѣнію, число раненыхъ, и между ними тяжелыми ранами, велико: въ одной 1-й карабинерной ротѣ 25 человѣкъ лучшихъ солдатъ, въ стрѣлковой командѣ 10 человѣкъ; всего наша (т. е. Кабардинцевъ) потеря доходитъ до 82 человѣкъ, а въ цѣлой колоннѣ около 100 человѣкъ.—Это значитъ платить немного дорого за сожженіе нѣсколькихъ сакель»!

Замѣчаніе это сдѣлано въ слишкомъ мягкой формѣ...

Въ то время, какъ описанное происходило въ колоннѣ барона Вревскаго, неимѣвшаго привычки жалѣть людей... Князь Барятинскій проникъ въ верховья Гойты и посланная впередъ кавалерія съ ген.-маіоромъ Круковскимъ захватила почти въ расплохъ одинъ изъ ауловъ, изрубила нѣсколько человѣкъ чеченцевъ, бѣжавшихъ съ цѣлью укрыться въ лѣса, а казаки разсыпались по саклямъ за добычей.

Оставшійся назади съ двумя сотнями атаманъ Круковскій, слыша усиленную перестрѣлку и боясь, чтобы казаки, до прибытія пѣхоты, не понесли большой потери, отправляетъ бывшія съ нимъ сотни въ подкрѣпленіе, а самъ съ нѣсколькими офицерами и своимъ конвоемъ изъ 20 человѣкъ казаковъ остается у входа въ аулъ въ рѣдколѣсьи, гдѣ было совершенно тихо и казалось нѣтъ ни души живой.

Видя, что казаки слишкомъ разсыпались между сакель, а драгуны и пѣхота все еще не показываются, онъ приказываетъ играть сборъ. Въ эту минуту раздается залпъ нѣсколькихъ винтовокъ, атаманъ и человѣка два изъ конвоя падаютъ мертвыми съ коней, остальные конвойные казаки, пораженные такимъ неожиданнымъ ударомъ, теряются, человѣкъ 15 чеченцевъ пользуются этимъ, выскакиваютъ изъ сакли, (въ которой они сидѣли притаясь и спасаясь отъ казаковъ при первомъ ихъ прорывѣ въ аулъ), дѣлаютъ въ упоръ другой залпъ, съ гиками бросаются съ обнаженными шашками и рубятъ командира Волжскаго казачьяго полка войсковаго старшину Полозова, хорунжаго Дорохова и остальныхъ конвойныхъ казаковъ...

Пока занятые захватомъ добычи казаки узнали объ этомъ ужасномъ происшествіи, пока удалось собрать и сформировать полсотни Гребенцовъ и прискакать къ мѣсту катастрофы, чеченцы обобрали съ убитыхъ все до рубахъ, исполосовали шашками трупы и безнаказанно скрылись въ лѣсъ...

Разсказывали еще иначе подробности этого происшествія, но варіянты не имѣли особаго значенія, результатъ былъ все тотъ же: атаманъ линейныхъ казаковъ, ген.-маіоръ Круковскій, прекрасный человѣкъ, честнѣйшій исполнитель своихъ обязанностей, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ и непритворною любовью всѣхъ казаковъ, погибъ и съ нимъ его свита и два десятка лучшихъ, избранныхъ казаковъ! Постоянно осторожный, жалѣвшій казаковъ и берегшій ихъ отъ потерь до того, что въ отрядѣ даже раздавались насмѣшки и нѣкоторый ропотъ самой-же кавалеріи, Круковскій сложилъ голову въ пустомъ набѣгѣ!...

Послѣ этого печальнаго происшествія, невольно смутившаго и самого князя Барятинскаго, приказано было всей ко-

лоннѣ отступать. Чеченцы весьма слабо преслѣдовали насъ и Куринцы, бывшіе въ арріергардѣ, отдѣлались потерей нѣсколькихъ раненыхъ. — Вообще же, потеря въ обѣихъ колоннахъ была сравнительно весьма значительная. Кромѣ генерала Круковскаго, маіора Полозова и хорунжаго Дорохова, убиты прапорщики Ивановъ и (Кабард. полка) князь Бебутовъ, хорунжій Романовъ, около 40 человѣкъ нижнихъ чиновъ, изъ коихъ большинство казаки и 11 Кабардинцевъ; ранены маіоръ Крыловъ, штабсъ-капитанъ Богдановичь, поручики Пяткинъ, Рындинъ Реннеръ и Корсаковъ, (умершій чрезъ сутки въ ужасныхъ страданіяхъ) молодой, прекрасный, богатый, полный надеждъ офицеръ, и прапорщикъ Никитинъ,—всѣ семь Кабардинцы, сотникъ Богаевскій, подпоручикъ Хилинскій и милиціонерный офицеръ изъ азіатцевъ, да 116 нижнихъ чиновъ. А между тѣмъ мы имѣли здѣсь дѣло только съ мѣстнымъ населеніемъ, и то застигнутымъ въ расплохъ. Таковы то были чеченцы, особенно Малой Чечни, когда безъ всякихъ предварительныхъ сборовъ, подкрѣпленій и распоряженій наибовъ, рѣшались защищать свои трущобы! Мѣсяцемъ раньше этого, извѣстный генералъ-маіоръ Слѣпцовъ тоже палъ при набѣгѣ въ верховья р. Шалажи въ Малой-же Чечнѣ. Замѣчательно, что какъ будто сама судьба мстила намъ всякій разъ, какъ только мы сворачивали съ прямаго пути, уклонялись отъ установленной системы и думали налетами и наѣздничествомъ достигать важныхъ цѣлей. Цѣлые мѣсяцы рубки просѣкъ, возведеніе укрѣпленій, поселеніе станицъ и т. п. дѣйствій, во очію подвигавшихъ наши успѣхи и приближавшихъ насъ къ покоренію края, не стоили стольнихъ жертвъ, какъ нѣсколько—часовые набѣги въ Чечнѣ, или хоть и продолжительные, но не менѣе безплодныя осады укрѣпленныхъ ауловъ въ Дагестанѣ. — Но уроки скоро забывались, минутныя соображенія, а нерѣдко просто увлеченія, брали верхъ и мы опять и опять предпринимали движенія, для наказаній, устрашеній и т. п., расплачиваясь за нѣсколько сожженныхъ сакель или захваченныхъ коровъ многими дорогими жизнями, не говоря о матеріяльныхъ потеряхъ, весьма не малыхъ, если взять въ соображеніе, что лишь одинъ выстрѣлъ гранатой уже стоилъ гораздо больше

всякой сожженной хаты или взятаго бычка, а выстрѣловъ этихъ выпускалось не мало.

19-го января войска ходившія въ Малую Чечню возвратились въ лагерь на Аргунъ. Тѣло бѣднаго Корсакова отправили по линіи въ Хасавъ-юртъ для погребенія, а раненыхъ помѣстили въ Воздвиженскомъ госпиталѣ.

За тѣмъ отрядъ занялся рубкой лѣса на той сторонѣ р. Баса; непріятель производилъ каждый день канонаду по колоннамъ, но вреда причинялъ намъ мало, а 24-го ч., при внезапномъ захватѣ лежавшаго не вдалекѣ аула Саҭи-юрта, казаки нанесли изрядное пораженіе пѣшей толпѣ горцевъ, неуспѣвшихъ бѣжать съ поляны въ лѣсъ.

Къ 1-му февраля всѣ работы въ этой мѣстности были закончены; лѣсъ отъ Воздвиженской до Автура былъ такъ расчищенъ, что на этомъ пространствѣ могли уже безопасно ходить небольшія колонны; оставалось открыть такой же доступъ въ глубь Большой Чечни отъ Грозной, нашего центральнаго пункта, болѣе удобнаго для быстраго сосредоточенія войскъ и ихъ снабженія.

По этимъ соображеніямъ лагерь былъ перенесенъ внизъ по Аргуну къ Тепли и войска приступили къ рубкѣ лѣса по лѣвому берегу р. Джалки, отъ Мискиръ-юрта. Здѣсь, въ плодородной долинѣ, сгрупировалось густое и сравнительно богатое народонаселеніе, благодаря обильнымъ запасамъ кукурузы, проса, а также большому скотоводству; хотя долина Джалки была гораздо ближе къ Грозной чѣмъ другія части Чечни и, казалось, должна бы подвергаться большей опасности отъ вторженій русскихъ войскъ, но окруженная значительными густыми лѣсными пространствами и нѣсколькими топкими ручьями, а чрезвычайная якобы трудность движенія по нимъ очень ловко внушалась нашимъ начальствамъ разными лазутчиками и «преданными» чеченцами, долго охраняла при Джалкинское населеніе отъ нашего посѣщенія. Князь Барятинскій наконецъ рѣшился сорвать эту печать таинственности, хотя и его старались увѣрить въ рѣшительной непроходимости для войскъ съ артиллеріею дорогъ, ведущихъ къ центру населенія; съ цѣлью такого внушенія, лазутчики, явившіеся въ Грозную

послѣ подробнаго якобы осмотра мѣстности, и имѣвшіе служить намъ проводниками, вошли къ князю Барятинскому выпачканные въ грязь по самый поясъ, а лошади ихъ были болѣе похожи на свиней, провалявшихся долго въ болотѣ...

По 15-е февраля расчистили лѣса на лѣвомъ берегу и съ этого числа перешли на правый, вырубивъ и здѣсь по возможности ближайшій лѣсъ. Каждый день происходили перестрѣлки и канонада, съ потерею у насъ отъ 10 до 15 человѣкъ. Шамиль былъ въ отчаяніи, видя какъ мы все болѣе и болѣе проникаемъ въ самый центръ чеченскаго населенія, вынуждаемаго или переходить къ намъ, или бѣжать въ горы, лишаясь плодородныхъ мѣстъ, снабжавшихъ хлѣбомъ и населеніе горъ; онъ усилилъ свои сборища еще новымъ подкрѣпленіемъ горцевъ, велѣлъ испортить, гдѣ только была малѣйшая возможность, дороги и переправы, однимъ словомъ, проявлялъ лихорадочную дѣятельность, чтобы хотя на время задержать наше наступательное движеніе и разореніе Чечни.

Чтобы еще болѣе убѣдить чеченцевъ въ безсиліи Шамиля защитить ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно обрекогносцировать мѣстность, для опредѣленія—что остается сдѣлать къ соединенію Грозной съ Куринскимъ чрезъ Чечню прямой дорогой, князь Барятинскій, оставивъ лагерь подъ прикрытіемъ 3-хъ батальоновъ, съ остальными 8-ю и всей кавалеріей 17-го февраля предъ разсвѣтомъ двинулся по только что прорубленной просѣкѣ къ аулу Цацину. Шамиль, не зная еще положительно направленіе отряда, собралъ всѣ свои толпы и артиллерію за ауломъ Эманы въ лѣсной долинѣ Хулхулау. Здѣсь, при переходѣ чрезъ рѣчьку, въ арріергардѣ завязалось довольно жаркое дѣло. Достигнувъ Гельдыгена, войска сдѣлали привалъ, а для дальнѣйшаго движенія, обѣщавшаго встрѣтить несомнѣнно отчаянное сопротивленіе непріятеля, порядокъ слѣдованія отряда былъ измѣненъ и въ арріергардъ (хотя мы наступали, а не отступали, но хвостъ всегда подвергался въ Чечнѣ самымъ отчаяннымъ натискамъ), были назначены 1-й и 2-й батальоны Кабардинскаго и 1-й бат. Эриванскаго гренад. полковъ, подъ начальствомъ барона Николаи, а въ лѣвую цѣпь нашъ 4-й батальонъ съ Куринцами.

Когда главная колонна перешла чрезъ оврагъ за Гельдыгенъ, гдѣ непріятель до того испортилъ мостъ, что не было возможности переѣхать повозкамъ и пришлось, подъ учащенными выстрѣлами 4-хъ орудій, разработать спуски и поправить мостъ,—началъ движеніе арріергардъ; отступая залогами по густой чащѣ лѣса, пользуясь встрѣчающимися изрѣдка полянками, батальоны наши двигались такъ стройно, что обратили на себя общее вниманіе. Горцы толпами кидались на арріергардную цѣпь и на уголъ правой цѣпи, но встрѣчаемые залпами и дружными «ура» исчезали на минуту, чтобы вновь попытать счастія на другомъ мѣстѣ. Вскорѣ открылись болѣе обширныя поляны, гдѣ утомленные боемъ люди могли отступать спокойнѣе; только въ боковыхъ цѣпяхъ горѣла еще перестрѣлка и наши снаряды со свистомъ летѣли въ толпы горцевъ, окружавшихъ свои орудія.

День склонялся къ вечеру, когда стали подходить къ аулу Маюртупъ, уже занятому авангардомъ; всѣ толпы непріятельскія, видя что впереди нечего больше дѣлать, сосредоточили всѣ усилія на арріергардъ, который такъ блистательно производилъ свой спеціальный маневръ—перекатныхъ цѣпей и залоговъ, что отчаянныя усилія противника ни къ чему не привели. Было темно, когда арріергардъ подошелъ къ аулу, большая часть коего стояла въ огнѣ. Маюртупъ—сильный аулъ, окруженный балками, расположенъ на уступѣ Черныхъ горъ, на довольно значительной высотѣ надъ долиной Чечни. Со стороны укр. Куринскаго, къ которому предстояло нашимъ войскамъ выйти, этотъ аулъ окруженъ густымъ орѣшникомъ, гораздо труднѣйшимъ для движенія, чѣмъ вѣковые лѣса, и глубокимъ ложемъ р. Гудермесъ, впадающаго въ Мичикъ. Маюртупъ стоялъ какъ бы на полуостровѣ, между двумя глубокими оврагами, спускающимися съ горъ къ руслу рѣки.

Измученные семнадцати-часовымъ движеніемъ и боемъ, наши егеря не стали уже искать порожнихъ сакель или какихъ-нибудь удобныхъ мѣстъ для ночлега, а просто опустились гдѣ стали, выславъ противъ каждаго батальона по 10 паръ въ цѣпь. У солдатъ не достало силъ варить кашу, они отказались отъ всего, лишь бы имъ дали отдыхъ; имъ наскоро

роздали по чаркѣ водки, закусили сухарями и разлеглись кто какъ могъ.

Все было тихо въ лагерѣ; вдругъ раздались нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ; уже думали—тревога, придется подниматься, но опять все замолкло: это разстрѣляли лазутчика, уличеннаго въ коварствѣ и намѣреніи завести отрядъ въ подготовленную засаду.

Чуть сталъ брезжить свѣтъ, разсказываетъ Г. К. Властовъ, командовавшій 2-мъ батальономъ, онъ проснулся и увидѣлъ страшную картину: многіе солдаты и офицеры спали, положивъ головы на тѣла убитыхъ товарищей, привезенныхъ, по принятому обычаю, для погребенія въ лагерь. Пройдя впередъ, чтобы осмотрѣть передовую цѣпь, онъ нашелъ ее преспокойно спящею, хотя это была смѣнившая первую въ полночь; люди могли быть перерѣзаны непріятелемъ, но и онъ также былъ до крайности утомленъ, онъ тоже гдѣ нибудь за оврагомъ спалъ безъ всякой охраны. Нельзя было взыскивать съ людей за такой, въ сущности важный проступокъ; всему есть предѣлъ и даже выносливости русскаго солдата! Съ 3-хъ час. утра до 9-ти вечера быть на ногахъ, подъ ружьемъ, подъ походнымъ вьюкомъ, двигаться по грязной, глинисто-скользкой дорогѣ, переходить въ бродъ рѣчки, бросаться то впередъ, то назадъ, то продираться сквозь чащу, поддерживая перестрѣлку, вынося убитыхъ и раненыхъ товарищей, слушая свистъ пуль и ядеръ, гики непріятеля, грознаго ударами острыхъ шашекъ, успѣвая за все время проглотить какой-нибудь размоченный въ водѣ сухарь,—какъ хотите, никакіе нервы, никакіе мускулы дальше этого идти не могутъ!..

Разсвѣло, кашевары готовили кашу, чтобы, къ предстоящему движенію дальше, люди могли обогрѣться и подкрѣпиться горячей пищей.

Въ 7 часовъ утра отрядъ оставилъ пылающій Маюртупъ и двинулся прежнимъ порядкомъ. Но еще съ вечера князь Барятинскій съ вѣрнымъ человѣкомъ послалъ въ Куринское полк. Бакланову приказаніе выйти къ разсвѣту на встрѣчу чрезъ р. Гонсаулъ.

Баклановъ блистательно и съ быстротой исполнилъ при-

казаніе и рано утромъ появился предъ изумленнымъ непріятелемъ со стороны Качкалыковскаго хребта, чрезъ который онъ прошелъ ночью же по заранѣе, имъ лично изслѣдованной лѣсной тропинкѣ. Его колонна остановилась на открытой полянѣ предъ густымъ орѣшникомъ, изъ котораго дебушировалъ отрядъ князя Барятинскаго. Соединились скоро съ Баклановымъ лишь головныя части отряда, арріергарду же и боковымъ цѣпямъ все время прохода чрезъ чащу приходилось отбиваться отъ насѣдавшихъ чеченцевъ. Въ особенности досталось нашей 12-й ротѣ штабсъ-капитана Яновича, съ одной Тенгинской, потерявшей направленіе и оторвавшейся отъ нашей цѣпи; нѣсколько Тенгинцевъ были ранены шашками и вышли наконецъ съ прибытіемъ въ подкрѣпленіе нашей 1-й карабинерной и 5-й егерской роты.

Тотъ, кто не участвовалъ въ подобныхъ движеніяхъ, едва можетъ вообразить себѣ трудности ихъ совершенія съ соблюденіемъ порядка, т. е. не теряя ни на минуту связи съ цѣпями по такой мѣстности, въ которой ничего не видно въ 10 шагахъ; нѣтъ ничего легче, какъ быть подстрѣленнымъ собственными пулями, не говоря о томъ, что весьма часто цѣпи сбиваются съ направленія и идутъ въ сторону отъ тропы, по которой тянутся сомкнутыя части артиллеріи, обозы, раненые и проч., вмѣсто того чтобы идти параллельно; тогда все это остается неприкрытымъ и можетъ подвергнуться совершенно неожиданному нападенію, придти въ замѣшательство, а отъ этого до паники иногда одинъ шагъ... Вотъ, въ такихъ движеніяхъ главная задача батальоннаго командира давать цѣпямъ правильное направленіе, замѣчать ошибки и немедленно исправлять ихъ; но скакать по густой чащѣ верхомъ, когда тысячи прутьевъ сплетаются, хлещутъ по лицу и по лошади, сбиваютъ шапку, рвутъ платье, крайне трудно и не менѣе опасно, потому что чуть только потеряно направленіе, можно попасть за цѣпь, въ перекрестный огонь своихъ и непріятеля, — что нерѣдко и случалось.

При проходѣ чрезъ Маюртупскій орѣшникъ нѣсколько разъ случилось цѣпи нашей разорваться и оставлять значительный промежутокъ въ правомъ заднемъ углу, отъ цѣпи Тенгинскихъ

батальоновъ; но, къ счастью, горцы здѣсь не вполнѣ воспользовались этими промахами и арріергардъ наконецъ благополучно выбрался на поляну, гдѣ уже отдыхали прочія войска, соединившіеся съ Баклановымъ. Съ нимъ пришли пять ротъ, въ томъ числѣ одна нашего 5 бат. и шесть сот. Донцовъ съ артиллеріей.

Послѣ привала, приказано продолжать движеніе къ Куринскому, до котораго оставалось не далеко; но задача предстояла весьма трудная: нужно было переправиться чрезъ обрывистый, обледѣнѣвшій, глубокій оврагъ, въ которомъ протекаетъ р. Мичикъ, обстрѣливаемый съ командующихъ лѣсныхъ высотъ 4-мя орудіями непріятеля, столпившагося здѣсь подъ начальствомъ Шамиля, въ числѣ не менѣе 6 т. человѣкъ, выжидающихъ лишь удобнаго момента, малѣйшаго замѣшательства или столпленія на переправѣ, особенно когда до сумерекъ уже оставалось не много времени, чтобы обрушиться на какую-нибудь часть отряда и нанести ей пораженіе. Говорили, что Шамиль выразился тогда: «Барятинскій молодъ; онъ смѣлъ, потому что еще не узналъ что такое пораженіе; я ему дамъ урокъ».

Шамиль однако ошибся: молодой (ему было тогда впрочемъ уже около 38 лѣтъ) князь Барятинскій, кромѣ смѣлости, обладалъ замѣчательнымъ врожденнымъ военнымъ талантомъ и мгновенно находилъ способъ выйти изъ затруднительнаго положенія. Такъ и въ этотъ разъ. Понимая опасность перехода чрезъ Мичикъ при данныхъ условіяхъ, онъ рѣшился употребить въ дѣло огромную массу своей кавалеріи и послать ее въ атаку на оба непріятельскія крыла, открывъ въ это время со всѣхъ нашихъ батарейныхъ орудій огонь по центру его расположенія, гдѣ стояли шамилевскія пушки. Привести это въ исполненіе оказалось тѣмъ удобнѣе, что служившій главнымъ проводникомъ, бывшій шамилевскій наибъ Бата увѣрялъ, что лѣсъ въ которомъ расположены непріятельскія силы только издали кажется сплошнымъ, но что въ немъ можно удобно и быстро двигаться кавалеріи.

До выполненія кавалеріею ея задачи, приступили къ переправѣ подъ прикрытіемъ трехъ бат., въ томъ числѣ 2-й Кабардинскій, и въ первыя же минуты ядра вырвали въ немъ

нѣсколько человѣкъ, такъ что вынуждены были положить людей на отлогости спуска къ Мичику.

Полковникъ Баклановъ съ 11-ю сотнями понесся на правый флангъ непріятеля въ лѣсъ, а командиръ Нижегородскаго другунскаго полка князь Чавчавадзе, съ 4-мя эскадронами и 5-ю сотнями на лѣвый; за первымъ бѣгомъ слѣдовалъ Куринскій бат., за вторымъ два Тенгинскихъ. Шамиль сначала замѣтивъ скачущаго къ лѣсу Бакланова, не придалъ этому особаго значенія, въ увѣренности что это демонстрація, что въ лѣсъ казаковъ не пустятъ, а думаютъ его испугать, чтобы онъ убралъ свои пушки; онъ по этому приказалъ усилить изъ нихъ огонь по подходившей къ Мичику колоннѣ, но когда вдругъ и съ лѣвой стороны показались драгуны, когда все это уже войдя въ лѣсъ продолжало идти на рысяхъ, а затѣмъ пустилось маршъ-маршъ, тогда произошла суматоха, толпы бросились на утекъ. Шамиль остался съ незначительнымъ числомъ при орудіяхъ, по которымъ вдругъ открылся адскій огонь нашей батареи, подбившій вскорѣ три орудія противника. Шамиль сначала думалъ остановить бѣгущихъ, назвалъ наиба Геху трусомъ, грозя тутъ же отрубить ему голову, приказывая стрѣлять изъ пушки въ своихъ же бѣгущихъ, но все это не помогло: чѣмъ дальше тѣмъ рѣшительнѣе совершалось бѣгство его полчищъ и онъ вынужденъ былъ послѣдовать за ними, чтобы спасти свои орудія, съ трудомъ двигавшіяся вслѣдствіе потери многихъ лошадей и прислуги. Драгуны успѣли ворваться даже въ редутъ Шуаибъ-копа, еще прежде устроенный здѣсь горцами, какъ опорный пунктъ при защитѣ переправы чрезъ Мичикъ. Спѣшившись, Нижегородцы поддерживали перестрѣлку до прибытія Тенгинцевъ, а Баклановъ доскакалъ до только что очищенныхъ непріятелемъ батарей, устроенныхъ тоже прочно. Все это было зажжено, много горцевъ изрублено; вообще, погромъ былъ сильный.

Между тѣмъ совершалась переправа съ страшными затрудненіями; крутые бока оврага были покрыты ледяной корой, пришлось прорубать колеи и спускать каждое орудіе, каждый ящикъ и повозку на веревкахъ руками людей; даже однѣ лошади съ трудомъ переходили. Легко себѣ представить,

что произошло бы здѣсь, если бы непріятель не былъ разбитъ кавалеріей и громилъ переправу изъ орудій, окруживъ насъ тучами своихъ стрѣлковъ! Какъ ни торопились, все же стемнѣло, а переправа еще не была окончена и нѣкоторая толкотня и безпорядокъ задерживали дѣло.

Наконецъ перешли всѣ, оставалось переправить прикрывавшіе отступленіе три батальона и казаковъ; а между тѣмъ уже сюда успѣла опять собраться порядочная толпа чеченцевъ, ожидавшая минуты отступленія.

По совѣщанію съ батальоннымъ командиромъ, Баклановъ рѣшилъ сначала перевести всѣхъ казаковъ, затѣмъ всѣ орудія, чтобы пѣхота могла безъ помѣхи стройно употребить свой излюбленный маневръ перекатныхъ цѣпей. Къ счастью, начало уже темнѣть, а горцы не охотники до ночныхъ дѣлъ, боясь попасть въ засаду. Когда казаки переправились, конныя орудія лихого есаула Кульгачева, сдѣлавъ по взводно залпы, быстро спустились къ рѣкѣ, вынеслись на ту сторону и стали на позицію, приготовясь стрѣлять чрезъ головы нашихъ егерей когда они спустятся въ оврагъ. Первымъ отбѣжалъ батальонъ Эриванскихъ гренадеровъ; было уже совершенно темно когда онъ достигъ противуположнаго берега и расположился тамъ въ готовности встрѣтить преслѣдующихъ своимъ огнемъ. За ними, по свистку, быстро бросились внизъ нашъ и Куринскій батальоны и въ ту же минуту чрезъ ихъ головы брызнула картечь, раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, послышались крики, стоны горцевъ и все смолкло.

Отправивъ обозы и артиллерію впередъ, подъ прикрытіемъ нашихъ и Куринскихъ батальоновъ, какъ наиболѣе утомленныхъ и пострадавшихъ, князь Барятинскій съ остальными войсками чрезъ часъ тронулся къ подъему на Качкалыковскій хребетъ, провожаемый легкой перестрѣлкой нѣсколькихъ сотъ чеченцевъ, постоянно слѣдовавшихъ за арріергардомъ, и пушечными выстрѣлами оправившагося непріятеля. Зрѣлище всего этого движенія было великолѣпное! Темная беззвѣздная ночь; вся окрестность освѣщалась заревомъ горѣвшаго редута и батарей; тысячи ружейныхъ выстрѣловъ, пересѣкаемыхъ пушечными, сверкали въ воздухѣ, разнося громкое эхо по горамъ.

Какой-то особый, трудно объяснимый гулъ стоялъ въ воздухѣ и вся картина представлялась чѣмъ то торжественно-могучимъ, гармонирующимъ съ окружающею природою. Съ радостными сердцами увидѣли наконецъ войска привѣтливые огоньки укрѣпленія и костры раскинувшагося кругомъ бивуака авангардныхъ частей, предвкушая удовольствіе отъ предстоящаго отдыха послѣ такого тяжелаго, хоть и славнаго похода.

Такъ окончилось это блистательное дѣло, которое можно уподобить правильному сраженію и которое, при сравнительно незначительной нашей потерѣ, (17 убитыхъ, 8 офицеровъ и 150 нижн. чин. раненыхъ) обезпечивъ смѣлое движеніе чрезъ всю Большую Чечню, нанесло непріятелю, кромѣ огромнаго матеріальнаго пораженія, еще большее нравственное. Потери его людьми, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, простирались до тысячи человѣкъ, но если уменьшить ее и наполовину, то для горцевъ это была цыфра страшная. Всѣ лежавшіе по пути аулы и хутора были сожжены. Самъ Шамиль убѣдился, что въ Чечнѣ дальнѣйшая борьба невозможна и что его упрямство, если еще удержатъ ее отъ окончательнаго покоренія русскимъ, то уже весьма на короткое время. Сами же чеченцы должны были подумать о своемъ спасеніи отъ окончательнаго разоренія.

19-го февраля, во время дневки, князь Барятинскій, объѣхалъ весь лагерь, благодаря войска за ихъ подвиги; общее ликованіе, въ сознаніи совершоннаго дѣла, было вполнѣ естественно и выражалось неподдѣльно всѣмъ отрядомъ; каждый солдатъ сознавалъ, что достигнутъ успѣхъ важный, что теперь ужъ не осталось въ Большой Чечнѣ мѣстъ, покрытыхъ какою-то таинственной завѣсой, считавшихся какими-то заколдованными, недоступными и только раздражавшими напрасно наше воображеніе...

Размѣстивъ всѣхъ раненыхъ, похоронивъ убитыхъ и нѣсколькихъ умершихъ въ теченіе сутокъ отъ ранъ, отрядъ 20 чис. выступилъ назадъ въ Грозную чрезъ Умаханъ-юртъ и Брагуны, гдѣ былъ ночлегъ. 21-го чис., при разгулявшейся погодѣ, войска пришли въ Старый юртъ, а 22-го вступили въ Грозную, гдѣ ихъ встрѣтилъ восторженный пріемъ. Послѣ двухъ дней отдыха, отрядъ 25-го февраля опять выступилъ по

правому берегу Сунжи и нижнему теченію Аргуна; достигнувъ переправы у разореннаго аула Устарь-Гардой, войска расположились лагеремъ. Три Кабардинскихъ батальона и вся кавалерія на правомъ берегу, прочія части на лѣвомъ, въ лѣсу, къ истребленію котораго тотчасъ же и приступили. Затѣмъ, по обыкновенію, производилась рубка просѣкъ, очищающихъ дорогу дальше къ уцѣлѣвшимъ еще частямъ населенія, до впаденія Аргуна въ Сунжу. Лѣсъ былъ вѣковой, встрѣчались чинары въ 4 обхвата, одинъ бѣлолиственный тополь имѣлъ $1^3/_4$ аршина въ діаметрѣ.

29-го февраля пріѣхалъ въ отрядъ изъ Тифлиса гвардіи ротмистръ Лорисъ-Меликовъ съ благодарностью за славное движеніе чрезъ Чечню и съ георгіевскими крестами для отличившихся солдатъ, которые тутъ же и раздавались, при торжественной обстановкѣ, кликахъ ура и всеобщемъ ликованіи.

2-го марта отрядъ, слабо преслѣдуемый ружейной перестрѣлкой, выступилъ обратно въ Грозную. Экспедиція 1852 года была окончена.

Императоръ Николай вполнѣ оцѣнилъ значеніе ея и на военномъ журналѣ, представленномъ княземъ Барятинскимъ, написалъ: «успѣхи весьма важные». И, дѣйствительно, успѣхи были важны; это былъ фундаментъ тѣхъ рѣшительныхъ результатовъ, которые проявились въ 1859 году и покончили безконечное дѣло, хотя чеченцы еще и послѣ того продолжали сопротивленіе въ теченіе семи лѣтъ. Но какое уже это было сопротивленіе, какими жестокими мѣрами шамилевской администраціи оно поддерживалось, какого разоренія стоило населенію!

Награды полку за 1851 г.

Слѣд. чины: полковнику бар. Майделю, подполковнику бар. Николаи, маіорамъ Крылову, Цытовскому, Хрисанфову, капит. Ильченко, кн. Святополку Мирскому, штабсъ-капитан. Бѣлику, князю Святополку Мирскому, Трегубову, Богдановичу, Пяткину, поручик. Бѣлику, Яновичу, Быковскому,

Соковнину, Рындину, подпоруч. Кампіони, Полонскому, Бѣлецкому, Бекрѣеву, Ползину, Княжищеву, Мердеру, прапорщ. Бабинскому, Чернявскому, Балтаго, Козловскому 3-му, Иванову, Козловскому 4-му, Бѣлику 2-му, Дивари, Медвѣдеву. Владиміра 3-й ст. полковник. бар. Николаи, 4-й ст. капит. Романусу, Богдановичу, подпоруч. Мировичу, Анну 2-й съ кор. Майделю, маіору Цытовскому, безъ короны Трамбецкому, 3-й ст. съ бантомъ штабсъ-капит. Сурину, подпоруч. Козловскому 3; и 4-й ст. захрабрость штабсъ-капитану Колядинскому, поруч. Джаджанову, подпор. Козловскому 2, нѣсколько Высочайшихъ благоволеній и денежныхъ наградъ, два юнкера—Перовскій и Лапшинъ въ офицеры, нижнимъ чинамъ 116 георгіевскихъ крестовъ и всѣмъ по 2 рубля.

VIII.

Управленіе чеченскими выходцами.—Тревоги и происшествія,—Кровавое дѣло при аулѣ Гурдали.—Тревога и опасное положеніе бар. Николаи.—Пріѣздъ князя Воронцова въ Чечню.—Неудачный набѣгъ чеченцевъ.—Дуэль въ полку.—Сдача полка барону Николаи.

Въ 1852 году выселеніе чеченцевъ подъ защиту нашихъ укрѣпленій приняло вдругъ такіе усиленные размѣры, что нужно было позаботиться объ устройствѣ управленія ими и особенно хорошаго суда, примѣненнаго къ ихъ обычаямъ. Князь Барятинскій и въ этомъ, уже чисто политическо административномъ дѣлѣ, выказалъ замѣчательную прозорливость и вѣрность сужденій. Шамиль стремился къ рѣшительному нивелированію всего подвластнаго ему народонаселенія; онъ недопускалъ никакихъ мѣстныхъ особенностей, преслѣдовалъ строго всякія преданія и легенды, уничтоживъ суды по обычаямъ и все, подчинилъ одному общему для всѣхъ шаріату, т. е. духовному суду по корану. Князь Барятинскій задумалъ какъ разъ противуположное этому, стремясь, такъ сказать, возрождать чаченскій народъ какъ племенную особь, имѣющую свой языкъ, свои преданія, обычаи, нравы, черты характера и даже наружность. Совершенно отличаясь отъ другихъ горцевъ Кавказа, чеченцы къ тому же сами считали себя аристократами, называя тавлинцевъ, т. е. дагестанскихъ горцевъ, лезгинскими мужиками.

При помощи состоявшаго тогда при князѣ Воронцовѣ для особыхъ порученій полковника Бартоломея, весьма образованнаго человѣка, археолога и нумизмата, было составлено положеніе объ управленіи чеченцами и судъ—Мехкеме, въ

которомъ разбирались всѣ дѣла (за исключеніемъ, конечно, возмущенія, вооруженнаго дѣйствія противъ русскихъ войскъ и т. п.) выборными судьями подъ предсѣдательствомъ начальника изъ русскихъ офицеровъ и въ присутствіи духовнаго лица—кадія, необходимаго въ дѣлахъ бракоразводныхъ, по наслѣдствамъ и проч. Положеніе было утверждено и введено въ дѣйствіе.

До какой степени дѣло это обратило на себя вниманіе всей Чечни, можно судить потому, что не разъ непокорные, при помощи своихъ родственниковъ покорныхъ, пробирались въ числѣ другихъ въ засѣданія Мехкеме, чтобы убѣдиться въ дѣйствительности его существованія и въ справедливости его рѣшеній.—Вліяніе этой мѣры вообще было благотворное, особенно въ первое время, когда Бартоломей, стоявшій во главѣ дѣла, и его преемникъ энергическій, смѣтливый маіоръ Бѣликъ (офицеръ нашего полка) съ примѣрнымъ усердіемъ стремились къ ея полному осуществленію.

Утверждая эти положенія, покойный Государь Николай Павловичъ повелѣлъ имѣть въ виду постепенное сближеніе покоряющихся съ кругомъ обязанностей казачьей службы, къ подчиненію ихъ одному съ казаками начальству, дабы они могли быть употребляемы для военныхъ дѣйствій особыми командами при казачьихъ полкахъ. Съ этою цѣлью формировались сотни чеченской милиціи, приносившей намъ несомнѣнную пользу во время продолжавшейся еще борьбы съ Шамилемъ. Остается только сожалѣть, что дѣло это не получило дальнѣйшаго послѣдовательнаго развитія, согласно указаніямъ Императора, и даже до настоящаго времени, чрезъ тридцать лѣтъ послѣ описываемыхъ событій, не дѣлается ничего для осуществленія столь справедливой и полезной мѣры.

Кромѣ всѣхъ описанныхъ военныхъ дѣйствій, въ теченіе 1852 года, само собою, происходили и различныя, обычныя въ тѣ времена происшествія, набѣги, нечаянныя встрѣчи съ непріятельскими партіями и т. п. Укажемъ на важнѣйшія.

Постояннымъ театромъ подобныхъ происшествій было для нашего полка преимущественно укрѣпленіе Куринское, гдѣ всякая рубка дровъ или кошеніе травы сопровождалось пе-

рестрѣлкой и потерей нѣсколькихъ человѣкъ. Кромѣ того полковникъ Баклановъ часто дѣлалъ внезапныя движенія въ долину Мичика, чтобы тревожить враждебное населеніе и причинять ему возможный вредъ. Такъ, 15-го января, еще до зимней экспедиціи, узнавъ что непріятель приступилъ къ устройству заваловъ и батарей на переправѣ чрезъ Мичикъ, Баклановъ двинулся туда, разрушилъ начатыя работы; но при отступленіи завязалось довольно жаркое дѣло, стоившее намъ 3-хъ убитыхъ, 1 офицера и 21 ниж. чин. ранеными; а завалы впослѣдствіе все-таки были чеченцами устроены.

13-го февраля, при движеніи за Качкалыковскій хребетъ, въ перестрѣлкѣ ранены 6 человѣкъ.

21-го марта въ набѣгѣ на Мичикъ чрезъ Хоби-шавдонъ произошла неудача; сильный туманъ, непроходимая лѣсная чаща, разорвавшіяся цѣпи и проч. спутники подобныхъ неблагопріятныхъ условій были причиной, что непріятель въ одномъ мѣстѣ ворвался на дорогу, по которой слѣдовала артиллерія, оказавшаяся безъ прикрытія и чуть было не овладѣлъ орудіями; услышавъ приближеніе пѣхоты, онъ ограничился тѣмъ, что отрѣзалъ постромки и угналъ изъ подъ одного орудія пару лошадей, переранивъ нѣсколько человѣкъ прислуги, старавшейся скрыться въ лѣсъ...

7-го іюля непріятель завязалъ перестрѣлку съ нашими ротами, косившими сѣно въ Чумлы, близь Внезапной, при чемъ ранены у насъ 5 человѣкъ.

16-го іюля между Герзель-ауломъ и Куринскимъ партія непріятельская напала на оказію, прикрытую ротой линейнаго № 12 батальона съ пушкой, которая свернулась въ каре и отбивалась до прибытія казаковъ. При этомъ былъ раненъ слѣдовавшій съ оказіей священникъ Кабардинскаго полка Сержановскій, очень хорошій человѣкъ.

Въ августѣ произошло дѣло, остававшееся на долго памятнымъ Кабардинскому полку. Я разкажу объ немъ, повозможности, подробнѣе. Самъ я въ этомъ дѣлѣ неучаствовалъ, находясь тогда въ Дагестанскомъ отрядѣ, но источникомъ описанія служитъ мнѣ а) офиціальное донесеніе, б) дневникъ барона Николаи, в) записки Г. К. Властова и г) сохранив-

шіеся въ моей памяти разсказы участниковъ этаго дѣла, между прочимъ самого покойнаго Я. П. Бакланова и наиба Бата, игравшаго тутъ важную роль.

Послѣ описаннаго выше зимняго перехода князя Барятинскаго чрезъ Большую Чечню въ Куринское, когда выселеніе къ намъ чеченцевъ приняло значительные размѣры, Шамиль рѣшился принять мѣры противъ этого, крайне ему непріятнаго обстоятельства. Съ этою цѣлью, онъ приказалъ собрать какъ можно больше тѣхъ чеченскихъ семействъ, которые были крайне озлоблены постояннымъ ихъ разореніемъ и пылали особою ненавистью къ русскимъ, и поселить ихъ въ удобномъ мѣстѣ на берегу Мичика, съ тѣмъ, чтобы они, пользуясь близостью Кумыкской плоскости, безпрестанными набѣгами тревожили наши войска, наносили имъ, и особенно переселенцамъ изъ Чечни, какъ можно больше вреда, а вмѣстѣ съ тѣмъ составляли бы родъ прибрежной стражи для пресѣченія выходцамъ кратчайшаго, удобнѣйшаго пути къ русскимъ укрѣпленіямъ. Распоряженіе Шамиля было исполнено и въ аулѣ Гурдали, лежащемъ на самомъ берегу Мичика, было сосредоточено значительное число собранныхъ изъ разныхъ разоренныхъ нами ауловъ семействъ, которыя и принялись исполнять съ усердіемъ возложенную на нихъ задачу.

Князь Барятинскій рѣшилъ уничтожить этотъ притонъ враждебныхъ намъ людей и выбралъ для этого то время, когда онъ самъ предпринималъ изъ Грозной движеніе въ Чечню, чтобы пожать плоды своихъ зимнихъ дѣйствій и по широкимъ просѣкамъ выйти на засѣянные чеченцами поля, истребить ихъ посѣвы, лишить средствъ существованія и способовъ продовольствія зимою вспомогательныхъ горскихъ сборищъ. Онъ предполагалъ, что одновременное движеніе двухъ отрядовъ облегчитъ каждому исполненіе ихъ задачи, развлекая силы непріятеля и ставя его между двухъ огней. По этимъ соображеніямъ, князь Барятинскій и предписалъ полковнику Бакланову, какъ старшему на Кумыкской плоскости, собравъ безъ огласки въ Куринскомъ отрядъ изъ всѣхъ могущихъ быть свободными отъ гарнизонной службы войскъ, не менѣе 3-хъ батальоновъ, напасть 11-го августа на Гурдали и, по истреб-

леніи его, возвратиться въ Куринское. Въ тотъ же день самъ князь выступилъ изъ Грозной въ Шали.

Получивъ чрезъ нашего Качкалыковскаго наиба Бата это предписаніе, Баклановъ написалъ барону Николаи въ Хасавъюртъ, чтобы онъ прибылъ съ двумя батальонами, 3 сот. казаковъ и артиллеріею въ Куринское. Баронъ назначилъ къ выступленію: весь 1-й бат., три роты 5-го бат., 3-ю карабинерную и 8-ю егерьскую (3-го бат.), команду охотниковъ, 3 орудія и 3 сотни Донцевъ. Приказаніе объ этомъ было отдано только при вечерней зарѣ, во избѣжаніе огласки, и роты, мигомъ собравшись, выступили въ 8 ч. Въ 12 часу ночи прибыли въ Герзель-аулъ, гдѣ узнали что оттуда тоже вытребована одна рота линейнаго батальона съ орудіемъ и уже выступила. Въ 4-мъ часу утра баронъ Николаи со всею колонною пришелъ въ Куринское; прежде него еще прибыли туда двѣ сотни Кизлярскихъ казаковъ. Съ присоединеніемъ 3-хъ ротъ 2-го нашего батальона, расположеннаго въ самомъ Куринскомъ, и казаковъ полка Бакланова, составился отрядъ изъ 13 ротъ съ охотничьей командой, 11 сотенъ казаковъ, 4 пѣшихъ и 3 конныхъ орудія. Нашимъ 1-мъ батальономъ командовалъ подполковникъ Крыловъ, 2-мъ—маіоръ Трамбецкій, съ ротами, 3-го бат. былъ командующій этимъ бат. маіоръ Властовъ, 5-мъ—маіоръ Нейманъ; охотниками—ихъ постоянный начальникъ капитанъ Богдановичъ.

Жары стояли въ это время африканскія, такъ что днемъ всякое движеніе было чрезвычайно утомительно для солдатъ; а между тѣмъ, по совѣту Бата, рѣшено было выступать не ранѣе 8 или даже 9-ти часовъ утра, чтобы ночные непріятельскіе пикеты успѣли отойти и движеніе наше небыло замѣчено; выступили, впрочемъ, уже около 10-ти часовъ, когда начало печь сильно. Сначала двинулся Баклановъ съ своими казаками и съ 1-мъ батальономъ; поднявшись на гору къ лѣсу, онъ приказалъ рубить дрова, чтобы обмануть непріятельскіе пикеты или разъѣзды, заставивъ ихъ думать, что это обыкновенная колонна за дровами. Чрезъ нѣкоторое время потянулся баронъ Николаи съ остальными войсками и артиллеріею.

Дорога, по которой двинулся отрядъ, была не по проруб-

ленной просѣкѣ, а правѣе, чрезъ густой лѣсъ, весь переплетенный вьющимися растеніями; духота въ немъ была нестерпимая, и одолѣвавшая всѣхъ истома, вмѣстѣ съ безсонно проведенной ночью, съ досадой что выступили такъ поздно, и съ всеобщимъ убѣжденіемъ въ рискованности всякихъ движеній по лѣсамъ лѣтомъ, были причиной не совсѣмъ веселаго расположенія духа, съ которымъ обыкновенно старые кавказцы хаживали во всякую экспедицію.

Никѣмъ незамѣченные, спустились войска въ долину Мичика и пошли направо, параллельно рѣкѣ; только 1-му бат., бывшему въ арріергардѣ, приказано идти прямо до рѣки и, какъ только услышитъ перестрѣлку, устроить переправу. Пройдя около двухъ верстъ, кавалерія опередила колонну, пѣхота слѣдовала за ней ускореннымъ шагомъ,—въ авангардѣ двѣ роты 3 бат. и Богдановичъ съ охотниками, въ правой цѣпи 2-й, въ лѣвой 5-й батальоны.

Мѣстность здѣсь очень живописная; скатъ горы былъ покрытъ большимъ количествомъ стоговъ сѣна; за нимъ обширное поле, заросшее кукурузой необыкновенной вышины, а далѣе въ разстояніи версты открылся аулъ, уже атакованный кавалеріей, ведущей перестрѣлку. Непріятель занялъ было противуположный берегъ Мичика, защищенный небольшимъ заваломъ, въ которомъ были продѣланы ворота. Храбрые баклановскіе Донцы маршъ-маршемъ спустились въ рѣку и также выбрались на крутой берегъ, мигомъ пробили ворота, причемъ былъ тяжело раненъ старшій сынъ Бакланова, обскакали аулъ совсѣхъ сторонъ, не оставивъ жителямъ никакого выхода. Подоспѣвшая пѣхота переправилась и бѣгомъ бросилась къ аулу, отдѣленному отъ берега ровнымъ открытымъ пространствомъ сажень въ 100 или 150. Впереди шт.-кап. Соковнинъ съ 3 карабинерной ротой двинулся къ улицѣ на лѣво, Богдановичъ съ охотниками на право; вслѣдъ за ними бѣгомъ 5-й батальонъ за Соковнинымъ, а 8-я рота за Богдановичемъ. Въ аулѣ загорѣлась сильная перестрѣлка; жители, не имѣя выхода, заперлись въ сакляхъ, нѣкоторые выходили и попадали въ плѣнъ, другіе сдавались, иные отчаянно продолжали защищаться. Между тѣмъ казаки отгоняли скотъ.

Огонь становился все сильнѣе и сильнѣе. Уже вынесли Соковнина, тяжело раненаго въ грудь; вслѣдъ за нимъ несутъ охотники своего начальника Богдановича, смертельно раненнаго двумя пулями въ руку и животъ; вслѣдъ выводятъ его же храбраго фельдфебеля Москаленко съ прострѣленнымъ плечомъ; Баронъ Николаи посылаетъ принять начальство надъ охотниками подпоручика Болтаго, но не успѣлъ онъ сѣсть на лошадь Богдановича, какъ его ранятъ въ ногу, а команда нашихъ молодцовъ охотниковъ уже составляетъ лишь горсть людей..,

Азіатцы, безвыходно окруженные въ своихъ сакляхъ, врагъ опасный; читатель помнитъ разсказъ мой о дѣлѣ въ аулѣ Дади-юртъ на Терекѣ, при А. П. Ермоловѣ, гдѣ Кабардинскія роты съ Гребенскими казаками истребили почти все населеніе, не хотѣвшее сдавател, но и сами понесли громадную потерю. Тоже непремѣнно повторилось бы и въ Гурдали, если бы мы продолжали упорствовать. Между тѣмъ, имѣя какой нибудь свободный выходъ, чеченцы едва ли бы стали жертвовать своими головами и пустились бы поскорѣе по направленію къ лѣсамъ, при чемъ кавалерія все еще имѣла бы достаточно возможности нанести имъ немалый уронъ.

Полковникъ Бакдановъ предполагалъ сначала отступать другой дорогой и потому послалъ казачьяго маіора Полякова съ двумя сотнями на рекогносцировку того пути, по которому двигались зимою войска, когда шли изъ Маюртупа; но Поляковъ возвратился съ докладомъ, что дорога вездѣ такъ испорчена что переправиться чрезъ Гонсулъ (впадающій въ Мичикъ) невозможно. По этому приказано отступать по той же дорогѣ, по которой пришли. Впереди двинулась кавалерія съ плѣнными (52 души) и отбитымъ скотомъ (до 300 штукъ); затѣмъ пѣхота, въ арріергардѣ 2-й батальонъ.—Непріятель тотчасъ открылъ сильный ружейный огонь и первыми же выстрѣлами раненъ штабсъ-капитанъ Чаплыгинъ. Маіоръ Трамбецкій отступалъ отлично; огонь не умолкалъ.,.

Перейдя чрезъ Мичикъ, войска двинулись вверхъ, параллельно его теченію къ мѣсту расположенія 1-й бат. который успѣлъ между тѣмъ устроить порядочную переправу. Здѣсь Баклановъ,

баронъ Николаи и Бата открыли совѣщаніе—куда лучше продолжать отступленіе: устроенною ли дорогою, берегомъ ли Мичика до нашей просѣки, или же перейти просѣку, дойти до зимней переправы и тогда, перейдя ее опять, слѣдовать назадъ по просѣкѣ? Противъ этого послѣдняго плана возсталъ рѣшительно Бата, говоря что онъ имѣетъ свѣденіе что переправа чрезъ Мичикъ не возможна и что значительная партія непріятельская насъ тамъ ожидаетъ. (Откуда непріятель могъ узнать о движеніи къ Гурдали русскихъ, на столько заблаговременно, чтобы уже успѣть собрать партію, и почему могъ онъ думать, что отступленіе будетъ по дорогѣ за Мичикомъ? Странно, что ни Баклановъ, ни бар. Николаи не предложили подобнаго вопроса Батѣ, который очевидно лгалъ,—съ цѣлью ли подкрѣпить свое мнѣніе о вредѣ идти по дорогѣ за рѣкой, или почему либо другому,—рѣшить трудно.) Бата возсталъ также противъ плана идти дальше берегомъ рѣки до нашей просѣки, говоря что здѣсь мѣстность очень стѣснена между Мичикомъ и горами и что придется нѣсколько верстъ проходить по весьма неудобному орѣшнику. Онъ рѣшительно настаивалъ на отступленіе по дорогѣ чрезъ лѣсъ, по которой войска пришли утромъ, увѣряя что непріятель еще не успѣлъ собраться и что можно ожидать лишь незначительной перестрѣлки. (Какъ же здѣсь непріятель не успѣлъ собраться, а на переправѣ чрезъ Мичикъ уже успѣлъ?) Баклановъ и баронъ Николаи оба оспаривали это мнѣніе, но наконецъ, хотя неохотно, Баклановъ сдается... (Такъ разказываетъ баронъ Николаи въ своемъ дневникѣ).

Отрядъ трогается; 1-й бат. вступаетъ въ лѣвую цѣпь, кавалерія ѣдетъ рысью впередъ, чтобы скорѣе пройти трудное мѣсто; ее встрѣчаетъ въ лѣсу огонь непріятеля, но это задерживаетъ казаковъ не надолго и они благополучно проходятъ чрезъ лѣсъ; пѣхота остается одна, въ виду трудной задачи — отступать чрезъ густой лѣсъ, по узенькой дорожкѣ, имѣя на рукахъ 300 штукъ скота, до крайности затрудняющаго движеніе безъ всякихъ средствъ поднять раненыхъ и тѣла убитыхъ, безъ которыхъ, очевидно, дѣло необойдется; а пово-

зокъ было взято съ собою всего три и тѣ уже были заняты ранеными въ аулѣ.

Не успѣли роты войти въ лѣсъ, какъ началось жаркое дѣло; непріятель за-ранѣе успѣлъ занять лѣсистый оврагъ, примыкавшій къ дорогѣ, и изготовиться; онъ встрѣтилъ насъ адскимъ огнемъ съ боковъ и въ тылъ; не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ потери наши уже считались десятками людей; особенно страдалъ маіоръ Трамбецкій съ своими тремя ротами, бывшими въ арріергардѣ и 3-я егерская рота, связывавшая его съ цѣпью 1-го бат. Непріятель, замѣчая успѣхъ своего огня, становился смѣлѣе и настойчивѣе; онъ подбѣгалъ на ближайшее разстояніе и стрѣлялъ почти въ упоръ...

Невыносимый жаръ, усиливавшійся, какъ обыкновенно это бываетъ, между 2 и 5 часами пополудни, ни малѣйшаго теченія воздуха въ густомъ лѣсу, пороховой дымъ, какою-то густою тяжелою массою державшійся неподвижно, затрудняя дыханіе, совершенное отсутствіе воды, когда языки прилипли къ гортани, и этотъ адскій несмолкаемый огонь, свистъ пуль, гики чеченцевъ, все соединилось, чтобы сдѣлать положеніе отступающихъ крайне тяжелымъ. Неслѣдуетъ забывать при этомъ, что въ кавказской войнѣ не только раненыхъ, но даже убитыхъ не бросали на полѣ сраженія,—это считалось стыдомъ, пораженіемъ; такимъ образомъ каждый, тяжело раненый требовалъ 4-хъ человѣкъ, чтобы нести его, да 5-го нести ружья; убитаго дотащить до повозки, или до пушки, на которыхъ ихъ клали, нужно было двухъ человѣкъ, по крайней мѣрѣ, и можно себѣ представить что же оставалось отъ роты въ 130—140 человѣкъ, когда она вынесла 20 человѣкъ раненыхъ и нѣсколькихъ убитыхъ? Оставались кучки людей, изнемогавшихъ отъ непосильнаго физическаго напряженія; ружья же тогдашнія, раскалившись и отъ частой стрѣльбы и отъ солнца, отказывались наконецъ совсѣмъ стрѣлять...

Положимъ, люди выносящіе раненыхъ обязаны тотчасъ возвращаться въ свои мѣста; но это возможно тамъ, гдѣ есть кому сдать раненыхъ, гдѣ есть повозки куда ихъ положить, чтобы везли дальше, а въ такихъ набѣгахъ, предпринятыхъ на легкахъ, съ тремя повозками на три баталіона, въ полной

увѣренности, что потери почти не будетъ, приходилось нести людей въ гору версту, или двѣ, гдѣ начиналось болѣе открытая мѣстность и остановился авангардъ, а по жарѣ это пространство занимало столько времени у утомленныхъ людей, что оставшіяся горсти противъ непріятеля были въ самомъ критическомъ положеніи.

Чрезъ четверть часа послѣ вступленія въ лѣсъ, трехъ ротъ 2-го батальона уже почти не существовало: маіоръ Трамбецкій, тучный, здоровый мущина, отъ суеты во время распоряженій въ цѣпяхъ пѣшкомъ, загорѣлся, его хватилъ апоплексическій ударъ, онъ упалъ замертво, его унесли, въ авангардѣ бросили ему кровь, но чрезъ часъ онъ уже былъ мертвъ; треть людей и почти всѣ офицеры были переранены или перебиты. Съ большимъ трудомъ добрались въ правую цѣпь, меньше страдавшую, и привели оттуда обѣ роты 3-го батальона, занявшія мѣсто въ арріергардѣ; чрезъ минуту и у нихъ уже выбылъ десятокъ человѣкъ раненыхъ, слѣдовательно до 60 человѣкъ изъ рядовъ! Еще четверть часа и эти роты уже составляли какую-то горсть людей, съ ружьями отказывающимися стрѣлять. А тутъ, какъ на зло, ускорить отступленія нельзя, потому что нагруженныя тѣлами убитыхъ орудія и зарядные ящики едва двигаются въ гору и чрезъ каждые 30 сажень лошади останавливаются въ изнеможеніи. Минута была такая, что если бы нѣсколько десятковъ горцевъ бросились съ шашками въ рукахъ на нашу кучку, составлявшую арріергардъ, и на тянувшуюся тоже безъ прикрытія артиллерію, могла бы произойти печальная катастрофа, въ родѣ бывшихъ въ 1842 и 1845 годахъ. У нѣсколькихъ артиллерійскихъ лошадей, все таки были уже отрѣзаны постромки. Но и горцы, которыхъ было весьма не много, истомились, и ихъ винтовки уже не стрѣляли...

Положеніе однако становилось вполнѣ критическимъ; тѣла убитыхъ уже оставались невынесенными и пришлось, спасая живыхъ, пожертвовать мертвыми...

Баронъ Николаи посылалъ одного за другимъ офицеровъ и солдатъ къ авангарду требовать подкрѣпленій, а между тѣмъ лошадь подъ нимъ убита, онъ съ маіоромъ Властовымъ

и поручикомъ Козловскимъ остаются съ какими нибудь 20-ю человѣками въ арріергардѣ, становясь за деревья, съ ружьями на готовѣ, что и удерживаетъ, повидимому, идущихъ за ними горцевъ броситься въ шашки. Наконецъ является спасеніе въ видѣ роты линейнаго батальона, вступающей въ обязанность арріергарда. Появляются кучки людей, сдавшіе раненыхъ, огонь начинаетъ слабѣть, лѣсъ рѣдѣетъ, токъ воздуха приноситъ нѣкоторую прохладу и облегченіе задыхающимся, всѣ сознаютъ, что критическій моментъ миновалъ...

Поднявшись выше къ крупному лѣсу, наши измученные люди встрѣтили спѣшенныхъ казаковъ съ ракетною командою, которые окончательно заставляютъ непріятеля прекратить преслѣдованіе. Затѣмъ, къ общей радости, показывается Куринское и всѣ оживляются.

Потери оказались ужасныя, конечно, сравнительно съ численностью всѣхъ людей въ ротахъ. Убиты: Кабардинскаго полка штабсъ-капитанъ Быковскій и капитанъ Богдановичъ, (онъ прожилъ нѣсколько часовъ послѣ раны) этотъ прекрасный, геройски-храбрый офицеръ, милѣйшій, всѣми любимый и уважаемый товарищъ, видѣвшій впереди блистательную карьеру; 43 нижнихъ чиновъ, (въ томъ числѣ 34 Кабардинца, 2 казака и 7 лин. бат.) 16 нашихъ тѣлъ остались въ рукахъ непріятеля; ранены: Кабардинскаго полка капитаны Апрѣловъ и Василевскій, штабсъ-капитаны Соковнинъ, Безпятовъ и Чаплыгинъ, поручики Базинъ, Трамбецкій (братъ маіора), подпоручикъ Болтаго, прапорщикъ Мейендорфъ, линейнаго батальона поручикъ Олешкевичъ, сотникъ Баклановъ и около 240 нижнихъ чиновъ, изъ коихъ болѣе двухъ сотъ Кабардинцевъ. Кромѣ того, умеръ славный командиръ 2 батальона маіоръ Трамбецкій, молодой, тоже всѣми уважаемый офицеръ.

Потеря стольких лучшихъ товарищей произвела въ полку грустное впечатлѣніе и разстроила на долго дружескія кружки офицеровъ...

Набѣгъ на Гурдали былъ новымъ доказательствомъ рискованности движеній по лѣсамъ, одѣтымъ листвой, и невознаграждаемости потерь достигаемыми результатами; вмѣстѣ съ тѣмъ, чеченцы подтвердили еще разъ, уже ранѣе высказанный

мною взглядъ, что когда они хотѣли сопротивляться, то дѣлали это съ большимъ успѣхомъ, безъ всякаго содѣйствія шамилевскихъ полчищъ, безъ орудій и находясь въ маломъ числѣ. Потеря наша при набѣгѣ въ Гурдали больше чѣмъ вдвое превышала потерю всего отряда князя Барятинскаго, при переходѣ чрезъ Б. Чечню до Куринскаго, а результаты перваго были—300 штукъ жалкихъ коровъ и нѣсколько бабъ съ ребятишками, втораго же—весьма важныя для окончательнаго покоренія края.

Нельзя незамѣтить еще при этомъ, что и самыя распоряженія въ этотъ разъ вовсе не соотвѣтствовали извѣстной опытности и смѣтливости покойнаго Бакланова; онъ очевидно подчинился Батѣ, человѣку весьма хитрому и ловкому, умѣвшему нѣсколько разъ изъ службы у насъ перейти къ Шамилю и, обманувъ этого, опять возвратиться къ намъ; но Бата могъ отлично знать мѣстность, имѣть свѣденія о положеніи непріятеля, выбрать лучшее время для нападенія; судить же о лучшихъ способахъ исполненія, соображаясь съ свойствами русскаго войска, было не его дѣло. Не говоря о томъ, что время движенія въ страшную жару, было уже само по себѣ не удобно, совершенно напрасно промедлили до 10-ти часовъ, вмѣсто того чтобы выступить въ 5-ть; затѣмъ, о пути отступленія нужно было подумать заранѣе, а не совѣщаться объ немъ въ виду собравшагося по тревогѣ непріятеля, теряя напрасно время и давая чеченцамъ возможность собраться въ лѣсу; напрасно спустили къ Мичику всю колонну, когда для вторженія въ аулъ и нанесенія ему на скоро возможнаго погрома достаточно было 11 сотенъ казаковъ, при поддержкѣ половины пѣхоты, съ 2-мя конными орудіями; остальныя роты лучше было расположить въ двухъ, трехъ пунктахъ эшелономъ, для обезпеченія отступленія, и тогда дѣло обошлось бы только той потерей, какая могла быть въ самомъ аулѣ. Наконецъ, сдѣлали непростительную ошибку, уславъ всю кавалерію при отступленіи впередъ и не отдавъ ей гнать скота, и не оставивъ хотя двухъ сотенъ вблизи арріергарда для вывоза раненыхъ, чѣмъ облегчили бы дѣло пѣхоты и не довели бы ротъ до превращенія въ кучки въ 15, 25 человѣкъ. Баклановъ уѣхалъ впередъ съ казаками и расположился уже въ рѣдколѣсьи, внѣ

выстрѣловъ, оставивъ всю тягость отступленіи на баронѣ Николаи, человѣкѣ тогда еще новомъ и не вполнѣ опытномъ въ этой своеобразной чеченской войнѣ; отъ этого и самое отступленіе произведено было не совсѣмъ осторожно, почти обыкновенной колонной, подвергавшейся адскому огню неожиданно.

10-го ноября наши шесть ротъ исправляли дорогу между Хасавъ-юртомъ и Внезапной, непріятель неожиданно появился, сдѣлалъ залпъ, 1 ряд. убитъ и 1 раненъ.

20-го декабря командиръ полка Баронъ Николаи, по тревогѣ, выскочивъ изъ Хасавъ-юрта съ слабой сотней Донцевъ, приказалъ пѣхотѣ слѣдовать за нимъ бѣгомъ. Увлекшись за показавшеюся партіею, онъ удалился слишкомъ скоро и далеко, егеря не могли за нимъ поспѣть, между тѣмъ непріятель увидѣлъ что имѣетъ дѣло съ небольшой командой Донцевъ, къ которымъ (хотя и ошибочно) не питалъ особаго страха, повернулъ назадъ и атаковалъ барона. Минута была критическая. Интересный разсказъ объ этомъ приключеніи предоставляю самому бар. Николаи:

«Капитанъ Ильченко пошелъ въ лѣсъ на рубку дровъ. Въ полдень три пушечные выстрѣла изъ башни Яманъ-Су даютъ сигналъ тревоги. Въ штабъ-квартирѣ была только одна сотня казаковъ. Пока пѣхота выступала съ орудіемъ, я выѣхалъ впередъ съ сотнею и поскакалъ къ башнѣ на Яманъ-Су; тутъ мнѣ сообщили, что непріятельская партія, шедшая по направленію отъ Баташъ-Юрта, прошла, прогоняя скотъ. Дѣйствительно, на плоской возвышенности, окамляющей лѣвый берегъ рѣки, виднѣлась черная масса, которая выдѣлялась на снѣговой бѣлизнѣ. Я заключилъ, что это долженъ быть скотъ, захваченный непріятелемъ; разстояніе можно было приблизительно опредѣлить въ 2 или 3 версты. Мѣстность была открытая и можно было предположить, что это была воровская шайка непріятельская, человѣкъ въ 40, которую вѣроятно уже преслѣдовали наши кумыки. Какъ упустить, передъ своими глазами, непріятеля съ добычею! Не имѣя свѣдѣній о какихъ бы то нибыло непріятельскихъ сборахъ, я не могъ думать, чтобы это была значительная партія; но если даже допустить, что ея численность больше нашей, то и тогда можно было на-

дѣяться, что, видя преслѣдованіе, непріятель оставитъ добычу. И такъ я рѣшился продолжать путь.

«Въ то время, когда мы уже скакали далѣе, я справился, сколько человѣкъ въ сотнѣ, оказалось, что ихъ не было даже и 70; это конечно мало, но разъ пустившись въ погоню, какъ остановиться! Мы скакали во всю прыть. Вскорѣ увидѣли мы передъ собою 8 или 10 всадниковъ, которые какъ будто насъ ожидали и махая шапками, продолжали затѣмъ путь. Я былъ увѣренъ, что это наши мирные, которые приглашали насъ на помощь. Волнистая мѣстность постепенно подымалась и препятствовала видѣть далеко впередъ. Однако, вслѣдствіе скорости нашей ѣзды, двѣ трети казаковъ отстали и я очутился на порядочномъ разстояніи впереди съ Чернявскимъ, Бѣликомъ, (наши офицеры) Береклгеймомъ (инженеръ) и, примѣрно, 20 казаками, съ ихъ есауломъ Лащининымъ. Мы выѣхали на край широкой балки, имѣвшей форму воронки; на право болѣе узкая, но лѣсистая балка составляла какъ-бы продолженіе первой. Дно балки безлѣсное. Каково было мое удивленіе, когда я вдругъ увидѣлъ на днѣ балки огромную непріятельскую партію съ 3 или 4-мя значками! Эффектъ былъ поразительный! Тогда сообразилъ я всю неосторожность поступка, рѣшившись удалиться съ горстью казаковъ, еще въ дѣлѣ неиспытанныхъ, безъ ракетъ, на такое разстояніе — около 6-ти верстъ отъ башни Яманъ-Су, къ которой въ это время пѣхота еще и не могла дойти. По этому, ранѣе одного или полутора часа никакой помощи нельзя было ожидать.

«Положеніе наше было отчаянное, на совершенно открытомъ мѣстѣ, гдѣ не было ни малѣйшаго куста, который въ случаѣ надобности могъ бы служить точкою опоры. При мнѣ было не болѣе 20-ти человѣкъ, вдали виднѣлись остальные казаки, скакавшіе по одиночкѣ на изнуренныхъ лошадяхъ. Что тутъ дѣлать? Я тотчасъ сообразилъ, что объ отступленіи нельзя было и помышлять, произвести его въ порядкѣ на открытомъ мѣстѣ, при преслѣдованіи такою огромною массою непріятеля было невозможно, отступленіе обратилось бы въ бѣгство, и никто не уцѣлѣлъ бы. Оставалось одно: показать смѣлость и стать неподвижно на возвышенности, которая господствовала

надъ непріятелемъ. Быть можетъ эта смѣлость на него подѣйствуетъ и даже дастъ намъ возможность выждать прихода подкрѣпленія. Надежда, конечно, была слабая, но это былъ единственный исходъ, и лучше было защищаться и погибнуть съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ быть по одиночкѣ захваченными въ плѣнъ. Я приказалъ остановиться. Хотя я не могъ не замѣтить, что неожиданная встрѣча произвела на нашу горсть людей нѣкоторое впечатлѣніе, но колебанія не было нисколько, и когда я отдалъ приказаніе: «стой,» никто не попытался удалиться.

«Между тѣмъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили мы за тѣмъ, что предприметъ непріятель. На нѣкоторое время, повидимому, имъ овладѣла нерѣшимость, что дало большей части нашихъ отсталыхъ время присоединиться къ намъ и увеличить нашу группу. Наконецъ мы замѣтили, что эта масса готовится къ движенію; скоро она вся, съ значками впереди, тронулась и быстро стала подниматься по крутому скату, съ намѣреніемъ атаковать насъ съ праваго фланга. Минута была критическая: быть или не быть! Какъ казаки выдержатъ этотъ первый натискъ? Успѣетъ-ли непріятель ихъ опрокинуть или нѣтъ? Казаки эти еще не были въ дѣлѣ и стойкость не испытана! По командѣ: «пики на перевѣсъ,» сопровождаемой словами поощренія, составилась горсть, — нельзя было собрать всѣхъ, чтобы не оставить лѣвый флангъ безъ прикрытія и не подвергнуться нападенію съ двухъ сторонъ. Между тѣмъ голова непріятельской колонны выѣхала на вершину и готовилась броситься на насъ, но казаки предупредили её; они съ энергическимъ крикомъ «ура!» бросились къ ней на встрѣчу съ опущенными пиками. О счастье! непріятель озадаченъ, онъ останавливается, колеблется; нѣкоторые джигиты отдѣляются и начинаютъ перестрѣлку, но натискъ удержанъ, масса стоитъ въ нерѣшимости и потомъ медленно отступаетъ, не спускаясь однако далеко. Тогда непріятель открылъ учащенный огонь, но Господь очевидно насъ хранилъ: пули свистали направо и налѣво, но ни одна не попадала. Непріятель сдѣлалъ ошибку, что, хотя частью, не спѣшился, а стрѣлялъ съ коней. Эта безвредность непріятельской стрѣльбы еще болѣе подкрѣпила духъ казаковъ.

«Пока мы такимъ образомъ обмѣнивались выстрѣлами, взоры невольно обращались назадъ, въ надеждѣ увидѣть приближеніе секурса; но тщетно! Только маіоръ Нейманъ и прапорщикъ Бюнтингъ пріѣхали съ двумя или тремя казаками; мы ихъ встрѣтили какъ подкрѣпленіе. Для меня эти храбрые офицеры составили дѣйствительную помощь, въ особенности почтенный Нейманъ, который всѣхъ ободряетъ своимъ примѣромъ.

«Вскорѣ мы замѣтили, что непріятель готовится къ новому нападенію; на этотъ разъ онъ бросился на нашъ лѣвый флангъ, который состоялъ изъ 20—25 человѣкъ, но, воодушевленные нашими поощреніями, храбрецы встрѣтили и этотъ натискъ, съ крикомъ ура! и съ опущенными пиками; непріятельскіе джигиты съ обнаженными шашками гарцовали около нихъ на самомъ близкомъ разстояніи, но не осмѣлились броситься впередъ. Непріятель опять нѣсколько отступилъ и открылъ ружейный огонь почти въ упоръ, но и тутъ, благодаря особому покровительству Божію, все ограничилось нѣсколькими легко ранеными, даже незамѣченными въ то время общаго возбужденія. Между тѣмъ мы получили опять нѣчто въ родѣ подкрѣпленія: подполковникъ Абакумовъ (ком. Донскаго полка) присоединился къ намъ съ своимъ адъютантомъ и четырьмя или пятью казаками; тогда роли распредѣлились правильнѣе: Абакумовъ принялъ начальство надъ лѣвымъ флангомъ, а маіоръ Нейманъ надъ правымъ. Кромѣ того, еще нѣсколько офицеровъ подъѣхали по одиночкѣ; всѣ они вели себя геройски, въ особенности Бѣликъ, Чернявскій и Беренгеймъ. Я нѣсколько разъ уже посылалъ на встрѣчу пѣхотѣ, но не было никакого извѣстія. Признаться, то были минуты сильнаго душевнаго волненія; нельзя было разсчитывать на неистощимость храбрости казаковъ, и непріятель во всякую минуту могъ бы насъ смять и раздавить. Болѣе часа прошло въ этомъ положеніи; четыре или пять разъ непріятель производилъ атаки то направо, то налѣво, но по непостижимому счастію, онъ ни одного раза не догадался сдѣлать ихъ одновременно съ обѣихъ сторонъ, ибо въ такомъ случаѣ участь наша была бы, по всей вѣроятности, рѣшена. Между этими двумя флангами

не было никого; но здѣсь охраняло насъ то обстоятельство, что въ этомъ мѣстѣ скатъ былъ круче.

«Перестрѣлка не прерывалась, но она все производилась конными и была почти безвредна. Нѣсколько разъ, дабы испугать непріятеля, казаки кричали: «вотъ солдаты, пушки!» Наконецъ дѣйствительно раздался, не ложный уже на этотъ разъ, радостный крикъ: «идутъ, вотъ пѣхота, орудія». Это показалось намъ какъ будто голосомъ съ неба! Они еще были въ довольно дальнемъ разстояніи, но ихъ можно было видѣть. Въ это самое время раздался другой крикъ: готовятся насъ атаковать,—и, дѣйствительно, опять густая масса, со значками впереди, поднималась, направляясь къ правому нашему флангу. Ее встрѣчаютъ съ удвоеннымъ мужествомъ, непріятель опять отступаетъ, и на этотъ разъ окончательно спускается въ балку. Между тѣмъ орудіе приближалось полною рысью, прислуга сидѣла на немъ; при видѣ его, непріятельская толпа начала расходиться въ стороны; орудіе наводится и первый выстрѣлъ возвѣщаетъ нашу побѣду и позоръ непріятеля.

«Вслѣдъ затѣмъ прибѣгаетъ, вся запыхавшись, храбрая стрѣлковая команда, потомъ 3-я рота, которая, къ счастью, шла тогда оказіею изъ укрѣпленія Куринскаго въ Хасавъюртъ, при одномъ орудіи и съ обозомъ. Младшій Соковнинъ, ѣхавшій чтобы присоединиться къ намъ, увидѣвъ издали эту роту, поскакалъ къ ней на встрѣчу и уговорилъ ротнаго командира оставить взводъ при обозѣ, а съ другимъ взводомъ и съ орудіемъ направиться прямо къ намъ. Съ какою радостью мы встрѣтили этихъ молодцевъ!

«Я отъ всего сердца благодарилъ храбрецовъ казаковъ за ихъ примѣрное мужество: они покрыли себя славою. Моя опрометчивость и неосторожность поставили насъ въ положеніе безвыходное; но такъ какъ Богъ насъ чудеснымъ образомъ охранилъ, то все вышло къ лучшему. Казаки не знали себѣ цѣны и ихъ недостаточно оцѣнивали; теперь же они поднялись въ общемъ мнѣніи и въ мнѣніи своихъ начальниковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ подвигъ возбудитъ соревнованіе ихъ товарищей; новички наши узнали, что съ храбростью и твер-

достью можно смѣло встрѣчать непріятеля, а сей послѣдній который думалъ, что эти вновь прибывшіе казаки другаго склада, чѣмъ баклановскіе, выучился ихъ цѣнить, а самъ покрылся стыдомъ: цѣлая масса не съумѣла справиться съ горстью! Наибъ будетъ внѣ себя, не успѣвъ воспользоваться такимъ счастливымъ для него случаемъ. Всѣ въ восторгѣ! Мы возвращаемся въ Хасавъ-юртъ въ самомъ пріятномъ расположеніи духа, тѣмъ болѣе, что у насъ всего оказалось семь человѣкъ раненыхъ и 8 лошадей убитыхъ.

«Возвратившись домой, я возблагодарилъ отъ всей души Господа, который насъ такъ чудесно охранилъ. Я засталъ у себя записку отъ капитана Шелеметева, (Кумыкскій приставъ) полученную послѣ моего выѣзда, которою онъ меня предупреждалъ, что въ Аухѣ значительное сборище, что наибъ-Хацу собралъ 300 отборныхъ всадниковъ, чтобы совершить набѣгъ на плоскость, но неизвѣстно было въ какомъ направленіи. Это и была та партія, съ которою мы имѣли дѣло».

Кромѣ описанныхъ военныхъ происшествій, въ 1852 г. были еще нѣсколько весьма важныхъ, но какъ въ нихъ Кабардинскій полкъ участія не принималъ, то я ограничусь лишь краткими ихъ указаніями.

Вскорѣ послѣ трехдневнаго августовскаго движенія князя Барятинскаго изъ Грозной къ Шали, за р. Бассъ и по его окрестностямъ, прн чемъ были истреблены посѣвы кукурузы, сожжены стоги сѣна и угнано нѣсколько скота, пріѣхалъ на лѣвый флангъ самъ главнокомандующій, и чрезъ Заканъ-юртъ, Урусъ-мартанъ, изъ Воздвиженской, совсѣми 5-ю батальонами имени своего полка, (Куринцами) которыми командовалъ сынъ его флигель-адъютантъ князь Семенъ, съ знаменами и полковою музыкою, съ нѣсколькими сотнями казаковъ и множествомъ вновь покорившихся чеченцевъ, совершилъ военную прогулку на Шали, до окрестностей Герменчика и Автура. Здѣсь, стоя на курганѣ, князь Воронцовъ пропустилъ церемоніальнымъ маршемъ свой полкъ и при звукахъ музыки, подъ громъ пушечныхъ выстрѣловъ, торжествовалъ покореніе значительной части Большой Чечни, дальнѣйшее сопротивленіе которой было очевидною невозможностью; нищета замѣтно

усиливалась, хлѣба хватало едва на собственное пропитаніе, вывозъ въ горы почти прекратился.

Непріятель издали пикетами слѣдилъ за этимъ русскимъ торжествомъ и въ тотъ день не раздалось ни единаго выстрѣла съ его стороны...

Шамиль, какъ бы желая уничтожить эфектъ движенія князя Воронцова и показать, что до покорности чеченцевъ еще далеко, приказалъ вскорѣ собрать двѣ тысячи конныхъ и одною частью, появясь со стороны Ханкальскаго ущелья, отвлечь туда войска къ Грозной, а другою въ это время ударить на мирный Грозненскій аулъ и угнать весь ихъ скотъ, въ наказаніе за покорность и службу русскимъ.

Планъ былъ составленъ хорошо, партіи собраны лихія, исправныя, и, по всей вѣроятности, достигли бы полнаго успѣха, если бы не лазутчики, сообщившіе ночью князю Барятинскому всѣ подробности.

Такимъ образомъ, когда рано утромъ появилась для демонстраціи партія со стороны Ханъ-кале, войска выскочили противъ нея, но сейчасъ же за крѣпостью повернули внизъ по Сунжѣ и встрѣтили на переправѣ преслѣдуемую съ другой стороны партію, гнавшую огромное стадо скота. Непріятель отъ такой неожиданной встрѣчи растерялся и тутъ то, сжатый съ двухъ сторонъ казаками и мирными чеченцами—хозяевами скота—былъ жестоко наказанъ; около 200 человѣкъ было изрублено и заколото, большая половина потеряла своихъ лошадей, спасаясь въ кусты, въ обрывы къ Сунжѣ. Уныніе распространилось всеобщее, а наибъ Чечни Талгикъ долгое время не рѣшался никуда выходить, опасаясь мщенія со стороны родственниковъ погибшихъ въ набѣгѣ подъ его начальствомъ людей.

Затѣмъ еще, 14 ноября, князь Барятинскій съ Куринскими батальонами и казаками внезапно окружилъ единственный остававшійся на лѣвомъ берегу Аргуна аулъ, гнѣздившійся въ трудно-проходимой лѣсной чащѣ на восточномъ скатѣ Ханкальской горы, и, послѣ отчаяннаго сопротивленія, истребилъ его, переселивъ большую часть жителей въ мирные аулы близь Грозной. Это было отличное дѣло, обезпечившее дорогу

между Грозной и Воздвиженской отъ безпрестанныхъ нападеній.

Собственно же во внутренней жизни нашего полка 1852 годъ памятенъ по двумъ причинамъ: во первыхъ, произошла дуэль съ трагическимъ концомъ. По словамъ г. Властова, дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: 30 марта, въ первый день Пасхи, по обыкновенію, у всѣхъ были накрыты столы и посѣщающихъ не отпускали безъ закусокъ и ликеровъ, до которыхъ всѣ были лакомы. Послѣ нѣсколькихъ посѣщеній, не большая компанія офицеровъ: Трегубовъ, Романусъ, Ушаковъ, Кампіони, артиллеристъ Макалинскій и еще нѣкоторые зашли поздравить товарища Рудановскаго, застали у него нашего же поручика Сурина. Во время закуски, (пьяныхъ впрочемъ не было) Трегубовъ, вѣчный шутникъ, готовый смѣяться и надъ другими и надъ собою, зная что Суринъ терпѣть его не могъ именно за это, обратился къ нему съ насмѣшливыми словами; Суринъ отвѣтилъ ему грубостью, а Трегубовъ назвалъ его за это чѣмъ то въ родѣ—лакей, или хамъ,—тотъ, не долго думая, далъ ему пощечину... Вся компанія пришла въ ужасъ! Ушаковъ побѣжалъ поскорѣе сообщить объ этомъ Властову, лежавшему по нездоровью дома, но вслѣдъ за нимъ вошелъ самъ Трегубовъ. «J'ai reçu un soufflet, et je me bats a l'instant, сказалъ онъ. Adieu»! (я получилъ пощечину и дерусь сію же минуту. Прощай). Убѣжденія Властова отложить дѣло до слѣдующаго дня, чтобы быть хладнокровнѣе, наконецъ ради великаго праздника, ни къ чему не повели.

«Je ne puis attendre, сказалъ Трегубовъ, je ne pourrais passer la nuit avec un soufflet sur la joue». (Я не могу ждать, не могу провести ночь съ пятномъ на щекѣ). Блѣдный, съ висящими въ безпорядкѣ длинными бѣлокурыми волосами, вышелъ онъ отъ Властова.

Около 5-ти часовъ пополудни дѣло было окончено...

Условія дуэли были сумасшедшія и опытными секундантами, конечно, не были бы допущены: стрѣлять въ 4-хъ шагахъ барьера, съ 10 шагами отхода въ обѣ стороны. Чтобы не обнаружить ничего и предупредить возможность вмѣшательства начальства, всѣ участники—Суринъ и Трегубовъ, да че-

тыре секунданта—выѣхали верхами, какъ бы на прогулку, около 4-хъ часовъ, за новый штабъ, въ лощину, на берегъ Ярыкъ-су. Ушаковъ отсчиталъ шаги и какъ не старался дѣлать ихъ огромными, но разстояніе все же оказалось такъ ничтожнымъ, что когда противники подошли къ барьеру, то пистолеты чуть не сошлись дулами. Оба разомъ спустили курки и у обоихъ осѣчка! По правилу, взвели второй разъ, и опять разомъ спустили,—увы! ужъ безъ осѣчки. Трегубовъ судорожно повернулся на лѣво кругомъ и упалъ мертвымъ,—пуля попала прямо въ сердце... «Помните это, г. Трегубовъ», сказалъ Суринъ и нагнулся чтобы поднять свой сюртукъ, (оба скинули сюртуки) но въ это время изъ спины у него брызнула фонтаномъ кровь, онъ былъ прострѣленъ на сквозь въ грудь и сразу даже незамѣтилъ этого. Однако у него достало еще силъ сѣсть на лошадь и доѣхать до квартиры, гдѣ ему тотчасъ сдѣлали перевязку. Здоровый молодой человѣкъ, Суринъ, чрезъ мѣсяцъ выздоровѣлъ.

Печальнаго происшествія этого нельзя было скрыть; по конфирмаціи главнокомандующаго, Сурина выдержали три мѣсяца въ крѣпости, Кампіони и Романуса одинъ мѣсяцъ, а Ушакова и Макалинскаго какъ-то выгородили.

Обо всѣхъ этихъ дѣйствующихъ лицахъ драмы не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ, ради характеристики тогдашняго полковаго общества нашего.

Рудановскій, у котораго произошелъ скандалъ, былъ старый гусаръ, лѣнтяй, охотникъ чихирять и болтаться безъ дѣла. Трегубовъ, красивый, почти юноша, вынужденный уйти изъ лейбъ-егерьскаго полка, вслѣдствіе какой-то исторіи съ кн. Лобановымъ-Ростовскимъ, острякъ, какъ я уже сказалъ выше, любившій шутить надъ всѣми и при всякомъ случаѣ, уже убившій изъ-за пустяковъ на дуэли въ 1849 г. путейскаго инженера Августиновича. Въ сущности, Трегубовъ былъ добрый малый, но дурно направленное свѣтское воспитаніе, жизнь среди петербургскихъ завсегдатаевъ Дюссо или загородныхъ трактировъ, съ цыганскими хорами, вынужденный выѣздъ изъ столицы, сдѣлали изъ него желчнаго, вспыльчиваго человѣка, бреттера отчасти. Суринъ, родомъ изъ станицы Наурской, Моз-

донскаго полка, сынъ дьячка или писаря, учившійся на мѣдныя деньги, но весьма не глупый, болѣзненно самолюбивый и крайне непріятный въ обществѣ человѣкъ; сдержанный, малообщительный, подозрительный, готовый всякое двусмысленное слово принимать на свой счетъ и, потому, злобствующій; но какъ офицеръ—образцовый ротный командиръ, безупречно храбрый и распорядительный; видно было, что сознаніе своей необразованности дѣлало его такимъ болѣзненно-раздражительнымъ и ненавидящимъ всѣхъ, выше его по образованію стоявшихъ. Кампіони, весельчакъ, анекдотистъ, изъ обрусѣвшей въ Москвѣ итальянской артистической семьи, пріѣхавшій на Кавказъ самъ не зная зачѣмъ, жившій изо-дня въ день, безъ цѣли, безъ печали, всѣми любимый и радушно встрѣчаемый. Ушаковъ своего рода типъ, изъ исчезнувшихъ уже теперь въ Россіи. Прослуживъ годъ въ уланахъ корнетомъ, вышелъ въ отставку и въ теченіе 35-ти лѣтъ, будучи членомъ московскаго англійскаго клуба, прожилъ свое имѣніе, два наслѣдства, не могъ выпутаться изъ долговъ, попалъ въ извѣстный нѣкогда каррикатурный листокъ «Ералашъ» въ двоякомъ видѣ: «членъ клуба безъ денегъ» и «членъ клуба съ деньгами», наконецъ, имѣя 55 лѣтъ отъ роду, бѣжалъ на Кавказъ прапорщикомъ въ Кабардинскій полкъ и постоянно упрашивалъ, чтобы его не производили въ подпоручики... Гастрономъ, устроитель обѣдовъ и пикниковъ, вездѣ распоряжающійся по этой части, осчастливленный наконецъ за какое то дѣло Анной 3-й ст., Ушаковъ опять вышелъ въ отставку. Романусъ, бывшій адъютантъ генерала Нестерова, ни чѣмъ особенно въ полку не отличался, былъ человѣкъ неглупый и съ нѣкоторымъ образованіемъ.

Замѣчательно, какъ главныя лица описанной драмы окончили свое поприще. Суринъ, ровно чрезъ два года, въ первый день пасхи 1854 г. умеръ отъ какого то злокачественнаго нарыва. Около того же времени Кампіони былъ убитъ *нечаянно* изъ пистолета офицеромъ Куринскаго полка Пистолькорсомъ *) въ комнатѣ, гдѣ они были вдвоемъ и бесѣдовали,

*) Пистолькорсъ впослѣдствіи служилъ въ Ташкентѣ, командовалъ всею

повидимому, совершенно дружески. Романусъ, вслѣдствіе какихъ то, не вполнѣ мнѣ извѣтныхъ обстоятельствъ, находился въ незавидномъ положеніи и былъ переведенъ въ линейный батальонъ, послѣ производства въ маіоры.

Второе и гораздо болѣе важное для полка событіе было производство Егора Ивановича Майделя въ генералы и назначеніе на его мѣсто полковымъ командиромъ флигель адъютанта, полковника барона Леонтія Павловича Николаи, къ чему, впрочемъ, всѣ уже готовились съ самаго прибытія въ полкъ барона, т. е. съ осени 1850 года, хотя онъ былъ еще подполковникъ и принялъ 3-й батальонъ.

Баронъ Е. И. Майдель былъ типъ хорошаго гвардейскаго офицера, отлично знавшаго службу и обладавшаго, кромѣ рѣдкаго хладнокровнаго мужества, замѣчательною способностью распоряжаться въ бою своею колонною, какъ уже упомянуто въ предшествующихъ главахъ, при описаніи зимнихъ дѣйствій въ Чечнѣ.—Отчетливо, аккуратно, по нѣмецки, не суетясь, постоянно крутя свои бакенбарды, отдавалъ онъ всѣмъ понятныя приказанія и отступалъ такъ, что будь И. М. Лабынцевъ зрителемъ, безъ сомнѣнія, отдалъ бы ему полную справедливость.

Но внѣ этого, чисто боеваго дѣла, баронъ Майдель ничѣмъ особеннымъ не выдавался. Въ полку онъ оставилъ по себѣ хорошую память своею обходительностью, безкорыстіемъ, галантерейностью въ отношеніи дамъ и анекдотами о своихъ отношеніяхъ къ деньщику Сафиткѣ—изъ казанскихъ татаръ,—умѣвшему пріобрѣсти такое вліяніе на барона, что держалъ у себя всѣ его деньги и не весьма щедро давалъ ихъ самому же барону, невзирая на его требованія. Сафитка грубилъ безнаказанно 5—6 дней, доколѣ терпѣніе Егора Ивановича не истощалось; тогда наступала гроза, послѣ которой Сафитка опять безнаказанно грубилъ.

кавалеріею отряда въ чинѣ генералъ-маіора, ослѣпшій умеръ въ Петербургѣ, кажется, въ 1879 г. Это тоже былъ своего рода замѣчательный типъ, весьма мѣтко нарисованный гр. Л. Толстымъ въ его разсказѣ «Набѣгъ», подъ именемъ поручика Розенкранца.

Время командованія полкомъ барона Майделя было самое боевое; постоянныя дѣла, движенія и вообще разнообразіе ощущеній были въ духѣ тогдашнихъ кавказскихъ войскъ; въ промежуткахъ жили весело, собирались у барона по воскресеньямъ, проводили время непринужденно и за ужиномъ, впрочемъ довольно плохимъ, по милости продувнаго и скупаго Сафитки, вели самыя занимательныя бесѣды. Не мало смѣшили всѣхъ, и самаго хозяина, грубыя, иногда нахальныя выходки этого татарскаго Санхо Пансо.

Впослѣдствіи, командуя кавказской гренадерской бригадой, баронъ Майдель былъ тяжело раненъ двумя пулями на неудачномъ штурмѣ Карса, въ сентябрѣ 1855 г. Послѣ онъ перешелъ на службу въ Россію, командовалъ 5-й дивизіею, за тѣмъ, въ чинѣ полнаго генерала, пожалованный въ день полковаго нашего праздника, 6-го января 1876 года, въ генералъ-адъютанты, назначенъ комендантомъ Петропавловской крѣпости и 19-го марта 1881 года, простудившись при погребеніи въ Бозѣ почившаго Императора Александра II-го, послѣ трехдневной болѣзни, умеръ на 61-мъ году жизни. Славный, боевой офицеръ, покойный особенно счастливо служилъ: на 10-мъ году послѣ производства въ прапорщики былъ уже полковникомъ, 32-хъ лѣтъ отъ роду генералъ-маіоромъ, 50-ти лѣтъ генераломъ-отъ инфантеріи, не говоря о цѣломъ рядѣ орденовъ, въ томъ числѣ и георгія 4-й степени.

Награды за 1852-й годъ.

Слѣдующіе чины: Маіору Нейману, капит.: Хризопулло, Бѣлику, Шереметьеву, штабсъ-капитанамъ: Чаплыгину, Соковнину, Гейману, поручик. Бекрѣеву, Базину, Вороновичу, Безпятову, Джаджанову, Григоровичу. подпоруч.: Бурковскому, Прохорову, Ноздрачеву, Мердеру, Урусову, Чернявскому, Иванову, кн. Гагарину, Болтаго, Гзелю, Козловскому, Бѣлику, прапорщик.: Бердяеву, Тетерину, Бюнтингу, Балуеву, Колонтаю; юнкеръ

Ларіоновъ въ офицеры; Владиміра 4-й ст.: маіоры Властовъ, Хризопулло, капит. Киселевъ, Чаплыгинъ, поруч. Базинъ, Безпятовъ, Ноздрачевъ докторъ Комарецкій, наперстный крестъ на Георгіевской лентѣ священ. Санжаревскому. Анну 2-й ст.: барон. Николаи, маіору Властову, капит. Гейману, подполк. Крылову; съ короной Нейману, Анну 3-й ст.: шт. кап. Яновичу, кап. Апрѣлеву, поруч. Трамбецкому, прапор. Мейендорфу; 4-й ст. за храбрость: поруч. Степанову, Княжищеву, Чернавскому, нѣсколько благоволеній, нижнимъ чинамъ 195 Георгіевскихъ Крестовъ.

IX.

Предположенія на 1853 годъ.—Лагерь на Хоби-шавдонскихъ высотахъ.— Открытіе военныхъ дѣйствій.—Овладѣніе мичиковскою укрѣпленною линіею.— Движеніе къ Гудермесу.—Прекращеніе дѣйствій по случаю Восточной войны.—Предпріятія Шамиля къ уничтоженію нашихъ успѣховъ.—Происшествія въ 1853 г. на Кумыкской плоскости,

Предположенія князя Барятинскаго на 1853 годъ, встрѣтившія совершенное согласіе въ Тифлисѣ и Петербургѣ, состояли въ томъ, чтобы отъ Автура прорубить въ лѣсахъ просѣку до Качкалыковскаго хребта и чрезъ него до укр. Куринскаго; другую же просѣку отъ Умаханъ-юрта перпендикулярно первой, чтобы вынудить гнѣздившееся здѣсь чеченское населеніе къ покорности или выселенію въ Черныя горы. За тѣмъ, въ лѣтніе мѣсяцы предполагали, пользуясь доступностью чрезъ просѣки къ полянамъ, уничтожать посѣвы, запасы, жечь аулы, все съ тою же цѣлью довести жителей до необходимости рѣшиться на одно или другое, т. е. покориться или уходить, и вмѣстѣ съ тѣмъ, удаляя непокорныхъ съ плоскости, уменьшать возможность ихъ набѣговъ и хищничествъ среди нашихъ поселеній. Въ теченіе 1853 года должно было, кромѣ того, довершить поселеніе 2-го Сунженскаго казачьяго полка, весьма важное для обезпеченія нашей линіи.

Князь Барятинскій предпочелъ исполнить первый пунктъ предположенія въ обратномъ порядкѣ, т. е, вмѣсто рубки просѣки отъ Автура къ Куринскому, начать отъ Куринскаго и открыть отсюда свободный во всякое время доступъ въ глубь Большой Чечни. Съ этою цѣлью онъ, еще во время движенія въ 1852 г., внимательно осмотрѣлъ Качкалыковскій

хребетъ, отдѣляющій Кумыкскую плоскость отъ долины р. Мичика и Чечни, а также поручилъ Генералъ-Маіору Бакланову изъ Куринскаго осмотрѣть подробно всѣ перевалы и тропинки, чтобы избрать самое удобное направленіе просѣки.

Выборъ палъ на переходъ чрезъ хребетъ противъ аула Гурдали, по Хоби-шавдонской высотѣ. Здѣсь южная покатость представляла чистый отлогій спускъ, кое гдѣ поросшій кустарниками, вершина была покрыта вѣковыми чинарами, а самая дорога непредставляла особыхъ затрудненій для движеніи съ артиллеріею и обозами.

Обыкновенно зимнія военныя дѣйствія начинались съ первыхъ чиселъ декабря и не позже начала января; въ этотъ разъ князь Барятинскій, приказавъ войскамъ быть въ полной готовности къ выступленію, медлилъ, выжидалъ и нетрогался изъ Грозной. Цѣль его была преждевременно утомить непріятеля, заставить его переносить всѣ невзгоды зимняго пребыванія въ бивуакахъ на снѣгу и морозѣ, проѣдать скудные запасы кукурузной муки и сѣна, забиравшихся почти исключительно даромъ у чеченцевъ, въ видѣ налога, и возбуждавшихъ ропотъ на Шамиля и вражду къ тавлинцамъ. (горцамъ Дагестана).

Наконецъ, 28-го января, часть войскъ выступила изъ Грозной чрезъ Умаханъ-юртъ и соединясь 29-го января съ другими, прибывшими изъ Хасавъ-юрта къ Истису, свернули на право, на дорогу чрезъ перевалъ; всей кавалеріи приказано было между тѣмъ пройти изъ Куринскаго по второй просѣкѣ на Мичикъ и этимъ развлечь непріятеля, собравшагося подъ начальствомъ сына Шамиля въ значительныхъ силахъ за Мичикомъ, въ укрѣпленной позиціи Шуаибъ-Капа; самъ имамъ находился въ аулѣ Бата-юртѣ на рѣчкѣ Гонсаулъ, впадающей въ Мичикъ; вся эта береговая мѣстность вообще была укрѣплена завалами довольно сильной профили; переходы чрезъ Мичикъ, и безъ того обрывистые, (отвѣсные берега имѣютъ до 4-хъ сажень) едва доступные пѣшему человѣку, и то въ хорошее время года, испорчены; пять орудій размѣщены такъ, чтобы продольно обстрѣливать атакующихъ; однимъ словомъ, Шамиль, убѣжденный, что мы непремѣнно будемъ брать его

укрѣпленную позицію и форсировать переходъ чрезъ рѣку, употребилъ всѣ мѣры воспрепятствовать этому, или, по крайней мѣрѣ, продать намъ успѣхъ какъ можно дороже. Сборъ его простирался до 10-ти тысячь человѣкъ; всѣ лучшіе наибы были съ нимъ.

Подъемъ къ Хоби-шавдонскимъ высотамъ представляетъ длинную, узкую ложбину поросшую лѣсомъ, вьющимся дикимъ виноградомъ и кустарникомъ. Занявъ авангардомъ вершину, безъ всякаго сопротивленія со стороны непріятеля, войска безпрепятственно прошли по этой покрытой инеемъ и казавшейся отъ того трущобой мѣстности, осмотрѣли спускъ, расчистили кое гдѣ отъ кустарника дорогу и вдругъ получили приказаніе прекратить работу и отступить въ укр. Куринское. Очевидно, это была со стороны князя Барятинскаго военная хитрость, имѣвшая ввести непріятеля въ обманъ на счетъ дѣйствительныхъ намѣреній нашихъ. Подробностей объ этомъ въ военныхъ журналахъ я, однако, не нашелъ. —

30-го января весь отрядъ простоялъ въ Куринскомъ и окончательно сформировался, *) а 31-го января, послѣ обычнаго молебствія, выступилъ опять по той же дорогѣ къ Хоби-Шавдону на рубку, занявъ лагерь на южной покатости хребта.

Съ 1-го февраля началась рубка просѣки назадъ, чтобы обезпечить сообщеніе съ базой для движенія обозовъ съ запасами; непріятель почти непоказывался, лишь изрѣдка въ лѣвой цѣпи раздавалось нѣсколько выстрѣловъ, да ядра и пустыя гранаты со свистомъ проносились надъ лагеремъ.

6-го февраля, при сильномъ туманѣ, совершено опять передвиженіе всего отряда на другую позицію—Хоби-Шавдонскую, откуда открывается обширный видъ на всю восточную часть Чечни; у ногъ протекаетъ Мичикъ, принимая въ себя Гонсаулъ, вдали видны Маюртупъ, Индо-юртъ, Гельдигенскія поля, на лѣво живописныя ущелья Черныхъ горъ, въ кото-

---

*) Два бат. Тенгинскаго, двѣ роты Навагинскаго, три батальона Куринскаго, три съ половиною бат. Кабардинскаго (2, 3, 5, и двѣ роты 1-го бат.) одинъ бат. Ширванскаго полковъ, 4 эскадрона Нижегородскихъ драгунъ, 14 сот. казаковъ и 32 орудія; нѣсколько сотень милиціи.

рыхъ виднѣются аулы Багинъ-юртъ и Бата-юртъ; правѣе далекое теченіе Мичика съ разбросанными по берегу аулами. Здѣсь разбили лагерь, сообщенія съ Куринскимъ были совершенно обезпечены, воды оказалось достаточно въ ближайшей балкѣ.

Непріятель находился очевидно въ крайнемъ недоумѣніи, вслѣдствіе непонятныхъ ему передвиженій нашихъ, и самъ производилъ перемѣщеніе своихъ партій, собирая главныя силы на равнинѣ между Мичикомъ и Гонсауломъ, и продолжая бросать въ нашъ лагерь ядра.

7-го февраля начали здѣсь рубку лѣса; въ продолженіе нѣсколькихъ дней почти не слышно было выстрѣла. 11-го числа непріятель приблизился къ нашему расположенію и открылъ огонь изъ орудій, но немедленно двинутая кавалерія прогнала его; при этомъ генералъ Баклановъ произвелъ рекогносцировку и убѣдился, что переходы чрезъ Мичикъ здѣсь совершенно невозможны. По мѣрѣ возвращенія нашей кавалеріи, непріятель опять приближается, открывая огонь, а главныя толпы его сосредоточиваются въ аулѣ Акуюртъ; здѣсь, на крышѣ главной мечети, стоялъ окруженный своими приближенными наибами Шамиль и благодарилъ своихъ ратниковъ, что прогнали русскую конницу. Въ подзорную трубу ясно былъ видѣнъ имамъ, въ бѣлой большой чалмѣ, около него зеленый значекъ съ красной каймой. Совершивъ тутъ же молитву, онъ около заката солнца сошелъ съ крыши и уѣхалъ по направленію къ Бачинъ-юрту; толпы стали расходиться по окрестностямъ и только часть осталась на ночь за укрѣпленными линіями.

12-го февраля видны были новыя массы непріятеля, прибывшія изъ Чечни съ орудіемъ и расположившіяся по берегу Мичика въ Мазлагашѣ; но непріятель ничего не предпринималъ и рубка продолжалась своимъ порядкомъ безъ перестрѣлокъ. 13-го ч. Шамиль приказалъ усилить огонь изъ орудій и нѣсколько человѣкъ у насъ выбыло изъ строя; 14-го ч. видно было, какъ значительныя массы работали надъ усиленіемъ заваловъ по Мичику и укрѣплялись въ Гурдали, гдѣ сынъ Шамиля Кази Магома расположился съ Даніель-бекомъ; 15-го

огонь непріятельскихъ орудій еще усилился, ядра летали все больше по направленію палатки князя Барятинскаго, но вреда причинили намъ мало; работы горцевъ продолжались и завалы приняли огромные размѣры.

Наконецъ князь Барятинскій рѣшился овладѣть этими непріятельскими укрѣпленными линіями, но не такъ какъ ожидалъ Шамиль. Днемъ атаки назначено 17-е февраля, любимое число князя, уже въ предшествовавшіе годы ознаменованное выдающимися дѣлами.

Наканунѣ главнымъ начальникамъ частей войскъ было сообщено подробное распоряженіе; войска же не знали ничего до минуты выступленія. Вообще тайна, отъ которой зависѣлъ весь успѣхъ предпріятія, была такъ хорошо сохранена, что непріятель до послѣдней рѣшительной минуты ничего не подозрѣвалъ. Все предпріятіе было основано на томъ, чтобы овладѣть непріятельскими укрѣпленными линіями съ наименьшею потерею и для этого, ведя открытую атаку съ фронта фальшиво, въ дѣйствительности ударить непріятелю во флангъ и тылъ обходною колонною, что неминуемо наведетъ на него своею неожиданностью страхъ и заставитъ бѣжать. Вся трудность выполненія этого плана заключалась въ томъ, что существующія дороги, по которымъ могла двинуться обходная колонна, составленная главнѣйшимъ образомъ изъ кавалеріи съ конною артиллеріею, ибо только кавалерія своею быстротой и грозной атакой могла произвести требуемое впечатлѣніе, всѣ были наблюдаемы непріятелемъ и вели къ той переправѣ чрезъ глубокій оврагъ Мичика, которая была укрѣплена, испорчена и охраняема массами горцевъ. Нужно было, слѣдовательно, найти во чтобы ни стало гдѣ нибудь тропу, по коей можно было бы пройти незамѣтно до Мичика, также не замѣтно переправиться чрезъ него и совершенно нечаянно появиться на флангѣ непріятеля, въ ту самую минуту, когда онъ все свое вниманіе устремитъ на фронтъ и готовыя къ атакѣ русскія войска.

Исполненіе этой задачи князь Барятинскій возложилъ на человѣка, созданнаго именно для такихъ дѣлъ, на Я. П. Бакланова—типъ Донскаго атамана старыхъ временъ, съ само-

роднымъ военнымъ дарованіемъ и опытностью, пріобрѣтенною нѣсколько лѣтними, ежечасными дѣлами въ Чечнѣ. Урядники полка Бакланова, Скопинъ и Швецовъ съ нѣсколькими казаками, ползкомъ, въ теченіе нѣсколькихъ ночей, пробирались изъ укр. Куринскаго чрезъ Качкалыковскій хребетъ въ разныхъ мѣстахъ, лѣвѣе укрѣпленія и старой просѣки, пока не открыли какой то заросшей тропинки, по которой они полагали возможнымъ пробраться, ведя лошадей въ поводу и провести артиллерію при содѣйствіи, конечно, людей съ канатами. Послѣ самъ Баклановъ совершилъ съ ними осмотръ этой тропы, чтобы провѣрить ихъ показаніи и убѣдиться въ возможности прохода артиллеріи. Тогда только онъ доложилъ объ этомъ князю Барятинскому и получилъ приказаніе выступить, съ такимъ расчетомъ времени, чтобы не позже 12-ти часовъ дня 17-го февраля появиться на равнинѣ, составляющей уголъ между Мичикомъ и впаденіемъ Гонсаула, т. е. на правомъ флангѣ непріятельской позиціи, и ринуться со всею массою кавалеріи и конныхъ орудій въ атаку въ ту минуту, когда пѣхота начнетъ форсированный переходъ Мичика съ фронта. Для этого были назначены два бат. Кабардинцевъ съ своимъ командиромъ, барономъ Николаи.

Между тѣмъ непріятель, ничего неподозрѣвая и ободренный нашимъ относительнымъ бѣздѣйствіемъ, все продолжалъ усиливать свои укрѣпленія, устроивать новыя батареи и стрѣлять изъ орудій по нашему лагерю ночью, безпокоя войска. Въ ночь съ 16-го на 17-е число пальба эта даже до того усилилась, что вынуждены были послать нашъ батальонъ съ ракетами къ Мичику, сдѣлать нѣсколько залповъ и спугнуть расходившихся пушкарей Шамиля. Подполковникъ Нейманъ исполнилъ это приказаніе и дѣйствительно пушки были мгновенно увезены назадъ, но какъ только горцы увидѣли, что это была съ нашей стороны фиктивная атака, они опять возвратились и возобновили пальбу.

Утро 17-го февраля было прекрасное; вся кавалерія, по обыкновенію, отправилась на водопой и непріятель, которому это было видно, тѣмъ менѣе имѣлъ основаніе ожидать какого-нибудь съ нашей стороны движенія. Часу въ 8-мъ, какъ

бы назаказъ, вдругъ палъ туманъ и вся окрестность скрылась; въ эту минуту драгуны и линейные казаки съ артиллеріей выступили въ Куринское, тамъ присоединили полкъ Бакланова и тронулись по упомянутой дорожкѣ къ Мичику. За ними слѣдовали почти бѣгомъ два Куринскіе батальона съ горными орудіями. Часу въ 10-мъ изъ лагеря двинулась другая колонна, состоявшая изъ 14 батарейныхъ и полевыхъ орудій, подъ прикрытіемъ двухъ батальоновъ, къ Мичику и расположившись въ одну растянутую линію, открыли по укрѣпленной позиціи непріятеля ужасный огонь, на который горцы отвѣчали изъ своихъ 5-ти орудій довольно упорно, но безъ особаго вреда для насъ. За артиллерійской колонной, выступила штурмовая барона Николаи, съ лѣстницами, фашинниками и проч., расположилась въ ожиданіи минуты, когда можно будетъ броситься къ обрывистой переправѣ на ура.

Теперь все зависѣло отъ того—появится ли въ опредѣленный часъ Баклановъ на той сторонѣ рѣки и, само собою, всѣмъ отрядомъ, отъ главныхъ начальниковъ до солдатъ, уже узнавшихъ въ чемъ дѣло, овладѣло самое напряженное нетерпѣливое ожиданіе.

Между тѣмъ адскій огонь артиллеріи неумолкалъ; мы старались по возможности разрушить завалы и сбить батарею непріятеля, чтобы ослабить его энергію, затѣмъ подойти еще ближе къ берегу, осыпать его картечью, навести на толпы страхъ, подготовивъ панику, неизбѣжную при появленіи кавалеріи, съ 8-ю конными орудіями и броситься на штурмъ переправы. А Шамиль, съ своей стороны, вполнѣ убѣжденный, что форсировать переходъ чрезъ Мичикъ мы будетъ гораздо ниже, противъ ауловъ Гурдали и Мазлагашъ, гдѣ берегъ гораздо отложе и удобнѣе, считалъ всю эту канонаду за демонстрацію и обратилъ главное вниманіе внизъ по теченію рѣки, направивъ туда подкрѣпленія и лучшихъ бойцевъ-чеченцевъ съ ихъ наибами; самъ съ резервами оставался въ Акуюртѣ и безпрестанно посылалъ сына своего Кази-Магома, а Даніель-Бека съ подкрѣпленіями къ Гурдали, гдѣ распоряжался наибъ Эски, и къ Мазлагашу гдѣ былъ наибъ Талгикъ.

Было уже 11 часовъ, гулъ не умолкалъ, но всѣ съ возра-

ставшимъ волненіемъ ожидали разрѣшенія сомнѣній: появится Баклановъ на той сторонѣ, или какія-нибудь неодолимыя препятствія задержатъ его, или, пожалуй, и во все не пропустятъ?

А Баклановъ между тѣмъ осторожно двигался, перенося на рукахъ артиллерію, и уже приближался къ переходу чрезъ Мичикъ, никѣмъ не замѣчаемый, какъ вдругъ подъ однимъ зарядным ящикомъ сломалась ось и все остановилось. Онъ приказалъ было казакамъ выбрать снаряды, а ящикъ бросить, но лихой Донской батарейный командиръ Долотинъ въ нѣсколько минутъ поддѣлалъ новую ось и всѣ двинулись дальше. Переходъ чрезъ Мичикъ, гораздо выше, по сравнительно менѣе крутымъ и неудобнымъ откосамъ совершился тоже безпрепятственно, а близь лежащая укрѣпленная караулка оказалась пустою; ни единаго человѣка невстрѣчалось по дорогѣ, а туманъ былъ лучшимъ помощникомъ нашимъ и счастіе очевидно намъ покровительствовало: вѣдь будь движеніе Бакланова заранѣе открыто и успѣй какихъ нибудь 300—400 человѣкъ горцевъ занять лѣсъ, чрезъ который почти безъ дороги проходила кавалерія, ей не только заградили бы путь, но она могла бы понести громадныя потери до прибытія пѣхоты, которой бы осталось только прикрыть отступленіе; весь планъ бы рушился и штурмъ или стоилъ бы неимовѣрныхъ жертвъ, безъ возможности успѣха, или во все бы несостоялся и далъ бы случай непріятелю торжествовать побѣду.

Наконецъ, въ началѣ 1-го часа, эскадронъ за эскадрономъ, сотня за сотней, орудіе за орудіемъ, выскакивала наша кавалерія чрезъ Мичикъ изъ лѣса и вдругъ, при поднявшемся туманѣ, всѣ увидали развертывающійся фронтъ, охватывавшій всю чистую поляну на флангѣ непріятеля. Залпъ изъ орудій, бой къ атакѣ барабановъ, музыка, оглушительное ура, и «Баклановъ! Баклановъ»! раздались на нашей сторонѣ; какой то вопль ужаса, отчаянія, трудно передаваемые звуки завыванія донеслись съ непріятельской линіи и десятитысячная толпа бросилась въ паническомъ страхѣ бѣжать на право къ лѣсу, преслѣдуемая свистомъ ядеръ и гранатъ съ одной стороны, пиками Донцовъ, шашками драгунъ и линейцевъ, да картечью конныхъ

орудій съ другой!.. Картина была рѣдкая, величественная, эпизодическая: бѣгущіе горцы, рубящіе ихъ драгуны и казаки, кое гдѣ кучки непріятеля, сбивавшіеся въ сторону, прыгающіе съ обрывовъ Гонсаула, разбивающіяся лошади, выстрѣлы нашихъ стрѣлковъ, Кабардинцы лѣзущіе по отвѣснымъ обрывамъ, подсаживая другъ друга, (лѣстницы оказались едва хватающими до половины...) цѣпляясь за камни и корни, проносящаяся мимо блестящая кавалькада,—князь Барятинскій со всею свитой, казаками, милиціею, значками, встрѣчаемый и провожаемый безконечными, воодушевленными криками ура, бросаніемъ вверхъ фуражекъ, звуками трубъ,—грохотъ орудій, все въ какомъ то общемъ гулѣ, глухо повторяемомъ мрачными лѣсистыми горами, которыя, какъ бы насупившись, изъ подъ покрытыхъ снѣгомъ верхушекъ вѣковыхъ чинаровъ, взирали на побоище, на весь этотъ живописно-воинственный хаосъ...

Всѣ расчеты Шамиля, всѣ труды его людей, всѣ надежды на непропускъ русскихъ войскъ за Мичикъ и на пораженіе ихъ при штурмѣ, оказались пустой мечтой. Окончательно нравственно убитый, потерявъ много людей, въ томъ числѣ и нѣсколько любимыхъ, лучшихъ наибовъ, имамъ, остававшійся до послѣдней минуты въ Аку-юртѣ, замѣтилъ несущуюся туда кавалерію и за нею наши 3-й и 5-й бат. подъ командою подполковниковъ Зиновьева *) и Неймана, успѣвшіе благополучно перебраться чрезъ рѣку, и рѣшился оставить поле сраженія. Съ Даніель-бекомъ и своими мюридами онъ поскакалъ въ Бачинъ-юртъ, въ глубь ущелья Гонсаула; и во время это сдѣлалъ, потому что аулъ былъ немедленно занятъ и зажженъ, а по Бачинъ-юрту открытъ сильный огонь изъ конныхъ орудій **).

Соображенія князя Барятинскаго, благодаря ловкости, смѣлости Бакланова, вполнѣ оправдались и дѣло, казавшееся почти невыполнимымъ, возбуждавшее большія сомнѣнія, гро-

---

*) В. В. Зиновьевъ нынѣ генералъ-адъютантъ, гофмейстеръ двора Его Величества.

**) За взятіе Мичиковскихъ заваловъ нашъ полковой командиръ баронъ Николаи получилъ георгія 4-го класса.

зившее громадною потерею, было сдѣлано, напротивъ, почти безъ всякой потери потому что десятокъ человѣкъ, раненыхъ въ этотъ день преимущественно ядрами, вполнѣ ничтожная потеря, въ виду подобнаго результата. Но нужно сказать, что противъ войскъ, до такой степени воодушевленныхъ, идущихъ на бой какъ на пиръ, на празднество, (говорю это не красивой фразы ради, а положительно, безъ риторики) ничто устоять не могло и успѣхъ долженъ увѣнчать всякое предпріятіе. 17-го февраля 1853 г. воочію можно было убѣдиться, что для предпріимчиваго русскаго генерала, умѣющаго возбудить въ своихъ войскахъ энтузіазмъ, нѣтъ ничего невозможнаго; намъ, свидѣтелямъ и участникамъ подобныхъ военныхъ эпизодовъ, по этому, и не могли казаться чѣмъ-нибудь особенно поразительнымъ даже такіе подвиги, какъ походъ въ Хиву, переходъ зимою чрезъ Балканы и дѣйствія Радецкаго, Гурко, Скобелева.

Послѣ перехода большей части войскъ за Мичикъ и совершеннаго бѣгства сборищъ Шамиля, въ углу образуемомъ впаденіемъ Гонсоула, былъ на скоро возведенъ полевой редутъ и въ него посмѣнно посылался батальонъ съ 2-мя орудіями; остальныя же войска разрушали непріятельскія укрѣпленія, сжигая аулы по берегу рѣки, занимались разработкой удобныхъ спусковъ и подъемовъ чрезъ оврагъ Мичика и расчисткой ближайшихъ лѣсныхъ порослей.

Въ теченіе двадцати дней, до 9-го марта, колонны ежедневно продолжали тѣже занятія, все болѣе и болѣе подвигаясь внизъ по Мичику, истребляя рядъ ауловъ, пока не дошли до р. Гудермеса, близь аула Бейбулатъ-юрта, гдѣ наконецъ непріятель изъ за устроенныхъ заваловъ опять открылъ довольно сильный огонь и выказалъ намѣреніе сопротивляться, при чемъ наша потеря простиралась до 11 человѣкъ; до того же, иногда, только происходили маленькія перестрѣлки, стоившія намъ двухъ, трехъ человѣкъ.

9-го марта войска отряда были роспущены по своимъ квартирамъ. Князь Барятинскій считалъ законченнымъ всѣ подготовленія къ выполненію своихъ дальнѣйшихъ плановъ, которые состояли въ томъ, чтобы, упразднивъ укр. Куринское и конный постъ Карасу, перенести ихъ на Хоби-Шавдонъ,

построить здѣсь хорошее укрѣпленіе, а переправу на Мичикѣ обезпечить мостомъ и тэтъ-де-пономъ на роту гарнизона. Тогда, во всякое время года, совершенно неожиданно, могли бы небольшія колонны вторгаться и съ этой стороны въ Чечню, не допуская ее до посѣвовъ или сбора жатвы, что, безъ сомнѣнія, должно было привести ее къ немедленной покорности.

Однако планамъ этимъ не суждено было осуществиться такъ скоро: самъ князь Барятинскій неожиданно былъ назначенъ начальникомъ главнаго штаба Кавказской арміи и уѣхалъ въ Тифлисъ, а вскорѣ начались извѣстныя разногласія съ Турціею и западными державами, приведшія къ Восточной войнѣ и лишившія насъ возможности продолжать съ тою же энергіею наступательныя дѣйствія противъ Шамиля. Прошло около четырехъ лѣтъ пока можно было возвратиться къ нимъ. Но и въ этотъ промежутокъ дѣйствія не совсѣмъ были пріостановлены, какъ увидитъ читатель изъ дальнѣйшаго изложенія событій.

Послѣдствіями вышеописанныхъ зимнихъ дѣйствій былъ, между прочимъ, еще сильнѣйшій приливъ переселенцевъ изъ Чечни въ мѣстности, защищаемыя нашими укрѣпленіями и постами. Верстахъ въ восьми отъ Куринскаго, у горячихъ источниковъ подножія Качкалыковскаго хребта, образовался большой аулъ Истису, до 300 семействъ; у самаго Куринскаго аулъ Ойсунгуръ значительно увеличился, у укр. Умаханъ-юрта и вокругъ Грозной аулы уже образовали населеніе въ нѣсколько тысячь душъ. Зааргунская долина Чечни изъ густонаселенной стала превращаться въ малонаселенную и довольно было еще двухъ лѣтъ, чтобы сопротивленіе прекратилось. Вдругъ извѣстіе о войнѣ съ Турціей, лѣтомъ 1853 года распространенное эмисарами по всему мусульманскому населенію Кавказа, (хотя тогда еще вовсе не послѣдовало объявленія войны) весьма оживило надежды Шамиля и его помощника Магомета-Эмина, дѣйствовавшаго на западномъ Кавказѣ среди черкесскихъ племенъ, и ободрило пріунывшее непокорное населеніе Чечни. Оба предводителя, конечно, тотчасъ воспользовались такими счастливыми обстоятельствами; собрали

старшинъ и объявили имъ о полученныхъ отъ султана Абдулъ-Меджида фирманахъ, взывающихъ ко всѣмъ правовѣрнымъ мусульманамъ подняться подъ знаменемъ пророка противъ общаго врага, о скоромъ прибытіи Турецкихъ войскъ въ Грузію и Кабарду, о необходимости теперь рѣшительно дѣйствовать противъ русскихъ войскъ, ослабленныхъ отправленіемъ большей части за Кавказъ, на Турецкую границу *).

Затѣмъ Шамиль хотѣлъ попытать счастія въ наступательныхъ дѣйствіяхъ и, въ случаѣ удачи, разомъ возвратить себѣ прежнее обаяніе и уничтожить плоды нашихъ послѣднихъ семилѣтнихъ успѣшныхъ дѣлъ.—Съ этою цѣлью онъ приказалъ Магомету Эмину съ большою партіею закубанцевъ вторгнуться въ Карачай, возмутить этотъ народецъ и, при его содѣйствіи, смотря по обстоятельствамъ, или идти дальше въ Кабарду и на сообщенія наши между Владикавказомъ и Ставрополемъ, или же опустошить окрестности Пятигорска. Самъ же онъ въ это время, съ большими массами дагестанскихъ горцевъ, двинулся на Лезгинскую кардонную линію, надѣясь возмутить джаро-бѣлоканцевъ и угрожать Грузіи...

Планы хорошіе, смѣлые и дѣйствительно могущіе поставить все владычество наше на Кавказѣ, при одновременной войнѣ съ Турціею, въ критическое положеніе; но исполненіе ихъ было жалкое: духъ горцевъ, ихъ готовность умирать съ оружіемъ въ рукахъ, были въ послѣдніе годы низведены до ничтожества безпрерывными неудачами, ужасными потерями, обнищаніемъ, жестоко деспотическимъ управленіемъ Шамилевыхъ наибовъ; это были уже не одушевленные фанатизмомъ полчища, а простыя толпы насильно согнанныхъ, полуголодныхъ, отупѣвшихъ людей, машинально изъ страха казни повинующихся; дѣйствительныхъ бойцовъ, сохранившихъ духъ джигитства, оставалось, можетъ быть, три, четыре сотни изъ десятка тысячь, приведенныхъ на Лезгинскую линію.

Шамиль потерпѣлъ въ своемъ предпріятіи полнѣйшую

---

*) Съ лѣваго фланга, впрочемъ, тогда былъ взятъ только одинъ Куринскій батальонъ, да изъ Владикавказскаго округа два бат. Тенгинцевъ.

неудачу и съ появленіемъ въ тылу его отряда князя Аргутинскаго, совершившаго замѣчательный переходъ изъ Дагестана, чрезъ главный хребетъ, постыдно бѣжалъ, потерявъ напрасно нѣсколько сотъ человѣкъ въ попыткахъ взять укрѣпленіе Месельдигеръ, въ которомъ геройски защищались двѣ роты Мингрельскаго полка. Тоже случилось и съ попыткой Магомета Эмина въ Карачаѣ, гдѣ его встрѣтилъ не большой отрядъ нашъ, подъ начальствомъ В. М. Козловскаго, и обратилъ въ бѣгство.

Въ дѣлахъ этихъ Кабардинскій полкъ не участвовалъ и потому я, само собою, объ нихъ не разказываю подробно, ограничиваясь только указаніемъ, чтобы не терялась связь событій, во всякомъ случаѣ до одного общаго дѣла относившихся.

Изъ числа происшествій 1853 года на Кумыкской плоскости, охраняемой Кабардинскимъ полкомъ, особенно выдающихся нѣтъ; по обыкновенію, сосѣднее враждебное населеніе собиралось въ болѣе или менѣе значительныя партіи, производили набѣги, заводили перестрѣлки съ колоннами, ходившими за дровами или фуражемъ, тревожили войска и заставляли ихъ бѣгать въ одну или другую сторону. Мы тоже не прекращали по временамъ внезапныхъ вторженій въ ближайшія мѣстности. Для примѣра привожу здѣсь нѣсколько происшествій того времени.

10-го мая у Хасавъ-юрта показалась партія человѣкъ въ 300; по тревогѣ выскочили роты 5-го бат. и преслѣдовали непріятеля нѣсколько верстъ съ перестрѣлкой, въ которой бат. ком. подполковникъ Нейманъ былъ сильно контуженъ въ голову. — 18-го мая такая же партія напала на пасшійся близь Внезапной полковой порціонный скотъ; въ прикрытіи была 10-я егерьская рота, которая и прогнала непріятеля, потерявъ 2-хъ раненыхъ солдатъ. 13-го іюля подполковникъ Нейманъ, назначенный командиромъ лин. бат. и начальникомъ подвижнаго резерва въ укр. Куринскомъ, ходилъ съ тремя ротами и 6-ю сотнями казаковъ къ Мичику косить сѣно; появившійся наибъ-Эски съ партіей завязалъ дѣло, но былъ прогнанъ за рѣку и преслѣдуемъ переправившимися за

нимъ казаками. При этомъ у насъ ранены поручикъ Трамбецкій и 5 рядовыхъ. 7-го сентября на уроч. Чумлы близь Внезапной производили наши люди покосъ для полковыхъ лошадей; всѣмъ завѣдывалъ извѣстный въ лѣтописяхъ нашего полка, капитанъ Тарасъ Ильченко, о которомъ уже было разказано выше; непріятель внезапно напалъ на косцевъ, но былъ прогнанъ безъ всякой добычи, при чемъ у насъ ранены 3 человѣка.

21-го сентября подполковникъ Нейманъ съ 5-ю ротами и казаками опять ходилъ на Мичикъ, но непріятель по какому то случаю былъ въ сборѣ силою до 500 человѣкъ и встрѣтилъ насъ выстрѣлами еще на перевалѣ, почему Нейманъ, потерявъ 3-хъ раненыхъ, благоразумно возвратился въ укрѣпленіе.

5-го ноября, при рубкѣ дровъ, опять 3-хъ человѣкъ ранили. 24-го декабря полковникъ Нейманъ сдѣлалъ весьма удачный поискъ на Мичикъ и отбилъ 600 барановъ, но добыча замедлила отступленіе, непріятель успѣлъ собраться въ балкахъ и пересѣченныхъ мѣстахъ, завязалось довольно жаркое дѣло, стоившее намъ 1 убитаго рядоваго, ранеными поручика Соколовскаго и 12 ниж. чиновъ.—Въ тотъ же день подполковникъ Крыловъ вышелъ изъ Герзель-аула (куда былъ переведенъ изъ Куринскаго нашъ 2-й бат.) въ лѣсъ за дровами, но неожиданно встрѣченъ изъ завала выстрѣлами и возвратился, потерявъ 2хъ человѣкъ.

Въ промежуткахъ этого времени командиръ полка, баронъ Николаи нѣсколько разъ ходилъ изъ Хасавъ-юрта въ Аухъ, захватывалъ скотъ и безъ потери возвращался.

Такого же рода происшествія были на всемъ протяженіи лѣваго фланга, особенно близь Грозной и Воздвиженской. Генералъ-маіоръ Баклановъ, находившійся въ Грозной, въ качествѣ начальника всей кавалеріи, нерѣдко бивалъ чеченскія партіи, преслѣдуя ихъ за Аргуномъ, благодаря расчищенной просѣками мѣстности. Одинъ разъ, въ сент. 1853 года, онъ съ 12-ю сотнями захватилъ наиба-Талгика съ большею партіею, только что переправившихся изъ за Сунжи съ добычею, и нанесъ имъ, при содѣйствіи мирныхъ чеченцевъ, предводимыхъ своимъ начальникомъ маіоромъ Бѣликомъ (нашъ старый

Кабардинецъ), такое жестокое пораженіе, что оно почти неуступало пораженію за Бассомъ въ 1851-мъ году; непріятель потерялъ до ста челорѣкъ изрубленныхъ, нѣсколько плѣнныхъ, множество лошадей, оружія и проч.

Всѣ увѣренія Шамиля объ ослабленіи нашихъ силъ, вслѣдствіе выступленія войскъ въ Турцію оказывались печальнымъ для населенія обманомъ; но народныя массы вездѣ, а въ Азіи въ особенности, такъ легковѣрны, такъ скоро поддаются маломальски ловко расчитанной на ихъ наклонности рѣчи, что Шамилю не стоило особаго труда опять и опять заигрывать на чувствительной струнѣ всякаго мусульманина, вѣрующаго въ свою якобы священную обязанность пылать ненавистью къ невѣрнымъ, увѣрять въ близости прибытія турецкихъ побѣдоносныхъ армій, въ изгнаніи русскихъ съ Кавказа, возвращенія всѣхъ земель, занятыхъ казачьими станицами и т. д. Кто былъ проницательнѣе и лукавѣе, тотъ, ради своихъ личныхъ интересовъ, показывалъ видъ что вѣритъ всему этому и, такимъ образомъ сохранялъ выгодное положеніе наиба, кадія и т. п; остальные вѣрили по легкомыслію и тупости, а—большинство по необходимости, изъ страха жестокихъ преслѣдованій и казней.

Къ этому же времени относятся возобновленныя попытки взволновать служившихъ въ Кавказскихъ войскахъ поляковъ. Въ Герзель аулъ 2-му Кабардинскому батальону тоже были присланы прокламаціи на русскомъ и польскомъ языкахъ, (впрочемъ довольно безграмотно по русски) призывавшія къ соединснію съ горцами противъ общаго врага, которому вся соединенная Европа грозитъ конечнымъ разгромомъ; уговаривались солдаты *даже и русскіе* взрывать пороховыя погреба, сжигать всякіе склады запасовъ, сѣнники, бѣжать, похищая по больше оружія, патроновъ и т. п. При этомъ прилагались уже разъ упомянутыя мною медали съ изображеніемъ Адама Чарторыйскаго и надписью «Krol Polskì.» Послѣдствій это никакихъ не имѣло и «Krol Polskì» солдатъ изъ поляковъ къ Шамилю не привелъ; если случались побѣги, то обыкновенные, преимущественно изъ казанскихъ татаръ и русскихъ, не

менѣе поляковъ, которыхъ, впрочемъ, вообще было едва ли 4—5% наличнаго состава въ полкахъ.

Награды за 1853 г.

Георгія 4-го класса ком. полка Полков. бар. Николаи; слѣд. чины: Маіору Бѣлику, Кап.: Горяинову, Давыдову, Шт.-Кап. Ежову, Поруч.: Кн. Гагарину Степанову, Петровскому, Подпор.: Яновскому, Блажіевичу, Прап. Муравьеву, юнкеръ Калиновскій въ прапор., золот. саб. Подполк. Нейману, Анну 2-й ст. съ короной, Подполк. Краузе, безъ короны, Маіору Ильченко, Станиславъ 2-й ст. Поруч. Козловскій, Анну 3-й ст. Маіору Бѣлику, 4-й ст., Шт. кап. Вороновичу; нижнимъ чинамъ 28-мъ именныхъ и 60-тъ голосныхъ георгіев крестовъ. (Свѣдѣнія о наградахъ, начиная съ 1853 г., весьма не полны и за всѣми стараніями я не могъ найти ихъ въ архивѣ главнаго штаба; въ полку же всѣ дѣла сгорѣли).

X.

Предположенія кн. Воронцова о дѣйствіяхъ въ 1854 г.—Перемѣны вслѣдствіе вспыхнувшей войны съ Турціей.—Тревоги и мелкія дѣла,—Нашествіе на Кахетію.—Диверсіи бар. Николаи въ Аухѣ и бар. Врангеля за Аргунъ.—Набѣгъ на Сати-юртъ и Карасу. — Попытка непріятеля ворваться въ Андрееву.—Предпріятіе Шамиля на Истису.—Блистательное дѣло съ нимъ 3-го октября.—Значеніе и результаты побѣды.—Послѣдняя неудачная попытка непріятеля къ овладѣнію Истису.

Князь Воронцовъ, введенный въ заблужденіе своими англійскими друзьями, былъ убѣжденъ, что войны у насъ съ Турціей не будетъ, что все кончится битвами дипломатическими, порта отоманская уступитъ крайне ограниченнымъ требованіямъ нашего кабинета и все кончится миролюбиво. Увѣренность эту князь сохранялъ съ какимъ то упорствомъ и еще 9-го октября, 1853 года, представляя свои предположенія о дѣйствіяхъ зимою на 1854 годъ на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи, не исключалъ въ распредѣленіи войскъ тѣхъ частей, которыя вскорѣ пришлось взять за Кавказъ, и вообще какъ бы мимоходомъ оговаривалъ препятствія могущія встрѣтиться въ случаѣ разрыва съ Турціей.

Раздѣляя вполнѣ соображенія князя Барятинскаго, главнокомандующій тоже находилъ чрезвычайно важнымъ предпріятіемъ возведеніе на Хоби-Шавдонѣ укрѣпленія на 5 ротъ и 6 сотень казаковъ съ 4 орудіями, и укрѣпленнаго моста на Мичикѣ, для чего предполагалось 15-го февраля сосредоточить сильный отрядъ въ 15 бат., занять, какъ въ предшествовавшую экспедицію, уголъ при впаденіи Гонсоула въ Мичикъ полевымъ редутомъ и приступить къ заготовленію и перевозкѣ всѣхъ

нужныхъ для построекъ матеріяловъ; за тѣмъ, съ 25-го апрѣля, упразднивъ Куринское и Карасу, начать работы по возведенію новаго укрѣпленія и башни на Мичикѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ еще предполагалось въ Грозной сооруженіе прочнаго новаго моста чрезъ Сунжу, а въ Умаханъ-юртѣ исправить мостъ и обезпечить его тэтъ-де-пономъ; укр. Амиръ-Аджиюртъ тоже упразднить и на его мѣстѣ поселить казачью станицу. Въ прочихъ частяхъ края предположенія ограничивались главнѣйше обороной, довершеніемъ начатыхъ построекъ и заселеній, улучшеніемъ путей сообщеній, а въ части малой Чечни, входившей въ раіонъ Владикавказскаго округа, рубка просѣкъ въ верховьяхъ рѣкъ Фортанги, Шалажи, Ассы, стѣсненіе гнѣздившагося тамъ населенія лишеніемъ его удобныхъ полосъ и т. п.

Вскорѣ событія вынудили князя Воронцова сознаться въ тщетности своихъ надеждъ на мирный исходъ дѣла съ турками. Вторженіе ихъ въ Гурію, даже до объявленія войны, взятіе нашего укр. Николаевскаго на берегу Чернаго моря, наступленіе на Ахалцыхъ и къ Александрополю вызвали совсѣмъ другія заботы и распоряженія, войска пришлось стягивать къ границамъ и 24 декабря князь уже писалъ военному министру, что онъ, вслѣдствіе войны съ Турціей, отмѣнилъ всѣ предположенія и приказалъ ограничиться обороной, дѣлая вторженіи въ земли непріятеля только въ случаяхъ крайней надобности или полной увѣренности въ успѣхѣ.

Само собою, отсутствіе въ зиму 1853—54 года въ Чечнѣ отряда и наше бездѣйствіе, очень ободрили непокорное населеніе и придали увѣреніямъ Шамиля на счетъ нашей слабости и проч. въ глазахъ Чеченцевъ силу дѣйствительности. Имамъ безпрестанно поддерживалъ ихъ въ этомъ мнѣніи, предсказывалъ близость изгнаніи русскихъ и приказывалъ частыми набѣгами тревожить насъ. Впрочемъ, никакою удачею непріятель похвастаться не могъ; кавалеріи у насъ были много, всѣ были пріучены къ немедленному выскакиванію по первой тревогѣ, а лазутчики продолжали свое дѣло усердно. Мы же, напротивъ, пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ и продолжали, хоть и въ меньшихъ размѣрахъ, туже систему дѣй-

ствій, т. е. въ Дагестанѣ вполнѣ оборонительную, а на лѣвомъ флангѣ расчистку лѣсовъ и истребленіе у непокорнаго населенія средствъ продовольствія.

Такъ, 21-го января 1854 г., заступившій мѣсто князя Барятинскаго въ должности начальника 20-й дивизіи и лѣваго фланга, баронъ Врангель съ колонной вырубилъ лѣсъ на склонѣ Хан-Кальской горы со стороны Аргуна, чтобы лишить непріятеля этого удобнаго пристанища въ ближайшемъ разстояніи отъ Грозной и дороги въ Воздвиженское. Въ колоннѣ этой былъ и 1-ый бат. Кабардинскаго полка, притянутый на постоянныя квартиры въ Грозную, вслѣдствіе ухода отсюда бат. Куринскаго полка за Кавказъ и уменьшенія въ Владикавказскомъ округѣ войскъ по той же причинѣ; 1-й бат. участвовалъ во всѣхъ движеніяхъ этого времени, въ 1855-мъ же былъ смѣненъ нашимъ 3-мъ батальономъ. Тревоги, какъ уже сказано, были постоянные. 1-го мая наибъЭски съ значительною партіею пытался захватить аулъ Истису, къ которому Шамиль и всѣ его приверженцы питали особое озлобленіе; но прибывшія изъ Куринскаго двѣ роты съ 5-ю сотнями казаковъ прогнали партію, удержанную до ихъ прибытія самими жителями и выстрѣлами орудій, поставленныхъ въ двухъ небольшихъ редутахъ, въ которыхъ гарнизонъ составляли полуроты сначала Лин. бат., а послѣ Кабардинскаго полка.

25-го мая баронъ Врангель съ семью ротами и нѣсколькими сотнями казаковъ сдѣлалъ набѣгъ на Джалку, захватилъ нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ, до 500 барановъ и возвратился при пустой перестрѣлкѣ, въ которой былъ раненъ одинъ человѣкъ. Подобные дѣла стали возможными лишь послѣ проложенія просѣкъ, такъ какъ непріятель былъ лишенъ возможности пользоваться своимъ природнымъ прикрытіемъ и преслѣдовать отступавшія войска безъ особаго риска для себя.

26-го мая во всѣхъ передовыхъ укрѣпленіяхъ слышны были пушечные выстрѣлы; никто не зналъ гдѣ стрѣляютъ и бѣжали по тревогѣ на угадъ. Наши двѣ роты съ казаками изъ Куринскаго пошли по Хоби-Шавдонской просѣкѣ и замѣтивъ безпечно работавшихъ въ долинѣ Мичика чеченцевъ, быстро спустились и захватили двухъ съ нѣсколькими быка-

ми, но при отступленіи потеряли 5 раненыхъ казаковъ. Впослѣдствіи оказалось, что изъ пушекъ стрѣляли въ Веденѣ, гдѣ Шамиль торжественно объявлялъ о полученномъ отъ Султана извѣстіи, что онъ соединится съ нимъ 15-го іюня. (Дѣйствительно, командовавшій Анатолійскою арміею паша писалъ Шамилю, что онъ двигается на Тифлисъ и приглашалъ его идти изъ Дагестана съ нимъ на соединеніе).

Въ концѣ іюня получены были свѣдѣнія, что Шамиль собралъ огромныя толпы пѣшихъ и конныхъ, до 15,000 человѣкъ, и вскорѣ выступаетъ; но куда неизвѣстно. Полагали что онъ намѣренъ вторгнуться во владѣнія шамхала Тарковскаго.

По этому, баронъ Врангель распорядился сосредоточить возможное число войскъ въ двухъ пунктахъ: въ Хасавъ-юртѣ для немедленнаго движенія на помощь сѣверному Дагестану, если бы Шамиль дѣйствительно туда направился, и въ Грозной для помощи Кумыкской плоскости, куда онъ могъ нагрянуть, отвлекая предварительно барона Николаи изъ Хасавъ-юрта къ Сулаку; но чрезъ нѣсколько дней тайна разъяснилась: громадное сборище, въ которомъ участвовало немало чеченцевъ, двинулась чрезъ Андію за Кавказъ, на Лезгинскую линію.

Чтобы по возможности помочь угрожаемой части края отвлеченіемъ отъ непріятельскихъ силъ чеченцевъ, баронъ Врангель приказалъ барону Николаи сдѣлать движеніе въ Аухъ, а самъ изъ Воздвиженской пошелъ чрезъ Шали за Бассъ. Всѣ передвиженія дѣлались нарочно сколь можно открытѣе и медленнѣе, дабы дать время чеченцамъ узнать о готовящемся вторженіи нашемъ въ ихъ земли и заставить ихъ, бросивъ шамилевскій сборъ, спѣшить на защиту своихъ ауловъ.

Баронъ Николаи совершилъ движеніе къ такъ называемымъ Гойтемировскимъ воротамъ, укрѣпленной тѣснинѣ по Акъ-ташу, разрушивъ бывшіе тамъ завалы, а при отступленіи имѣлъ перестрѣлку, стоившую намъ 5 человѣкъ раненыхъ. А баронъ Врангель, пройдя по сильно уже заросшей Шалинской просѣкѣ къ р. Бассу, въ теченіе 2-го, 3-го и 4-го іюля истреблялъ обильный урожай кукурузы, лишая населеніе запасовъ продовольствія къ зимѣ. Наибъ Большой Чечни Талгикъ, съ оставшимися у него на лицо людьми, не могъ этому

воспрепятствовать, но пользовался каждою удобною мѣстностью для перестрѣлокъ, стоившихъ намъ 2-хъ убитыхъ, 27 раненыхъ и 18 контуженыхъ нижнихъ чиновъ.

Результатовъ этими диверсіями, въ смыслѣ отвлеченія части непріятеля отъ Лезгинской линіи, мы не достигли, но самое движеніе къ Бассу было полезно, нанеся чувствительный вредъ непокорному населенію и служа настойчивымъ продолженіемъ системы, уже выказавшей свои выгодныя для насъ послѣдствія въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Непокорное населеніе къ тому же убѣждалось, что росказни объ нашемъ ослабленіи—чепуха и что у насъ достаточно войскъ чтобы продолжать начатое дѣло. Шамиль хотя и узналъ о движеніи русскихъ отрядовъ въ Чечню, но не отвлекался отъ задуманнаго плана; онъ зналъ, что отдѣленіе даже нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, все равно, не остановитъ насъ въ движеніи по чистымъ, безлѣснымъ мѣстамъ, а между тѣмъ, въ случаѣ удачи на Лезгинской линіи, онъ угрожалъ Грузіи, Тифлису, сближался съ турками, которыхъ могъ полагать въ побѣдномъ шествіи ему на встрѣчу... Онъ продолжалъ свое движеніе, остановился съ главнымъ сборищемъ на крайнихъ уступахъ южнаго склона главнаго хребта, атаковалъ Кахетинское селеніе Шильды, защищаемое нѣсколькими стами грузинскихъ милиціонеровъ, отправилъ человѣкъ 500 конныхъ чеченцевъ за Алазань, гдѣ они разграбили въ с. Цинондалы домъ князя Чавчавадзе, захвативъ въ плѣнъ княгинь съ семействомъ, нѣсколько десятковъ жителей, ограбивъ нѣсколько церквей и т. п.; но какъ только показались бѣжавшія съ разныхъ пунктовъ русскія войска, имамъ, по обыкновенію, отступилъ и потянулся въ горы.

Результатъ его похода, предпринятаго съ такими относительно большими силами, и такими заносчивыми надеждами, былъ въ сущности самый жалкій: какъ ни жаль было намъ всѣмъ бѣдныхъ княгинь Чавчавадзе, Орбельянъ и Баратовой съ ихъ француженкой гувернанткой, дѣтьми, прислугой и вообще кахетинцевъ, попавшихъ на время въ грубыя руки дикарей, но все же, въ сущности, походъ Шамиля былъ простой набѣгъ, неимѣвшій никакого вліянія на ходъ нашихъ дѣлъ какъ на Кавказѣ, такъ

и противъ турокъ, возбудившій лишь преувеличенную тревогу въ тогдашнемъ начальствѣ за Кавказомъ. Ни матерьяльныя средства, ни организація полчищъ Шамиля, ни военныя способности большинства его помощниковъ, ни степень мужества горцевъ въ войнѣ наступательной, вдали отъ своихъ ауловъ, не позволяли ему совершать серьезныя предпріятія, особенно послѣ безпрестанныхъ неудачъ послѣднихъ 7—8-ми лѣтъ, уже подорвавшихъ его самоувѣренность. Человѣкъ онъ былъ достаточно умный, чтобы не видѣть, какъ безнадежна мысль изгнать русскихъ изъ Кавказа; все его честолюбіе стремилось къ сохраненію власти въ томъ раіонѣ, который ему подчинялся, къ передачѣ ея наслѣдственно старшему сыну; но онъ жестоко ошибся въ выборѣ средствъ для достиженія этой цѣли; онъ полагалъ, что можетъ вести борьбу съ Россіей безконечно, забывая что его средства должны изсякнуть въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, а надежды на Турцію должны были давно уже стать для него химерою. Если бы онъ въ 1848—50 годахъ уразумѣлъ свое положеніе, если бы онъ былъ человѣкъ болѣе дальновидный и съ большимъ запасомъ свѣдѣній, по крайней мѣрѣ о самыхъ обыкновенныхъ сторонахъ государственнаго устройства, значеніи Россіи и проч., то онъ бы вступилъ съ нами въ переговоры и могъ бы, безъ сомнѣнія, на отличныхъ для себя условіяхъ устроить свое положеніе, въ качествѣ наслѣдственнаго правителя большой части горцевъ Восточнаго Кавказа, за исключеніемъ конечно, Чечни и разныхъ ханскихъ владѣній.

11-го іюня баронъ Николаи еще разъ предпринялъ движеніе въ Аухъ, съ цѣлью нанести въ этотъ разъ непріятелю какой нибудь чувствительный вредъ. Для этого онъ избралъ аулъ Сати-юртъ, расположенный на правомъ берегу р. Яманъ-су. Въ 9-ть часовъ вечера собрались: стрѣлковая (охотничья) команда, 3-я и 5-я Карабинерныя, 6, 7, 8, 9. 10, 13 и 14 егерьскія роты, Кабардинскаго полка, 4 пѣшихъ, 1 конное орудіе, 12 сотень Донскихъ казаковъ. Взяли съ собою шесть повозокъ, двѣ съ рабочими инструментами и 4 для раненыхъ. Казаки назначены идти впередъ, чтобы захватить аулъ въ расплохъ, и для ихъ поддержанія маіоръ Шелеметьевъ съ тремя

ротами, на легкѣ, т. е. на хвостѣ казаковъ; остальныя роты должны были занять крѣпкую позицію и прикрыть отступленіе.

Около 10-ти часовъ тронулись; ночь была темная, ни звѣздочки. Къ 2-мъ часамъ отрядъ достигъ завала, перерѣзывающаго всю дорогу; хотя грунтъ очень крѣпокъ, но наши молодцы съ усердіемъ принимаются за дѣло и чрезъ часъ уже былъ готовъ удобный для кавалеріи проходъ. Между тѣмъ стала показываться заря; нужно было торопится, пока непріятель не замѣтилъ насъ. Кавалерія тронулась рысцой; при спускѣ изъ лѣса въ долину, опять оказался завалъ изъ срубленныхъ деревьевъ, но казаки мигомъ разнесли часть и прибавленной рысью пошли впередъ по узкой дорожкѣ, почти въ одинъ конь; лѣсныя группы смѣнялись полянками, кругомъ окаймляющія высоты, кое гдѣ чистыя, кое гдѣ покрытыя рѣдкимъ лѣсомъ, затѣмъ поворотъ на лѣво въ боковое ущелье, съ болѣе плоскими высотами. Наконецъ въ этомъ мѣстѣ, почти уже у спуска къ переправѣ чрезъ Яманъ-су къ аулу, раздались четыре сигнальныя выстрѣла. Непріятельская безпечность, непривычка повиноватся чьимъ нибудь распоряженіямъ, были причиною что всѣ эти завалы, загражденія и проч. ни кѣмъ не охранялись и не достигали своей цѣли, даже въ такихъ случаяхъ; какъ при описываемомъ движеніи, когда ауховскій наибъ очевидно ожидалъ нападенія и успѣлъ вытребовать нѣсколько десятковъ человѣкъ подкрѣпленія изъ Ичкеріи, которые были расположены впереди Сати-юрта въ шалашахъ.

Спустившись дальше къ краю обрыва надъ самой рѣкой, баронъ Николаи осмотрѣлъ подробно мѣстность и сдѣлалъ нужныя распоряженія. Казаки перешли рѣку, часть ихъ спѣшилась и стала подниматься по крутымъ терасамъ къ аулу и небольшому редутику съ лѣвой его стороны; лѣсистыя высоты господствовали кругомъ, а по уступамъ виднѣлись еще нѣсколько небольшихъ ауловъ и далѣе дорога отъ Гойтемровскихъ воротъ, по которой баронъ Николаи думалъ пройти 6-го іюля, когда вынужденъ былъ вернуться, будучи слишкомъ рано открытъ.

Казаки, невзирая на открытый по нимъ сильный огонь,

ворвались въ редутикъ и въ аулъ, при чемъ были изрублены нѣсколько захваченныхъ жителей; кучка отдѣльно лежащихъ саклей надъ ауломъ не была во время за нята и въ нихъ засѣло десятка два горцѣвъ, стрѣляя оттуда въ разсыпавшихся по аулу казаковъ; посланная полусотня спѣшенныхъ Донцевъ обошла эти сакли и бросилась на нихъ съ криками ура! Горцы дали залпъ, но за тѣмъ уже не успѣли зарядить ружей и были изрублены.

Однако число непріятеля росло, коноводы наши столпились на узкомъ, крутомъ спускѣ къ рѣкѣ въ нѣкоторомъ безпорядкѣ и дальнѣйшее пребываніе съ одними казаками, вооруженными жалкими ружьями, становилось довольно затруднительнымъ; взоры все чаще стали обращаться назадъ на встрѣчу пѣхотѣ. Наконецъ показался Шелеметьевъ съ егерями,—они отъ самаго завала шли все бѣглымъ шагомъ... Отдохнувъ около рѣчки съ полчаса, они начали взбираться на подъемъ, чтобы смѣнить въ аулѣ и въ сакляхъ выше аула казаковъ, которые между тѣмъ, по недоразумѣнію, уже начали отступленіе, очистивъ всѣ сакли... Охотники, 8-я и 10-я роты (Семека и Пиллеръ фонъ-Пильхау командиры) бѣгомъ бросились въ аулъ, были встрѣчены залпомъ, но мгновенно вновь заняли крайнія сакли и господствующія высоты; вслѣдъ за ними подошла и 6-я рота; Шелеметьевъ распоряжался какъ подобало старому Кабардинцу: хладнокровно, безъ суеты, съ толкомъ. Баронъ Николаи въ своемъ дневникѣ, писанномъ для себя, безъ реляціонныхъ цѣлей, говоритъ что онъ любовался хладнокровіемъ и распорядительностью этого отличнаго офицера. *)

Такимъ образомъ порядокъ возстановился, кавалерія очищала тропу и собиралась на берегахъ рѣчки; когда она уже достаточно удалилась изъ подъ выстрѣловъ, начали отступать егеря, по нашему обыкновенію, уступами, перекатной цѣпью;

---

*) Ник. Вас. Шелеметьевъ, въ чинѣ генералъ-маіора, будучи командиромъ 1-й бриг. 41-й дивизіи, къ крайнему сожалѣнію всѣхъ знавшихъ его, убитъ въ послѣднюю турецкую войну, на неудачномъ штурмѣ Цихисъ-дзири.

съ начала отошла 8-я рота и расположилась такъ, чтобы прикрыть 10-ю, тронувшуюся послѣ нея и т. д. На другой же сторонѣ рѣки, на позиціи удобной для дѣйствія артиллеріи, уже расположились между тѣмъ три роты съ двумя орудіями, еще дальше назади такимъ же порядкомъ стали остальныя три роты съ другими тремя орудіями.

Между тѣмъ непріятель уже сталъ перебѣгать чрезъ рѣку правѣе и лѣвѣе, стараясь опередить наши войска и встрѣтить ихъ въ лѣсу на пути отступленія. Чтобы отнять у него эту возможность, часть казаковъ была двинута впередъ и расположена эшелонами на трехъ пунктахъ, господствовавшихъ надъ дорогой.

Шелеметьевъ отлично отступилъ и переправился чрезъ рѣку. Послѣ короткаго отдыха, отрядъ началъ дальнѣйшее отступленіе; въ арріергардѣ Шелеметьевъ съ 6-ю егерскою и 5-ю карабинерною ротами, охотничьею командою, двумя сотнями казаковъ при двухъ орудіяхъ; по обѣ стороны въ цѣпи по двѣ роты, съ одною въ резервѣ, а двѣ роты отправлены впередъ съ повозками, въ которыхъ были тяжело раненые, остальные или ѣхали на казацкихъ лошадяхъ или шли сами безъ ружей.—Отступленіе совершилось по всегдашнему, въ отличномъ порядкѣ,—Гейманъ, Соковнинъ, и Степановъ командовали ротами,—все старые, опытные бойцы. Присутствіе конницы въ арріергардѣ, постепенное присоединеніе сотень, оставленныхъ на командующихъ пунктахъ, удерживали непріятеля отъ слишкомъ близкаго насѣданія на арріергардъ.—При поворотѣ на соединеніи двухъ долинъ, была устроена засада изъ нѣсколькихъ сотень казаковъ; пѣшій непріятель, желая воспользоваться здѣсь удобною мѣстностью для нанесенія вреда нашей цѣпи, бросился изъ лѣса, чтобы перебѣжать полянку въ слѣдующій лѣсъ, но выскочившіе изъ засады казаки смяли ихъ, семерыхъ изрубили, а остальныхъ заставили поспѣшно бѣжать въ чащу кустарника и бурьяна.

Этотъ эпизодъ, повидимому, смутилъ непріятеля, преслѣдованіе стало слабѣе и наконецъ отрядъ благополучно вышелъ изъ лѣса. Къ сожалѣнію, одною изъ послѣднихъ пуль убитъ

славный фельдфебель 5-й карабинерной роты Маслобойниковъ.

Въ 11-мъ часу ночи, 12-го числа, войска достигли Хасавюрта. Потеря заключалась въ 3-хъ убитыхъ нижнихъ чинахъ, 4-хъ раненыхъ офицерахъ — (подпоручики Грачевъ и Колонтай и два казачьихъ) да 41 нижнихъ чиновъ.

А тревоги по линіи, мелкія нападенія хищниковъ, прорывы партій въ 100—200 человѣкъ слѣдовали своимъ чередомъ. Уже нѣсколько разъ упомянутый мною аулъ Истису былъ для ближайшихъ наибовъ притягательнымъ пунктомъ; каждые два, три дня появлялись къ нему партіи, иногда успѣвали отогнать нѣсколько штукъ скота или захватить когонибудь въ плѣнъ, но серьезнаго вреда еще не могли нанести: сами жители были очень осторожны и молодцами защищались, ободряемые присутствіемъ въ двухъ редутахъ нашей роты и всегда быстрымъ появленіемъ изъ Куринскаго секурса, бѣжавшаго по пушечнымъ выстрѣламъ редутовъ. Болѣе всего однако вредило успѣхамъ непріятеля все сильнѣе и сильнѣе развивавшееся среди чеченцевъ ремесло лазутчиковъ, предупреждающихъ во время о предпріятіяхъ.

Получивъ свѣдѣнія, что на Джалкѣ, благодаря обильному урожаю, на поляхъ сложены въ громадномъ количествѣ скирды хлѣба и стога сѣна, что жители начали свозить хлѣбъ въ аулы и для прикрытія ихъ во время работъ, по приказанію Шамиля, прибыли нѣсколько сотъ человѣкъ шатоевцевъ и изъ другихъ отдаленныхъ обществъ, начальникъ лѣваго фланга баронъ Врангель собралъ колонну изъ $3^1/_2$ бат. при 6-ти орудіяхъ и 14 сот. казаковъ и 1-го сентября, перейдя чрезъ Аргунъ, двинулся на Джалку. Много сѣна и скирдъ хлѣбныхъ было сожжено, нѣсколько душъ захвачено въ плѣнъ; но дѣло стоило намъ 3-хъ убитыхъ нижнихъ чиновъ, 1-го офицера и 28-ми рядовыхъ раненыхъ. 8-го сентября набѣгъ былъ повторенъ въ низовьяхъ Аргуна при впаденіи его въ Сунжу, гдѣ сѣно стояло тысячами копенъ; много его было сожжено и увезено на вьюкахъ казаками; 10-го числа опять съ двухъ сторонъ летучія колонны появились за Аргуномъ, взяли 5-ть человѣкъ въ плѣнъ, разогнали прикрытіе полевыхъ

рабочихъ и сожгли частъ скирдъ; потеря наша заключалась въ одномъ убитомъ и 13-ти раненыхъ нижнихъ чинахъ. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ участвовалъ нашъ 1-й бат., стоявшій, какъ уже выше сказано, въ Грозной.

22-го сентября баронъ Николаи тоже возобновилъ вторженіе въ землю непокорныхъ, избравъ объектомъ дѣйствія въ этотъ разъ аулъ Кара-су, лежащій вверхъ по Аксаю, за переваломъ небольшаго отрога Ичкеринскихъ горъ, на рѣчкѣ Кара-су; аулъ считалъ себя въ полной безопасности, будучи прикрытъ довольно труднодоступною мѣстностью. Главная задача состояла въ томъ, чтобы собрать войска скрытно и совершить набѣгъ внезапно, захвативъ непріятеля въ расплохъ. Для этого баронъ Николаи прибѣгъ къ хитрости, выѣхалъ для осмотра работъ на Карасинскій постъ и въ Куринское, требуя себѣ усиленный конвой, подъ предлогомъ полученныхъ свѣдѣній о находящейся въ сборѣ большой партіи наиба Эски. Всѣ эти конвои онъ привелъ съ собою поздно вечеромъ въ Герзель-аулъ, гдѣ съ присоединеніемъ расположеннаго тамъ 2-го баталъона нашего и составилась колонна изъ 9-ти ротъ Кабардинцевъ, 9 сотенъ казаковъ, при трехъ пѣшихъ и двухъ конныхъ орудіяхъ. Въ два часа ночи на 23-е сентября, при лунномъ свѣтѣ, отрядъ этотъ выступилъ и къ разсвѣту такъ скрытно успѣлъ дойти до самаго аула, что засталъ женщинъ, набиравшихъ преспокойно воду и принявшихъ передовыхъ нашихъ людей за своихъ жителей.

Невдаваясь въ большія подробности, достаточно сказать, что аулъ былъ мгновенно занятъ казаками и тремя ротами, (въ этотъ разъ конница уже не была пущена одна впередъ) 27 душъ женщинъ и дѣтей были захвачены въ плѣнъ, награблено много разныхъ вещей, угнато 200 головъ скота и 700 барановъ, нѣсколько человѣкъ изрублено, а затѣмъ началось отступленіе, которое, невзирая на все искусство маіора Шелеметьева и нашихъ ротъ, отступавшихъ залогами, невзирая на картечь и атаки, гдѣ можно было, казаковъ, все-таки стоило намъ 12 убитыхъ и 35 раненыхъ нижнихъ чиновъ; ранены также 1 штабъ и 1 оберъ-офицеръ. (Къ сожалѣнію, я нигдѣ не нашелъ ихъ именъ). Потеря была бы еще гораздо чувстви-

тельнѣе, если бы большая часть коннаго непріятеля не была отвлечена очень удачно демонстраціею, произведенною въ то утро полковникомъ Нейманомъ изъ Куринскаго, по старой просѣкѣ, гдѣ онъ открылъ пальбу изъ орудій и обманулъ наиба Эски, полагавшаго что нападаютъ на пасшійся въ долинѣ Мичика скотъ.

Въ этомъ дѣлѣ въ первый разъ были въ употребленіи недавно присланные въ полки новыя ружья—ударныя, которыми солдаты остались весьма довольны; только съ непривычки они тратили массу пистоновъ и адъютанты барона Николаи, Бѣликъ 2-й и Муравьевъ, нѣсколько расъ скакали къ заряднымъ ящикамъ, привозя пистоны въ носовыхъ платкахъ. Вообще, съ введеніемъ ударныхъ и нарѣзныхъ ружей мы пріобрѣли огромный перевѣсъ надъ непріятелемъ, противъ винтовокъ котораго, съ прежними гладкоствольными кремневыми ружьями, мы, можно сказать, были напрасно страдающей стороной.

27-го сентября одинъ изъ лучшихъ тогда наибовъ, салатовскій Каиръ-бекъ, по приказанію Шамиля, съ партіями салатавцевъ, гумбетовцевъ, мичиковцевъ и ауховцевъ, всего около 3 т. человѣкъ, долженъ былъ отомстить намъ за Карасу и Сатиюртъ. Онъ бросился съ разныхъ сторонъ небольшими партіями къ Андреевой деревнѣ, нападая на работавшихъ вездѣ въ полѣ жителей и отгоняя бывшій на пастьбѣ скотъ, съ цѣлью развлечь вниманіе самихъ Андреевцевъ и особенно нашего резерва въ кр. Внезапной; когда же въ нѣсколькихъ мѣстахъ такимъ образомъ завязалась перестрѣлка, а наша 10-я рота, только что вышедшая за крѣпость на ученіе, побѣжала къ западной части аула на помощь атакованнымъ въ полѣ жителямъ, одна сотня Донцовъ поскакала по дорогѣ къ Хасавъ-юрту, откуда показалась партія, угонявшая скотъ, Каиръ-бекъ вдругъ появился съ главными своими силами по дорогѣ отъ Міатлы и пошелъ къ аулу, очевидно увѣренный въ возможности здѣсь ворваться въ него и, до прибытія отвлеченныхъ въ противоположную сторону секурсовъ, разграбить всю восточную часть деревни.

Планъ не удался однако: большая часть жителей, бывшая въ домахъ, еще не успѣли отправиться по начавшейся въ дру-

гомъ концѣ тревогѣ и какъ только замѣтили партію Каиръ-бека заняли кладбище и открыли изъ за каменныхъ стѣнокъ и памятниковъ мѣткій огонь, задержавшій первый порывъ непріятеля, въ свою очередь открывшаго перестрѣлку.

Между тѣмъ маіоръ Шелеметьевъ, начальствовавшій всѣми кумыками и войсками во Внезапной, имѣя еще на канунѣ свѣдѣнія о какихъ то значительныхъ сборахъ въ Аухѣ, не сразу поддался хитрости Каиръ-бека и догадывался, что нападенія въ двухъ, трехъ мѣстахъ на рабочихъ и скотъ партіями изъ ста человѣкъ должны быть демонстраціею, а потому задержалъ подъ рукою нашу 9-ю роту съ орудіемъ и другую сотню Донцевъ. Услыхавъ пальбу со стороны Міатлинской дороги, Шелеметьевъ тотъ часъ двинулъ эти части туда, а 10-й ротѣ и первой сотнѣ послалъ приказаніе бросить дѣло съ гарцовавшими вдали конными горцами и бѣжать скорѣе къ Міатлинской дорогѣ; находившійся при немъ конвой изъ конныхъ кумыковъ послалъ впередъ по этому же направленію и успѣлъ появиться въ тылу Каиръ-бека, когда 9-я рота съ пушкой и казаки уже открыли по немъ огонь съ фронта. Наибъ вынужденъ былъ начать отступленіе и не успѣлъ отойти какой нибудь четверти версты, какъ раздался залпъ десятокъ винтовокъ (это были кумыки посланнные Шелеметьевымъ впередъ) и Каиръ-бекъ, пораженный въ голову, палъ мертвымъ. Толпами его овладѣлъ такой паническій страхъ, что они, бросивъ тѣло своего предводителя, обратились въ самое безпорядочное бѣгство; ужасъ сообщился и тѣмъ другимъ партіямъ, которыя вели фальшивыя атаки, они побросали скотъ, который успѣли захватить въ поляхъ и всѣ бѣжали самымъ постыднымъ образомъ. Кромѣ Каиръ-бека было убито еще нѣсколько человѣкъ.

Такъ окончилась эта попытка непріятеля на Андрееву деревню, всегда счастливо отдѣлывавшуюся, благодаря блистательной храбрости ея жителей и замѣчательной распорядительности нашихъ начальниковъ войскъ во Внезапной, знавшихъ мѣстныя условія, характеръ непріятеля и неоцѣнимыя качества своихъ егерей.

Шамиль былъ весьма огорченъ этимъ дѣломъ. Ослабляя

духъ подвластныхъ ему населеній, такія пораженія, напротивъ, ободряли покорныхъ намъ туземцевъ и поощряли ихъ къ борьбѣ съ нимъ, къ упорной защитѣ, даже безъ русскихъ войскъ; къ тому же потеря Каиръ-бека, одного изъ немногихъ оставшихся у него помощниковъ прежней школы:—Шуаибъ-Муллы, Уллу-бея, Ахверды-Магома, Хаджи Мурата, была тоже большой жертвой, лишая его человѣка преданнаго, которому можно было поручать отдѣльныя дѣйствія съ большими массами. Имамъ рѣшился самъ попытать счастія, отомстить за Каиръбека, за послѣднія разоренія чеченскихъ и ауховскихъ ауловъ и нанести намъ ударъ, нравственное вліяніе котораго отозвалось бы по всему краю.

Въ теченіе 3—4-хъ дней лазутчики давали знать и въ Грозную и въ Хасавъ-юртъ, что Шамиль съ давно невиданнымъ, огромнымъ сборомъ и пушками прибылъ въ Шали, поджидая еще партіи изъ самыхъ дальныхъ лезгинскихъ обществъ. Куда онъ думалъ устремиться никто положительно не зналъ; можно было думать, что онъ попытается сдѣлать то, что не удалось Каиръ-беку и бросится на Андрееву деревню; носились слухи, что бѣглые назрановцы и ингуши убѣждали его направиться чрезъ Малую Чечню къ Владикавказу, на Военногрузинскую дорогу и въ случаѣ успѣха повторить попытку 1846 года въ Кабардѣ, лишивъ насъ сообщеній съ Россіей; нѣкоторые говорили, что онъ разомъ нагрянетъ на нѣсколько пунктовъ, развлечетъ наши слабые резервы и гдѣ нибудь успѣшно прорвется на Кумыкскую плоскость или къ Тереку. Однимъ словомъ, начальникъ лѣваго фланга былъ поставленъ въ весьма затруднительное положеніе: гдѣ бы непріятель не одержалъ успѣха, могли произойти для насъ крайне опасныя послѣдствія: покорное населеніе могло взволноваться, пожаръ могъ разлиться до предѣловъ Дагестана и Закавказья, гдѣ мусульманское населеніе и безъ того, вслѣдствіе войны съ Турціей, было настроено далеко не въ пользу нашу. Между тѣмъ войскъ для обезпеченія огромнаго пространства между Владикавказомъ и Сулакомъ было немного, особенно пѣхоты— этой главной силы въ серьезныхъ обстоятельствахъ. Баронъ Врангель былъ вынужденъ, по этому, ограничиться сосредо-

точеніемъ болѣе или менѣе самостоятельныхъ резервовъ въ трехъ пунктахъ: въ Воздвиженской на случай движенія непріятеля въ Малой Чечнѣ, въ Хасавъ-юртѣ для охраны Кумыкской плоскости въ Грозной, какъ центральномъ пунктѣ, для дѣйствій въ той или другой сторонѣ по обстоятельствамъ. По всѣмъ укрѣпленіямъ и линіямъ были посланы приказанія усилить осторожность и быть готовымъ. Въ Хасавъ-юртѣ нашъ полковой командиръ, онъ же начальникъ всѣхъ вообще войскъ на Кумыкской плоскости, всѣ эти дни находился въ неменѣе тревожномъ состояніи. Все что онъ могъ собрать, не лишая укрѣпленій необходимыхъ гарнизоновъ, было 8 ротъ съ нѣсколькими орудіями и до 10—12 сотенъ казаковъ. На случай нападенія на Андрееву, сосредоточеніе этого резерва въ Хасавъюртѣ было полезно и можно было поспѣть во время на помощь, но если бы непріятель бросился на Истису, на это гнѣздо разбойниковъ, какъ называлъ его самъ Шамиль, понимая весь вредъ подобнаго поселенія недовольныхъ имъ, и этого можно было ожидать, судя по безпрерывнымъ попыткамъ, то резервъ въ Хасавъ-юртѣ не имѣлъ никакого значенія потому, что до Истису около 40 верстъ и даже для кавказской пѣхоты нужно было не менѣе 10 часовъ времени, чтобы пробѣжать ихъ; а въ это время отъ Истису и слѣдовъ бы не осталось, если силы Шамиля не преувеличивались лазутчиками.

Баронъ Николаи, соображая все это и поддаваясь невольному убѣжденію, что если Шамиль бросится на Кумыкскую плоскость, то скорѣе въ эту часть, т. е. около Куринскаго, Истису, Умаханъ-юрта, откуда ему удобно прорватся къ Тереку, рѣшился, оставивъ во Внезапной три роты съ сотней, а въ Хасавъ-юртѣ четыре съ двумя же сотнями казаковъ, пройти въ Куринское и здѣсь съ своимъ резервомъ выжидать окончательныхъ извѣстій о движеніи непріятеля. Отсюда, если бы Шамиль направился чрезъ Сунжу, можно было подать помощь, барону Врангелю, а въ случаѣ ухода его въ Малую Чечню, придвинуться въ Грозную и освободить тамошнія войска для движенія къ Владикавказу.

Остановившись на этой счастливой мысли, баронъ Николаи 2-го октября послалъ капитана Романуса съ тремя ротами и

однимъ орудіемъ въ Герзель-аулъ, чтобы сблизить пѣхоту къ предположенному пункту сосредоточенія, т. е. Куринскому *). 3 ч., рано утромъ, нарочный изъ Грозной привезъ отъ бар. Врангеля сообщеніе, что лазутчики указываютъ на Истису, какъ на пунктъ нападенія.

Хотя конечно лазутчики могли дать ложныя свѣдѣнія съ умысломъ, но уже самъ предполагавшій это бар. Николаи окончательно рѣшился идти въ Куринское и потому тотчасъ отправилъ еще двѣ роты съ однимъ орудіемъ въ Герзель-аулъ и Куринское, а самъ съ 4-мя сотнями Донцовъ, ракетной командой и взводомъ конныхъ орудій выѣхалъ за ними, приказавъ только что прибывшему съ Терека съ 6-ю сотнями Донцовъ подполковнику Трехсвоякову, послѣ краткаго отдыха, идти за нимъ же. — Въ Герзель-аулѣ баронъ Николаи присоединилъ еще одну роту съ орудіемъ и около часу по полудни вся колонна (6 ротъ Кабардинцевъ, 10 сотенъ казаковъ, 3 пѣшихъ, 2 конныхъ орудія и ракетная команда) прибыла въ Куринское; здѣсь полковникъ Нейманъ и командиръ казачьяго полка подполковникъ Поляковъ были совершенно спокойны, о непріятелѣ не имѣли никакихъ свѣдѣній и вообще, по странной случайности, оставались въ полномъ убѣжденіи, что извѣстія о сборахъ должны быть крайне преувеличены и что едва ли аулу Истису угрожаетъ какая либо особая опасность. Они, по этому, еще до прихода барона Николаи отправили всѣ свои 6 сотенъ на фуражировку верстъ за 5 или за 6 ниже, на плоскость. Немного успокоенный этимъ, баронъ Николаи отпустилъ туда-же и свои 9 сотенъ (одну сотню онъ оставилъ на Карасу). Опасенія, на этотъ день по крайней мѣрѣ, тѣмъ болѣе уменьшились, что былъ уже часъ по полудни, дни становились короткими и позже двухъ-трехъ часовъ нападенія едва ли можно было ожидать.

Не прошло и часа, не успѣли люди отдохнуть, какъ вдругъ послышались пушечные выстрѣлы, сначала рѣдкіе, послѣ учащенные, а вслѣдъ за тѣмъ уже можно было различить и ру-

*) Отъ Хасавъ-юрта до Герзель-аула 12, отсюда до Куринскаго 18 верстъ.

жейную пальбу. Въ отличную подзорную трубу (подарокъ князя Барятинскаго полку) можно было различить большіе толпы на Хобишавдонскихъ высотахъ и клубы дыма надъ Истису. Всѣ сомнѣнія исчезли...

Въ этотъ достопамятный день, 3-го октября 1854 года, произошло дѣло, напомнившее славные дни подвиговъ нашего полка въ 1839, 42, 45 годахъ. Мнѣ хотѣлось бы разсказать его не только подробно, но и, по возможности, рельефнѣе. Кромѣ оффиціальныхъ донесеній, у меня есть хорошій матеріалъ — дневникъ барона Николаи, записки Г. К. Власова, наконецъ мои собственныя воспоминанія по разсказамъ участниковъ дѣла. Я постараюсь извлечь изъ всего наиболѣе существенное, но прежде всего даю мѣсто строкамъ барона Николаи, рѣшимости котораго, главнѣе всего, должно приписать успѣхъ дѣла.

И такъ не оставалось никакого сомнѣнія: непріятель нападалъ на аулъ Истису.

Ударили тревогу; наши молодцы солдаты, съ невыразимымъ воодушевленіемъ, въ одинъ мигъ сбѣжались къ своимъ мѣстамъ и маленькая колонна выстроилась при выходѣ изъ укрѣпленія, а Донской подполковникъ Поляковъ поскакалъ немедленно внизъ къ кавалеріи, фуражировавшей невдалекѣ на плоскости, съ приказаніемъ тотчасъ двинуться прямымъ путемъ къ Истису.

Не успѣла колонна выйти изъ воротъ, какъ показалась выше укрѣпленія, на старой просѣкѣ, многочисленная непріятельская конница, при одномъ орудіи, которая дерзко подскакивала къ самому укрѣпленію и потомъ открывала по немъ пушечный огонь. Надлежало предполать, что это была диверсія съ цѣлью удержать нашъ резервъ въ укрѣпленіи; потому на нее не обратили вниманія. Однако пришлось оставить двѣ роты, при одномъ орудіи и одну сотню казаковъ у плотины, ниже укрѣпленія, чтобы угрожать тылу непріятеля, если-бы онъ вздумалъ спуситься на плоскость по направленію къ Кадыръ-юрту. — По опыту мы знали, что и самой малой колонны нашихъ регулярныхъ войскъ было достаточно

чтобы отбить у непріятеля, охоту удалятья, отъ горъ, имѣя русскія войска въ тылу своемъ.

Между тѣмъ, слабая наша колонна, состоявшая всего изъ шести ротъ, выстроившись на бѣгу, бросилась черезъ плотину по направленію къ Истису. Нѣтъ словъ выразить общаго воодушевленія. Никому и въ голову не приходило подумать о несоразмѣрности нашихъ силъ съ непріятельскими. Впослѣдствіи многіе спрашивали барона Николаи, какъ могъ онъ рѣшиться на такой поступокъ, повидимому, противный всѣмъ правиламъ военнаго искусства? Замѣчаніе тѣмъ болѣе справедливое, что силы, которыми онъ располагалъ, были единственный резервъ для защиты края: еслибы этотъ резервъ былъ уничтоженъ, то вся Кумыкская плоскость сдѣлалась бы добычею непріятеля. Но громъ выстрѣловъ въ Истису увлекалъ всѣхъ: отъ начальника до послѣдняго солдата, всѣ помышляли только о томъ, чтобы выручить горсть товарищей, защищавшихъ аулъ.

Въ Истису ведетъ дорога прямо; дальше она направляется къ Умаханъ-юрту. Выше сказано, что дорога тянется по полугорѣ, довольно высоко надъ плоскостью, потому она и называется верхнею. По обѣ стороны весь скатъ горы заросъ густою и высокою колючкою, («держи дерево») проходимою только въ немногихъ мѣстахъ, такъ что дорога образуетъ какъ бы дефиле. Ниже идутъ еще двѣ параллельныя дороги, которыми пользуются менѣе; средняя, довольно узкая извивается также посреди колючки, а нижняя тянется вдоль по подошвѣ покатости горы, образующей почти до самаго Истису какъ бы уступъ, хотя незначительный, но достаточный для того, чтобы вмѣстѣ съ высокимъ колючимъ кустарникомъ, скрыть пѣшихъ и конныхъ, идущихъ по этой дорогѣ, отъ глазъ тѣхъ, которые находятся на покатости около верхней дороги. Это обстоятельство, повидимому маловажное, имѣло большое значеніе. Никому изъ русскихъ оно не было извѣстно; одинъ Бата *),

*) Бата какъ уже упоминалось выше, былъ у Шамиля мичиковскимъ наибомъ, но послѣ перешелъ къ намъ и начальствовалъ ауломъ чеченцев

хорошо знакомый съ мѣстностью, быстро сообразилъ пользу, которую можно было извлечь изъ нея. Онъ настоятельно просилъ барона спуститься на нижнюю дорогу. Верхняя дорога была несомнѣнно занята сильною партіею; намъ пришлось бы пробиваться при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, если бы даже удалось пробится, то время было бы потеряно и цѣль — спасти Истису, не достигнута, а могло даже случиться что и пройти не оказалось бы возможности среди окружающаго дорогу лѣса. Бата это тотчасъ сообразилъ. Не безъ колебанія однако рѣшились бросить знакомую прямую дорогу. Громъ выстрѣловъ въ Истису тянулъ невыразимо, а тутъ приходилось дѣлать немалый обходъ. Сначала роты даже сбились и пошли по средней дорогѣ: надобно было свернуть еще ниже. Трудно выразить всеобщее воодушевленіе: люди шли все время бѣгомъ. Конечно, отъ этого колонна растянулась до нельзя. Орудія съ посаженною прислугой, ракетная команда и конвой барона Николаи всего 75—80 казаковъ и человѣкъ 35 солдатъ самыхъ сильныхъ ходоковъ, державшихся вблизи орудій, вотъ все что было впереди и составляло нѣкоторую сомкнутую силу, при коей были баронъ Николаи, полковникъ Нейманъ, маіоръ Властовъ, человѣкъ четверо офицеровъ и Бата! Остальные люди растянулись рѣдкою нитью между колючекъ по дорогѣ и двигались, едва переводя духъ, да и всѣхъ то ихъ было maximum человѣкъ 750 съ унт. оф, включительно... Къ счастію, нашъ флангъ слѣва былъ прикрыть колючкою, а справа растилалась обширная плоскость, удобная для дѣйствія нашей кавалеріи.

Надобно, однако, объяснить то, что происходило въ это время въ Истису.

Мѣстность около аула способствуетъ скрытному движенію. Пользуясь ею, Шамиль, со всѣмъ своимъ скопищемъ подошелъ такъ неожиданно, что первый выстрѣлъ съ башни былъ вмѣстѣ съ тѣмъ сигналомъ боя. Многочисленныя массы не-

---

поселившихся подъ защитою Куринскаго: Ойсунгуръ, Истису, Кадырь-юртъ и др. Онъ же былъ вожакомъ у князя Барятинскаго при проходѣ чрезъ Большую Чечню; имѣлъ чинъ милиціи капитана. Человѣкъ весьма ловкій и по азіатски умный.

пріятеля развернулись по всей покатости горы, тыломъ къ самой опушкѣ лѣса, и охватили аулъ со всѣхъ сторонъ. Непостижимая безпечность со стороны жителей Истису послѣ безпрестанныхъ на нихъ нападеній! Имѣй они пикеты, то часомъ раньше сдѣлали бы тревогу, кавалерія наша поспѣла бы во время и послѣдствія были бы для непріятеля самыя ужасныя.

Можно сказать, что, спустя нѣсколько времени, когда все войско Шамиля собралось, боевая линія его растянулась правымъ флангомъ выше Куринскаго укрѣпленія, а лѣвымъ еще на двѣ или три версты за Истису по направленію къ Умаханъ-юрту, (значитъ верстъ на 10)! Никогда не видали (какъ сказывали потомъ туземцы старожилы), такого огромнаго сбора непріятеля и, хотя трудно опредѣлить его число, но можно съ нѣкоторою увѣренностью сказать, что собралось здѣсь не менѣе 15,000 до 18,000 человѣкъ!

Шамиль раздѣлилъ свои силы слѣдующимъ образомъ: главныя, подъ начальствомъ наиба Эски, предназначались для атаки аула; при нихъ были 4 орудія; тутъ же находился сынъ имама Казы-Магома. Оконечность праваго фланга должна была, какъ мы видѣли, производить диверсію со стороны Куринскаго укрѣпленія. Затѣмъ, большая масса, при нѣсколькихъ орудіяхъ, поставлена была въ промежуткѣ и имѣла, какъ видно, назначеніемъ загородить нашимъ войскамъ прямую дорогу изъ Куринскаго. Лѣвый флангъ непріятеля охранялъ дорогу отъ Уманъ-юрта, откуда могли ожидать появленія изъ Грозной войскъ барона Врангеля. Большая часть шамилевской кавалеріи спустилась, нѣсколько ниже аула, къ плоскости.

И такъ, казалось, непріятель распорядился отлично и могъ надѣяться овладѣть ауломъ и маленькими редутами прежде, чѣмъ поспѣютъ къ нимъ на помощь.

Аулъ Истису расположенъ на довольно узкой перемычкѣ, между двумя неглубокими балками, въ которыя изливаются многіе источники, выходящіе изъ горъ выше аула и протекающіе по глубокимъ извилистымъ оврагамъ. Хотя сигнальная башня, построенная на самомъ высокомъ пунктѣ, и командуетъ нѣсколькими этими балками, но на небольшомъ протя-

женіи, такъ что массы непріятельской пѣхоты подошли къ нимъ почти скрытно, и внезапно, съ величайшимъ ожесточеніемъ, бросились съ двухъ сторонъ къ оградѣ аула. Большая часть состояла изъ тавлинцевъ. Для воодушленія ихъ, Шамиль объявилъ, что предоставляетъ все имущество и жителей аула въ добычу побѣдителямъ, отказываясь отъ законной своей доли. Скоро непріятель во многихъ мѣстахъ ворвался въ ограду; завязался отчаянный бой. Пока мужчины оспоривали аулъ, можно сказать, шагъ за шагомъ, женщины выносили свое имущество изъ саклей и съ дѣтьми уходили въ ту часть аула, которая прилегала къ нашимъ редутамъ, особенно къ верхнему, гдѣ командовалъ штабсъ-капитанъ Петровскій, командиръ 11-й роты; въ нижнемъ редутѣ распоряжался прапорщикъ Сенкевичъ. Подъ самымъ валомъ главнаго редута находился домъ одного изъ болѣе зажиточныхъ и преданныхъ намъ жителей аула, по имени Борза. Къ нему стекалась большая часть семействъ; однакожъ нѣсколько женщинъ осталось въ аулѣ помогать мужчинамъ и всѣ вообще сражались отчаянно. Между тѣмъ, Шамиль началъ громить нашъ редутъ и аулъ изъ четырехъ орудій; пользуясь мѣстностью, онъ подвезъ одно орудіе такъ близко къ верхнему редуту, что стрѣлялъ картечью. Чрезъ нѣсколько времени непріятель сдѣлалъ попытку идти на штурмъ верхняго редута; но удачные картечные выстрѣлы изъ нашего орудія отбили унего охоту повторить атаку. Тоже самое случилось и у нижняго редута, котораго валъ, еще не совершенно оконченный, былъ довольно низокъ. Пользуясь балкою, тавлинцы подошли скрытно и потомъ вдругъ бросились съ крикомъ по направленію къ амбразурѣ; но храбрый прапорщикъ Сенкевичъ, приготовившійся во время, встрѣтилъ ихъ такимъ удачнымъ картечнымъ выстрѣломъ, что они бѣжали обратно въ балку. Нѣсколько разъ они еще пытались прорваться къ валу, но напрасно.

Тѣмъ не менѣе, положеніе аула и нашей 11-й роты становилось отчаяннымъ; ни Петровскій, ни жители не могли знать о приходѣ резерва въ Куринское укрѣпленіе; поэтому надежды на выручку почти не было, а между тѣмъ непріятель все болѣе и болѣе тѣснилъ и осыпалъ ихъ ядрами, гра-

натами и ружейнымъ огнемъ. Уже почти весь аулъ былъ въ рукахъ его: только часть, прилегающая къ укрѣпленію, держалась. Туда столпилось почти все населеніе. Казы-Магома и Эски употребляли всѣ усилія сломить эти послѣдніе остатки; казалось, все было потеряно!

Вдругъ слышатся выстрѣлы со стороны плоскости. Нѣсколько ракетъ, пущенныхъ почти одновременно, возвѣщаютъ о приближеніи помощи. Въ головѣ нашей колонны была ракетная команда; за нею неслись два конныя орудія. Надъ уступомъ, для наблюденія за непріятелемъ, ѣхалъ Бата съ нѣсколькими милиціонерами. Непріятель могъ ихъ принять за своихъ. Когда мы приблизились къ первому ручью, текущему въ балкѣ со стороны аула, баронъ Николаи приказалъ круто повернуть влѣво. Храбрый есаулъ Березовскій, со своею ракетною командою, выскочилъ на уступъ, а за нимъ вскорѣ и конныя орудія, воспользовавшіяся небольшою площадкою посреди колючки, чтобы сняться съ передковъ.

Удивительное зрѣлище представилось глазамъ нашимъ: аулъ весь въ дыму, изъ котораго слышались дикіе крики непріятеля и жителей, а по временамъ и ура! нашихъ солдатъ,—т. е. бывшихъ въ редутахъ,—они ружейными выстрѣлами и криками ура! ободряли жителей. Нѣкоторыя удальцы солдаты становились на валу и въ насмѣшку надъ толпами горцевъ, сдѣлавъ выстрѣлъ, пускались въ присядку... По особому счастью, пускаемые въ нихъ пули не попадали и они невредимыми скрывались за брустверъ. (Это фактъ). Густыя толпы окружали аулъ и покрывали гору, сотни значковъ развѣвались со всѣхъ сторонъ; одна только колючка, на разстояніи не болѣе 200 шаговъ, отдѣляла насъ отъ сплошныхъ массъ, занимавшихъ верхнюю дорогу въ укрѣпленіе Куринское.

Повидимому, горцы насъ не замѣтили, ибо значки ихъ стояли неподвижно. Моментъ былъ критическій... Весь успѣхъ зависѣлъ отъ перваго нравственнаго впечатлѣнія: если бы непріятель успѣлъ сообразить свое громадное превосходство надъ силами нашими, если бы онъ сохранилъ хладнокровіе хоть на полчаса, то дѣло наше было бы проиграно. Впрочемъ,

должно сознаться, что въ эту минуту подобныя мысли ни барону Николаи, ни кому другому изъ офицеровъ даже и не представились; и онъ, и всѣ были увлечены стремительностью фактовъ. Баронъ разсказывалъ послѣ, съ какимъ тревожнымъ ожиданіемъ слѣдилъ онъ за дѣйствіемъ первыхъ ракетъ, пущенныхъ въ густую массу, видную изъ за кустовъ: оно было сокрушительное, потому что, послѣ нѣсколькихъ минутъ какъ бы оцѣпенѣнія, вдругъ массы заколыхались, значки понеслись вправо и влѣво, и ясно обнаружилось, что паническій страхъ обуялъ непріятеля!.. «Я вздохнулъ свободно и внутренно возблагодарилъ Бога за чудную Его помощь, говоритъ баронъ въ своемъ дневникѣ.» Въ это же мгновеніе два конныя орудія, не давъ опомниться непріятелю, осыпали его картечью.

Восторгъ при видѣ дрогнувшихъ полчищъ былъ невыразимый, и, конечно, храбрые защитники редутовъ и аула раздѣляли его; оттуда послышался какъ бы одинъ громкій возгласъ, котораго выраженіе отозвалось во всѣхъ сердцахъ! Его нельзя описать, но всякій пойметъ его. Никто уже не сомнѣвался въ побѣдѣ, а между тѣмъ хладнокровный наблюдатель могъ бы еще не повѣрить ей: вѣдь около ракетныхъ станковъ и орудій, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ необозримой массы непріятеля, виднѣлась лишь горсть казаковъ, да два десятка утомленныхъ солдатъ, еще далеко назади маленькая колонна пѣхоты, растянувшаяся на бѣгу змѣеобразно версты на двѣ... Къ счастію, уступъ скрывалъ это отъ глазъ непріятеля.

Впереди всѣхъ была 4-я егерьская рота; она вскорѣ пристроилась къ орудіямъ; вслѣдъ за нею прибыли еще два пѣшія орудія, такъ что образовалась батарея, которая поражала непріятеля залпами, пока остальная пѣхота подходила. Съ другимъ непріятелемъ такая, можно сказать, безумная выходка могла окончиться потерей орудій и истребленіемъ всѣхъ растянувшихся ротъ; но въ томъ то и дѣло, что смѣлость на азіятцевъ производитъ не отвратимое дѣйствіе, когда они не сидятъ за закрытіемъ,—это вообще удѣлъ всякаго нерегулярнаго, недисциплинированнаго войска. На Кавказѣ не всякій начальникъ умѣлъ пользоваться такимъ преимуществомъ.

Безпорядокъ и смятеніе видимо увеличивались въ рядахъ непріятельскихъ. Стѣсненные между колючкою, въ довольно узкомъ пространствѣ вдоль по верхней дорогѣ къ Куринскому, горцы совершенно потерялись. Между тѣмъ какъ одни, впереди насъ, какъ будто усиливались пробиться право и влѣво, чтобы избѣжать дѣйствія убійственнаго огня, новыя густыя толпы высыпали справа изъ балки, со стороны аула, и, не зная еще что произошло, тѣснили первыхъ.

Наконецъ масса была рѣшительно увлечена влѣво, и можно сказать, прошла вся подъ выстрѣлами нашихъ орудій. Паническій страхъ передавался съ необыкновенною быстротою тѣмъ, которые покрывали скатъ горы выше дороги; они также зашевелились и подались назадъ. Въ тоже время защитники аула и редутовъ, воспламененные общимъ энтузіазмомъ, вышли изъ своихъ окоповъ и бросились на непріятельскія толпы *), занимавшія аулъ, съ такимъ ожесточеніемъ, что въ короткое время вытѣснили ихъ за ограду. Видно было даже, такъ отдѣльныя группы разъяренныхъ истисинцевъ, съ шашками и кинжалами наголо, преслѣдовали бѣжавшихъ тавлинцевъ и за ограду.

Шамиль, наблюдавшій съ высотъ это необыкновенное зрѣлище **), въ гнѣвѣ своемъ послалъ сказать наибу Эски, что если онъ не возьметъ опять аула, то на мѣстѣ же лишится головы. Угроза подѣйствовала.

Эски, съ чеченцами, бросился опять къ аулу со стороны Умаханъ-юртовской дороги; но какъ они были большею частью конные, то должны были оставить лошадей съ коноводами въ балкѣ и затѣмъ пѣшіе ворвались въ ограду и снова заняли часть аула. Успѣхъ ихъ былъ однако непродолжителенъ.

---

*) Изъ редутовъ половина людей, т. е. человѣкъ 60, сдѣлали вылазку и атаковали ближайшія сакли, занятые непріятелемъ.

**) Его присутствіе, какъ всегда, можно было узнать по большому зонтику, который надъ нимъ держали. Когда казаки бросились въ атаку по просѣкѣ и толпы бѣжали, зонтикъ исчезъ. Вообще зонтикъ на всемъ востокѣ имѣетъ значеніе эмблемы власти и, безъ сомнѣнія, въ этомъ смыслѣ употреблялъ его и Шамиль; да, впрочемъ, и на западѣ балдахины развѣ не тѣ же зонтики?

Весь нашъ маленькій отрядъ стянулся между тѣмъ на площадку. Видя общее смятеніе въ толпахъ непріятеля, баронъ Николаи немедленно двинулся впередъ, оставивъ на первой позиціи два орудія, подъ прикрытіемъ одной роты. Быстро переправился черезъ балку, отдѣлявшую насъ отъ аула, не встрѣчая никакого препятствія: только одно орудіе Эски, поставленное за слѣдующею балкою по Умаханъ-юртовской дорогѣ, сдѣлало нѣсколько выстрѣловъ. Непріятельскія толпы, занявшія снова аулъ и засѣвшія въ балкахъ кругомъ его, сначала насъ не замѣтили и потому допустили на самое близкое разстояніе. Опытный и храбрый полковникъ Нейманъ воспользовался этимъ, велѣлъ подвезти орудія и пустилъ нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ по балкѣ. Ужасъ и смятеніе овладѣли непріятелемъ: потеря его здѣсь была огромная. Въ тоже время Эски и его чеченцы, изумленные и растерянные, пустились бѣжать изъ аула; они боялись особенно, чтобы среди общаго смятенія коноводы не бросили лошадей.

Безпорядокъ былъ невыразимый. Пока полковникъ Нейманъ, съ двумя ротами, довершалъ пораженіе непріятеля, преслѣдуя его по балкѣ, баронъ Николаи съ остальными ротами поднялся на бугоръ ниже аула. За слѣдующею балкою непріятельскія массы все еще стояли неподвижно. Многочисленная кавалерія растянута была внизъ почти до плоскости. Орудіе Эски все еще оставалось на дорогѣ и стрѣляло по насъ. Непріятельскія толпы, отдѣленныя одною неглубокою балкою, казались такъ близкими, что не хотѣлось сначала вѣрить собственнымъ глазамъ. Вообще оцѣпенѣніе, овладѣвшее непріятелемъ, столь многочисленнымъ и еще нетронутымъ, осталось для всѣхъ необъяснимымъ. Горцы какъ будто бы чего то ожидали, оставаясь въ нерѣшимости; можетъ быть, они опасались появленія нашей каваленіи, или же надѣялись что она вовсе непокажется. Хотя, въ пылу движенія и дѣла, барону Николаи не было времени освѣдомиться о казачьихъ сотняхъ, однако и онъ ожидалъ ихъ прибытія съ судорожнымъ нетерпѣніемъ, такъ какъ, при выступленіи изъ Куринскаго, приказаніе было отдано самымъ положительнымъ образомъ чтобы кавалерія, бросивъ фуражировку, немедленно двинулась къ Истису. Впро-

чемъ, не нужно было приказанія: вся драма, происходившая въ Истису, была предъ глазами. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы въ ту минуту, когда мы поднялись на бугоръ въ виду неподвижно стоявшаго непріятеля, кавалерія наша явилась изъ-за нашего праваго фланга и снизу вверхъ атаковала горцевъ, то пораженіе было бы страшное, и очень можетъ быть, что орудіе Эски досталось бы намъ въ руки. Къ несчастію, кавалерія опоздала. Пока посылали нарочнаго за нарочнымъ ускорить ея движеніе, непріятель мало по малу, какъ бы опомнился и началъ стягиваться по скату горы.

Когда появились наконецъ казаки, самый выгодный моментъ для атаки уже былъ упущенъ; впрочемъ, работы было еще вдоволь. Подъ командою храбраго подполковника Полякова, всѣ 14 сотенъ Донцовъ понеслись въ атаку. Въ одинъ мигъ вся масса непріятеля, покрывавшая покатость горы на протяженіи двухъ верстъ, по направленію къ Умаханъ-юрту, была опрокинута, смята и въ неописанномъ безпорядкѣ бросилась бѣжать въ гору—къ опушкѣ лѣса. Казаки гнали безпощадно бѣгущихъ, кололи ихъ пиками и рубили шашками. Все пространство было усѣяно трупами.

Въ это же время, капитанъ Романусъ, посланный впередъ съ тремя ротами и однимъ орудіемъ, переправившись черезъ оврагъ, и, подаваясь по немногу правымъ плечемъ впередъ въ гору, оттѣснилъ весь этотъ флангъ непріятеля отъ его центра вправо. Кавалерія продолжала свое преслѣдованіе версты на три, на четыре отъ Истису и остановилась только у опушки лѣса, куда непріятель наконецъ скрылся... Когда, такимъ образомъ, довершено было пораженіе лѣваго фланга непріятеля, въ центрѣ, около самаго аула, полковникъ Нейманъ окончательно смялъ и опрокинулъ горцевъ, которые въ безпорядочныхъ толпахъ спасались по горѣ и по балкамъ въ лѣсъ. Паническій страхъ охватилъ даже тѣ части войскъ Шамиля, которыя стояли между Истису и Куринскимъ и совсѣмъ не были въ дѣлѣ: они увлеклись общимъ примѣромъ и бѣжали! Вскорѣ все пространство хребта, покрытое незадолго предъ тѣмъ огромными полчищами горцевъ, было пусто; лишь кое-

гдѣ, въ опушкѣ лѣса, мелькали отсталыя группы, которыя также скоро скрылись. Только трупы, покрывавшіе поле сраженія, свидѣтельствовали о страшномъ побоищѣ.

Трудно выразить всѣ ощущенія, волновавшія насъ послѣ такой побѣды. Всѣ поздравляли другъ друга; жители Истису приняли войска, какъ избавителей. Но болѣе всего радовались при видѣ храбрыхъ молодцовъ 11-й роты и начальниковъ ихъ, штабсъ-капитана Петровскаго и прапорщика Сенкевича, съ такимъ геройствомъ защищавшихъ редуты. Потеря у нихъ была чувствительная, однакожъ, менѣе, чѣмъ можно было ожидать. Со скромностію, свойственною Кабардинцамъ, они какъ бы не сознавали, что своимъ подвигомъ оказали огромную услугу.

На другой день, баронъ Врангель прибылъ съ своимъ отрядомъ въ Истису. Сначала обманутый ложными свѣдѣніями, онъ узналъ о движеніи Шамиля на Кумыкскую плоскость только послѣ полудня 3-го октября. Едва онъ успѣлъ выступить, какъ гулъ дальнихъ выстрѣловъ возвѣстилъ ему о серьезномъ дѣлѣ. Легко представить себѣ мучительное безпокойство барона Врангеля: онъ форсированнымъ маршемъ пришелъ, поздно вечеромъ, въ Умаханъ-юртъ, гдѣ долженъ былъ дать отдыхъ войскамъ, и уже на другое утро получилъ извѣстіе о нашей побѣдѣ.

«Когда все было окончено и непріятель окончательно скрылся изъ вида, разсказываетъ Г. К. Властовъ, офицеры заѣхали въ аулъ узнать подробности нападенія. Жители встрѣтили ихъ какъ избавителей, какъ братьевъ; ломаннымъ русскимъ языкомъ, съ жаромъ и жестами, разсказывали эпизоды дѣла; они безпрестанно порывались обнимать офицеровъ, женщины и даже молодыя, забывъ обычаи и безъ боязни возбудить ревность мужей, толпились вокругъ офицеровъ, дотрогивались до платья, подносили своихъ маленькихъ дѣтей, чтобы обратить вниманіе и выразить чувства расположенія.

Въ двухъ редутикахъ, какъ уже сказано, была расположена наша 11-я егерьская рота; въ одномъ, верхнемъ, командиръ роты штабсъ-капитанъ Петровскій съ 75 человѣками, а въ меньшемъ прапорщикъ Сенькевичъ съ 50-ю; въ каждомъ

было по чугунной крѣпостной пушкѣ. Когда толпы непріятеля начали спускаться съ высотъ, многіе жители просились въ редуты, но Петровскій имъ отказалъ, чтобы не мѣшали защищаться, да изъ опасенія измѣны; впустилъ онъ только нѣсколько женщинъ и дѣтей; а часть истисинцевъ сѣли во рвы редутовъ со всѣми семействами и оттуда стрѣляли изъ своихъ винтовокъ по непріятелю, составивъ вторую линію огня. Петровскій былъ дѣльный, честный офицеръ, но нѣсколько угрюмый и необщительный; онъ однако въ теченіе двухмѣсячной стоянки въ Истису пріобрѣлъ такое расположеніе жителей, что они иногда, посорившись между собою, приходили къ нему судиться. Съ солдатами жили въ большомъ ладу.

Непріятель понесъ огромныя потери, почти исключительно павшія на долю горцевъ (тавлинцевъ); какъ рѣдкое исключеніе, всѣ тѣла были брошены и даже нѣсколько тяжело раненыхъ остались на полѣ сраженія; (кромѣ взятыхъ въ плѣнъ 11 человѣкъ) не менѣе 500, 400 человѣкъ погибло ихъ въ тотъ день; картечь нѣсколькихъ орудій била въ густыя толпы, сбившіяся въ кучи и въ паническомъ страхѣ, мѣшавшія другъ другу разсыпаться и уходить; ружейный огонь жителей аула и изъ редутовъ тоже не мало уложили людей, затѣмъ пики и шашки Донцовъ; трупы валялись кругомъ въ балкахъ, у опушки, между саклями; на всѣхъ папахахъ у непріятеля были зеленыя вѣтки,—это Шамиль приказалъ имъ сдѣлать для различія отъ покорныхъ русскимъ чеченцевъ, чтобы въ бою не смѣшивались и не ошибались. Наша же потеря ограничилась ничтожною цифрою 15 убитыхъ и 35 раненыхъ, большою частью истисинцевъ. Этому не слѣдуетъ вовсе удивляться и я уже имѣлъ случай упоминать, что самыя блистательныя побѣды надъ горцами, гдѣ они дѣйствительно, не реляціонными прикрасами, терпѣли пораженія и теряли сотни людей, обходились намъ почти безъ жертвъ, тогда какъ, напротивъ, при большихъ потеряхъ съ нашей стороны, непріятель въ дѣйствительности терялъ весьма мало. Въ первыхъ случаяхъ рѣшительность удара, неожиданность смущали его и приводили въ панику, когда уже безнаказанно можно было бить его и гнать какъ стадо барановъ; во второмъ—онъ пользовался мѣст-

ностью, очевиднымъ своимъ преимуществомъ одиночнаго боя, увѣренностью въ безопасности своего тыла, близостью своихъ домовъ и ободряемый первыми успѣхами, увлекался до забвенія, становясь отчаяннымъ, дерзкимъ бойцомъ,—какъ это случалось въ лѣсахъ Чечни,—или за завалами и стѣнами дагестанскихъ ауловъ.

Шамиль, съ гнѣвомъ и стыдомъ, отступилъ за Мичикъ, гдѣ простялъ еще около недѣли въ странной нерѣшимости. Первую ночь онъ провелъ безъ сна, задумавшись, въ глубокомъ молчаніи... И неудивительно: ему должна была представиться параллель удачи 1843 г., гдѣ взяты укр. и аулъ Унцукуль—гораздо сильнѣйшія по мѣстности—съ жестокой неудачей подъ Истису. Эти 11 лѣтъ были, невзирая на частныя удачи, для власти Шамиля неблагопріятны: энтузіазмъ горцевъ исчезъ вмѣстѣ съ благосостояніемъ, страшныя потери людьми и имуществомъ, страшный гнетъ и безпощадно жестокая администрація убили первоначальныя увлеченія религіознымъ фанатизмомъ; вмѣсто воодушевленныхъ бойцовъ, оказались толпы тупыхъ, забитыхъ страхомъ казни, двигаемыхъ на убой, и, вдобавокъ, враждебно настроенныхъ между собою. Чеченцы въ душѣ даже радовались пораженію лезгинъ... Одинъ изъ лазутчиковъ, чеченецъ, явившійся ночью въ Куринское, на вопросъ гдѣ онъ былъ во время дѣла, отвѣчалъ: «мы чеченцы, стояли въ лѣсу, надъ ауломъ». Отъ чего же вы не пошли на аулъ? спросили его.—«Для этого, отвѣчалъ онъ, у Шамиля есть дураки тавлинцы. Да намъ онъ уже и не совсѣмъ вѣритъ».

Шамиль чувствовалъ, что нравственное вліяніе его сильно потрясено. Онъ еще разъ сдѣлалъ попытку перейти къ наступленію и поправить свои дѣла какимъ-нибудь успѣхомъ; онъ послалъ сына своего Кази-Магому, съ 3,000 кавалеріи, въ Малую Чечню; но и этотъ вскорѣ возвратился безъ всякаго результата, ибо вездѣ войска наши оказались въ готовности встрѣтить непріятеля.

11-го октября Шамиль возвратился въ Ведень и распустилъ ствой огромный сборъ.

Дѣло 3-го октября подъ Истису, повторяю, блистательная

страница въ исторіи Кабардинскаго полка. Здѣсь невольно вспомнишь слова Румянцова изъ его донесенія о Кагульской побѣдѣ: войска не спрашивали «сколько непріятеля, а только, «гдѣ онъ». При первыхъ выстрѣлахъ, офицеры и солдаты бросаются за ворота Куринскаго и бѣгутъ, буквально бѣгутъ 8 верстъ, только и помышляя какъ бы не опоздать на выручку товарищей и аула; никто не думаетъ о своей малочисленности, о томъ что растянулись, что напади въ эту минуту нѣсколько сотъ чеченцевъ могутъ по одиночкѣ рубить беззащитныхъ почти, запыхавшихся людей; это безуміе, непростительная оплошность и преступленіе противъ азбучныхъ правилъ военной науки; да, но это то и была спеціально кавказская черта, своего рода беззавѣтной удали, безстрашія, увѣренности въ себѣ, дай только поспѣть, добраться до непріятеля. Пушки, безъ всякаго почти прикрытія, выскакиваютъ на двѣсти шаговъ отъ многотысячной толпы и сыплютъ картечью; начальникъ колонны съ офицерами не задумывается стоять въ виду этой грозной непріятельской массы съ какими нибудь 75 казаками, изъ коихъ 60 составляютъ ракетную команду, дѣйствующую изъ станковъ и въ крайнемъ случаѣ составили бы плохую защиту. «Смѣлымъ Богъ владѣетъ;» вотъ былъ девизъ нашъ и Кабардинцамъ ли задумываться надъ положеніемъ, въ которомъ они были, подходя къ Истису?

Чрезвычайно важно было это дѣло и вообще, въ смыслѣ политическаго положенія нашего на Кавказѣ. Набѣгъ Шамиля на Кахетію въ іюлѣ и значительная добыча, имъ тамъ захваченная, подняли надежды горцевъ и дали мусульманскому населенію пищу для преувеличенныхъ расчетовъ на ближайшее будущее, между тѣмъ, какъ нашимъ побѣдамъ надъ турками при Кюрюкъ-дара они не вѣрили, а появленіе въ Черномъ морѣ флота союзниковъ и оставленіе нами прибрежныхъ укрѣпленій распространялись вездѣ какъ предисловіе къ «началу конца,» т. е. къ изгнанію русскихъ съ Кавказа. Удайся Шамилю взять Истису и уничтожить нашу роту въ редутахъ, нѣтъ сомнѣнія, эхо разнеслось бы далеко и Дагестанъ, а можетъ быть и ближайшія мусульманскія мѣстности Закавказья, могли бы взволноваться и поставить насъ въ затруднительное

положеніе. Чеченцы опять ободрились бы, усилились бы набѣги, могли повториться попытки возмущеній во кругъ Владикавказа и Кабарды. Послѣдствія подобныхъ происшествій оказались бы для насъ весьма серьозными и стоили бы многихъ жертвъ.—Но 3-е октября рѣшило иначе: благодаря горсти Кабардинцевъ, пренебрѣгшихъ всѣми правилами благоразумія и осторожности, Кавказъ былъ избавленъ отъ новаго изданія 1843 года; мало того, и Дагестанъ и Чечня, увидѣли, что ни турки, ни инглизы съ прангами (англичане и французы) не помогаютъ и съ этимъ чортомъ, урусомъ, ничего неподѣлаешь. И самъ Шамиль, и сынъ его, и всѣ наибы, и люди со всѣхъ горъ и ущелій собрались, и пушки привезли, но не могли осилить аула, защищаемаго одной ротой, а съ прибытіемъ нѣсколькихъ сотъ солдатъ изъ Куринскаго были жестоко побиты и бѣжали со стыдомъ, разнося плачь и вой по дальнимъ лезгинскимъ ауламъ о погибшихъ вдали, за чужое дѣло, сыновьяхъ и братьяхъ!

Звѣзда Шамиля рѣшительно близилась къ закату!.. Императоръ Николай, читая донесеніе о дѣлѣ 3-го октября, написалъ: «славное дѣло; нижнимъ чинамъ по 2 руб. на человѣка». Покойнаго государя въ тогдашнихъ печальныхъ обстоятельствахъ не могло не порадовать подобное извѣстіе.

Баронъ Николаи былъ произведенъ въ генералъ-маіоры свиты, Петровскій и Сенькевичь были награждены Владиміромъ 4-й ст. съ бантомъ, хотя ихъ представляли къ Георгію.

14-го ноября того же года мичиковскій наибъ Эски, съ 300-ми человѣками отборныхъ людей, еще разъ попытался внезапно ворваться въ Истису, но опять неудачно: жители геройски защищались, а чрезъ часъ прискакали изъ Куринскаго три сотни казаковъ и вслѣдъ за ними явились двѣ наши роты. Непріятель, оставивъ въ нашихъ рукахъ двухъ плѣнныхъ, потерялъ съ десятокъ убитыхъ и бѣжалъ. Къ сожалѣнію, съ нашей стороны палъ преданнѣйшій намъ старшина Истису, чеченецъ Барза.—Это была послѣдняя попытка. Истису осталось на своемъ мѣстѣ, какъ бѣльмо на глазу самому Шамилю и его наибамъ. Безсильное озлобленіе ими овладѣло и

они должны были его затаить, тѣмъ болѣе что вскорѣ обстоятельства, для нихъ болѣе серьезныя, отвлекли ихъ въ сторону.

Награды за 1854-й годъ.

Слѣдующіе чины: Полк.: барону, Николаи, маіорамъ Шелеметьеву, Властову, кап.: Соковнину, Гейману, штабсъ-капитану Базину, поручикамъ: Воронову, Муравьеву, Бѣлику, Соковнину 2-му, подпоруч.: Бюнтингу, Петенкину, прапор.: Козловскому, Грачеву, Банникову, Коленко, юнкера: Шелеметьевъ, Буксгевденъ, Джаджановъ, Тетруевъ, Смирновъ, Чеховскій, Ничо, Щелкачевъ, Долговъ въ прапор. Анна 1-й ст. баронъ Николаи, 2-й ст. подполк. Зиновьевъ, 3-й ст. маіору Соковнину, Влад, 4-й ст. кап. Петровскому, прапор. Сенкевичу, Анну 4-й ст. поруч. Зозулевскому, подпор. Колонтаю, прап. Грачеву, Стан. 2-й ст. штабсъ-капитану Трамбецкому, 3-й ст. шт. капит. Григоровичу; ниж. чинамъ 66 Георгіевскихъ крестовъ.

XI.

Отъѣздъ кн. Воронцова и тревожное положеніе Закавказья.—Предположенія о дѣйствіяхъ на лѣвомъ флангѣ.—Экспедиція барона Врангеля.—Движеніе бар. Николаи за Мичикъ.—Происшествіе въ 1-й караб. ротѣ.—Набѣгъ на Джалку и взятіе Мараша.—Дѣйствія отряда барона Николаи.—Соединеніе обоихъ отрядовъ и общія занятія.—Мѣры Шамиля чтобы парализовать наши успѣхи.

Съ отъѣздомъ съ Кавказа, въ мартѣ 1854 г., князя Воронцова, слабость здоровья котораго требовали отдыха и укрѣпленія, край остался во временномъ управленіи генерала Реада, съ правами командира отдѣльнаго корпуса. Съ одной стороны война съ Турціею, съ другой-угрозы союзныхъ флотовъ и готовящіяся высадки на берега Чернаго моря, съ третьей—Шамиль съ его попытками на Лезгинскую кордонную линію, въ сосѣдствѣ съ Грузіею, наконецъ, съ четвертой—сомнительное спокойствіе мусульманскаго населенія Закавказомъ,—составляли цѣлый арсеналъ заботъ и тревогъ для генерала, мало знакомаго съ краемъ и бывшаго вообще въ положеніи человѣка, которому угрожало въ чужомъ пиру похмѣлье...

Во время набѣга Шамиля на Кахетію, серьезно опасались за Тифлисъ и принимали мѣры для его обороны, вооружая мѣстныхъ армянъ. Боялись за южную часть Военногрузинской дороги, на которую Шамиль могъ, будто бы, пройти чрезъ Тушетію и Хевсурію, или даже ближе, чрезъ Тіонсты къ Анануру.

Для человѣка, немного знакомаго съ Грузіею, будетъ понятно, какова была сила опасеній и тревогъ, когда считалось нужнымъ на Мцхетскомъ мосту поставить батальонъ съ двумя

орудіями, и пріятная степень успокоенія, когда Шамиль, послѣ трехъ почти мѣсяцевъ бездѣятельности, ринулся со всѣми силами на ничтожный пунктъ Кумыкской плоскости и былъ разбитъ на голову!

Нѣтъ сомнѣнія, что тревоги и опасенія лѣтомъ 1854 г., при нашествіи Шамиля на Кахетію, были преувеличены; но что имамъ, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, дѣйствуя въ другомъ направленіи, съ большею энергіею и искусствомъ, могъ поставить насъ въ весьма затруднительное положеніе, это несомнѣнно, какъ уже и сказано выше.

Такой благопріятный для насъ оборотъ дѣлъ далъ возможность хоть отчасти возобновить предпріятія въ Чечнѣ, клонившіяся къ постепенному выполненію принятой системы: рѣшено было расчищать старые просѣки, рубить, по возможности, новыя, въ избранныхъ уже прежде направленіяхъ, для соединенія Грозной и Воздвиженской, чрезъ Чечню, съ Умаханъ-юртомъ и Куринскимъ; тревожить непокорное населеніе, показывая ему, что война съ Турціей вовсе не мѣшаетъ намъ продолжать дѣло съ ними; но при всемъ томъ считать главною задачею бдительное охраненіе нашихъ линій отъ прорывовъ непріятеля. Въ этомъ заключались предположенія для дѣйствій на лѣвомъ флангѣ въ зиму 1854—55 г. Но за уходомъ за Кавказъ всего Драгунскаго полка, 2-хъ бат. съ лѣваго фланга и 5-ти изъ Владикавказскаго округа, само собою, отряды уже не могли составить той силы, какъ въ предшествовавшіе годы, что и заставляло ограничивать задачи и самый раіонъ дѣйствій *).

4-го декабря баронъ Врангель, съ отрядомъ изъ 6 бат., въ томъ числѣ 1-й Кабардинскаго полка, 11 сотень казаковъ, при 10 орудіяхъ, выступилъ изъ Грозной чрезъ Аргунъ, а на другой день внизъ по теченію къ Дахинъ-Ирзау, разоривъ по

---

*) Хотя на Кавказъ была двинута резервная дивизія изъ Таганрога, но 15 батальоновъ этой дивизіи были расположены въ разныхъ пунктахъ по всей Кавказской линіи, для поддержки гарнизоновъ, въ экспедиціи же не употреблялись, по не имѣнію у нихъ обоза и вообще не подготовкѣ къ походамъ.

пути аулъ Халинъ, при чемъ было взято много разнаго имущества и артиллерійскихъ снарядовъ, скрытыхъ въ копнахъ сѣна; въ нѣкоторыхъ сакляхъ найдены даже деньги, полуимперіалы; но что всего болѣе поражало насъ, это несмѣтные запасы хлѣба—кукурузы и проса, а также сѣна. Аулъ тянулся узкой полосой по рѣчкѣ, на протяженіи болѣе 1 1/2 верстъ, всѣ сакли и сарайчики были полны зерномъ; никакой возможности не было все это истребить, развѣ оставаться на мѣстѣ цѣлую недѣлю.

Послѣ удобнаго ночлега въ сакляхъ, 6-го ч. подожгли со всѣхъ концовъ аулъ и тронулись дальше внизъ по Джалкѣ; населеніе заранѣе бѣжало въ глубь лѣсовъ, большихъ партій не было замѣтно и лишь кое гдѣ кучки конныхъ разъѣзжали, завязывая въ перелѣскахъ перестрѣлку съ цѣпями. Въ полдень мы достигли Сунжи, здѣсь присоединился къ отряду еще одинъ Куринскій батальонъ съ 3 казачьими сотнями, пришедшими чрезъ Тепликичу, и отрядъ приступилъ къ постройкѣ моста на козлахъ, распуская слухъ, что идетъ на Кумыкскую плоскость, чтобы вмѣстѣ съ барономъ Николаи съ Хоби-Шавдона двинуться на Мичикъ, къ Маюртупу. Это побудило Шамиля, прибывшаго наканунѣ изъ Веденя съ подкрѣпленіями въ Шали, расположиться за Бассомъ, откуда онъ могъ въ одинъ переходъ появиться на Мичикѣ противъ Хоби-Шавдона.

Между тѣмъ баронъ Врангель, оставивъ лагерь подъ прикрытіемъ двухъ батальоновъ, съ остальными войсками на разсвѣтѣ 7-го ч. пошелъ назадъ вверхъ по Джалкѣ другимъ берегомъ, истребляя уцѣлѣвшіе аулы, тянувшіеся здѣсь сплошною цѣпью. Количество собранныхъ запасовъ было изумительно; никогда и нигдѣ мы еще не видали такого изобилія и тутъ только поняли, какъ справедливо было названіе житницы Дагестана, данное Большой Чечнѣ. При всѣхъ предшествовавшихъ направленіяхъ нашихъ отрядовъ къ Шали и далѣе, эта мѣстность, покрытая полосою густаго лѣса, оставалась на нашемъ лѣвомъ флангѣ и, притаившись, благоденствовала на тучныхъ полянахъ по обоимъ берегамъ Джалки. Князь Барятинскій отчасти заглянулъ уже въ 1852 году въ этотъ уголъ, часть населенія была потревожена и лишилась даже своихъ

запасовъ, но ниже по теченію Джалки аулы оставались нетронутыми, да и прежде пострадавшіе опять населились возвратившимися жителями и, нетревожимые въ послѣдніе два года, какъ видно, возстановили свое благосостояніе и принялись за исконное ремесло: собираться партіями, пробираться за Сунжу, на Терекъ и хищничать; имъ это было удобнѣе чѣмъ всѣмъ другимъ чеченцамъ, вслѣдствіе близости Сунжи и подробнѣйшаго знанія мѣстности.

Какъ ни жаль было предавать пламени всю эту благодать, собранную трудами населенія, но роковая необходимость не допускала ничего другого: увезти все мы не могли, по неимѣнію перевозочныхъ средствъ, а оставитъ нетронутымъ, значило оставлять непріятелю средства для борьбы противъ насъ и отказаться отъ системы, отъ цѣли. Чечнѣ не оставалась выбора: или разоряться, нищать, уходить въ трущобы Черныхъ горъ, на встрѣчу всякой нуждѣ, или покориться, признать нашу власть, порвать связь съ мюрюдизмомъ и его главой.. Положеніе ея было тяжелое, она, нѣкоторымъ образомъ, стояла между двухъ огней, боясь висѣвшаго надъ нею топора, въ образѣ наибовъ съ ихъ мюридами и клевретами съ одной и нашего нашествія съ другой стороны; но для этого представлялся ей отчасти выходъ въ переселеніяхъ подъ защиту нашихъ крѣпостей, наконецъ, въ такомъ же общемъ возмущеніи противъ Шамиля, къ какому они увлеклись въ 1840 году противъ насъ. Намъ тоже неоставалось выбора: или война безъ конца, или прибѣгать къ крайнимъ, хотя бы и жестокимъ мѣрамъ, чтобы смирить непокорное населеніе и прекратить вѣковую войну, сколько въ интересахъ русскаго государства, столько же въ интересахъ и самаго этого населенія.

Три дня двигались войска маленькими переходами отъ аула къ аулу вверхъ, истребляя и сжигая, а 10-го декабря пошли опять внизъ по теченію Джалки, довершая разореніе всего что еще уцѣлѣло. Во всѣхъ этихъ аулахъ жило 1805 семействъ, бѣжавшихъ со своимъ скотомъ выше, по направленію къ горамъ.

За всю недѣлю, въ перестрѣлкахъ, мы потеряли 1-го убитаго, 10 раненыхъ и до 20 контуженныхъ. У непріятеля

была конечно тоже потеря, но едвали даже и такая какъ у насъ; у него было взято, впрочемъ, три человѣка въ плѣнъ.

11-го декабря мы перешли на Аргунъ и въ теченіе четырехъ дней рубили лѣсъ по направленію къ Умаханъ-юрту, не встрѣчая почти сопротивленія. 15-го числа прибылъ Шамиль съ партіей и 3-мя орудіями, ободряя жителей къ сопротивленію, но это насъ не задерживало и мы продолжали рубку до 19-го ч., а въ этотъ день выступили въ Воздвиженскую.

Послѣ дневки, отрядъ 21-го декабря опять выступилъ за Аргунъ и ночевалъ у разореннаго аула Большой Чеченъ, а 22, 23 и 24 чиселъ совершенно заросшая шалинская просѣка была расчищена; войска, издали провожаемые пушечными выстрѣлами, вырвавшими у насъ нѣсколько лошадей, благополучно возвратились въ Воздвиженскую и были распущены на Рождественскія праздники по своимъ квартирамъ.

Въ тоже время, какъ происходили описанныя дѣйствія Чеченскаго отряда, баронъ Николаи съ нашими ротами и казаками ходилъ на Мичикъ, гдѣ истребилъ большое количество сѣна и расчищалъ Хоби-шавдонскую просѣку, 21-го декабря движеніе было повторено; колонна переправилась у Мазлагаша и, обезпечивъ переправу двумя ротами съ 2-мя орудіями, двинулась лѣвымъ берегомъ по направленію къ Автуру. Довольно значительная партія встрѣтила барона Николаи и завязалось жаркое дѣло; непріятель до прихода пѣхоты такъ дерзко бросался на казаковъ, что полковникъ Нейманъ долженъ былъ съ небольшою частью Донцевъ броситься въ атаку, при чемъ были ранены пистолетными выстрѣлами въ руку самъ Нейманъ и еще одинъ казачій штабъ-офицеръ, а нѣсколько казаковъ порублены шашками. Въ эту минуту подоспѣли наши егеря и отогнали непріятеля; при отступленіи нашемъ, чеченцы опять собрались и очень дерзко подскакивали, пытаясь броситься на арріергардъ, состоявшій изъ трехъ ротъ, командиры коихъ Соковнинъ, Семеновъ и Трамбецкій отличились тутъ своею смѣлостью и распорядительностью въ извѣстномъ уже нашемъ Кабардинскомъ порядкѣ. Потеря наша состояла изъ 2-хъ убитыхъ и 33-хъ раненыхъ нижнихъ чиновъ, изъ коихъ нѣсколько человѣкъ очень тяжело и не прожили сутокъ.

Съ 29-го декабря по 3-е января въ Грозной опять былъ собранъ отрядъ, который расчищалъ просѣку на Гойтѣ къ Урусъ-мартану; но нашъ 1-й баталіонъ оставался въ Грозной и здѣсь не участвовалъ; впрочемъ, эти четыре дня ничѣмъ особеннымъ не ознаменовались. А баронъ Николаи 28-го декабря опять ходилъ за Мичикъ, съ цѣлью разорить аулъ Пуаной, но видя предъ собою партію въ нѣсколько сотъ человѣкъ и мѣстность пересѣченную и лѣсистую, онъ, во избѣжаніе потерь, измѣнилъ свое намѣреніе и ограничился сожженіемъ еще уцѣлѣвшихъ вверхъ по Мичику стоговъ сѣна. 30-го декабря и здѣсь войска были распущены; Кабардинцы, съ убѣжденіемъ въ славно исполненномъ долгѣ и не малыхъ заслугахъ, оказанныхъ втеченіе столь тревожнаго 1854 года, весело встрѣтили новый 1855 годъ въ Хасавъ-юртѣ.

Желая сохранить въ очеркѣ существованія нашего полка все, хоть немного рисующее характеръ или касавшееся его быта, я заканчивая разсказъ о происшествіяхъ собственно боевыхъ въ 1854 году, не хочу пропустить и одного происшествія не боеваго, окончившагося, къ счастью, совершенно благополучно, но могшаго имѣть и крайне непріятныя послѣдствія, какія мнѣ случалось видѣть при однородныхъ случаяхъ въ другихъ полкахъ.

Дѣло въ томъ, что командовавшій 1-й карабинерной ротой штабсъ-капитанъ Суринъ, о которомъ выше уже было разсказано, былъ довольно строгій и требовательный по службѣ офицеръ. Въ Грозной онъ провинившагося въ чемъ то унтеръ-офицера поставилъ на часы, приказавъ ему надѣть ранецъ наполненный пескомъ. Когда его спустили съ часовъ, онъ отправился прямо къ начальнику дивизіи генералу барону Врангелю съ жалобой, а генералъ, по крайней своей добротѣ и гуманности, упустивъ изъ вида требованія военной дисциплины и порядка служебныхъ отношеній, вмѣсто того что бы отослать жалобщика къ его прямому начальнику, выслушалъ жалобу, послалъ за батальоннымъ командиромъ, подполковникомъ Краузе, вошелъ въ разбирательство дѣла и т. д.—Но Суринъ, какъ только унтеръ-офицеръ возвратился въ роту, за то что осмѣлился, минуя свое начальство, идти съ

жалобой къ начальнику дивизіи, опять поставилъ его на часы и, кромѣ ранца съ пескомъ, взвалилъ ему 4 ружья на плечи. Чрезъ два, три часа у унтеръ-офицера пошла изъ носа кровь и его спустили съ часовъ; въ ротѣ послышалось что то въ родѣ ропота... Баронъ Врангель, узнавъ объ этомъ, былъ чрезвычайно разсерженъ и потребовалъ батальоннаго командира подполковникъ Краузе, старый служака, прямой, безхитростный человѣкъ, прямо высказалъ барону, что онъ отчасти виноватъ самъ, пріучая нижнихъ чиновъ бѣгать къ нему съ жалобами, помимо своихъ ближайшихъ начальниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ послалъ въ полкъ рапортъ съ просьбой отпуска въ Хасавъ-юртъ, а Суринъ подалъ рапортъ о болѣзни, сдалъ роту, уѣхалъ въ штабъ квартиру полка и тамъ, заболѣвъ, вскорѣ умеръ.

На мѣсто Краузе временно командовать батальономъ былъ присланъ маіоръ Властовъ, командовавшій 2-мъ батальономъ. Прибывъ въ Грозную, онъ приказалъ вывести 1-ю карабинерную роту, подъѣхалъ къ ней, нездороваясь, и нѣсколько минутъ молча смотрѣлъ на нее. Замѣтивъ общее ожиданіе и смущеніе на лицахъ, Властовъ тогда только поздоровался и, когда ему бойко отвѣтили, прочиталъ имъ нотацію о томъ стыдѣ, который они въ чужомъ мѣстѣ навлекли на полкъ, подавъ поводъ распространять слухи будто у Кабардинцевъ какіе то безпорядки возникли. «Виноваты, ваше высокоблагородіе, никогда не будемъ», раздался громкій общій голосъ и при томъ, очевидно, вполнѣ искренній.

Властовъ этимъ удовольствовался и дѣло кончилось безъ всякихъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

Всякій военный читатель пойметъ, что этотъ, повидимому, не важный случай, при горячихъ, вспыльчивыхъ и торопливыхъ командирахъ, или болѣе распущенныхъ людяхъ, если бы они къ тому же имѣли причины жалобъ на какія нибудь злоупотребленія, могъ повести къ печальнымъ послѣдствіямъ и превратиться въ такъ называемый «ротный бунтъ». Благодаря такту начальства и отличнымъ качествамъ нашихъ бравыхъ людей, понимавшихъ, какъ нужно дорожить честью полка, случай остался вполнѣ съ ничтожнымъ результатомъ.

Все значительное населеніе разоренныхъ по Джалкѣ и ея мелкимъ притокамъ (Шавдонамъ) ауловъ, послѣ ухода чеченскаго отряда 19-го декабря въ Воздвиженскую, разсудило, что набѣгъ русскихъ, какъ неожиданная гроза, пронесся надъ ними, истребилъ и разрушилъ на скоро что могъ, и перенесъ свою страшную силу въ другія мѣста, имъ, по этому, можно спокойно возвратиться на свои пепелища, возобновить сожженныя сакли, собрать остатки хлѣбныхъ запасовъ и по прежнему зажить на благодатныхъ мѣстахъ, дающихъ возможность скоро залечить нанесенныя раны. Въ теченіе какихъ нибудь десяти дней, всѣ они постепенно вышли изъ лѣсныхъ чащей, въ которыхъ скрывались, испытывая крайнія лишенія отъ холода и голода, и цѣпь разоренныхъ ауловъ наполнилась жителями.

Само собою, обстоятельство это сдѣлалось намъ тотчасъ же извѣстнымъ. 4-го января чеченскій отрядъ, въ прежнемъ составѣ, опять выступилъ за Аргунъ, отправивъ всю кавалерію съ генералъ маіоромъ Баклановымъ впередъ для внезапного появленія среди только что возвратившихся жителей. Успѣхъ этого налета былъ самый удовлетворительный: казаки захватили 30 человѣкъ въ плѣнъ; и до 300 штукъ скота, изрубили нѣсколькихъ несдававшихся и возвратились, потерявъ всего 9 человѣкъ ранеными. Испуганное населеніе частью бросилось вновь спасаться въ лѣса, частью рѣшилось выйти къ намъ.

Послѣ ночлега въ бивуакѣ, отрядъ 5-го ч. выступилъ къ Герзелинскому лѣсу и приступилъ къ рубкѣ просѣки, а между тѣмъ одна часть съ кавалеріею двинулась къ большому аулу Марашъ, скрытому этимъ лѣсомъ, и, невзирая на сопротивленіе партіи наиба Талгика, посылавшаго намъ изъ двухъ своихъ орудій ядро за ядромъ, ворвались въ него и подвергли общей участи: онъ запылалъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и клубы густаго дыма возвѣстили окрестности о его паденіи. Вслѣдъ за нимъ, уже безъ сопротивленія, взятъ и сожженъ аулъ Висирь, а вся кавалерія, обскакавъ густой орѣшникъ съ права, уничтожила еще два аула Голгай и Таубулай-юртъ. Все это сопровождалось, кромѣ артиллерійскаго огня, весьма жаркою перестрѣлкою въ чащѣ и изъ за плетней при взятіи ауловъ;

потеря наша заключалась въ 8-ми убитыхъ нижнихъ чинахъ, раненыхъ 2 офицерахъ и 29 нижнихъ чинахъ, контужены ядрами одинъ штабъ и два оберъ-офицера, нѣсколько солдатъ; лошадей убито не мало.

Ночью непріятель довольно долго стрѣлялъ по нашему лагерю изъ орудій, цѣлился онъ на огни и нѣсколько лошадей сдѣлались жертвой этой пальбы; огни были потушены и стрѣльба прекратилась.

6 января отрядъ прошелъ чрезъ вырубленный наканунѣ Герзелинскій лѣсъ дальше, по направленію къ Умаханъ-юрту и остановился на берегу Шавдона, у аула Гуркой, расширивъ просѣку до 500 сажень. Между тѣмъ казаки уничтожили въ окрестностяхъ шесть ауловъ, изъ которыхъ жители бѣжали. Въ этотъ день у насъ было всего 5 раненыхъ рядовыхъ и 1 контуженный офицеръ.

Въ одно время съ описанными движеніями чеченскаго отряда, дѣйствовалъ и Кумыкскій отрядъ нашего командира, барона Николаи. Еще 2 января, во время ужина, послѣ оживленнаго бала, какіе въ Хасавъ-юртѣ современъ командованія полкомъ князя Барятинскаго были нерѣдки, баронъ Николаи получилъ предписаніе начальника фланга быть 5 числа на Гудермесѣ близь Умаханъ-юрта и заняться тамъ рубкою лѣса, идя на встрѣчу чеченскому отряду, который въ тотъ день имѣлъ быть на Джалкѣ. Вслѣдствіе этого, 3-го января сдѣланы были всѣ распоряженія, само собою, возможно негласнымъ образомъ, и въ 6 ч. вечера, когда всѣ ворота укрѣпленія уже были заперты, приказано становиться въ ружье, что возбудило общее удивленіе и разочарованіе: всѣ расчитывали, что полковой праздникъ 6-го января проведутъ у себя дома и зададутъ пиръ горой. Часовъ въ 8, батальоны уже выступили въ Герзель-аулъ и, послѣ часоваго привала, тронулись въ Куринское, куда и прибыли на разсвѣтѣ, въ 4 ч. Аулъ Ойсунгуръ расположенный подъ самымъ укрѣпленіемъ, былъ заранѣе оцѣпленъ, чтобы никто изъ жителей не могъ дать знать о движеніи войскъ.

Баронъ Николаи, предварительно движенія къ Гудермесу, согласно приказанію барона Врангеля, задумалъ совершить

еще другое дѣло, о которомъ уже прежде были у него предположенія. Именно—онъ хотѣлъ неожиданнымъ ударомъ овладѣть извѣстнымъ непріятельскимъ укрѣпленіемъ Шуаибъ-капа, которое чеченцы считали неприступнымъ и которое въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, невзирая на близость многихъ сильныхъ отрядовъ, оставалось не тронутымъ. Въ случаѣ успѣха, нравственное впечатлѣніе должно было быть не малое, потому что непріятель считалъ Капу твердынею, прикрывавшею съ этой стороны, т. е. отъ Мичика, всю Чечню; собственно для Шамиля она, быть можетъ, была важнѣе еще въ томъ смыслѣ, что постоянный караулъ этаго укрѣпленія, со своимъ начальникомъ маазумомъ (изъ преданныхъ мюридовъ), надзиралъ за самымъ населеніемъ Мичика и могъ препятствовать одиночнымъ переходамъ жителей къ намъ. Извѣстно было, что даже населеніе этой мѣстности тяготилось такимъ соглядатаемъ и было бы въ душѣ довольно уничтоженіемъ укрѣпленія.

Распустивъ слухъ, что отрядъ останется праздновать 6-е января, баронъ Николаи вдругъ, въ 9-ть часовъ утра, приказалъ колоннѣ построиться выше укрѣпленія по дорогѣ, на которой происходило несчастное движеніе 11-го августа 1852 г. (О чемъ уже разказано выше.) Погода была прекрасная. Съ права доносился гулъ пушечныхъ выстрѣловъ, отряда барона Врангеля.—Спустившись къ Мичику никѣмъ незамѣченнымъ, отрядъ на скоро разработалъ переходъ чрезъ обрывъ, въ которомъ протекаетъ рѣка, и на другой сторонѣ построился уже въ боевой порядокъ для атаки Шуаибъ-капа, до котораго оставалось недалеко. Маіоръ Властовъ съ 2-мъ баталіонамъ и 2-мя орудіями пошелъ на лѣво, подполковникъ Цытовскій съ пятью ротами, 2-мя орудіями и 4 мя сотнями казаковъ прямо съ фронта, а 8-я сотня казаковъ и милиція съ двумя конными орудіями и ракетами въ обходъ лѣса, на право.—Хотя можно было почти на вѣрное полагать, что гарнизонъ укрѣпленія не будетъ значительнымъ, но все же сопротивленіе ожидалось отчаянное и мы готовились къ неизбѣжнымъ потерямъ.

Въ головѣ передней колонны, предшествуемыя цѣпью охотничьей команды, шли 4-я и 5-я карабинерныя роты (которыя

Гейманъ и штабсъ-капитанъ Соковнинъ) имѣвшіе броситься на штурмъ.—Вскорѣ раздались ружейные выстрѣлы и крики,—непріятель наконецъ замѣтилъ насъ. Колонны прибавили шагу, кавалерія съ правой стороны пошла на рысяхъ, съ лѣва у Властова раздались пушечные выстрѣлы,—казалось, настала минута жаркаго боя, но произошло со всѣмъ неожиданное: маазумъ съ своими 60-ю человѣками караула растерялся, проще, струсилъ, не расчитывая ни на какую поддержку, и когда роты съ крикомъ ура! уже приближались ко рву редута, онъ размахивая шашкой, громко кричалъ что умретъ, но не сдасться, однако огня не открывалъ. Неизмѣнный нашъ спутникъ Бата обратился къ нему съ добродушно-ироническимъ совѣтомъ: «перестань, Юнусъ, размахивать шашкою, нѣтъ разсчета тебѣ храбриться; теперь русскіе пришли уже не шутя, чтобы взять капу; ты лучше спасайся пока есть время.»— Очевидно совѣтъ подѣйствовалъ и Юнусъ исчезъ, а люди его между тѣмъ успѣли вывести своихъ лошадей въ заднюю калитку и бѣжать стремглавъ...

Такимъ образомъ грозный оплотъ Чечни былъ занятъ безъ потери единой капли крови. Укрѣпленіе дѣйствительно было устроено такъ, что даже человѣкъ сто могли упорно защищаться, и штурмъ, при глубинѣ широкаго рва, при увѣнчанномъ турами съ бойницами брустверѣ, при внутренней постройкѣ изъ толстыхъ бревенъ, служившей въ родѣ цитадели второю обороною, стоилъ бы, безъ сомнѣнія, не мало людей. Кромѣ того были боковые завалы и засѣки внѣ укрѣпленія, расчитанные на сопротивленіе большой партіи, и въ тылу еще разныя искусственныя сооруженія для прикрытія отступавшихъ людей.

Егеря съ особеннымъ усердіемъ приступили къ сожженію редута и уничтоженію по возможности линіи туровъ. Когда покончили съ этимъ, приказано было отступать. Казаки же и милиція съ сыномъ Баты между тѣмъ проникли въ ущельѣ Ерибъ-Шавдона и отбили тамъ болѣе 300 барановъ, которыхъ и пригнали, захвативъ кстати и двухъ пастуховъ. Прискакавшій по тревогѣ наибъ Эски опоздалъ и съ ужасомъ увидѣлъ свою крѣпость въ пламени; попытка его возвратить хоть

барановъ тоже не удалась. Весь отрядъ, слабо преслѣдуемый, возвратился къ вечеру въ Куринское, имѣя всего 5-хъ раненыхъ.

5-го января утромъ выступилъ отрядъ къ Умаханъ-юрту и расположился у Гудермеса около рва, памятнаго по походу 1853 года. Со стороны Джалки слышались пушечные выстрѣлы и виденъ было сильный дымъ. Тремя выстрѣлами кумыкскій отрядъ далъ знать чеченскому о своемъ прибытіи. 6 числа, въ полковой праздникъ, на Гудермесѣ совершено освященіе воды и молебствіе. Холодъ дошелъ до 10°.—Баронъ Николаи произвелъ рекогносцировку, чтобы удостовѣрится до какого мѣста его колонна можетъ подвинуться впередъ на встрѣчу генералу Врангелю; мѣстность оказалась кое гдѣ перекопанною рвами, виднѣлись завалы, за каждою роскошною поляною перелѣски частаго орѣшника, нарочно оставляемые жителями, чтобы ввести насъ въ заблужденіе и показать издали мѣстность покрытою лѣсомъ. Вскорѣ были встрѣчены грозненскіе милиціонеры съ частью казаковъ, выѣхавшихъ на фуражировку, и соединеніе обоихъ отрядовъ совершилось. Баронъ Николаи съ казаками доѣхалъ до Гаркой-аула, гдѣ находился чеченскій отрядъ, а кумыкскій между тѣмъ расположился на Шавдонѣ верстахъ въ 5-ти отъ Гаркоя, приступивъ къ постройкѣ моста, ибо рѣчка была такъ глубока и топка, что въ бродъ не было возможности переходить ее.

Въ этотъ вечеръ Кабардинцы все таки, хоть и по походному, отпраздновали свой полковой праздникъ; не обошлось безъ кутежа и пальбы изъ орудій, безъ залповъ изъ ружей. Дѣло было часовъ въ 9 вечера и въ чеченскомъ отрядѣ сильно встревожились; казалось несомнѣннымъ, что непріятель въ значительныхъ силахъ, совершенно неожиданно, атаковалъ колонну бар. Николаи, быть можетъ воспользовался какою нибудь оплошностью и условіями мѣстности и имѣлъ успѣхъ; двигаться на помощь въ совершенной темнотѣ, чрезъ густой еще непрорубленный лѣсъ, въ которомъ могли быть устроены засады, тоже не представлялось возможнымъ; рѣшили послать милиціонеровъ, знающихъ всякую тропу, узнать что тамъ происходитъ. Часа полтора находились въ лагерѣ барона

Врангеля у Гаркой-аула въ сильномъ волненіи, пока не разъяснилось въ чемъ дѣло...

На другой день усердно рубили съ обѣихъ сторонъ лѣсъ; часу въ 4-мъ пополудни баронъ Врангель со своей свитой пріѣхалъ въ лагерь Кабардинцевъ, благодарилъ полкъ за его боевыя дѣла и любезно принялъ участіе въ дополнительномъ праздновaніи вчерашняго дня. Распоряжался покойный Гейманъ, большой мастеръ по части всякихъ кутежей; шампанскаго было вдоволь и гости чеченскаго отряда уѣхали въ веселомъ настроеніи.

8-го числа рубка была довершена, отряды составили одинъ лагерь. Въ теченіе слѣдующихъ четырехъ дней продолжалось дальнѣйшее проложеніе просѣки всѣми войсками, при незначительныхъ перестрѣлкахъ съ непріятелемъ, державшимся вдали. Морозы однако достигали до 16 и 17°, такъ что пребываніе въ лагерѣ становилось чрезвычайно труднымъ и потому 14 января войска были распущены по своимъ квартирамъ.

Потери въ послѣдніе дни ограничивались всего 10-ю ранеными и 13-ю контуженными.

Всѣ произведенныя въ теченіе декабря и января работы и уничтоженіе около 2,000 домовъ чеченскаго населенія имѣли послѣдствіемъ отнятіе у него огромнаго плодороднѣйшаго угла, отъ сліянія Мичика съ Гудермесомъ до Дахинъ-ирзау на Сунжѣ, противъ Тепли-кичу. Четвертая часть этого населенія (около 1,500 душъ) перешла къ намъ, остальные ушли въ горныя ущелья Хулхулау, или въ Малую Чечню, въ самыя верховья Гойты, Мартана, Энгелика и другихъ притоковъ Сунжи. Довѣріе къ силѣ Шамиля, къ возможности избѣгнуть разоренія и не покидать насиженныхъ мѣстъ, къ его обнадеживаніямъ и баснямъ о турецкихъ и египетскихъ войскахъ, имѣющихъ съ нимъ соединиться, сильно подорвались. Всѣ эти окопы, рвы, завалы и укрѣпленія, имъ сооружаемые, только напрасно отрывали рабочія руки и отягощали населеніе. Ропотъ въ это время достигъ такихъ размѣровъ, что, невзирая на призывъ о помощи, имамъ все только обѣщалъ вскорѣ явиться, однако такъ и не пріѣхалъ, ограничившись посылкой партій изъ ближайшихъ обществъ съ орудіями, да и тѣ держались

вдали, послѣ многихъ жестокихъ уроновъ послѣдняго времени. Въ Ведень явились толпы бѣглецовъ съ семьями, прося крова на зиму и корма для себя и для скота; Шамиль избѣгалъ показываться имъ,—они разошлись по ближайшимъ мѣстностямъ и кое-какъ пріютились среди ауловъ и хуторовъ въ шалашахъ.

Шамиль былъ такъ озлобленъ всѣми этими происшествіями, что объявилъ—если русскіе еще разъ придутъ въ неразоренную часть Чечни, то онъ истребитъ всѣхъ плѣнныхъ, взятыхъ въ Кахетіи, и для этого приказалъ согнать ихъ всѣхъ въ Ведень. Вмѣстѣ съ тѣмъ распорядился укрѣплять входы въ ущелье Хулхулау, по которому можно было проникнуть въ центръ густого населенія, составившагося здѣсь изъ бѣглецовъ послѣдняго времени, да и къ самому Веденю.

7-го февраля Шамиль собралъ въ Ведень всѣхъ наибовъ, старшинъ, почетныхъ жителей и духовенство. Съ кораномъ въ рукахъ объявилъ, что получилъ отъ хонткяра (султана турецкаго) письмо съ извѣщеніемъ о движеніи весною двухъ турецкихъ армій—одной изъ Карса за Кавказъ, другой изъ Анапы въ Кабарду, куда имамъ долженъ придти для общихъ дѣйствій и окончательнаго изгнанія русскихъ съ Кавказа.

И еще разъ легковѣрное горское населеніе увлеклось этими бреднями, поклялось въ лицѣ своихъ представителей въ вѣрности имаму, въ готовности жертвовать всѣмъ для истребленія гяуровъ... На нѣкоторое время выходъ къ намъ переселенцевъ пріостановился и чеченцы стали ожидать весны; нѣкоторые же, ободренные надеждами, начали возвращаться на старыя пепелища, покинутыя во время зимняго разгрома. Шамиль дѣлалъ распоряженія къ сборамъ большихъ силъ, а между тѣмъ, по его приказанію, мелкія нападенія и хищничества на нашихъ линіяхъ усилились.

XII.

Пріѣздъ новаго главнокомандующаго и его отзывъ о 1-мъ батальонѣ Кабардинскаго полка.—Обмѣнъ плѣнныхъ княгинь на сына Шамиля.—Набѣги генераловъ Врангеля и Вревскаго въ Чечню.—Движеніе барона Николаи къ Акташу.—Мелкія происшествія.—Зимнія дѣйствія барона Вревскаго и Николаи.

Въ это время прибылъ на лѣвый флангъ новый главнокомандующій, Н. Н. Муравьевъ и проѣздомъ чрезъ ст. Заканъ-юртовскую осмотрѣлъ расположенный тогда тамъ 1-й батальонъ нашъ, провожавшій его оттуда до Урусъ-Мартана. Строгій генералъ, извѣстный своею требовательностью по фронту, писалъ послѣ, между прочимъ, военному министру для доклада Государю: «Изъ войскъ всего довольнѣе остался я 1-мъ батальономъ Кабардинскаго полка, находившимся у меня въ конвоѣ; онъ представился мнѣ въ такомъ видѣ, что не нахожу словъ достаточно похвалить. Люди видные, здоровые, бодрые, выправка отличная, одѣты прекрасно, по 30 рядовъ во взводѣ *), штабъ и оберъ-офицеры внимательны къ своимъ обязанностямъ, видно, что вполнѣ боевой батальонъ». Въ тоже время о другихъ частяхъ отзывъ былъ нелестный...

Пока перейду къ дальнѣйшему разсказу о послѣдовавшихъ затѣмъ военныхъ событіяхъ, разскажу объ одномъ интересномъ эпизодѣ, имѣвшемъ мѣсто въ это время, эпизодѣ, въ которомъ Кабардинскій полкъ былъ дѣятельнымъ факторомъ.

---

*) Тогда строй былъ въ три шеренги, слѣдовательно 30 рядовъ=180 рядовыхъ въ ротѣ, и хотя это было почти на сто человѣкъ меньше штатнаго числа, но считалось очень хорошимъ составомъ въ походѣ.

Выше уже было упомянуто, что въ 1854 г. Шамиль при набѣгѣ на Кахетію захватилъ въ плѣнъ семейство князя Давыда Чавчавадзе, княгиню Орбельянъ, княжну Баратову и другихъ. Въ ихъ печальной судьбѣ принялъ близкое участіе покойный государь Николай Павловичъ и повелѣлъ употребить всѣ возможныя мѣры къ освобожденію плѣнныхъ. Продолжительные переговоры, веденные главнѣйшимъ образомъ чрезъ нашего командира, барона Николаи, съ Шамилемъ, окончились тѣмъ, что рѣшено было возвратить ему находившагося въ Россіи на службѣ во Владимірскомъ уланскомъ полку поручикомъ, старшаго сына его Джемаль-Эдина *) и дать сорокъ тысячъ рублей звонкой монетой **).

Я не передаю здѣсь подробностей и всѣхъ перипетій, сопровождавшихъ переговоры въ теченіе 8—9 мѣсяцевъ,—много тутъ было комическаго, но больше грустнаго, потому что несчастныя плѣнницы, эти образованныя, привыкшія къ изнѣженной жизни высшаго общества дамы съ дѣтьми, должны были выносить мучительную жизнь среди дикарей, въ обстановкѣ полной всякихъ лишеній,—я ограничиваюсь самымъ эпизодомъ обмѣна.

10-го марта 1855 года было назначено днемъ обмѣна.

7-го марта прибылъ въ Куринское изъ Герзель-аула нашъ 2-й батальонъ, прикрывавшій транспортъ съ 40 тысячами серебряныхъ рублей. Въ этотъ же день явился туда казначей Шамиля съ тремя стариками, довѣренными лицами, и въ особо отведенной имъ квартирѣ начали считать, запечатывая послѣ мѣшки своею печатью.—8 ч. пріѣхалъ въ экипажѣ, подъ прикрытіемъ 4-хъ сотенъ казаковъ, баронъ Николаи, въ сопровожденіи Джемалъ-Эдина, а 9-го прибылъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры Дагестанскій конноиррегулярный полкъ съ своимъ командиромъ, княземъ Иваномъ Багратіономъ и флигель-адъютантъ полковникъ князь Д. Чавчавадзе-мужъ плѣнной.

Утромъ 10-го числа всѣ были въ лихорадочно тревожномъ

---

*) Онъ былъ въ 1839 г. выданъ намъ въ Ахульго заложникомъ, имѣя тогда лѣтъ 9, 10 отъ роду.

**) Вмѣсто потребованнаго имъ милліона.

состояніи, все еще не вполнѣ увѣренные въ благополучномъ окончаніи дѣла. Не говоря о коварствѣ, позволительномъ всякому азіятцу въ дѣлахъ съ гяурами, даже какая нибудь пустая бездѣлица, ложный слухъ и т. п. могли повліять на рѣшеніе Шамиля; онъ могъ въ послѣднюю минуту заявить нелѣпыя новыя требованія, или попытаться овладѣть деньгами, а плѣнныхъ не выдать...

Въ 8-мъ часовъ 6-ть ротъ Кабардинцевъ, 10-ть сотень казаковъ, шесть орудій и конномусульманскій полкъ выступили на высоты Качкалыковскаго гребня и спустились къ Мичику, не доходя рѣки на ружейный выстрѣлъ. Въ такомъ же разстояніи, на лѣвомъ берегу рѣки, на возвышенности, сидѣлъ подъ большимъ синимъ зонтикомъ Шамиль, окруженный толпою горцевъ, неменѣе 2 тысячъ человѣкъ. Съ обѣихъ сторонъ отправились посланцы удостовѣриться въ дѣйствительномъ прибытіи объектовъ обмѣна, а за тѣмъ согласились, чтобы съ каждой стороны не болѣе 25 человѣкъ прикрывали повозки съ серебромъ и Джемалъ-Эдина отъ насъ и двѣ арбы съ плѣнницами отъ Шамиля; все это должно было съѣхаться въ руслѣ Мичика и здѣсь размѣняться. Наше прикрытіе состояло изъ 25 человѣкъ лихихъ Кабардинцевъ-охотниковъ, вооруженныхъ двустволками.

И нашъ отрядъ, и станъ Шамиля, очевидно были въ нервнонапряженномъ состояніи; тишина царила полная; всѣ глаза были устремлены на двигавшіяся арбы...

Наконецъ поѣзды сближаются, конвои смѣшиваются въ одну группу, Джемалъ-Эдинъ верхомъ, въ сопровожденіи нашего полковаго адъютанта Бѣлика 2-го, поручика Бюнтинга и юнкера Буксгевдена поднимаются къ стану Шамиля, а арбы съ плѣнницами и охотниками къ нашей сторонѣ. Въ эту минуту въ Дагестанскомъ конно-иррегулярномъ полку раздались звуки азіятской зурны, напоминающей веселую Грузію, и эхо разнеслось по окрестнымъ горамъ. Весь видъ производилъ какое то трудно описываемое впечатлѣніе... Арбы въѣхали въ средину нашу. Я опускаю завѣсу надъ сценой свиданія,—ей мѣсто не въ лѣтописи суровыхъ боевыхъ событій, да и описано все это въ подобающемъ родѣ француженкой Дрансе

(гувернанткой) и Бюнтингомъ въ особой нѣмецкой брошюрѣ. Плѣнницъ увезли въ Куринское, откуда, послѣ нѣсколько часоваго отдыха, въ экипажахъ онѣ уѣхали въ Хасавъ-юртъ. Между тѣмъ Джемалъ-Эддинъ подъѣхалъ къ отцу, былъ встрѣченъ шумными радостными возгласами всей толпы мюридовъ, со слезами на глазахъ распрощался съ Бѣликомъ, Бюнтигомъ и Буксгевденомъ,*) которые поскакали назадъ и присоединились благополучно къ колоннѣ.

Весь эпизодъ имѣлъ исключительно кавказскій характеръ; онъ былъ однимъ изъ заключительныхъ въ великой драмѣ, именуемой «Кавказской войной»; за нимъ оставалось мѣсто уже только одному финалу, и онъ послѣдовалъ чрезъ четыре года. Но объ этомъ въ своемъ мѣстѣ.

Съ апрѣля мѣсяца, когда настало время запашекъ, многіе чеченцы изъ разоренныхъ по Джалкѣ ауловъ, не видя въ сборѣ нашихъ войскъ и помня обѣщанія Шамиля о скоромъ приходѣ турецкой арміи, рѣшились возвратиться и начать полевыя работы; для прикрытія ихъ, Шамиль приказалъ ближайшимъ наибамъ высылать отъ 2-хъ до 3-хъ сотъ человѣкъ; кстати они должны были наблюдать чтобы не явились охотники выселиться къ русскимъ.

Все это, конечно, стало тогда же извѣстно въ Грозной и баронъ Врангель рѣшилъ тотчасъ разочаровать чеченцевъ, показавъ имъ всю суетность обнадеживаній Шамиля. 16-го апрѣля былъ внезапно собранъ небольшой отрядъ изъ 10-ти ротъ пѣхоты, (въ томъ числѣ 3-й батальонъ Кабардинскій подполковника Зиновьева, смѣнившій въ Грозной нашъ 1-й батальонъ) 13 сот. казаковъ, 8 орудій и милиція; переправясь чрезъ Аргунъ двинулись къ Джалкѣ. Работавшіе въ поляхъ люди бѣжали, нѣкоторые попали въ плѣнъ, нѣкоторыя возобновленныя сакли были зажжены, но на другой день, по совершенному отсутствію фуража для лошадей, мы вынуждены были возвратиться. Ночью непріятель изъ двухъ орудій стрѣлялъ

*) Буксгевденъ былъ товарищъ Джемалъ-Эддина по 1-му кадетскому корпусу.

по нашему бивуаку, нѣсколько человѣкъ и лошадей пали жертвами ядеръ; предъ разсвѣтомъ были посланы казаки въ обходъ захватить эти пушки, но были открыты, встрѣчены сильнымъ залпомъ и безъ успѣха вынуждены возвратиться. Мы потеряли за два дня 1 офицера и 2 нижнихъ чиновъ убитыми, 1 офицера и 15 рядовыхъ ранеными, 2 офицеровъ контуженныхъ.

Въ тоже время баронъ Николаи, съ 10 ротами Кабардинцевъ и 10 сотнями казаковъ, двинулся изъ Куринскаго на Мичикъ, прошелъ внизъ по рѣкѣ, сжегъ аулъ Шамили-юртъ и возвратился по Хоби-Шавдонской просѣкѣ, потерявъ 1 убитаго и 10 раненыхъ.

По этимъ тревогамъ прискакалъ изъ Веденя Кази-Магома съ нѣсколькими стами конницы и несчастные чеченцы указали ему на два отряда русскихъ войскъ, сказавъ; «вотъ какъ они ушли въ Турцію спасать своихъ разбитыхъ товарищей!» Онъ не нашелся что отвѣтить имъ, посмотрѣлъ на дымившіеся аулы и уѣхалъ. Съ этого дня началось опять переселеніе къ намъ жителей изъ за Аргуна; на встрѣчу имъ высылали небольшіе колонны къ переправѣ и всякій разъ прибывало 30, 60 семействъ, расселявшихся въ покорныхъ аулахъ по Сунжѣ.

Тревоги и мелкія происшествія продолжались своимъ порядкомъ. Въ Герзель-аулѣ всякая рубка дровъ сопровождалась перестрѣлкой; такъ, еще 27-го февраля былъ тамъ раненъ капитанъ Романусъ и нѣсколько рядовыхъ, вышедшихъ забрать нарубленныхъ дровъ.

Въ первыхъ числахъ мая генералъ-лейтенантъ баронъ Врангель оставилъ Кавказъ и мѣсто его временно занялъ начальникъ Владикавказскаго военнаго округа, генералъ-маіоръ баронъ Вревскій, человѣкъ весьма предпріимчивый, подвижной и послѣдователь системы безпрерывнаго тревоженія непріятеля набѣгами и разореніями.

20-го мая баронъ Вревскій совершилъ первый свой набѣгъ. Выступивъ вечеромъ изъ Грозной, мы переправились чрезъ Аргунъ и къ разсвѣту нагрянули на Джалку къ Мискиръ-юрту. Движеніе было такъ внезапно, что жители были захвачены въ расплохъ: мы забрали 21 человѣка плѣнныхъ, 150 головъ рогатаго скота, до 300 барановъ, нѣсколько человѣкъ

были изрублены, сакли зажжены, 40 семействъ подъ нашимъ прикрытіемъ выселились за Аргунъ. Однако ко времени отступленія отряда наибъ Большой Чечни, Талгикъ, успѣлъ прискакать съ довольно значительною партіею и орудіемъ; завязалась при переходѣ чрезъ лѣсныя купы и Шавдонку жаркая перестрѣлка, стоившая намъ 2-хъ убитыхъ, 34-хъ раненыхъ нижнихъ чиновъ и 2-хъ контуженныхъ офицеровъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ разнеслись извѣстія о высадкѣ союзниковъ на Кавказскій берегъ, объ оставленіи нами Анапы, Новороссійска и другихъ крѣпостей, о неудачахъ въ Крыму. Шамиль не преминулъ воспользоваться этимъ, ободрилъ и взволновалъ сильно пріунывшее населеніе и распорядился собирать войска со всѣхъ ему подвластныхъ мѣстъ; но цѣли этого сбора никто не зналъ. Съ нашей стороны, само собою, осторожность была усилена и отряды, хоть небольшія, держались на разныхъ пунктахъ въ готовности.

Прошелъ цѣлый мѣсяцъ; все было спокойно и баронъ Вревскій рѣшился возобновить вторженіе въ непокорную страну. Въ іюлѣ, 11 числа, когда смерклось, войска выступили по дорогѣ въ Малую Чечню, чтобы ввести непріятеля въ обманъ, но отойдя нѣсколько верстъ отъ Грозной вдругъ повернули правымъ плечомъ къ Аргуну. Переправясь въ темнотѣ, что при быстротѣ горной рѣки составляло не малое затрудненіе для пѣхоты, отрядъ къ разсвѣту вышелъ на Шалинскую поляну и здѣсь соединился съ колоннами полковника Мищенко и Донскаго подполквника Ежова, вышедшихъ изъ Воздвиженской разными дорогами.

Ставъ бивуакомъ на Бассѣ, войска три дня жгли окрестные возобновленные аулы Боша и Цици. Рубили шашками, топтали лошадьми и вообще всякими средствами истребляли по Бассу и Шавдону громадныя поля, покрытыя роскошнымъ урожаемъ кукурузы. Отрядъ состоялъ изъ 3-хъ баталіоновъ пѣхоты (въ томъ числѣ 3 Кабардинскій) и 30 сотень конницы—масса, сравнительно съ обыкновеннымъ составомъ кавалеріи нашихъ отрядовъ, страшная. До 3000 всадниковъ, собранныхъ въ одномъ пунктѣ, на всякомъ театрѣ войны могутъ представить силу внушительную; сосредоточеніе ихъ въ

Чечнѣ оказалось возможнымъ потому, что баронъ Вревскій, какъ начальникъ Владикавказскаго округа, притянулъ оттуда 1-й Сунженскій казачій полкъ и милиціи изъ осетинъ, ингушевцевъ и другихъ. Видъ этой конной тучи не могъ не произвести на чеченцевъ особаго впечатлѣнія, тѣмъ болѣе что не задолго предъ тѣмъ, по случаю вытребованія генерала Бакланова за Кавказъ съ однимъ Донскимъ казачьимъ полкомъ, Шамиль увѣрялъ населеніе о крайнемъ ослабленіи русскихъ войскъ, едва могущихъ прикрывать свои укрѣпленія.

14-го іюля, когда стемнѣло, вся кавалерія съ конными орудіями была двинута внизъ по Шавдону опять на Джалку, чтобы неожиданно нагрянуть на осмѣлившихся возвратиться туда съ своимъ скотомъ и для покосовъ жителей; пѣхотѣ же приказано было передвинуться къ разсвѣту въ этомъ направленіи и занять позицію, для поддержанія конницы при отступленіи и переправѣ.

Пройти кавалеріи нужно было не болѣе 15—18 верстъ и, конечно, она могла еще до разсвѣта появиться на опредѣленномъ пунктѣ и застать населеніе спящимъ; но, какъ это большею частью бываетъ при ночныхъ движеніяхъ, въ одномъ изъ перелѣсковъ проводникъ нашъ, (извѣстный всѣмъ тогда въ Грозной Саидъ) ошибся на одной изъ тропинокъ, попалъ въ какую то непролазную чащу орѣшника и переплетенныхъ вьющимися растеніями деревъ, такъ что дальше нельзя было уже сдѣлать ни шагу и всѣ поиски въ темнотѣ дороги, даже съ зажиганіемъ спичекъ, остались тщетными. Между тѣмъ три тысячи всадниковъ растянулись на три версты, покрайней мѣрѣ, всѣ почти спѣшились, продираясь сквозь чащу, теряя папахи и заботясь спасать глаза отъ хлеставшихъ вѣтвей. Положеніе было крайне опасное, потому что проберись въ это время нѣсколько десятковъ чеченцевъ съ обѣихъ сторонъ, открой огонь и гикни съ шашками въ рукахъ, могла бы произойти прискорбная катастрофа, тѣмъ болѣе, что крайне утомленные люди, какъ только остановились, большею частью тутъ же засыпали, да и защищаться въ темнотѣ, въ чащѣ, держа въ поводу лошадей, было бы почти невозможно. Къ счастью, непріятель о движеніи нашемъ ничего

не зналъ, разъѣздовъ у него не было и мы, проведя безпокойныхъ нѣсколько часовъ, съ началомъ разсвѣта скоро отыскали настоящую дорогу, оставшуюся въ какой нибудь полуверстѣ въ сторонѣ, и поспѣшили дальше. Но въ расплохъ ауловъ уже застать не могли. Мы появились на Джалкѣ когда былъ день, работавшіе въ поляхъ насъ замѣтили, произвели тревогу и нѣсколько сотъ человѣкъ вскорѣ появились, занимая перелѣски и овраги, мимо которыхъ нужно было проходить. Это было причиной, что вся добыча ограничилась 2-ми плѣнными и нѣсколькими десятками головъ скота, а у насъ потеря людьми и особенно лошадьми была довольно значительная.

Къ ночи отрядъ возвратился въ Грозную и Воздвиженскую.

За всѣ три дня потеря заключалась въ 7 убитыхъ и 69 человѣкахъ раненыхъ, въ числѣ послѣднихъ три штабъ и три оберъ-офицера; (изъ нихъ прапорщикъ Лисовскій Кабардинскаго полка) убито и брошено раненыхъ 175 лошадей...

По заведенному порядку, вмѣстѣ съ движеніемъ отряда изъ Грозной, барону Николаи было предписано предпринять и со стороны Кумыкской плоскости наступленіе въ непріятельскую землю для диверсіи и развлеченія его силъ. Выборъ пункта былъ предоставленъ ему.

Баронъ Николаи, принимая во вниманія, что очень частыя движенія къ Мичику, такъ пріучили къ нимъ непріятеля, что должны были потерять свое значеніе, къ тому же въ то время года, когда непріятель занятъ покосами, онъ вдвое бдительнѣе, застать его въ расплохъ трудно, и въ особенности, при короткихъ лѣтнихъ ночахъ, движеніе едва ли можетъ быть сдѣлано скрытно, а слѣдовательно не обойдется безъ потери людей, рѣшился исполнить свое давнишнее намѣреніе подняться по отлогости хребта, отдѣляющаго теченіе Акташа отъ Ярыхъ-су, дойти до самой вершины этого хребта, видной изъ Хасавъ-юрта, дабы ознакомиться съ лежащими за нимъ мѣстностями, которыя, по разсказамъ туземцевъ, представляютъ богатыя населенныя долины, не видѣвшія у себя, со времени похода въ 1841 году генерала Граббе изъ Салата-

віи въ Кишень-аухъ, русскихъ войскъ. Подобное смѣлое и неожиданное движеніе должно было произвести сильное впечатлѣніе на непріятеля, считавшаго уже давно себя вполнѣ безопаснымъ отъ нашихъ вторженій. Всѣ приверженные намъ туземцы одобрили мысль барона Николаи, увѣряя, что вся эта плоская возвышенность, на которую онъ хотѣлъ направиться, есть огромное покосное мѣсто, изъ котораго весь Аухъ снабжается сѣномъ, что оно почти безлѣсно и что хотя и существуютъ на немъ нѣкоторыя балки и неровности съ лѣсомъ, но эти мѣста можно вездѣ безъ затрудненія обходить.

Немедленно были разосланы подлежащія приказанія:— Донскому подполковнику Полякову, который былъ въ Куринскомъ начальникомъ резерва, поручено собрать пять ротъ и шесть или семь сотень казаковъ и на другой день утромъ двинуться на Хоби-Шавдонскія высоты, оттуда спуститься къ Мичику, а если найдетъ возможнымъ и нерискованнымъ, то и перейти на ту сторону рѣки; во всякомъ же случаѣ производить какъ можно болѣе шума и повторить это и на слѣдующій день;—въ Герзель-аулъ и во Внезапную послано приказаніе, чтобы всѣ свободныя тамъ войска къ вечеру того же дня прибыли въ Хасавъ-юртъ. Все это дѣлалось, конечно, съ соблюденіемъ строгой тайны.

Послѣ вечерней зори всѣ распоряженія были сдѣланы. Подполковникъ Краузе прибылъ изъ Внезапной съ одною ротою 1-го батальона и двумя сотнями казаковъ, а изъ Герзель-аула пришла рота линейнаго батальона. Такимъ образомъ собрались семь ротъ пѣхоты, стрѣлковая команда, семь сотень казаковъ, одно конное и четыре пѣшихъ орудія. — Въ 11 часовъ вечера выступили; ночь была прекрасная. Дальше привожу дословную выдержку изъ дневника барона Николаи.

«15-го іюля. Мы поднимались по скату хребта, отдѣляющаго Ярыхъ-су отъ сухой балки. Начинало свѣтать, когда мы подошли къ тому пункту, на которомъ я устраивалъ засаду 8-го декабря 1853 года; мѣстность открытая, кое гдѣ встрѣчались малые островки лѣса; на лѣво отъ насъ сухая балка тянется параллельно нашему движенію; на днѣ ея лѣсъ, кото-

рый, подымаясь по скатамъ, окаймляетъ поляну, по которой мы шли, и мѣстами вдается въ нее мысками;—на право небольшія балки даютъ мѣстности характеръ волнистый, оканчиваясь въ болѣе значительныхъ балкахъ, опускающихся къ Ярыхъ-су, текущей въ глубокой долинѣ. Впрочемъ, мы постепенно удалялись отъ этой рѣки, перерѣзывая діагонально хребетъ и приближаясь къ Акташу. Мѣстность, по которой шелъ нашъ путь, слегка волниста; трава тутъ необыкновенно пышна и кое-гдѣ разбросанныя группы деревъ придавали ей характеръ англійскаго парка, полный прелести. Наконецъ мы достигли вершинъ сухой балки; было 6-ть часовъ утра, погода была великолѣпная. Въ это время нѣсколько жителей, вышедшихъ, повидимому, рано изъ своихъ жилищъ, чтобы косить траву,—вѣроятно изъ Акташъ-аула,—замѣтили насъ, подняли крики и стали стрѣлять, бѣгая параллельно нашему движенію по той сторонѣ сухой-балки, по направленію къ вершинѣ хребта, который представляетъ собой видъ холма, покрытаго лѣсомъ. Эта возвышенность называется Айда-башъ; къ ней мы направлялись, обходя влѣво начала сухой-балки. Я поѣхалъ впередъ съ кавалеріею, нетерпѣливо желая достигнуть этой цѣли нашего движенія, дабы скорѣе насладиться великолѣпнымъ зрѣлищемъ, которое должно было намъ представиться. И дѣйствительно мы были поражены дивными видами, когда выѣхали на вершину хребта. Взоры наши обнимали обширное пространство; у ногъ нашихъ разстилались земли, пересѣченныя долинами и самыми разнообразными неровностями; разбросанные тамъ и сямъ аулы прилегали къ рѣчкамъ, которыя имѣли свое теченіе въ глубокихъ оврагахъ. При освѣщеніи утреннимъ солнцемъ картина эта была дѣйствительно очаровательна! Мы находились на оконечности плоской возвышенности надъ долиною Ахташа; непосредственно надъ нами былъ аулъ Беглеръ-Курганъ въ очень крѣпкой мѣстности, между двумя рѣчками, которыя текутъ въ глубокихъ ложахъ и, соединяясь, составляютъ рѣку Акташъ; болѣе влѣво видны были горы Салатавскія, по направленію къ Буртунаю; передъ нами, позади этого волнистаго моря долинъ и балокъ, возвышалась громадная стѣна—это былъ Андійскій хребетъ; вправо—лѣсистыя

возвышенности Ичкеріи. Намъ показывали мѣсто, гдѣ былъ аулъ Алмакъ; далѣе виднѣлась верхняя часть аула Зандакъ, остальная же была скрыта. Еще правѣе, въ глубокой долинѣ Ярыхъ-су показывался большой и прекрасный аулъ Хасумъ-кентъ; замѣтно было, что этотъ старый аулъ доселе избѣгнулъ разоренія; его большія бѣлыя сакли исчезали среди старыхъ и роскошныхъ фруктовыхъ деревъ. На лѣвомъ берегу Ярыхъ-су былъ меньшій аулъ; повсюду скаты горъ, по большей части, обращены въ пашни, и только лѣсныя полосы оставлены возлѣ балокъ, очевидно, какъ средство къ оборонѣ. Видно также мѣсто, гдѣ былъ большой аулъ Кишень-аухъ. Слѣдя по теченію Ярыхъ-су, взоръ достигалъ Гойтемирскихъ воротъ, позади которыхъ другая лѣсная завѣса; отъ Ярыхъ-су до Яманъ-су видны были обработанныя поля, и только по направленію Кумыкской плоскости сохранены были лѣса, какъ защита противъ нашихъ нападеній. Понарама эта столь же величественна, сколько и интересна!

«Пока мы ею любовались, вся колонна подошла; но въ тоже время, мало по малу, непріятельскія партіи съ разныхъ сторонъ подходили по опушкѣ лѣса и по окружавшимъ насъ покатостямъ и начинали безпокоить насъ своимъ огнемъ. Айдабашская возвышенность, въ особенности, представляла выгодный для непріятеля пунктъ. Сперва я не считалъ нужнымъ ее занимать; но теперь направилъ туда капитана Геймана съ 5-ю карабинерною ротою. Возвышенность эта составлала ключь позиціи и была вмѣстѣ съ тѣмъ пунктомъ довольно опаснымъ; но я могъ вполнѣ надѣяться на Геймана, и дѣйствительно, какъ только онъ занялъ это мѣсто, перестрѣлка съ той стороны прекратилась.

«Имѣя въ виду, что для того, чтобы пробыть на этомъ мѣстѣ съ отрядомъ хотя до слѣдующаго дня и тѣмъ точнѣе исполнить преподанную мнѣ барономъ Вревскимъ программу, первымъ условіемъ было присутствіе воды и, основываясь на данномъ мнѣ удостовѣреніи, что она имѣется тутъ въ изобиліи, я, тотчасъ по приходѣ отряда, послалъ розыскивать источникъ, который предполагался у начала сухой-балки, и удо-

стовѣриться будетъ-ли въ немъ достаточно воды, какъ для людей, такъ и для лошадей.

«Между тѣмъ мы расположились для отдыха и для завтрака подъ тѣнью огромнаго, одиночно стоявшаго дерева, которое даже видно изъ Хасавъ-юрта; вдругъ мнѣ послышался крикъ, что капитанъ Гейманъ раненъ, и вслѣдъ затѣмъ два солдата привели его подъ руки; онъ прибылъ отъ позиціи своей для полученія нѣкоторыхъ приказаній и затѣмъ имѣлъ неосторожность возвращаться къ своему мѣсту верхомъ: выстрѣлъ съ лѣвой стороны, на самомъ близкомъ разстояніи, ранилъ его. Первое впечатлѣніе при видѣ его возбуждалъ опасеніе, что рана должна быть опасна: пуля попала въ два мѣста, въ руку возлѣ локтя, повидимому, съ переломомъ кости, и въ бокъ. Гейманъ былъ очень блѣденъ и выраженіе лица было страдальческое; къ счастію, при первой перевязкѣ оказалось, что рана въ боку была скорѣе простая контузія,—пуля проскользнула, но рана въ руку казалась серьезнѣе; вслѣдъ за тѣмъ принесли еще нѣсколько раненыхъ изъ 5-й карабинерной роты. Очевидно было, что непріятель, пользуясь мѣстностью, подкрадывался по кустарнику и лѣсу, которымъ одѣтъ склонъ горы, и стрѣлялъ, преимущественно, съ деревьевъ. Я нѣсколько былъ озабоченъ за эту роту, лишившуюся дѣльнаго и отважнаго командира, такъ какъ изъ остальныхъ трехъ офицеровъ, Маевскій и Сандуловъ были мало опытны, а Плещеевъ молодъ и первый разъ въ дѣлѣ. Я выдвинулъ стрѣлковую команду до кургана, у подошвы Айдабаша; оттуда она завязала оживленную перестрѣлку съ непріятелемъ, подходившимъ по противоположному скату. Нѣсколько разъ обѣ стороны были на самомъ близкомъ другъ отъ друга разстояніи, но когда туда же былъ направленъ Соковнинъ 2-й съ своею ротою, то онъ заставилъ непріятеля отступить до опушки лѣса. Съ другой высоты, на право отъ насъ, непріятель также велъ сильную перестрѣлку, такъ что пришлось нѣсколько подвинуть назадъ кавалерію, а два орудія, подъ прикрытіемъ 13-й роты, поддерживали картечный огонь противъ этой высоты. Въ то же время довольно сильная перестрѣлка слышалась съ позиціи, которую занималъ

подполковникъ Цитовскій, ибо непріятель засѣлъ въ сосѣднемъ оврагѣ; вообще же его массы замѣтно увеличивались и на высотѣ, но ниже нашего расположенія показалась довольно значительная партія конныхъ, которая была подъ предводительствомъ брата наиба, Хаза-Хату. Въ это время посланный для отысканія воды, инженеръ поручикъ Кехли возвратился съ весьма неблагопріятною вѣстью, что въ ручейкѣ такъ мало воды, что едва можно напоить въ немъ нѣсколько лошадей. Надѣясь, что съ разсчисткою источника можно будетъ нѣсколько увеличить количество воды, я отправилъ назадъ того же офицера, придавъ ему нѣсколько солдатъ изъ 1-й и изъ линейной роты, приказавъ имъ взять лопаты. Но вскорѣ онъ опять возвратился и объявилъ мнѣ, что нѣтъ рѣшительно никакой возможности добыть больше воды. Это обстоятельство должно было очевидно совершенно измѣнить мои намѣренія; оставаться на этой позиціи было невозможно; да притомъ она оказывалась менѣе выгодною, чѣмъ представлялось на первый взглядъ.

«Подполковникъ Цитовскій, у котораго все продолжалась оживленная перестрѣлка, прислалъ мнѣ въ это время сказать, что у него потеря людей весьма значительна, и что онъ съ трудомъ удерживаетъ непріятеля, численность котораго все увеличивается. Съ того мѣста, на которомъ я находился, можно было даже видѣть непріятельскихъ конныхъ, показывавшихся на высотѣ, позади позиціи Цитовскаго, откуда они обстрѣливали сію послѣднюю. Пришлось вывести линейную роту изъ балки, въ тылу нашемъ, и поставить ее резервомъ для прикрытія раненыхъ и обоза, и затѣмъ направить еще три роты, чтобы согнать непріятеля съ возвышенности, откуда онъ безпокоилъ Цитовскаго. Подполковникъ Краузе вызвался принять на себя лично начальство на горѣ Айдабашъ для охраненія этого важнаго пункта; я далъ надлежащія наставленія какъ ему дѣйствовать при отступленіи, которое я призналъ нужнымъ, по возможности, ускорить.

«Мы находились уже около 2-хъ часовъ на этомъ мѣстѣ, и отъ подполковника Цитовскаго мнѣ все присылались вѣсти неблагопріятныя: что 11-я рота уже почти совсѣмъ обезсилена,

что 4-я карабинерная очень пострадала; меня это нѣсколько раздражало, ибо я не могъ понять, отчего эти роты должны имѣть такую большую потерю, когда ихъ положеніе казалось совершенно одинаковымъ съ положеніемъ 13-й роты, а въ ней не было никакой потери. Дабы приготовиться къ отступленію, я притянулъ къ себѣ 1-ю роту, которая, вмѣстѣ съ 13-ю и съ двумя орудіями, должны были служить точкою опоры для отступленія; онѣ должны были ожидать 5-ю карабинерную, которая имѣла дать сигналъ отступленія, быстро очистивъ гору Айдабашъ; стрѣлковая же команда должна была затѣмъ присоединиться къ 5-й карабинерной и эти двѣ части имѣли поспѣшно дойти до мѣста, гдѣ бы онѣ были внѣ ружейныхъ выстрѣловъ съ Айдабаша. Подполковнику Краузе поручено исполнить это и принять затѣмъ начальство надъ арріергардомъ; ему назначаются въ подкрѣпленіе двѣ сотни казаковъ, дабы на открытыхъ мѣстахъ удерживать натискъ непріятеля.

Какъ только 1-я рота присоединилась къ 13-й, я далъ сигналъ къ отступленію. Краузе такъ внезапно и удачно очистилъ гору Айдабашъ, что 5-я карабинерная вышла изъ этой позиціи безъ всякой потери. Когда я убѣдился, что въ этой части отряда все будетъ поведено въ должномъ порядкѣ, я отправился на позицію подполковника Цитовскаго, чтобы удостовѣриться, въ какой степени доходившія оттуда тревожныя свѣдѣнія были основательны. Къ великому моему сожалѣнію оказалось, что въ 11-й и въ 4-й карабинерной, а также въ 10-й ротѣ, потеря дѣйствительно была значительна. Причина такой потери на первый взглядъ казалась загадочною, ибо хотя ссылались на трудность мѣстности, но мѣстность здѣсь ни въ чемъ не различалась отъ мѣстности на позиціи, которую занимала 13-я рота. Сообразивъ всѣ, данныя мнѣ словесно, объясненія, я долженъ былъ придти къ заключенію, что тутъ допущены ошибки въ распоряженіяхъ, которыя и были главною причиною этой потери; такъ, 11-я рота была расположена точно также какъ и 13-я, а 10-я прикрывала орудіе поставленное на краю возвышенности, господствовавшей надъ оврагомъ. Когда непріятельскія партіи начали наполнять лѣсъ, покрывающій дно этого оврага, то пули естественно стали долетать до того мѣста, гдѣ

стояло орудіе. Вмѣсто того, чтобы немного отодвинуть цѣпь и приказать людямъ лечь на землю,—оставивъ при орудіи только небольшое число людей,—что могло быть вполнѣ допущено, такъ какъ орудіе стояло на совершенно безопасномъ мѣстѣ, ротный командиръ, увлекаясь, быть можетъ, излишнею въ такомъ случаѣ отвагою, возъимѣлъ неудачную мысль спустить часть цѣпи по скату къ опушкѣ лѣса; естественно, что тотчасъ на нее посыпались пули изъ самаго лѣса и съ окружающихъ высотъ и положили большое число людей; пришлось подкрѣпить цѣпь и, такимъ образомъ, вся рота прошла черезъ это испытаніе. 4-я карабинерная должна была ее прикрывать, а такъ какъ 11-я слишкомъ пострадала, то пришлось и 4-ю карабинерную спустить вправо отъ нея, а затѣмъ 10-ю влѣво и, такимъ образомъ, всѣ три роты потерпѣли. Въ это то время мнѣ прислали сказать, что положеніе весьма критическое, и, дѣйствительно, если бы непріятель былъ нѣсколько смѣлѣе, то онъ могъ бы сильно воспользоваться такою грубою ошибкою. Къ счастію, роты успѣли выйдти изъ этого критическаго положенія; но какъ подъемъ былъ труденъ, то одна 11-я рота потеряла до 30 человѣкъ лучшихъ своихъ людей. Это меня крайне огорчило! *Я долженъ былъ теперь сознаться передъ собою, что предпринять такое дальнее движеніе съ столь малымъ отрядомъ было съ моей стороны болѣе рисковано, нежели я сперва предполагалъ.* У насъ цѣпь была въ сущности только въ арріергардѣ и съ лѣвой стороны, къ этому злосчастному оврагу. Къ счастію, непріятель съ начала насъ не безпокоилъ со стороны сухой-балки, что меня нѣсколько даже удивляло; съ этой стороны мы были почти открыты, ибо одна только линейная рота служила тутъ обороною. Я вытребовалъ изъ арріергарда 5-ю карабинерную роту, которая израсходовала почти всѣ свои патроны и поручилъ ей прикрывать орудіе, а поручику Плещееву, который въ этотъ день оказалъ очень много усердія и хладнокровія, я поручилъ везти это орудіе, избирая выгодныя мѣста для его дѣйствія, дабы защищать нашъ лѣвый флангъ, въ особенности около головы колонны. Между тѣмъ Краузе успѣшно отступалъ изъ трудной позиціи, непріятель окружалъ его густою цѣпью и числительность

его все увеличивалась. Наконецъ, подполковникъ Цитовскій успѣлъ благополучно вывести свои роты изъ оврага, въ который они такъ неосторожно зашли; артиллерія наша, а въ особенности орудіе, посланное впередъ Плещеевымъ, весьма содѣйствовало этому отступленію, обстрѣливая оврагъ. Непріятель насѣдалъ очень упорно; одинъ только Хату съ своею партіею стоялъ неподвижно на томъ же мѣстѣ. Когда движеніе вполнѣ уже выразилось, то Краузе имѣлъ въ арріергардѣ 1-ю и 13-ю роты, съ стрѣлковою командою и двумя сотнями казаковъ; Цитовскій составлялъ цѣпь съ лѣвой стороны, примыкая плотно къ арріергарду; линейная рота прикрывала обозъ и раненыхъ, составляя вмѣстѣ съ тѣмъ нѣчто въ родѣ цѣпи съ правой стороны; 5-я карабинерная продолжала составлять передній эшелонъ съ орудіемъ, выбирая выгодныя позиціи для всей артиллеріи, которая, отступая эшелонами, непрерывно стрѣляла картечью.

«Колонна отступала медленно и съ трудомъ, нужно было постоянно останавливаться, нерѣдко даже давать видъ, что намѣревается идти въ штыки, дабы удерживать напоръ непріятеля. Онъ пользовался всякими неровностями мѣста, даже стогами сѣна, чтобы насъ безпокоить, а боковыя балки съ лѣсочками въ нихъ отлично служили ему, давая возможность тревожить насъ съ лѣваго нашего фланга. Однимъ словомъ, дѣло было очень жаркое и ожесточенное. Между тѣмъ, мнѣ со всѣхъ сторонъ давали знать, что недостаетъ уже патроновъ; въ особенности же артиллерія истощила почти всѣ свои заряды, положеніе было весьма трудное, а путь, по такой же мѣстности былъ еще длинный. Къ нашему счастію, непріятель, который, вѣроятно, также понесъ потери и израсходовалъ свои патроны, началъ ослабѣвать въ своемъ преслѣдованіи. Огонь постепенно уменьшался и прежде, чѣмъ мы дошли до высоты, равняющейся уровню Гойтемирскихъ воротъ, онъ совершенно прекратился. Всѣ чувствовали большую усталость, а меня, кромѣ того, *тревожила мысль, что понесенная потеря не соотвѣтствовала достигнутому результату.* Дошедши до мѣстности вполнѣ уже безопасной, я остановилъ колонну, чтобы дать необходимый отдыхъ, и приказалъ сдѣлать счетъ убитымъ и

раненымъ; оказалось 9 убитыхъ и 45 раненыхъ, изъ числа которыхъ нѣкоторые настолько тяжело, что ихъ нужно было считать безнадежными. Кромѣ Геймана, ранены подпор. Маевскій, подпор. Трамбецкій и одинъ казачій офицеръ; нѣсколько офицеровъ контужены. Впрочемъ, веселость не замедлила возвратиться, всѣ сознавали, что исполнили свой долгъ честно и что движеніе наше, *хотя лишенное ощутительныхъ результатовъ, было достославно по своей смѣлости* (?), *ибо съ такимъ малымъ отрядомъ мы проникли въ самое сердце непріятельской земли* (?!)».

Нѣсколько подчеркнутыхъ мною выше строкъ могутъ убѣдительнѣе показать читателю, какъ ошибочны были взгляды большинства частныхъ начальниковъ и какъ напрасны всѣ эти диверсіи, эти желанія производить нравственныя впечатлѣнія смѣлымъ проникaніемъ въ мѣста, давно или вовсе невидѣвшія русскихъ войскъ, эти совершенно безплодныя военныя прогулки. Весь результатъ описаннаго движенія барона Николаи было двухчасовое наслажденіе прекрасными видами, стоившее жизни 15—20-ти человѣкамъ, увѣчья и страданія другимъ 20, изнуреніе нѣсколькимъ сотъ солдатъ безъ всякой надобности, а казнѣ причинило крупный расходъ на патроны, снаряды и погибшихъ лошадей.

Въ этомъ, конечно неофиціально, только въ дневникѣ рѣшился сознаться баронъ Николаи и то частью,—всѣ же остальные отдѣльные начальники, съ настойчивымъ краснорѣчіемъ, увѣряли въ громадной пользѣ, достигавшейся якобы ихъ диверсіями и маневрами...

Между тѣмъ баронъ Вревскій могъ двигаться къ Большой Чечнѣ для уничтоженія посѣвовъ безъ всякой диверсіи барона Николаи, особенно къ Акташу, ибо тамошніе жители и неподумали бы бѣжать въ Чечню на помощь въ рабочее время и безъ особыхъ приказаній Шамиля, которымъ подобныя приказанія отдавались только въ случаяхъ движенія большихъ русскихъ отрядовъ, угрожавшихъ ему серьёзнымъ, продолжительнымъ занятіемъ какой либо мѣстности, а не набѣгомъ, на легкѣ, на два—три дня.

Въ Кабардинскомъ полку служило нѣсколько братьевъ Коз-

ловскихъ, приходившихся родственниками бывшаго командира, Вик. Михайловича Козловскаго; каждый изъ нихъ имѣлъ особую кличку: Тавло, Буцъ и т. п. Всѣ они какъ то умѣли устраиваться при разныхъ командировкахъ, нестроевыхъ должностяхъ, и если оставались иногда во фронтѣ, то на короткое время. Одинъ изъ нихъ, поручикъ, кажется Буцъ, завѣдывалъ перевозкою провіанта изъ магазиновъ на Терекѣ въ Хасавъ-юртъ, Герзель-аулъ и Куринское. Вслѣдствіе этого, онъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ мѣстными жителями, арбщиками, одѣвался въ туземный костюмъ, ѣздилъ взадъ и впередъ съ кумыками и уже довольно бѣгло говорилъ ихъ языкомъ. 8-го августа 1855 года онъ съ двумя такими провожатыми выѣхалъ изъ Хасавъ-юрта на Терекъ, но близь Ташкичу вдругъ напала на нихъ мелкая партія хищниковъ, обоихъ конвойныхъ ранили, а Козловскаго увели въ плѣнъ.

Въ теченіе всего 1855 года изъ укр. Куринскаго, гдѣ были расположены нашъ 2-й батальонъ маіора Властова и Донской полкъ, весьма часто дѣлались набѣги въ долину Мичика, чтобы держать населеніе въ тревогѣ и опасеніи за свои аулы, наносить, повозможности, вредъ и содѣйствовать желающимъ выселяться на плоскость. Три роты егерей, 5, 6 сотень казаковъ и три орудія—обыкновенный составъ этихъ колоннъ. Благодаря просѣкамъ, набѣги лишились прежняго характера опасности и обходились большею частью безъ потери въ людяхъ,—иногда, при незначительныхъ перестрѣлкахъ, удавалось захватывать нѣсколько штукъ скота, сжечь нѣсколько стоговъ сѣна и т. п., теряя одного, двухъ раненыхъ. Непріятель съ своей стороны неоставлялъ мелькихъ хищничествъ даже далеко въ тылу нашихъ линій; это уже была его врожденная профессія и нерѣдко, съ болѣе значительными партіями, вторгался къ намъ, проявляя подъ часъ дерзость, напоминавшую годы его успѣховъ.

2-го октября, напримѣръ, 1-я егерьская рота съ орудіемъ шла изъ Хасавъ-юрта въ Куринское и на дорогѣ партія человѣкъ около 200 рѣшилась ее атаковать, безъ сомнѣнія, въ надеждѣ внезапностью смѣшать, разстроить и порубить людей, а можетъ быть и пушку захватить (бывали вѣдь прежде та-

кіе примѣры). Но наши молодцы были люди опытные и попытка чеченцевъ не удалась; они были встрѣчены бѣглымъ огнемъ, орудіе снялось съ передка, грянулъ выстрѣлъ, а чрезъ полчаса уже показались пики Донцовъ, скакавшихъ изъ Куринскаго, и непріятель поспѣшилъ къ лѣсу, на хребетъ. У насъ всего два человѣка были ранены.

18-го ноября баронъ Вревскій, собравъ отрядъ изъ 5-ти бат., 15 сотень казаковъ и милиціи предпринялъ движеніе за Аргунъ, правѣе просѣки барона Врангеля, чтобы истребить тамъ аулы и хутора, гнѣздившіеся по топкимъ Шавдоннамъ, среди частыхъ орѣшниковъ. Переночевавъ на берегу Аргуна, отрядъ 19-го ч. продвинулся дальше и расположился на полянѣ, не доходя нѣсколько верстъ до Шавдона, занялся очисткой дороги отъ мелкихъ порослей; 20-го же перешелъ къ впадающему въ Джалку большому Шавдону и приступилъ частью къ рубкѣ лѣса, частью къ разоренію хуторовъ и уничтоженію свозимыхъ запасовъ; 21-го, 22-го и 23-го чиселъ продолжалось тоже по направленію къ Марашу, сожженному отрядомъ барона Врангеля 5-го января, но вновь занятому жителями, и къ Исакалыму; просѣка была прорублена въ другомъ направленіи версты на двѣ, открывъ доступъ сюда и съ западной стороны. На четвертый день этихъ дѣйствій лазутчики дали знать, что Кази-Магома прибылъ на Шалинскую просѣку съ тремя тысячами горцевъ и 4-мя орудіями. Баронъ Вревскій, считая свой отрядъ недостаточно сильнымъ для самостоятельныхъ дѣйствій и не желая подвергать его большимъ потерямъ. удовольствовался сдѣланнымъ въ эти дни и отступилъ, потерявъ 7 убитыхъ рядовыхъ, ранеными 1 офицера, 22 ниж. чиновъ и 11 контуженныхъ.

Между тѣмъ барону Николаи было предписано тоже 18-го числа выступить для диверсіи со стороны Кумыкской плоскости. Взявъ шесть ротъ егерей и одну роту линейнаго батальона, съ 12 сотнями казаковъ и 7 орудіями, онъ выступилъ 19 числа изъ Куринскаго къ Умаханъ-юрту и оттуда чрезъ Гудермесъ къ Хизи-Шавдону, встрѣтивъ на пути довольно значительную партію, занявшую завалъ, состоявшій изъ рва и вала, увѣнчаннаго срубленными большими деревья-

ми; послѣ нѣсколькихъ картечныхъ выстрѣловъ и обхода казаками позиціи непріятеля, при одновременной атакѣ съ фронта пѣхотой, непріятель оставилъ завалъ и отступилъ, но въ нѣсколькихъ верстахъ дальше, среди болѣе пересѣченной мѣстности и густого лѣса, оказался другой завалъ, гораздо труднѣе доступный, въ которомъ отступившіе горцы, въ числѣ пяти, шести сотъ человѣкъ, засѣли съ очевиднымъ намѣреніемъ отчаянно защищаться.

Со стороны Джалки не было слышно выстрѣловъ и баронъ Николаи долженъ былъ полагать, что отрядъ генерала Вревскаго—или замедлилъ выступленіемъ противъ назначеннаго времени, или измѣнилъ направленіе, и въ такомъ случаѣ, вмѣсто отвлеченія на себя части непріятеля, рисковалъ привлечь всѣ его сборы. Атаковать при такихъ условіяхъ съ своей слабой колонной второй завалъ и идти дальше, безъ увѣренности встрѣчи съ чеченскимъ отрядомъ, было бы крайнимъ рискомъ и потому баронъ Николаи рѣшился отступить. Медлить нельзя было, потому что непріятель могъ между тѣмъ занять съ тыла только что пройденный завалъ, испортить продѣланный нами переходъ чрезъ него для артиллеріи и обоза и поставить колонну въ критическое положеніе среди двухъ огней.—Тотчасъ были сдѣланы всѣ распоряженія; роты эшелонированы и Кабардинцы, съ искони уже присущимъ имъ искусствомъ и хладнокровіемъ, совершили отступленіе въ полномъ порядкѣ. Движеніе это стоило намъ 3-хъ убитыхъ, 1 офицера и 38 нижнихъ чиновъ раненыхъ.

Расположившись у Умаханъ-юрта, баронъ Николаи съ 20-го числа приступилъ къ расчисткѣ и уш162енію просѣкъ барона Врангеля и 23 числа, узнавъ о возвращеніи генерала Вревскаго въ Грозную, ушелъ въ Куринское.

Въ декабрѣ войска изъ Грозной были еще направлены въ сторону Малой Чечни и здѣсь, въ теченіе нѣсколькихъ дней, расчищали заросшія просѣки по Гойтѣ и въ окрестностяхъ Урусъ-Мартана, имѣя не значительныя перестрѣлки, жертвами коихъ были за все время около 20 человѣкъ нижнихъ чиновъ и 1 офицеръ раненыхъ; но наступившіе вдругъ сильные морозы съ вѣтромъ, доходившіе до 15—17°, заставили

распустить войска по квартирамъ ранѣе предположеннаго времени.

Этимъ и заключился 1855-й годъ. Паденіе въ ноябрѣ Карса, послѣ сентябрскаго кровопролитнаго неудачнаго штурма, произвело, конечно, нравственное впечатлѣніе въ нашу пользу и парализовало печальныя извѣстія о положеніи дѣлъ подъ Севастополемъ. Но собственно въ отношеніи Восточнаго Кавказа и преимущественно части его, между Владикавказомъ и Сулакомъ, на враждебное намъ населеніе и на самого ихъ владыку Шамиля, производило гораздо больше впечатлѣнія присутствіе достаточныхъ русскихъ силъ, не только для обороны на всѣхъ пунктахъ горъ и плоскости, но для такого частаго наступленія въ ихъ земли, сопровождавшагося всякій разъ чувствительными разореніями и стѣсненіями въ самомъ существованіи. — Шамиль — простой горецъ, не вдававшійся въ высшую политику, не имѣвшій никакого понятія объ отношеніяхъ государствъ между собою, ни о причинахъ войны нашей съ Турціей,—пользовался письмами къ нему разныхъ пашей, иногда дѣйствительно присланныхъ изъ Турціи, а иногда вымышленныхъ, чтобы дѣйствовать на легковѣрныхъ горцевъ; но самъ, достаточно умный человѣкъ, не могъ не понимать, что никакихъ турецкихъ армій ему на помощь не пришлютъ, что если бы какой нибудь паша успѣлъ добраться до Дагестана, то какъ представитель султана, лишилъ бы самаго имама его обаянія и значенія; что ему, имаму, гораздо важнѣе уничтоженіе какого нибудь аула Истису, или не ожиданное пораженіе мелкаго русскаго отряда, или взятіе небольшаго русскаго укрѣпленія, могущія произвести общій взрывъ среди кавказскаго населенія, въ родѣ 1843 года, нежели успѣхи турокъ гдѣ то, въ устьяхъ Ріона или инглизовъ въ какомъ то Севастополѣ, мѣстахъ для него также полумиѳическихъ, какъ для насъ истоки голубаго Нила... Шамиль считалъ, съ одной стороны, для себя важнымъ успѣхомъ удачный набѣгъ на Кахетію, плѣненіе именитыхъ княгинь, принужденіе русскихъ выполнить его требованія, возвратить сына и заплатить цѣлыхъ двѣ арбы серебра, а съ другой стороны неудача подъ Истису, непрекращавшееся выселеніе къ намъ

чеченцевъ и постоянное разореніе ихъ ауловъ, гораздо болѣе важною неудачею, чѣмъ паденіе Карса, или хоть бы уничтоженіе всѣхъ инглизовъ и пранговъ (такихъ же гяуровъ какъ и московы) гдѣ то въ Крыму! Горизонтъ его былъ слишкомъ узокъ и интересы сосредоточены въ родномъ, тѣсномъ кругу, на Кавказскомъ перешейкѣ, за предѣлы котораго онъ не могъ, да и не хотѣлъ выходить.

Награды за 1855-й годъ.

Слѣдующіе чины: Кап. Романусу, поруч.: Ноздрачеву, Семекѣ, подпор. Холяра, прап.: Щелкачеву, Терентьеву, Кидалову, юнкера: Александровъ, Мурза Уцміевъ, Мажаровъ, Малыхинъ въ офицеры; Анну 2-й ст.: подп. Бѣлику, 3-й ст.: подпор. Грачеву, шт. кап. Степанову, нижн. чинамъ 22 георг. креста.—Генералъ Муравьевъ оказался весьма скупымъ на награды и за всѣ экспедиціи бар. Врангеля, Вревскаго и Николаи въ 1855 г. никто никакой награды не получилъ, а вышепоказаныя нѣсколько наградъ послѣдовали по представленіямъ, сдѣланнымъ изъ Тифлиса еще до пріѣзда ген. Муравьева.

XIII.

Предположенія ген. Муравьева на 1856 годъ.—Дѣйствія трехъ отдѣльныхъ отрядовъ.—Удачное дѣло 3-го января.—Взятіе Гертме.—Прибытіе генерала Евдокимова и его первыя дѣйствія.—Окончаніе Восточной войны и новыя предположенія генерала Муравьева и нѣкоторыхъ другихъ лицъ.—Назначеніе главнокомандующимъ кн. Барятинскаго.—Положеніе дѣлъ въ другихъ частяхъ Кавказа.—Средства данныя кн. Барятинскому и его начальныя распоряженія.—Положеніе Чечни.—Набѣгъ одной милиціи за Басъ и Джалку.—Зимнія дѣйствія чеченскаго отряда.—Роспускъ отряда.—Пожаръ въ полку.

Наступилъ 1856 годъ; война съ турками и союзниками еще не окончилась, но уже видно было, что всѣ утомлены и что со дня на день можно ожидать мира. Однако войска взятыя съ Кавказской линіи и изъ Дагестана еще оставались въ Азіатской Турціи, о возобновленіи энергическихъ дѣйствій противъ горцевъ нельзя было думать. Главнокомандующій Н. Н. Муравьевъ, въ ноябрѣ 1855 года, представилъ предположенія на 1856 г., принимая во вниманіе длившуюся еще Восточную войну. Онъ ограничивался, сообразно съ мѣстными средствами, лишь рубкой просѣки по Фортангѣ къ ауламъ, могущимъ угрожать Военногрузинской дорогѣ, а также по Рошнѣ и Гойтѣ, первое отъ Владикавказскаго округа, второе отъ лѣваго фланга, тогда составлявшихъ независимое другъ отъ друга управленіе. Затѣмъ, онъ находилъ полезнымъ еще уширить просѣку, проложенную въ концѣ 1854 и началѣ 1855 бар. Врангелемъ отъ Грозной до Умаханъ-юрта и тѣ просѣки, которыя вели отъ Воздвиженской до Куринскаго. Въ промежуткахъ, генералъ Муравьевъ находилъ полезнымъ дѣлать зимою набѣги въ ближайшіе аулы непокорныхъ жителей; лѣтомъ же, кромѣ самыхъ необходимыхъ работъ, держать войска свободнымъ резервомъ,

на случай высадки непріятеля въ Черноморію, чего онъ весьма опасался. Наконецъ, генералъ Муравьевъ находилъ полезнымъ построить на переправѣ чрезъ Аргунъ укрѣпленіе съ мостомъ, чтобы имѣть въ немъ всѣ склады для отрядовъ, двигающихся въ Большую Чечню. Всѣ эти предположенія были утверждены 20-го декабря 1855 года.

Согласно этому, въ январѣ, отдѣльныя колонны занялись расчисткой и расширеніемъ просѣкъ: полковникъ Мищенко (командиръ Куринскаго полка) отъ Воздвиженской къ Шали и Мезеинскимъ полямъ, полковникъ Кемпфертъ (ком. Навагинскаго полка) по Фортангѣ къ Датыху, баронъ Николаи отъ Умаханъ-юрта по Гудермесу къ Джалкѣ и на обширную плодородную поляну аула Гертме. Первыя двѣ колонны не встрѣчали особаго сопротивленія и производили работы при самыхъ слабыхъ перестрѣлкахъ, въ которыхъ, къ сожалѣнію, былъ раненъ только самъ полк. Кемпфертъ. Противъ барона же Николаи наибъ Эски постоянно держалъ въ сборѣ довольно значительную партію, при 3-хъ орудіяхъ, и велъ неумолкаемо жаркую перестрѣлку. Въ теченіе 5-ти дней у насъ здѣсь убитъ 1, ранены 38, контужены ядрами 39 нижнихъ чиновъ и 1 офицеръ; но и непріятель былъ жестоко наказанъ за свою дерзость, съ которою онъ нѣсколько разъ слишкомъ близко подвозилъ свои орудія и преслѣдовалъ отступавшій арріергардъ. 3-го января, въ свѣтлый морозный день, когда колонна, окончивъ рубку лѣса, начала отступленіе, баронъ Николаи расположилъ большую часть кавалеріи въ сторонѣ на полянѣ съ тѣмъ, что если непріятель осмѣлится выдвинуться слишкомъ впередъ къ нашему арріергарду, казаки бы его рѣшительно атаковали, а часть пѣхоты съ артиллеріею уже будетъ готова тотчасъ бѣгомъ двинуться на ея поддержку. Такъ и случилось: какъ только конница непріятеля показалась изъ лѣса и вытянулась на поляну, по которой отступали наши войска, пять сотенъ Донцовъ съ криками ура! понеслись въ атаку, остававшіеся при баронѣ Николаи 4 сотни съ коннымъ орудіемъ ринулись съ другой стороны, а 6-ть ротъ Кабардинцевъ съ 2-мя орудіями бѣгомъ слѣдовали по опушкѣ лѣса, прикрывая флангъ казаковъ и тѣсня пѣшихъ горцевъ, которые

вовсе не ожидали здѣсь встрѣтить русскихъ солдатъ и пробирались съ цѣлью предупредить отступившую колонну въ лѣсу и встрѣтить ее тамъ огнемъ. Разстроенная совокупной атакой казаковъ, непріятельская конница обратилась въ бѣгство, оставивъ свою пѣхоту безъ прикрытія и она, состоя изъ горцевъ дальнихъ обществъ, преимущественно Чеберлоевскаго съ верховьевъ Аргуна, не зная подробно мѣстности, увидавъ нашихъ казаковъ, бросилась спасаться къ Шавдону, гдѣ произошло совершенное побоище. Нѣкоторые конные бросались съ лошадей, пытаясь пѣшкомъ перейти рѣчку, но вязли въ тинѣ и тутъ казаки кололи ихъ пиками, стрѣляли какъ въ утокъ; успѣвшихъ перебраться чрезъ Шавдонъ побивали картечью и ружейными пулями. Здѣсь отбили у нихъ три значка; въ болотистомъ ложѣ Хизи-Шавдона валялось множество труповъ; захвачено много лошадей и оружія.

Такъ несчастные горцы почти постоянно платились за дѣло имъ чуждое, устилая своими трупами поля и лѣса Чечни, населеніе которой даже радовалось этимъ избіеніямъ.

6-го января, въ полковой праздникъ, много лѣтъ уже все встрѣчаемый въ походѣ, въ непріятельской землѣ, послѣ молебствія и водосвятія, Кабардинцы, по обыкновенію, задали пиръ горой, длившійся до поздней ночи.

8-го января былъ, наконецъ, взятъ и истребленъ барономъ Николаи и самый аулъ Гертме, считавшійся приготовленнымъ къ сильной защитѣ, сверхъ ожиданія, съ пустою потерею 2-хъ убитыхъ и 2-хъ раненыхъ нижнихъ чиновъ.

Съ 9-го по 13-е продолжалась разчистка просѣки по Шавдону, а затѣмъ, до 19-го числа, отъ Хоби-Шавдона внизъ по теченію Мичика, уже при меньшемъ сопротивленіи непріятеля и съ потерею всего 2-хъ человѣкъ.

Между тѣмъ, начальникомъ 20-й дивизіи и лѣваго фланга былъ назначенъ генералъ-маіоръ Евдокимовъ (до того начальникъ праваго фланга), а баронъ Вревскій возвращенъ къ своему мѣсту во Владикавказъ.

Новый начальникъ фланга приступилъ немедленно къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ, согласно Высочайше утвержденнымъ положеніямъ, о которыхъ упомянуто выше. 18-го февраля

онъ произвелъ рекогносцировку мѣстности вверхъ по р. Гехи и на промежутокъ между ею и Мартаномъ, гдѣ вблизи, по уступамъ Черныхъ горъ и по верховьямъ этихъ рѣчекъ, сосредоточилась огромная масса чеченскаго населенія, вытѣсненнаго съ плоскостей Малой и Большой Чечни; это была самая озлобленная, самая воинственная часть враждебнаго намъ народа, очень надѣявшаяся на занятую мѣстность, на свои силы и поддержку ближайшихъ наибовъ Аргунскаго ущелья. Для рѣшенія ихъ судьбы, однако, еще не наступило время. Генералъ Евдокимовъ ограничился рекогносцировкой и повернулъ назадъ къ Аргуну, чрезъ который переправилъ отрядъ и приступилъ къ рубкѣ лѣсовъ около Герменчикскихъ полей и къ Умаханъ-юрту. Работа эта продолжалась до 7 го марта и сопровождалась незначительными перестрѣлками, стоившими въ теченіе 14 дней: 1 убитаго, 3 раненыхъ, 2 контуженныхъ.

15-го марта, на рекогносцировкѣ за Гудермесъ, довольно большая партія намѣрена была задержать движеніе колонны, но ее прогнали, послѣ довольно жаркой перестрѣлки, при чемъ у насъ ранено 5 и контужено 7 человѣкъ.

Давъ отряду нѣсколько дней отдыха, генералъ Евдокимовъ 6-го апрѣля сталъ на переправѣ чрезъ Аргунъ и приступилъ къ постройкѣ укрѣпленія Бердыкель.

Въ теченіе этого времени изъ Куринскаго, по обыкновенію, дѣлались набѣги на Мичикъ и довольно удачно. Такъ, 7-го февраля встрѣчена была партія, собравшаяся для набѣга на Кумыкскую плоскость; ее побили, взяли 5 плѣнныхъ, а у насъ 1 убитъ и 2 ранены. 8-го марта на Мичикѣ захватили 70 штукъ скота и хотя по тревогѣ сбѣжалось довольно много Чеченцевъ, завязавшихъ перестрѣлку съ арріергардомъ, но наши отступали въ полномъ порядкѣ, имѣя 2-хъ раненыхъ и 3-хъ контуженныхъ.

Восточная война была окончена, миръ въ Парижѣ заключенъ. Главнокомандующій сдѣлавъ всѣ распоряженія къ выступленію изъ Азіатской Турціи войскъ, выѣхалъ на Кавказскую линію, чтобы на мѣстѣ подробно ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ по нашей борьбѣ съ кавказскими горцами, какъ за Кубанью, такъ и за Сунжей, и для составленія послѣ того

подробныхъ предположеній о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Послѣ двухмѣсячнаго пребыванія въ Ставрополѣ, генералъ Муравьевъ выѣхалъ назадъ въ Тифлисъ и на пути, во Владикавказѣ, передалъ генералу Евдокимову свои соображенія о предположенныхъ на лѣвомъ флангѣ занятіяхъ войскъ, требуя въ кратчайшій срокъ его мнѣнія и подробныхъ исчисленій нужныхъ средствъ.

Я не буду приводить здѣсь ни предположеній Н. Н. Муравьева, ни отвѣта генерала Евдокимова. Я, къ крайнему сожалѣнію, долженъ отказаться отъ изложенія одной изъ интереснѣйшихъ главъ исторіи Кавказской войны, для которой даютъ обильный и благодарный матеріалъ собранія записокъ разныхъ лицъ, излагавшихъ свои мнѣнія о мѣрахъ къ покоренію, или лучше къ упроченію нашему въ занятыхъ уже частяхъ Кавказа и обезпеченію успѣха постепеннаго довершенія предположенной цѣли. Я бы уже слишкомъ вышелъ за предѣлы предпринятаго, нѣкоторымъ образомъ спеціальнаго труда, составленія исторіи полка, если бы, недовольствуясь изложеніемъ хода военныхъ событій, включилъ еще и подробный обзоръ разныхъ взглядовъ и мнѣній, клонившихся къ опредѣленію системы и способовъ дать событіямъ то или другое направленіе. Я и безъ того не избѣгну упрека, справедливость котораго вполнѣ признаю, за то, что слишкомъ часто и далеко выходилъ за рамку скромнаго труда, каковымъ долженъ быть очеркъ существованія полка, и потому на этотъ разъ ограничусь только нѣсколькими словами объ этомъ, повторяю, богатомъ и интересномъ для историка матеріалѣ.

Иниціатива дѣла принадлежала Д. А. Милютину. Еще 15-го ноября 1854 года, въ самый разгаръ Восточной войны, генералъ-маіоръ Милютинъ представилъ покойному Государю Николаю Павловичу записку, главная мысль коей заключалась въ слѣдующемъ: по окончаніи войны 1828-29 годовъ въ Азіатской Турціи, возникла мысль воспользоваться присутствіемъ на Кавказѣ войскъ, прибывшихъ туда на время войны, и предпринять рѣшительныя дѣйствія для покоренія горцевъ. Возникла переписка, соображенія, возраженія, время уходило напрасно, между тѣмъ событія въ Польшѣ заставили поспѣ-

шить возвращеніемъ войскъ изъ Закавказья.—Теперь опять, по случаю войны, за Кавказъ двинуты значительныя силы, непринадлежащія къ составу постоянныхъ кавказскихъ войскъ, и нужно бы заблаговременно подумать обо всемъ, относящемся до важнаго и сложнаго вопроса на счетъ установленія системы дѣйствій и употребленія этихъ вспомогательныхъ силъ съ наибольшею пользою, для окончанія кавказскихъ дѣлъ, дабы тотчасъ по окончаніи войны съ Турціей, не теряя времени, приступить къ дѣйствіямъ, какія будутъ предположены. Императоръ Николай, очевидно слишкомъ озабоченный въ исходѣ 1854 года грозными тучами, нависшими надъ Россіей, оставилъ записку г. Милютина безъ движенія и только 5-го марта 1876 года, когда уже миръ былъ почти заключенъ, императоръ Александръ Николаевичъ передалъ ее военному министру, князю Долгорукову, съ тѣмъ чтобы потребовать по этому важному вопросу мнѣнія князя М. С. Воронцова, князя Барятинскаго и самаго Муравьева, а кн. Долгоруковъ отъ себя прибавилъ и П. Е. Коцебу. Кромѣ того, генералъ-маіоры Вольфъ и Невѣровскій, служившіе долго на Кавказѣ и хорошо знакомые съ дѣлами тамошними, тоже представили свои записки.

Изъ всѣхъ отзывовъ поименованныхъ лицъ, по справедливости, слѣдуетъ признать самымъ полнымъ, серьезнымъ, заслуживавшимъ особаго вниманія трудомъ—записку Н. Н. Вольфа,—таково мое личное мнѣніе. Генералъ-адъютантъ Муравьевъ, которому все это было сообщено, *безъ обозначенія фамилій авторовъ*, прислалъ свои соображенія, въ которыхъ со многимъ соглашался, многое отвергалъ, многое считалъ фантазіями, и ставилъ свои предположенія,—впрочемъ для Сѣвернаго Кавказа только; о Дагестанѣ же, Лезгинской линіи и Черноморскомъ пребрежьи, какъ тогда имъ еще не посѣщенныхъ и неизвѣстныхъ, онъ отказывался дать окончательный отзывъ.

Судя однако по этимъ представленнымъ имъ соображеніямъ, можно полагать, что покореніе Кавказа въ рукахъ генерала Муравьева потребовало бы еще очень и очень многихъ лѣтъ. Онъ былъ отозванъ и главнокомандующимъ назначенъ князь

Барятинскій, которому судьба предназначила совершить великое дѣло и положить конецъ нескончаемому.

Теперь мы и перейдемъ къ послѣднему періоду войны, рѣшившему участь Шамиля и Восточнаго Кавказа. И все это время Кабардинскій полкъ продолжалъ свою боевую и трудовую службу по прежнему, весьма обрадованный и польщенный тѣмъ, что его старый полковой командиръ сталъ во главѣ всего Кавказа...

Я въ послѣднихъ главахъ ничего не упоминалъ о дѣйствіяхъ нашихъ на другихъ театрахъ Кавказской войны. И не потому только не касался я ихъ, что герой моего разсказа—Кабардинскій полкъ весь находился на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи, но и потому главнѣйше, что, послѣ неудачнаго предпріятія въ 1849 г. на Чохъ, въ Дагестанѣ уже окончательно перешли въ оборонительное положеніе и если предпринимались какія либо движенія, если были какія нибудь дѣла, то единственно въ видахъ оборонительныхъ. На Лезгинской линіи тоже оборона была исключительнымъ занятіемъ войскъ; на правомъ флангѣ, послѣ занятія въ 1851 году пункта на р. Бѣлой и постройки тамъ укрѣпленія, а со стороны Черноморской береговой линіи, послѣ рекогносцировки въ 1852 г. князя Воронцова въ долину Адагума, тоже никакихъ важныхъ дѣйствій непредпринималось, вслѣдствіе возникшей въ 1853 году войны съ Турціей, вынудившей насъ береговую линію бросить, а за Кубанью напрягать всѣ силы только къ удержанію за собою занятыхъ пространствъ. Нѣкоторыя дѣйствія на Малой Лабѣ и Урупѣ, впрочемъ, происходили и во время войны, и по указаніямъ Н. Н. Муравьева, съ цѣлью обезпечить наши линіи, для чего селились новыя казачьи станицы, строились промежуточные посты, прорубались просѣки и т. п.; при всей успѣшности и пользѣ этихъ работъ, онѣ упрочивали наше положеніе, но не подвигали насъ, покрайней мѣрѣ осязательно, къ главной цѣли—къ покоренію враждебнаго населенія Западнаго Кавказа. Даже съ окончаніемъ Восточной войны, генералъ Муравьевъ, посвятившій два мѣсяца пребыванію въ Ставрополѣ и на правомъ флангѣ, въ своихъ предположеніяхъ ограничивалъ задачу за Кубанью слишкомъ узкой про-

граммой, при которой конецъ могъ наступить чрезъ десятки лѣтъ и то если бы не помѣшали внезапныя обстоятельства, въ родѣ второй Восточной войны 1877 года..

Съ назначеніемъ князя Барятинскаго главнокомандующимъ на Кавказѣ, всему вдругъ былъ данъ сильный толчекъ, чему, конечно, содѣйствовали и щедрыя средства, въ его распоряженіе предоставленныя. 13-я и 18-я пѣхотныя дивизіи, прибывшія на время войны, были оставлены на Кавказѣ на нѣсколько лѣтъ; вмѣсто одного драгунскаго полка въ 10 эскадроновъ, было сформировано четыре 4-хъ эскадронныхъ, слѣдовательно 6 эскадроновъ драгунъ увеличивали регулярную кавалерію; въ каждой пѣхотной дивизіи были сформированы стрѣлковые батальоны, которыхъ и явилось четыре, вмѣсто прежняго одного; въ гренадерской бригадѣ, съ присоединеніемъ къ ней Тифлисскаго и Мингрельскаго полковъ, прибавлены 5-е батальоны—увеличеніе двумя батальонами; вслѣдствіе этого образованія гренадерской дивизіи, для 19-й дивизіи пришлось сформировать два новыхъ полка: (10 батальоновъ) Севастопольскій и Крымскій,—все это, не говоря о крупныхъ денежныхъ суммахъ, дало возможность развить дѣйствія до желательныхъ размѣровъ и достигнуть результатовъ—изумительныхъ, превзошедшихъ самыя смѣлыя ожиданія.

Съ самаго пріѣзда на Кавказъ (по Волгѣ, чрезъ Астрахань въ Петровскъ) послѣ свиданія и совѣщанія здѣсь съ командующими войсками лѣваго крыла и Прикаспійскаго края *)—

---

*) Князь Барятинскій, бывъ еще полковымъ командиромъ, носился съ мыслью о средствахъ и мѣрахъ для покоренія Кавказа; въ званіи начальника лѣваго фланга, когда онъ совершилъ уже нѣсколько самостоятельныхъ экспедицій, мысли его приняли болѣе опредѣленныя формы и превратились въ твердыя убѣжденія. Въ числѣ мѣръ, которыя онъ считалъ полезными, было и упраздненіе командующаго войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи, имѣвшаго резиденцію въ Ставрополѣ, и тормозившаго (какъ всякая лишняя инстанція) дѣла по отдѣльнымъ управленіямъ, начальники коихъ были вынуждены дѣйствовать самостоятельно de facto, не имѣя этого права de jure, и при томъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи крайне ограниченныя средства. Первымъ дѣломъ по назначеніи главнокомандующимъ, еще не выѣзжая изъ Петербурга, князь Барятинскій счелъ привести свою идею въ исполненіе; Ставропольскій командующій войсками съ его огром-

генералами Евдокимовымъ и княземъ Орбельяномъ, новый главнокомандующій уже опредѣлилъ въ главныхъ чертахъ свои предположенія, имѣвшія служить основаніемъ для всѣхъ дальнѣйшихъ предпріятій. На правомъ флангѣ, въ восточной его части, князь не ограничивалъ дѣло упроченіемъ уже занятаго края, посредствомъ поселенія новыхъ станицъ, разработки дорогъ, постройки постовъ и т. п., но рѣшилъ подвинуть линію дальше впередъ и перенести штабъ-квартиру Кубанскаго пѣхотнаго полка въ Майкопъ, а на Адагумѣ дѣйствовать такъ, чтобы въ центрѣ долины возвести штабъ для Крымскаго полка и заставить натухайцевъ очистить эту мѣстность. Главнѣйшее же вниманіе обратилъ онъ на Восточный Кавказъ и преимущественно на лѣвое крыло, гдѣ, съ паденіемъ Чечни, должна была очевидно пасть большая доля власти и вліянія Шамиля.

Прикаспійскій районъ и Лезгинская линія должны были на первое время сохранить свою оборонительную роль, дѣлая съ этою цѣлью (особенно со стороны Лезгинской линіи) движенія въ горы, угрожая горцамъ въ ихъ аулахъ и изучая мѣстность, а изъ Прикаспійскаго края—содѣйствуя генералу Евдокимову въ исполненіи его трудной задачи диверсіями въ Салатавію и, въ нужныхъ случаяхъ, даже посылкою ему части

нымъ штабомъ былъ упраздненъ, или, лучше, превратился въ командующаго войсками праваго крыла, къ которому присоединена и Черноморія со всѣмъ берегомъ до Абхазіи; центръ, Владикавказскій округъ и лѣвый флангъ соединены въ одно обширное управленіе ком. войсками лѣваго крыла; въ Прикаспійскомъ краѣ остался уже до того бывшій порядокъ, а на Лезгинской линіи начальнику ея тоже присвоено званіе командующаго войсками. Первымъ остался генералъ-лейтенантъ Козловскій, вторымъ Г. Л. Евдокимовъ, третьимъ, на мѣсто князя Орбельяна, назначенъ возвратившійся на Кавказъ баронъ Врангель и четвертымъ геневралъ-лейтенантъ баронъ Вревскій. У каждаго была своя дивизія пѣхоты, свой драгунскій полкъ, линейные батальоны, своя иррегулярная кавалерія, свои инженерныя, артиллерійскія, медицинскія, народныя управленія, кромѣ временныхъ войскъ 13 и 18 дивизій. Каждый могъ дѣйствовать въ своемъ раіонѣ собственными средствами и зависѣлъ уже прямо только отъ главнокомандующаго. Это представляло чрезвычайныя выгоды и выигрышъ во времени. Генералъ Муравьевъ отвергалъ подобное устройство Кавказской арміи; но опытъ оправдалъ мысли князя Барятинскаго.

войскъ. Вездѣ же перенесеніемъ полковыхъ штабъ-квартиръ на передовыя линіи сближать войска съ театромъ дѣйствій, упрочиваться въ землѣ непріятеля и обезпечивать тылъ.

Первыя дѣйствія на лѣвомъ крылѣ должны были имѣть цѣлью старый планъ: занятія и укрѣпленія Хоби-Шавдонскихъ высотъ и рубку просѣкъ оттуда чрезъ Маюртупъ къ Гельдыгену, Автуру и Шали, чтобы открыть свободный ходъ войскамъ чрезъ Большую Чечню отъ Аргуна за Мичикъ, на Кумыкскую плоскость. Въ успѣхѣ дѣла нельзя было сомнѣваться не только потому, что средства были увеличены, но и потому что предшествовавшія дѣйствія въ Чечнѣ князя Барятинскаго, барона Врангеля, барона Николаи и барона Вревскаго, гдѣ во время войны съ Турціей, при малыхъ силахъ, постоянныя разоренія Чечни, лишеніе ея населенія прежнихъ обильныхъ способовъ продовольствія и скотоводства, наконецъ извѣстія о заключеніи мира и возвращеніи войскъ,—уже само по себѣ подготовили почву: чеченцы были въ большомъ унынiи, лѣтомъ 1856 г. уже изъ Малой Чечни являлись депутаціи къ генералу Евдокимову, предлагая покорность, только съ нѣкоторыми условіями, весьма, впрочемъ, скромными; отдѣльныхъ же почетныхъ лицъ, въ родѣ кадіевъ, маазумовъ и т. п. явилось нѣсколько и они остались въ покорныхъ аулахъ; наконецъ явился 18-го іюля въ Грозную и главный инженеръ Шамиля, строитель всѣхъ его крѣпостей—Салты, Гергебиля, Чоха, Веденя и др.—нѣкто Хаджи-юсуфъ, воспитанникъ константинопольской военной школы. Онъ привелъ съ собою семейство и нѣсколькихъ своихъ родственниковъ и просилъ позволенія жить въ Малой Чечнѣ въ мирныхъ аулахъ *). Все это уже было явнымъ знаменіемъ времени, предвѣстникомъ близкаго паденія противника: когда кораблю приходится тонуть, всѣ крысы его оставляютъ...

До какой степени уже измѣнились обстоятельства въ Чечнѣ можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра: узнавъ что чеченцы

---

*) На донесеніи о выходѣ Гаджи-юсуфа, покойный Императоръ собственноручно написалъ: «Надѣюсь, что не будетъ повторенія того, что случилось съ Хаджи-Муратомъ».

за Бассомъ довольно неосторожно выгоняютъ на пастьбу стада барановъ, генералъ Евдокимовъ послалъ начальника чеченскаго управленія полковника Бѣлика, *съ одною милиціею изъ покорныхъ чеченцевъ*, захватить добычу; только на переправѣ чрезъ Аргунъ, въ видѣ резерва, были оставлены двѣ роты съ орудіемъ и двѣ сотни казаковъ. Бѣликъ нагрянулъ за Басъ, захватилъ 1-го плѣннаго, 800 барановъ и возвратился, потерявъ одного человѣка убитымъ. Вотъ что значитъ просѣки, разореніе ауловъ и переселеніе многихъ семей къ намъ. Затѣмъ, самый Бассъ, достиженіе котораго, 5—6, лѣтъ назадъ считалось великимъ результатомъ для отряда въ 10 бат. пѣхоты съ 2-ою орудіями и массой кавалеріи, ради котораго нашъ достойнѣйшій бывшій отецъ—командиръ, Вик. Мих. Козловскій даже былъ прозванъ «генералъ-Бассъ», уже сталъ доступенъ нашему офицеру съ нѣсколькими стами милиціи!..,

9-го ноября полковникъ Бѣликъ сдѣлалъ такой же набѣгъ на Джалку съ милиціонерами, взялъ 2-хъ плѣнныхъ и 150 штукъ скота, не имѣя въ резервѣ вовсе русскихъ войскъ.

Однако и Шамиль, какъ бы напрягая послѣднія усилія еще оставшихся подъ его властью чеченцевъ, приказывалъ дѣлать какъ можно чаще набѣги и нападенія на нашихъ линіяхъ, такъ что тревоги не прекращались и происшествія, извѣстнаго кавказскаго характера, случались ежедневно. Войскамъ предстояло еще много тяжкихъ трудовъ и боевыхъ подвиговъ, чтобы окончательно сломить власть, упорно отстаивавшую свое существованіе.

Къ началу декабря назначенныя въ составъ чеченскаго отряда войска находились на разныхъ пунктахъ и чтобы не обнаружить заранѣе мѣста, съ котораго должны открыться дѣйствія, генералъ Евдокимовъ распорядился сосредоточивать ихъ къ укр. Куринскому, частями съ разныхъ сторонъ. Онъ хотѣлъ внезапно занять долину Мичика, гдѣ предупрежденный непріятель могъ за сильными береговыми укрѣпленіями оказать сопротивленіе и вызвать большія жертвы людьми, чего генералъ Евдокимовъ всегда избѣгалъ. Гдѣ нужна была работа, для скорѣйшаго достиженія цѣли, онъ не щадилъ силъ солдата и не рѣдко напрягалъ ихъ до крайнихъ предѣловъ, но

за то рѣдко кто такъ щадилъ кровь войска, рѣдко кто такъ поражалъ непріятеля съ незначительными потерями съ своей стороны.

3-го декабря колонны тронулись съ своихъ мѣстъ. Бывшая въ Бердикелѣ показывала видъ, что она составляетъ авангардъ всего отряда, имѣющаго идти на Шали, и это такъ хорошо было устроено, что всѣ наши войска этому вѣрили, а жители и подавно. 4-го числа, изъ Грозной часть отряда и самъ генералъ пошли чрезъ Тепли-кичу къ Умаханъ-юрту, часть черезъ постъ Карасинскій въ Куринское; 5-го числа, до разсвѣта, баронъ Николаи выступилъ изъ Куринскаго на Хоби-Шавдонскія высоты, прямо на Мичикъ у Мазлагаша, и сталъ на лѣвомъ берегу въ Гурдали. Тогда же колонна изъ Умаханъ-юрта вышла уже на Мичикъ и расположилась на лѣвомъ берегу рѣки.

Отрядъ состоялъ изъ 15½ бат. (въ томъ числѣ три Кабардинскаго полка), 4 эскадрона драгунъ, 20 сотень казаковъ, 1½ сотни милиціи, 30 орудій. Сила значительная и можно было назначать колонны для рубки лѣса такія, чтобы въ работѣ было три тысячи топоровъ. Этотъ не сложный инструментъ, игравшій уже въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ важную роль, долженъ былъ теперь еще болѣе выдвинуться на авансцену, и потому на него было обращено особое вниманіе. Прежніе топоры въ войскахъ были отвратительнаго качества, постоянно ломались, портились, составляя такой же камень претквновенія, какъ доставка сѣна на чеченскихъ арбахъ по невылазной грязи или гололедицѣ. Ихъ замѣнили хорошими топорами американскаго образца, завели походныя кузницы, назначали особыхъ офицеровъ завѣдывать ими, цѣлыя ночи точились и чинились поврежденные, однимъ словомъ работа кипѣла, остановокъ не было.

Погода въ дни стягиванія отряда было ужасная; дождь, туманъ, слякоть, глинистая почва раскисла, дороги вязкія, скользкія; кто не испыталъ похода въ такое время, когда холодная сырость проникаетъ на сквозь, все мокро, ноги скользятъ, а отъ налипшей грязи едва передвигаешь ихъ, когда обозъ едва дѣлаетъ версту въ часъ и приходитъ на мѣсто въ

полночь, а авангардъ уже съ полдня тамъ стоялъ безъ палатокъ, безъ возможности обогрѣться, когда слѣдующія съ обозомъ части выбиваются изъ силъ, вытаскивая на рукахъ изъ глубокой липкой грязи повозки, тотъ едвали можетъ преставить себѣ, что это за трудъ, что за лишенія для солдата и даже офицера.

6-го декабря погода немного улучшилась, туманъ разсѣялся и генералъ Евдокимовъ сдѣлалъ рекогносцировку, чтобы опредѣлить направленіе просѣки чрезъ Маюртупскій орѣшникъ; между тѣмъ войска устроивали чрезъ обрывистый оврагъ Мичика двѣ широкія переправы, для свободнаго сообщенія между обоими лагерями—бар. Николаи на лѣвомъ и главнымъ на правомъ берегу.

7-го приступили къ рубкѣ; непріятель не показывался; въ одинъ день 10 бат., имѣя по 250 топоровъ въ каждомъ, такъ лихо работали, что можно было уже густой колонной идти чрезъ знаменитый Маюртупскій орѣшникъ, прикрываясь кавалеріей. Чеченцы не были приготовлены на этомъ пунктѣ къ защитѣ, да и отказались отъ повиновенія наибамъ и ушли внизъ по Мичику въ густой Герзелинскій лѣсъ. Въ ущельи р. Хулхулау стоялъ сынъ Шамиля Кази-Магома, съ нѣсколькими тысячами человѣкъ, но не рѣшался двигаться оттуда.

8 и 9-го декабря расширяли просѣку, подвигаясь дальше, кое гдѣ исправляли самую дорогу. Изрѣдка раздавались нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, непричинявшихъ вреда. Борьба продолжалась лишь съ ужасною погодою, приводившею насъ всѣхъ въ отчаяніе и вызывавшею болѣзненность въ войскахъ, особенно въ батальонахъ Бѣлостокскаго и Виленскаго полковъ, (13 дивизій) не имѣвшихъ полушубковъ и вообще тѣхъ удобствъ и принаровленій, какъ наши коренныя кавказскія войска.

10-го числа, при улучшеніи погоды, пользуясь разсѣявшимся туманомъ, баронъ Николаи, оставивъ 5-ть батальоновъ на рубкѣ лѣса, съ тремя Кабардинскими бат., двумя стрѣлковыми ротами и кавалеріею, прошелъ дальше за Гудермесъ, занялъ аулъ Хозрикъ-отаръ, оставленный жителями, и истребилъ тамъ значительный запасъ сѣна. Тутъ только было открыто

присутствіе сильной непріятельской партіи съ орудіями. При отступленіи колонны, горцы открыли огонь и довольно жаркая перестрѣлка продолжалась до самаго возвращенія на просѣку. Кабардинцы потеряли 2-хъ убитыхъ, 6 раненыхъ и 9 контуженныхъ.

Когда выстрѣлы усилились, генералъ Евдокимовъ прибылъ изъ лагеря къ колоннѣ и расположился на курганѣ, откуда хорошо видна вся окрестность; тутъ же сталъ и подъѣхавшій баронъ Николаи, свита составилась большая, непріятель направилъ свои пушечные выстрѣлы именно сюда; ядра большею частью переносило и сзади, подъ курганомъ, убило нѣсколько лошадей нашихъ вѣстовыхъ казаковъ.

Вдругъ опять повалилъ тяжелыми мокрыми хлопьями снѣгъ, туманъ повисъ надъ головами, слякоть съ какимъ-то озлобленіемъ обрушилась на насъ. Работы не могли продолжаться дальше часу по полудни, срубленный лѣсъ не горѣлъ и только ѣдкій дымъ, смѣшиваясь съ туманомъ, еще болѣе заволакивалъ окрестность. Тѣмъ не менѣе, исподоволь, рубка продолжалась и къ 15-му декабря уже происходила на Гудермесѣ.

Съ отрядомъ горцы почти не вступали въ дѣло, видя несоразмѣрность силъ и неудобства мѣстности, измѣнявшей отъ рубки свой характеръ до неузнаваемости; за то мелкими партіями, въ тылу, на путяхъ сообщеній нашихъ, они пользовались каждымъ случаемъ, малѣйшею оплошностью и причиняли намъ возможный вредъ. Такъ, 14-го декабря, въ сильнѣйшій туманъ, они устроили засаду близь самаго укрѣпл. Куринскаго, въ тылу отряда, внезапно напали на хвостъ проходившей туда съ офицеромъ сотни Моздонскаго и Гребенскаго казачьихъ полковъ, убили 6, ранили 8 человѣкъ и увели нѣсколько лошадей. При приближеніи помощи изъ головной части казаковъ, горцы бѣжали, потерявъ, кажется, 2-хъ человѣкъ.

15 числа лазутчики дали знать, что въ верховьяхъ ущелья Гудермеса собрались всѣ три сына Шамиля: Кази-Магома, Джемалъ-Эдинъ (возвращенный въ 1855 г.) и еще совсѣмъ юноша тогда Магометъ-шефи, съ огромнымъ скопищемъ, преимущественно дагестанскихъ горцевъ, имѣя отъ отца приказаніе непремѣнно вступить въ бой съ русскими войсками.

И дѣйствительно, 16-го декабря, не успѣла колонна расположиться для рубки лѣса, съ непріятельской стороны была открыта канонада изъ 5 орудій; можно было ожидать атаки.

Генералъ Евдокимовъ поспѣшилъ самъ на мѣсто. Съ одного высокаго кургана, при поднявшемся въ тотъ день туманѣ, было видно расположеніе непріятельской артиллеріи на недоступной мѣстности, между двумя крутыми, лѣсистыми оврагами Искера и Гудермеса. Съ нашей стороны были выдвинуты 6 батарейныхъ орудій, открывшихъ огонь по непріятельской позиціи; войска стояли въ полной готовности и горѣли желаніемъ ринуться впередъ; но генералъ Евдокимовъ, слѣдуя своему правилу, не позволилъ атаковать горцевъ, предоставивъ имъ инициативу. Какой бы блестящій успѣхъ не былъ пріобрѣтенъ тогда атакой, онъ не окупилъ бы неизбѣжныхъ, значительныхъ кровавыхъ жертвъ нашихъ,—мѣстность была самая излюбленная горцами и дававшая имъ всѣ выгоды осыпать атакующаго массою пуль со всѣхъ сторонъ. Между тѣмъ, наша цѣль была открыть, посредствомъ вырубки лѣсовъ, этихъ естественныхъ защитниковъ Чечни, свободный въ нее доступъ, во всякое время, съ небольшимъ числомъ войскъ, чтобы лишить населеніе возможности жить, заниматься хозяйствомъ и продовольствовать избытками хлѣба горы; а этого мы достигали безъ атаки непріятеля, не могущаго препятствовать нашимъ работамъ, но надѣявшагося заманить насъ въ трущобу, причинить большую потерю и нравственно поддержать духъ своихъ людей.

Все время генералъ Евдокимовъ со своимъ штабомъ стоялъ на томъ же курганѣ, что и 10-го числа, слѣдя за канонадой; ядра непріятеля со свистомъ разсѣкали воздухъ и, видимо направленные на курганъ, все летѣли чрезъ наши головы; на случай приближенія непріятеля, все было готово принять его достойнымъ образомъ, но онъ не рѣшился тронуться съ своей позиціи даже когда, по окончаніи работъ, колонна начала отступленіе къ лагерю. Вся потеря наша ограничилась десяткомъ убитыхъ ядрами лошадей. Главная причина нерѣшимости непріятеля состояла въ томъ, что чеченцы отказывались драться и жертвовать головами за дѣло, видимо

потерявшее надежды на успѣшный исходъ, а одни тавлинцы робѣли. У насъ же многіе, и особенно нашъ лихой командиръ баронъ Николаи, были весьма недовольны нерѣшительностью ген. Евдокимова, полагая что онъ пропустилъ случай дать блестящее дѣло и произвести потрясающее впечатлѣніе на непріятеля. Это были увлеченія молодости и воинскаго пыла...

19-го декабря все предположенное на этотъ разъ было окончено; грознаго Маюртупскаго орѣшника несуществовало; просѣки шириною въ 500 саж., дороги по возможности очищенныя отъ пней, отлогіе спуски и подъемы чрезъ крутыя балки были результатами двухнедѣльныхъ неимовѣрныхъ трудовъ войскъ, натерпѣвшихся всякой невзгоды отъ этой ужасной слякоти, недававшей возможности обсушиться.

Отправивъ впередъ обозы, мы ночевали на своей позиціи; 20 ч. съ разсвѣтомъ выступили по разнымъ направленіямъ на плоскость, а 21 отрядъ былъ распущенъ для отдыха и приготовленія къ новымъ трудамъ.

Къ числу происшествій 1856 года, весьма чувствительно коснувшихся Кабардинскаго полка, слѣдуетъ отнести страшный пожаръ 22-го августа въ Хасавъ-юртѣ, уничтожившій весь форштатъ, состоявшій изъ домиковъ женатыхъ офицеровъ и солдатъ, всѣ полковые дворы, мастерскія съ инструментами, церковь (утварь успѣли спасти), аптеку, весь полковой обозъ съ новою упряжью, всю амуницію въ цейхгаузахъ 1-го и 5-го бат., зимнюю одежду, сухари, муку, запасы соли, сѣнники съ только что свезенными сотнями тысячъ пудовъ сѣна, у женатыхъ все имущество. При сильномъ восточномъ вѣтрѣ не было возможности бороться съ огнемъ, приходилось спасать людей, бросая остальное на волю огня. Полкъ очутился въ стѣсненномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что въ это время какъ разъ свирѣпствовала лихорадка, больныхъ людей была масса, роты въ слабомъ составѣ вынуждены были нести усиленную службу, а какъ на зло засуха длилась уже два мѣсяца и саранча истребляла кругомъ все, не щадя и травъ.

Генералъ Евдокимовъ посѣтилъ самъ Хасавъ-юртъ и принялъ всѣ бывшія въ его власти мѣры помочь полку. 3-й бат. тотчасъ отпущенъ изъ Грозной въ Хасавъ-юртъ для облегче-

нія тягости службы 1-го и 5-го бат.; высланы 20 телѣгъ коннаго транспорта для помощи при работахъ; вытребовано большое количество хинина и усилены лечебныя средства госпиталя; разрѣшено покупать у туземцевъ сѣно; 158 семействамъ женатыхъ нижнихъ чиновъ выдано заимообразно по 10 р. и отпущенъ провіантъ на мѣсяцъ, въ 8 ротъ на заготовленіе зимней одежды по 100 руб., тремъ офицерскимъ вдовамъ, оставшимся безъ всякихъ средствъ, дано по 25 руб.; назначена комиссія для подробнѣйшаго описанія всѣхъ потерь полка и частныхъ лицъ; представлено командовавшему арміею князю Бебутову (до пріѣзда князя Барятинскаго) объ увеличеніи пособій и высылкѣ денегъ. Князь Бебутовъ удвоилъ всѣ назначенія Евдокимова, а князь Барятинскій впослѣдствіи отпустилъ въ роты еще по 150 р., женатымъ по 10 р. и провіянта имъ на 6 мѣсяцевъ.

Благодаря такому вниманію начальственныхъ лицъ, бѣдствіе постигшее нашу штабъ-квартиру исподоволь изгладилось и къ концу года полкъ уже могъ явиться въ отрядъ въ исправности; форштатъ отстроился года чезъ два.

Награды за 1856-й годъ.

Слѣдующіе чины: подполк. Краузе, маіору Ильченко, шт.-кап.: Вороновичу, Зиссерману. поруч. Краббе, подпор.: Щелкачеву, фонъ-Шаку, прапор. Кидалову; унт.-офиц.: Рязанцевъ, Киселевъ, Валуйскій въ прапор.; Анну 3-й ст. маіору Ильченко; Станислава 2-й ст. съ мечами шт.-кап. Зиссерману, 3-й ст.: кап. Ламсдорфу, поруч. Плещееву, 4-й ст.: подпор. Никитину, фонн-Буденброку; нижнимъ чинамъ 14 георг. крестовъ.—(Послѣднее очевидно невѣрно, но въ архивѣ главнаго штаба положительныхъ свѣдѣній неоказалось).

XIV.

Предположенія на 1857 годъ. — Зимнія дѣйствія чеченскаго и кумыкскаго отрядовъ. — Рубка просѣкъ, раззореніе ауловъ, незначительныя потери. — Дѣло близъ аула Гертме. — Роспускъ отрядовъ. — Мелкія нападенія чеченцевъ.—Возобновленіе дѣйствій.—Движеніе въ Аухъ бар. Николаи.—Открытіе военныхъ дѣйствій. — Пріѣздъ на лѣвое крыло кн. Барятинскаго. — Встрѣча Кабардинскаго полка.—Рекогносцировка въ Аухъ.—Набѣги чеченскихъ партій.—Выходъ къ намъ съ покорностью наиба Эски.

По пріѣздѣ въ Тифлисъ, новый главнокомандующій представилъ, по заведенному порядку, предположенія на слѣдующій 1857 годъ. Зиму съ 1856 — 57 г. на правомъ крылѣ должно было употребить для рубки просѣкъ и устройства сообщеній по Андрюку и верхней Лабѣ. На лѣвомъ крылѣ отъ Хоби-Шавдона до Бердыкеля все вырубить, отнять окончательно всѣ поляны у жителей и не допускать ихъ пахать и сѣять; возвести новую станицу на Чертугаѣ (на Сунжѣ ниже Грозной) и устроить хорошіе мосты. Лѣтомъ же 1857 г. поселить станицу въ Умаханъ-юртѣ, возвести укр. Хоби-Шавдонъ, упразднивъ затѣмъ Тепликичу, Куринское и нѣсколько мелкихъ постовъ, довершать прочія работы. Въ тоже время за Кубанью, къ Анапѣ, селить станицы и гнать натухайцевъ за Адагумъ.

Первая часть зимней задачи, какъ выше описано, на лѣвомъ крылѣ была выполнена. Въ январѣ приступили къ второй части. 15 числа отряды чеченскій и кумыкскій, всего $22^1/_4$ бат., 4 эскадр. драгунъ, 30 сот. козаковъ, 34 орудія и 16 ракетныхъ станковъ выступили — первый за Аргунъ, отъ Бердыкеля на Джалку и высоты Чухумъ-Барзъ, второй изъ Куринскаго, чрезъ Хоби-Шавдонъ, къ Мичику.

Въ ту зиму атмосферныя невзгоды рѣшительно преслѣдовали насъ; слякоть и невылазная грязь причиняли намъ нескончаемыя затрудненія; артиллерія, обозныя телеги завязали и задерживали движеніе войскъ; сопротивленіе непріятеля было ничто въ сравненіи съ этими постоянными дождями, мокрымъ снѣгомъ и туманами. При занятіи Чухумъ-Барза, непріятель какъ будто думалъ сопротивляться и на лѣсистой высотѣ показалась толпа; но какъ только кавалерія двинулась въ обходъ, а стрѣлковыя роты съ фронта, чеченцы сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ, ранившихъ у насъ 3 человѣкъ, поспѣшили уйти и скрыться.

17 января началась рубка просѣки къ ауламъ Эспенъ и Агшпатой; вскорѣ открылась большая поляна, по которой пролегала дорога къ этимъ ауламъ, а справа видно было извѣстное большое кладбище, на которомъ похоронены болѣе 300 убитыхъ въ дѣлѣ при Герменчикѣ въ 1832 году, когда главнокомандующій баронъ Розенъ проходилъ чрезъ Чечню въ Гимры. 18 и 19 ч. продолжалась рубка до дубоваго лѣса, закрывавшаго долину Хулхулау. Перестрѣлки происходили самыя пустыя и имѣли мы всего двухъ раненыхъ и нѣсколько контуженныхъ.

Оставивъ на Джалкѣ вагенбургъ, чеченскій отрядъ двинулся 20-го января съ разсвѣтомъ къ Гельдыгену, чтобы здѣсь соединиться съ кумыкскимъ отрядомъ, прорубиться сквозь густой Гельдыгенскій лѣсъ и довершить свободный путь отъ Куринскаго до Аргуна.

Чтобы ознакомиться съ мѣстностью, генералъ Евдокимовъ пошелъ кружной дорогой и отъ Герменчика правымъ плечомъ впередъ повернулъ къ Автуру. При густомъ туманѣ, не допускавшемъ достаточнаго освѣщенія мѣстности кавалеріей, безпрестанно переходя чрезъ разныя канавы и болотистые ручьи, отрядъ переправился чрезъ Хулхулау и занялъ Автуры, развернувшись на обширной полянѣ, отдѣлявшейся отъ слѣдующей, Гельдыгенской поляны, не большими перелѣсками. По пути войска вырубали всѣ встрѣчавшіеся кустарники и лѣски, затѣмъ расчистили и передній не большой лѣсъ и на ночлегъ перешли въ Гельдыгенъ; отдѣльная колонна была

послана занять аулъ Оспанъ-Юртъ, бывшій у насъ на правомъ флангѣ, гдѣ непріятель, въ это время уже усилившійся большими толпами, могъ ночью расположить свои орудія и стрѣлять по лагерю. Весь день непріятель провожалъ насъ ядрами, все мѣняя позиціи. Ночь прошла спокойно; впереди за орѣшникомъ мы видѣли огни лагеря кумыкскаго отряда.

Баронъ Николаи 15-го числа прибылъ на Хоби-Шавдонъ; нѣсколько дней рубилъ вблизи строевой лѣсъ для будущаго укрѣпленія, 19-го числа чрезъ Маюртупскую просѣку двинулся въ большой аулъ Курчали, оставленный жителями. Здѣсь найдено было однако еще нѣсколько сѣна, и всѣ цѣлыя сакли послужили отличнымъ пріютомъ перемокшему и перезябшему отряду. Непріятель и тутъ также весь день двигался на одной высотѣ съ нашими войсками, посылая ядро за ядромъ, но вреда причинялъ весьма мало,—всего было 2 раненыхъ и 5-ть контуженныхъ. 20-го числа, поджидая сближенія съ чеченскимъ отрядъ, баронъ Николаи оставилъ въ Курчали свои тяжести, при 2-хъ батальонахъ, а съ остальными внезапно двинулся вверхъ по Гудермесу и атаковалъ занятый непріятелемъ аулъ Али-султанъ-кале; выгнавъ чеченцевъ атакой съ фронта и обходомъ кавалеріи, забравъ нѣсколько сѣна, давъ съ часъ времени солдатамъ пошарить по саклямъ, въ одной изъ которыхъ были найдены при этомъ 32 гранаты и 35 ядеръ (запасъ очень драгоцѣнный для скуднаго шамилевскаго парка), баронъ приказалъ зажечь аулъ и отступать. Преслѣдованіе было довольно горячее и стоило намъ 1 убитаго, 11 раненыхъ, 1 офицера и 6 контуженныхъ ниж. чиновъ; кромѣ того, особенно много лошадей у насъ было перебито.

21-го января оба отряда рубили Гельдыгенскій лѣсъ съ двухъ сторонъ, на встрѣчу другъ другу, разработывали дорогу чрезъ обрывистые обвалы, жгли ближайшіе аулы и хутора. Дымъ пожаровъ и костровъ относило къ Чернымъ горамъ и онѣ одѣлись непроницаемой, сплошной завѣсой, придавая какой-то особый мрачный колоритъ всей картинѣ; громъ орудій съ обѣихъ сторонъ и эхо, раздававшееся по этимъ скрытымъ отъ нашихъ глазъ горамъ, да изрѣдка трескъ ва-

лившагося со скрипомъ и стономъ огромнаго дерева, довершали эфектъ всей обстановки...

22-го числа производились тѣже работы, сады и сакли въ аулахъ уничтожены до тла, просѣка расчищена до 750 саж; чрезъ овраги разработаны три удобныхъ спуска. Предъ самымъ окончаніемъ работъ, часть войскъ была двинута по Хулхулау до аула Мадагинъ, откуда непріятель стрѣлялъ изъ своихъ 5-ти орудій. Неожиданная атака увѣнчалась успѣхомъ, нѣсколько горцевъ было изрублено, 5-ть человѣкъ взяты въ плѣнъ.

23-го января войска перемѣнили позицію: баронъ Николаи расположился на правомъ берегу Хулхулау, колонна генерала Кемпферта въ Агшпатоѣ на лѣвомъ берегу, часть войскъ въ самомъ Мадагинѣ и промежуткахъ между колоннами, а вся кавалерія ниже, на равнинѣ. Отсюда приступили къ рубкѣ просѣки къ упомянутому выше кладбищу.

Непріятель отвелъ изъ Хулхулау воду, но войска нашли возможнымъ пользоваться водою изъ канавъ, протекавшихъ чрезъ аулы.

Расчистивъ и эту просѣку, 24 ч. кумыкскій отрядъ былъ отправленъ назадъ на Ходумъ-башъ, а чеченскій пошелъ къ своему вагенбургу у Чухумъ-барзъ.—За всѣ эти дни потеря ограничивалась 4-мя убитыми рядовыми, 4-мя офицерами и 40 ниж. чин. ранеными, 1 офицеръ 32 ниж. чин. контужено. Для отряда такой числительности, послѣ постоянной канонады и перестрѣлки, потеря эта весьма ничтожна, а между тѣмъ результатъ дѣйствій былъ чрезвычайной важности, какъ окажется вскорѣ изъ замѣчательныхъ послѣдствій.

26-го числа чеченскій отрядъ, послѣ дневки, рубилъ дубовый лѣсъ Куръ-агачъ; а баронъ Николаи, отдохнувъ два дня въ Куринскомъ, выступилъ 27-го въ Умаханъ-юртъ по дорогѣ занесенной глубокимъ снѣгомъ, валившимъ предъ тѣмъ цѣлые сутки. Задача его была расширить и окончить просѣку до Гертменской поляны и расчистить ту, которую два года назадъ прорубилъ баронъ Врангель отъ Сунжи.

28-го ч. баронъ Николаи подвинулся на три версты отъ Умаханъ-юрта и расположился лагеремъ въ самой просѣкѣ,

ближе къ Гертменской полянѣ. Морозъ хватилъ порядочный, чему войска очень обрадовались, потому что не было ужаснѣе напасти для насъ, какъ слякоть, вѣчная сырость и туманъ; въ морозъ люди чувствовали себя здоровѣе, легче двигались, бодрѣе работали. Глубокій снѣгъ, очевидно, мѣшалъ движеніямъ непріятеля, который, по свѣдѣніямъ лазутчиковъ, находился въ большомъ сборѣ въ аулѣ Гертме, но непоказывался въ лѣсу. 30 и 31 рубка производилась успѣшно, безъ выстрѣла.

1-го февраля, непріятель, пользуясь уходомъ чеченскаго отряда на Аргунъ и въ Грозную, стянулся къ Гертме съ очевиднымъ намѣреніемъ оказать сильное сопротивленіе барону Николаи, которому оставалось работы еще на два дня.

Когда кумыкскій отрядъ расположился для рубки лѣса, баронъ Николаи выдвинулъ впередъ нашъ 1-й бат. съ командой стрѣлковъ, для занятія переправы чрезъ Шавдонъ и ея исправленія, а самъ съ кавалеріей и конными орудіями сталъ на открытой мѣстности, въ верстѣ впереди колонны, чтобы препятствовать непріятельской артиллеріи подойти близко и мѣшать рабочимъ.

По ту сторону Шавдона, разстилается обширная равнина, окаймленная орѣшникомъ; она тянется до аула Гертме, близь котораго мѣстность болѣе пересѣченная и рѣчка течетъ въ обрывистыхъ берегахъ. Непріятель, пѣшій и конный, переходилъ съ мѣста на мѣсто и пытался безпокоить насъ перестрѣлкою изъ за кустовъ и впадинъ, а орудія его стрѣляли съ весьма дальной дистанціи. Наконецъ, однако, наибъ Эски рѣшился подвезти свою пушку ближе, прямо противъ насъ, и ставъ за небольшимъ лѣскомъ, открылъ огонь. Ядра начали ложиться посреди войскъ, поставленныхъ довольно густой массой; въ числѣ нѣсколькихъ жертвъ, оказался и Кабардинскій полковой докторъ Киркевичъ, сильно контуженный ядромъ въ лѣвую руку въ ту минуту, когда онъ спѣшилъ къ только что раненому солдату.

Баронъ Николаи не хотѣлъ оставить дерзости непріятеля безъ наказанія и приказалъ атаковать его. Казаки быстро перешли Шавдонку и бросились на непріятеля, а подполковникъ Краузе съ 5-ю ротами и двумя орудіями бѣгомъ послѣдовалъ за кавалеріей. Невзирая на неудобную мѣстность, казаки лихо

исполнили свое дѣло, непріятель бѣжалъ стремглавъ и, только достигнувъ перелѣсковъ, пожелалъ возстановить сопротивленіе; значительныя массы конныхъ и пѣшихъ съ большимъ количествомъ значковъ показались на право отъ казаковъ; пѣшіе андійцы ловко пользовались изгородями окружавшими поля, и вели живую перестрѣлку; въ одномъ мѣстѣ Донскія сотни, встрѣченныя залпомъ, на мгновеніе замялись, но тутъ подскочили двѣ сотни Гребенцовъ, бросились на непріятеля, увлекли за собою Донцовъ и въ мигъ горцы были смяты, многіе изрублены, или спасались, бросивъ лошадей. Казакамъ досталось нѣсколько коней и много оружія. Въ этой схваткѣ андійскій наибъ Дебиръ упалъ съ лошади, чалма свалилась съ его головы и досталась казаку трофеемъ, самъ онъ однако ускользнулъ. Въ числѣ убитыхъ горцевъ оказалось нѣсколько почетныхъ людей, въ томъ числѣ какой то старый фанатикъ, товарищъ Кази-муллы, Лабазанъ, прибывшій въ Чечню проповѣдывать мюридизмъ. Тѣло осталось на мѣстѣ и Гребенцы сняли съ него отличное оружіе.

Пока происходила вся эта схватка кавалеріи, Краузе подошелъ съ ротами и баронъ Николаи поставилъ его въ засадѣ за лѣскомъ, а кавалеріи приказалъ отступать. Наибъ Эски расчитывая, повидимому, нанести пораженіе отступающимъ казакамъ, попробовалъ загладить свою неудачу и атаковалъ ихъ, но не зналъ о прибытіи пѣхоты и наткнулся на засаду; встрѣченная картечью и батальнымъ огнемъ, партія разлетѣлась какъ бы отъ взрыва мины и очевидно озадаченные горцы уже болѣе не показывались въ тотъ день.

Потеря наша заключалась, кромѣ штабъ-лекаря Киркевича, въ раненомъ поручикѣ фонъ-Брозе, прусакѣ, служившемъ у насъ въ полку *) и командовавшемъ 4-ю стрѣлковою

---

*) Этихъ прусскихъ офицеровъ у насъ въ полку было четыре человѣка: Бюнтингъ, протеже барона Николаи, изъ прусской гвардіи, впослѣдствіи состоявшій при князѣ Барятинскомъ, командовавшій стрѣлковымъ батальономъ, Эриванскимъ гренадерскимъ полкомъ, наконецъ, въ званіи флигель-адъютанта, лейбъ-гвардіи Московскимъ полкомъ, умеръ въ чинѣ генералъ-маіора. Въ Кабардинскомъ полку онъ одно время командовалъ 10-й егерь-

ротою; пуля прострѣлила ему носъ, но онъ скоро излечился; раненъ былъ еще и казачій офицеръ и 11 нижнихъ чиновъ, контужено 13 человѣкъ.

2-го и 3-го февраля, докончивъ рубку лѣса, баронъ Николаи возвратился въ Куринское и Хасавъ-юртъ, распустивъ свой отрядъ на отдыхъ. Чеченскій же отрядъ 28-го января расширилъ просѣку къ Агшпатою, 29-го рубилъ лѣсъ для соединенія Герменчукской поляны чрезъ Джалку съ Шалинскою, 30-го довершилъ обѣ эти просѣки, а 31-го ушелъ къ Бердыкелю и 1-го февраля былъ роспущенъ. Всѣ эти дни непріятель велъ съ войсками перестрѣлки и постоянно бросалъ ядра, которымъ убитъ 1, ранено 5 человѣкъ и убито два десятка лошадей.

Государь императоръ остался очень доволенъ всѣми дѣйствіями генерала Евдокимова, повелѣлъ объявить ему особое свое благоволеніе, а всѣмъ нижнимъ чинамъ отрядовъ пожаловалъ по 1 р. на человѣка.

И дѣйствительно, судьба Чечни висѣла на единомъ волоскѣ; уже можно было съ полною увѣренностью сказать, что близка минута паденія, невзирая на чрезвычайное усиленіе въ послѣднее время самыхъ дерзскихъ нападеній мелкихъ партій, даже

ской ротой, но по русски говорилъ тогда плохо и вообще былъ чуждъ другимъ офицерамъ и всему строю полковой жизни. Фонъ-Шакъ испыталъ превратностей не мало: за дуэль былъ разжалованъ въ рядовые, опять произведенъ въ офицеры, затѣмъ состоялъ при его высочествѣ вел. кн. Михаилѣ Николаевичѣ воспитателемъ дѣтей, произведенный въ полковники принялъ Ставропольскій полкъ, съ которымъ отличился въ войну 1877—78 г. въ Турціи и произведенный въ генералы, съ награжденіемъ Георгіемъ 3-го класса, командуетъ бригадой въ гренадерской дивизіи; фонъ-Буденброкъ (котораго въ полку называли Бутеръ-бротъ) былъ хорошій товарищъ, впослѣдствіи возвратился опять на службу въ прусскую армію и, какъ я слышалъ, отличился въ войну съ французами. Наконецъ фонъ-Брозе, славный офицеръ, старавшійся вполнѣ освоиться съ бытомъ и службой полка, послѣ излеченія отъ раны, продолжалъ командовать ротой и въ слѣдующемъ году убитъ горцами, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. По тогдашнимъ нашимъ отношеніямъ съ Пруссіей, арміи обѣихъ государствъ считались какъ бы связанными тѣсной дружбой и прусскіе офицеры, неимѣвшіе у себя случая къ военнымъ дѣйствіямъ, пріѣзжали на Кавказъ послушать свиста пуль и украситься орденами.

на цѣлыя команды наши, иногда на колонны изъ 2-хъ, 3-хъ ротъ, выходившихъ въ лѣсъ за дровами; особенно окрестности Урусъ-Мартана, Воздвиженской и, частью, Куринскаго съ Хасавъ-юртомъ подвергались почти ежедневно подобнымъ покушеніямъ, производившимъ тревоги, бѣзпокойства войскамъ и потери въ людяхъ. Это были послѣднія, судорожныя вспышки. Какъ мухи къ осени становятся особенно назойливы и злы, такъ и чеченцы, предъ своею *осенью*,—озлобились, они понимали, что это послѣдніе мѣсяцы длиннаго періода джигитской удали и хотѣли вдоволь потѣшиться. Напримѣръ, 16-го апрѣля три роты Кабардинскаго полка съ коннымъ орудіемъ шли изъ Хасавъ-юрта на Хоби-Шавдонъ и на дорогѣ были встрѣчены непріятельскою партіею, завязавшею перестрѣлку, очевидно съ единственною цѣлью поджигитовать. Ее, конечно, прогнали, но у насъ ранены 1 офиц. и 2 рядовыхъ.

Къ 3-му марта были собраны тѣ же войска, начался третій періодъ зимнихъ дѣйствій. Расчистивъ заросшую просѣку 1872 года къ Мезенинскому полю, выбрали на Шалинской полянѣ мѣсто и приступили къ постройкѣ укрѣпленнаго лагеря на 6 ротъ и 4 сотни казаковъ. Работы продолжались каждый день усиленно; ходили въ лѣсъ за хворостомъ, кольями и т. п., при этомъ нѣкоторая часть войскъ продолжала расширять просѣки, чтобы въ обѣ стороны отъ дороги на пушечный выстрѣлъ быть обезпеченнымъ отъ огня; остальныя производили земляныя работы. Непріятель ограничивался только канонадой, не смѣя и показаться близко къ войскамъ нашимъ. За 10 дней вся потеря наша заключалась въ 1 убитомъ и 3-хъ раненыхъ.

20-го марта работы въ Шалинскомъ укрѣпленіи или окопѣ были готовы; ввели гарнизонъ,—баталіонъ Куринцевъ и двѣ роты Виленскаго полка, 4 сотни Донскихъ казаковъ, 4 подвижныхъ орудія, кромѣ чугунныхъ на фасахъ, — отслужили молебень, освятили и перешли на другую позицію, съ которой начали расчистку и уширеніе старой просѣки прямо въ Воздвиженскую. Одинъ разъ горцы рискнули пройти незамѣченными къ колоннѣ и открыли огонь, но стоявшая на готовѣ кавалерія такъ быстро бросилась въ атаку, что они едва успѣли бѣжать за канаву, а хвостъ ихъ былъ настигнутъ и

понесъ сильную потерю. У насъ же за всю недѣлю оказался 1 убитый и 7 раненыхъ.

Шалинскій укрѣпленный лагерь, среди самыхъ лучшихъ обширныхъ, плодородныхъ полей чеченцевъ, давалъ возможность 4-мя ротами, 4-мя сотнями и 4-мя орудіямя ежеминутно, совершенно незамѣтно, появляться на любомъ пунктѣ окрестностей и недопускать населеніе къ сельскимъ работамъ и пастьбѣ стадъ. Результатомъ такого крайняго стѣсненія, само собою, должно было быть скорое выселеніе къ намъ массы жителей и уменьшеніе силъ противника,—къ чему и стремились всѣ наши дѣйствія. Осуществленіе не замедлило состояться и переселеніе цѣлыхъ каравановъ принимало день ото дня все большіе размѣры. Этотъ Шалинскій окопъ, очутившійся какъ островокъ среди обширной плоскости Большой Чечни, былъ бѣльмомъ на глазу Шамиля; онъ приказалъ не давать гарнизону покоя, тревожить его день и ночь, быть можетъ увлекаясь пріятной мечтой, что такимъ путемъ можно выжить ненавистныхъ ему солдатъ изъ такого близкаго сосѣдства. Каждый день почти подъѣзжали орудія и, мѣняя позицію, открывали по укрѣпленію огонь, вырывая изъ рядовъ гарнизона одного, двухъ человѣкъ или лошадей; но, въ свою очередь, терпя отъ огня сильныхъ крѣпостныхъ орудій, непріятель послѣ десятка выпущенныхъ снарядовъ долженъ былъ скрываться, боясь къ тому же и засады. Мы изъ Грозной постоянно слышали этотъ поединокъ на пушкахъ между Момбели и Талгикомъ *) и такъ привыкли къ этому, что почти не обращали вниманія: большею частью терялись напрасно снаряды.

22-го марта чеченскій отрядъ перешелъ на Гойту для вырубки лѣса дальше, вверхъ по рѣкѣ, и обезопасенія сообщенія Воздвиженской съ Урусъ-Мартаномъ, гдѣ всякій разъ, при проходѣ оказій, завязывались перестрѣлки. Покорившіеся аулы генералъ Евдокимовъ приказалъ перенести дальше на плоскость, къ правому берегу Сунжи.

---

*) Подполковникъ Момбели—командиръ 3-го бат. Куринскаго полка былъ начальникомъ въ Шали, Талгикъ-наибъ Большой Чечни.

Въ то же время кумыкскій отрядъ началъ съ 4-го марта свои дѣйствія. На долю Кабардинцевъ выпало въ этомъ періодѣ нѣсколько славныхъ дѣлъ и я привожу здѣсь сокращенный разсказъ объ нихъ самого командира, барона Николаи:

«Съ отрядомъ, въ составѣ семи съ половиною батальоновъ пѣхоты и двѣнадцати сотень казаковъ, при четырнадцати орудіяхъ, выступилъ я изъ Куринскаго, при прекрасной весенней сухой и теплой погодѣ и къ вечеру расположился лагеремъ при сліяніи рѣки Гудермеса съ Сунжею, на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ мы стояли прошлую зиму. Все обѣщало намъ пріятную стоянку. Главная цѣль, которая была мнѣ указана для настоящаго періода экспедиціи, заключалась въ открытіи просѣки, имѣющей служить продолженіемъ той, которую мы продѣлали отъ Умахалъ-юрта до Гертме, идя оттуда лѣвымъ берегомъ Шавдона, по направленію къ Герменчику до Цицинъ-хутора.

«5-го марта, оставивъ для охраненія лагеря одинъ батальонъ пѣхоты и двѣ сотни казаковъ, при двухъ орудіяхъ, я выступилъ съ остальными войсками и предположилъ имѣть ночлегъ на бивакахъ, въ 7-ми верстахъ отъ лагеря, производя въ теченіи дня рубку въ ближайшихъ мѣстахъ. Но вслѣдствіе замѣчанія, сдѣланнаго мнѣ Бата, что непріятель, по всей вѣроятности, не ожидаетъ насъ за Гертме, гдѣ мѣстность была весьма трудная, и имѣя въ виду наступившую скверную погоду, удерживающую непріятеля въ домахъ, я рѣшился идти прямо туда и тамъ начать рубку. Оставивъ одинъ батальонъ, при двухъ орудіяхъ, и тяжести на берегу Хизинъ-Шавдона, я двинулся далѣе. При выходѣ на Гертмейскую поляну, я расположилъ кавалерію по обоимъ берегамъ Шавдонки, для прикрытія нашего тыла, и съ пѣхотою вошелъ въ доселѣ намъ неизвѣстный лѣсъ. Имѣя въ виду извилистое, въ крутыхъ берегахъ теченіе рѣчки, представляющее очень много удобныхъ мѣстъ для дѣйствій непріятеля, я поручилъ маіору Гейману, съ четырьмя ротами стрѣлковъ, слѣдовать по правому берегу, съ прочими же войсками пошелъ я по лѣвому. Лѣсъ оказался довольно рѣдкій, но перерѣзанный многими мелкими балками, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ текутъ, въ тинистомъ грунтѣ,

ручьи. Такого рода мѣстностями чеченцы особенно хорошо умѣютъ пользоваться. Къ счастью, непріятеля не оказалось, мы успѣли занять лѣсъ безъ сопротивленія. Какъ только расположились цѣпи, немедленно было приступлено къ рубкѣ. Между тѣмъ, снѣгъ все шелъ сильнѣе, при порывистомъ сѣверномъ вѣтрѣ; онъ не помѣшалъ, однако, непріятелю прибыть съ разныхъ сторонъ и завязать перестрѣлку. Рубка производилась въ самомъ трудномъ мѣстѣ, оставляя въ тылу нашемъ не широкій перелѣсокъ. Я опасался, что отступленіе будетъ довольно трудное; но тутъ намъ помогла дурная погода; поднялась мятель, которая затемняла воздухъ и мѣшала непріятелю дѣйствовать; по этому онъ насъ очень слабо преслѣдовалъ, и мы благополучно выбрались изъ этой тѣснины, потерявъ всего одного убитаго унт.-офиц., девять раненыхъ и 1 офиц. съ 4-мя нижн. чинами контуженныхъ. Дойдя до Хизинъ-Шавдона, гдѣ предполагался бивакъ, я, въ виду усиливающагося снѣга, долженъ былъ отъ этой мысли отказаться, и давъ людямъ отдыхъ и время пообѣдать, возвратился въ лагерь, куда мы дошли въ 7 часовъ вечера, сдѣлавъ туда и обратно 36 верстъ, при такой страшной погодѣ. Это, конечно, былъ самый утомительный день во всю экспедицію.

«6 марта буря, усилившаяся еще ночью, продолжалась и утромъ; густыя хлопья снѣга не переставали падать и заставили на этотъ день дать войскамъ отдыхъ.

«7—10 марта. Рубка лѣса продолжалась въ начатомъ мѣстѣ, подвигаясь все далѣе впередъ; погода вообще была неблагопріятная для стрѣльбы и непріятель насъ мало безпокоилъ; потеря ограничивалась 1 убитымъ, 15 ранеными и контуженными. 11 марта непріятель, повидимому, пожелалъ намъ дать серьезное дѣло; устроивъ завалъ, онъ занялъ его значительными массами. Но маіоръ Гейманъ, которому пришлось преодолѣть это препятствіе, исполнилъ задачу съ такою ловкостью и рѣшительностью, что пораженіе непріятеля было полное. Пославъ стрѣлковую команду въ обходъ завала, Гейманъ съ остальными своими ротами пошелъ въ штыки на приступъ; непріятель, видя себя угрожаемымъ съ тыла, бѣжалъ опрометью, оставивъ нѣс-

колько тѣлъ на мѣстѣ; у насъ же оказался всего одинъ раненый!

«Пока рубка продолжалась, непріятель однако не переставалъ насъ безпокоить перестрѣлкой и во время отступленія, сомкнутою массою, бросился было на нашъ арьергардъ; но внезапное движеніе впередъ части кавалеріи и пѣхоты отбросило его назадъ. Мы потеряли 5 убит. рядовыхъ, раненъ штабсъ-капитанъ Григоровичъ въ ногу, прапорщикъ Фридловскій тяжело въ грудь, нижнихъ чиновъ 20; контужено 19.

«12 марта. Мы дошли до назначеннаго намъ для рубки предѣла, и при этомъ сожгли Матцай-аулъ; непріятель дѣйствовалъ довольно упорно, имѣя сильную пѣшую партію Андійцевъ. У насъ убитъ 1, раненъ прапорщикъ Рудзинскій въ щеку и 8 нижнихъ чиновъ, контуженныхъ 20 человѣкъ.

«15 марта мы по крайне испорченной дорогѣ возвратились въ Куринское, гдѣ оставили тяжести, и 15 числа, согласно данному мнѣ генераломъ Евдокимовымъ наставленію, я съ цѣлымъ отрядомъ своимъ отправился на легкѣ на рѣчку Хомикъ, въ сосѣдствѣ Маюртупа, дабы вырубить небольшой лѣсъ, который мѣшалъ свободному проходу по новой дорогѣ, продѣланной въ декабрѣ мѣсяцѣ.

«16 и 17 марта производилась рубка; окончивъ ее, мы возвратились въ Куринское, при пустой перестрѣлкѣ.

«18 марта я прибылъ обратно въ Хасавъ-юртъ; экспедиція считалось оконченной; но я испросилъ согласіе генерала Евдокимова воспользоваться сборомъ отряда, чтобы совершенно внезапно и неожиданно для непріятеля исполнить давнишнюю мою мечту—овладѣть знаменитыми Гойтемирскими воротами. Такъ называли сильный завалъ съ воротами по срединѣ, устроенный передъ лѣсною полосою, которая тянется поперегъ хребта, отдѣляющаго ущелья рѣкъ Ярыхъ-су и Яманъ-су. Эти укрѣпленія и лѣсъ прикрывали ауховскіе аулы и ихъ пахатныя земли, и за нимъ непріятельское населеніе считало себя совершенно безопаснымъ противъ нашихъ вторженій. Уничтожить этотъ завалъ и прорубить просѣку черезъ этотъ лѣсъ значило разомъ открыть всю эту богатую и населенную мѣстность и заставить жителей либо искать убѣжище въ дру-

гомъ мѣстѣ, либо выселиться къ намъ. Этимъ наносился весьма чувствительный ударъ непріятелю, которому Аухъ служилъ житницею.

«19-го марта я выступилъ рано утромъ; одинъ батальонъ съ двумя орудіями былъ направленъ по правому берегу Ярыхъ-су, и имѣлъ дойдти до господствующей съ этой стороны надъ завалами высоты; я же самъ, съ главнымъ отрядомъ, шелъ прямою дорогою на завалъ.

«Приблизившись на разстояніе полуторы версты отъ завала, мы встрѣтили ровъ, пересѣкавшій намъ путь; черезъ него пришлось продѣлывать проходы. Самый завалъ былъ устроенъ вдоль по гребню, составлявшему нѣчто въ родѣ уступа, онъ состоялъ изъ глубокаго рва, а за нимъ изъ вала, укрѣпленнаго деревянными сваями и хворостомъ; на право онъ терялся въ густомъ лѣсу, который спускается до самаго берега Яманъ-су. Такъ какъ лазутчики утверждали, что завалъ занятъ большою непріятельскою партіею, то я счелъ нужнымъ, предварительно атаки, сильно его обстрѣлять изъ 12-ти орудій, которыя въ теченіе получаса производили безпрерывную канонаду противъ самаго завала, посылая безостановочно ядра и гранаты, тѣ-же два орудія, которыя были направлены на правый берегъ Ярыхъ-су, въ то же время обстрѣливали завалъ во флангъ и съ тыла. Между тѣмъ были составлены колонны для атаки, подъ начальствомъ маіоровъ Ильченко и Геймана; одна имѣла идти по возвышенности на право, а другая низомъ, прямо на ворота. Когда я призналъ, что время для штурма наступило, то приказалъ подвезти легкія орудія и сперва на близкомъ разстояніи дать нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ; затѣмъ колонны двинулись съ крикомъ: ура! Стрѣлковая команда шла впереди, за нею оба начальника колоннъ вели свои части; зрѣлище было прекрасное и воодушевленіе всеобщее! Завалъ былъ взятъ въ одинъ мигъ и непріятель, который держался за нимъ, обратился въ бѣгство въ лѣсъ. Тутъ я ожидалъ жаркаго дѣла; но съ одной стороны оказалось, что защитниковъ завала было немного, около 100 конныхъ и отъ 200 до 300 пѣшихъ, и что, слѣдовательно, намъ вполнѣ удалось застать непріятеля въ расплохъ, съ другой стороны, онъ повидимому былъ на

столько деморализованъ какъ кононадою, такъ и рѣшительностью натиска, что мы прошли весь лѣсъ безъ сопротивленія. Маіоръ Гейманъ направился вправо, по берегу Яманъ-су, чтобы овладѣть бывшимъ тамъ непріятельскимъ редутомъ (Капу), въ которомъ имѣлъ мѣстопребываніе начальствовавшій здѣсь маазумъ. Редутъ былъ мигомъ взятъ. Въ тоже время, оставивъ четыре батальона, чтобы занять лѣсъ, устроить засѣки и расположить лагерь, я самъ со всею кавалеріею и съ однимъ батальономъ пѣхоты двинулся впередъ и, пройдя нѣсколько небольшихъ перелѣсковъ, вышелъ па обширную равнину, покрытую богатыми пашнями. Движеніе мое имѣло двойную цѣль, съ одной стороны, сдѣлать рекогносцировку, съ другой, прикрыть дѣйствіе отдѣльной колонны изъ восьми ротъ пѣхоты, которой подъ начальствомъ маіоровъ Хризопулло и Геймана было поручено овладѣть двумя аулами, Сати-юртомъ и Толубей-юртомъ, тѣми самыми, на которые я дѣлалъ набѣгъ въ 1854 г. Въ нихъ нашли скотъ, фуражъ и разнаго рода другую добычу. Подвинувшись еще впередъ и прогнавъ передъ собою нѣсколько непріятельскихъ партій, я остановился. Картина, которая представлялась глазамъ нашимъ была самая роскошная; глаза просто разбѣгались! Виднѣлся Кишенъ-аулъ и многіе другіе; ущелья обѣихъ рѣкъ, Яманъ-су и Ярыхъ-су, были покрыты пашнями и даже возвышенности, отдѣляющія эти двѣ долины, были совершенно очищены отъ лѣса. Какая удобная и обширная мѣстность, дабы производить набѣги и что будетъ дѣлать теперь населеніе такъ богато и просторно живущее! Не посчастливилось же на первыхъ порахъ новому здѣшнему наибу, Идрисъ-моллѣ, который былъ назначенъ преемникомъ наиба Хазу! У насъ всего 1 убитый и 5 раненыхъ.

«Къ вечеру большой четырехъ угольникъ, занимавшій всю ширину лѣса, обнесенъ хорошею засѣкою; палатки были расположены въ самомъ лѣсу и, очищая лѣсъ, вокругъ лагеря, мы такимъ образомъ продѣлали удобную просѣку, но работы будетъ дней на восемь или на девять. Одинъ маіоръ Гейманъ со стрѣлковыми ротами оставленъ въ редутѣ, который обращенъ въ передовую позицію.

«20-го марта. Возвратившейся изъ горъ лазутчикъ мой доставилъ мнѣ извѣстіе, что вчерашній нашъ успѣхъ произвелъ въ аулѣ потрясающее впечатлѣніе; со всѣхъ сторонъ поднялся общій крикъ отчаянія этихъ несчастныхъ семействъ, женъ, дѣтей, принужденныхъ оставить свои жилища и забрать свое имущество, не зная куда имъ обратиться. При весьма благопріятной погодѣ, мы наслаждались нашимъ пребываніемъ въ этой прекрасной мѣстности; и полковое хозяйство воспользуеться имъ, что-бы заготовить строительный матеріалъ, угли и т. п. Рубка идетъ живо и весело. Для развлеченія, я вытребовалъ полковую музыку и правильныя постоянныя сообщенія усланоблены съ Хасавъ-юртомъ. 21, 22, и 23 марта рубка продолжалась безъ всякой со стороны непріятеля попытки намъ мѣшать.

«24 марта я предпринялъ рекогносцировку. Непріятель большими массами, занявъ господствующую мѣстность, хотя открытую, но трудно доступную по крутизнѣ подъема, вознамѣрился сопротивляться нашему движенію. Я приказалъ Ширванскому батальону атаковать эту возвышенность съ правой стороны; непріятель былъ опрокинутъ, но, спускаясь съ высоты, онъ угрожалъ пѣхотѣ нашей во флангъ. Тогда я поручилъ маіору Арсланъ-хану Уцміеву съ милиціею ударить на непріятеля; атака была отлично исполнена; непріятель былъ смятъ, многіе изрублены шашками и нѣсколько тѣлъ осталось въ рукахъ нашихъ. Я дошелъ до окрестностей Зандака и возвратился черезъ Кишенъ-аулъ; на пути мы сожгли пять ауловъ и вездѣ, гдѣ непріятель хотѣлъ остановить насъ, онъ былъ опрокидываемъ съ значительнымъ урономъ.

«Потеря непріятеля выразилась 30-ю убитыми, изъ которыхъ 19 порублены шашками; число раненыхъ конечно значительнѣе. У насъ было всего три убитыхъ, 11 раненыхъ, 8 контуженныхъ; въ числѣ первыхъ былъ состоявшій при мнѣ ординарцемъ, юнкеръ, 18-лѣтній князь Батырь Мурза Уцміевъ; увлекшись юношескою пылкостью, онъ послѣдовалъ за родственникомъ своимъ, Арсланъ-ханъ Уцміевымъ, когда сей послѣдній повелъ атаку съ милиціею, и при преслѣдованіи непріятеля, неосторожно поскакавъ впередъ, былъ смертельно раненъ пу-

лею въ шею. Потеря этого много обѣщавшаго молодаго человѣка, который нѣсколько лѣтъ жилъ въ моемъ домѣ, меня глубоко огорчила.

«25—27 марта. Въ эти дни рубка лѣса на Сати-юртъ и Марцынъ-юртъ, была доведена до конца; продѣлана широкая и удобная просѣка и отнынѣ Аухъ намъ вполнѣ открытъ.

«28 марта отрядъ былъ распущенъ».

Чтобы мѣшать чеченцамъ заниматься посѣвами, въ апрѣлѣ сформированы три отдѣльныя колонны: барона Николаи изъ 6-ти батальоновъ, въ томъ числѣ весь Кабардинскій полкъ въ полномъ составѣ,—весьма рѣдкій случай въ малой горной войнѣ, которую мы вели на Кавказѣ; но это было сдѣлано въ этотъ разъ съ особою, спеціальною цѣлью: ожидался вскорѣ пріѣздъ новаго главнокомандующаго въ Чечню, и князю Барятинскому было бы пріятнымъ сюрпризомъ встрѣтить вмѣстѣ всѣ 5 батальоновъ своего полка. Такъ же въ 1852 году, въ пріѣздъ князя Воронцова, былъ на Шалинской полянѣ весь Куринскій полкъ. Колонна барона Николаи должна была расположиться отъ Мичика къ Гельдыгену. Вторая колонна генералъ-маіора Кемпферта заняла пространство отъ Бердыкеля къ Агшпатою, а третья—полковника Мищенко отъ Воздвиженской чрезъ Шали до Чохумъ-Барза. Непріятель не пропустилъ случая воспользоваться появившимся на деревяхъ листьями, канавками поросшими крупнымъ бурьяномъ и т. п. мѣстными закрытіями и открывалъ перестрѣлку съ цѣпями, причиняя намъ возможный вредъ. У г. Кемпферта былъ 1 убитый и 16 раненыхъ, у барона Николаи 6 раненыхъ.

Въ половинѣ апрѣля князь Барятинскій пріѣхалъ въ Владикавказъ и оттуда по Сунженской линіи чрезъ Воздвиженскую въ Грозную, подъѣзжая къ которой былъ встрѣченъ толпами чеченцевъ съ женами и дѣтьми, выражавшими непритворную радость. Странно было видѣть людей, въ большинствѣ недавнихъ заклятыхъ враговъ, быть можетъ мѣсяцъ-другой тому назадъ дѣйствовавшихъ противу насъ съ оружіемъ въ рукахъ, такъ искренно привѣтствующихъ, окружающихъ разными знаками добраго расположенія русскаго главнокомандующаго. Какъ свидѣтель всего этого, могу сказать поистинѣ, что въ этомъ

случаѣ не было того заказнаго восторга «по наряду», какой чаще всего бываетъ въ подобныхъ случаяхъ; да и такихъ новыхъ подчиненныхъ трудно было бы заставить исполнить «нарядъ»; и чеченцы дѣйствительно были совершенно довольны своимъ новымъ положеніемъ, избавленіемъ отъ ужаснаго гнета, ежечасной опасности быть казненнымъ клевретами Шамиля, или разореннымъ русскимъ отрядомъ. Послѣдніе пять-шесть лѣтъ существованіе Чечни было положительно пыткою: ни единой минуты спокойствія, ни одного часа увѣренности въ своей безопасности, въ цѣлости своего жилища, семьи, имущества! Съ переходомъ подъ защиту нашихъ крѣпостей, они пріобрѣли по крайней мѣрѣ увѣренность въ цѣлости жилья и посѣва, пользовались управленіемъ и судомъ по своимъ обычаямъ, на своемъ языкѣ, избавились отъ кошмара, давившаго ихъ въ видѣ наибовъ, маазумовъ, муртазековъ и прочихъ слугъ фанатическо-деспотической власти, главный принципъ которой былъ: отсутствіе всякой жалости и снисхожденія.

22-го апрѣля князь Барятинскій выѣхалъ изъ Грозной съ однимъ коннымъ конвоемъ. Осмотрѣвъ Бердыкель, укрѣпленіе возведенное въ 1856 г. на переправѣ чрезъ Аргунъ, съ тѣмъ же конвоемъ проѣхалъ главнокомандующій до Шалинскаго укрѣпленнаго лагеря на берегу Баса. 23-го ч., все съ одной кавалеріею и конными орудіями, въ нѣсколькихъ экипажахъ, кортежъ тронулся дальше въ глубь Чечни; по пути осмотрѣлъ колонну генерала Кемпферта у Агшпатоя, затѣмъ у Гельдыгена былъ встрѣченъ барономъ Николаи со всѣми батальонами Кабардинскаго полка. Прекрасенъ былъ видъ этихъ молодецкихъ батальоновъ, построенныхъ въ линію, какъ на плацъ-парадѣ, съ развѣвавшимися знаменами, встрѣчающихъ оглушительными «ура!» бывшаго своего любимаго полковаго командира. Вѣдь нужно вспомнить время и мѣсто дѣйствія, чтобы представить себѣ эфектъ этой сцены: Гельдыгенъ-центръ враждебной Чечни, пунктъ, къ которому 15 лѣтъ стремились отряды русскихъ войскъ, проливая обильно кровь и свою, и противника, однѣми развалинами уже напоминающій лишь о недавнемъ своемъ значеніи, и на его поляхъ русскій полкъ, церемоніяльно встрѣчающій своего

главнокомандующаго, бывшаго батальоннымъ, полковымъ и дивизіоннымъ командиромъ, положившаго нѣсколько лѣтъ назадъ начало этому, нынѣ осуществившемуся покоренію!..

О проѣздѣ главнокомандующаго зналъ и Шамиль. Онъ расположился самъ въ ущельѣ Хулхулау, а партіи были раскинуты по всему протяженію склоновъ хребта отъ Баса и Мичика. Очищенная отъ лѣсовъ мѣстность не допускала со стороны непріятеля попытки къ серьезному дѣлу и они ограничивались почти исключительно канонадой, да перестрѣлкой конныхъ джигитовъ съ цѣпями. Въ теченіе шести часовъ, употребленныхъ на переѣздъ отъ Шали до Мичика, мы потеряли 1 офицера (Кабардинскаго полка прапорщика Мальо) и 9 нижнихъ чиновъ раненыхъ, одинъ милиціонеръ убитъ.

Послѣ ночлега въ лагерѣ Кумыкскаго отряда на Хоби-Шавдонѣ, князь Барятинскій проѣхалъ въ Куринское, Герзель-аулъ и Хасавъ-юртъ, построеніе котораго было дѣломъ его, во время командованія полкомъ. Нечего и говорить, какъ тутъ встрѣчали его отставные, женатые солдаты и вообще все полувоенное населеніе, сросшееся съ полкомъ, его интересами, его славой и преданіями.

25-го главнокомандующій посѣтилъ Внезапную и Чиръюртъ, а 26-го опять возвратился въ Хасавъ-юртъ, гдѣ вечеромъ Кабардинскій полкъ устроилъ дорогому гостю праздникъ, съ иллюминаціей, фейерверкомъ и проч. Кстати вспоминаю ловкій отвѣтъ одного нашего солдата. Когда подавали пуншъ, князь Барятинскій взялъ съ подноса стаканъ, хлебнулъ и замѣтилъ: «у, какой крѣпкій.»—*Да и полкъ то крѣпкій*, ваше сіятельство, сказалъ солдатъ, разносившій стаканы.— Такой неподготовленный отвѣтъ показывалъ и замѣчательную смѣтку русскаго простого человѣка, и убѣжденіе или увѣренность солдата въ особыхъ достоинствахъ и славѣ своего полка.

27-го апрѣля князь Барятинскій произвелъ рекогносцировку въ Аухъ и здѣсь, съ генераломъ Евдокимовымъ и пріѣхавшимъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры, командовавшимъ войсками въ Дагестанѣ княземъ Орбельяномъ, происходило совѣщаніе о предстоявшихъ дѣйствіяхъ. Рѣшено было перенесеніе штабъ-квартиры Дагестанскаго пѣхотнаго полка на Буртунай, а Кабар-

динскаго въ Кишень-аулъ, послѣ предварительной очистки послѣдней мѣстности отъ лѣсовъ и ближайшихъ враждебныхъ ауловъ.

Съ одной изъ высотъ праваго берега Ярыкъ-су открывался прекрасный видъ на всю Ичкерію. Вдали тянулся величественный Андлійскій хребетъ. Множество ауловъ живописно раскинутыхъ по покатостямъ горъ, зеленѣющія поля, группы фруктовыхъ садовъ, разбросанныхъ по долинамъ, пересѣкаемыхъ глубокими лѣсистыми оврагами, составляли восхитительную картину,—трудно было оторваться отъ нея даже и привыкшему уже къ роскошнымъ видамъ кавказской природы.

Рекогносцировка прошла совершенно спокойно, кучки непріятеля издали наблюдали за нами, и только при возвращеніи, гдѣ то въ цѣпи раздалось нѣсколько выстрѣловъ, ранившихъ у насъ одного рядоваго.

Сообщая о своей поѣздкѣ чрезъ Чечню военному министру для доклада Государю Императору, князь Барятинскій сказалъ между прочимъ: «все видѣнное мною превзошло самыя смѣлыя ожиданія; еще годъ, другой, и Чечня, безъ сомнѣнія, будетъ повергнута къ стопамъ Его Величества.»

Въ этомъ, поистинѣ, не было ничего преувеличеннаго, а надежды, напротивъ, были весьма еще скромны въ сравненіи съ тѣмъ, что послѣдовало въ дѣйствительности.

А наибы съ остатками своихъ подвластныхъ жителей между тѣмъ неугомонно продолжали свои набѣги и самую озлобленную, мелкую партизанскую войну, съ дерзостью бывалою даже весьма рѣдко въ прежнія времена, когда обстоятельства вполнѣ имъ благопріятствовали. Повторяю, это было послѣднія, судорожныя движенія предъ концомъ.

У укр. Бердыкеля каждое утро высылался конный пикетъ для обезпеченія выгоняемыхъ на пастьбу лошадей. Донцы выѣхали безъ достаточной осторожности, не осмотрѣли какъ слѣдуетъ мѣстности и зря расположились, спѣшившись; вдругъ выскочила, изъ лѣсочка на правомъ берегу Аргуна, скрытая тамъ партія, въ теченіе какихъ нибудь пяти минутъ 20 казаковъ были изрублены и 20 лошадей угнаны... Въ этакого рода происшествіяхъ мы часто теряли здѣсь больше людей, чѣмъ въ самыхъ серьоз-

ныхъ экспедиціяхъ большихъ отрядовъ. Такъ вырубить лѣса, чтобы нигдѣ не оставалось ни единого кустика, не было возможности: на это не хватило бы ни людей, ни времени; да и безъ лѣса, кавказскіе горцы—прирожденные партизаны—подобно дикому звѣрю, умѣли пользоваться каждою рытвинкою, каждымъ камнемъ, холмикомъ, чтобы, притаившихъ за ними, съ ловкостью тигра прыгнуть на неосторожную жертву. Не охотники до открытаго боя, не стойкіе при встрѣчѣ съ сомкнутою частью регулярнаго войска, не выдерживающіе атаки, они были образцовые партизаны и отчаянные преслѣдователи цѣпей, отступающихъ на лѣсной, пересѣченной мѣстности. Это были исключительныя качества, созданныя природой и исторической жизнью ихъ родины. Впрочемъ, при новѣйшихъ усовершенствованіяхъ оружія, быть можетъ имъ бы уже и неудалось проявить эти качества въ прежней силѣ; но все же, увѣренъ, даже и въ европейской войнѣ, для партизанскихъ дѣйствій, кавказскіе туземцы, преимущественно сѣверной части края, вмѣстѣ съ ихъ подражателями кавказскими казаками, могутъ еще составить не малую грозу.

Въ теченіе лѣта 1857 г. часто посылались колонны для истребленія посѣвовъ или заготовленнаго сѣна; съ этою цѣлью производились усиленныя фуражировки отъ всѣхъ укрѣпленій. Такъ, 1 іюля, изъ Хасавъ-юрта маіоръ Гейманъ съ 3-мя ротами, казаками и 2-мя орудіями отправился вверхъ по Ярыкъ-су. Впереди шла охотничья команда и стрѣлковая рота поручика фонъ-Брозе. Вдругъ, совершенно неожиданно, выскочила партія до 1,000 человѣкъ и съ гикомъ бросилась на нашихъ. Но—это былъ не Донской пикетъ: ихъ встрѣтилъ залпъ, подскакавшее орудіе сыпнуло картечью, раздался топотъ скачущихъ казаковъ, непріятель смѣшался и бѣжалъ. У насъ оказалось 5 человѣкъ раненыхъ.

До какой однако степени всѣ послѣднія дѣйствія наши отозвались на положеніи чеченскаго населенія, какъ безнадежна становилась уже въ глазахъ ихъ дальнѣйшая борьба, можно заключать изъ того, что въ этомъ же іюлѣ мѣсяцѣ мичиковскій наибъ Эски, одинъ изъ усерднѣйшихъ подчиненныхъ Шамиля и самыхъ дѣятельныхъ противниковъ нашихъ, явился

въ Грозную съ тремя приближенными мюридами, изъявляя покорность и прося принять его въ число поселяемыхъ у насъ выходцевъ. Это происшествіе было сильнымъ ударомъ для имама. Онъ тотчасъ отправилъ большую партію тавлинцевъ занять прилегающіе къ Мичику мѣстности, чтобы не допустить поголовнаго выхода тамошняго населенія къ русскимъ.



Унтеръ офицеръ Стеценко.

Дозв. ценз. Спб. Типографія В. Граціанскаго, Невс., № 46.

XV.

Открытіе осеннихъ дѣйствій 1857 г.—Движеніе въ Малую Чечню.—Жаркое дѣло у Чижнокой.—Истребленіе ауловъ и рубка просѣкъ.—Отступленіе изъ М. Чечни.—Сдача полка барономъ Николаи и характеристика его.—Возобновленіе зимнихъ дѣйствій въ Большой Чечнѣ.—Неожиданное движеніе въ Аухъ.—Дѣйствія тамъ отряда.—Разореніе жителей мюридами.—Устройство укр. Кишень-ауха.—Возвращеніе изъ Ауха въ Б. Чечню.—Покорность населенія ущелья Хулхулау.—Критическое положеніе Шамиля.—Движеніе двухъ колоннъ дальше въ глубь непокорнаго населенія.—Выходъ къ намъ 1,500 семей чеченцевъ.—Результатъ послѣднихъ дѣйствій.

Съ наступленіемъ осени и времени начатія зимнихъ дѣйствій, генералъ Евдокимовъ рѣшилъ прежде всего радикально покончить съ Малой Чечней. Тамъ вся плоскость, между Сунжей и хребтомъ Черныхъ горъ, по теченію множества рѣчекъ, впадающихъ въ Сунжу, давно уже была въ нашихъ рукахъ, небольшая часть жителей не пожелала остаться въ образовавшихся на плоскости покорныхъ аулахъ и предпочла уйти выше по теченію рѣчекъ, къ самымъ уступамъ хребта, и еще дальше въ верховья образуемыхъ ими ущелій, гдѣ, вырубивъ полянки для посѣвовъ, образовали новые аулы, раскинутые по обрывамъ, лѣсистымъ трущобамъ и вообще самой пересѣченной, трудно доступной мѣстности, въ которой они считали себя безопасными отъ появленія русскихъ войскъ. Исподволь къ нимъ присоединилась часть жителей Большой Чечни, по мѣрѣ вытѣсненія съ Джалки, Баса и другихъ мѣстъ, а также большинство абрековъ, т. е, бѣглецовъ разныхъ покорныхъ намъ обществъ, преслѣдуемыхъ за разбои, хищничества и разныя преступленія. Населеніе образовалось такимъ образомъ весьма густое, крайне намъ враждебное, отличавшееся воин-

ственностью, храбростью, превосходившими въ этомъ отношеніи всѣхъ остальныхъ горцевъ. Шамиль имъ весьма покровительствовалъ, какъ крѣпкому форпосту на пути нашего движенія впередъ и какъ людямъ безпрестанно тревожившимъ нашу линію. На случай опасности отъ русскихъ отрядовъ, имъ была обѣщана самая дѣятельная помощь, и ближайшимъ въ тылу ихъ наибамъ аргунскихъ обществъ было приказано спѣшить съ своими партіями по первому призыву.

Генералъ Евдокимовъ предположилъ истребить эти поселенія, если онѣ не изъявятъ покорности и не выселятся на плоскость, обезпечить тѣмъ линію отъ Воздвиженской, чрезъ Урусъ-Мартанъ по «Русской» дорогѣ, отъ постоянныхъ набѣговъ, наконецъ подробно осмотрѣть эту часть Черныхъ горъ, въ которыя предстояло вскорѣ перенести всѣ наши дѣйствія.

19-го октября были сдѣланы всѣ распоряженія къ секретному сбору войскъ, для чего колонны заблаговременно расположились на разныхъ окрестныхъ пунктахъ, а 20-го числа ночью изъ Грозной, Бердыкеля, большаго Чечена и Алханъ-юрта двинулись и къ разсвѣту соединились на переправѣ чрезъ Гойту, откуда, послѣ короткаго отдыха, потянулись вверхъ по Устархановскому полю. Между тѣмъ, распущенные слухи и присутствіе въ Бердыкелѣ колонны убѣдили непріятеля, что мы, по обыкновенію, идемъ на Басъ: онъ тамъ и сосредоточился, ожидая нашего появленія; а здѣсь, въ Малой Чечнѣ, жители были совершенно спокойны и, съ свойственною имъ безпечностью, ни разъѣздовъ, ни постовъ не содержали. Отрядъ успѣлъ пройти по сильно заросшей уже Гойтинской просѣкѣ до начала ущелья р. Мартана, чрезъ овраги и лѣсистыя балки и по полю, покрытому не снятою еще кукурузою, такой вышины, что конные люди въ ней скрывались. Только подходя къ ущелью открылась намъ, на пространствѣ между Мартаномъ и Энгеликомъ, непрерывная цѣпь ауловъ, примыкавшихъ къ лѣсамъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга, а нѣкоторые и отъ долины, глубокими, обрывистыми оврагами; мѣстность оказалась самая невыгодная для наступающаго и вполнѣ по характеру защищающихся; самое число жителей далеко превзошло наши объ этомъ свѣдѣнія. Наконецъ раздались вы-

стрѣлы; тревога мгновенно распространилась, послышались дикіе возгласы и переклики въ лѣсахъ.

День былъ пасмурный, совершенно октябрьскій; съ верху ничего не падало, тумана тоже не было, но воздухъ былъ очень влаженъ, почва порядочно размокшая, сырость чувствовалась повсюду. Безсонная ночь и пройденныя уже 15 верстъ утомили насъ и пока все было тихо, отрядъ двигался съ какою то сонливостью, не слышалось обычныхъ громкихъ голосовъ, зовущихъ кого нибудь изъ заднихъ рядовъ впередъ къ начальству, артиллерія не гремѣла своими тяжелыми колесами и цѣпями, даже кони мало фыркали. Но съ первыми выстрѣлами все встрепенулось; всѣ инстинктивно почувствовали, что приближается минута боя, что въ Малой Чечнѣ не обойдется дѣло одной маловредной канонадой, или перестрѣлкой въ цѣпяхъ, что здѣсь и теперь, какъ въ прежніе походы, придется принести жертвы кровожадному богу войны.

Кавалерія понеслась на право, чтобы занять дорогу, по которой могли подойти подкрѣпленія отъ Рошни, и захватить крайніе, болѣе доступныя аульчики; на лѣво двинута колонна генералъ-маіора Кемпферта для обхода лѣсами вверхъ по правому берегу Мартана и обезпеченія лѣваго фланга средней колонны полковника Мищенко, назначенной для самого труднаго дѣла—атаки съ фронта центра открывшихся предъ нами ауловъ, чрезъ которые проходили дороги на перевалъ, къ узлу путей изъ Аргунскихъ обществъ Шатоя, Чеберлоя и другихъ мѣстъ. Центръ этотъ былъ аулъ Чижнокой, которымъ и нужно было овладѣть. Непріятель сосредоточился здѣсь въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, и этого числа было достаточно для самой отчаянной защиты: мѣстность представляла крутой подъемъ по отрогу покатости, которая съ обѣихъ сторонъ покрыта густымъ лѣсомъ, на самомъ отрогѣ тянулся узкій рядъ сакель и заборовъ, по крайней мѣрѣ на версту или полторы, и все упиралось въ чащу лѣса, сплошной непроницаемой стѣной покрывавшаго весь скатъ горы,—одна лишь узкая дорожка вилась дальше. Колонна полковника Мищенко состояла изъ 2½ бат. Куринцевъ и вновь сформированнаго 20-го стрѣлковаго батальона, вооруженнаго штуцерами. Стройно, разсыпавъ

цѣпи, тронулась колонна эта впередъ и начала подниматься къ аулу; огонь, съ начала рѣдкій, становился все чаще и чаще, наконецъ превратился въ какой то неумолкаемый, какъ дробь барабановъ, смѣшиваясь съ гуломъ пушечныхъ выстрѣловъ, съ звуками рожковъ, игравшихъ сигналъ наступленія. Эхо по лѣсистымъ горамъ отдавалось перекатами; бѣлый дымъ выстрѣловъ смѣшивался съ желтымъ дымомъ зажженныхъ сакель, стоговъ сѣна и скирдъ хлѣба; картина принимала мрачно воинственный видъ, напрягая до нельзя нервы... Наконецъ послышалось ура! и неистовые дикіе гики. На одинъ мигъ все замолкло,— ни выстрѣла, ни звука,—и вдругъ опять трескъ ружейнаго огня, опять рожки и гулъ пушечнаго выстрѣла, и раскаты грома по горамъ...

Дѣло завязалось жаркое. Жители съ давно не бывалымъ остервенѣніемъ, послѣ первыхъ выстрѣловъ, бросились съ шашками и кинжалами на нашихъ егерей; они понимали, что защищаютъ послѣднія убѣжища, что дальше уже некуда уходить, съ надеждой имѣть удобныя, обезпечивающія жизнь мѣста, что впереди—или необходимость покориться, или забраться въ безплодныя горы и скитаться въ нуждѣ, среди племенъ, скудно населенныхъ природою. Штыки и приклады были пущены въ ходъ, офицеры шашками отбивались, многіе брали ружья убитыхъ солдатъ и дрались въ рядахъ, бой былъ вполнѣ рукопашный, но длился онъ не долго: не устояли чеченцы, и когда небольшое пространство около дороги усѣялась проколотыми, изрубленными, простреленными трупами, когда первый порывъ злобы и отчаянія прошелъ, а къ переднимъ рядамъ русскихъ все подходили новыя подкрѣпленія, они бросились отступать, отстрѣливаясь.

Въ тоже время разсыпавшіеся сзади по саклямъ люди натыкались на скитавшихся одиночныхъ жителей, на остервенѣлыхъ женщинъ, бросавшихся съ кинжалами и топорами къ солдатамъ,—здѣсь происходили сцены звѣрскихъ убійствъ, неизбѣжныхъ, обоюдно ожесточенныхъ порывовъ...

Преслѣдуемый непріятель скрылся за хребетъ, авангардъ нашъ дошелъ до перевала въ рѣдколѣсьи и остановился, устроивъ себѣ тотчасъ засѣки на ночь.—Аулы пылали, насту-

пившія сумерки озарились блестящимъ свѣтомъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ.

Мы потеряли болѣе ста человѣкъ; трупы солдатъ и чеченцевъ, перемѣшанные, долго оставались неубранными,—некогда было заняться этимъ печальнымъ дѣломъ. Населеніе просто въ ужасъ пришло отъ такого погрома, обрушившагося на нихъ совершенно неожиданно, при увѣренности въ своей безопасности. Помощь явилась къ нимъ на другой день къ вечеру въ лицѣ штоевскаго и чеберлоевскаго наибовъ съ двумя пушками, но дѣло было уже сдѣлано, участь всего населенія верховьевъ Гойты, Мартана и Энгелика рѣшена безвозвратно.

Отрядъ расположился лагеремъ при подъемѣ по дорогѣ въ горы и слѣдующіе дни, отдѣльными колоннами, разорялъ и сжигалъ аулы, рубилъ лѣсъ назадъ, для свободнаго сообщенія съ плоскостью, въ стороны, для обхода переваловъ и балокъ. Болѣе 20 ауловъ истреблены; во многихъ найдены не только большіе запасы фуража, но и разныя вещи, только приготовленыя къ вывозу. Наибы съ своими партіями вели перестрѣлку, обстрѣливали позиціи ядрами, но остановить насъ все это, конечно, не могло.

Очистивъ всю мѣстность между Мартаномъ и Гойтой, генералъ Евдокимовъ рѣшилъ продолжать дѣло до самой Воздвиженской, чтобы совершенно вытѣснить отсюда враждебное населеніе, а также изучить мѣстность въ видахъ проложенія свободнаго сообщенія по подошвѣ горъ. 23-го октября отрядъ былъ переведенъ на другую позицію къ раззорѐнному аулу Устаръ-Ханъ, устроили хорошую переправу черезъ Гойту и вырубали лѣсъ по правому ея берегу до Энгелика. Встревоженный Шамиль прислалъ нѣсколько тысячъ тавлинцевъ съ двумя орудіями подъ начальствомъ сына своего Джемалъ-Эдина, дебютировавшаго нѣкоторымъ образомъ въ роли самостоятельнаго предводителя. Въ душѣ дружески къ намъ расположенный, неопытный молодой человѣкъ ничего рѣшительнаго не предпринималъ, да и что могъ онъ предпринять съ своими нестройными толпами, когда мѣстное населеніе, сломленное, доведенное до полнаго унынія, уже почти отказалось сопро-

тивляться, спасало семейства и остатки имущества въ лѣсныя трущобы, терпѣло недостатки и лишенія, видя что помощь Шамиля ихъ не спасетъ! Онъ дѣлалъ тоже, что и пришедшіе раньше наибы: открывалъ гдѣ возможно артиллерійскій огонь, посылалъ конныхъ перестрѣливаться съ нашими ротами, прикрывавшими рубку лѣса; иногда передвигались толпы то въ одну, то въ другую сторону, какъ будто что-то предпринимая, и разбѣгаясь при первомъ появленіи казаковъ и конныхъ орудій.

26-го числа была окончена просѣка въ 150 саж. ширины, а 27-го числа перешли къ истребленію ауловъ по Энгелику. Невзирая на адскую мѣстность и присутствіе многочисленнаго непріятеля, усилившагося въ послѣдніе дни новыми подкрѣпленіями, двѣ колонны такъ ловко обошли четыре аула по Энгелику, что непріятель, очутившись между двухъ огней, долженъ былъ бѣжать и колонна генерала Кемпферта истребила все найденное, вплоть до аула Турной, занятаго колонною полковника Мищенко.

За всѣ семь дней потеря наша ограничивалась 2-мя убитыми и 25-ю ранеными нижними чинами; нѣкоторыя раны оказались отъ нашихъ коническихъ пуль изъ новыхъ нарѣзныхъ ружей, съ десятокъ коихъ достался непріятелю 20-го числа, когда тѣла нѣкоторыхъ убитыхъ въ лѣсной чащѣ не могли быть тотчасъ подобраны.

28-го числа отрядъ окончилъ свою задачу въ Малой Чечнѣ и отступилъ къ Воздвиженской. Непріятель былъ совершенно разстроенъ и не пользовался самой удобной мѣстностью для преслѣдованія, — мы ушли безъ выстрѣла.

29-го числа всѣ войска перешли къ Бердыкелю и расположились лагеремъ, готовясь къ новому походу уже на совершенно противоположной оконечности лѣваго крыла.

Здѣсь я прерву на время разсказъ о дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ, чтобы упомянуть о важномъ событіи въ жизни Кабардинскаго полка. Баронъ Леонтій Павловичъ Николаи, съ 25-го іюня 1852 г. командовавшій полкомъ, уже съ 6-го декабря 1854 г. генералъ-маіоръ, получилъ назначеніе командиромъ 2-й бригады 20-й дивизіи и сдалъ 6-го сентября

1857 г. полкъ флигель-адъютанту полковнику князю Дмитрію Ивановичу Святополкъ-Мирскому. Болѣе пяти лѣтъ командованія, во время такихъ усиленныхъ, почти непрерывавшихся военныхъ дѣйствій, тѣсно связали исторію полка съ именемъ барона Николаи. Дѣятельность его тѣмъ болѣе была замѣтна, что онъ въ то же время былъ и начальникъ всѣхъ войскъ на Кумыкской плоскости, и управитель туземнаго ея населенія, вообще владѣлъ обширнымъ раіономъ, съ разнородными военно-административными и хозяйственными дѣлами. Изъ описанныхъ уже выше военныхъ дѣйствій, изъ нѣсколькихъ отрывковъ дневника, читатель могъ составить себѣ представленіе о бар. Николаи, какъ военномъ человѣкѣ. Теоретически достаточно подготовленный, нѣсколькими экспедиціями на Кавказѣ и Венгерской кампаніей пріобрѣвшій и практическія свѣдѣнія, онъ, при блестящей личной храбрости, былъ, безъ сомнѣнія, незаурядный военный человѣкъ. Въ описываемый періодъ у барона Николаи былъ одинъ недостатокъ: молодость; онъ еще увлекался поэтической стороной войны и иногда предпринималъ движенія, терялъ людей безъ дѣйствительной необходимости, безъ расчета на существенный результатъ. Въ тридцать съ небольшимъ лѣтъ только исключительные геніи, подобные Наполеону, умѣли самостоятельно дѣйствовать и двигать войска для достиженія ясно сознаваемыхъ цѣлей, не увлекаясь картинностью и декораціями битвъ. Менѣе геніальные люди, въ подобномъ возрастѣ, остались хорошими исполнителями начертаній другихъ, болѣе опытныхъ вождей, и не малою заслугою, лестной похвалой для нихъ достаточно могло служить, если они успѣли хорошо исполнить, во время примѣнить тактическія правила, или тутъ же на мѣстѣ создать нововведеніе, соотвѣтствующее мѣстности и условіямъ боя, умѣли когда нужно—выказать рѣшимость, не робѣть предъ мыслью объ отвѣтственности, или, напротивъ, сберечь людей отъ ненужныхъ потерь, удержать подчиненныхъ отъ свойственныхъ въ огнѣ увлеченій, однимъ словомъ, вполнѣ руководить своей колонной, безъ суеты, ясно отдавать всѣмъ приказанія, подобно хорошему капельмейстеру, заставляя весь оркестръ чувствовать взмахи своей палочки и держать тактъ. Лучшій образецъ подобнаго военнаго человѣка

это Иванъ Михайловичъ Лабынцевъ; ближе всего подходилъ къ нему въ этомъ отношеніи—баронъ Майдель. Говорю собственно о нашихъ командирахъ, потому что на Кавказѣ этого типа офицеровъ было не мало: Манюкинъ, Кемпфертъ, Мищенко, Баженовъ, Гейманъ и другіе. Но баронъ Николаи, превосходившій всѣхъ названныхъ лицъ образованіемъ, очевидно, немирился съ ролью исполнителя и, съ свойственною молодости нетерпѣливостью, торопился впередъ, къ болѣе самостоятельной, широкой дѣятельности, что вело его неизбѣжно и къ строгой критикѣ дѣйствій всѣхъ начальниковъ лѣваго фланга Кавказской линіи (послѣ князя Барятинскаго, конечно), которымъ онъ долженъ былъ подчиняться противъ своего желанія, и къ не совсѣмъ точной исполнительности предписаннаго, и къ нѣкоторой холодности отношеній, или просто антагонизму съ ними. Между тѣмъ, при своемъ образованіи, способностяхъ, личной храбрости и исподволь пріобрѣтаемой опытности, нѣтъ никакого сомнѣнія, баронъ Николаи былъ бы впослѣдствіи однимъ изъ видныхъ генераловъ русской арміи и въ большой войнѣ имя его вѣроятно гремѣло бы рядомъ съ Радецкимъ, Скобелевымъ, Гурко и др., если бы онъ оставался на службѣ.

Собственно, какъ полковой командиръ, Леонтій Павловичъ былъ самый мягкій, вѣжливый и снисходительный человѣкъ, въ хозяйство и мелочи внутренняго полковаго быта мало входившій, довѣрявшій въ этомъ отношеніи нѣсколькимъ избраннымъ лицамъ. Чрезвычайно симпатичной наружности, съ прекрасными манерами благовоспитаннаго человѣка высшаго общества, никогда невыходившій изъ себя, непроявлявшій рѣзкихъ, многимъ свойственныхъ замашекъ фронтоваго юпитера, баронъ, само собою, пользовался общимъ уваженіемъ и, кромѣ хорошихъ отзывовъ, объ немъ никто никогда ничего не говорилъ. Но сказать—что въ полку его любили,—я не могу. Большинство офицеровъ, какъ вездѣ въ нашихъ полкахъ тѣхъ временъ, да вѣроятно и нынѣшнихъ, были лихіе ребята, боевые, смѣлые до излишества, свято исполнявшіе свой офицерскій долгъ, мечтавшіе объ отличіяхъ и повышеніяхъ, любившіе изрядно кутнуть на извѣстный кавказскій ладъ, но говорящихъ на

иностранныхъ языкахъ, могущихъ трактовать объ матеріяхъ важныхъ и т. п. было два—три человѣка развѣ; а баронъ Николаи—именно любитель бесѣды на французскомъ языкѣ и о предметахъ философско-религіозныхъ, само собою, и отдавалъ явное предпочтеніе тѣмъ двумъ—тремъ человѣкамъ, которые могли составить ему тѣсный кружокъ, (въ томъ числѣ былъ и упомянутый уже прусакъ Бюнтингъ) да еще двумъ тремъ, хоть и не говорившимъ по французски, и не много понимавшимъ въ философіи, но занимавшимъ штабныя должности и близкимъ по отношеніямъ служебнымъ. Создававшаяся, такимъ образомъ, нѣкоторая отчужденность, нѣкоторая, такъ сказать, промежуточная черта между аристократизмомъ кружка полковаго командира и демократизмомъ офицерскаго общества, безъ особаго желанія съ обѣихъ сторонъ, все таки проглядывала и была причиной довольно холодныхъ, хотя вовсе не враждебныхъ отношеній. Тоже было и въ отношеніяхъ къ начальству: съ князя Барятинскаго начиная, бар. Врангель, Вревскій, Евдокимовъ всѣ очень уважали барона Николаи, считали его способнымъ человѣкомъ, но ни одинъ не былъ имъ вполнѣ доволенъ, хотя и избѣгали дать ему это замѣтить.—Это я могу говорить положительно, потому что предо мною, при отдаваемыхъ мнѣ приказаніяхъ, о томъ или другомъ письменномъ распоряженіи, они не скрывали своихъ взглядовъ о подчиненныхъ частныхъ начальникахъ.

Неслѣдуетъ однако думать, что баронъ Николаи чуждался офицерскаго общества; напротивъ, и у него, какъ у предшественниковъ, собирались, иногда плясали, иногда кутили, особенно въ походѣ, иногда и самого напаивали и приводили его, степеннаго, суптильнаго джентльмена въ такое веселое состояніе, когда онъ готовъ былъ не хуже самого стараго разлихаго Кабардинца пропускать бокалъ за бокаломъ и поднять такую жарню изъ пушекъ, что валы нашихъ укрѣпленія осыпались и подвергались опасности рухнуть...

Сдавъ полкъ, баронъ Николаи, недовольный новымъ назначеніемъ, не дававшимъ никакого самостоятельнаго положенія, подалъ на годъ въ отпускъ и чрезъ три мѣсяца, 7-го декабря, уѣхалъ изъ Хасавъ-юрта за границу. За тѣмъ, по

возвращеніи на Кавказъ, командовалъ гренадерскою дивизіею, былъ генералъ-адъютантомъ и въ 1868 году окончательно оставилъ и службу, и Россію, и жизнь *отъ міра сего*...

Кабардинскій полкъ, во всякомъ случаѣ, обязанъ сохранить въ своей лѣтописи добрую память о баронѣ Николаи, одномъ изъ славныхъ своихъ командировъ, не мало содѣйствовавшихъ къ увеличенію славы полка. Одно блестящее дѣло 3-го октября 1854 года подъ Истису—уже достаточный поводъ, чтобы имя его не забывалось нами.

Привожу здѣсь еще нѣсколько біографическихъ свѣдѣній о баронѣ Николаи. Родился онъ 7 января 1820 г., отецъ его былъ нашъ посланникъ въ Копенгагенѣ, мать урожденная княгиня де-Брольи, а дѣдъ, родомъ изъ Эльзаса, былъ секретаремъ императрицы Маріи Ѳедоровны и впослѣдствіи, кажется, президентомъ академіи наукъ. Въ 1837 г. Леонтій Павловичъ поступилъ на службу мичманомъ, послѣ окончанія курса въ морскомъ корпусѣ. Чрезъ пять лѣтъ, чтобы поступить въ академію генеральнаго штаба, онъ вышелъ изъ флота, былъ зачисленъ поручикомъ въ одинъ изъ драгунскихъ полковъ, а въ 1846 г., въ чинѣ капитана генеральнаго штаба, отправился на Кавказъ. Участвуя въ 1848 году въ отрядѣ князя Аргутинскаго при взятіи Гергебиля, былъ посланъ съ донесеніемъ объ этомъ въ Петербургъ и пожалованъ флигель-адъютантомъ. Въ 1849 г. принималъ участіе въ Венгерской кампаніи, о которой оставилъ записки; (напечатанныя въ «Русской Старинѣ») произведенный въ подполковники, переведенъ въ 1850 году въ Кабардинскій полкъ, гдѣ и командовалъ 3-мъ батальономъ, а въ 1852 г., какъ сказано, принялъ полкъ отъ барона Майделя. За взятіе въ февралѣ 1853 г. заваловъ на Мичикѣ получилъ Георгія 4-й степени.—Всѣ же прочія ордена и нѣсколько иностранныхъ получалъ по порядку, вообще весьма быстро подвигаясь по іерархической лѣстницѣ,—въ 1851 году полковникъ, въ 1854 г. генералъ маіоръ свиты, въ 1856—Станислава 1-й, въ 1857 г. Анну 1-й ст. и т. д. Въ началѣ 1860 г. былъ генералъ лейтенантомъ и начальникомъ кавказской гренадерской дивизіи, а въ 1862 генералъ-адъютантомъ.

Зимнія военныя дѣйствія 1857 года возобновились 1-го ноября движеніемъ всего собраннаго у Бердыкеля отряда на Чахумъ-барзъ—любимую позицію генерала Евдокимова, и 2-го расположились у Агшпатоя лагеремъ. Съ другой стороны, по заведенному порядку, 1-го же ноября выступилъ кумыкскій отрядъ барона Николаи *) съ Хоби-Шавдона, ночевалъ у Карчелуй-юрта, а 2-го числа занялъ съ боя брошенный жителями Эспенъ-аулъ.—Шамиль съ значительными сборами и нѣсколькими орудіями стоялъ за Басомъ.

Оставивъ для прикрытія лагерей не большую часть войскъ, оба отряда усерно занимались разчисткой и расширеніемъ прошлогоднихъ просѣкъ; самъ же командующій войсками, между тѣмъ, съ кавалеріей производилъ во всѣ стороны рекогносцировки, до подробности изучая мѣстность и направленіе путей. Непріятель ограничивался канонадой преимущественно по кумыкскому отряду.—3-го ноября съ двухъ сторонъ, отъ Доцуинъ-аула и Эспенъ-аула, довели ширину просѣки до 2-хъ верстъ. — Ободренные присутствіемъ имама, горцы дерзко выѣзжали съ своими орудіями около Эспена и наносили вредъ колоннѣ, работавшей въ лѣсу. Баронъ Николаи послалъ дивизіонъ драгунъ и всѣхъ казаковъ въ обходъ, а три баталіона Кабардинцевъ съ крикомъ ура! бросились прямо къ непріятельской позиціи. Спасая свои пушки, непріятель обратился въ бѣгство, при чемъ нѣсколько человѣкъ его арріергарда были изрублены и остались въ нашихъ рукахъ.

4-го числа оба соединенные отряда выступили къ Хоби-Шавдону. Шамиль двигался параллельно, ближе къ подошвѣ хребта, думая что мы идемъ вверхъ по Мичику, къ Акуюрту, и провожалъ арріергардъ пушечными выстрѣлами; около Алисултанъ-кале три его орудія опять очень выдвинулись впередъ; баронъ Николаи приказалъ произвести атаку, но съ первымъ движеніемъ кавалеріи и Кабардинцевъ впередъ,—горцы бѣжали. Къ вечеру пришли на Хоби-Шавдонъ, гдѣ арріергардъ

*) Въ ожиданіи годоваго отпуска, баронъ, по сдачѣ полка, оставался въ Хасавъ-юртѣ до начала декабря и въ ноябрѣ еще въ послѣдній разъ ходилъ съ отрядомъ.

съ барономъ Николаи остался ночевать, а весь чеченскій отрядъ съ генераломъ Евдокимовымъ ушелъ въ Куринское.— За всѣ эти четыре дня потеря наша состояла изъ 4-хъ убитыхъ и 33 раненыхъ нижнихъ чиновъ.

Непріятель послѣднимъ движеніемъ былъ совершенно сбитъ съ толку. Недопуская мысли объ окончаніи уже экспедиціи и возвращеніи войскъ по квартирамъ, онъ счелъ переходъ на Хоби-Шавдонъ или необходимостью пополнить запасы, сдать больныхъ и раненыхъ въ Куринское и т. п., или хитростью, чтобы заставить его распустить свои сборища. Шамиль оставался въ полномъ убѣжденіи, что на другой же день русскія войска опять выйдутъ на Мичикъ и потому расположился самъ въ Бачинъ-юртѣ, а партіи его бивуакировали на протяженіи двухъ трехъ верстъ и разложили большіе костры.

Предъ разсвѣтомъ арріергардъ нашъ, поддерживавшій всю ночь большіе огни, тихо снялся и тронулся въ Куринское, откуда всѣ войска, не взирая на слякоть и грязь, сдѣлали усиленный переходъ въ Хасавъ-юртъ. Тогда только Шамиль спохватился, что отряды пошли въ Аухъ и отправилъ поскорѣе часть лучшей своей конницы туда же. Но мы уже цѣлый переходъ выиграли и главные сборы непріятеля никакимъ образомъ не могли предупредить насъ въ Аухѣ и затруднить занятіе нужной мѣстности.

Въ Хасавъ-юртѣ, присоединивъ еще 1-й нашъ батальонъ съ дивизіономъ драгунъ и 4-мя орудіями, генералъ Евдокимовъ образовалъ ауховскій отрядъ изъ 17½, бат. (въ томъ числѣ 4 Кабардинскихъ) двухъ дивизіоновъ Нижегородскихъ драгунъ, 15 сот. казаковъ, 28 орудій, 4 морт. 12 рак. станковъ, 5 сот. милиціи, и двинулся по Ярыксу до Гойтемировскихъ воротъ гдѣ оказались опять новые, весьма прочно устроенные завалы — *никѣмъ не занятые*... Ближайшій салаватавскій наибъ не могъ подать помощи, потому что дагестанскій отрядъ отвлекалъ его, наступая къ Бортунаю, Шамиль не поспѣлъ, а жители не посмѣли сами выступить противъ такой русской силы, — почти постоянно оказывались, такимъ образомъ, совершенно напрасныя работы непріятеля.

Ставъ впереди этихъ заваловъ лагеремъ, отрядъ 6-го числа

устраивался, а съ 7-го приступилъ къ рубкѣ лѣса назадъ и къ разработкѣ чрезъ завалы хорошихъ проходовъ, чтобы обезпечить свободное сообщеніе съ Хасавъ-юртомъ. Вдругъ хватили морозы отъ 10 до 15 градусовъ и облегчили намъ труды, поставивъ, напротивъ, непріятеля, невыносившаго холодовъ и не обезпеченнаго теплой одеждой, въ невозможность энергически дѣйствовать.

9-го числа часть отряда двинулась впередъ по Ярыкъ-су, исправляя дорогу, а 10-го и весь отрядъ перешелъ къ Кишеньаулу; на другой день колонна генералъ-маіора Кемпферта была послана выбить непріятеля изъ занятой имъ позиціи за вторымъ Кишеньскимъ оврагомъ, гдѣ рѣшено было возвести укрѣпленіе, командующее всею окрестностью. Горцы не выждали атаки и, замѣтивъ обходившіе ихъ батальоны, отступили на ближайшія лѣсистыя высоты Гасанъ-бекъ-кентъ, но и оттуда были немедленно прогнаны. Послѣ этого была произведена рекогносцировка до аула Зандака, составляющаго какъ бы преддверіе Ичкеріи и въ которомъ сходились дороги въ Салатавію чрезъ Дылымъ, и къ Андійскому хребту. Сообщеніе отсюда съ Внезапною, слѣдовательно, съ плоскостью, хорошее, кругомъ отличныя обширныя пахотныя и сѣнокосныя поля, и все это съ устройствомъ на выбранномъ пунктѣ укрѣпленія отрѣзывалось отъ непріятеля.

12 числа была произведена еще разъ рекогносцировка мѣстности въ этомъ направленіи и затѣмъ трасировка мѣста для укрѣпленія.

13-го числа совершена закладка и въ теченіе 20-ти дней отрядъ, усиленный еще двумя прибывшими изъ Дагестана Апшеронскими батальонами, окончилъ всѣ работы по устройству укрѣпленія, вырубкѣ на 5-ти кв. верстахъ лѣса, разработкѣ дорогъ на разстояніи 8-ми верстъ. Морозы хотя и облегчали намъ во многомъ дѣло и были во всякомъ случаѣ предпочтительнѣе слякоти, но для земляныхъ работъ представляли большія затрудненія. Труды войскъ были гигантскіе, невѣроятные для человѣка не бывшаго ихъ очевидцемъ; только наши богатыри, наши безподобные, на все способные, все выносящіе солдаты могли совершать подобныя дѣла!

Непріятель почти не мѣшалъ нашимъ работамъ, изрѣдка стрѣлялъ изъ пушекъ или перестрѣливался съ передовыми пикетами. 18-го ноября самъ Шамиль со всѣми своими наибами и ихъ партіями, тысячъ не менѣе шести, обозрѣвалъ нашу позицію, убѣдился, что это не набѣгъ, не рубка лѣса «для будущаго», что строютъ крѣпость и слѣдовательно. владычеству его здѣсь конецъ. Приказавъ насильно выселять ауховцевъ дальше въ горы и оставивъ для этого половину тавлинскихъ партій, самъ имамъ уѣхалъ въ Ведень... Ближайшіе аулы тотчасъ же бросились выселяться къ намъ, а въ дальнихъ тавлинцы, подражая намъ, начали жечь, раззорять и истреблять запасы, а муллы произносить фанатическія проповѣди, убѣждая жителей лучше страдать въ нуждѣ и несчастіи, чѣмъ покоряться гяуру. Вчужѣ жаль становилось этого несчастнаго населенія; но дѣйствія шамилевскихъ мюридовъ были совершенно въ нашу пользу: они очищали предъ нами страну отъ населенія, которое могло еще долго безпокоить передовые посты наши, они увеличивали нищету и недостатки населенія въ горахъ, усиливая неудовольствіе и озлобленіе противъ власти Шамиля.

Однако, истребленіе тавлинцами ауховскихъ ауловъ кончилось тѣмъ, что они лишили себя и лошадей своихъ средствъ продовольствія и должны были разойдтись. Изъ ауловъ оставались еще въ цѣлости только Бигляръ-Курганъ и Зандакъ, на пути въ Ичкерію; когда до Шамиля дошелъ слухъ (нарочно распущенный генераломъ Евдокимовымъ), что русскія войска собираются идти въ эти аулы, онъ приказалъ и ихъ сжечь, а горцамъ окончательно отступать. Предупрежденный объ этомъ лазутчиками, командующій войсками двинулъ часть отряда впередъ и Зандакъ былъ занятъ, когда хвостъ непріятеля еще не вышелъ изъ аула. Въ происшедшей при этомъ перестрѣлкѣ у насъ ранено 5 человѣкъ; въ предшествующіе дни, во время работъ, потеря ограничилась 2-мя убитыми, 7-ю ранеными и 2-мя безъ вѣсти пропавшими рядовыми.

5-го декабря новое укрѣпленіе Кишень-аухъ было освящено, въ него введены подъ начальствомъ нашего стараго служаки полковника Краузе (началъ въ полку службу юнкеромъ)

1, 2-й бат. и двѣ роты 4-го бат. Кабардинскаго полка, съ достаточнымъ числомъ орудій и казаковъ, отслуженъ молебень, дикая горная мѣстность огласилась торжественнымъ пѣніемъ «Спаси, Господи, люди Твоя, благослови достояніе Твое», и Аухъ, въ которомъ столько разъ лилась кровь русская,—сталъ на всегда подвластнымъ намъ мѣстомъ.

5-го декабря отрядъ, окончивъ здѣсь свою задачу, ушелъ въ Куринское. Шамиль, видя совершенное безсиліе свое воспрепятствовать намъ въ предпріятіяхъ и терпя большой недостатокъ въ продовольствіи, вынужденъ былъ окончательно распустить по домамъ собранныхъ изъ горъ Дагестана людей и только 500 человѣкъ конныхъ, изъ ближайшихъ обществъ, отослалъ въ Большую Чечню, въ видѣ подкрѣпленія жителямъ, на случай движенія русскаго отряда опять туда. Въ этомъ онъ не ошибся. Генералъ Евдокимовъ рѣшилъ довершить дѣло въ Большой Чечнѣ, въ которой оставалось еще густое народонаселеніе, не тронутое нами; оно поселилось тѣсными, почти сплошными аулами на низовьяхъ р. Хулхулау и по топкимъ Шавдонамъ, протекающимъ къ Джалкѣ, среди неприходимой чащи орѣшниковъ, представлявшихъ нашимъ войскамъ гораздо болѣе препятствій, чѣмъ самые большіе старые лѣса.

Маскируя всѣ свои движенія, генералъ Евдокимовъ 6-го декабря спустился къ Мичику, а всѣ тяжести отряда отправилъ прямой дорогой изъ Куринскаго въ Грозную. 7-го числа войска были передвинуты къ Хулхулау и рано утромъ, совершенно неожиданно, авангардъ ворвался въ средину сплошныхъ ауловъ, а боковая колонна появилась съ лѣваго ихъ фланга; прочія войска расположились лагеремъ на Хацы-ирзау. Огонь и желѣзо заработали; все запылало, лѣсъ расчищался, совершенное истребленіе становилось неизбѣжнымъ...

Ночью явилась депутація отъ всего населенія съ безусловною покорностью и просьбою освободить захваченныхъ плѣнныхъ, чтобы они могли помочь своимъ семействамъ при выселеніи, а также оказать русскими войсками всѣмъ имъ помощь при выходѣ, потому что Шамиль прислалъ уже новыя толпы тавлинцевъ недопускать жителей до ухода и гнать ихъ

въ горы.—Вслѣдствіе этого, весь отрядъ былъ направленъ къ Цацынъ—аулу и здѣсь, на полянѣ, застали мы 400 семействъ съ арбами, скотомъ и всѣми пожитками, сейчасъ же и тронувшихся мимо нашихъ рядовъ въ тылъ, на плоскость, къ Аргуну. Какое то странное впечатлѣніе производила эта сцена! Вчерашніе заклятые враги, дѣйствовавшіе противъ насъ съ оружіемъ въ рукахъ, вмѣстѣ съ высылаемыми отъ Шамиля лезгинами, теперь тянулись, уходя отъ этихъ союзниковъ, подъ нашимъ прикрытіемъ, и выражая полнѣйшее удовольствіе, что дождались конца невыносимымъ страданіямъ послѣднихъ лѣтъ.

Немного выше Цацынъ-аула лежалъ аулъ Цеинъ; тамъ тоже готовились жители начать переселеніе, но вдругъ явились мюриды съ партіею горцевъ и остановили; тотчасъ была отправлена туда вся наша кавалерія съ конною артиллеріею. Первыя гранаты, упавшія въ аулъ, были сигналомъ бѣгства горцевъ. Жители, не теряя времени, начали выходить; всю ночь съ разныхъ сторонъ тянулись арбы къ отряду и затѣмъ раздѣлялись по дорогамъ къ нашимъ укрѣпленіямъ: Умаханъ-юрту, Бердыкелю, Шали и другимъ. Наши старые друзья, жители Истису поголовно явились въ отрядъ, чтобы содѣйствовать своимъ землякамъ при переселеніи, прикрывали ихъ арбы и вели перестрѣлку съ преслѣдовавшими коегдѣ горцами; а ночью, когда мюриды успѣли занять нѣкоторые перелѣски впереди, по пути слѣдованія переселенцевъ, перестрѣлка завязалась довольно жаркая и сами чеченцы съ помощью истисинцевъ отбились отъ мюридовъ, нанеся имъ не малую потерю. Удивительная перемѣна ролей!

Къ утру всѣхъ выселившихся семействъ было уже болѣе 600.

Чтобы не давать непріятелю времени опомниться, генералъ Евдокимовъ 9-го ч. двинулся дальше къ Сартали и въ то же время послалъ въ Воздвиженское приказаніе полковнику Мищенко выйдти съ 5½ бат. на соединеніе съ отрядомъ, истребляя по дорогѣ аулы, помогая желающимъ выселяться и прочищая лѣсъ для свободнаго движенія. Все это покойный Мищенко, со свойственной ему энергіею, въ точности исполнилъ.

Наибы послали Шамилю письмо: «Чечня горитъ; имамъ,

иди тушить!» Но, увы, такихъ пожарныхъ трубъ, чтобы потушить чеченскій пожаръ въ распоряженіи имама не было. Ему представлялись другія, болѣе близкія и жгугія заботы: онъ видѣлъ, что близится угроза всей его власти, его созданію и трудамъ четверти вѣка, его личности, наконецъ... Въ этотъ критическій для него моментъ, онъ, очевидно, растерялся, не могъ создать себѣ опредѣленнаго плана дѣйствій, бросался на то, на другое, все оказывалось шаткимъ. Однако надежда еще не оставляла его; ему еще представлялись моменты его былого торжества, совершенно неожиданнаго торжества послѣ страшнаго разгрома въ Ахульго, и онъ думалъ—почему бы не повториться опять чему нибудь подобному? Иначе нельзя и объяснить себѣ этой рѣшимости бороться до конца, до послѣдняго патрона въ ружьѣ..

10-го декабря прибыли изъ Веденя новыя подкрѣпленія, затруднявшія выселенія чеченцевъ и свободныя дѣйствія нашихъ отдѣльныхъ колоннъ среди непроходимой чащи лѣсной; а между тѣмъ населеніе было еще очень велико и нужно было, такъ или иначе, довершить дѣло. По этому генералъ Евдокимовъ, оставивъ въ Сартали тяжести подъ прикрытіемъ двухъ батальоновъ, расположивъ всю кавалерію, немогущую дѣйствовать на мѣстности куда предполагалось перейти, ближе къ плоскости нѣсколькими эшелонами, двинулъ двѣ отдѣльныя колонны генерала Кемпферта и полковника Мищенко для атаки послѣднихъ обломковъ непокорной Чечни. Мѣстность оказалась ужасная. Нельзя было придумать какого нибудь самостоятельнаго строя для войскъ, чтобы пройти этотъ хаосъ лѣса, воды, заваловъ, строеній, болотъ и овраговъ! Съ довольно жаркой перестрѣлкой проходили батальоны рядами до аула Чертой, гдѣ наконецъ небольшая полянка позволила построить два батальона въ колонну; остальные войска своего отряда полковникъ Мищенко долженъ былъ оставить верстахъ въ полутора назади, для поддержанія сообщенія съ колонною генерала Кемпферта, достигшаго Хизы-Шавдонскихъ ауловъ, куда непріятель не поспѣлъ и жители одни защищали труднѣйшія мѣста.

Лѣса оказалися до такой степени густы, что въ 10-ти ша-

гахъ ничего нельзя было видѣть. Командующій войсками ѣхалъ за колонной Мищенко, но не могъ передать ему какія либо приказанія, а опасаясь чтобы онъ съ двумя батальонами не наткнулся на какую нибудь сильно занятую трущобу, приказалъ одному Апшеронскому батальону, изъ остававшихся назади, идти впередъ и стараться присоединиться къ Мищенкѣ, передавъ ему приказаніе оставаться въ Чертоѣ на ночь, съ тѣмъ, чтобы на другой день прорубить лѣсъ до Исламъ-аула, гдѣ долженъ былъ быть отрядъ генерала Кемпферта. Съ Апшеронскимъ батальономъ былъ посланъ для передачи приказаній генеральнаго штаба капитанъ Гарднеръ и ему дана въ прикрытіе на обратный путь рота и полсотни Кизлярскихъ казаковъ. Возвращаясь изъ Чертоя, онъ былъ внезапно атакованъ партіею, пробиравшеюся въ Чертой, не зная что этотъ аулъ уже въ русскихъ рукахъ. Рота остановилась, казаки спѣшились, началась перестрѣлка, но по данному Гарднеромъ сигналу «батальонъ» раздались отвѣтные сигналы спереди отъ Мищенко, сзади отъ оставленныхъ батальоновъ,—горцы увидѣли что они очутились среди русскихъ войскъ и бросились спасаться въ трущобы. При этой нечаянной встрѣчѣ у насъ убито 2 и ранены 3 человѣка.

Ночью изъ Хизи-Шавдона, самой неприступной мѣстности, явились депутаціи. Имъ приказано выходить къ Сартали. Въ теченіе 11-го, 12-го и 13-го чиселъ тянулись караваны жителей, подъ прикрытіемъ нашихъ войскъ, которые, по мѣрѣ очищенія ауловъ отъ населенія, сжигали ихъ. Во тоже время колонна Мищенки рубила просѣку отъ Чертоя до Сартали. Всего вышло 1,500 семействъ, которыхъ раздѣлили на три партіи—500 въ Умаханъ-юртъ, 500 въ Мискиръ-юртъ, 500 къ Бердыкелю. Такимъ образомъ вышло болѣе 2,000 семействъ (неменѣе 10,000 душъ) въ теченіе одной недѣли изъ самыхъ неприступныхъ мѣстъ, въ которыя ни одинъ изъ русскихъ отрядовъ еще никогда не заходилъ, да и извѣстныхъ только понаслышкѣ. Потеряли войска за это время 13 убитыхъ, 42 раненыхъ, 3 безъ вѣсти пропавшихъ и нѣсколько легко контуженныхъ,—потеря ничтожная и особенно рѣдкая, не коснувшись вовсе офицеровъ

3-го декабря 1857 г. можно было уже сказать: война на Чеченской плоскости окончена! 18 лѣтъ кровавой борьбы завершились покорностью большинства населенія, часть его истреблена, а небольшая часть ушла въ горы.

Съ 19-го октября, почти въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, войска работали и сражались. Ни грязь и слякоть, ни глубокія снѣга и 15-ти-градусные морозы, ни сопротивленіе непріятеля не задержали исполненія предположенныхъ дѣйствій. Малой Чечнѣ, Ауху, Большой Чечнѣ нанесены рѣшительные, окончательные удары. Это были уже не временные, подготовительные успѣхи; это были радикальныя пораженія. Оставалось проникнуть въ самый хребетъ Черныхъ горъ, чтобы и здѣсь сломить послѣднее сопротивленіе.

Государь императоръ, читая донесеніе генерала Евдокимова, изволилъ написать: «Объявить ему и всѣмъ начальствующимъ лицамъ благоволеніе, а нижнимъ чинамъ выдать по 1 р. на человѣка, за совершенно успѣшное окончаніе 1-го періода зимнихъ дѣйствій».

Событія и успѣхи слѣдовали въ послѣднее время съ такой поразительной быстротой однѣ за другими, что составленіе предположеній для слѣдующаго года становилось чуть не анахронизмомъ. Все что совершилось на лѣвомъ крылѣ въ теченіе 1857 года не только предупредило, но отчасти и опередило предположенія 1858 года. Присутствіе 13-й и 18-й дивизій дало замѣчательное развитіе общему плану дѣйствій для покоренія враждебнаго края и дозволило выполнить такія предпріятія, которыя однѣмъ силамъ кавказскихъ войскъ были не доступны. Но не одно это было причиной успѣха: во 1-хъ, твердо установленная система и предшествовавшія дѣйствія во многомъ уже подготовили почву; во 2-хъ, замѣчательная энергія главныхъ начальниковъ и преимущественно генерала Евдокимова, возбужденная нахожденіемъ во главѣ власти князя Барятинскаго; въ 3-хъ, быстрыя разрѣшенія всякихъ вопросовъ о матеріальныхъ и денежныхъ ассигнованіяхъ, устраненіе недоразумѣній, удачныя дислокаціи войскъ и вспомогательныхъ отрядовъ, благодаря такому начальнику главнаго штаба, какъ Д. А. Милютинъ, наконецъ, въ 4-хъ, чрезвычайные труды

и самоотверженіе доблестныхъ войскъ. Безъ всего этого, одно присутствіе лишнихъ 16-ти тысячъ штыковъ (больше въ 32 бат. 13-й и 18-й дивизій въ строю считать нельзя) ни въ какомъ случаѣ не дали бы такихъ изумительныхъ результатовъ.

Кто слѣдилъ, даже по одному моему поверхностному разсказу, за ходомъ и положеніемъ дѣлъ на Кавказѣ предъ 1856—57 годами, того не можетъ не поразить исчисленіе всего сдѣланнаго въ послѣдніе полтора года. На правомъ крылѣ занимается Адагумская долина и приготовляется переводъ туда штабъ-квартиры Крымскаго пѣхотнаго полка; занято и устроено укр. Майконъ, куда переведенъ штабъ Кубанскаго полка; на лѣвомъ крылѣ, такъ называемая «русская» дорога отъ Владикавказа, параллельно хребту Черныхъ горъ, близкая къ его подошвѣ, до Куринскаго на Кумыкской плоскости вполнѣ довершена и упрочена возведенными укрѣпленіями Бердыкель, Шали, Хоби-Шавдонъ; по всѣмъ направленіямъ, гдѣ только были поселенія чеченцевъ, проведены широкія просѣки въ вѣковыхъ лѣсахъ и непролазныхъ чащахъ орѣшника; масса враждебнаго народонаселенія въ Малой и Большой Чечнѣ доведена до необходимости покориться и выселиться на открытыя мѣста, подъ надзоръ нашихъ крѣпостей и начальства; Аухъ занятъ, въ центрѣ его возведено укрѣпленіе, обезпеченное съ плоскостью свободнымъ сообщеніемъ и общество ауховское частью покорилось, частью ушло въ горы. Въ Дагестанѣ занята окочательно Салатавія и штабъ Дагестанскаго полка перенесенъ въ сердце ея—Буртунай. По Лабѣ, Урупу, Сунжѣ возведены нѣсколько новыхъ казачьихъ станицъ. Войска вездѣ сближены съ передовыми линіями, тылъ нашъ обезпеченъ, огромныя пространства лучшихъ земель отрѣзаны на всегда отъ непокорнаго населенія. Почти половина ресурсовъ Шамиля для дальнѣйшей борьбы вырвана изъ его рукъ, и онъ поставленъ въ положеніе коменданта тѣсно блокированной крѣпости, вмѣсто столь недавняго еще предводителя подвижныхъ, угрожающихъ Сѣверному и Южному Кавказу полчищъ. И на Лезгинской линіи — вырубленные на плоскости лѣса, присутствіе въ теченіе лѣта отрядовъ въ ущельяхъ главнаго кавказскаго хребта, разоряющихъ непокорные аулы

лезгинъ, совершенно измѣнили физіономію этой ближайшей къ Грузіи части края: хищничества утихли и ограничились мелкими воровскими происшествіями. Наконецъ, и на берегу Чернаго моря удачное занятіе Гагры положило начало обезпеченію Абхазіи отъ вторженій и пропаганды непокорныхъ черкескихъ племенъ.

Однимъ словомъ, со всѣхъ сторонъ огромнаго края неслись только благія вѣсти о не бывалыхъ и почти ни кѣмъ неожиданныхъ успѣхахъ. Какъ будто проснулся могучій богатырь и разомъ двинулъ работу, веденную до этого сонливо, апатично! А богатыря разбудилъ никто иной, какъ князь Барятинскій, и это историческій фактъ, котораго уничтожить невозможно.

Награды за 1857-й годъ.

Слѣдующіе чины: капитану Данилову, штабсъ-капитан. Муравьеву Вороновичу, Зиссерману, поруч. Бѣлецкому, Бюнтингу, Козловскому, Иванову, Козинцеву, подпоруч. Никитину, Грачеву, фонъ-Брозе, прапорщ. Маліо, Калиновскому, Щелкачеву, Выгорницкому, Чхеидзе, Погоскому, Данилевскому, юнкера: князь Грузинскій, Лихинъ, Васильковскій, Шемякинъ, Бородинъ, Немтиновъ въ прапорщ. Золот, сабли подполк. Ильченко, маіору Гейману, Станислава 2-й ст. съ мечами маіору Соковнину, шт. капит. Григоровичу, Зиссерману и Ноздрачеву, 3-й ст. Поруч. Соковнину, фонъ-Шаку, подпоруч. графу Апраксину, Щелкачеву. 4-й ст. подпоруч. Коленко, прапор. Михайлову. Фавру, 3-й ст. поруч. кн. Витгенштейну; нижнимъ чинамъ 34 Георг. креста именныхъ; о голосныхъ же свѣдѣній я не нашелъ.

XVI.

Предположенія на 1858 годъ.—Зимнія дѣйствія генер. Евдокимова.—Прорывъ въ верховья Аргунскаго ущелья.—Работы здѣсь произведенныя.—Покорность остатковъ населенія Малой Чечни.—Возмущеніе Назрана и Ингушей.—Неудачное движеніе Шамиля.—Попытка его вторично возмутить населеніе близь Владикавказа. — Пораженіе его ген. Мищенко. — Возстаніе части горцевъ противъ Шамиля.—Изъявленіе ими покорности.—Дѣйствія князя Мирскаго съ Кабардинскимъ полкомъ.—Убійство поручика Брозе.—Поѣздка доктора Піотровскаго къ больному сыну Шамиля въ горы.—Назначеніе князя Барятинскаго шефомъ полка.—Пріѣздъ великихъ князей.—Попытка Шамиля одержать какой либо успѣхъ.—Движеніе кн. Мирскаго въ Аухъ.—Дѣйствія въ ущельи Баса.—Обходныя движенія полковника Баженова.--Рекогносцировка кн. Мирскаго у Гудермеса.—Опасенія Шамиля за Ведень.

Въ 1858 году предполагалось направомъ крылѣ упрочить наше положеніе на рѣкѣ Бѣлой покореніемъ или изгнаніемъ остававшихся тамъ шапсугскихъ и абадзехскихъ ауловъ и поселеніемъ на ихъ земляхъ станицъ. На лѣвомъ же крылѣ: овладѣть уступами Черныхъ горъ, чтобы освободить и всѣ остатки чеченскаго населенія изъ власти Шамиля, къ чему они очевидно и сами стремились, ясно видя безнадежность его положенія. За тѣмъ утвердиться за лѣсной полосой хребта и овладѣть однимъ изъ ущелій Черныхъ горъ; связать Аухъ съ Салатавіей хорошими сообщеніями; въ Малой Чечнѣ упразднить мелкія укрѣпленія, устроивъ одно центральное, и провести дороги вверхъ по Фортангѣ до аула Мужичь и чрезъ Тарскую долину въ Джерахъ, для обезпеченія Военно-грузинской дороги отъ мелкихъ хищническихъ шаекъ. На нижней Сунжѣ, въ Умаханъ-юртѣ, поселить большую казачью станицу. Въ Дагестанѣ выдти окончательно изъ оборонительнаго положенія, провести хорошія дороги во Внезапную и Міатлы,

довершить штабъ квартиру въ Буртунаѣ и, наступая къ сторонѣ Ичкеріи, содѣйствовать операціямъ чеченскаго отряда. На Лезгинской линіи: перенести штабъ Тифлисскаго гренадерскаго полка въ Лагодехи, къ подножію хребта, построить мостъ чрезъ Алазань у Алмало, расчищать просѣки, возвести нѣсколько наблюдательныхъ башень и лѣтомъ дѣйствовать въ ущельяхъ хребта наступательно. Все широко, грандіозно, какъ подобало сознающей себя силѣ.

Второй періодъ зимнихъ дѣйствій генералъ Евдокимовъ началъ въ генварѣ 1858 года съ чеченскимъ отрядомъ (19¼ бат., 4 эскадр., 15 сот., 28 орудій) прорывомъ въ Аргунское ущельѣ и занятіемъ его до высотъ Даргинъ-дука, гдѣ оканчивалась полоса лѣсовъ и начинались уже кряжи безлѣсныхъ отроговъ главнаго хребта. Аргунское ущелье, выше кр. Воздвиженской, представляло тѣснину съ почти отвѣсными высокими боками, покрытыми сплошнымъ вѣковымъ лѣсомъ; дорога, едва проходимая для туземной двухколесной маленькой арбы, тянулась по обрывистому скалистому берегу, подъ пистолетнымъ выстрѣломъ съ противнаго берега; довольно было простаго каменнаго завала и нѣсколькихъ десятковъ хорошихъ стрѣлковъ, чтобы не пропустить по этой дорожкѣ цѣлой арміи. Немного, дальше вверхъ по теченію, ущелье раздваивалось,—два Аргуна—Чанти и Шаро—кипучими горными потоками стремились къ общему фарватеру, по такимъ же тѣснинамъ, сначала спертыми лѣсистыми, а затѣмъ скалистыми горами, прорѣзываемыми глубокими оврагами мелкихъ притоковъ. Только достигнувъ половины всего протяженія ущелья встрѣчались открытыя, широкія долины и отлогости, на которыхъ и обитали горныя чеченскія общества (Кисты) Шатой, Чеберлой, Зумцой, Митхо, Ако и другія, примыкая къ самому верховью Аргуна, гдѣ въ дикихъ ущельяхъ уже обитаютъ Хевсуры—племя грузинское, полухристіянское, съ 1813 года непытавшееся возставать противъ русской власти и считавшее Кистовъ, вообще мусульманъ, своими естественными врагами.

Защита Аргунскаго ущелья, кромѣ собственнаго значительнаго населенія, усиливалась помощью горцевъ изъ Андіи и другихъ сосѣднихъ обществъ, изъ которыхъ были удобные пути

къ Шаро-Аргуну; всему этому содѣйствовала и близость Веденя, отдѣленнаго отъ Аргуна лѣсистыми кряжами горъ, не представляющихъ для горцевъ особыхъ затрудненій. Къ этому нужно добавить, что русскія войска въ Аргунское ущелье дальше нѣсколькихъ верстъ (и то мгновенными набѣгами) не проникали, что жители не подвергались нашему разгрому и не сближались съ нами, подобно чеченцамъ плоскости, посредствомъ выходцевъ и знакомства съ ихъ хорошимъ положеніемъ, что Аргунцы съ 1840 года не выходили изъ-подъ ближайшаго наблюденія шамилевскихъ клевретовъ, превратились въ безмолвныхъ рабовъ его требованій и гораздо больше чеченцевъ омусульманились. Естественно было ожидать самаго упорнаго ихъ сопротивленія наступленію русскихъ войскъ.

Этихъ нѣсколькихъ словъ достаточно, чтобы читатель могъ себѣ представить, съ какими непреодолимыми трудностями должно быть сопряжено овладѣніе подобнымъ ущельемъ.

Въ представленіи всѣхъ нашихъ военныхъ начальствъ, до князя Барятинскаго и генерала Евдокимова, овладѣніе теченіемъ Аргуна, хотя и сознавалось предпріятіемъ чрезвычайно важнымъ, но почти эфемернымъ. И вотъ это ущелье, эта грозная недоступная твердыня была занята, съ потерею 1 убитаго, 1 офицера и 6 нижн. чиновъ раненыхъ.

Какъ это могло совершиться? Съ одной стороны — рѣшимостью, настойчивостью генерала Евдокимова, знавшаго, что для русскаго солдата нѣтъ невозможнато, съ другой стороны — дѣйствительно превосходящимъ всякое вѣроятіе напряженіемъ силъ, самоотверженіемъ войскъ. Побѣда была одержана не надъ непріятелемъ, ожидавшимъ атаки съ фронта и заранѣе торжествовавшимъ при мысли, сколько гяуровъ ляжетъ напрасно, разбиваясь о неодолимую преграду; нѣтъ, побѣждена была природа, грозная, суровая, точно также, какъ побѣждаетъ ее своею энергіею и настойчивостью человѣкъ въ полярныхъ странахъ крайняго сѣвера, какъ побѣдили ее въ знойныхъ безводныхъ пескахъ Средней Азіи наши войска, какъ побѣдили ее полки, переходившіе съ Гурко чрезъ зава-

ленные снѣгомъ Балканы, или замерзавшіе съ Радецкимъ на Шипкѣ.

Пока горцы ждали атаки съ фронта, къ которой мы какъ будто и готовились, особая колонна была послана въ обходъ тѣснины. Безъ всякой дороги, по кручамъ, среди вѣкового лѣса, по поясъ (буквально) въ рыхломъ снѣгу, едва передвигая ноги, шла эта пѣшая колонна, безъ артиллеріи, конечно, помня только одно: приказано обойдти. И обошла, и появилась въ тылу обезумѣвшаго непріятеля, никогда не допускавшаго даже мысли о движеніи тутъ войскъ не только зимою, но и лѣтомъ. Непріятелю осталось только бѣжать, что онъ и сдѣлалъ, не теряя времени.

Подробностей экспедиціи занятія Аргунскаго ущелья я разсказывать не буду, потому что Кабардинскій полкъ вовсе не входилъ въ составъ отряда генерала Евдокимова. Онъ въ полномъ составѣ остался въ распоряженіи своего полкового командира, князя Мирскаго, для дѣйствій въ Аухѣ, на Мичикѣ, для диверсій къ Ичкеріи или Салатавіи, смотря по обстоятельствамъ, и отвлеченія непріятельскихъ силъ отъ усиленія сопротивленія на Аргунѣ.

По мѣрѣ движенія впередъ, по мѣрѣ занятія одной за другой сильнѣйшихъ позицій непріятеля, генералъ Евдокимовъ, по принятой уже системѣ, рубилъ лѣса, разрабатывалъ дороги, обезпечивая и облегчая сообщенія съ Воздвиженской, направлялъ легкія колонны для удаленія партій, мѣшавшихъ работамъ, рекогносцировалъ во всѣхъ направленіяхъ мѣстности. Труды войскъ превосходили вѣроятія; оцѣнить ихъ могъ только очевидецъ. Наконецъ, занявъ Шатоевскую долину, онъ заложилъ укрѣпленіе Шатоевское, куда переведена штабъ-квартира Навагинскаго пѣхотнаго полка; а затѣмъ, исподоволь, было занято все ущелье до Митхо, построено укрѣпленіе Евдокимовское, разработаны дороги, наведены мосты, очищены лѣса. Всѣ попытки непріятеля помѣшать этому были безуспѣшны; дѣло ограничивалось мелкими перестрѣлками и нападеніями въ тылу на проходившія за провіантомъ небольшія колонны, на неосторожно отставшихъ людей и т. п.

Послѣ овладѣнія первою половиною Аргунскаго ущелья,

уже всѣ остатки малочеченскаго населенія, еще гнѣздившіеся въ лѣсистыхъ отрогахъ и верховьяхъ ущелій, убѣдились, что дѣлу мюридизма наносятся послѣдніе удары, что дальнѣйшая борьба только напрасное кровопролитіе и раззореніе. Генералъ Евдокимовъ, оставивъ часть войскъ на работахъ въ Аргунскомъ ущельи, прошелъ направо къ этимъ малочеченскимъ поселеніямъ, гдѣ и явились къ нему представители главныхъ фамилій Гой и Гехи съ изъявленіемъ полной покорности и готовности переселиться на плоскость; ихъ примѣру послѣдовали остатки населенія въ верховьяхъ Шалажи. Вся Малая Чечня сгруппировалась ниже «русской» дороги, въ большихъ аулахъ праваго берега Сунжи. При этихъ передвиженіяхъ лишь отдѣльныя шайки абрековъ заводили перестрѣлки съ нашими войсками и потеря ограничилась 2-мя убитыми и 8-ю ранеными.

Въ это время (апрѣль) Шамиль, наконецъ, рѣшился выйдти изъ своего бездѣйствія послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ и собравъ значительныя партіи явился на Шаро-Аргунѣ. Это побудило и генерала Евдокимова возвратиться туда же съ частью отряда. Но присутствіе имама не измѣнило ни въ чемъ нашихъ предположеній и всѣ опредѣленныя работы продолжались съ прежнею настойчивостью.

Вдругъ, одно неожиданное обстоятельство чуть не дало совсѣмъ другой оборотъ нашимъ дѣламъ. Ближайшіе къ Владикавказу, изстари покорные и нами управляемые назрановцы и ингуши возмутились, послали гонцовъ къ Шамилю, призывая его къ себѣ на помощь. Имаму неожиданно блеснулъ лучъ надежды. Онъ не заставилъ себя долго просить и съ 8-ю тысячами горцевъ потянулся по возвышенности надъ Малою Чечнею, разсчитывая на присоединеніе къ нему только что поселенныхъ нами на плоскости выходцевъ. И дѣйствительно, подобное внезапное событіе могло бы имѣть ужасныя послѣдствія, если бы у насъ былъ недостатокъ войскъ, или онѣ были бы несообразно расположены. Но дѣло въ томъ, что генералъ Евдокимовъ былъ человѣкъ, рожденный и выросшій среди военнаго Кавказа, пережившій уже всѣ катастрофы сороковыхъ годовъ и знавшій, что оголить какую-либо мѣстность, населенную легковѣрными, коварно измѣнчивыми ту-

земцами, значитъ, рисковать плодами трудно достигнутыхъ успѣховъ. По этому, на всемъ протяженіи «русской» дороги, при выходѣ рѣчекъ изъ горъ, были эшелонированы войска, отдѣльными, большими или меньшими колоннами, могущими, благодаря просѣкамъ, другъ друга поддерживать. Колонны эти закрывали отъ горъ новыя поселенія чеченцевъ, расчищали при этомъ старыя просѣки, обезпечивая сообщеніе съ Владикавказомъ и совершенно охраняли нашу линію по Сунжѣ. На эти эшелоны наткнулся Шамиль и потерпѣлъ въ двухъ-трехъ попыткахъ прорваться на плоскость полную неудачу; потерявъ много людей въ одной изъ встрѣчь съ драгунами, вынужденъ былъ возвратиться на Аргунъ безъ всякаго успѣха, получивъ къ тому же извѣстіе, что возстаніе утихаетъ, благодаря энергическимъ мѣрамъ Владикавказскаго начальства. Въ концѣ іюля Шамиль рѣшился еще на одну отчаянную попытку; онъ все еще мечталъ о возможности какого нибудь, чуть не сверхъестественнаго событія, могущаго разомъ разрушить все дѣло русскихъ и возстановить его могущество и обаяніе.

Узнавъ, что изъ вышеупомянутыхъ, расположенныхъ по «русской» дорогѣ эшелоновъ всѣ почти войска притянуты къ Аргунскому ущелью для усиленія работъ и предстоявшихъ движеній далѣе, вверхъ по Аргуну, онъ надѣялся не встрѣтить теперь къ сторонѣ Владикавказа русскихъ батальоновъ и явясь внезапно, въ расплохъ, поднять еще не вполнѣ стихнувшія волненія окрестныхъ жителей и съ ихъ помощью нанести намъ какой нибудь сильный ударъ, въ родѣ взятія если не самого Владикавказа, то другого какого нибудъ укрѣпленія, разоренія какой нибудь беззащитной станицы, прорыва на Военно-грузинскую дорогу, возмущенія Кабарды, или же, по крайней мѣрѣ, разоренія вновь поселенныхъ покорныхъ ауловъ и увлеченія жителей въ горы. Чтобы изъ подобныхъ предпріятій неудалось, все могло имѣть важные для него результаты—во-первыхъ, отвлеченіемъ насъ отъ окончанія дѣлъ въ Аргунскомъ ущельи, вынужденіемъ раскинуть войска на большомъ пространствѣ и обращеніемъ къ системѣ большей осторожности, меньшей предпріимчивости, во-вторыхъ, повтореніемъ уже бывавшихъ не

разъ на Кавказѣ примѣровъ, когда одна удача Шамиля и его предшественниковъ, преувеличенная молвою до громадныхъ размѣровъ, вызывала легко воспламеняющееся населеніе къ общему возстанію противъ русскихъ.

Взявъ съ собою три тысячи конныхъ, при двухъ орудіяхъ, окруженный нѣсколькими оставшимися ему вѣрными лучшими наибами, Шамиль быстро двинулся горами къ Владикавказу. При первомъ его появленіи, всѣ остатки галашевцевъ, карабулаковъ и разнаго сброда абрековъ, скрывавшихся въ трущобахъ верховій Фортанги, Ассы и другихъ рѣчекъ, примкнули къ нему, составивъ авангардъ и посредниковъ призыва къ возмущенію. Уже назрановцы и ингуши опять почувствовали приступъ того нервно-возбужденнаго состоянія, при которомъ для кавказскаго горца достаточно ничтожной искры, чтобы запылать и схватиться за оружіе, забывая все, и даже вчерашній погромъ, вчерашній зарокъ навсегда отказаться отъ непосильной задачи; уже скопище Шамиля увеличилось до пяти тысячь человѣкъ, уже удача казалась такъ возможна, такъ близка, и вдругъ начальникъ Владикавказскаго округа генералъ-маіоръ Мищенко, (недавно произведенный командиръ Куринскаго полка) выходитъ съ 10-ю ротами, дивизіономъ драгунъ, 10-ю сотнями казаковъ и нѣсколькими орудіями, несмущается слабостью своего отряда, бросаетъ кавалерію въ атаку на непріятеля съ такою стремительностью, что непріятель, никогда во время неприготовленный, и вообще, подобно всякому нерегулярному, недисциплинированному войску, не отличающійся стойкостью въ открытомъ бою, мгновенно почувствовалъ приливъ паническаго ужаса и бросился бѣжать, устилая поле изрубленными трупами. Всѣ попытки Шамиля и его приближенныхъ остановить бѣгство, сосредоточить въ лѣсистыхъ мѣстахъ людей и вступить въ дѣло—были тщетны; мѣстные, приставшіе къ нему жители первые разсыпались во всѣ стороны, спасаясь отъ шашекъ казаковъ, отъ картечи конныхъ орудій; ихъ примѣру съ особымъ усердіемъ послѣдовали пришлые тавлинцы, не имѣвшіе никакого желанія класть головы свои вдали отъ родныхъ ауловъ Дагестана. Быстрое отступленіе оказалось необходимымъ, потому что часть казаковъ, съ

замѣчательною смѣлостью, почти безъ дороги, стали подниматься лѣсами въ обходъ и могли появиться на пути къ Датыху, чрезъ который Шамиль долженъ былъ непремѣнно проходить. Чрезъ два часа послѣ начатія дѣла ни единаго противника не оставалось предъ нашими войсками; гулъ выстрѣловъ умолкъ и только трупы, отбитыя лошади, оружіе, нѣсколько плѣнныхъ напоминали о побоищѣ.

Это былъ финалъ предпріимчивости Шамиля. Разбитый нравственно, упавшій духомъ, онъ едва успѣлъ еще пробраться назадъ чрезъ Аргунское ущелье, въ это время уже почти окончательно на всемъ своемъ протяженіи переходившее въ наши руки, невзирая на ужасныя, неприступныя трещины, скалы и обрывы, которые приходилось обходить, чтобы изгонять защищавшихъ ихъ горцевъ.

Послѣ этого картина разомъ измѣнилась. Мгновенно вспыхнуло возстаніе, но уже *противъ* Шамиля и разлилось по всему ущелью, по всѣмъ притокамъ его, гдѣ только обитали перечисленные выше общества. Жители съ ожесточеніемъ устремились на все, что олицетворяло въ ихъ глазахъ мюридизмъ, давившій ихъ такъ безпощадно 18 лѣтъ; разъ вырвавшись изъ подъ гнета, они, какъ бурный потокъ, хотѣли разрушить все—составлявшее до сихъ поръ преграду ихъ свободы. Началось избіеніе мааузумовъ, кадіевъ, муллъ изъ тавлинцевъ и вообще всякихъ людей, составлявшихъ іерархію, учрежденную для дѣйствій на пользу единоличной власти деспота. Избавившись отъ ужаса предъ сѣкирой палача, предъ истребленіемъ со всей семьей и родственниками до десятаго колѣна за малѣйшій признакъ непослушанія или протеста, населеніе готово было на самую ужасную месть, на оргію мщенія... Такъ бываетъ, впрочемъ, всегда и вездѣ съ невѣжественной народной массой, доведенной до озлобленія крайнею несправедливостью и совершеннымъ попраніемъ личности не только въ нравственномъ, но и въ матеріальномъ отношеніи,—даже, быть можетъ, еще болѣе вслѣдствіе послѣдней причины...

И такъ, во владѣніяхъ Шамиля вспыхнула революція. Жители бросились на наиба Чанто-аргунскихъ ауловъ Гамзада-хаджи, захватили его пушку и значекъ; самъ онъ едва спасся

бѣгствомъ, а впослѣдствіи явился съ покорностью. Какой то бѣглый солдатъ, жившій у шатоевскаго наиба Батока, *укралъ его орудіе*, зарылъ въ трущобѣ и явился съ повинной, указавъ мѣсто гдѣ пушка спрятана. Со всѣхъ сторонъ къ намъ стали являться съ покорностью и приводить заложниковъ даже изъ такихъ дальнихъ обществъ, куда мы не имѣли никакой возможности дойти пока; до самаго Майсти, уже въ глубинѣ главнаго хребта гнѣздящагося бѣднаго кистинскаго общества, никогда непризнававшаго ничьей власти, ни даже шамилевской, явились старшины заявить свою покорность! Мюриды и маазумы, спасаясь отъ кинжаловъ разсвирѣпѣвшихъ жителей, бросились къ намъ искать спасенія! Наконецъ вышелъ съ своимъ семействомъ и наибъ шатоевскій Батока. Начальникъ чеченскаго управленія полковникъ Бѣликъ былъ заваленъ работой, пріемомъ всѣхъ этихъ людей, устройствомъ между ихъ аулами кой-какого порядка, назначеніемъ старшинъ и т. д.

Радость населенія, встрѣченнаго нами ласково, была непритворная. Тутъ гдѣ гнетъ давалъ себя чувствовать вполнѣ, гдѣ человѣкъ весь, духовно и матеріально, какъ вещь, былъ въ полномъ распоряженіи Шамиля и его агентовъ, радость при освобожденіи не могла не выразиться совершенно искренно; только тѣ мѣстныя мусульманскія населенія, которыя жили дальше, подъ русскимъ управленіемъ, или въ недоступныхъ ущельяхъ главнаго хребта, неиспытывая безпощадныхъ тисковъ, въ душѣ жалѣли о печальномъ оборотѣ дѣла мюридизма, о близившемся паденіи имама. Ихъ увлекала идея фанатическаго религіознаго ученія, идея независимости вообще, а отъ гяурской власти особенно. Издали Шамиль представлялся имъ олицетвореніемъ безкорыстнаго борца лишь за чистоту вѣры и свободу; о мѣрахъ же которыя онъ употреблялъ, чтобы держать въ слѣпомъ повиновеніи подвластныя общества, они не знали, да и не хотѣли знать. Они не видѣли ужаснаго, бѣдственнаго положенія горцевъ, доведенныхъ въ послѣдніе годы борьбы до крайней нищеты, до полуголоднаго существованія.

И всѣ только что покорявшіеся намъ жители сейчасъ же превращались въ непріятелей шамилевскихъ войскъ и вступали съ ними въ серьезныя дѣла, тогда какъ за день до этого,

вмѣстѣ съ ними, сражались противъ русскихъ. Замѣчательная, характерная черта полудикихъ, воинственныхъ людей! Напримѣръ, нашъ извѣстный грозненскій вожакъ Саидъ, прежде предводитель самыхъ отчаянно дерзкихъ хищническихъ шаекъ въ наши предѣлы, за оказанныя имъ намъ дѣйствительно большія услуги, былъ назначенъ наибомъ всей массы вновь переселившихся чеченцевъ. Собравъ нѣсколько сотъ человѣкъ, Саидъ отправился съ ними въ набѣгъ на остатки непокорнаго населенія Большой Чечни, скрывавшагося еще въ трущобахъ отроговъ Черныхъ горъ и не хуже русскаго отряда бралъ плѣнныхъ, угонялъ скотъ, убивалъ и самъ терялъ людей въ перестрѣлкахъ. Чуть не каждый день налеталъ онъ съ партіями, какъ снѣгъ на голову, въ самыя труднодоступныя мѣста, захватывалъ въ расплохъ поселки и — или заставлялъ ихъ выселяться къ намъ, или разорялъ и грабилъ.

Наибъ Малой Чечни Саабдулла уже совершенно въ родѣ начальника отряда дѣйствовалъ: по приказанію генерала Евдокимова, онъ собралъ *двѣ тысячи* человѣкъ, отправился въ верховья рѣчекъ Фортанги, Ассы, гдѣ въ трущобахъ столпились разные абреки, бѣглецы изъ назрановцевъ, ингушей, карабулаковъ, галашевцевъ, кабардинцевъ, образовали поселки и удобно прорывались на наши сообщенія шайками для хищничества. Саабдулла прошелъ всѣ эти мѣстности, истребилъ все что попало подъ руку, заставилъ шесть ауловъ покориться и переселилъ на плоскость, отнялъ 28 человѣкъ русскихъ плѣнныхъ, взялъ заложниковъ; самые же отчаянные абреки, боявшіеся возвратиться къ намъ, чувствуя себя виновными во множествѣ преступленій, или погибли въ дракѣ, или бѣжали къ подножію снѣговаго хребта. Всѣ верховыя ущелья были очищены такъ усердно, что ни одного хутора на всемъ этомъ пространствѣ не осталось и всѣ окрестности до Владикавказа ощутили какое то небывалое спокойствіе. Нельзя не отдать справедливость ген. Евдокимову за такое умѣніе воспользоваться силой туземцовъ и избавить русскія войска отъ лишнихъ трудовъ и жертвъ. Князь Аргутинскій тоже часто употреблялъ милицію въ дѣлахъ съ дагестанскими горцами, сохраняя свои батальоны отъ напраснаго пролитія крови. Импе-

раторъ Николай нѣсколько разъ, въ собственноручныхъ замѣткахъ, выражалъ желаніе, чтобы подвластные намъ туземцы были при всякомъ удобномъ случаѣ пускаемы въ дѣло противъ непокорныхъ, а русскія войска служили бы имъ опорой, резервомъ.

Получилъ извѣстія обо всѣхъ этихъ событіяхъ Шамиль и ужасъ имъ овладѣлъ! Онъ началъ вывозить болѣе цѣнное имущество изъ Веденя и объявилъ, что настаетъ время, когда имамъ опять долженъ кочевать во главѣ людей, обрекшихъ себя на смерть за святое дѣло! Онъ сталъ требовать отъ окружающихъ его мюридовъ и отъ наибовъ новой присяги на вѣрность, разсылалъ увѣщанія и т. п.

Во время описанныхъ дѣйствій чеченскаго отряда въ Аргунскомъ ущельи, князь Мирскій, имѣя задачей, какъ уже упомянуто, охраненіе Кумыкской плоскости и диверсіи въ Аухѣ, 20-го января собралъ въ Кишенѣ отрядъ и 21-го числа двинулся къ Зандаку. Снѣгъ былъ такой, что дѣлалъ рѣшительно невозможнымъ дальнѣйшее движеніе. Жителей оказалось въ аулѣ весьма мало, все ограничилось нѣсколькими выстрѣлами. 22-го числа было произведено рекогносцировка къ Бортунаю, на Хотумъ-башъ и въ долину р. Акташа; 23-го числа перешли на высоту между Яманъ и Ярыхъ-су. Въ разоренныхъ недавно аулахъ виднѣлось много жителей, вернувшихся вѣроятно въ надеждѣ, что въ эту зиму русскія войска уже больше не придутъ; они бросились бѣжать къ лѣсамъ; но ихъ не преслѣдовали. Часть ихъ, исподволь, по нѣсколько семействъ, выходили и селились подъ прикрытіемъ нашего укрѣпленія.

Весь февраль мѣсяцъ прошелъ для Кабардинскаго полка совершенно спокойно; въ мартѣ же, 19-го числа, случилось печальное происшествіе. Впереди укр. Кишень-ауха былъ построенъ отдѣльный редутъ «Навагинскій», въ которомъ расположилась одна рота, смѣняемая періодически. Въ этотъ день поручикъ фонъ Брозе отправился со своей ротой на смѣну гарнизона въ редутѣ. Оттуда онъ, взявъ унтеръ-офицера и 10 рядовыхъ, спустился въ балку, бывшую подъ редутомъ, оставилъ здѣсь 6 рядовыхъ, а съ прочими перешелъ ручей и началъ

подниматься на другую сторону. Вдругъ выскочила партія горцевъ въ нѣсколько десятковъ человѣкъ и сдѣлали залпъ. Услыхавъ выстрѣлы, дежурная рота бросилась туда, но было уже поздно: Брозе, унтеръ-офицеръ и четверо рядовыхъ лежали убитые, обобранные... Когда стали брать тѣла, изъ кустовъ еще раздались выстрѣлы и одинъ рядовой былъ раненъ. За чѣмъ, съ какою цѣлью спустился Брозе въ балку— осталось для всѣхъ загадкой. Сожалѣніе объ немъ, пріобрѣвшемъ расположеніе всѣхъ офицеровъ своею скромностью, исполненіемъ чисто фронтовой боевой службы, было общее; хоть и весьма плохо говорившій по русски, этотъ прусскій офицеръ былъ любимъ и солдатами.

Весною князь Мирскій опять собралъ отрядъ и пошелъ въ долину Мичика, гдѣ расчищалъ Маюртупскую просѣку. Оттуда онъ, 2-го мая, съ 4-мя Кабардинскими батальонами, дивизіономъ драгунъ и 8 сот. казаковъ, при 10 орудіяхъ, двинулся между Яманъ-су и Аксаемъ къ аулу Агачь-отаръ, у начала Ичкеріи, гдѣ было много желающихъ выселиться къ намъ на плоскость. Но прибывшія въ тоже время партіи мюридовъ не допустили переселенія и только 29 семействъ успѣли выйти къ нашей колоннѣ и съ нею уйти на плоскость. Послѣ этого князь Мирскій возвратился на Мичикъ и до 15 мая оставался тамъ, расчищалъ просѣку, облегчая переселеніе на плоскость жителямъ, каждый день являвшимся небольшими группами въ 5, 10, 15 семействъ. Въ теченіе этихъ дней происходили мелкія перестрѣлки, въ которыхъ у насъ убито 2, раненъ 1 ниж. чин.

15-го мая, вслѣдствіе полученныхъ извѣстій будто Шамиль намѣренъ направиться въ Аухъ, князь Мирскій со своимъ отрядомъ перешелъ къ Гойтемировскимъ воротамъ. Извѣстіе было только отвлеченіемъ, ибо Шамиль тогда двинулся со всѣмъ въ противоположную сторону, къ Владикавказу.

25-го мая маіоръ Гейманъ съ 8 ротами опять былъ посланъ на Мичикъ, чтобы дать возможность желающимъ выходить на плоскость; къ нему явились сейчасъ же 55 душъ, которыхъ онъ и отвелъ за Качкальковскій хребетъ, преслѣдуемый безвредной перестрѣлкой тавлинцевъ, присланныхъ

Шамилемъ именно съ цѣлью недопускать выселеній. У насъ былъ раненъ 1 рядовой.

Точно также 6-го іюня Гейманъ ходилъ съ колонной вверхъ по Ярыхъ-су для прикрытія переселенцевъ, но поспѣвшія раньше его партіи мюридовъ воспрепятствовали и успѣли выйти только 34 души; при отступленіи колонны произошла жаркая перестрѣлка, въ которой мы потеряли 1 убитаго и 6 раненыхъ рядовыхъ.

Къ тому времени относится одинъ итересный эпизодъ, о которомъ я разскажу здѣсь.

Около половины февраля 1858 г. полковникъ Святополкъ-Мирскій получилъ чрезъ нарочнаго, прибывшаго изъ горъ, извѣстіе о болѣзни старшаго сына Шамиля, Джемалъ-Эдина. По рецепту нашего полковаго штабъ-лекаря Камарецкаго, къ больному были отправлены лекарства съ письменными наставленіями, когда и какъ принимать ихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ посланный получилъ приказаніе передать Джемалъ-Эдину, что если онъ нуждается въ личномъ пособіи русскаго медика, то князь не замедлить удовлетворить его желаніе на извѣстныхъ, конечно, условіяхъ.

Только 10-го іюня, когда болѣзнь Джемалъ-Эдина приняла размѣры, встревожившіе Шамиля, имамъ рѣшился воспользоваться нашимъ предложеніемъ и въ Хасавъ-юртъ явились два горца, попросили аудіенціи у князя Мирскаго, называя себя посланцами отъ самого Шамиля. На вопросъ, зачѣмъ они пріѣхали, горцы объявили, что сынъ имама Джемалъ-Эдинъ очень боленъ и что отецъ проситъ прислать къ нему нашего доктора.—Князь Мирскій послалъ за полковымъ штабъ-лекаремъ Камарецкимъ и передалъ ему просьбу Шамиля. Выборъ палъ на доктора Піотровскаго, прикомандированнаго къ Кабардинскому полку изъ линейнаго № 14 бат., пользовавшагося въ Хасавъ-юртѣ хорошею медицинскою репутаціею. Піотровскій охотно согласился на поѣздку.

Слѣдующій день онъ употребилъ на составленіе походной аптечки; а въ 7 часовъ утра, 12 іюня, выѣхалъ съ посланцами Шамиля въ горы; въ Хасавъ-юртѣ остался въ видѣ заложника другой горецъ. Первую ночь проѣхали чрезъ Аухъ, а слѣдую-

щій день провели въ одномъ изъ ауловъ у кунаковъ посланца; здѣсь ихъ встрѣтилъ даргинскій наибъ Хаджіовъ, съ которымъ дальше, ночью, пробрались чрезъ Гумбетъ и Андію и около полуночи прибыли къ верховьямъ Андійскаго Койсу, въ аулъ Зулъ-Кади, гдѣ тогда лежалъ больной Джемалъ-Udинъ. У сакли стоялъ часовой; на крышѣ еще два; при больномъ находился 8-лѣтній мальчикъ Махметъ, котораго Джемалъ называлъ своимъ братомъ; въ саклѣ была присущая горскому жилищу грязь и тяжелый запахъ; только желѣзная кровать, погребецъ и сальная свѣча въ подсвѣчникѣ напоминали о нашихъ удобствахъ; около кровати висѣло европейское ружье, револьверъ и шашка въ богатой оправѣ. Паціентъ чрезвычайно обрадовался пріѣзду русскаго доктора; но г. Піотровскій не могъ скрыть сильной тревоги, найдя Джемалъ-Эдина въ тискахъ послѣдней степени легочной чахотки. Въ теченіе трехъ дней, проведенныхъ у больного, докторъ узналъ, что на развитіе болѣзни весьма много повліяла тоска по прежней жизни въ Россіи, непривычная обстановка, среди чуждыхъ ему людей и условій, и нравственныя страданія, вслѣдствіе ненависти къ нему разныхъ наибовъ и духовныхъ людей, клеветавшихъ на него отцу, возбуждавшихъ подозрительность имама на счетъ русскихъ симпатій и проч.; между тѣмъ простой народъ очень любилъ Джемалъ-Эдина и искренно сожалѣлъ о его тяжкой болѣзни, въ исходѣ коей не было сомнѣній.

Снабдивъ Джемалъ-Эдина подходящими совѣтами и кое-какими лекарствами, г. Піотровскій на четвертый день выѣхалъ обратно съ другимъ проводникомъ уже чрезъ Дарго и прибылъ благополучно въ Хасавъ-юртъ. Во все время пребыванія въ горахъ, доктору непозволяли выходить изъ сакли, при которой былъ поставленъ караулъ, изъ опасенія будто бы за его жизнь. Самъ Шамиль въ теченіе этихъ дней сына не посѣщалъ. Людямъ, провожавшимъ доктора обратно, Джемалъ-Эдинъ передалъ для продажи въ Хасавъ-юртѣ нѣсколько колецъ, серегъ, брошекъ и т. п. драгоцѣнныхъ вещей, которыя онъ вынулъ изъ большой шкатулки, подаренной ему отцомъ. Эта шкатулка была взята въ домѣ княгини Чавчавадзе въ 1854 году, при захватѣ ихъ въ плѣнъ; въ ней было много

разныхъ драгоцѣнныхъ брилліантовыхъ вещей, которыми больной часто любовался... А безпощадная смерть уже носилась надъ нимъ; докторъ, по возвращеніи, опредѣлилъ срокъ ея появленія, maximum, въ три мѣсяца!

Докторъ Піотровскій, Станиславъ Осиповичъ, въ томъ же году вышелъ въ отставку и уѣхалъ на родину, кажется въ Виленскую губернію, гдѣ служилъ уѣзднымъ врачемъ. Кавказская служба его замѣчательна еще тѣмъ, довольно рѣдкимъ обстоятельствомъ, что за 12 лѣтъ, изъ нихъ 5 лѣтъ при Кабардинскомъ полку, при всеобщемъ къ нему уваженіи и расположеніи за усердіе, удачное пользованіе и вообще отличную дѣятельность, онъ уѣхалъ съ Кавказа, не получивъ ни одной награды. Баронъ Николаи выражалъ мнѣніе, что всякій служащій долженъ утѣшаться внутреннимъ сознаніемъ свято исполненнаго долга и въ этомъ, а не во внѣшнихъ отличіяхъ, видѣть награды. Конечно, правило прекрасное, но никто, ни менѣе всего самъ баронъ, ему не слѣдовали и за каждую экспедицію получали награды, часто даже ропща, что дано не двѣ и три въ теченіе года.

Наконецъ однако, уже по представленію князя Мирскаго, послѣ описанной поѣздки въ горы и выхода въ отставку, доктору Піотровскому пожалованъ орденъ Станислава 3-й степени.

Остается сказать, что визитъ доктора больному Джемалъ-Эдину, само собою, не помогъ и онъ, бѣдный, вскорѣ умеръ; а доживи онъ до 1859 года и его постоянная мечта возвратиться въ Россію осуществилась бы. Онъ погибъ въ горахъ жертвой стеченія обстоятельствъ, не принеся радости отцу, не принеся никакой пользы ни его, ни нашему дѣлу, какъ нѣкоторые у насъ расчитывали, полагая что онъ пріобрѣтетъ вліяніе на отца и склонитъ его къ прекращенію борьбы съ русскимъ правительствомъ. Историческія событія имѣютъ вездѣ и всегда свой опредѣленный ходъ: не во власти людей дать имъ то или другое конечное направленіе: люди геніальные, исключительныхъ дарованій и характера, выступая на сцену, дѣйствительно задерживаютъ иногда или сталкиваютъ въ сторону ходъ событій, но все это временно, непрочно, и исторія вскорѣ опять вступаетъ въ свои права, событія опять возвращаются на тотъ путь, по которому имъ суждено идти и до-

стигнуть извѣстныхъ результатовъ. Это не фатализмъ, не слѣпая вѣра въ предопредѣленіе, а взглядъ, основанный на историческихъ примѣрахъ всѣхъ вѣковъ: это признаніе своего рода логики въ развитіи историческихъ событій.

Возвращаюсь къ прерванной хроникѣ.

Въ сентябрѣ 1858 года стало извѣстно, что Кавказъ посѣтятъ вскорѣ Великіе Князья Николай и Михаилъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ полученъ и Высочайшій рескриптъ, назначавшій князя Барятинскаго шефомъ Кабардинскаго полка. До какой степени высоко оцѣнилъ онъ эту награду, можно заключить изъ слѣдующаго приказа по полку, отданнаго 13-го сентября въ Тифлисѣ.

«Боевые товарищи первой юности моей, храбрые Кабардинцы. Съ 1835 года я привязанъ къ вамъ всѣмъ сердцемъ; въ памятный 1845 годъ я командовалъ 3-мъ баталіономъ знаменитаго вашего полка; потомъ былъ вашимъ полковымъ командиромъ, дивизіоннымъ начальникомъ и всегда съ особеннымъ почтеніемъ смотрѣлъ на тѣхъ, которые имѣютъ счастіе носить мундиръ Кабардинскаго полка. Я не буду припоминать именъ всѣхъ тѣхъ боевъ, гдѣ я былъ свидѣтелемъ геройскихъ подвиговъ вашихъ, любовался и восхищался вами. И такъ, храбрые товарищи, вы угадаете сами, какимъ счастіемъ наполнила душу мою высокая милость, оказанная Государемъ Императоромъ назначеніемъ меня вашимъ шефомъ. Я съ гордостью спѣшу стать передъ ваши ряды, чтобы встрѣтить вмѣстѣ съ вами Великихъ Князей, августѣйшихъ братьевъ возлюбленнаго нашего Монарха, и снова услышать съ восторгомъ столь знакомые мнѣ военные клики ваши.» *).

Великіе Князья пріѣхали изъ Темиръ-Ханъ-Шуры 2-го октября въ Хасавъ-юртъ; 3-го выѣхали на Хоби-шавдонъ и дальше въ Чечню, къ войскамъ, находившимся въ Аргунскомъ ущельѣ. Всѣми частями Кабардинскаго полка, которыя имъ представились, Ихъ Высочества остались весьма довольны и

---

*) Князь Барятинскій, впрочемъ, не поѣхалъ съ Великими Князьями, а оставался въ Тифлисѣ.

вообще съ замѣтнымъ удовольствіемъ провели сутки въ Хасавъ юртѣ, у князя Мирскаго.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ Шамиль еще разъ рѣшился напрячь всю энергію, чтобы отвратить, очевидно, приближавшуюся окончательную грозу. Онъ воспользовался появленіемъ на небосклонѣ кометы и сталъ увѣрять народъ, что это вѣстница гибели христіанъ, что султанъ Абдулъ-Меджидъ умеръ, а его преемникъ султанъ Абдулъ-Азисъ уже выслалъ сильное войско для освобожденія угнетеннаго мусульманства. Имамъ призвалъ всѣхъ подвластныхъ ему горцевъ на брань, приказавъ наибамъ собирать поголовное ополченіе.

Получивъ объ этомъ свѣдѣнія, генералъ Евдокимовъ, оставивъ въ Малой Чечнѣ нѣсколько эшелоновъ войскъ въ распоряженіи мѣстныхъ военныхъ начальниковъ, сдѣлалъ нужныя распоряженія къ обезпеченію всего протяженія Аргунскаго ущелья, а князю Мирскому предписалъ предпринять наступленіе въ Аухъ, какъ для развлеченія непріятельскихъ массъ, такъ и для содѣйствія войскамъ Прикаспійскаго края, рубившимъ просѣку отъ Бортуная чрезъ Зубутъ, чтобы открыть свободную дорогу до Міятлинской переправы на Сулакѣ.

Въ первыхъ числахъ декабря князь Мирскій, съ четырмя баталіонами нашего полка и однимъ Бѣлевскаго, при нѣсколькихъ сотняхъ казаковъ и 8-ми орудіяхъ, выступилъ изъ Хасавъ-юрта въ Акташъ-аухъ. 8-го декабря былъ такой сильный туманъ, что нельзя было тронуться съ мѣста. 9-го числа произведена рекогносцировка за Юртъ-аулъ, оказавшійся брошеннымъ жителями, которые уже давно бѣжали въ отроги лѣсистаго хребта; мѣстность оказалась непроходимою для полевой артиллеріи; только горныя орудія на вьюкахъ могли бы кое-какъ пройдти здѣсь, но такихъ при отрядѣ не было. Ночью явились на бивуакъ ауховцы, изъявляя желаніе переселиться къ намъ, но имъ мѣшали расположенные кругомъ ихъ хуторовъ партіи мюридовъ.

Въ теченіе пяти дней князь Мирскій рубилъ лѣсъ къ Бійляръ-Кургану, исправляя дорогу. Непріятель слѣдилъ за нами издали, выставляя пикеты, — одинъ изъ нихъ, состоявшій изъ 4-хъ человѣкъ, былъ удачно снятъ охотниками изъ

Андреевскихъ милиціонеровъ и доставленъ плѣнными въ лагерь.

12-го декабря была произведена рекогносцировка за Бійляръ-Курганъ при слабой перестрѣлкѣ, въ которой контуженъ нашъ поручикъ Кишельскій и ранено два рядовыхъ. Сильный снѣгъ, мятель и вообще самая ужасная погода мѣшали предпринять что-нибудь дальше и князь Мирскій былъ вынужденъ расположиться на нѣкоторое время у Кишень-аула.

Между тѣмъ Шамиль успѣлъ собрать большія толпы горцевъ, неменѣе 10 тысячь человѣкъ, явился съ ними въ Большую Чечню и расположился съ одною частью самъ въ Маюртупѣ, по ущелью Баса сталъ сынъ его Кази-Магома, а нѣсколько наибовъ съ ихъ партіями послалъ на Шаро-Аргунъ, чтобы неожиданно прорваться между Шатоемъ и верховьемъ ущелья, отрѣзавъ не вполнѣ доконченное еще укрѣпленіе Евдокимовское отъ возможности получить помощь, и взять его.

Заранѣе предувѣдомленные объ этомъ планѣ лазутчиками, начальники войскъ въ Аргунскомъ ущельѣ успѣли принять свои мѣры и предпріятіе постигла неудача.

Къ 20-му декабря, когда расположеніе и намѣренія непріятеля окончательно выяснились, генералъ Евдокимовъ сосредоточилъ чеченскій отрядъ и выступилъ въ Большую Чечню, приказавъ князю Мирскому въ тоже время перейти на поляны между Мичикомъ и Гудермесомъ, угрожая наступленіемъ къ Алисултанъ-кале или на Джугуртъ — лучшій путь въ Ичкерію—и производя частыя рекогносцировки.

Съ появленіемъ чеченскаго отряда въ ущельи Баса, начались опять выходы остатковъ къ намъ населенія, пользовавшагося знаніемъ всѣхъ тропинокъ и перелѣсковъ, чтобы ускользать отъ караулившихъ ихъ партій. Между прочимъ вышелъ и наибъ Дуба съ нѣсколькими родственниками и приближенными. Вѣра въ силу Шамиля и въ продолженіе его владычества совсѣмъ исчезла, невзирая на близкое его присутствіе съ огромными партіями. Чеченцы думали только

объ одномъ, какъ бы выбраться изъ подъ его надзора и уйти подъ прикрытіе русскихъ войскъ.

Генералъ Евдокимовъ прежде всего нашелъ нужнымъ выгнать непріятеля изъ ущелья Баса; по обыкновенію, тотчасъ былъ употребленъ вѣрнѣйшій маневръ: обходныя колонны. Какъ только онѣ продрались сквозь невылазную лѣсную чащу, по едва замѣтнымъ дорожкамъ, и показались въ тылу Кази-Магома, онъ поспѣшилъ безъ выстрѣла отступить. Тогда была направлена колонна полковника Баженова для вырубки нѣкотораго пространства непроходимаго лѣса въ Черныхъ горахъ, послѣ чего она дошла до аула Агашты, считавшагося искони ни въ какомъ случаѣ недоступнымъ для русскихъ войскъ. Непріятель рѣшительно пришелъ въ отчаяніе, видя что нѣтъ наконецъ той адской трущобы, въ которой бы онъ могъ считать себя безопаснымъ. Вь теченіе трехъ дней горцы, очевидно озлобленные, дрались довольно упорно, причинивъ намъ потерю: 4-хъ раненыхъ офицеровъ, 5 убитыхъ и 68 раненыхъ нижнихъ чиновъ, кромѣ нѣсколькихъ болѣе или менѣе сильно контуженныхъ и значительнаго числа убитыхъ лошадей.—Все это, однако, насъ неостановило и мы наконецъ достигли самого верховья Баскаго ущелья. Здѣсь оказалось непріятельское укрѣпленіе, построенное по всѣмъ правиламъ искусства, на неприступной почти мѣстности, усиленное крѣпкими завалами по лѣсистымъ обрывистымъ высотамъ съ обѣихъ сторонъ ущелья; значительный горнизонъ очевидно готовился къ отчаянной защитѣ; но генералъ Евдокимовъ и не думалъ вести атаку съ фронта: онъ опять послалъ колонну въ обходъ, и опять покойный Баженовъ, (*) ставшій нѣкоторымъ образомъ спеціалистомъ по части обходовъ, не справлялся о томъ по какой мѣстности, по дорогѣ или безъ дороги, на скалу или пропасти придется ему идти, а помнилъ только, что ему приказано обойти и, слѣдовательно, нужно исполнить, хоть бы это казалось и сверхъ силъ человѣческихъ. И обошелъ! По поясъ въ снѣгу, дѣлая иногда

(*) Командиръ Тенгинскаго полка, впослѣдстіи начальникъ 20 дивизіи, умеръ въ ноябрѣ 1878 г. въ чинѣ генералъ лейтенанта.

версту въ часъ, сноя на рукахъ горные единороги, почти безъ всякихъ запасовъ, двигался онъ такимъ дальнымъ обходомъ, что непріятель не могъ даже вообразить себѣ въ дѣйствительности появленіе въ тылу его русскихъ солдатъ. Но за то, съ первымъ появленіемъ штыковъ, съ первымъ звукомъ рожка, гарнизонъ неприступнѣйшаго укрѣпленія бѣжалъ безъ оглядки. Тогда колонна Баженова приступила къ рубкѣ лѣса на встрѣчу отряда, а семейства чеченцевъ, загнанныя въ эту мѣстность, въ числѣ 800, сейчасъ же вышли и были отправлены назадъ на плоскость, для поселенія въ указанныхъ мѣстахъ.

Въ это время князь Мирскій прибылъ съ своею колонною 19-го декабря на Мичикъ, исправилъ 20-го числа переправу чрезъ рѣку, а 21 произвелъ рекогносцировку по ущелью Гонсоула до Бачинъ-юрта, въ 3-хъ верстахъ отъ Джугурта; 22-го числа рекогносцировалъ дорогу къ Али-Султанъ-кала, которую непріятель, съ приближеніемъ нашимъ, оставилъ. Съ 23 по 28-го декабря князь Мирскій рубилъ лѣсъ по лѣвому берегу Гудермеса, 29 и 30 опять производилъ рекогносцировки въ разныхъ направленіяхъ. Все это сопровождалось самыми незначительными перестрѣлками.

Но труды и лишенія войскъ, напряженіе ихъ силъ въ эту эпоху были просто невѣроятны. Многіе обвиняли генерала Евдокимова въ безчеловѣчномъ злоупотребленіи физическими силами войскъ; но онъ, признавая отчасти справедливость упрека, разсуждалъ съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ, что, нечего дѣлать, пусть ужъ тѣ, на чью долю выпала судьба, перенесутъ лишній трудъ, но покончатъ скорѣе съ вѣковой борьбой, требовавшей страшныхъ постоянныхъ жертвъ отъ Россіи, нежели оттягивать конецъ, дождаться, быть можетъ, какихъ нибудь неожиданныхъ обстоятельствъ, могущихъ опять затормозить дѣло, и продолжать истощеніе государства людьми и деньгами.—Взглядъ его оказался вполнѣ основательнымъ, событія оправдали его дѣйствія скорѣе даже, чѣмъ онъ самъ могъ ожидать этаго. Нужно наконецъ помнить, что Государь съ трудомъ согласился оставить

13 и 18 дивизіи на Кавказѣ до лѣта 1859 года и нужно было пользоваться ихъ пребываніемъ въ краѣ.

31-го декабря команда отъ нашего полка была послана на Хоби-Шавдонъ за разными припасами; на дорогѣ, въ одномъ мѣстѣ, закрытомъ кустами, вдругъ выскочила партія и бросилась на команду; но наши молодцы не стали отстрѣливаться, а просто крикнули ура! и кинулись на встрѣчу непріятеля,—это его такъ смутило, что онъ бросился въ разсыпную, а одинъ былъ схваченъ въ плѣнъ.

Въ виду всѣхъ этихъ событій, Шамиль серьезно задумался надъ безопасностью своей резиденціи Ведень и, оставаясь самъ въ аулѣ Алистанжи, распорядился усиленіемъ заваловъ по дорогѣ чрезъ Таузень въ Ведень.—Въ этомъ положеніи засталъ противниковъ 1859-й годъ.

XVII.

Предположенія на 1859 годъ.—Соображенія князя Барятинскаго о срокѣ окончанія войны.—Усиленныя дѣйствія ген. Евдокимова.—Обходъ непріятельскихъ укрѣпленій и ихъ паденіе.—Занятіе Таузень и Алистанжи.—Движеніе къ Веденю.—Переговоры съ Даніель-бекомъ о покорности.—Измѣненія въ предположеніяхъ.—Движеніе на Ведень.—Занятіе кругомъ его позицій.—Удаленіе Шамиля, его критическое положеніе.—Вспомогательныя дѣйствія дагестанскаго отряда.—Осада Веденя.—Измѣреніе рва подпоруч. Коленко съ охотниками.—Бомбардированіе, штурмъ и взятіе Андійскаго-редута.—Паденіе Веденя.—Дѣла дагестанскаго отряда въ Ичкеріи,—Послѣдующія распоряженія ген. Евдокимова.—Изъявленіе покорности населеніемъ.—Разработка путей сообщенія,

Въ видахъ облегченія своевременнаго составленія росписи государственныхъ расходовъ, въ послѣдніе годы отъ кавказскаго начальства стали требовать представленіе предположеній о дѣйствіякъ на слѣдующій годъ гораздо ранѣе прежняго, не позже іюля мѣсяца. Поэтому и предположенія на 1859 годъ были представлены изъ Тифлиса уже въ іюлѣ 1858 года.

Само собою, что въ виду изумительныхъ успѣховъ, быстро слѣдовавшихъ однихъ за другими на лѣвомъ крылѣ, не представлялось возможнымъ хотя бы съ приблизительною точностью опредѣлить—что будетъ предстоять дѣлать въ слѣдующемъ году. Когда отсылались предположеніи на 1859 годъ, не состоялось еще полное, окончательное занятіе Аргунскаго ущелья, горные отроги Малой Чечни съ ихъ трущобами въ верховьяхъ рѣкъ были еще густо населены самыми отчаянными хищными остатками откочевавшаго туда населенія; почти все теченіе Баса, съ не менѣе густымъ населеніемъ, оставалось еще нетронутымъ, самая трудная лѣсная полоса стояла еще

грозной преградой на пути нашего наступленія, возведенныя тамъ укрѣпленія непріятеля казались издали неодолимѣе, чѣмъ были въ дѣйствительности, потому что возможность ихъ обходовъ оставалась не рѣшенною проблемою. Поэтому, въ предположеніяхъ на 1859-ый годъ, главнокомандующій, повторяя почти тоже, что представлялось необходимымъ исполнить въ предыдущемъ году, совершенно основательно говорилъ, что изъ самого хода дѣлъ должны будутъ развиваться предположенія на ближайшее время. Допускалась возможность въ теченіе 1859 года проложить просѣку чрезъ хребетъ Черныхъ горъ къ безлѣснымъ мѣстамъ подножія Андійскаго хребта и затѣмъ рекогносцировками опредѣлить какіе пункты необходимо будетъ занять, для изгнанія враждебнаго населенія за Андійскій хребетъ. Теперь, когда мы знаемъ, чѣмъ разрѣшился 1859-й годъ на Восточномъ Кавказѣ, такія предположенія могутъ показаться весьма скромными и допускавшими возможность еще довольно долгой борьбы; но, устранивъ то что случилось и отодвинувъ событія на цѣлый годъ назадъ, придется придти къ противоположному заключенію и сказать, что надежда прорубиться чрезъ хребетъ Черныхъ горъ до Андійскаго хребта и вытѣснить враждебное населеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ ужь не избѣжно и самого Шамиля изъ Веденя, за этотъ хребетъ, была довольно смѣлымъ предположеніемъ, порожденнымъ и предшествовавшими блистательными результатами дѣйствій генерала Евдокимова, и не ослабѣвавшею вѣрою князя Барятинскаго въ свою счастливую звѣзду, въ свое предназначеніе быть покорителемъ Кавказа. И если бы дѣйствительно въ 1859 году совершилось только это его предположеніе, то онъ могъ расчитывать затѣмъ не болѣе какъ чрезъ два—три года положить конецъ войнѣ, потому что безъ Чечни, безъ Салатавіи и Ауха, Шамиль очутился бы въ остальномъ Дагестанѣ тѣсно блокированнымъ, терпящимъ крайній недостатокъ въ необходимыхъ жизненныхъ продуктахъ и въ постоянномъ страхѣ за вѣрность гарнизона, который съ каждымъ днемъ неизбѣжно таялъ бы, отпадая отъ безнадежнаго дѣла. Все равно, чрезъ два, три года, Шамиль очутился бы почти одинокимъ обломкомъ отъ огромнаго зданія и долженъ былъ кончить свое поприще или смертью съ ору-

жіемъ въ рукахъ, или отдачею себя въ руки великодушнаго побѣдителя.

Судьба рѣшила гораздо раньше прекратить напрасную трату жертвъ и избавить Россію отъ чрезвычайнаго бремени безконечной войны, а несчастное населеніе Кавказскихъ горъ отъ бѣдственнаго, невыносимаго положенія, въ которомъ оно находилось уже десятки лѣтъ. Князь Барятинскій и предвидѣлъ, и почти навѣрное расчитывалъ па это сокращеніе времени и на болѣе близкій конецъ, чѣмъ излагалось въ оффиціальныхъ его бумагахъ. Особенно послѣ взятія Веденя, происшедшаго почти неожиданно скоро, князь въ своихъ письмахъ къ Государю съ поразительною точностью опредѣлялъ ходъ дѣла, результаты предпринятыхъ операцій и день паденія шамилевскаго зданія. Никто, даже изъ самыхъ видныхъ нашихъ военныхъ дѣятелей, отлично знакомыхъ съ положеніемъ дѣлъ, не предвидѣлъ такого быстраго разрушенія власти имама, никто безъ улыбки не встрѣтилъ бы словъ, что не далѣе августа 1859 г. будетъ конецъ войнѣ. Сомнѣваюсь даже, чтобы самъ графъ Евдокимовъ такъ далеко простеръ свои надежды; если князь Барятинскій сообщилъ ему при личныхъ свиданіяхъ свою увѣренность въ столь близкомъ исходѣ борьбы, то въ душѣ, весьма быть можетъ, Евдокимовъ и нераздѣлялъ такихъ оптимистскихъ взглядовъ. Но эта увѣренность князя Барятинскаго сама по себѣ уже имѣла великое значеніе: опираясь на нее, онъ дѣлалъ распоряженія, которыя могли казаться слишкомъ несвоевременно рискованными, и казались таковыми даже близкимъ къ дѣлу людямъ; въ сущности же онѣ, эти распоряженія, и довершили дѣло въ 59, вмѣсто 60,—61,—или даже быть можетъ 62 года, какъ разсчитывалъ Н. И. Евдокимовъ.

Генералъ Евдокимовъ утроилъ энергію и напряженіе силъ своихъ войскъ; онъ не давалъ почти отдыха ни себѣ, ни другимъ, и рѣшительно «ковалъ желѣзо, пока было горячо». Притянувъ 3-го января къ себѣ князя Мирскаго съ его колонною, имѣвшею при переходѣ до Баса пустую перестрѣлку и 2 раненыхъ, князь Евдокимовъ приступилъ къ вырубкѣ дремучаго лѣса вверхъ по Басу. Мѣжду тѣмъ Шамиль, собравъ 12,000 человѣкъ, въ свою очередь, трудился надъ созданіемъ различ-

ныхъ укрѣпленій, загражденій и т. п. препятствій при выходѣ на Таузеньскую долину, открывающую свободный доступъ во всѣ нагорныя общества, въ центръ Ичкеріи, въ резиденцію его Ведень. Уже въ теченіе цѣлаго года производились тутъ по приказанію имама работы, сооружались громадные бревенчатые завалы, редуты, окопы, такъ что крутые скаты горъ къ руслу Баса и самое русло рѣки были обращены въ сплошной рядъ искусственныхъ преградъ, казавшихся горцамъ положительно неодолимыми.

Къ 14 января рубка была окончена, бока ущелья очищены, дорога по возможности разработана. Генералъ Евдокимовъ могъ наконецъ осмотрѣть непріятельскія укрѣпленія. Онъ нашелъ, что атака съ фронта стоила бы страшныхъ жертвъ и легко могла кончиться неуспѣхомъ. Не желая подвергать дѣло риску, онъ прибѣгъ къ своему излюбленному средству. Пригласивъ къ себѣ полковника Баженова, далъ ему 6 батальоновъ и приказалъ *обойти*. Но въ этотъ разъ даже и Баженовъ нѣсколько усомнился: приходилось идти назадъ, внизъ по Басу, къ аулу Хачарой и оттуда уже горами, безъ всякой дороги, обогнуть высоты Даргинъ-Дука и появиться въ тылу непріятельскихъ укрѣпленій. Въ тоже время нашему полковнику Иверсену, съ 6 ротами Кабардинцевъ, приказано идти по кручамъ, въ обходъ праваго фланга непріятеля и въ тылъ Таузенской долины. Въ центрѣ главныя силы генералъ-маіора Кемпферта (11½ бат.) съ густыми цѣпями, ставъ по высотамъ надъ ущельемъ, должны были показывать приготовленіе къ рѣшительной атакѣ, привлекая на себя все вниманіе непріятеля, пока не появится колонна Баженова.

Кто не былъ въ этихъ мѣстахъ, кто не видѣлъ всѣхъ этихъ высотъ, лѣсовъ и обрывовъ, заваленныхъ снѣгами въ два аршина глубиною, тому невозможно себѣ представить, какой подвигъ совершали Баженовъ и Иверсенъ, исполняя данное порученіе, какія войска были тѣ батальоны (у Баженова 2 Эриванскихъ, 1 Грузинскихъ гренадеръ, 2 Тенгинскихъ, 1 Куринскій, у Иверсена 4-й и стрѣлковый бат. Кабардинскіе) которые въ ночь съ 14 на 15 января одолѣли и кручи, и снѣгъ, и

стужу! Такіе ужасные переходы были однако вовсе не исключеніями.

Ущелье шириною въ 60 саженъ было заграждено огромными завалами въ нѣсколько линій; начинаясь отъ высшей точки горнаго ската одной стороны, эти загроможденія опирались въ особыя укрѣпленія по руслу и затѣмъ тянулись до высшей точки противоположнаго ската. Генералъ Кемпфертъ выдвинулъ сначала батарею горныхъ орудій и въ теченіе трехъ часовъ обстрѣливалъ всѣ сооруженія непріятеля, затѣмъ подвинулъ головные батальоны впередъ, что вызвало тотчасъ со стороны непріятеля открытіе огня. Наконецъ, хоть и позже предположеннаго часа, колонна Баженова, задержанная страшною глубиною снѣга, преодолѣвъ всѣ препятствія, начала вытягиваться на высоту въ тылъ непріятелю, который вѣроятно замѣтилъ это приближеніе, потому что въ завалахъ произошло вдругъ большое волненіе и шумъ. Тогда генералъ Кемпфертъ двинулъ свои батальоны въ атаку; стали занимать одинъ рядъ заваловъ за другимъ; въ эту минуту на флангѣ показался Иверсенъ съ Кабардинцами, и хотя его отдѣлялъ отъ ущелья Баса рѣшительно непроходимый глубокій оврагъ, но непріятель уже обезумѣлъ отъ страха и въ паникѣ бѣжалъ, бросая всѣ свои укрѣпленія, безъ попытки сопротивленія. Генералъ Кемпфертъ почти на хвостѣ непріятеля проникъ въ Таузенскую долину и тутъ только увидалъ спускавшагося съ высотъ Баженова

И такъ Таузенъ, важнѣйшій стратегическій пунктъ, узелъ дорогъ во всѣ стороны непокорной страны, въ 14-ти верстахъ отъ Веденя, былъ занятъ и безъ всякой потери. Бѣжавшія толпы защитниковъ басскихъ укрѣпленій достигли Веденя въ крайнемъ смущеніи, но Шамиль все еще силился ихъ ободрять и даже сталъ увѣрять, что нарочно приказалъ отступать, чтобы заманить русскихъ въ глубь Ичкеріи, гдѣ они погибнутъ. Никто ему однако уже не вѣрилъ и въ виду грозной дѣйствительности—всякому легковѣрію оказался предѣлъ...

Въ Таузенѣ тотчасъ приступили къ устройству временнаго укрѣпленія, какъ главнаго опорнаго пункта въ дальнѣйшемъ наступленіи, а большая часть войскъ занялась рубкой просѣки на

задъ, чтобы открыть сооообщеніе съ плоскостью. Въ 11 дней безустанной работы, просѣка была готова, а 27-го ч. генералъ Кемпфертъ уже занялъ Алистанжи, оставивъ въ Таузенѣ баталъонъ съ 2-мя орудіями; 5 февраля окончили всю необходимую рубку лѣса, свезли въ Таузенъ запасы провіанта и снарядовъ, а 7 числа выступили въ Ведень.

Въ концѣ 1858 года дѣла на лѣвомъ крылѣ уже приняли такой оборотъ, что представилась возможность составить другія предположенія на 1859 годъ. Ясно видно было, что чрезъ хребетъ Черныхъ горъ мы почти прорубились и вскорѣ станемъ въ открытыхъ мѣстахъ у подножія Андійскаго хребта, а затѣмъ едва ли задержитъ насъ что нибудь на пути къ Веденю, надеіе котораго будетъ лишь вопросомъ недальняго времени. Населеніе изъявляло больше готовности покоряться нежели длить сопротивленіе и уходить дальше въ глубь Дагестанскихъ ущелій; даже главный помощникъ Шамиля въ послѣднее время борьбы—Даніелъ-бекъ Элисуйскій вступилъ съ нами въ переговоры на счетъ изъявленія покорности и возбужденія возстанія противъ имама въ большей части Дагестана, при чемъ выражалъ надежду, что самъ старшій сынъ Шамиля, Кази-Магома, женатый на дочери Даніельбека, будетъ содѣйствовать враждебнымъ дѣйствіямъ противъ власти отца! По этимъ соображеніямъ, предполагалось значительно расширить кругъ дѣйствій и безъ промедленія проникнуть за Андійскій хребетъ, соединенными отрядами дагестанскимъ и чеченскимъ. Разработаны были уже всѣ подробности такого наступленія. Но ходъ дѣйствій генерала Евдокимова вскорѣ сдѣлалъ и эти предположенія уже запоздалыми, при чемъ впервые явилась мысль о концентрическомъ движеніи лѣтомъ 1859-го отрядовъ изъ Дагестана, съ Лезгинской линіи и отъ лѣваго крыла на Андійское Койсу, въ сердце горъ, съ надеждой покончить войну этимъ послѣднимъ ударомъ. Разработка всѣхъ потребностей, начиная съ дислокаціи войскъ, кончая матеріальнымъ обезпеченіемъ всѣхъ отрядовъ и многочисленныхъ пунктовъ въ тылу, была плодомъ соображеній и громаднаго труда Д. А. Милютина.

Не буду однако предупреждать хода событій и возвращаюсь къ чеченскому отряду.

Дорога къ Веденю представляла безпрерывный рядъ чрезвычайныхъ затрудненій и преградъ, усиливаемыхъ ужасною слякотью и невылазною грязью глинистой почвы. Вѣковые лѣса, глубокія балки, топкія канавки, въ которыхъ вязли колеса орудій, и т. п. на каждомъ шагу причиняли задержки, вызывали самыя напряженныя усилія солдатъ, руками которыхъ все вырубалось, расчищалось, вытаскивалось и двигалось. Къ счастью, нравственно разбитый непріятель не пользовался представлявшимися на каждомъ шагу оборонительными позиціями.

На всемъ пройденомъ пространствѣ были оставлены этапы, обезпеченные засѣками; большая часть кавалеріи и батарейныхъ орудій расположены ближе къ плоскости. Главныя силы генерала Кемпферта, имѣя въ авангардѣ князя Мирскаго съ 5-ю бат. при 3-хъ сот. и 4-хъ орудіяхъ, (изъ нихъ $2^1/_2$ бат. Кабардинцевъ) медленно подвигались впередъ, а Баженовъ, пользуясь лунною ночью, по едва замѣтнымъ тропинкамъ, во многихъ мѣстахъ и во все безъ дороги, по колѣна въ снѣгу, къ 8-ми часамъ утра, съ 2-мя баталіонами при 4-хъ горныхъ орудіяхъ, показался надъ изумленными защитниками Веденя, по дорогѣ въ Андію, и занялъ аулъ Харачой безъ выстрѣла. Жители встрѣтили русскихъ съ непритворною радостью. Какъ ближайшимъ сосѣдямъ Веденя, имъ вѣроятно приходилось болѣе другихъ испытать тягость существованія, когда Шамиль вынужденъ былъ требовать усиленныхъ жертвъ для борьбы съ нами и когда его мюриды—исполнители распоряженій—не стѣснялись прибѣгать къ самымъ жестокимъ пріемамъ.

Какова была дорога, по которой двигался генер. Кемпфертъ, можно судить потому, что авангардъ, выступивъ въ 5-ть ч. утра, пришелъ на мѣсто—10 верстъ—въ два часа по полудни, а арріергардъ въ два часа ночи! Это была ужасная пытка и для людей, и для лошадей; казалось, полное изнеможеніе овладѣло всѣми...

Самъ генералъ Евдокимовъ выѣхалъ съ кавалеріею впередъ и былъ встрѣченъ въ верстѣ отъ Веденя выстрѣлами изъ

6-ти орудій, а двѣ конныя пушки непріятеля выѣхали впередъ и, по мѣрѣ удаленія нашихъ казаковъ, придвигались и открывали огонь по лагерю только что ставшаго на мѣсто авангарда. Тотчасъ посланы были 4 стрѣлк. роты Кабардинскаго полка съ 2 гор. орудіями прогнать смѣлыхъ Веденьскихъ артиллеристовъ съ ихъ прикрытіемъ. За весь этотъ день у насъ убитъ 1, ранены 4 рядовыхъ.

8-го февраля три отдѣльныя колонны приступили къ рубкѣ просѣки назадъ до Алистанжи и къ разработкѣ переходовъ чрезъ крутые овраги; а четвертая, генерала Кемпферта, получила приказаніе занять гребень высотъ праваго берега притока р. Хулхулау. Позиція эта была занята значительною непріятельскою партіею съ 2-мя орудіями. Невзирая на крутой подъемъ, по раскисшей грязной почвѣ, Куринцы безъ остановочно полѣзли вверхъ и подъ градомъ пуль достигли вершины, заставивъ непріятеля бѣжать къ аулу Эрсеной. Присутствіе здѣсь самаго имама не помогло; позиція, весьма важная для обороны Веденя, была взята; сообщенія непріятеля съ Ичкеріею отрѣзаны. Дѣло это стоило намъ 3-хъ убитыхъ и 36-ти раненыхъ, въ томъ числѣ 3-хъ офицеровъ,—все Куринскаго полка.

9-го числа насъ постигла частная неудача: сотня Кизлярскаго казачьяго полка, слѣдовавшая въ хвостѣ колонны, посланной въ Таузень, отстала и желая избѣгнуть слишкомъ грязной дороги потянулась стороной, лѣсомъ, безъ принятія необходимыхъ мѣръ осторожности. Она была внезапно атакована партіею горцевъ, потеряла своего командира, 20 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ, половину лошадей, а остатки сотни едва спасены прискакавшими изъ лагеря Сунженскими казаками. Происшествіе прискорбное, но, само-собою, никакого вліянія на ходъ дѣлъ неимѣвшее.

Между тѣмъ, оставленный на плоскости небольшой отрядъ изъ 4-го Кабардинскаго и 3-го Виленскаго батальоновъ, при 4-хъ эскадронахъ Нижегородскихъ драгунъ и нѣсколькихъ сотняхъ казаковъ, безпрестанными движеніями по боковымъ перелѣскамъ и Шавдонамъ, между Басомъ и Гудермесомъ, вынуждалъ скрывавшіеся остатки чеченскаго населенія выхо-

дить и селиться на указанныхъ открытыхъ мѣстахъ. Мѣстность очищалась такимъ образомъ отъ всякихъ подозрительной покорности людей и сообщенія наши въ тылу обезпечивались отъ мелкихъ нападеній.

Съ 10 по 26-го февраля вся потеря въ войскахъ ограничивалась 1 убитымъ и 6-ю ранеными ниж. чинами.

Съ нѣкотораго времени наступила ужасная погода: проливной дождь смѣнялся хлопьями мокраго снѣга, все покрывалось непроницаемымъ туманомъ; почва, люди, всѣ вещи пронизывались на сквозь, все раскисло до того, что пришлось пріостановить всякія работы. Только что разработанныя дороги до того испортились, покрылись самыми непролазными слоями густой, глинистой грязи, что нельзя было подвозить къ Веденю нужныхъ для осады принадлежностей и едва, съ страшными затрудненіями и мученіемъ солдатъ, доставлялись запасы продовольствія. При всемъ томъ, особенно поразительной болѣзненности и смертности въ войскахъ не было; больныхъ было не мало, — скорбутъ, тифъ, всякіе катары и лихорадки господствовали, особенно въ батальонахъ 13-й и 18-й дивизіи; госпитали наполнялись; но если принять во вниманіе условія мѣстности, климатическія явленія, и—главное—страшные труды, то нужно удивляться, что болѣзненность ограниничивалась умѣренными цифрами, а смертность была далеко не поразительною. Но послѣдствія подобныхъ походовъ и трудовъ для войскъ, не исключая офицеровъ, не могли не отзываться гибельно на организмахъ. Пока происходили всѣ эти дѣла, мы какъ будто не чувствовали ничего, переносили все не только безропотно, но даже бодро и какъ будто смѣясь въ глаза всякимъ невзгодамъ; но черезъ нѣсколько лѣтъ обнаруживались печальныя послѣдствія и едва ли кто нибудь изъ насъ—служакъ того времени—уцѣлѣлъ отъ разныхъ хроническихъ недуговъ, ревматизмовъ, заваловъ печени, катаровъ, сократившихъ десяткомъ годовъ жизнь и сдѣлавшихъ ее, вообще, преимущественно рядомъ физическихъ страданій. Только сильная натура русскаго человѣка могла вынести тягость кавказской боевой службы, переходъ отъ страшной жары къ 15—18-ти градуснымъ морозамъ, подъ дырявой парусинной палаткой, отъ

болотистой воды къ ледяному горному ключу, отъ напряженія всѣхъ силъ при подъемѣ на кручи, до перехода въ бродъ чрезъ рѣку, отъ работы топоромъ или лопатой до вытаскиванія орудій и обозныхъ телѣгъ, отъ боя съ непріятелемъ до выдѣлки саманнаго кирпича и, большею частью, при недостаткѣ времени выспаться, отдохнуть, подкрѣпиться хорошей пищей. Но и русскій человѣкъ не камень, и на него годы подобнаго существованія производили свое дѣйствіе, отзываясь преждевременнымъ разрушеніемъ организма. Можно положительно и безъ всякаго преувеличенія сказать, что ни одна армія, кромѣ русской, не въ состояніи была бы выдержать подобной войны, даже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; а мы вели ее десятки лѣтъ. Особенно послѣдніе четыре года отличались даже и для насъ условіями крайняго напряженія...

Съ 1-го марта дагестанскій отрядъ генералъ-адъютанта барона Врангеля открылъ дѣйствія изъ Ауха къ Ичкеріи, облегчая чеченскому отряду его задачу. Я не могу распространяться здѣсь о подробностяхъ этихъ дѣйствій, какъ потому что Кабардинцы въ нихъ не участвовали, такъ и потому что характеръ ихъ имѣлъ многаго общаго съ послѣдними расказанными дѣйствіями ген. Евдокимова. Точно также, съ появленіемъ нашихъ войскъ большинство жителей укладывало свой скарбъ на арбы и бѣжало подъ прикрытіе русскихъ укрѣпленій, поселяясь на плоскости, точно также партіи гумбетовцевъ, салатавцевъ, подъ предводительствомъ ревностныхъ слугъ Шамиля, старались не допускать до этого, увлекая часть населенія дальше въ горы и вступали въ схватки съ нашими ротами, иногда довольно жаркими, стоившими намъ изрядныхъ потерь, и точно также, наконецъ, вырубая лѣса, отрядъ барона Врангеля подвигался впередъ, достигнувъ въ половинѣ марта знаменитыхъ въ нашихъ военныхъ лѣтописяхъ ичкеринскихъ ауловъ: Саясани, Аллерой, Шаухалъ-Берды—этихъ свидѣтелей критическаго положенія отряда князя Воронцова въ 1845 году, какъ было разсказано въ своемъ мѣстѣ.

Ичкеринцы ожидали ухода Шамиля къ лезгинамъ и отка-

зались отъ сопротивленія намъ. Видя приближеніе съ двухъ сторонъ русскихъ отрядовъ, далеко уже не при тѣхъ условіяхъ, какъ въ 1842 или 45 годахъ, они не рисковали озлоблять насъ и довести свои аулы до истребленія. Рекогносцировки, рубка просѣкъ въ самыхъ дремучихъ лѣсахъ Ичкеріи, напримѣръ между Аллероемъ и Шаухалъ-берды, въ мѣстахъ, о которыхъ нѣсколько лѣтъ назадъ могли думать только съ ужасомъ, обходились теперь дагестанскимъ войскамъ безъ выстрѣла. Ичкеринцы являлись съ просьбой не трогать ихъ и подождать паденія Веденя, когда Шамиль вынужденъ будетъ бѣжать въ горы и вся Ичкерія покорится русскимъ.

Шамиль, съ своей стороны, тоже думалъ развлечь наши силы, вынудивъ озаботиться охраненіемъ тыла; для этого партіи въ сто—двѣсти человѣкъ пробирались на Кумыкскую плоскость, тревожили тамъ гарнизоны укрѣпленій, нападали на небольшія прикрытія оказій и т. п. Но все это были неудачныя попытки, ни на одинъ часъ не могшія задержать хода дѣлъ на главномъ театрѣ войны.

10-го марта генералъ Евдокимовъ приступилъ къ постройкѣ редута, верстахъ въ двухъ отъ Веденя, какъ основанія будущей штабъ-квартиры Куринскаго полка. 10-го марта непріятель производилъ по работамъ канонаду безъ особаго вреда для насъ. Ночью горцы внезапно атаковали два отдѣльные пункта нашей позиціи на Декенъ-дука, занятые для прекращенія сообщеній Шамиля съ Чеберлоевскимъ обществомъ, среди котораго было много людей, еще тяготѣвшихъ къ главѣ мюридизма и готовыхъ измѣнить своей недавней покорности русскимъ. Атака эта, встрѣченная изъ засѣкъ батальнымъ огнемъ, была безуспѣшна. Чрезъ два дня она повторилась и точно также безъ результата.

13-го марта генералъ Евдокимовъ произвелъ рекогносцировку внизъ по Веденьской полянѣ до сліянія обоихъ рукавовъ Хулхулау, гдѣ цѣлый рядъ заваловъ оказался никѣмъ незанятымъ...

Между тѣмъ работы по вырубкѣ просѣки и устройству сносныхъ переходовъ чрезъ Алистанжійскій и Арджиахскій овраги были окончены, засѣки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ видѣ

этаповъ, заняты, и представилась возможность притянуть оттуда войска къ главному отряду. Къ 16-му марта наконецъ и погода умилостивилась, валившій трое сутокъ мокрый снѣгъ пересталъ, выглянуло солнце, запахло весной и рѣшено было приступить къ обложенію и осадѣ Веденя.

Предварительно посланъ былъ нашъ маіоръ Гейманъ, съ двумя ротами Кабардинцевъ, одною ротою 20-го стрѣлковаго батальона и командой охотниковъ, осмотрѣть подробно мѣстность, прилегающую къ передовому непріятельскому редуту, и оврагъ лѣваго притока Хулхулау, какъ самыхъ удобныхъ для атаки. Ночью на 17-е марта Гейманъ вполнѣ учачно исполнилъ это порученіе и возвратился безъ выстрѣла.

17-го же числа былъ заложенъ редутъ въ 450 саж. отъ Веденя, а 18-го обложили его, на сколько по мѣстности оказывалось возможнымъ. Ведень лежалъ на правомъ берегу лѣваго притока р. Хулхулау, при выходѣ его изъ лѣсистаго ущелья. Окруженный горными, лѣсными трущобами, аулъ раскинулся въ долинѣ; западная и восточная стороны были ограждены отвѣсными обрывами, круто спускавшимися въ глубокіе овраги, укрѣпленные брустверами изъ плетней и туровъ, засыпанныхъ землею; сѣверная сторона къ полянѣ была укрѣплена толстыми параллельными брустверами, расположенными одинъ отъ другого въ разстояніи 3—5 шаговъ; наружный брустверъ одѣтъ плетнемъ, увѣнчанъ въ два ряда турами, имѣвшими $1\frac{1}{2}$ ар. въ діаметрѣ, засыпанными глиною и камнями; между брустверами блиндажъ съ бревенчатою настилкою, устланною въ нѣсколько рядовъ фашинникомъ, засыпаннымъ сверху землею. На сѣверовосточномъ и сѣверозападномъ углахъ устроены туръбастіоны такихъ же профилей, фланкирующіе овраги и ровъ передняго фаса.

Съ запада тянулся гребень высотъ, вершина коего была укрѣплена шестью отдѣльными редутами на 500 до 600 человѣкъ каждый, съ промежуточными постройками, въ родѣ редутовъ, на ихъ сообщеніи. Одинъ, самый сильный редутъ, нижній, защищаемый андійцами, имѣлъ крытые ходы; онъ лежалъ на одной высотѣ съ сѣвернымъ фасомъ Веденя, состоялъ изъ трехъ отдѣльныхъ, неправильныхъ построекъ,

окруженныхъ широкими и глубокими оврагами, съ глиняными брустверами, достигавшими въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 8 шаговъ толщины; все было увѣнчано огромными турами въ саж. въ діаметрѣ, наполненными глиной и камнями; внутри для гарнизона были блиндажи. Этотъ сильнѣйшій редутъ, названный Андійскимъ, составлялъ ключь позиціи; съ взятіемъ его отрѣзывалось гарнизону сообщеніе съ Андіей.—Защитниковъ Веденя было не менѣе семи тысячь человѣкъ, изъ коихъ половина въ аулѣ, остальные въ редутахъ. Въ самомъ аулѣ всѣ строенія были деревянныя, обнесенныя общимъ частоколомъ; въ срединѣ аула былъ дворъ Шамиля, обнесенный особымъ частоколомъ, въ немъ его домъ съ разными службами, съ отдѣльнымъ зданіемъ для двухсотъ избранныхъ мюридовъ, составлявшихъ конвой имама. Кромѣ того въ укрѣпленіи находились разныя мастерскія, нѣчто въ родѣ арсенала, паркъ, мечетъ; отдѣльно была расположена слободка бѣглыхъ солдатъ — мастеровыхъ и артиллеристовъ преимущественно. Говорили, что въ Веденѣ жило нѣсколько иностранцевъ, въ качествѣ враждебныхъ Россіи политическинъ агентовъ, которые служили Шамилю инженерами и совѣтниками. Но ни какой вѣры этому слуху я не придаю: если бы иностранцы находилить въ Веденѣ, то имъ едва ли удалось бы въ описываемый періодъ уйти оттуда, не попавъ въ наши руки; сами чеченцы и вообще туземцы передали бы ихъ намъ, чтобы выслужиться, а заботиться о судьбѣ гяура, хотя бы даже и такого, который работалъ на ихъ пользу, совсѣмъ не въ характерѣ азіятцевъ. Не взяли бы ихъ въ Веденѣ, то взяли бы въ Гунибѣ, вмѣстѣ съ Шамилемъ; наконецъ, пребываніе иностранцевъ въ Веденѣ не могло бы остаться неизвѣстнымъ генералу Евдокимову и всѣмъ его предмѣстникамъ, когда лазутчики являлись съ извѣстіями о каждомъ шагѣ Шамиля, о каждомъ его распоряженіи и, какъ мы видѣли, даже доставляли намъ его письма къ наибамъ, а между тѣмъ въ офиціальныхъ бумагахъ объ этомъ не упоминается нигдѣ, тогда какъ объ иностранцахъ на берегу Чернаго моря, у Шапсуговъ, Убыховъ и другихъ, всегда было извѣстно положительно и доносимо въ

Петербургъ. Инженера, и хорошаго, Шамиль имѣлъ въ лицѣ Хаджи-юсуфа, о которомъ уже разсказано въ этой книжкѣ.

Осаждающій отрядъ, подъ командою генер. маіора Кемпферта, состоялъ изъ $13^1/_2$ бат., раздѣленныхъ на три колонны и два резерва. 1-я колонна—Куринцы съ западной стороны, 2-я колонна—Тенгинцы, три роты 20 стр. бат. и 1-й бат. Кабардинскаго полка съ фронта, къ Андійскому редуту, съ назначеніемъ заложить брешь батарею; лѣвая, 3-я колонна $2^1/_2$ бат. Ряжскаго, 3-й бат., двѣ стрѣлковые роты и охотничья команда Кабардинскаго полка. Остальныя войска въ резервѣ на двухъ пунктахъ.

Работы велись какъ при всякой осадѣ: траншеи, редуты, батареи, съ неизбѣжными передвиженіями, все совершалось большею частью ночью; непріятель снарядовъ не жалѣлъ. но стрѣлялъ крайне неискусно: за 12 дней у насъ всего выбыло изъ строя 9 убитыхъ, 1 штабъ, 4 оберъ-офицера (въ томъ числѣ Кабардинскаго полка подпоручикъ Терентьевъ) и 68 нижнихъ чиновъ раненыхъ, контужено человѣкъ около 30.

26-го марта траншея отъ западной колонны была доведена на 50 шаговъ къ берегу оврага, а 27-го устроена здѣсь батарея на 6 орудій, не далеко отъ другой, заложенной еще 19-го ч. на двѣ мортиры. Редутъ заложенный еще 17-го ч. въ 450 саж. отъ Веденя, былъ тоже 19 го оконченъ и вооруженъ двумя батарейными орудіями и двумя 2-хъ пудов. мортирами; во 2-й колоннѣ траншея, начатая въ 250 саж. отъ сѣверозапад. туръ-бастіона, была окончена и 27-го заложена брешъ-батарея на 6 батар. орудій, въ разстояніи 160 саж. отъ Андійскаго редута; за нею были расположены еще двѣ батареи на 5 мортиръ; въ другой траншеѣ къ тому же редуту, на разстояніи 180 саж., поставлены два бат. орудія и двѣ мортиры; наконецъ отсюда выведенъ еще рукавъ по западной покатости гребня въ разстояніи 60 саж. отъ Андійскаго редута и тутъ поставленъ горный единорогъ.

Ночью на 27-е марта Кабардинскаго полка подпоручикъ Коленко *) съ нашею охотничьею командою былъ посланъ

*) Коленко получилъ по статуту георгіевскій крестъ; нынѣ онъ подполковникъ, командиръ 1-го бат. и флигель-адъютантъ Его Величества.

осмотрѣть и измѣрить глубину и ширину рва Андійскато редута; ползкомъ пробрался Коленко къ самому редуту, въ точности исполнилъ порученіе и благополучно возвратился. Наша охотничья команда, въ который уже разъ, сослужила вѣрой и правдой общему дѣлу. Преданія Богдановича сохранялись въ ненарушимой святости: всегда и вездѣ впереди, безъ отдыха, безъ страха и упрека, постоянно тамъ, гдѣ ожидается наиболѣе опасности, изо дня въ день въ лѣсахъ, оврагахъ, подолгу необмытая, непричесанная, съ слоями пыли и грязи на тѣлѣ и одеждѣ, только свои двухстволки сохраняя въ чистотѣ и опрятности. Во многихъ кавказскихъ полкахъ были охотничьи команды, отличавшіяся быстротою въ движеніяхъ, безстрашіемъ, умѣніемъ примѣняться къ мѣстности и подражать съ успѣхомъ военнымъ пріемамъ горцевъ въ мелкой партизанской войнѣ; но всѣхъ ихъ превосходила команда Кабардинскаго полка. Потому ли что кругъ ея дѣйствій, по мѣстности и условіямъ Кумыкской плоскости, содѣйствовалъ этому, потому ли что дѣла приходилось ей имѣть съ наиболѣе ловкимъ непріятелемъ и вообще гораздо чаще чѣмъ другія бывать въ огнѣ, потому ли, наконецъ, что самое сформированіе, снабженіе отличными двухствольными ружьями и относительно большая предоставленная свобода отъ всякихъ во фронтѣ неизбѣжныхъ стѣсненій и требованій, или счастливый выборъ такихъ офицеровъ какъ Богдановичъ въ начальники, создали нѣсколько десятковъ людей—особаго закала,—сказать трудно. Вѣрнѣе, что всѣ эти условія имѣли вліяніе на образованіе команды, которая отъ костюма, вооруженія, до физіономіи, походки и всѣхъ пріемовъ носила отпечатокъ такой оригинальной своеобразности, чего-то такого беззавѣтно-удалаго, что бросалось всѣмъ въ глаза, всѣмъ нравилось, а иностранныхъ офицеровъ, пріѣзжавшихъ на Кавказъ, просто приводило въ восхищеніе. Извѣстный мюнхенскій профессоръ живописи Горшельтъ, нѣсколько лѣтъ сопровождавшій наши отряды, оставилъ прекрасный рисунокъ, представляющій Кабардинскую охотничью команду; рисунокъ былъ приложенъ къ Кавказскому календарю, кажется за 1861 годъ. Въ этомъ году пріѣзжали на правое крыло французскаго генеральнаго штаба подполков-

никъ Кольсонъ *) и молодой офицеръ дюкъ де-Монтебелло,— оба они не могли налюбоваться нашей командой и ставили ее выше своихъ африканскихъ зуавовъ.

31-го марта всѣ работы были окончены. 1-го апрѣля, въ 6 часовъ утра, открыта изъ 16-ти орудій и 8-ми мортиръ канонада по Андійскому редуту. Почти безъ перемежки двѣнадцать часовъ длился этотъ адскій огонь; непріятельская артиллерія тоже упорно дѣйствовала, но стрѣляя исключительно ядрами, причиняла мало вреда; наши артиллеристы славно пристрѣлялись и снаряды большею частью ложились въ опредѣленныя точки. Часу во 2-мъ уже замѣтна была брешь, пробитая въ главной постройкѣ редута, но генералъ Евдокимовъ не хотѣлъ жертвовать людьми и успѣхъ дѣла предоставлять случаю, онъ приказалъ продолжать и усилить до крайней возможности канонаду, чтобы произвести разрушеніе и довести гарнизонъ до возможной степени истощенія.

Около этого времени на вершинѣ горы Ляникортъ показался изъ Эрсеноя Шамиль, окруженный нѣсколькими сотнями пѣшихъ и конныхъ горцевъ; неподвижно слѣдилъ онъ за ходомъ боя, наконецъ, повернувъ коня, уѣхалъ съ конными, а пѣшіе спустились къ Веденю. Какія мысли волновали въ эту минуту стараго владыку горъ—угадать не трудно... Всѣ эти увѣренія въ нарочитомъ отступленіи, чтобы завлечь насъ въ глубь Ичкеріи и истребить, въ кометѣ, имѣющей своимъ хвостомъ смести христіанъ съ лица земли, въ помощи новаго султана и т. п. дѣлались для поддержанія бодрости въ легковѣрныхъ массахъ, чтобы имѣть возможность длить борьбу до крайности,—авось какой нибудь неожиданный случай явится на выручку и опять повернетъ дѣла въ его сторону. Самъ Шамиль, конечно, не вѣрилъ уже въ возможность успѣха; достаточно умный, опытный человѣкъ онъ не могъ не видѣть, что теперешній образъ дѣйствій русскихъ уже не тотъ что

---

*) Въ 1870 г., въ чинѣ бригаднаго генерала, былъ начальникомъ штаба въ корпусѣ Макъ-Магона; когда корпусъ, разбитый прусаками при Вертѣ, бѣжалъ въ безпорядкѣ, Кольсонъ не перенесъ нравственнаго пораженія и пустилъ себѣ пулю въ лобъ...

прежде, что все дѣлается основательно, прочно, не налетомъ, и что выжить ихъ изъ разъ занятаго мѣста нечего и думать. Все, на что онъ могъ расчитывать—это на центръ Дагестана, на Аварію, Андалялъ, на самыя преданныя мюридизму населенія и на самыя неприступныя мѣстности, могущія еще задержать русскихъ на одинъ, на два года; какъ утопающій за соломенку, хватался онъ за всякій признакъ надежды. Человѣкъ такъ уже созданъ, что чѣмъ ближе къ неизбѣжной гибели, тѣмъ легче поддается онъ вѣрѣ въ возможность спасенія. Въ душѣ происходитъ поминутная смѣна противуположныхъ чувствъ: отчаянія, ужаса, при видѣ неотвратимаго конца, минутное успокоеніе, радость, при сладкой мечтѣ о чудесномъ, неожиданномъ спасеніи. Борьба тѣмъ болѣе мучительная, чѣмъ долѣе она длится, и все таки человѣкъ жаждетъ продлить ее на сколько возможно...

Къ 6 часамъ вечера Андійскій редутъ, въ который было брошено болѣе тысячи бомбъ, гранатъ и ядеръ, представлялъ уже кучу развалинъ. Тогда была двинута къ нему штурмовая колонна полковника Баженова, состоявшая изъ 4-хъ ротъ Тенгинскаго, 6 ротъ съ охотничьей командой Кабардинскаго полка и двухъ ротъ 20-го стрѣлковаго батальона; въ резервѣ слѣдовали батальонъ Ряжскаго и батальонъ Бѣлевскаго полковъ. Взвилась сигнальная ракета; изъ всѣхъ орудій грянулъ страшный залпъ по Веденю, гдѣ все вдругъ какъ бы скрылось въ дыму и пыли; штурмовыя роты бѣгомъ бросились къ редуту,—Тегинцы съ фронта, Кабардинцы въ обходъ съ тыла. Изъ подъ обрушившихся блиндажей, наши молодцы были встрѣчены еще залпомъ нѣсколькихъ десятковъ отчаянныхъ защитниковъ, но 5-я стрѣлковая рота Тенгинскаго полка, первая вскочившая на вершину бреши, скоро съ ними покончила.

Вмѣстѣ съ началомъ штурма были посланы два батальона сдѣлать диверсію въ обходъ Веденя, что и побудило гарнизонъ поспѣшить его оставленіемъ, хотя на самомъ дѣлѣ обойти его такъ, чтобы отрѣзать всякое отступленіе, не представлялось никакой возможности и это не удалось полковнику Баженову 7 февраля, когда войска еще только подходили къ Веденю. Защитники Веденя, съ Кази-Магомой во главѣ, конечно, знали

объ этой невозможности отрѣзать имъ выходъ, но упавшiе духомъ вообще неудачами послѣднихъ лѣтъ, видя паденiе главнаго оплота крѣпости—Андiйскаго редута, забрасываемые массою чугуна, среди запылавшаго въ разныхъ мѣстахъ аула, они просто уже потеряли охоту дальнѣйшимъ упорствомъ увеличивать число жертвъ и бѣжали. Впрочемъ, нужно быть справедливымъ къ мужеству и стойкости защитниковъ Андiйскаго редута: выдерживать 12 часовъ сряду такой адскiй огонь, продолжая отстрѣливаться и подъ развалинами еще оставаться, чтобы погибнуть отъ штыковъ штурмующихъ, сдѣлало бы честь и всякому регулярному, дисциплинированному войску; здѣсь же, неслѣдуетъ этого забывать, гарнизонъ состоялъ изъ жителей, изъ ополченiя.

Къ 10 часамъ вечера все было окончено. Ведень пылалъ, редуты заняты нашими войсками; непрiятель скрылся. Вся потеря ограничилась ничтожной цыфрой 2 убитыхъ и 23 раненыхъ нижнихъ чиновъ и 1 раненаго офицера.

Главный актъ драмы былъ сыгранъ, судьба страны на сѣверъ отъ Андiйскаго хребта рѣшена безповоротно. Положенiе Шамиля стало вполнѣ критическимъ.

Князь Барятинскiй, получивъ въ Тифлисѣ донесенiе о паденiи Веденя, приказалъ отсалютовать побѣдѣ 101 выстрѣломъ изъ Метехскаго замка, а войскамъ лѣваго крыла отправилъ слѣдующiй приказъ:

«Господь Богъ за великiе труды и подвиги ваши наградилъ васъ побѣдой: неодолимыя до селѣ преграды пали, Ведень взятъ и завоеванная земля повергнута вся къ стопамъ Великаго Государя.

«Слава генералу Евдокимову! Спасибо храбрымъ сподвижникамъ его!» *).

Баронъ Врангель съ дагестанскимъ отрядомъ, до полученiя извѣстiя о взятiи Веденя, продолжалъ въ Ичкерiи дѣйствовать по принятой системѣ. Когда обнаружилось, что аулъ Шаухалъберды не только самъ упорствуетъ послѣдовать примѣру дру-

*) За взятiе Веденя нашъ 3-й бат. получилъ Георгiевское знамя.

гихъ ичкеринцевъ въ изъявленіи покорности, но еще вліяетъ на другіе аулы въ этомъ смыслѣ, баронъ Врангель рѣшился наказать Шаухалъ-бердынцевъ и показать имъ, что времена 1845 года, когда они торжествовали надъ отрядомъ князя Воронцова, ожидавшемъ здѣсь выручки, минули безвозвратно. Съ колонной изъ 5-ти бат., 4-хъ эскадроновъ драгунъ и нѣсколькихъ сотенъ милиціи баронъ Врангель двинулся къ Шаухалъ-Берды; аулъ оказался пустымъ, всѣ семейства, скотъ, имущество были вывезены дальше, въ аулы Деклеръ-бей и Ноной, находившіеся въ 2-хъ верстахъ, среди дремучаго лѣса, куда, по мнѣнію жителей, русскіе не дерзнутъ пройти. Однако они ошиблись: обезпечивъ двумя батальонами переправу чрезъ Аксай, баронъ Врангель остальныя войска послалъ тотчасъ атаковать Деклеръ-бей и Ноной. Послѣ незначительной перестрѣлки, они были заняты и въ нихъ захвачено нѣсколько лошадей и рогатаго скота; въ сакляхъ-же оказался огромный запасъ всякаго рода посуды, столоваго серебра, оружія, артиллерійскихъ снарядовъ, панцырей, налокотниковъ, разныхъ цѣнныхъ украшеній и домашнихъ вещей, а также звонкой монеты, — все это награбленное въ 1854 году въ Кахетіи и оставшееся отъ несчастной Даргинской экспедиціи, когда много вьюковъ было у насъ отбито, еще больше брошено, чтобы освободить лошадей подъ раненыхъ.

Грустны были воспоминанія при видѣ всѣхъ этихъ вещей, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ же служили нѣмыми, но ясными доказательствами, что чрезъ 14 лѣтъ послѣ тяжкаго урока, умудрившаго насъ опытомъ, мы загладили прежнія неудачи и могли торжествовать не мимолетную побѣду, а прочное достиженіе цѣли. Пѣсня мюридизма была спѣта!...

Къ отряду барона Врангеля безпрерывно выходили семейства разныхъ, насильственно переселенныхъ Шамилемъ въ горы жителей Шамхальской плоскости и другихъ предгорныхъ мѣстъ Дагестана. Каранаевцы, Эрпелинцы, Ахатлинцы и другіе, въ числѣ 160 семействъ, явились съ своими пожитками въ лагерь и были безконечно счастливы, получивъ разрѣшеніе возвратиться на свои родныя мѣста, оставленныя ими въ 1843 году, при общемъ возстаніи.

До 7-го апрѣля чеченскій отрядъ занимался разрушеніемъ укрѣпленій Веденя, отъ которыхъ неосталось почти и слѣда. Недостатокъ продовольствія и особенно фуража, вслѣдствіе чрезвычайно труднаго сообщенія, вынудили генерала Евдокимова отложить предполагавшееся имъ движеніе въ Ичкерію для окончательнаго изгнанія бывшихъ тамъ партій непріятеля и полнаго покоренія этого общества. Оставивъ въ Веденѣ 5½ бат. пѣхоты для работъ по устройству штаба Куринскаго полка, онъ отправилъ большую часть войскъ на плоскость.

Между тѣмъ паденіе шамилевской резиденціи и бѣгство его изъ Веденя было сигналомъ къ возстанію противъ его власти еще нѣсколькихъ обществъ, удерживавшихся, впрочемъ, только наибами, подъ страхомъ казней. Чеберлоевцы изгнали своего правителя и явились съ покорностью въ Шатой, что дало возможность совершенно очистить Шароаргунское ущелье отъ враждебныхъ элементовъ и рубить оттуда просѣки къ Андійскимъ высотамъ. Остатки чеченскаго населенія, скрывавшіеся въ самыхъ трудно доступныхъ мѣстахъ отроговъ Черныхъ горъ, выселились, а наша милиція загнала наиба ихъ Османа въ какую то безвыходную трущобу, при чемъ отняли у него пушку—послѣдній символъ власти. Извѣстный большечеченскій наибъ Талгикъ еще раньше того самъ вышелъ къ намъ, предлагая свои услуги.—12-го мая вся Ичкерія изъявила покорность; оставался только одинъ аулъ Беной съ нѣсколькими хуторами, въ которыхъ поселились отчаянные абреки, не надѣявшіеся на прощеніе ихъ долголѣтнихъ хищническихъ преступленій и надѣявшіеся еще долго изъ своихъ трущобъ продолжать излюбленное ремесло. Въ Аухѣ тоже почти уже не оставалось непокорнаго населенія.

Войска въ разныхъ направленіяхъ расчищали просѣки и исправляли дороги, прикрывая ежедневно продолжавшіяся выселенія жителей; другая колонна работала дорогу изъ Харачая на Андійскія высоты, одна подъ начальствомъ генерала Кемпферта расположилась въ Ичкеріи, прикрывая ее отъ попытки шамилевскихъ клевретовъ еще разъ возбудить волненія и втянуть насъ здѣсь въ столкновенія.

Весь іюнь усиленно работали надъ приведеніемъ дороги до Веденя и на Андійскія высоты до такого состоянія, чтобы движеніе могло совершаться безпрепятственно. Къ началу іюля она была готова и авангардъ расположился уже на Андійскихъ высотахъ у озера Япи-амъ. (Тутъ были 2-й и 3-й бат. Кабардинскаго полка; 4-й оставался въ Ичкеріи).

XVIII.

План решительных наступательных действій.—Сдача княземъ Мирскимъ полка И. А. Клингеру.—Пріѣздъ въ Чечню главноком. кн. Барятинскаго.—Поѣздка въ Аргунское ущелье и чрезъ Шали въ Дарго. — Переходъ на Андійскія высоты.—Описаніе лагеря у озера Ями-амъ и встрѣча кн. Барятинскаго.—Предстоявшіе тремъ отрядамъ пути наступленія.—Рекогносцировка къ Технуцалу.—Укрѣпленія непріятеля.—Переходъ дагестанскаго отряда чрезъ Койсу.—Покореніе Койсубу, Аваріи, Гумбета.

Еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, послѣ взятія Веденя, въ Тифлисъ были приглашены командующіе войсками: лѣваго крыла, Прикаспійскаго края и Лезгинской линіи и, послѣ общихъ совѣщаній, составленъ планъ предстоявшихъ лѣтомъ рѣшительныхъ наступательныхъ дѣйствій, вся суть которыхъ заключалась въ концентрическомъ движеніи трехъ отрядовъ въ долину Андійскаго Койсу: чеченскаго изъ Аргунскаго ущелья въ Технуцалъ и изъ Веденя въ Анди, дагестанскаго изъ Буртуная къ Гумбету, а лезгинскаго изъ Тушетіи и Дидо въ Ункратль. Кромѣ того предназначались, въ случаѣ успѣха трехъ главныхъ отрядовъ, два менѣе значительные отряда изъ Дагестана, для движеній къ Аварскому и Кара-Койсу.

Съ этимъ планомъ главнокомандующій въ половинѣ мая выѣхалъ въ Петербургъ, съ намѣреніемъ возвратиться къ началу іюля на Кавказъ и приступить къ его исполненію; до того же, командующіе войсками должны были дѣятельно вести всѣ подготовительныя работы. На лѣвомъ крылѣ, какъ мы видѣли, онѣ заключались, главнѣйшимъ образомъ, въ улучшеніи дорогъ съ плоскости чрезъ Ведень на Андійскія высоты, въ окончательномъ выселеніи всѣхъ остатковъ непокор-

наго чеченскаго населенія, въ успокоеніи Ичкеріи, чтобы, при предстоящемъ движеніи впередъ, сообщенія и тылъ были обезпечены и не требовали большаго числа войскъ. Все это къ 1-му іюля было вполнѣ совершено. О Дагестанѣ и Лезгинской линіи въ этомъ отношеніи я ничего не говорю: это завлекало бы меня слишкомъ далеко отъ прямой цѣли; для полноты же картины самихъ событій, вскорѣ послѣдовавшихъ, будетъ достаточно краткаго изложенія дѣйствій тѣхъ отрядовъ, съ момента ихъ движенія отъ своихъ операціонныхъ линій.

Затѣмъ наступилъ послѣдній актъ великой драмы, носившей названіе Кавказской войны. Прежде разсказа объ этой торжественной исторической минутѣ, я долженъ возвратиться къ Кабардинскому полку, въ жизни котораго опять произошелъ важный для него переворотъ: князь Мирскій получилъ другое назначеніе и сдалъ полкъ новому командиру, полковнику Ивану Андреевичу Клингеру.

Командованіе князя Мирскаго было весьма кратковременно; съ 5-го сентября 1857 по апрѣль 1859,—всего полтора года, и неознаменовалось ни чѣмъ особеннымъ. Князь Дмитрій Ивановичъ былъ для полка «свой человѣкъ»: 1-го іюля 1844 года онъ, 20-лѣтнимъ юношей, вступилъ въ полкъ юнкеромъ, ровно чрезъ годъ, въ даргинскую экспедицію, произведенъ въ прапорщики; въ 1848 году, въ чинѣ подпоручика, подъ Гергебилемъ былъ тяжело раненъ; затѣмъ, съ прозводствомъ въ поручики, назначенъ адъютантомъ сперва къ начальнику главнаго штаба генералу Коцебу, послѣ къ главнокомандующему князю Воронцову; въ 1854 г., уже въ чинѣ подполковника, перешелъ въ Тенгинскій полкъ; въ 1855 г., князь Мирскій подписалъ извѣстное письмо къ главнокомандующему Н. Н. Муравьеву «кавказскаго офицера», рѣзко осуждавшее посланіе его къ А. И. Ермолову на счетъ упадка якобы дисциплины и воинственности въ Кавказской арміи, за что и былъ переведенъ въ Россію, въ Азовскій пѣхотный полкъ; послѣ прикомандированъ къ Одесскому полку, съ которымъ принялъ участіе въ кровопролитномъ сраженіи 4-го августа 1855 г. на Черной рѣчкѣ и въ атакѣ на Федюхины высоты, при чемъ, во главѣ батальона, былъ тяжело раненъ опять въ грудь на вылетъ.

Выздоровѣвъ, Дмитрій Ивановичъ принялъ Черниговскій пѣхотный полкъ, назначенъ флигель-адъютантомъ, произведенъ въ полковники; затѣмъ назначенъ начальникомъ штаба 5-го пѣхотнаго корпуса. Съ прибытіемъ князя Барятинскаго на Кавказъ, князь Мирскій тоже возвратился въ край и принялъ Кабардинскій полкъ; произведенный 12-го августа 1859 г. въ генералъ-маіоры свиты, назначенъ начальникомъ штаба войскъ въ Прикаспійскомъ краѣ. Блестящая служебная карьера князя Мирскаго, который, чрезъ 12-ть лѣтъ послѣ производства въ прапорщики, уже командовалъ тѣмъ же полкомъ, была воздаяніемъ замѣчательной личной храбрости — свойства прирожденнаго всякому Кабардинцу — и вообще высокимъ достоинствамъ его, какъ образованнаго и способнаго офицера. О какой-нибудь болѣе подробной характеристикѣ живаго человѣка, занимающаго нынѣ высокое положеніе члена государственнаго совѣта, генералъ-адъютанта, генералъ-губернатора Харьковскаго и проч., само собою, не можетъ быть и рѣчи. Собственно какъ о полковомъ командирѣ можно ограничиться нѣсколькими словами: любезный, привѣтливый, гостепріимный, не педантъ, снисходительный къ укоренившимся полковымъ обычаямъ и традиціямъ, хотя бы иногда и не совсѣмъ соотвѣтствовавшимъ строгимъ служебнымъ требованіямъ, однимъ словомъ, самъ Кабардинецъ и товарищъ большинства старшихъ офицеровъ въ полку. Вся же прочая служебная дѣятельность князя Мирскаго на разныхъ высшихъ военно-административныхъ должностяхъ уже не составляетъ для меня — историка полка — предмета изслѣдованія.

Встрѣтить главнокомандующаго-шефа полка выпало уже на долю новому командиру, И. А. Клингеру.

4-го іюля прибылъ князь Барятинскій изъ Петербурга въ Грозную, 9-го ѣздилъ въ Аргунское ущелье осматривать всѣ работы и постройки. Теперь вообще уже трудно представить себѣ значеніе, хотя бы, напримѣръ, такой поѣздки главнокомандующаго, съ однимъ троннымъ конвоемъ, составленнымъ на половину изъ туземной милиціи, чрезъ Воздвиженскую въ Аргунское ущелье до Шатоя, и особенно трудно это для людей, не служившихъ на Кавказѣ во время борьбы нашей съ Ша-

милемъ. Но намъ, свидѣтелямъ и участникамъ описанныхъ событій, подобные факты не могли не показаться чѣмъ-то непостижимо-неожиданнымъ, чѣмъ-то — чуть не сверхъестественнымъ, сномъ. Давно-ли изъ Грозной въ Воздвиженскую, невзирая на ея основаніе еще въ 1844 году, не смотря на ежедневныя сообщенія, постоянное движеніе отрядовъ и т. д., нельзя было иначе проходить какъ съ оказіею, подъ прикрытіемъ пѣхоты и артиллеріи; давно-ли на этомъ пространствѣ разныя кровавыя происшествія и перестрѣлки считались обычною вещью, какъ бы неизбѣжною принадлежностью, и вдругъ главнокомандующій ѣдетъ тутъ съ почетнымъ туземнымъ конвоемъ, между которымъ фигурируютъ недавніе предводители непріятельскихъ отрядовъ, недавніе ближайшіе помощники Шамиля, извѣстные враги русскаго дѣла,—наибы: чеченскій Талгикъ, (тесть старшаго сына Шамиля) веденскій Эдинъ, малочеченскій Дуба, мичиковскій Эски, ичкеринскій Умалатъ. Этого мало: изъ Воздвиженской такимъ же образомъ главнокомандующій ѣдетъ по Аргунскому ущелью въ Шатой, осматриваетъ тамъ штабъ квартиру Навагинскаго полка и въ тотъже день возвращается въ Грозную.

12-го числа князь Барятинскій проѣхалъ въ Шали, оттуда верхомъ по Баскому ущелью въ Таузень и въ Ведень; 13-го числа, подъ прикрытіемъ двухъ сотень казаковъ и полутораста чеченскихъ милиціонеровъ онъ проѣхалъ чрезъ Ичкерію въ Дарго. Въ этотъ самый день, 13-го іюля 1845 г., здѣсь былъ другой главнокомандующій, князь Воронцовъ, озабоченный приготовленіями къ отступленію съ 800 раненыхъ, безъ продовольствія, съ небольшимъ запасомъ снарядовъ и патроновъ, съ отрядомъ, только что вынесшимъ кровавые дни 10-го и 11-го іюля—памятной сухарной экспедиціи. На томъ же мѣстѣ, гдѣ тогда стояла палатка князя Воронцова, чрезъ 14 лѣтъ расположился завтракать князь Барятинскій, весьма дружелюбно окруженный туземцами; женщины и дѣти, подражая русскимъ, кричали ему ура! стараясь поближе подойти и взглянуть на урусъ-сардаря... И все прикрытіе главнокомандующаго, его свиты и главнаго мѣстнаго начальника графа Евдокимова состояло изъ 200 казаковъ!!. Признаюсь, я тогда рѣшительно

не могъ отдѣлаться отъ неотвязчивой мысли—ну, если вспышка фанатизма мгновенно проявится и изувѣры, въ родѣ тѣхъ, которые въ 1824 году въ Герзель-аулѣ убили генераловъ Лисаневича и Грекова, возьмутся за оружіе!.. Какъ бы дорого мы не продали жизнь свою, несчастіе все же было бы великое для всего Кавказа, для Россіи, потому, что такой неожиданный эпизодъ, увѣнчанный кровавыми успѣхами, могъ бы снова поднять горцевъ и опрокинуть все наше только что заложенное зданіе и затянуть опять надолго окончаніе борьбы... Но князь Барятинскій зналъ что дѣлалъ: онъ видѣлъ что чеченцы въ ту минуту покорились рѣшительно подъ впечатлѣніемъ полнаго убѣжденія въ невозможности дальнѣйшей борьбы и должны были заискивать у нашей власти прощенія и забвенія недавняго, чтобы повозможности лучше устроить будущую жизнь; особенно всѣ эти бывшіе наибы, имѣвшіе не мало враговъ среди населенія и съ другой стороны нежелавшіе разстаться со своимъ привиллегированнымъ положеніемъ, съ надеждами попасть въ правители и агенты русскаго правительства, должны были самымъ усерднымъ заявленіемъ своей преданности и готовности вѣрно служить, пріобрѣтать расположеніе русскаго начальства и всесильнаго царскаго намѣстника преимущественно.

Въ эти поѣздки по Аргунскому и Баскому ущельямъ главнокомандующій наконецъ увидѣлъ, какія гигантскія работы произведены въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ войсками лѣваго крыла; какія колесныя дороги по скаламъ и оврагамъ, какія пространства оголенныя отъ лѣсовъ, гдѣ пни срубленныхъ чинаровъ въ три-четыре обхвата показывали, чего стоило все это солдатскимъ рукамъ.

Люди бывавшіе здѣсь недавно, сами туземцы, не узнавали мѣстности, совершенно измѣнившей характеръ; вся эта страна, поле многолѣтнихъ кровавыхъ битвъ, какъ будто сбросила маску и явилась въ новомъ, далеко не столь мрачномъ видѣ.

По истинѣ, богатыри были эти войска—отъ старшаго начальника до послѣдняго рядоваго включительно,—и исторія Россіи, нетолько спеціальная, военная, но и общая совершитъ великое преступленіе, не воздавъ имъ дани удивленія, не со-

хранивъ для потомства картины ихъ подвиговъ, ихъ истинно-русскаго самоотверженія, послѣдствіемъ котораго явилось покореніе Кавказа, этой драгоцѣннѣйшей во всѣхъ отношеніяхъ окраины государства,—все значеніе которой—политическое и экономическое—до сихъ поръ еще не вполнѣ уяснены и оцѣнены.

14-го іюля главнокомандующій выѣхалъ по ущелью Хулхулау до аула Харачай и отсюда по новой разработанной дорогѣ поднялся къ чеченскому отряду, расположившемуся лагеремъ у озера Япи-амъ, на 7,000 высотѣ надъ уровнемъ моря. Находясь тогда въ свитѣ главнокомандующаго, я имѣлъ возможность на каждомъ шагу дѣлать наблюденія и за настроеніемъ войскъ и туземцевъ, и за громадными успѣхами нашими послѣднихъ трехъ лѣтъ, и за разными подробностями встрѣчъ, проводовъ, за сужденіями и замѣчаніями разныхъ лицъ. Въ настоящемъ описаніи событій того времени насъ исключительно занимаетъ все, что относилось собственно къ войскамъ, между которыми были батальоны Кабардинскаго полка, и потому я приведу здѣсь нѣсколько строкъ изъ моей корреспонденціи въ газету «Кавказъ» отъ 15 іюля 1859 года, т. е. на другой день пріѣзда въ лагерь чеченскаго отряда.

«Лагерь у небольшаго озера Япи-амъ представляетъ очень живописную картину: онъ раскинутъ по отдѣльнымъ возвышеніямъ, группирующимся кругомъ озера въ безпорядкѣ; палатки то кучками, то одиночныя появляются и исчезаютъ, смотря по направленію извилистой дороги, пролегающей между горками. Съ приближеніемъ къ лагерю началась пушечная пальба, а расположенныя по дорогѣ шпалерами войска привѣтствовали князя восторженными ура! Остановясь на горѣ, у своей ставки, главнокомандующій осчастливилъ войска слѣдующими словами: «Братцы, я привезъ вамъ поклонъ отъ Государя Императора и Царское спасибо за вашу молодецкую службу, за ваши труды!» Нужно было слышать, что произошло послѣ этихъ словъ. Клики потрясли воздухъ; они пронеслись по безмолвнымъ угрюмымъ горамъ; они дали знать всей окрестности о торжествѣ русскаго солдата, получающаго Царское спасибо; они заставили вздрогнуть Шамиля въ его новомъ убѣжищѣ и

безнадежно отозвались въ остаткахъ его приверженцевъ!... Когда клики стали умолкать, главнокомандующій продолжалъ. «Братцы, Государь надѣется, что вы и остальной Кавказъ покорите Ему, что и послѣдняго врага заставите покориться». Новый взрывъ «ради стараться, и постараемся, и ура» потрясли воздухъ. Наконецъ, князь Барятинскій обратился къ двумъ стоявшимъ вблизи батальонамъ Кабардинцевъ и, снявъ фуражку, сказалъ: «Кабардинцы, вамъ шефъ кланяется». Опять новое ура, новый кликъ радости и торжества. Затѣмъ всѣ войска по баталіонно дефилировали мимо главнокомандующаго подъ звуки двухъ хоровъ музыки. По истинѣ, удивительный видъ представляла эта масса войскъ, такъ бодро, щегольски, молодецки проходившая, послѣ столькихъ трудовъ и лишеній, съ которыми сопряжена были экспедиціи, особенно зимою.

Уже выше было сказано, что по предварительному плану три отряда должны были сойтись въ долинѣ или, правильнѣе, узкомъ ущельи Андійскаго Койсу, противъ средняго его теченія; этимъ способомъ разрушалась оборонительная линія непріятеля, наибольшая сила коей состояла въ теченіи Андійскаго Койсу: рѣка прикрывала непокорныя горы съ сѣвера отъ снѣговаго хребта до Сулака, была сильно укрѣплена въ мѣстахъ гдѣ представлялась возможность переправы и занималась большими скопищами горцевъ изъ ближайшаго густаго населенія. — Дагестанскій и чеченскій отряды, какъ наступающіе съ сѣвера, на Андійскомъ Койсу встрѣчали первую неодолимую преграду; лезгинскій же, двигаясь съ юга, хоть и находился какъ бы въ тылу этой линіи, но, чтобы дойти до нея, долженъ былъ перевалить рядъ самыхъ высокихъ, почти неприступныхъ горъ главнаго снѣгового хребта и ближайшихъ его отроговъ, переправляться чрезъ нѣсколько горныхъ рѣчекъ—водопадовъ и сломить сопротивленіе десятка мелкихъ лезгинскихъ обществъ, никогда невидавшихъ еще у себя русскихъ войскъ.

Чеченскому отряду въ этомъ движеніи выпадала главная роль. Онъ напиралъ противъ самой неприступной части непріятельской линіи, преодолѣвъ уже въ теченіи 1856—59 го-

довъ всѣ сильнѣйшія преграды, составлявшія, такъ сказать, передовыя укрѣпленія линіи: лѣса и трущобы хребта Черныхъ горъ; онъ составлялъ центръ дѣйствій и, двигаясь къ намѣченной цѣли кратчайшимъ путемъ, становился связующей и опорной точкой для всѣхъ остальныхъ главныхъ и боковыхъ (вспомогательныхъ) отрядовъ, тѣмъ болѣе, что присутствіе при немъ главнокомандующаго заставляло и непріятеля обратить сюда свое преимущественное вниманіе, ожидая отсюда главнаго удара, а это облегчало дѣло другимъ отрядамъ, особенно дагестанскому, которому очевидно приходилось разыграть не менѣе дѣятельную роль; стоило ему прорваться на правый берегъ Андійскаго Койсу, чтобы уничтожить значеніе всей оборонительной системы непріятеля. Въ нижней части теченія, къ которой направленъ дагестанскій отрядъ, непріятель имѣлъ менѣе силъ чѣмъ въ средней. Тамъ за рѣкой лежали Аварія и Койсубу, бывшіе до катастрофы 1843 г. на нашей сторонѣ, привыкшіе къ подчиненію русской власти и терпѣвшіе отъ Шамиля не мало гоненій. Достигнувъ ихъ земель, мы могли надѣяться встрѣтить если не дружеское, то хоть не явно враждебное намъ населеніе въ Койсубу, а въ Аваріи могло вспыхнуть также общее возстаніе противъ гнета мюридизма, какое мы видѣли въ Чечнѣ, когда народонаселенію стало ясно, что уже невозможно дальнѣйшее сопротивленіе. Энтузіазмъ и рѣшимость драться съ русскими поддерживались примѣрами нѣсколькихъ удачъ въ столкновеніяхъ съ ними — (Даргинскій походъ, Гергебиль, Салты, Чохъ) и увѣренностью въ возможности отбиться, удержаться въ горахъ въ независимости; но когда безпрестанныя неудачи и пораженія послѣднихъ лѣтъ, особенно испытанныхъ таблинцами въ Чечнѣ, распространили по горамъ Дагестана унылое убѣжденіе въ тщетѣ дальнѣйшаго сопротивленія, а бѣгство Шамиля изъ Веденя еще болѣе подтвердило такой взглядъ, энергія неминуемо должна была исчезнуть, уступая мѣсто присущей человѣку заботѣ о ближайшихъ интересахъ—семьѣ, имуществѣ, личной безопасности. Самъ Шамиль съ остаткомъ твердо упроченной іерархіи мюридизма, со всѣми присяжными поклонниками его, связанными съ нимъ личными интересами, могъ еще протя-

нуть борьбу, выставить нѣсколько тысячъ храбрыхъ бойцовъ; у него были еще неприступныя крѣпости, достаточно матеріальныхъ средствъ, и какая нибудь крупная неудача котораго либо изъ русскихъ отрядовъ могла воспламенить духъ горцевъ и опять затянуть дѣло; но съ ослабленіемъ общаго энтузіазма, съ потерею въ массахъ вѣры въ возможность торжества, вся война принимала другой характеръ: она становилась уже не народной войной, гдѣ каждый кустъ, камень или оврагъ были нашимъ врагомъ, она являлась борьбой между русскими войсками и нѣсколькими тысячами воиновъ Шамиля, не рѣшающихся бросить его знамя изъ страха казней, или еще связанныхъ съ ними особыми выгодами, или же, наконецъ, дѣйствующихъ по легкомысленному увлеченію фразами о будущихъ райскихъ блаженствахъ. Съ такимъ противникомъ намъ уже было бы легко справиться: численность и тактическое образованіе войскъ были достаточной гарантіей побѣды,— стоило только встрѣтиться съ противникомъ.

Съ половины іюля можно считать начало выполненія плана. 15-го числа авангардъ, подъ начальствомъ нашего бывшаго полковаго командира барона Николаи, состоявшаго въ распоряженіи главнокомандующаго, прошелъ впередъ 12 верстъ и занялъ позицію при озерѣ Эзень-Амъ (Ретло). Вслѣдъ за авангардомъ выѣхалъ съ кавалеріей главнокомандующій для рекогносцировки мѣстности и дорогъ къ Андіи, а войска разработывали дорогу отъ Япи-ама. 17-го числа весь отрядъ перешелъ къ авангарду.—18-го іюля князь Барятинскій произвелъ рекогносцировку къ обществу Технуцалу. Для этого была двинута впередъ особая колонна, (въ томъ числѣ 3-й бат. Кабардинскаго полка) занявшая послѣ утомительнаго семичасоваго марша высоты Гаркалой-Ламъ. Отсюда открылась одна изъ тѣхъ рѣдкихъ картинъ, встрѣчаемыхъ въ горныхъ странахъ, о которыхъ весьма трудно дать понятіе не только перомъ, но даже и кистью. У подножія гребня виднѣлась все Технуцальское общество; аулы, отдѣльные сакли, стада, сады, терасы и засѣянныя поля, все отлично было видно простымъ глазомъ и освѣщенное яркими лучами солнца, составляло чрезвычайно рѣзкій контрастъ съ угрюмыми ска-

листыми громадами, служившими каймой этой привлекательной картинѣ.

Непріятель все слѣдилъ издали за нами, не завязывалъ дѣла, между тѣмъ, по приказанію Шамиля, сжигались андійскіе и технуцальскіе аулы, а жители съ ихъ имуществомъ переводились на лѣвый берегъ рѣки.

Театръ предстоявшихъ здѣсь дѣйствій и система непріятельскихъ укрѣпленій подробно описаны въ брошюрѣ Р. А. Фадѣева «60 лѣтъ Кавказской войны». Пользуюсь ею и передаю почти дословно относящіяся къ этому предмету строки.

Сѣверная сторона Дагестана, на которую наступали соединенныя силы лѣваго крыла и Прикаспійскаго края, ограждена по всему протяженію чрезвычайно высокимъ, но не снѣжнымъ хребтомъ, который тянется сплошною стѣною къ сѣверо-востоку, отъ предѣловъ Хевсуріи до Салатавіи, отдѣляя чеченское населеніе отъ тавлинскаго. За хребтомъ, на разстояніи отъ 15 до 20 верстъ, течетъ въ глубочайшей пропасти Андійское-Койсу. Чрезъ хребетъ нѣтъ иного ущелья; надобно лѣзть на его вершину и потомъ опять спускаться въ страшную глубину. Черезъ рѣку переправы существуютъ только въ не многихъ мѣстахъ, гдѣ пробиты тропинки, ведущія къ руслу на искось, по отвѣснымъ скаламъ; длинная полоса между хребтомъ и рѣкою разрѣзана на нѣсколько отдѣльныхъ клѣтокъ контръ-форсами хребта, упирающимися въ самый берегъ Койсу. Войска лѣваго крыла и Прикаспійскаго края должны были наступать отдѣльно, имѣя особое основаніе военное и продовольственное, одинъ въ Ичкеріи, другой въ Салатавіи. Передъ чеченскимъ отрядомъ лежала Андія, передъ дагестанскимъ Гумбетъ, раздѣленные высокимъ контръ-форсомъ, чрезъ который эти общества сообщаются только по двумъ путямъ: верхнимъ, чрезъ андійскія ворота и нижнимъ, надъ рѣкою. Шамиль укрѣпилъ правый берегъ Койсу и этотъ перпендикулярный къ рѣкѣ контръ-форсъ. Противъ Технуцальской долины, около аула Конхидатль, куда долженъ былъ спуститься чеченскій отрядъ и гдѣ рѣка течетъ въ плоскихъ берегахъ, на противоположной сторонѣ была устроена горцами цѣлая система укрѣпленій, каменныхъ стѣнъ съ бойницами и бата-

рей, въ 8 верстъ длиною. Брать силою эти укрѣпленія, которымъ бѣшенная рѣка служила природнымъ рвомъ, могло считаться почти невозможнымъ. Далѣе, на значительномъ разстояніи, Койсу не проходимъ по самой мѣстности. Противъ Гумбета, на пути наступленія дагестанскаго отряда, Шамиль укрѣпилъ Согрытлохскій мостъ блиндированными галереями, скрытыми въ скалахъ и недосягаемыми ни съ какой стороны, даже для артиллерійскаго огня. Мосты черезъ Койсу онъ оставилъ только въ недоступныхъ для насъ мѣстахъ, оградивъ ихъ завалами. На остальномъ теченіи не только мосты были сняты, но даже скалы надъ рѣкою оборваны отвѣсно. Верхній путь, соединяющій Андію и Технуцаль съ Гумбетомъ, былъ перерѣзанъ башнями и завалами въ андійскихъ воротахъ и на сосѣднихъ тропинкахъ. На нижнемъ пути, въ томъ мѣстѣ гдѣ контръ-форсъ упирается въ рѣку, Шамиль сильно укрѣпилъ Килитлинскую гору и укрѣпился на ней съ главными силами, какъ въ центральномъ пунктѣ. Все населеніе Андіи, Технуцала и Гумбета было принуждено перевести семейства и стада на другой берегъ рѣки и сжечь свои аулы. При такомъ расположеніи обороны, всѣ стратегическія выгоды были на сторонѣ горцевъ. Съ первымъ шагомъ въ непріятельскую землю, дагестанскій и чеченскій отряды разъединялись занятымъ горцами контръ-форсомъ и упирались въ Андійское Койсу; между тѣмъ какъ непріятель могъ отказываться отъ боя когда хотѣлъ, запираясь въ своихъ укрѣпленіяхъ, могъ также устремлять противъ разъединенныхъ отрядовъ или колоннъ, отряжаемыхъ ими, всю массу своихъ силъ, ни сколько не опасаясь за тылъ и фланги. Лежавшій передъ нашими отрядами военный театръ представлялъ шахматную доску, въ которой всѣ границы между клѣтками во власти непріятеля. Но, какъ уже было сказано, стоило только въ одномъ пунктѣ прорвать оборонительную сѣть непріятеля, и дѣло было выиграно, потому-что горцы не могли возвратить себѣ утраченной выгоды открытымъ боемъ. Предстоявшія дѣйствія были расчитаны на этомъ соображеніи.

Рекогносцировка, произведенная 18-го іюля, рѣшила вопросъ о движеніи отряда въ долину Андійскаго Койсу. Оста-

валось только обезпечить за собою позицію у Эзень-Ама. Для этого приказано здѣсь устроить три отдѣльныхъ земляныхъ редута. Независимо того, разосланы легкіе отряды для изысканія прямой дороги между Хорочаемъ и Технуцаломъ, которая бы вела мимо озера Эзень-Амъ. То и другое было въ нѣсколько дней устроено: возникли редуты, явилась и желанная дорога, и 22-го іюля отрядъ снялся съ позиціи, оставивъ у озера Эзень-Амъ особую колонну.

Главныя силы двинулись къ третьему озеру—Андійскому и расположились на горѣ Аржи-Ламъ, надъ спускомъ въ Технуцальское общество. Ближайшій къ намъ аулъ, раскинутый на полугорѣ, былъ Тандо. Въ немъ не было и признака жителей. Къ нему тотчасъ спустили 3-й батальонъ Кабардинскаго полка, взводъ саперъ и взводъ горныхъ орудій, которые и заняли его. Послѣ этого, главнокомандующій, въ сопровожденіи всей милиціи, съѣхалъ внизъ—для лучшаго осмотра мѣстности. При приближеніи къ послѣдующимъ ауламъ стали раздаваться отдѣльные выстрѣлы, которые постепенно перешли въ перестрѣлку, безъ особаго впрочемъ для насъ вреда.

Шамиль напряженно слѣдилъ за дѣйствіями главнаго отряда изъ своихъ укрѣпленныхъ позицій. Тѣмъ временемъ участь первой половины похода была уже рѣшена на другомъ пунктѣ.

Генералъ-адъютантъ баронъ Врангель въ первыхъ числахъ іюля занялъ съ боя позицію у Мичикала, на сѣверной подошвѣ Гумбетовскаго хребта, а 14-го іюля двинулся впередъ. Съ высотъ около Аргуни открылось расположеніе половины, по крайней мѣрѣ, шамилевыхъ скопищъ. Онѣ тѣснились у Андійскихъ воротъ и по всему контръ-форсу, ожидая очевидно, что дагестанскій отрядъ будетъ силою открывать сообщеніе съ чеченскимъ. За рѣкой никого не было видно; владѣя нѣсколькими мостами, горцы могли безпрепятственно переходить съ одного берега на другой и потому не озаботились предварительно занять противуположную сторону. Баронъ Врангель, не теряя минуты, воспользовался этою оплошностію, не смотря на чрезвычайное утомленіе войскъ послѣ усиленнаго перехода по горамъ; зная, что у кавказскихъ солдатъ всегда станетъ силы когда впереди есть нужное дѣло, баронъ Врангель сейчасъ же двинулъ къ

Согрытлохскому мосту особую колонну. Эти войска нашли мостъ снятымъ и вокругъ такую мѣстность, что къ рѣкѣ можно было подойти только правильными осадными работами, подъ убійственнымъ непріятельскимъ огнемъ; поэтому онѣ не могли перейти рѣку немедленно. Но на другое утро найдено было, въ верстѣ ниже, мѣсто, на которое горцы не обратили вниманія и гдѣ было возможно, хотя съ величайшими затрудненіями, накинуть мостъ. Выше и ниже совершенно отвѣсные берега не позволяли даже спуститься къ водѣ. Прибывъ на передовую позицію, генералъ Врангель рѣшилъ переправляться въ этомъ пунктѣ. Войска заняли высоты лѣваго берега, командующаго правымъ только въ этомъ мѣстѣ, и сейчасъ же покрыли ихъ завалами для стрѣлковъ и артиллеріи, прежде чѣмъ непріятель успѣлъ занять противуположную сторону значительными силами. Съ этой минуты мы владѣли переправой; нашъ огонь засыпалъ другой берегъ до такой степени, что когда опоздавшія скопища горцевъ прибыли къ Согрытло и привезли свои пушки, онѣ не могли уже ни спуститься къ рѣкѣ, ни строить противъ насъ заваловъ, ни ударить въ голову переходящей колоннѣ; все дѣйствіе ихъ ограничилось тѣмъ, что они съ окрестныхъ горъ обстрѣливали лагерь и переправу. Оставалось только сладить съ бѣшенною рѣкою, но это была самая трудная часть дѣла. Всѣ матеріальныя средства для переправы, принесенныя на солдатскихъ рукахъ, состояли въ веревкахъ и нѣсколькихъ доскахъ. Два дня работа не удавалась. Нѣсколько человѣкъ переправились въ люлькѣ, скользившей надъ пучиной по канату и засѣли въ пещерѣ противуположнаго берега, вырѣзавъ защищавшихъ ее мюридовъ. Но по канату нельзя было переправить отряда, а между тѣмъ горскія скопища съ часу-на-часъ усиливались и покрыли всѣ окрестныя горы. Только на третій день черезъ Койсу была перекинута зыбкая веревочная плетенка въ 15 саженъ длиной и нѣсколько вершковъ шириной, по которой люди должны были переходить въ одиночку. На разсвѣтѣ нѣсколько ротъ стянулись на другомъ берегу и смѣло пошли въ тылъ галереямъ, ограждавшимъ Согрытлохскій мостъ. Не смотря на чрезвычайное численное превосходство, горцы уклонились отъ открытаго

боя и отступили на горы. Въ Согрытло, гдѣ скалы надъ рѣкою почти сходятся, немедленно былъ устроенъ постоянный мостъ.

Чтобы открыть доступъ въ Аварію, оставалось взять Ахъкентскую гору, круто подымающуюся надъ рѣкой и уже огражденную завалами. 21-го іюля, какъ только сообщеніе между двумя берегами было прочно установлено, баронъ Врангель двинулъ впередъ штурмовую колонну. Войскамъ надобно было подняться по извилистой тропинкѣ на два чрезвычайно высокіе уступа и черезъ густой лѣсъ, у подошвы отвѣснаго каменнаго гребня, взойти на вершину, отъ которой рядъ высокихъ горныхъ полянъ тянутся до самой Аваріи. Войска двинулись передъ разсвѣтомъ, взобрались на первый уступъ и, сбивая непріятеля снизу вверхъ, прорвались черезъ лѣсъ; но тутъ увидѣли передъ собою крѣпкіе завалы съ бойницами и туръ-бастіонами, къ которымъ нельзя было подойти иначе какъ медленно карабкаясь на крутизну, подъ прицѣльнымъ огнемъ горцевъ; успѣхъ штурма былъ сомнительный, а потеря неизбѣжно была бы огромная. Съ быстротою и увѣренностью въ себѣ, отличающими кавказскаго солдата, батальоны поворотились направо и полѣзли прямо на гребень, подъ которымъ шли. Люди взбирались на отвѣсную крутизну подсаживая другъ друга, цѣпляясь за расщелины и растенія проросшія въ скалахъ, подъ градомъ сбрасываемыхъ на голову имъ камней; черезъ часъ передніе батальоны были уже на вершинѣ; горцы бѣжали съ обойденныхъ заваловъ. Въ тотъ же вечеръ дагестанскому отряду покорился аулъ Цатаныхъ, гдѣ прежде было наше укрѣпленіе, взятое въ 1843 году Шамилемъ.

22-го іюля весь дагестанскій отрядъ расположился на горахъ, у аула Ахъ-кентъ. Когда войска разбивали палатки, цатаныхцы прискакали въ лагерь просить помощи противъ угрожавшей имъ партіи мюридовъ, но партія оказалась не мюридами, а депутаціей всѣхъ аварскихъ селеній, присланной къ барону Врангелю. Аварцы говорили: «мы уже шестнадцать лѣтъ грыземъ желѣзо Шамиля, дожидаясь, чтобъ вы протянули намъ руку. Теперь пришелъ конецъ его царству».

Покуда баронъ Врангель наступалъ со стороны Андійска-

го Койсу, собранныя въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ войска, соединившись съ турчидагскимъ отрядомъ, взошли на хребетъ, ограждающій Койсубулинское общество съ восточной стороны и разрушили горское укрѣпленіе Бурундукъ-кале. Съ 22-го числа койсубулинцы перестали сопротивляться; пограничная крѣпость Уллу-Кале открыла намъ ворота. Генералъ Манюкинъ, занявъ гарнизонами эту крѣпость и многіе пункты по пути отряда, приступилъ къ устройству переправы черезъ Аварское-Койсу, чтобы открыть барону Врангелю прямое сообщеніе съ Темиръ-Ханъ-Шурою.

Въ нѣсколько дней Аварія и Койсубу были приведены въ подданство русскому престолу. Вмѣстѣ съ этимъ дружелюбнымъ населеніемъ покорилось самое враждебное, гумбетовское, неуклонно стоявшее за мюридизмъ со дня его появленія на Кавказѣ. Въ Койсубу и Гумбетѣ было возстановлено народное управленіе, подавленное мюридизмомъ. Явилась возможность располагать мѣстными перезочными средствами, которыя весьма охотно предлагались жителями и облегчили главное затрудненіе горной войны—доставку продовольствія, не требуя никакого прикрытія. Такое неожиданное пособіе дало дагестанскому отряду подвижность, о какой прежде нельзя было и думать.

Въ подробности дѣйствій дагестанскаго отряда я не вдаюсь, потому что Кабардинцевъ тамъ не было; г. Фадѣевъ касается ихъ тоже весьма кратко, но нельзя умолчать, что переправа чрезъ Койсу—одинъ изъ такихъ подвиговъ, которые доступны только войскамъ образцовымъ, испытаннымъ, для которыхъ въ буквальномъ смыслѣ слова нѣтъ ничего невозможнаго. При этой переправѣ нѣсколько человѣкъ Дагестанскаго полка и 21-го стрѣлковаго батальона явили примѣры геройскаго самоотверженія и безстрашія. Кто видѣлъ бѣшенные горные потоки, ревущіе и прыгающіе по камнямъ, тотъ пойметъ, что значитъ пуститься вплавь чрезъ такой потокъ, особенно когда на другомъ берегу, въ скалистой пещерѣ сидитъ нѣсколько человѣкъ горцевъ-караульныхъ. Человѣкъ девять оказалось этихъ смѣльчаковъ; изъ нихъ пятеро, невзирая на усиленную борьбу съ бѣшенными волнами, послѣ нѣсколькихъ попытокъ,

едва возвратились назадъ, двое утонули, двое—юнкеръ Дагестанскаго полка Шпейеръ и рядовой 21-го стрѣлковаго батальона Кочетковъ добрались до противуположнаго берега, укрѣпили взятый съ собою конецъ каната и, скрывшись за камнями отъ выстрѣловъ изъ пещеры, голые, безоружные, остались ожидать спасенія. За тѣмъ устроили что-то въ родѣ люльки изъ веревокъ, дрючьевъ и т. п., на ней переправились по канату по одиночкѣ, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, два офицера и человѣкъ сорокъ нижнихъ чиновъ, обошли пещеру по скаламъ безъ всякой дороги и разомъ бросились на сидѣвшихъ тамъ двадцать мюридовъ. Изъ нихъ 19 погибли, а одинъ попросилъ пощады и оставленъ живымъ. Послѣ этого переправилась по люлькѣ еще команда Дагестанскаго полка, наконецъ придумали устроить плетеный мостъ изъ веревокъ, коновязей, недоуздковъ и всего что только могло пойти въ дѣло.

17-го іюля, по болтавшемуся надъ горизонтомъ бѣшенной рѣки веревочному мосту, одинъ за другимъ, перешли нѣсколько ротъ; 18-го же, когда уже составилось два батальона, они были двинуты на занимавшаго высоты непріятеля, который недождался атаки и бѣжалъ. Тогда возобновили разрушенный горцами Согрытлохскій мостъ, для чего достаточно было нѣсколькихъ досокъ, такъ какъ здѣсь скалы составляющія ущелье сходятся на разстояніи какихъ нибудь 3 аршина, и весь дагестанскій отрядъ перешелъ на ту сторону, т. е. линія непріятельской обороны была прорвана. И все это стоило намъ 52-хъ человѣкъ убитыхъ и раненыхъ!

XIX.

Распоряженія Шамиля послѣ ухода изъ Веденя.—Паденіе власти имама.—Бѣгство его на Гунибъ.—Движеніе туда войскъ.—Перенесеніе лагеря къ Конхидатлю и соединеніе съ лезгинскимъ отрядомъ.—Поѣздка кн. Барятинскаго въ Карату, къ войскамъ дагестанскаго отряда.—Занятія чеченскаго отряда.—Видъ Гуниба и его положеніе.—Тѣсная блокада и начало переговоровъ.—Ультиматумъ посланный Шамилю и его отвѣтъ.—Дѣйствія лезгинскаго отряда.—Мѣры къ осадѣ Гуниба.—Открытіе охотниками доступовъ на гору и неожиданная атака ея съ двухъ сторонъ.—Взятіе Гуниба и плѣнъ Шамиля.—Работы войскъ.

Послѣ оставленія Веденя, Шамиль учредилъ временно столицу своихъ владѣній въ Каратѣ, но на случай необходимости отсиживаться отъ рѣшительной атаки русскихъ войскъ, укрѣпилъ гору Килитль, возвелъ новую крѣпость Ичичали, а правый берегъ Койсу, какъ уже выше сказано, противъ Конхидатля покрылъ сплошными каменными завалами съ бойницами. Онъ все еще, вспоминая сороковые годы, думалъ, что мы займемся осадами и штурмами, будемъ терять сотни людей, приносить жертвы въ безплодномъ разбиваніи скалъ и упускать время. И вдругъ онъ узнаетъ о переходѣ барона Врангеля чрезъ Койсу! Онъ не сразу повѣрилъ этой страшной вѣсти; 18-го іюля самъ прискакалъ съ Килитлинской горы къ Сагрытло и, къ ужасу своему, увидѣлъ русскіе батальоны на правомъ берегу, откуда они на другой день могли появиться въ тылу его оборонительной линіи.

Что оставалось дѣлать въ эту критическую минуту? Запереться ли за завалами Килитля и Ичичали, гдѣ можно было долго отчаянно защищаться, но откуда уже не было выхода; очистить ли берега Койсу и отступить въ Карату, пока его

окружали еще, повидимому, послушныя тысячныя толпы воиновъ: вступить ли, наконецъ, въ переговоры съ русскими и выговорить себѣ сносныя условія за прекращеніе сопротивленія? На чемъ бы Шамиль не остановился, все равно онъ высказалъ бы предъ народомъ уже безсиліе въ борьбѣ съ непріятелемъ и это, само собою, не могло не колебать его рѣшимости. Нѣсколько дней, потерянныхъ въ этомъ колебаніи, окончательно погубили его дѣло. Вѣсть объ изъявленіи аварцами и койсубулинцами покорности русскимъ мгновенно разнеслась по горамъ и вызвала въ народѣ давно накипѣвшія чувства крайняго негодованія на гнетъ, произволъ, высасываніе соковъ; всѣ стали думать о своей личной судьбѣ, а не о жертвахъ явно проигранному дѣлу. Установленныя мюридизмомъ власти лишились вдругъ всякаго значенія въ глазахъ толпы, которая тридцать лѣтъ безмолствовала предъ духовнымъ деспотизмомъ и теперь рѣшилась выступить впередъ, возвысить свой голосъ. Зданіе, съ искусствомъ, энергіею и замѣчательною силою воли созидавшееся тридцать лѣтъ, рухнуло въ три дня! Лагери наши наполнились депутаціями всевозможныхъ обществъ, предводителями и вліятельными людьми, на перерывъ другъ предъ другомъ торопившимися заявить преданность новой власти, въ надеждѣ сохранить пріобрѣтенное значеніе или пріобрѣсти покровительство на случай притѣсненій сильныхъ людей прежняго режима. Всякъ бросался куда было ближе — къ главнокомандующему, къ барону Врангелю или въ лезгинскій отрядъ, къ князю Меликову. Люди, извѣстные намъ въ теченіи тридцатилѣтней борьбы, какъ первые столбы мюридизма и вѣрнѣйшіе сподвижники имама, удивлявшіе насъ своею стойкостью, умѣніемъ держать въ желѣзныхъ тискахъ такихъ необузданно свободолюбивыхъ людей, какъ кавказскіе горцы, выказали себя вдругъ самыми низкопоклонными предъ вчерашнимъ врагомъ и проявили весьма мало достоинства и характера въ эти, столь знаменательные дни. Люди и здѣсь оказались людьми, какими исторія показываетъ ихъ намъ, при подобныхъ обстоятельствахъ, не только въ Азіи, но и въ Европѣ: отвернуться отъ заходящаго свѣтила и пасть ницъ предъ восходящимъ....

Видя все это и потерявъ нѣсколько дней времени въ колебаніяхъ, Шамиль наконецъ рѣшился бросить свои укрѣпленія съ 11-ю орудіями и отступить въ Карату. Собранныя имъ толпы не признавали уже ничьей власти. Люди, принадлежавшіе къ покорившимся обществамъ, первые бросили ввѣренные имъ посты и воротились домой; ихъ примѣръ увлекъ прочихъ. Только что Шамиль съѣхалъ съ Килитлинской горы, ввѣривъ оборону крѣпости одному изъ наибовъ, занимавшій ее гарнизонъ разграбилъ склады провіанта и разбѣжался. Изъ нѣсколькихъ тысячъ горцевъ, занимавшихъ укрѣпленный берегъ Койсу, только нѣсколько десятковъ человѣкъ послѣдовали за Шамилемъ. Каратинцы, не смотря на свою крѣпкую мѣстность, отказались защищаться. Всѣ средства сопротивленія разомъ изсякли для Шамиля. Видя свое дѣло окончательно проиграннымъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ, онъ рѣшился броситься на юговостокъ, въ тотъ поясъ крѣпостей и воинственнаго населенія, о который до сихъ поръ разбивались всѣ усилія русскихъ. Дальновидный имамъ давно уже приготовилъ себѣ въ этомъ краѣ убѣжище, на неприступной горѣ Гунибѣ. Явившись въ пору въ Андалялѣ, Шамиль могъ надѣяться удержать въ повиновеніи многочисленное и фанатическое населеніе этой страны и если не поправить, то, по крайней мѣрѣ, затянуть дѣло на неопредѣленное время.—Андаляль огражденъ природою со всѣхъ сторонъ: съ юга — снѣжными горами, съ востока и сѣвера — бездонными пропастями, въ которыхъ текутъ три Койсу (Казикумыхское, Кара и Аварское). Населеніе этой части горъ сгруппировано въ огромныхъ каменныхъ аулахъ, которые могутъ, каждый, выдержать правильную осаду. Утвердившись въ techninѣ Андаляла на Гунибѣ, дѣйствительно неприступномъ при достаточныхъ средстахъ обороны, Шамиль могъ поддерживать рѣшимость окрестнаго населенія, привлечь въ Андаляль толпы фанатиковъ и преданныхъ ему людей изъ всѣхъ горъ и противупоставить намъ сопротивленіе, котораго никакими силами нельзя было сломить сразу. Остаткамъ мюридизма надобно было только удержать оружіе въ рукахъ до наступленія зимы. Наши войска не могли продолжать похода по горамъ, засыпаннымъ снѣга-

ми, за невозможностію продовольствовать лошадей, и Шамиль остался бы съ глазу на глазъ съ населеніемъ, двадцать пять лѣтъ дрожавшимъ передъ его именемъ.... И такъ, въ Андалялѣ долженъ былъ рѣшиться исходъ войны.

Послѣдніе событія отозвались въ этомъ краѣ, какъ и въ другихъ. Враждебная Шамилю партія сейчасъ же выступила впередъ, но во главѣ ея сталъ не приверженецъ старины, а одинъ изъ основателей мюридизма, цѣлый годъ боровшійся съ Шамилемъ послѣ смерти Гамзатъ-бека за верховную власть, извѣстный Кибитъ-Магома. Лишенный оффиціальнаго значенія, но чрезвычайно вліятельный въ горахъ, этотъ человѣкъ увлекъ за собой населеніе Тилитля, одного изъ главныхъ Андаляльскихъ ауловъ, и послалъ депутацію къ генералу Врангелю, задержавъ между тѣмъ у себя тестя Шамиля, извѣстнаго стараго оракула Джемаль-Эдина, и главнаго проповѣдника мюридизма Асланъ-Кади Цудахарскаго. Поборники мюридизма были однакожь еще сильны въ Андалялѣ и прочіе аулы, кромѣ Тилитля, молчали. Исходъ дѣла зависѣлъ отъ того, какая партія возметъ тамъ верхъ. Принявъ депутацію Кибитъ-Магомы, баронъ Врангель немедленно двинулъ къ предѣламъ Андаляля турчидагскій отрядъ, стоявшій на восточномъ рубежѣ Дагестана; невзирая что въ этомъ отрядѣ, послѣ занятія многихъ пунктовъ, оставалось очень мало людей, начальникъ отряда князь Тархановъ двинулся прямо къ Чоху, одной изъ главныхъ твердынь Шамиля, взбунтовалъ населеніе аула, заставилъ мюридовъ бѣжать изъ крѣпости и ввелъ въ нее русскій гарнизонъ; но дальше ему уже не съ чѣмъ было идти. Другія войска дагестанскаго отряда были разбросаны быстрымъ вторженіемъ по Гумбету, Койсубу и Аваріи; правыя колонны его протянулись къ Каратѣ, для открытія сообщенія съ чеченскимъ отрядомъ. Тѣмъ временемъ Шамиль ускакалъ съ немногими приверженцами изъ Караты въ Андаляль. На дорогѣ жители Куяды напали на его обозъ, отбили 32 вьюка съ вещами и «мѣрою серебра», при чемъ произошла перестрѣлка; другой разъ на него напали Килитлинцы и, отброшенный въ лѣса Караха, Шамиль, потерявъ еще до 50 вьюковъ съ многими цѣн-

ными вещами и 15,000 руб. сер. *) едва успѣлъ добраться до Гуниба. Присутствіе имама на неприступномъ Гунибѣ, посреди Андаляля, котораго главные аулы еще не изъявили намъ покорности, снова могли затянуть дѣло; требовались самыя быстрыя мѣры.

Сообщеніе между дагестанскимъ и чеченскимъ отрядами черезъ Койсу было открыто 27-го іюля прибытіемъ мусульманскаго конноиррегулярнаго полка съ депутаціями отъ Аваріи. Черезъ три дня потомъ, въ главный отрядъ прибылъ генералъ-адъютантъ баронъ Врангель. Съ обѣихъ сторонъ путь въ глубину горъ былъ свободенъ. Главнокомандующій рѣшился немедленно двинуть въ Андаляль всѣ наличныя силы, какими только могъ располагать, чтобы подавить въ этомъ краѣ приверженцевъ имама прежде чѣмъ они успѣютъ соединиться, тѣсно окружить Гунибъ и запереть на немъ безвыходно Шамиля съ его послѣдними мюридами. При видѣ развитыхъ нами силъ, партія Кибитъ-Магомы должна была взять верхъ въ Андалялѣ; но всё зависѣло отъ быстроты дѣйствій **).

Главнокомандующій былъ увѣренъ въ спокойствіи вновь покорившагося населенія, которое не могло, послѣ такого крутого перелома, снова перейти черезъ нѣсколько дней во враждебный станъ, и двинулъ въ Андаляль всѣ колонны, растянутыя по Аваріи, Гумбету, Койсубу и Кара-Койсу, оставляя въ только что завоеванныхъ горахъ лишь нѣсколько ротъ, для прикрытія мостовъ и складовъ провіанта. Изъ чеченскаго отряда была отправлена туда же колонна черезъ Карату, состоявшая изъ батальоновъ гренадерской дивизіи; войска же лѣваго крыла остались на Андійскомъ Койсу и, такимъ образомъ, были лишены возможности принять участіе въ заключительной сценѣ великой драмы. Кабардинскому полку не суждено было явиться на Гунибѣ въ числѣ тѣхъ богатырей, которые вскарабкались на это послѣднее гнѣздо стараго кавказскаго орла.

*) При этомъ сдались 59 человѣкъ бѣглыхъ солдатъ.

**) Увѣдомляя объ этомъ и вообще о послѣднихъ событіяхъ военнаго министра, главнокомандующій писалъ, что достигнутые результаты опередили самыя смѣлыя ожиданія. Покойный Государь на этомъ донесеніи изволилъ написать: «Читалъ съ особымъ удовольствіемъ».

Со вступленіемъ значительныхъ силъ въ Андаляль, враждебная Шамилю партія немедленно восторжествовала. Вся страна и окружающія ее горныя общества изъявили покорность. Наши войска тѣсно обложили Шамиля, засѣвшаго съ четырьмя стами отчаянныхъ людей на недоступной вершинѣ Гуниба.

Послѣ отправленія генералъ-адъютанта Врангеля съ войсками въ Андаляль, главнокомандующій спустился 4-го августа съ чеченскимъ отрядомъ въ долину Технуцала и сталъ лагеремъ на Андійскомъ-Койсу, около селенія Конхидатль, противъ покинутыхъ горскихъ укрѣпленій. На другой день въ конхидатльскій лагерь прибылъ съ кавалеріей командующій войсками лезгинской линіи, отрядъ коего наступалъ на страны, лежащія по истокамъ Андійскаго-Койсу, въ самыхъ дикихъ, едва проходимыхъ горахъ.

Подробности его дѣйствій будутъ весьма интереснымъ эпизодомъ въ общей исторіи кавказской войны; но мнѣ не приходится ихъ касаться. Лезгинскій отрядъ съ двумя боковыми колоннами совершилъ цѣлый рядъ движеній противъ разныхъ мелкихъ обществъ, разоряя много ауловъ и опустошеніемъ довелъ жителей до готовности покориться. Въ это время разлилось по горамъ движеніе, начавшееся съ Аваріи, выборные значительные люди изо всѣхъ окрестныхъ обществъ стекались въ лагерь лезгинскаго отряда. Въ нѣсколько дней покорились общества: Дидо, Иланхеви, Тиндалъ, Кварешно. Въ началѣ августа, исполняя общій планъ, начальникъ лезгинскаго отряда предпринялъ смѣлое движеніе къ Технуцалу, черезъ снѣжные отроги Богоскаго хребта, по глубинамъ края, никогда еще не видѣвшаго русскихъ. Отрядъ дошелъ до селенія Тинды, надъ Андійскимъ Койсу. Отсюда генералъ-маіоръ князь Меликовъ продолжалъ путь уже съ одной конницей и вышелъ на Конхидатль, слѣдуя между чеченскимъ обществомъ Джемалалъ и лезгинскимъ Богулалъ, которые Шамиль прозвалъ своею Сибирью.—Такимъ образомъ, непокорный край былъ пройденъ по всѣмъ направленіямъ. Три отряда выступившіе въ горы съ разныхъ сторонъ,—сѣверо-западной, сѣверо-восточной и южной,—вошли въ связь, какъ было пред-

положено, въ средней части Андійскаго Койсу, опираясь на центральную массу чеченскаго отряда.

По возвращеніи изъ Конхидатля, князъ Меликовъ долженъ былъ перейти съ своимъ отрядомъ съ верховьевъ Андійскаго-Койсу на верховья Аварскаго, приводя къ покорности южныя лезгинскія общества, занять Ирибъ, считавшійся главнымъ пунктомъ всего Лезгистана, и прибыть подъ Гунибъ, гдѣ главнокомандующій назначилъ ему новое свиданіе. Какъ въ первой половинѣ похода, такъ и во второй, операціонныя линіи всѣхъ дѣйствующихъ силъ должны были пересѣчься въ одной точкѣ, опредѣляющей общее направленіе похода, теперь эта точка была перенесена съ средины Андійскаго-Койсу къ юго-восточной оконечности горъ, въ Андалялъ.

Заложивъ 6-го августа на берегу Койсу мостовое укрѣпленіе, названное Преображенскимъ, главнокомандующій 8-го числа совершилъ поѣздку въ Карату. Аулъ этотъ, никогда еще не бывшій покорнымъ, имѣлъ для Шамиля особое значеніе: сюда была перенесена гробница умершаго сына его Джемалъ-Эдина, здѣсь было мѣстопребываніе другого сына Кази-Магомы—предполагаемаго наслѣдника и продолжителя династіи, Карата считалась мѣстомъ, стоящимъ внѣ возможности быть взятою русскими, безъ совершеннаго покоренія всего Дагестана, а это тоже почти не допускалось до послѣдняго времени тоже въ мысляхъ предводителей мюридизма. И не смотря на это, каратинцы только 3-го августа явившіеся въ лагерь съ изъявленіемъ покорности, при чемъ передали намъ 5 орудій, оставленныхъ Шамилемъ при бѣгствѣ изъ аула, встрѣтили князя Барятинскаго съ такимъ торжествомъ и шумными знаками, повидимому не притворной радости, какихъ не выказывали даже чеченцы; они стрѣляли изъ ружей, кричали ура, махали папахами, бѣжали толпой за нами и т. п. Осмотрѣвъ могилу Джемала-Эдина съ воздвинутою надъ нею каменною постройкою, въ родѣ часовеньки, остатки «дворца» т. е. большой сакли, въ которой резидировалъ Кази-Магома, сожженной имъ при уходѣ изъ Караты, главнокомандующій, провожаемый жителями, возвратился обратно въ лагерь при

Конхидатлѣ и за тѣмъ выѣхалъ 10-го августа къ войскамъ, сосредоточеннымъ вокругъ Гуниба, черезъ Койсубу и Аварію. Чеченскій отрядъ остался въ Андіи, подъ начальствомъ генерала Кемпферта, оканчивать предпринятыя работы.

До 6-го сентября продолжались здѣсь работы по устройству укрѣпленія, а затѣмъ до поздней осени войска (въ томъ числѣ оба Кабардинскіе батальона) разработывали дороги для свободнаго сообщенія назадъ, къ Веденю и плоскости. При этомъ необходилось безъ различныхъ мелкихъ происшествій и стычекъ съ шлявшимися малыми шайками абрековъ и т. п. сброда. 4-й же бат. нашего полка оставался въ Ичкеріи для удержанія спокойствія въ этой части края, менѣе другихъ внушавшей къ себѣ довѣрія.

И такъ Кабардинскій полкъ остался въ тылу, въ покоренномъ уже раіонѣ; блестящая боевая дѣятельность замѣнилась болѣе тяжелою, менѣе видною, но не менѣе полезною работою, которая давала возможность обратить другія войска къ Гунибу, для послѣдняго удара.

Путешествіе главнокомандующаго чрезъ вновь покоренный край имѣло видъ торжественнаго шествія. Его встрѣчали старшины рѣчами, жители салютаціонными выстрѣлами, толпы народа изъ ауловъ выбѣгали на дорогу, тѣснясь вокругъ нашего кортежа. Въ теченіе недѣли князь Барятинскій проѣхалъ такимъ образомъ, съ однимъ коннымъ прикрытіемъ, къ Сагрытло, Чиркату и Ахулью—этимъ нѣмымъ свидѣтелямъ безсмертныхъ подвиговъ русскаго солдата—и близь Ашильты ночевалъ. За тѣмъ поѣздка продолжалась чрезъ Унцукуль въ Гимры, отсюда бывшій въ конвоѣ дивизіонъ Нижегородскихъ драгунъ отпущенъ чрезъ Темиръ-Ханъ-Шуру въ свой штабъ, а главнокомандующій, *уже съ одними милиціонерами* изъ аварцевъ и койсубулинцевъ, поднялся на Бетлинскія высоты къ Ахкенту, оттуда чрезъ Цатаныхъ и Арахтау, на Танусъ-Балъ и въ Хунзахъ. Далѣе князь Барятинскій проѣхалъ въ Голотль, гдѣ былъ встрѣченъ почетнѣйшимъ дагестанскимъ человѣкомъ Кибитъ-Магомой и братомъ его Муртузомъ, еще недавно самыми видными врагами нашими, и въ сопровожденіи ихъ прибылъ въ Тилитль, гдѣ въ домѣ Кибитъ-Магомы было

роскошное угощеніе. На другой день главнокомандующій проѣхалъ по Куядинскимъ высотамъ въ Ругджу и Чохъ, встрѣтившій поѣздъ нашъ салютаціонными выстрѣлами изъ орудій, только что занятаго непріятельскаго укрѣпленія.. Шамиль съ Гуниба все это видѣлъ.... Наконецъ 18 числа князь Барятинскій прибылъ въ лагерь дагестанскаго отряда на Кегерскія высоты.—Читатель изъ описанія прежнихъ дѣлъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ отчасти знакомъ съ именами Чирката, Ахульго, Ашильты, Цатаныхъ, Унцукуль, Гимры, Хунзаха, Чоха и проч. и легко можетъ себѣ представить, что проѣздъ черезъ нихъ главнокомандующаго, съ нѣсколькими стами туземцевъ, не могъ не казаться намъ, участникамъ происшествій того времени, какимъ-то волшебнымъ сномъ! Сама дикая, величественно-грозная прирора этихъ мѣстъ, эти аулы, амфитеатромъ раскинувшіеся по скатамъ крутыхъ горныхъ откосовъ, эти толпы воинственныхъ, десятки лѣтъ съ нами сражавшихся людей, теперь составляющихъ нашъ конвой, производили особого рода впечатлѣніе, трудно передаваемое, особенно послѣ истеченія болѣе двадцати лѣтъ. Да, это было удивительное время!.

Съ Кегерскихъ высотъ можно было обнять глазомъ Гунибъ, эту отдѣльную гору, поднимающуюся за глубокимъ обрывомъ Кара-Койсу. Гунибъ, мѣтко прозванный солдатами горой—гитарой, имѣетъ дѣйствительно очертаніе этого инструмента безъ шейки, наклоненнаго съ востока на западъ, къ лѣвому берегу Кара-Койсу. Онъ стоитъ уединенно въ группѣ окрестныхъ горъ, господствуя надъ ними. Скаты Гуниба чрезвычайно круты, болѣе 45°, и подымаются на версту и болѣе, оканчиваясь отвѣснымъ каменнымъ поясомъ въ нѣсколько десятковъ сажень вышины, которымъ окружена вся верхняя площадь горы, составляющая не менѣе 100 квадратныхъ верстъ; этотъ поясъ поднятъ и надъ внутреннею стороною такъ, что самая поверхность горы образуетъ какъ бы блюдо. У подошвы окружность Гуниба около 60-ти верстъ. Съ высшей восточной окраины, по наклонной площади течетъ небольшая рѣчка, низвергающаяся каскадами въ Койсу. На Гунибѣ находится аулъ и нѣсколько хуторовъ, мельницы, березовая

роща, пастбища и пахатныя поля,—все, что нужно для жизни человѣка. На гору ведетъ только одна тропинка съ берега Кара Койсу, спертая на нѣкоторомъ протяженіи отвѣсными скалами. Шамиль перегородилъ это мѣсто высокою стѣною съ бойницами. На сѣверной сторонѣ вѣнецъ скалъ, оканчивающій крутизну, въ одномъ мѣстѣ немного раздвигается, оставляя узкій проходъ; горцы перерѣзали его завалами, хотя туда вовсе нѣтъ дороги. Съ другихъ сторонъ въ каменномъ поясѣ есть нѣсколько дождевыхъ промоинъ, по которымъ смѣлые охотники подымались съ помощію веревки, но на глазъ эти всходы казались совершенно недоступными. При силѣ, достаточной для занятія стрѣлками всей верхней окружности Гуниба, на что нужно не менѣе полуторы тысячи человѣкъ, эта гора дѣйствительно неприступна. Но у Шамиля было только четыреста ружей (считая въ томъ числѣ населеніе аула) и 3 пушки. Но даже при такихъ силахъ защитниковъ, гунибская позиція была чрезвычайно крѣпка; глядя на гору, нельзя было придумать съ какой стороны подступить къ ней.

При Шамилѣ находились только три или четыре человѣка, замѣтные по ихъ прежнему положенію. Онъ привелъ съ собою на Гунибъ небольшое число своихъ домашнихъ мюридовъ, нѣсколько отчаянныхъ абрековъ, нѣсколько изувѣрныхъ послѣдователей тариката и сотню бѣглыхъ солдатъ, дотого обремененныхъ преступленіями, что они не смѣли воспользоваться дарованнымъ всепрощеніемъ и явиться съ повинной, вмѣстѣ съ товарищами. Созданное мюридизмомъ государство, тридцать лѣтъ боровшееся противъ Русской имперіи, началось горстью фанатиковъ и кончалось, если исключить самого Шамиля съ его семьей, шайкою разбойниковъ....

Еще до прибытія главнокомандующаго, баронъ Врангель тѣсно обложилъ Гунибъ; всѣ тропинки изъ лежащихъ внизу ауловъ были заняты отдѣльными колоннами; засѣвшіе на горѣ мюриды были заперты безвыходно.

17 августа Шамиль прислалъ къ барону Врангелю парламентеровъ съ предложеніемъ перемирія. Предложеніе было принято. По прибытіи же главнокомандующаго, немедленно

начались переговоры о сдачѣ, но не привели ни къ чему, не смотря на самыя великодушныя условія, объявленныя Шамилю, и полную безопасность, обѣщанную его людямъ. Старый предводитель мюридизма очевидно колебался между убѣжденіями всей жизни, заставлявшими его биться противъ невѣрныхъ до послѣдняго вздоха, и привязанностію къ многочисленному семейству, которое находилось съ нимъ на Гунибѣ; кромѣ того, взросшій въ непримиримой враждѣ къ русскимъ, онъ еще не вполнѣ довѣрялъ нашимъ обѣщаніямъ.

20 го августа Шамилю былъ посланъ отъ главнокомандующаго ультиматумъ слѣдующаго содержанія: «вся Чечня и Дагестанъ нынѣ покорились русской державѣ и только одинъ Шамиль лично упорствуетъ въ сопротивленіи; чтобы избѣжать новаго кровопролитія, для водворенія въ цѣломъ краѣ спокойствія и благоденствія, я требую чтобы Шамиль неотлагательно положилъ оружіе. Если онъ исполнитъ мое приказаніе, то я, именемъ Государя, торжественно объявляю ему со всѣми находящимися теперь при немъ на Гунибѣ полное прощеніе и дозволеніе ему съ семействомъ ѣхать въ Мекку, съ тѣмъ, чтобы онъ и сыновья его дали письменныя обязательства—жить тамъ безвыѣздно, равно какъ и тѣ изъ приближенныхъ лицъ, которыхъ онъ пожелаетъ взять съ собою. Путевыя издержки и доставленіе его на мѣсто будутъ вполнѣ обезпечены русскимъ правительствомъ. По сдачѣ Шамиля, Государь Императоръ самъ изволитъ опредѣлить размѣръ денежнаго содержанія ему съ семействомъ.

Если же Шамиль до вечера завтрашняго дня не воспользуется великодушнымъ рѣшеніемъ Императора Всероссійскаго, то всѣ бѣдственныя послѣдствія его личнаго упорства падутъ на его голову и лишатъ его навсегда объявленныхъ ему мною милостей».

Отсылка этого ультиматума сопровождалось письмомъ Даніель-Бека, который, по просьбѣ Шамиля, былъ посредникомъ въ переговорахъ. Даніель-Бекъ, само собою, совѣтовалъ ему исполнить предлагаемыя требованія и не сомнѣваться въ исполненіи даваемыхъ обѣщаній. Шамиль однако продолжалъ все еще колебаться,—въ немъ, очевидно, таилось опасеніе и недо-

вѣріе. Онъ прислалъ съ новымъ письмомъ своего повѣреннаго Юнуса, которому было повторено словесно все уже прежде писанное и требовался немедленный отвѣтъ. Черезъ сутки отъ начальника главнаго штаба генерала Милютина были еще отправлены два туземца для потребованія рѣшительнаго отвѣта. 22-го августа Шамиль отвѣчалъ: «мы не требуемъ отъ васъ мира и никогда не помиримся съ вами. Мы просили отъ васъ только свободнаго пропуска дороги по извѣстному уже условію (т. е. въ Мекку). Если на это будетъ согласіе, то хорошо, если же нѣтъ, то надѣемся на Бога, Который выше и сильнѣе всего; на этомъ основаніи сабля наострена и рука готова». Послѣ такого дерзкаго отвѣта упрямаго старика, дальнѣйшіе переговоры были немыслимы и оставалось прибѣгнуть къ силѣ оружія.

Между тѣмъ лезгинскій отрядъ прошелъ глубиною горъ съ верховьевъ Андійскаго койсу на правый берегъ Кара-койсу, привелъ къ покорности остальныя племена Лезгистана, вездѣ встрѣчавшія наши войска съ радушіемъ, занялъ Ирибъ *) и разрушилъ укрѣпленія этого аула. Восточныя горы были покорены до послѣдней деревни, кромѣ Гуниба, на которомъ соединилось все оставшееся отъ мюридизма.

Такъ какъ рѣшительно непредвидѣлось возможности взять Гунибъ прямо открытымъ штурмомъ, по совершенной невозможности взобраться на гору, съ которой либо стороны, кромѣ восточной, искусственно укрѣпленной Шамилемъ, то рѣшено было приступить къ инженернымъ работамъ и заготовленію туровъ, фашинъ, лѣстницъ, крючьевъ и проч. принадлежностей для осады и штурма; съ этою цѣлью уже послали въ Дербентъ за нужными инструментами и матеріалами.

Подробнѣйшій осмотръ доступовъ на вершину горы обнаружилъ однако, что и восточный скатъ, слабѣйшій по природнымъ условіямъ, представляетъ едва одолимыя препятствія, потому что пути по немъ заграждены многими, съ большимъ искусствомъ построенными преградами и бдительно охраняется

---

*) Резиденція бывшаго султана элисуйскаго Даніель-Бека, ранѣе этого явившагося съ покорностью.

большинствомъ гарнизона. По этому имѣлось въ виду, если бы представилась малѣйшая возможность, то произвести нападеніе съ котораго нибудь изъ остальныхъ фасовъ; съ восточной же стороны усиленными работами привлекать на себя главное вниманіе осажденныхъ, заставляя ихъ ежеминутно ждать штурма.

23-го и 24-го августа Ширванскіе батальоны, расположенные противъ восточнаго фасса, постепенно подвигались впередъ, а стрѣлки ихъ расположились въ недальнемъ разстояніи отъ непріятельскихъ укрѣпленій за камнями и стѣнками брошеннаго хутора. Непріятель обстрѣливалъ Ширванцевъ изъ трехъ орудій, а съ стрѣлками велъ довольно жаркую перестрѣлку.

Между тѣмъ войска, облегавшія Гунибъ съ разныхъ фассовъ, въ теченіе уже болѣе 10 дней, по собственной иниціативѣ изыскивали всевозможныя средства изучить до подробности высившіяся передъ ними скалы, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли какой либо возможности взобраться на вершину горы. Такимъ образомъ отвѣсныя кручи, казавшіяся издали совершенно недоступными, при ближайшемъ осмотрѣ охотниками, оказались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дающими возможность вскарабкаться, хотя и съ величайшими затрудненіями, и только по одиночкѣ. Пока не было сдѣлано распоряженія объ атакѣ Гуниба, каждый изъ начальниковъ блокирующихъ колоннъ, само-собою, старался держать результаты открытій своихъ охотниковъ въ совершенной тайнѣ, но когда 24-го августа движеніемъ Ширванскихъ батальоновъ атака дѣйствительно началась, каждый въ первую же ночь захотѣлъ воспользоваться своимъ открытіемъ и предприняли движеніе на гору. Первые начали Апшеронцы, предъ разсвѣтомъ 25-го августа. Мѣстность, заранѣе осмотрѣнная охотниками, представляла въ этомъ пунктѣ такія большія препятствія для нападенія, что осажденные, считая ее вѣроятно совсѣмъ недоступною для насъ, содержали здѣсь только незначительный караулъ. Предъ нападающими, какъ стѣны, возвышались одинъ надъ другимъ три скалистыхъ обрыва (каждый отъ 8 до 10-ти саженей высоты) только въ одномъ мѣстѣ разсѣченные узкою поперечною трещиною. 130

охотниковъ, обутые въ лапти и поршни, съ лѣстницами и крючьями, подсаживая другъ друга, въ совершенной тишинѣ вскарабкались на терасу, отдѣляющую нижній обрывъ отъ верхняго; вслѣдъ за ними двинулся и Апшеронскій батальонъ; не останавливаясь на первой террасѣ, уже подъ выстрѣлами горскаго караула, съ помощью лѣстницы и веревокъ взошли охотники на вторую террасу и вслѣдъ затѣмъ на верхнюю плоскость Гуниба, гдѣ, окруживъ непріятельскій пикетъ въ примкнутыхъ къ скаламъ завалахъ, 7 человѣкъ захватили въ плѣнъ, а 15 убиты на мѣстѣ (въ числѣ убитыхъ находились и 3 вооруженныя женщины). Вскорѣ затѣмъ подошли сюда еще двѣ роты и 21-й стрѣлковый батальонъ и тогда командиръ Апшеронскаго полка, полковникъ Тергукасовъ двинулся къ самому селенію Гунибъ, находившемуся оттуда еще верстахъ въ восьми. Войска сѣвернаго фасса произвели ночью на 25-е число фальшивую атаку, заставившую горцевъ сбросить внизъ заготовленную ими груду камней. Два часа гора гудѣла подъ прыгающими обломками скалъ, перескакивая чрезъ головы прилегшихъ людей нашихъ. Когда этотъ каменный градъ утихъ, командовавшій съ этой стороны генералъ-маіоръ князь Тархановъ двинулъ свою колонну вверхъ къ прорыву, раздвигающему въ этомъ мѣстѣ скалы карниза и открытому бывшими при колоннѣ конномусульманскими всадниками.

Взойдя на высоты, почти одновременно съ Апшеронцами и не зная ничего объ нихъ, князь Тархановъ двинулъ часть войскъ къ палаткѣ Шамиля, стоявшей надъ восточнымъ обрывомъ и въ тылъ непріятельскихъ укрѣпленій, а часть въ обходъ аула. Озадаченные появленіемъ нашихъ войскъ съ разныхъ сторонъ, горцы въ безпорядкѣ бросились бѣжать отъ стѣнокъ восточнаго фасса; другая же часть мюридовъ, въ томъ числѣ самъ Шамиль съ сыновьями и свитой, ускакали къ аулу Гунибъ, сбросивъ съ кручи свои три орудія.

Вслѣдъ за бѣгущими изъ укрѣпленій горцами, быстро двинулись вверхъ батальоны Шерванскаго полка съ четырьмя горными орудіями. Въ это же время наконецъ и полковникъ Радецкій съ большимъ трудомъ взобрался на гору съ западной стороны, съ двумя батальонами своего Дагестанскаго

полка. Такимъ образомъ, совершенно неожиданно, Гунибъ очутился въ нашихъ рукахъ послѣ незначительнаго сопротивленія; одна только партія мюридовъ, изъ числа бѣжавшихъ отъ укрѣпленій, бывъ отрѣзанной отъ аула, рѣшилась на отчаянное сопротивленіе. Засѣвъ за камнями, эта сотня человѣкъ открыла сильный огонь по подымавшимся снизу Шерванцамъ. Передовыя роты, не долго думая, бросились на мюридовъ и тѣ, не видя уже никакого спасенія, выхвативъ шашки и кинжалы, ринулись на встрѣчу Шерванцамъ. Тутъ завязалась непродолжительная, но жаркая и кровавая рукопашная схватка, окончившаяся полнымъ истребленіемъ мюридовъ (въ ихъ числѣ было много бѣглыхъ солдатъ изъ самыхъ отчаянныхъ негодяевъ *).

Намъ эта стычка и вообще взятіе Гуниба стоило слѣдующей потери: двадцать одинъ человѣкъ убитыхъ, 7 офиц. и 121 чел. нижнихъ чиновъ раненыхъ, до 49 человѣкъ контуженныхъ камнями.

Старшимъ надъ собравшимися на Гунибѣ войсками оказался инж. генералъ-маіоръ Кеслеръ, который, имѣя въ виду приказаніе главнокомандующаго употребить всѣ усилія, чтобы Шамиль достался намъ живымъ въ руки, остановилъ натискъ войскъ, уже готовыхъ ворваться въ аулъ, и расположить ихъ такимъ образомъ, чтобы преградить засѣвшимъ въ аулѣ всѣ пути къ отступленію.

Вслѣдъ за тѣмъ главнокомандующій прибылъ на Гунибъ, приказалъ пріостановить возникшую съ защитниками аула перестрѣлку и послалъ предложить Шамилю сдаться, не под-

---

*) Всѣмъ бѣглымъ солдатамъ, еще до взятія Гуниба, было объявлено прощеніе если они явятся въ лагерь. Ихъ оказалось 642 человѣка, въ томъ числѣ, къ крайнему прискорбію, 51 человѣкъ Кабардинскаго полка. Многіе были въ бѣгахъ уже десятки лѣтъ, принявъ мусульманскую вѣру обзавелись семействами почти забыли русскій языкъ, совсѣмъ сѣдые старцы; такихъ 47 семействъ отправили для поселенія на Терекъ, остальные же образовали слободки у озеръ Эзень-Амъ и Форельнаго, при чемъ имъ оказано денежное пособіе и отпущенъ на первое время провіантъ. Но въ слѣдующемъ году, вслѣдствіе возникшихъ волненій, ихъ перевели въ Ведень и Шатой.

вергая напрасно аула, въ которомъ было столько женщинъ и дѣтей, всѣмъ ужасамъ штурма.

Послѣ двухчасовыхъ переговоровъ и колебаній, Шамиль, видя наконецъ совершенную невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, рѣшился сдаться и въ сопровожденіи нѣсколькихъ приближенныхъ мюридовъ предсталъ предъ княземъ Барятинскимъ, ожидавшимъ его въ березовой рощицѣ, въ верстѣ отъ аула.

Послѣ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ знаменитымъ плѣнникомъ очевидно въ сильнѣйшемъ волненіи и не имѣвшихъ особаго значенія, главнокомандующій объявилъ Шамилю, что жизнь его и его семейства внѣ всякой опасности и что онъ будетъ отправленъ въ Россію, а дальнѣйшая судьба его всецѣло зависитъ отъ милосердія Императора. Затѣмъ князь Барятинскій уѣхалъ назадъ на Кегерскія высоты, а Шамиля подъ особымъ прикрытіемъ приказалъ вести туда же.

26-го августа было отслужено торжественное молебствіе, произведенъ парадъ и всему Кавказу послѣднее событіе возвѣщено слѣдующимъ лаконическимъ приказомъ главнокомандующаго: «Шамиль взятъ, поздравляю Кавказскую армію». Въ Петербургъ отправлена депеша: «Гунибъ взятъ; Шамиль въ плѣну и отправленъ въ Петербургъ». Государь Императоръ отвѣчалъ кн. Барятинскому, между прочимъ: Слава тебѣ Господи; и честь, и слава тебѣ, и всѣмъ нашимъ кавказскимъ молодцамъ».

Геройскій подвигъ овладѣнія Гунибомъ блистательно заключилъ рядъ безпримѣрныхъ подвиговъ, совершенныхъ въ послѣднее время войсками. Восточный Кавказъ былъ покоренъ.

И такъ здѣсь война была окончена, гулъ выстрѣловъ умолкъ; но это еще не давало отдыха войскамъ: начинались громадныя работы; тѣ же солдатскія руки, которые недавно, сражаясь съ врагами, дѣйствовали оружіемъ, теперь исключительно занялись проведеніемъ дорогъ, бурили и взрывали скалы, рубили и расчищали лѣса, строили мосты, сооружали укрѣпленія, казармы; топоры, ломы, заступы неустанно стучали по всѣмъ направленіямъ, по ущельямъ Аргуна, Хулхулау, Баса, Андіи. Кромѣ того оставалось покорить Западный

Кавказъ. Задача чрезвычайно важная, сложная и представлявшая много трудностей, не взирая на многолѣтнія подготовительныя дѣйствія и несомнѣнные успѣхи, достигнутые въ послѣдніе годы въ Закубанскомъ краѣ.

Награды полку за 1858 и 1859-й годы.

3-му бат. Георг. знамя съ надписью: «за взятіе штурмомъ аула Ведени 1 апрѣля 1859 г.» и съ сохран. прежней надписи «за взятіе Андіи 14 іюля 1845 г.» Слѣдующіе чины: маіору Гейману, капит. Базину, Зиссерману, Красницкому, поруч. Щелкачеву, прап. Немтинову, маіору Соковнину, кап. Панютину, Крузенштерну, Шредеру, Муравьеву, шт.-кап. Петровскому, Гернету, поруч. Никитину, Сахновскому, подпор. Щелкачеву. Денгилевскому, прап. Салькову, поруч. Плещееву, прап. Чеховскому, Михайлову шт.-кап. Краббе, Кишельскому, девять юнкеровъ въ офицеры, шт.-капит.: Щелкачеву, Григоровичу, Наздрачеву, поруч. Козловскому, подпор. Козловскому, Щелкачеву, Выгарницкому, прапор. Плещееву, Шелеметьеву, Звольскому. Анну 2-й ст. съ мечами полк. Клингеру; золотую саблю полк. Иверсену, полугодовой окладъ подпол. Цытовскому; Станислава 2-й ст. съ мечами. маіору Базину, шт. лекарю Камарецкому, 3-й ст., капит. Бѣлику, подпор. Салькову, Малліо, Щелкачеву, Выгарницкому, Погоскому, Щелкачеву. Немтинову, прапор. Дьячькову, Макарову, Кремеру и докт. Лаудону; Анну 4-й ст. за храбр. подпор. Терентьеву, прап. Елкину, Анну 2-й ст. съ

короной полк. Клингеру, 3-й ст. шт.-капит. Грачеву, подпор. Немтинову, Станислава 2-й ст. съ короной подпол. Цытовскому, Вельяминову, Гейману, маіорамъ Киселеву, Крузенштерну, шт.-кап. Бѣлецкому, Кишельскому, 3-й ст. съ мечами маіору Панютину, кап. Вороновичу, Петровскому, шт.-кап. Никитину, поруч. Хлѣбникову, Тетерину, Щелкачеву, подпор. Коленко, Петрову, Трамбецкому, графу Апраксину, прап. Долгову, Анну 3-й ст. съ меч. маіору Муравьеву, кап. Вороновичу, Бѣлику, шт.-кап. Плещееву, Анну 4-й ст. за храбр. прапор. Хвостикову, Сандбергу, Погоскому, Тимошенкѣ, Ласицкому, Козловскому, Львовскому. Нижнимъ чинамъ 118 георг. крестовъ, кромѣ нѣсколькихъ денежныхъ наградъ, прощенія штрафовъ и проч. Разжалованные кн. Долгоруковъ и Зубовъ произведены въ унтеръ-офицеры.—Свѣдѣнія эти однако не полны и, какъ я уже упомянулъ, вѣрныхъ справокъ нѣтъ возможности навести за потерей книгъ и безпорядками въ дѣлахъ этой категоріи.

Всѣмъ же участникамъ покоренія Восточнаго Кавказа вообще, пожалована особая серебрянная медаль на георгіевско-александровской лентѣ.

Князь Барятинскій въ концѣ 1859 года, вмѣстѣ съ производствомъ въ фельдмаршалы, получилъ Высочайшій рескриптъ, которымъ повелѣно Кабардинскому полку называться его именемъ. Объ этомъ князь извѣстилъ Кабардинцевъ слѣдующимъ приказомъ изъ станціи Меркуловой, въ землѣ войска Донскаго, гдѣ онъ, на пути въ Петербургъ, былъ встрѣченъ курьеромъ съ Высочайшимъ рескриптомъ.

Храбрые Кабардинцы!

Вмѣстѣ съ назначеніемъ меня генералъ фельдмаршаломъ, Государю Императору угодно было связать мое имя съ вами.—Каждому изъ васъ понятно мое счастіе.—17-го декабря 1859 г.

XX.

Предположенія на 1860 годъ.—Командированіе за Кубань Кабардинскаго батальона.—Возбужденіе черкескихъ племенъ иностранными агентами.—Предложенныя горцамъ условія покорности.—Опредѣленный планъ дѣйствій на Западномъ Кавказѣ.—Неожиданныя событія на Восточномъ Кавказѣ.—Возмущеніе, нападеніе на команды.—Дѣйствія противъ возмутителей.—Происшествіе въ Аргунскомъ ущельѣ.—Зимнія дѣла въ Ичкеріи.—Удачные поиски Кабардинскихъ ротъ и поимка возмутителей.—Появленіе новыхъ шаекъ въ Дагестанѣ.—Удачныя распоряженія генерала Лазарева и поимка возмутителя Куръ-Магомеда.—Усмиреніе возстанія въ Аргунскомъ ущельѣ.—Прекращеніе безпорядковъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ.

13-го ноября 1859 г. главнокомандующій, представляя предположенія о занятіяхъ и дѣйствіяхъ кавказскихъ войскъ въ 1860 году, между прочимъ писалъ военному министру: «съ душевною радостью могу сообщить, что, кромѣ праваго крыла, на всемъ остальномъ протяженіи Кавказа военныхъ дѣйствій не предвидится. На Восточномъ Кавказѣ открывается обширное поле мирной дѣятельности; уже не силою оружія, но мѣрами административными и работами должно отнынѣ укрѣпляться и упрочиваться достигнутое нами послѣ полувѣковой борьбы господство надъ воинственными племенами Чечни и Дагестана». Кромѣ административнаго устройства, начало которому было положено тотчасъ по покореніи края, и дальнѣйшее развитіе коего требовало еще ближайшихъ соображеній, работы должны были заключаться, главнѣйшимъ образомъ, въ проложеніи колесныхъ дорогъ по разнымъ стратегическимъ направленіямъ и возведеніе укрѣпленныхъ опорныхъ пунктовъ, особенно на переправахъ, въ тѣснинахъ, могущихъ преградить сообщенія и т. п., съ тѣмъ, чтобы можно было

ограничить число войскъ въ горахъ до minimum и держать главныя силы на плоскостяхъ, гдѣ ихъ содержаніе гораздо дешевлѣ и удобнѣе. Всѣми этими работами слѣдовало торопиться и дорожить временемъ, пока Кавказская армія была еще въ усиленномъ составѣ, имѣя у себя и 18-ю пѣхотную и резервную дивизіи, обратное выступленіе коихъ въ Россію приказано было начать осенью 1860 года.

Для подкрѣпленія же войскъ праваго крыла, князь Барятинскій рѣшилъ въ началѣ 1860 года отправить всѣ три драгунскіе полка, четыре стрѣлковыхъ батальона и 12-ть сводныхъ батальоновъ изъ стрѣлковыхъ ротъ гренадерской, 20 и 21 дивизій. Части эти отправились за Кубань въ февралѣ. Стрѣлковый батальонъ Кабардинскаго полка съ охотничьей командой выступилъ подъ нальствомъ подполковника Геймана.

Дѣйствія въ Закубанскомъ краѣ должны были продолжаться съ настойчивостью потому же плану, какъ вообще въ послѣдніе годы; слѣдовало довершить казачьи населенія между Кубанью и Бѣлой, упрочить передовыя линіи Бѣлорѣченскую и Адагумскую, для чего имѣть два отряда. Со стороны моря, къ сожалѣнію, почти ничего нельзя было предпринять за слабостью нашихъ морскихъ силъ, и по неволѣ приходилось ограничиваться изрѣдка небольшими десантами, захватывавшими мелкія шайки и турецкія кочермы. Между тѣмъ, именно въ это время, турецкіе и англійскіе агенты и разные авантюристы усилили свою дѣятельность на восточномъ берегу Чернаго моря, возмущая горцевъ, снабжая ихъ боевыми средствами и — главнѣе всего — обманывая легковѣрныхъ несбыточными надеждами на близкую помощь Турціи и всей Европы. Это и было причиной гибели всего почти черкесскаго племени, упорствовавшаго въ изъявленіи намъ покорности и не желавшаго поселиться на плоскости, подъ нашимъ надзоромъ и управленіемъ. Послѣ страшныхъ потерь въ борьбѣ съ русскими войсками, съ нищетой, стужей, тифами и оспой, остатки черкесовъ, припертые къ берегу моря, рѣшились переселиться въ Турцію, гдѣ дальнѣйшая ужасная судьба ихъ извѣстна....

Враги Россіи оказали ей, противъ своего желанія, громад-

ную услугу: избавили насъ отъ полумилліоннаго населенія, покорность котораго въ теченіе еще многихъ лѣтъ была бы весьма проблематической, требовала бы большихъ заботъ и расходовъ, и — самое важное — при первой войнѣ, въ которой Черное море оказалось бы въ рукахъ нашего непріятеля, достаточно было высадки небольшаго десанта иноземныхъ регулярнымъ войскъ, чтобы возмутить черкесскія племена, возжечь религіозный фанатизмъ, воспламенить духъ ненависти противъ русскихъ, возбудить надежды на ихъ изгнаніе и т, д. Такое событіе легко могло отозваться и на Восточномъ Кавказѣ и поставить насъ въ крайне затруднительное положеніе.

Въ виду подобной возможности, князь Барятинскій еще въ 1857 году представилъ въ Петербургъ записку Д. А. Милютина о неизбѣжности занятія предгорнаго и горнаго пространства Западнаго Кавказа, по обѣимъ сторонамъ хребта, вооруженнымъ казачьимъ населеніемъ, съ учрежденіемъ опорныхъ пунктовъ и *прочныхъ путей сообщенія* *); а туземное населеніе водворить на богатыхъ плодородныхъ мѣстахъ лѣваго берега Кубани, подъ управленіемъ и надзоромъ нашей администраціи. Особый комитетъ, разсматривавшій въ Петербургѣ эту записку, находилъ мѣры въ ней изложенныя полезными, съ тѣмъ однако, чтобы не оставлять горцевъ безъ достаточнаго земельнаго надѣла и не ставить ихъ въ отчаянное положеніе.

Такимъ образомъ, главная цѣль дѣйствій за Кубанью заключалась въ вынужденіи туземнаго населенія покориться и переходить на указываемыя мѣста, или же тѣснить его постепенно съ плоскости въ горы, заселяя оставляемыя имъ мѣстности казачьими станицами; наконецъ, вытѣснить туземцевъ изъ горъ къ морскому берегу, а если и за тѣмъ они не пожелаютъ принять предложенныхъ условій перехода на плоскость, то оказать имъ помощь въ переселеніи въ Турцію, а горныя мѣста и береговую полосу тоже занять подъ казачьи поселенія. Это

---

*) Къ крайнему сожалѣнію, это и до сихъ поръ неосуществлено и было въ 1877 году главной причиной нашихъ потерь и неудачъ на черноморскомъ берегу.

была единственная система, дававшая надежду на прочный успѣхъ; всякія другія мѣры могли имѣть развѣ временныя выгоды. Оставаясь на своихъ мѣстахъ, черкесскія племена, доступныя для внѣшняго непріятеля Россіи, служили бы въ мирное время поприщемъ тайныхъ происковъ иностранныхъ агентовъ, которые раздували и поддерживали бы ненависть къ намъ, а во время войны, какъ уже сказано, первый небольшой десантъ могъ бы возбудить общее возстаніе. Во время Крымской войны 1853—1856 наши враги не умѣли воспользоваться многочисленнымъ воинственнымъ населеніемъ Западнаго Кавказа; но въ другой разъ могли уже не повторить этой ошибки.

Рѣшено было дѣйствовать по этой системѣ, селить усиленнѣйшимъ образомъ казачьи станицы по Бѣлой, Пшехѣ, Псекупсу и другимъ рѣчкамъ далѣе къ западу; для этого вырубать просѣки, прокладывать дороги по обѣимъ скатамъ хребта и т. д. Все это, какъ извѣстно, благодаря энергіи, настойчивости и умѣнію графа Евдокимова, переведеннаго съ лѣваго на правое крыло главнымъ начальникомъ, было въ теченіе трехъ съ небольшимъ лѣтъ выполнено, и въ маѣ 1864 года война на Кавказѣ уже вполнѣ окончилась.

Предварительно разсказа о ходѣ военныхъ дѣйствій въ Закубанскомъ краѣ, я долженъ однако еще возвратиться къ Восточному Кавказу и передать происшедшія тамъ печальныя событія, въ которыхъ батальоны Кабардинскаго полка принимали самое дѣятельное и видное участіе *).

Послѣ взятія Веденя и рѣшительнаго наступленія нашихъ

*) Кабардинскій стрѣлковый батальонъ, пробывъ до конца 1860 года за Кубанью, вслѣдствіе возникшихъ въ Чечнѣ безпокойствъ, былъ экстренно двинутъ назадъ и прошелъ до Терской области, въ самый разгаръ неслыханной на Кавказѣ зимы, когда морозы на Кубани доходили до 30° — и даже два дня, въ январѣ 1861 года, было 31°. Но какъ вскорѣ возмущеніе было усмирено, то батальонъ опять возвратили на правое крыло, куда онъ и прибылъ къ началу весеннихъ дѣйствій.

отрядовъ въ долину Андійскаго Койсу, какъ мы уже видѣли, изъявленіе покорности различными обществами слѣдовало одно за другимъ съ изумительною быстротою, народъ какъ будто сбросилъ съ себя тяжелыя цѣпи, много лѣтъ его сковывавшія, и въ изъявленіи покорности русскимъ отождествлялъ свое освобожденіе отъ несноснаго ига. Такому увлеченію массъ не могли не послѣдовать люди шамилевской партіи, не рискуя возжечь противъ себя народную ненависть и быть выданными русскимъ властямъ, въ качествѣ преступныхъ людей; на первыхъ порахъ они могли даже расчитывать попасть въ число привиллегированныхъ, ласкаемыхъ начальствомъ лицъ и пристроиться къ мѣстному управленію, сохранить прежній вѣсъ и значеніе, получая обильныя награды и т. п. Но когда первый пылъ охватившаго всѣхъ увлеченія прошелъ, когда люди изъ шамилевской партіи, т. е. игравшіе при немъ извѣстную роль, пользовавшіеся вліяніемъ и—что еще важнѣе—извлекавшіе матеріальныя выгоды изъ безропотно-покорнаго населенія, увидѣли, что управленіе переходитъ въ руки русскихъ офицеровъ или туземцевъ, давно служившихъ русскимъ, они не могли помириться съ своимъ новымъ положеніемъ; при впечатлительности и легкомысліи азіятской натуры, разъ возникшее неудовольствіе неминуемо должно было быстро усилиться до той степени, когда ему необходимъ выходъ.

Подобнаго усложненія слѣдовало ожидать и быть готовымъ на то, что партія мюридизма еще не разъ попытается привлечь народъ къ себѣ, затѣявъ возстаніе, безпорядки; да и на большинство самого народонаселенія нельзя было вполнѣ полагаться: многолѣтнія привычки, впитывающіяся въ кровь людей, неискореняются вдругъ; привычки къ подчиненію извѣстнымъ лицамъ, умѣвшимъ фанатизировать религіозныя чувства, давать пищу хищническимъ наклонностямъ и случаямъ проявить удальство, наконецъ лицамъ одной вѣры, языка, обычаевъ, ненавидящимъ общаго врага-чужеземца,—могла вскорѣ заставить забыть ихъ недавнія притѣсненія и вспоминать только объ лицевой сторонѣ медали. Много времени требовалось, чтобы уничтожить вліяніе этихъ прежнихъ распорядителей судьбами горскаго населенія; нужно было зорко слѣдить за всѣми

ихъ дѣйствіями, принимая мѣры къ упроченію нашей власти въ краѣ и къ образованію другой, намъ приверженной партіи, способной бороться со старыми традиціями. Для этого, само собою, требовалась прежде всего *хорошая* администрація, а устройство таковой вездѣ и всегда есть вещь весьма трудная и была еще болѣе трудною для насъ, при крайней бѣдности въ подготовленныхъ, образованныхъ людяхъ и при вкоренившихся убѣжденіяхъ среди лучшихъ офицеровъ, что служба въ администраціи есть нѣчто низшее, недостойное военнаго человѣка, ищущаго карьеры въ боевой дѣятельности, или въ состояніи въ свитѣ высшаго начальства. Только одно продолжительное время, если не будетъ оно потрачено безплодно, могло успокоить страсти и дать безпокойнымъ элементамъ другіе пути дѣятельности, вызвать другіе интересы.

Къ сожалѣнію, событія такъ быстро слѣдовали, что неоставалось времени даже для самой умной администраціи, не говоря о посредственной.

Въ своемъ мѣстѣ уже было сказано, что когда послѣ взятія Веденя, ичкеринцы гнали отъ себя Шамиля и изъявили покорность намъ, одинъ только аулъ Беной, лежащій въ трущобахъ верховья р. Аксая, въ числѣ 280 семействъ, оставался непокорнымъ принявъ къ себѣ разныхъ абрековъ и сбродъ хищниковъ. Однако, послѣ долгаго упорства и когда стала уже извѣстна участь Шамиля, покорился и Беной. Ему приказано было оставить труднодоступную мѣстность и разселиться въ нѣсколько окрестныхъ ауловъ. Большинство подчинилось этому распоряженію и только самая малая часть, подъ разными предлогами, осталась на старомъ мѣстѣ. Вдругъ, въ началѣ мая мѣсяца 1860 года, когда лѣса одѣлись листьями, большинство выселившихся опять ушли самовольно въ Беной, выбрали между собою *имама*, нѣкоего Бойсунгура, и дали клятву непокоряться русскимъ.

Мѣстныя власти узнали объ этомъ, но не имѣли возможности тотчасъ принять какія нибудь мѣры: отъ таянія снѣговъ и проливныхъ дождей рѣки разлились, дороги были подмыты, загромождены земляными завалами, переправиться чрезъ Хулхулау и Аксай не было средствъ. Къ тому же не было еще подножнаго корма и все это вынудило отложить движе-

ніе войскъ въ Ичкерію. Ободренные безнаказанностью, беноевцы возобновили старое ремесло и открыли нападенія по дорогамъ: 4-го іюня, близь разореннаго аула Эрсеноя, они напали на унтеръ-офицера и двухъ рядовыхъ Кабардинскаго полка, ѣхавшихъ изъ Шали въ ущельѣ Хулхулау, и убили ихъ; 8-го числа около Герзель-аула напали на пасшихся лошадей Донской сотни и убили двухъ казаковъ.

Въ это самое время одинъ изъ менѣе извѣстныхъ, бывшихъ шамилевскихъ наибовъ на Шаро-Аргунѣ, нѣкто Ума-Дуевъ, съ бывшимъ кадіемъ Атабаемъ, возмутили Аргунское общество Дзумсой, а частью и шатоевцевъ и произвели цѣлый рядъ хищническихъ нападеній на наши транспорты и мелкія колонны, убивали людей, угоняли казачьихъ лошадей и быковъ, прерывали сообщеніе, наконецъ, усиливаясь все прибывающими изъ разныхъ ауловъ Аргунскаго ущелья людьми, уже открыто нападали на роты, находившіяся на дорожныхъ работахъ, атаковывали укрѣпленія и сторожевыя башни. Распространяясь все западнѣе, волненіе охватило остатки населенія гнѣздившагося въ верховьяхъ малочеченскихъ рѣчекъ Мартана, Гехи, перешли на Ассу, подняло Акинское общество вблизи Военно-грузинской дороги и разрѣшилось цѣлымъ рядомъ кровавыхъ происшествій, стоившихъ намъ нѣсколько десятковъ людей!...

Пришлось оторвать войска отъ самыхъ нужныхъ работъ, формировать отдѣльныя самостоятельныя колонны и начать нѣчто въ родѣ такъ недавно прекращенныхъ военныхъ дѣйствій... Лѣтомъ, когда возмутители съ своими шайками, съ семействами и скотомъ, могли скрываться въ лѣсныя трущобы, наши мѣры противъ нихъ оказывались мало успѣшными, а дерзость противника все возрастала и грозила принять обширные размѣры, тѣмъ болѣе, что и всѣ остальные аулы Ичкеріи присоединились уже къ возмущенію. Это вынудило поспѣшнѣе возвратить изъ-за Кубани 20-й стрѣлковый батальонъ и одинъ Драгунскій полкъ, да изъ Грузіи притянуть два полка Донскихъ казаковъ.

Происходившія тогда въ Сиріи и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Турецкой имперіи волненія могли въ превратныхъ извѣ-

стіяхъ достигнуть чрезъ Закавказье въ горы и еще болѣе усилить возбужденіе религіознаго фанатизма, опять увлекая легковѣрныхъ надеждами на близкую помощь султана. Все это требовало немедлить энергическими мѣрами къ подавленію возстанія.

Генералъ-маіоръ Баженовъ съ колонной прошелъ въ Акинское общество, выселилъ жителей на плоскость, а аулы ихъ совершенно разорилъ. Къ Ичкеріи были направлены войска съ трехъ сторонъ и, благодаря отличнымъ распоряженіямъ управлявшаго въ Чечнѣ генералъ-маіора Кемпферта, тамъ вскорѣ успѣхи увѣнчали наши дѣйствія. Съ 28-го на 29-е іюля человѣкъ 200 ичкеринцевъ отправились къ высотамъ Гамаръ-Дука съ тѣмъ, чтобы, занявъ ихъ, прервать сообщеніе между Веденемъ и Эрсеноемъ, гдѣ стояла особая колонна. При первомъ извѣстіи объ этомъ движеніи, туда былъ направленъ 1-й батальонъ Кабардинскаго полка съ 2-мя горными орудіями, который распорядился по старой системѣ: дружное ура! и чрезъ полчаса высота Гамаръ-Дука была занята, невзирая на жестокій огонь ичкеринцевъ изъ лѣсной чащи. Дѣло это стоило батальону 2 убитыхъ, ранены подпоручикъ Андреевъ и 11 рядовыхъ. Со стороны Аксая 1-го августа выступила другая колонна, подъ начальствомъ командира Кабардинскаго полка полковника Клингера, и достигнувъ Саясани вошла въ связь съ колонною бывшею въ Эрсеноѣ, послѣ чего была занята весьма важная позиція Кетишъ-Кортъ.

Между тѣмъ работы по проложенію дороги отъ Веденя къ Беною, производившіяся съ настойчивостью, были окончены и генералъ Кемпфертъ двинулъ туда отрядъ изъ 6 батальоновъ (въ томъ числѣ 3-й Кабардинскій), 2-хъ сотень казаковъ и 4-хъ орудій. Послѣ довольно жаркаго дѣла, стоившаго намъ 3 убитыхъ, 1 офицера и 22 нижнихъ чиновъ раненыхъ, Беной—это гнѣздо возмущенія былъ взятъ и разоренъ. Одновременно особая колонна изъ Ауха рубила къ Беною просѣку и во время перестрѣлки мы потеряли 9 человѣкъ раненыхъ. Послѣ взятія нами аула, жители разсѣялись въ лѣсахъ мелкими партіями, куда не было возможности ихъ преслѣдовать. Войскамъ приказано было продолжать рубку лѣса для большаго обезпе-

ченія движеній по Ичкеріи. Мятежники перестрѣливались при этомъ съ нашими цѣпями и мы потеряли 5 убитыхъ, 3 раненыхъ нижнихъ чиновъ и убитаго маіора Дагестанскаго полка Добржанскаго.

Въ Аргунскомъ ущельѣ возмущеніе не утихало и къ октябрю, въ Дзумсоѣ, Ума-Дуевъ съ Атабаемъ собрали довольно значительную партію, разсылая агентовъ въ окрестные аулы съ приглашеніями присоединиться къ нимъ. Начальникъ войскъ въ Шатоѣ, командиръ Навагинскаго полка князь Тумановъ рѣшился двинуться въ Дзумсой и разогнать партію возмутителей. Взявъ 3½ батальона и собравъ милицію изъ шатоевскихъ ауловъ, онъ выступилъ 23-го числа, поручивъ одномъ батальону идти особо и наблюдать за милиціею, которой нельзя было вполнѣ довѣриться. На другой день, когда князь Тумановъ хотѣлъ уже выступать къ мѣсту нахожденія сборища для атаки, онъ вдругъ получилъ извѣстіе, что милиція шатоевская напала на батальонъ и открыла по немъ огонь! Это вынудило его къ отступленію изъ Дзумсоя, чѣмъ, конечно, воспользовались Ума-Дуевъ и всѣ собранные имъ партіи: они жестоко насѣли на отступающихъ Навагинцевъ, убили батальоннаго командира полковника Кучерова, 8 нижнихъ чиновъ, ранили 2 офицеровъ и 43 нижнихъ чиновъ.

Движеніе князя Туманова было, впрочемъ, совершенно напраснымъ и дало только случай мятежникамъ торжествовать легкую побѣду. Съ положительною вѣрностью можно было расчитывать, что какъ только наступятъ холода, выпадетъ снѣгъ, скрываться въ лѣсныхъ трущобахъ съ семействами и скотомъ станетъ крайне трудно, нашимъ войскамъ, напротивъ, движенія облегчатся и сопротивленіе возмутившихся будетъ парализовано. Такъ и случилось: какъ только наступила зима, въ Аргунское ущелье были двинуты колонны съ разныхъ сторонъ и распоряжавшійся ими генералъ-маіоръ Муса Кундуховъ *) съ большимъ успѣхомъ разорилъ главные

---

*) Впослѣдствіи переселившійся въ Турцію и въ послѣднюю войну сражавшійся противъ насъ въ Карской области, подъ именемъ Муса-паша.

мятежные аулы, выселилъ изъ Аргунскаго ущелья до 1000 семействъ и успокоилъ тамъ волненія. Все это стоило намъ убитыми 1 артиллер. офицера и 3 рядовыхъ, ранены 19 ниж. чиновъ. Въ Ичкеріи не переставали рубить просѣки въ разныхъ направленіяхъ, и отъ Кишень-Ауха чрезъ Зандакъ къ Яманъ-су, и на соединеніе съ дорогою отъ Хасавъ-юрта къ Беною, дѣлая по временамъ набѣги на скрывавшихся въ лѣсахъ бѣглецовъ, что и вынудило ихъ удаляться все дальше и дальше къ самымъ верховьямъ Аксая. Тутъ они избрали неприступное мѣсто и начали строить землянки на зиму. 13-го декабря туда были послана колонна изъ 15-ти ротъ (въ томъ числѣ 8 ротъ Кабардинцевъ). Послѣ жаркаго дѣла, наши молодцы проникли въ эту трущобу, разорили все что нашли и вынудили 60 семействъ беноевцевъ наконецъ явиться съ мольбою о пощадѣ. Дѣло же стоило намъ 1 убитаго рядоваго, раненымъ нашего полка капитана Козловскаго и 6 рядовыхъ.

Покаявшіеся беноевцы оказались въ самомъ плачевномъ положеніи,—оборванные, обнищавшіе, потерявшіе почти все имущество и скотъ; ихъ разселили временно по другимъ ауламъ съ тѣмъ, что весною они перейдутъ на плоскость. Другая часть ихъ опять бѣжала дальше къ Андійскому хребту; это были уже самые отчаянные, съ имамомъ Бойсунгуромъ и нѣсколькими десятками абрековъ изъ разныхъ обществъ.

Послѣ этого и въ Ичкеріи спокойствіе было отчасти возстановлено, однако сочтено было необходимымъ оставить тамъ отрядъ изъ 9½ бат., чтобы не дать не покорившимся спокойно дождаться тепла и опять начать враждебныя дѣйствія, уклоняясь отъ подчиненія намъ и перехода на указанныя для поселенія мѣста. Батальоны эти всю зиму рубили просѣки отъ послѣдне занятаго урочища назадъ къ Беною и къ Дарго. Часть этого отряда—два бат. Кабардинцевъ—оставались у разореннаго аула Дагтыхъ въ Зандакскомъ наибствѣ, подъ командой маіора Муравьева. Съ 2 по 19-го января (по распоряженія генерала Кемпферта), изъ этихъ войскъ двѣ колонны были направлены по всѣмъ направленіямъ въ лѣсныя трущобы, считавшіяся по понятіямъ горцевъ совершенно недоступ-

ными для русскихъ войскъ. И дѣйствительно, для движеній съ обозомъ, артиллеріею, хотя бы и вьючными, по принятымъ порядкамъ, не разлучнымъ съ движеніемъ регулярнаго войска, мѣстность была недоступная; но обстоятельства заставили отступить отъ всѣхъ правилъ и привычекъ. Пѣхота, спѣшенные казаки и нѣсколько милиціонеровъ изъ туземцевъ, заслужившихъ довѣріе, прошли лѣса горной Ичкеріи по всѣмъ направленіямъ, безъ дорогъ, по колѣна въ снѣгу, шагъ за шагомъ, въ теченіе двухъ недѣлъ, ночуя гдѣ застигала ихъ ночь, доходили до скатовъ Андійскаго хребта, истребляя скрывавшихся, подобно дикимъ звѣрямъ въ землянкахъ и норахъ, упорныхъ беноевцевъ. Такое настойчивое преслѣдованіе довело ихъ наконецъ до крайности: 1218 душъ безусловно покорились и выселены въ Чечню, но имамъ Байсунгуръ все таки съ нѣсколькими приверженцами и семействами успѣлъ скрыться дальше въ лѣса Гумбета. Все движеніе стоило намъ 1-го убитаго и 5 раненыхъ нижнихъ чиновъ.

Кромѣ того пять ауловъ ичкеринскихъ, принимавшихъ явное участіе въ возмущеніи, назначены были къ выселенію весною.

Въ началѣ февраля получено было извѣстіе, что главный ичкеринскій возмутитель Бойсунгуръ скрывается на правомъ берегу Аксая, у подошвы горы Баяндукъ. Генералъ Кемпфертъ предписалъ маіору Муравьеву сдѣлать туда поискъ и постараться захватить мятежника съ его шайкой.

Выступивъ ночью на 17-го февраля съ 6-ю ротами и командой охотниковъ, Муравьевъ, не взирая на сильный морозъ и туманъ, на глубокій снѣгъ, овраги, кручи и лѣса, совершилъ одинъ изъ тѣхъ переходовъ, которые были свойственны только нашимъ старымъ кавказцамъ. Послѣ трехъ часовъ усиленнаго движенія, давъ получасовой отдыхъ людямъ, Муравьевъ раздѣлилъ колонну на три части,—двѣ послалъ по двумъ обходнымъ оврагамъ, приказывая ускорить до возможности движеніе, а самъ, предъ разсвѣтомъ, съ 50 охотниками за которыми шла одна рота бѣгомъ бросился впередъ. Вслѣдъ за тѣмъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ, крики, вой, послѣ ура! Произошла рукопашная схватка, а черезъ часъ дѣло было уже окончено:

Бойсунгуръ и съ нимъ 4 абрека, всего же 14 душъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей очутились въ нашихъ рукахъ, остальные, въ томъ числѣ помощникъ Бойсунгура Султанъ-Муратъ, успѣли бѣжать и усталымъ нашимъ солдатамъ не было физической возможности за ними гнаться.

Весь этотъ успѣшный набѣгъ стоилъ намъ 2-хъ человѣкъ раненыхъ, одинъ кинжаломъ, другой пистолетнымъ выстрѣломъ. Кабардинцамъ суждено было и тутъ, въ этихъ послѣднихъ судорогахъ чеченской войны, очутиться въ первыхъ рядахъ и лишнимъ подвигомъ наполнить лѣтопись своей славы.

Бойсунгуръ и всѣ взятые съ нимъ были доставлены въ Хасавъ-Юртъ и преданы полевому суду.

Такимъ образомъ, Ичкерія была окончательно очищена отъ мятежныхъ шаекъ и, благодаря просѣкамъ, поставлена въ невозможность скораго повторенія безпорядковъ: войска имѣли теперь свободный доступъ въ нее съ разныхъ сторонъ. Но въ Аргунскомъ ущельи и на западѣ отъ него, въ верховьяхъ Малочеченскихъ рѣчекъ, гдѣ мѣстность почти такая же, какъ въ Ичкеріи, съ наступленіемъ весны, шайки абрековъ и хищниковъ стараго закала, изъ карбулаковъ и чеченцевъ, устроивъ себѣ притоны въ неприступныхъ трущобахъ, возобновили набѣги и грабежи.

Были посланы двѣ колонны для истребленія этихъ притоновъ. Въ одной, подъ начальствомъ полковника Іедлинскаго, въ числѣ 10-ти ротъ, было 6 Кабардинскаго полка. Двигаясь съ разныхъ сторонъ, эти колонны разоряли хутора, мелкіе аульчики, гнали мятежное ихъ населеніе все дальше и соединились у аула Гурчи, который и заняли съ боя. Послѣ разоренія этого пристанища, абреки разсѣялись мелкими шайками въ лѣса.

Между тѣмъ Атабай довелъ свою шайку до 500 человѣкъ и оставался на Чанти-Аргунѣ у аула Харсаной; Ума-Дуевъ съ небольшой шайкой держался въ Дзумсоѣ. Ихъ близкое присутствіе не давало успокоиться волненію, которое распространялось вверхъ по Аргуну и достигло Чеберлоя иУнкратля. Тамъ тоже нашелся предводитель недовольныхъ, нѣкто

Каракуль-Магома (или Куръ-Магомедъ) успѣвшій вскорѣ составить себѣ партію въ 150 человѣкъ. Враждебныя дѣйствія противъ нашихъ войскъ онъ открылъ внезапнымъ нападеніемъ на лагерь трехъ ротъ Куринскаго полка, стоявшихъ близъ аула Тинди и рубившихъ тамъ лѣсъ для построекъ въ Преображенскомъ укрѣпленіи. Когда роты вышли на работы, лагерь остался подъ прикрытіемъ всего 25 человѣкъ, да безоружныхъ кашеваровъ и деньщиковъ, Куръ-Магометъ внезапно выскочилъ изъ за оврага, бросился въ лагерь, сбилъ часоваго, изрубилъ трехъ офицеровъ, 11 нижнихъ чиновъ, 5 человѣкъ переранилъ и, только увидѣвъ бѣгущія по тревогѣ изъ лѣса роты, поспѣшилъ безнаказанно уйти.

Кто знакомъ съ кавказскимъ горскимъ населеніемъ и исторіею нашей вѣковой войны тамъ, тотъ можетъ себѣ представить, что подобный, въ сущности незначительный успѣхъ, могъ разростись въ разсказахъ до размѣровъ весьма важнаго пораженія русскихъ и возжечь возмущеніе въ ширь всего недавно покореннаго раіона. Стоило соединиться Атабаю и Умѣ съ Куръ-Магомедомъ, и съ партіей въ 1000 человѣкъ броситься еще на какую нибудь небольшую часть нашихъ войскъ, разбросанныхъ тогда для работъ на большомъ пространствѣ, стоило имъ не добромъ, такъ страхомъ заставить пристать къ нимъ весь Чеберлой и Ункратль, и у насъ была бы готова новая война, новыя жертвы, не на десятки лѣтъ, конечно, но на два, на три года. Избѣгли мы этого, благодаря ловкости, совершенному знанію края и характера туземцевъ генерала Лазарева, бывшаго тогда начальникомъ нагорнаго Дагестана. Онъ собралъ жителей Андіи, Гумбета, Технуцала, части Андаляля, съ ихъ почетнѣйшими людьми и отъ насъ уже назначенными правителями изъ бывшихъ и при Шамилѣ въ силѣ и почести, отправился съ ними въ Ункратль, приказавъ въ видѣ резерва слѣдовать за собою тремъ баталіонамъ Дагестанскаго полка съ 4-мя горными орудіями. Куръ-Магометъ загородилъ дорогу по ущелью Андійскаго Койсу завалами и засѣлъ за ними съ рѣшимостью защищаться до послѣдней возможности. Лазаревъ, во избѣжаніе кровопролитія, прошелъ въ Ункратль по тропинкамъ горнаго

хребта, гдѣ изрѣдка только мѣстные жители проходили, и явился въ тылу заваловъ, въ мѣстахъ невидѣвшихъ у себя никогда не только русскихъ войскъ, но даже шамилевскихъ мюридовъ. Появленіе его съ тысячной массой жителей разныхъ обществъ Дагестана, въ сопровожденіи такихъ людей, какъ Муртузали — братъ Кибитъ-Магома Тилитлинскаго, Хаджіоу и др. совершенно озадачило населеніе Чеберлоя и Ункратля и они порѣшили явиться съ увѣреніями въ совершенной покорности. Лазаревъ приказалъ имъ въ доказательство покорности доставить Куръ-Магомеда со всѣми его сподвижниками, въ противномъ случаѣ всѣ ихъ аулы будутъ разорены до тла.

На другое утро явилась почти вся партія, около 150 человѣкъ, умоляя о прощеніи; только самъ Куръ-Магометъ съ 7-ю товарищами заперся въ какую-то пещеру, объявивъ, что живой не сдастся. Генералъ Лазаревъ неудовольствовался этими результатами и довелъ жителей до того, что они привели наконецъ и Куръ-Магому съ его семью друзьями!

Это былъ важный успѣхъ, тѣмъ болѣе, что все обошлось безъ выстрѣла почти, — въ одномъ мѣстѣ только батальоны имѣли пустую перестрѣлку и потеряли 3-хъ раненыхъ рядовыхъ; заслуга Лазарева была велика и спасла Дагестанъ отъ неминуемыхъ волненій.

Необходимо было однако покончить и съ аргунскими возмутителями. Назначенный начальникомъ Терской области, кн. Д. И. Мирскій взялся за дѣло съ похвальной энергіей. Осенью онъ двинулъ въ Аргунское ущелье войска съ разныхъ сторонъ и въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ съ такою настойчивостью преслѣдовалъ мятежниковъ, войска съ такою неутомимостью гнались за ними по всѣмъ направленіямъ, травили ихъ, не давая имъ отдыха и возможности гдѣ нибудь пріютиться, истребляя исподволь, по частямъ, эти шайки, что они наконецъ, такъ сказать, растаяли: Султанъ-Мурадъ, раненый, былъ взятъ въ плѣнъ; Атабай явился самъ, предоставляя свою участь произволу русскаго правительства; до 200 отчаянныхъ абрековъ сдались, около сотни было перебито. Оставался Ума-Дуевъ, съ ловкостью лисицы успѣвавшій переходить съ мѣста на

мѣсто, обманывать насъ ложными слухами о мѣстѣ своего пребыванія, сидѣвшій подъ конецъ съ своей семьей въ какой-то пещерѣ... Наконецъ и онъ увидѣлъ, что дальнѣйшее прятаніе невозможно, холодъ и голодъ грозили мучительною смертью, а войска наши не уходили и, невзирая на снѣжные сугробы, продолжали поиски. 14-го декабря онъ явился съ единственнымъ оставшимся съ нимъ товарищемъ и семьей, повергая себя, подобно Атабаю, на милость правительства.

Князь Мирскій проявилъ въ отношеніи этихъ двухъ главнымъ возмутителей чувства высокой гуманности. Находя, что для успокоенія края необходимы кроткія мѣры, а смертная казнь можетъ только озлобить родственниковъ и близкихъ казненнымъ людей, вызывая ихъ на месть, — онъ ходатайствовалъ о высылкѣ ихъ безъ суда на жительство въ Россію, не арестованными... Атабай сначала былъ въ Воронежѣ, затѣмъ въ Порховѣ и по его просьбѣ переведенъ въ Касимовъ, чтобы находиться среди единовѣрцевъ; Ума-Дуевъ тоже былъ въ Воронежѣ, оттуда переведенъ въ Смоленскъ. Оба получали квартирныя и суточныя деньги.

Впослѣдствіи Ума-Дуевъ былъ возвращенъ на Кавказъ, произведенъ даже въ офицеры, получалъ содержаніе и въ благодарность за все это — въ 1877 году возмутилъ Чечню... Схваченный послѣ нѣсколькихъ кровавыхъ дѣлъ, онъ въ этотъ разъ уже не встрѣтилъ гуманныхъ чувствъ и былъ повѣшенъ...

Болѣе полутора лѣтъ продолжалось безпокойное положеніе въ новозавоеванномъ краѣ. Кровавыхъ жертвъ, не говоря о матеріальныхъ, стоило оно намъ не мало; но большой важности обстоятельства эти еще не заключали и кончились безъ особыхъ послѣдствій. Происшествія эти должны были послужить намъ полезнымъ предостереженіемъ на будущее время противу легкомысленнаго и измѣнчиваго населенія Кавказа. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ оно само призывало насъ на помощь противъ самовластія и угнетенія Шамиля, и вдругъ, безъ всякаго повода, подняло противъ насъ оружіе. При этомъ сдѣлался очевиднымъ фактъ, имѣвшій важное значеніе: большая часть народонаселенія, хотя и оставалась спокойною, на

видъ покорною, но выказала явное участіе къ мятежникамъ. Главнокомандующій князь Барятинскій, представляя свои предположенія о предстоявшихъ въ 1861 году занятіяхъ и дѣйствіяхъ войскъ на Кавказѣ, указалъ на этотъ фактъ.

Къ крайнему сожалѣнію, уроки и примѣры прошлаго проходятъ у насъ безслѣдно и чрезъ 17-ть лѣтъ послѣ описанныхъ событій, когда времени, казалось, было уже достаточно, чтобы достигнуть прочнаго положенія въ краѣ, въ Чечнѣ и Дагестанѣ возобновились волненія, лишившія дѣйствовавшую противъ турокъ армію содѣйствія двухъ съ половиною дивизій и вызвавшія опять кровавыя жертвы, безпокойства и необезпеченность нашего владычества на Кавказѣ; а на нижнемъ склонѣ главнаго хребта, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ закавказскимъ мусульманскимъ населеніемъ и съ самимъ Тифлисомъ, лезгины безнаказанно грабили мирныя поселенія, врывались цѣлыми большими партіями въ грузинскія села, отгоняли стада, увлекали плѣнныхъ, напомнивъ Грузіи бѣдственныя времена, казавшіяся минувшими на всегда!

И такъ, къ концу 1861 года, всѣ возмущенія въ Чечнѣ и Дагестанѣ были подавлены, спокойствіе водворено, главные зачинщики казнены или высланы въ Россію, и войну здѣсь можно было признать вполнѣ оконченною. Войскамъ осталось перейти на мирное положеніе и заняться исключительно работами по сооруженію дорогъ, возведенію необходимыхъ построекъ и т. п. Одни лишь стрѣлковые батальоны, какъ уже выше было упомянуто, отправившіяся въ началѣ 1860 года въ Закубанскій край, приняли тамъ дѣятельное участіе во всѣхъ усиленныхъ дѣйствіяхъ противъ черкесскихъ племенъ, при чемъ одна изъ самыхъ видныхъ ролей и здѣсь выпала нашимъ Кабардинцамъ, бывшимъ подъ командой нашего стараго боеваго офицера Геймана.

Перехожу теперь къ описанію дѣлъ шапсугскаго отряда, въ составѣ котораго находился Кабардинскій стрѣлковый баталіонъ съ нашею знаменитою охотничьею командою.

XXI.

Военныя дѣйствія на Западномъ Кавказѣ съ 1856 по 1860 годъ.—Дѣйствія шапсугскаго отряда въ 1860 году.—Поиски охотниковъ Кабардинскаго полка.—Постройка укр. Ильскаго.—Движеніе къ Убину и Афипсу.—Интриги иностранныхъ агентовъ.—Постройка укр. Григорьевскаго.—Назначеніе гр. Евдокимова главнымъ начальникомъ войскъ Западнаго Кавказа и его энергическія дѣйствія.—Предположенія на 1861 годъ.—Дѣйствія отрядовъ въ составѣ которыхъ былъ Кабардинскій батальонъ.—Пріѣздъ Государя.—Новыя интриги агентовъ.—Депутація черкесовъ.—Милостивый пріемъ ихъ покойнымъ Императоромъ.—Осеннія дѣйствія верхнеабадзехскаго отряда.—Назначеніе Геймана командиромъ Севастопольскаго полка, а Граббе на его мѣсто.—Дѣло Кабардинскаго батальона 8-го января 1862 года.—Захватъ въ плѣнъ двухъ офицеровъ.—Гейманъ—начальникъ отряда.—Дѣйствія его для овладѣнія Даховскимъ обществомъ.—Дѣйствія за р. Бѣлой.—Движеніе въ Дахо.

Въ первыхъ главахъ втораго тома уже указаны вкратцѣ причины, вызвавшія войну съ племенами Западнаго Кавказа, и нѣсколькол ѣтнія дѣйствія генерала Вельяминова, стремившіяся къ покоренію этихъ горцевъ и прекращенію сношеній ихъ съ турками. Незначительные успѣхи, достигнутыя нами въ этомъ краѣ въ то время, были нѣсколько вознаграждены въ началѣ сороковыхъ годовъ поселеніемъ по Лабѣ казачьихъ станицъ и уменьшеніемъ набѣговъ значительныхъ партій на Кубань; но затѣмъ война 1853—1857 годовъ съ турками и ихъ союзниками парализовала вліяніе этихъ результатовъ, потому что мы вынуждены были бросить всѣ береговыя укрѣпленія, возведеніе которыхъ стоило намъ такихъ громадныхъ жертвъ; это облегчило положеніе горцевъ въ отношеніи пріобрѣтенія оружія, пороха, соли и проч. и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подняло ихъ духъ и надежды на иностранную помощь.

Съ назначеніемъ главнокомандующимъ князя Барятинскаго, какъ мы видѣли, главное вниманіе было обращено на Восточный Кавказъ, куда и направлены большія массы войскъ и всякихъ матеріальныхъ средствъ; но и на Западномъ Кавказѣ въ тоже время (1856—1860 г.), дѣятельность продолжалась въ болѣе усиленныхъ размѣрахъ чѣмъ прежде, чему способствовало усиленіе войскъ, находившихся на правомъ крылѣ, сформированіемъ двухъ новыхъ пѣхотныхъ полковъ, (Крымскаго и Севастопольскаго) также временнымъ присутствіемъ одной бригады 13-й пѣхотной дивизіи и Тверскаго драгунскаго полка.

Начатое еще въ 1851 году устройство Бѣлорѣченской линіи довершено занятіемъ Майкопа и переводомъ туда штабъ-квартиры Кубанскаго пѣхотнаго полка, поселеніемъ нѣсколькихъ новыхъ станицъ и устройствомъ укрѣпленныхъ промежуточныхъ постовъ. Выше по Лабѣ, въ землѣ абадзеховъ, рубились просѣки, прокладывались дороги, тоже селились станицы, а въ западной оконечности происходило тоже въ долинѣ Адагума. Всѣми этими дѣйствіями были къ концу 1859 года достигнуты уже весьма важные результаты: абадзехи изъявили покорность, готовясь исполнять объявленныя имъ нашими властями требованія; вмѣстѣ съ ними явился и Магометъ-Эминъ, агентъ Шамиля, съумѣвшій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пріобрѣсти среди Закубанскихъ племенъ чрезвычайное вліяніе, не столько проповѣдываніемъ мюридизма или вообще возбужденіемъ религіознаго фанатизма, сколько замѣчательнымъ умомъ, силою характера и большимъ тактомъ, съ которыми онъ лавировалъ между гордою аристократіею Адиге и массою воинственнаго, независимаго народа. Нѣтъ сомнѣнія, что на изъявленіе покорности Магометъ-Эминомъ съ абадзехами рѣшительно повліяло событіе на Гунибѣ. Примѣру абадзеховъ послѣдовали вскорѣ и натухайцы.

При всемъ томъ, до рѣшительно благопріятнаго оборота дѣла, т. е. до окончательнаго покоренія Западнаго Кавказа, было еще очень далеко. Оставались еще самые многочисленные шапсуги, особенно упорные противники наши, убыхи и нѣкоторыя другія племена, не говоря о томъ, что и покорность абадзеховъ, безъ дальнѣйшаго прочнаго занятія

края на плоскости и въ горахъ, и по берегу моря, должна была считаться весьма шаткою.

По этому, князь Барятинскій счелъ нужнымъ воспользоваться освободившеюся на Восточномъ Кавказѣ частью войскъ, чтобы, не теряя времени, довершить покореніе и Закубанскаго края.

Съ прибытіемъ на правое крыло раннею весною 1860 г. подкрѣпленій, составлены были три отряда, для одновременныхъ дѣйствій: адагумскій, шапсугскій (главный) и лабинскій. О первомъ и третьемъ ничего говорить не буду, потому что стрѣлковый батальонъ Кабардинскаго полка поступилъ въ составъ шапсугскаго, самаго сильнаго отряда, состоявшаго изъ $20^1/_4$ баталіоновъ, двухъ драгунскихъ полковъ, массы казаковъ и артиллеріи.

16 и 17 апрѣля 1860 г. сосредоточились войска шапсугскаго отряда у поста Великолагернаго на Кубани. 18—навели паромъ и начали переправу, которая продолжалась три дня, при чемъ войска разработали спуски и подъемы къ переправѣ, а начальникъ отряда, генералъ-маіоръ Рудановскій производилъ рекогносцировки зарѣчнаго пространства по направленію къ рѣкѣ Иль; важнѣе всего было узнать найдется ли на пути вода и потому рыли колодцы: вода сноснаго качества оказывалась вездѣ и вовсе не требовала глубокаго рытія. 22 числа занятъ былъ пунктъ для устройства промежуточнаго редута, а на Кубани наведенъ плашкоутный мостъ и возведенъ тетъ-де-понъ.

Главная цѣль дѣйствій шапсугскаго отряда была занять въ землѣ шапсуговъ такой стратегическій пунктъ, чтобы, возведя укрѣпленіе, имѣть возможность собирать въ немъ войска, распространяя дѣйствія ихъ оттуда во всѣ стороны, разоряя аулы, недопуская населеніе до посѣвовъ и пастьбы стадъ и вынуждая его или покориться или уходить дальше въ горы. Пунктъ былъ выбранъ въ аулѣ Кабаницъ, на верхнемъ теченіи рѣки Иль, въ центрѣ шапсугскаго населенія. Отсюда можно было легко устроить прямое сообщеніе съ адагумскимъ отрядомъ по такъ называемой «купеческой» дорогѣ, проле-

гавшей у подножія отроговъ лѣсистаго хребта, для чего требовалось только прорубить просѣки.

Оставивъ на лѣвомъ берегу Кубани часть отряда для конвоированія транспортовъ съ продовольственными и боевыми запасами, остальныя войска выступили 24 апрѣля къ Или и заняли оба берега рѣки; при движеніи, Кабардинскій батальонъ слѣдовалъ въ лѣвой цѣпи и первый открылъ дѣло, ведя съ непріятельской партіей перестрѣлку. 26 числа войска разработали дорогу и очищали ее отъ лѣса назадъ къ Кубани для обезпеченія движеній транспорта.

27 апрѣля отрядъ двинулся къ Кабаницу. Аулъ оказался расположеннымъ по обѣимъ берегамъ рѣки Иль, въ лѣсу, на протяженіи 3-хъ верстъ. Генералъ-маіоръ Рудановскій вѣроятно полагалъ встрѣтить здѣсь сильное сопротивленіе и потому назначилъ штурмовые колонны изъ семи батальоновъ. Въ первой линіи слѣдовали Кабардинцы, Куринцы и Апшеронцы. Часть аула была мгновенно взята, непріятель занимавшій сакли выбитъ и войска, устроивъ двѣ засѣки, остановились ночевать. 28—приступили къ рубкѣ ближайшаго лѣса, устройству переправъ, ходили на фуражировку. Все это сопровождалось перестрѣлками, стоившими намъ 4-хъ убитыхъ нижнихъ чиновъ, 3-хъ раненыхъ офицеровъ и 28 нижнихъ чиновъ.

Генералъ Рудановскій, по прежней службѣ на лѣвомъ крылѣ, хорошо зналъ нашу охотничью команду и ея многократные смѣлые подвиги въ Чечнѣ. Онъ присоединилъ къ ней теперь нѣсколько охотниковъ отъ Кубанскаго пѣхотнаго полка и Черноморскихъ пластуновъ и поручилъ нашему поручику Коленкѣ дѣлать поиски вокругъ расположенія отряда, устраивать засады, вообще, вести мелкую партизанскую войну, и гдѣ только можно тревожить непріятеля, наносить ему вредъ, знакомиться съ мѣстностью, дорогами и т. п.

Поручикъ Коленко отлично исполнилъ данное ему порученіе; наши охотники стали героями шапсугскаго отряда; всѣ отдавали имъ полную справедливость; извѣстность ихъ распространилась по всему краю; они сдѣлались предметомъ общаго вниманія.

30-го апрѣля ночью они пробрались въ незанятую часть аула, сожгли тамъ много сакель и захватили добычу. На другой день отрядъ двинулся туда, аулъ и впереди лежащій лѣсъ были заняты окончательно; главное дѣло досталось нашему стрѣлковому батальону, бывшему впереди. Въ лѣсу была устроена засѣка и приступлено къ рубкѣ просѣки и заготовленію матеріаловъ для предстоявшей постройки укрѣпленія. Въ этотъ день мы потеряли 4-хъ убитыхъ нижн. чиновъ, 1 офицера и 8 раненыхъ нижн. чиновъ.

5-го мая двѣ колонны обогнули Кабаницъ, пройдя лѣсистыми тропинками, соединились въ его верховьяхъ, на «купеческой» дорогѣ изъ Анапы и выбрали пунктъ для укрѣпленія; а 9-го мая отрядъ выдвинулся еще дальше къ верховьямъ Иля и утвердился на высотахъ, господствующихъ надъ ущельемъ. Кабардинскій батальонъ, по обыкновенію, все посылался въ авангардъ выгонять непріятеля. 14-го началось проложеніе дороги на Убинъ; между тѣмъ заложили укрѣпленіе на батальонъ пѣхоты, и обычныя въ такихъ случаяхъ работы, рубка лѣса, прикрытіе и т. п. вошли въ свою колею. Отрядъ раздѣлился на двѣ части, одна оставалась уже постоянно при работахъ новаго укрѣпленія, а другая производила рекогносцировки, прокладывала дороги, рубила просѣку и передвигалась впередъ чрезъ Убинъ, къ Афипсу.

23-го мая значительныя толпы шапсуговъ встрѣтили отрядъ въ лѣсу за Убиномъ, но Кабардинскій и Куринскій батальоны ихъ мгновенно выбили и прогнали.—30-го мая непріятель рѣшился произвести атаку на наши цѣпи, прикрывавшія рубку лѣса, и бросился въ шашки на Кабардинскихъ и Ставропольскихъ стрѣлковъ, но былъ встрѣченъ штыками и прогнанъ. Въ этотъ день раненъ 1 офицеръ и 1 нижн. чин. Поручикъ Коленко неутомимо дѣйствовалъ съ охотниками. Въ теченіе 8-ми дней они сожгли нѣсколько ауловъ, нѣсколько разъ побили партіи горцевъ, угнали нѣсколько скота и проч., потерявъ двухъ убитыхъ и 8 раненыхъ.

Въ началѣ іюня, отрядъ передвинулся на р. Шебшъ; 7-го числа, при переходѣ чрезъ нее, противуположный крутой лѣсистый берегъ былъ упорно защищаемъ горцами. Впереди

шли нашъ бат. и Апшеронскій, оба подъ командою подполковника Геймана, Здѣсь произошло жаркое дѣло, но непріятель былъ выбитъ и прогнанъ. Подъ прикрытіемъ нашего и Апшеронскаго батальоновъ, ставшихъ впереди въ лѣсу, остальныя войска переправились, заняли лагерное мѣсто и устроились; тогда приказано было Гейману отступить; шапсуги воспользовались этимъ, чтобы возобновить дѣло. Бой загорѣлся довольно жаркій, Кабардинцамъ пришлось вспомнить чеченскіе лѣса, а горцы испытали не привычные имъ пріемы перекатныхъ цѣпей и понесли весьма большую потерю; но и намъ дѣло это обошлось довольно дорого: въ нашемъ батальонѣ убитъ молодой славный офицеръ, прапорщикъ князь Грузинскій, ранены штабсъ-капитанъ Никитинъ и прапор. Козловскій, кромѣ того ранены еще два офицера другихъ частей; нижнихъ чиновъ убито 7 и ранено 27, преимущественно Кабардинцевъ. Команда охотниковъ была тутъ же и начальникъ отряда отдалъ особенную справедливость Гейману и Коленкѣ, который кромѣ того не оставлялъ своими поисками непріятеля въ покоѣ, а нашъ лагерь совершенно обезпечивалъ отъ всякихъ тревогъ.

Между тѣмъ наши европейскіе друзья никакъ не могли отказаться отъ желанія причинять Россіи гдѣ только можно вредъ. Четыре года уже прошло со времени заключенія Парижскаго мира; въ парламентскихъ рѣчахъ Лондона раздавались увѣренія, что «мы состоимъ со всѣми державами въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ», послы въ столицахъ обмѣнивались изысканными любезностями и т. д., а эмисары изъ Константинополя, въ сопровожденіи разныхъ англійскихъ агентовъ, якобы авантюристовъ, приплывали къ берегу Чернаго моря, увѣряли черкесъ въ скоромъ начатіи Турціею, Англіею и Франціею войны противъ Россіи, подстрекали абадзеховъ и натухайцевъ къ измѣнѣ только что заявленной покорности, объявляли отъ имени султана, что только тѣ, которые остались вѣрными подданными его, получатъ защиту отъ союзниковъ, а покорившіеся русской власти подвергнутся строгимъ наказаніямъ и проч. Сотни разъ обманутые, легковѣрные горцы опять попадались на ту же удочку, все не теряя надежды отдѣлаться

отъ подчиненія русскимъ и остаться въ прежнемъ независимомъ положеніи; и въ этотъ разъ натухайцы явились къ командующему войсками объявить свою готовность жить съ нами въ мирѣ, но управляться по старому и оставаться на прежнихъ мѣстахъ. Само собою, имъ было сказано, что или они исполнятъ требованія, или начнутся противъ нихъ опять военныя дѣйствія.

Окончивъ постройку Ильскаго укрѣпленія, войска 22-го іюля заложили укрѣпленіе Григорьевское—будущую штабъквартиру Ставропольскаго пѣхотнаго полка. Одновременно съ работами по возведенію укрѣпленія, копанію рва и проч., происходила рубка лѣса, заготовленіе матеріаловъ, устройство удобныхъ переправъ, а особыя колонны, преимущественно изъ стрѣлковыхъ батальоновъ и кавалеріи, двигались вокругъ въ разныхъ направленіяхъ, истребляя аулы, сжигая запасы, уничтожая посѣвы, однимъ словомъ, продолжая ту же систему дѣйствій, которая и въ Чечнѣ довела населеніе до покорности. Все это, конечно, сопровождалось перестрѣлками, стоившими намъ нѣсколькихъ человѣкъ, но вообще непріятель здѣсь далеко не такъ упорно защищался и невыказывалъ столько воинственности, какъ въ Восточной части Кавказа.

Охотники наши тоже продолжали свою дѣятельность по прежнему и были рѣшительно грозой шапсугскаго населенія. 14-го августа на нихъ наткнулась довольно сильная партія, произошла жаркая перестрѣлка и поручикъ Коленко былъ легко раненъ.

Въ половинѣ же августа просѣки и разработки дорогъ между укр. Ильскимъ и Григорьевскимъ были доведены до конца и между этими пунктами открыто прямое сообщеніе.

21-го сентября всѣ войска изъ Григорьевскаго двинулись вверхъ по р. Афипсу и въ теченіе четырехъ дней кругомъ разоряли аулы, жгли и истребляли посѣвы. Горцы вели жаркую перестрѣлку; у насъ былъ 1 рядовой убитъ, 1 офицеръ и 17 нижнихъ чиновъ ранены.

17-го октября колонна, подъ начальствомъ командира нашего стрѣлковаго батальона подполковника Геймана, сдѣлала лихой поискъ въ одинъ изъ притоковъ Афипса и захватила

28 человѣкъ въ плѣнъ, отбила до 300 штукъ скота и возвратилась благополучно, потерявъ лишь одного человѣка раненымъ.

Однако всѣ эти дѣйствія въ Закубанскомъ краѣ, хотя и имѣли свои важные результаты, открыли сообщенія между укрѣпленными пунктами и стѣснили враждебное населеніе, но несоотвѣтствовали значительнымъ средствамъ, даннымъ въ распоряженіе начальства этого края, и грозили затянуть развязку на слишкомъ продолжительное время. Князь Барятинскій, какъ уже было упомянуто, именно главнѣе всего дорожилъ временемъ, потому, во 1-хъ, что трудно было еще надолго удержать на Кавказѣ 18 и резервную дивизіи, о скорѣйшемъ возвращеніи которыхъ въ Россію постоянно напоминало военное министерство, во 2-хъ, что въ случаѣ какихъ нибудь новыхъ политическихъ усложненій, могущихъ втянуть насъ въ европейскую войну, борьба съ горцами Западнаго Кавказа связывала бы намъ руки, грозила бы крайне опасными для всего Кавказа обстоятельсвами и опять отодвинула бы рѣшеніе дѣла на неопредѣленное время.

Вслѣдствіе этихъ соображеній, рѣшено было передать дѣло Западнаго Кавказа въ энергическія руки графа Евдокимова. Съ его прибытіемъ за Кубань, тотчасъ данъ былъ сильный толчекъ нашимъ дѣйствіямъ. Приступили къ проложенію прямой дороги между Григорьевскимъ и Крымскимъ укрѣпленіями; адагумскій и шапсугскій отряды рубили просѣку другъ другу на встрѣчу, а въ тоже время особыя подвижныя колонны безустанно очищали кругомъ все пространство до горъ и отчасти въ ущельяхъ хребта отъ враждебнаго населенія. Шапсугамъ рѣшительно не давали ни единаго часа покоя; тѣснили ихъ съ мѣста на мѣсто, все дальше вверхъ по рѣчкамъ, загоняли въ трущобы, при чемъ они теряли почти весь свой скотъ, лишались всѣхъ запасовъ, теряли людей; вообще разоряли. Цѣлый мѣсяцъ, до половины декабря, продолжалась эта безпрерывная атака. 14 числа было одно изъ самыхъ жаркихъ дѣлъ въ верховьяхъ Афипса, гдѣ непріятель столкнулся съ нашими охотниками, поддержанными двумя ротами; при отступленіи оттуда, въ арріергардѣ шелъ

Кабардинскій батальонъ, которому опять пришлось вспомнить Чечню и познакомить шапсуговъ съ синими погонами.

За это время было отбито болѣе 4000 штукъ скота и барановъ, взято 25 плѣнныхъ, истреблено все на громадномъ пространствѣ. Потеря наша состояла изъ 1 убитаго офицера и 5 нижнихъ чиновъ, ранены 5 офицеровъ, 41 нижнихъ чиновъ, 1 рядовой пропалъ безъ вѣсти.

Шапсугскій народъ былъ доведенъ своимъ упорствомъ и легковѣрнымъ подчиненіемъ агитаторамъ до безвыходнаго положенія. Многіе являлись, клялись въ готовности покориться, но не могли осилить противной партіи, преимущественно той части, которая занимала южныя ущелья Шебша и его притоковъ, ближе къ главному перевалу чрезъ хребетъ, къ морю, и еще не испытала ударовъ нашего оружія. Результаты вообще были достигнуты въ теченіи ноября и декабря большіе: вся плоскость отъ Адагума до рѣки Супъ была очищена отъ туземнаго населенія; часть ближайшихъ горныхъ ущелій испытала туже участь.

Такъ окончился 1860 годъ. Войскамъ данъ былъ кратковременный отдыхъ, съ тѣмъ, чтобы онѣ приготовились къ еще болѣе усиленнымъ дѣйствіямъ и трудамъ.

Главною цѣлью предстоявшихъ въ 1861 году дѣлъ была подготовка края къ колонизаціи казачьимъ населеніемъ— этому единственному прочному обладанію покоряемыми мѣстами. Нужно было раскрыть страну отъ лѣсовъ, провести свободное сообщеніе между укрѣпленными пунктами, устроиваемыми впереди, для обезпеченія вновь поселяемыхъ въ тылу ихъ станицъ, очищать окрестности ихъ отъ туземнаго населенія, тѣсня его все дальше въ горы, за хребетъ, къ морю, пока оно или изъявитъ покорность и перейдетъ на назначенныя для его поселенія плоскости лѣваго берега Кубани, или въ Турцію, куда многіе начали выселяться уже съ 1858—1859 годовъ.

Графъ Евдокимовъ раздѣлилъ войска на нѣсколько отрядовъ, указавъ каждому свой раіонъ дѣйствій; одинъ изъ нихъ, названный нижне-абадзехскимъ, расположенъ былъ на рѣкѣ Ходзь, близь укрѣпленія Каладжинскаго — штабъ квартиры Севастопольскаго полка; въ составъ этого отряда поступилъ

Кабардинскій стрѣлковый батальонъ и потому я сообщу объ его дѣлахъ нѣкоторыя подробности.

Занятія здѣсь были тѣже: рекогносцировки, рубка просѣкъ, разработка дорогъ, копаніе рва кругомъ новой станицы, прикрытіе переселенцевъ при ихъ первомъ устройствѣ, набѣги на окрестные аулы и т. п. Непріятель защищалъ свои мѣста весьма мало, очевидно понимая всю тщету сопротивленія. Перестрѣлки были часты, но ничтожныя. Одинъ разъ только горцы вздумали потревожить войска, бывшія въ лѣсу на работахъ, и подкравшись близко къ цѣпи открыли огонь, ранивъ нѣсколько человѣкъ, а затѣмъ и ночью подходили къ аванпостамъ. Рѣшено было сдѣлать засаду. Въ ночь на 21-е марта 90 охотниковъ Кабардинцевъ и 90 Севастопольцевъ были скрыты въ лѣсу. Горцы, человѣкъ 150, наткнулись на Кабардинцевъ; тѣ подпустили ихъ близко и дали залпъ, уложивъ нѣсколько человѣкъ; но въ это время изъ лѣса показалась другая, еще сильнѣйшая партія и завязалось упорное дѣло. Нѣсколько разъ абадзехи бросались на нашихъ въ шашки, ихъ принимали въ штыки; ура, гики, выстрѣлы неслись по лѣсу все сильнѣе, наконецъ севастопольскіе охотники подоспѣли и горцы обратились въ бѣгство. Кабардинцы потеряли 4-хъ убитыхъ и 1 тяжело раненаго охотника.

20-го іюня нижнеабадзехскій отрядъ окончилъ свою задачу и ему приказано было выступить къ верховьямъ р. Фюнфтъ, для разработки дорогъ отъ укрѣпленія Хамкеты до верховьевъ рѣки Бѣлой и внизъ по рѣкѣ Фарсу, до поселенной здѣсь станицы. Затѣмъ, по окончаніи этого, отрядъ, переименованный въ верхнеабадзехскій, перешелъ на рѣку Псефиръ и сталъ 19-го іюля здѣсь лагеремъ. 2-го числа прибылъ сюда самъ графъ Евдокимовъ и 21-го произвели рекогносцировку на рѣку Алеркутъ, къ лѣсу Мамрюкъ-Огай. Отсюда отряду приказано рубить просѣку и проложить дорогу до праваго берега Фарса, къ стан. Губской, что и произведено въ теченіе 10-ти дней.

16-го сентября 1861 года къ верхнеабадзехскому отряду изволилъ прибыть покойный Государь, осмотрѣлъ войска, имѣлъ ночлегъ на Мамрюкъ-Огаѣ и 17-го прослѣдовалъ къ Лабѣ.

До этого Высочайшаго посѣщенія Закубанскаго края, въ іюлѣ мѣсяцѣ, изъ Константинополя къ черкесамъ прибыло особое посольство, состоявшее изъ трехъ лицъ: капитана турецкой службы Смель (родомъ убыхъ), Гассанъ-эфенди (шапсугъ) и однаго англичанина. Соединясь съ извѣстнымъ агитаторомъ Кара-батыремъ, (сынъ Сефиръ-бея) они обратились къ населенію съ воззваніемъ такого содержанія, что имѣютъ полномочіе отъ Англіи, Франціи и Турціи, что эти государства обѣщаютъ черкесскимъ племенамъ свое покровительство противъ Россіи, что заставятъ ее силою оружія признать ихъ независимость, если племена составятъ общій союзъ, будутъ упорно сопротивляться и не покоряться русскимъ. Вѣрность своихъ словъ эти посланцы обѣщали доказать письменными актами.

Вслѣдствіе этого воззванія, на р. Пшишѣ собирались старшины и лучшіе люди отъ всѣхъ племенъ, рѣшили составить общій союзъ, назначить центральное управленіе надъ «великимъ черкесскимъ народомъ» и послали депутацію объявить намъ объ этомъ, требуя съ дерзостью и угрозами, чтобы мы прекратили всякія дѣйствія. Въ числѣ депутатовъ были и абадзехи, *изъявившіе* однако еще въ концѣ 1859 г. *покорность*, а въ сущности почти не прекращавшіе враждебныхъ дѣйствій противъ насъ и уже въ 1860 г. опять ставшіе за одно съ убыхами и шапсугами.

Генералъ Евдокимовъ объявилъ имъ, что отъ нихъ требуютъ покорности, а не мирнаго сосѣдства, которое они намъ предлагали; что они разбойничаютъ, нападаютъ на наши поселенія и войска, что абадзехи измѣнили своей покорности, задерживая у себя русскихъ бѣглецовъ и плѣнныхъ, что они должны поселиться на указываемыхъ имъ мѣстахъ, подчиниться нашему управленію и тогда будутъ пользоваться покровительствомъ и спокойствіемъ.—Депутаты просили позволеніи ѣхать въ Петербургъ, чтобы убѣдиться дѣйствительно ли этого требуетъ отъ нихъ Государь; не получивъ на это разрѣшенія, они отправились въ Тифлисъ, гдѣ командовавшій арміею, за отсутствіемъ князя Барятинскаго, генералъ-адъютантъ князь Орбельянъ подтвердилъ имъ все то же и объявилъ, что вскорѣ

ожидается пріѣздъ Его Величества въ Закубанскій край и быть можетъ онъ соизволитъ ихъ принять. Согласиться же на ихъ предложеніе *мирнаго сосѣдства* невозможно.

Между тѣмъ на все это время графъ Евдокимовъ по просьбѣ депутацій объявилъ нѣчто въ родѣ перемирія; это было для насъ весьма полезно, потому что давало возможность безъ тревогъ докончить постройку двухъ только что поселенныхъ новыхъ станицъ и провести просѣку по дремучему лѣсу берега р. Фарса.

Въ Бозѣ почившій Императоръ соизволилъ допустить депутацію къ себѣ въ укр. Крымскомъ и, въ видѣ особой милости, повелѣлъ освободить и возвратить изъ ссылки всѣхъ ихъ людей, кромѣ обыкновенныхъ преступниковъ, разрѣшилъ имъ, если поселятся на указанныхъ мѣстахъ, сохранить свое народное правленіе и судъ по обычаю, а земли въ достаточномъ количествѣ отвести въ вѣчное владѣніе.

Горцы тутъ окончательно убѣдились, что всѣ ихъ надежды тщетны и дѣло проиграно окончательно. (Нашихъ предложеній они не хотѣли принимать и все расчитывали остаться по прежнему независимыми, подъ покровительствомъ Турціи и ея союзниковъ).

Если бы не подстрекательство иностранныхъ агентовъ и нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ изъ нашихъ подвластныхъ туземцевъ, которымъ въ собственныхъ интересахъ не желательно было кончать Кавказскую войну, то, быть можетъ, большинство черкесскаго народонаселенія послушало бы голоса разсудка, поселилось бы на роскошныхъ земляхъ между Лабой и Кубанью и благоденствовало бы до сихъ поръ,—сравнительно съ тою ужасною судьбой, какая ихъ постигла въ Турціи. Тѣ безчеловѣчные, эгоистичные политики, которые изъ фальшиво понимаемыхъ своихъ интересовъ, думали наносить вредъ Россіи, возбуждая черкесовъ къ борьбѣ, въ сущности только погубили этотъ славный народъ, заслуживавшій лучшей участи, а намъ, какъ уже выше сказано, избавивъ отъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ безпокойнаго населенія, оказали услугу.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ верхне-абадзехскій отрядъ передвинули на р. Бѣлую, ниже Майкопа, для дѣйствій въ землѣ низовыхъ

абадзеховъ. 10-го ноября отрядъ расположился у Ханскаго брода и приступилъ здѣсь къ постройкѣ моста и укрѣпленія на двѣ роты. Названіе отряда было опять измѣнено на нижнеабадзехскій.

Съ половины ноября приступили къ рубкѣ просѣки на р. Пшеху. 20-го ноября на рубившую колонну горцы, въ числѣ болѣе 2,000 человѣкъ, сдѣлали рѣшительное нападеніе, атаковавъ гренадерскій стрѣлковый батальонъ. По тревогѣ, изъ лагеря прибылъ начальникъ отряда генералъ-маіоръ Тихоцкій съ охотничьей командой Кабардинскаго полка и двумя ротами Севастопольскаго полка, которыхъ и послалъ оврагомъ въ обходъ праваго фланга непріятеля. Наши охотники, какъ только вышли на высоту, съ крикомъ ура бросились на горцевъ и прогнали ихъ. Генералъ Тихоцкій, не желая затягивать дѣла въ лѣсу, приказалъ отступать. Ободренные этимъ, горцы насѣли на арріергардъ, состоявшій изъ нашего Кабардинскаго стрѣлковаго батальона, который, по своему обыкновенію, отступалъ образцово, нанеся непріятелю большой уронъ. Дѣло это стоило намъ ранеными 1 штабъ, 1 оберъ-офицера и 19 нижнихъ чиновъ.

Затѣмъ, до конца 1861 года, продолжались все тѣже работы, по возведенію оградъ для новыхъ станицъ, доставленію лѣсныхъ матеріаловъ, разработкѣ дорогъ, сопровождаемыя мелкими перестрѣлками; ничего особенно выдающагося не произошло. Но труды и лишенія войскъ были ужасные; съ половины декабря начались сильные холода, выпалъ огромный снѣгъ, съ 18-го началась мятель, а 10-го было 20° мороза и въ отрядахъ верхне и нижне абадзехскихъ, двигавшихся въ это время другъ другу на встрѣчу по Фюнфту, было 4 штабъ и оберъ-офицера и 195 нижнихъ чиновъ обмороженныхъ, изъ коихъ, впрочемъ, большинство, благодаря распорядительности опытныхъ офицеровъ, вскорѣ опять возвратились во фронтъ. Дѣла подвигались по принятой системѣ съ замѣчательнымъ успѣхомъ и въ скоромъ концѣ войны не было уже сомнѣній.

Въ концѣ 1861 года, нашъ старый боевой Кабардинецъ Гейманъ, произведенный въ полковники, былъ назначенъ командиромъ Севастопольскаго пѣхотнаго полка, а стрѣлковый

батальонъ принялъ недавно переведенный къ намъ въ полкъ изъ Преображенскаго, молодой офицеръ, маіоръ Граббе *), которому не долго пришлось ожидать дебюта на привычной Кабардинцамъ сценѣ.

3-го января 1862 года, изъ лагеря была послана подъ начальствомъ Граббе колонна изъ 6-ти ротъ (4 Кабардинскихъ стрѣлковыхъ съ своею охотничью командою и 2 резервнаго батальона) для трасированія новой дороги по р. Фарсу и вывоза бревенъ изъ новой просѣки близь Мамрюкъ-Огай. Оставивъ двѣ резервныя роты, для трасировки дороги, Граббе съ 1-ю и 2-ю стрѣлковыми пошелъ впередъ къ лѣсу, а 3-я и 4-я роты слѣдовали за нимъ съ передками отъ телѣгъ, на которыхъ должны были вывозиться бревна. Лишь только передовые люди показались въ лѣсу, изъ-за устроенныхъ заваловъ раздались послѣдовательно три залпа. Стрѣлки бросились впередъ съ крикомъ ура! и мгновенно выгнали непріятеля изъ заваловъ; одна часть горцевъ завязала изъ лѣса жаркую перестрѣлку, а другая, обойдя стороною, неожиданно обрушилась на растянувшійся обозъ передковъ, въ надеждѣ застать здѣсь обычный среди фурштатовъ безпорядокъ; но обманулись: встрѣченные сильнымъ огнемъ 3-й и 4-ротъ они повернули назадъ и стрѣлки, преслѣдуя ихъ, присоединились къ 1-й и 2-й, продолжавшимъ перестрѣлку въ лѣсу съ усилившимся новыми подкрѣпленіями непріятелемъ. Нѣсколько разъ горцы бросались въ атаку съ шашками, желая отбить оставшіяся въ нашихъ рукахъ нѣсколько тѣлъ ихъ товарищей, но встрѣчались штыками и отступали. Дѣло разгоралось между тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе, число раненыхъ у насъ увеличивалось, а непріятель очевидно ободрялся подходившими къ нему свѣжими подкрѣпленіями. Наконецъ прибѣжали оставленныя назади двѣ резервныя роты, открывшія огонь во флангъ непріятеля, а изъ лагеря бѣжали войска и горцы вынуждены были отступить.

За первый дебютъ Граббе заплатилъ тяжелой раной въ бокъ на вылетъ; кромѣ него раненъ прапорщикъ Котоврасовъ;

---

*) Убитъ 6-го ноября 1867 года при штурмѣ Карса, въ чинѣ генералъ-маіора.

убито нижнихъ чиновъ 2, ранено 27. Непріятель, безъ сомнѣнія, понесъ тоже не малую потерю; 8 труповъ со всѣмъ оружіемъ остались у насъ.

И замѣчательно, что въ Закубанскомъ краѣ, какъ бывало въ Чечнѣ, непріятель непремѣнно чаще всего натыкался на Кабардинцевъ!

До 15-го января нижнеабадзехскій отрядъ оставался на своемъ мѣстѣ, устроивъ 6 мостовъ чрезъ Фюнфтъ и исполнивъ вообще назначенныя ему работы.

16-го числа наши два офицера: поручикъ Плещеевъ и прапорщикъ Единановъ поѣхали изъ станицы Переправной къ Сухо-Лабинскому посту на телѣгѣ, съ однимъ рядовымъ; не доѣзжая 5-ти верстъ до поста, ихъ окружила шайка горцевъ и увела въ плѣнъ, въ аулы Даховскаго общества. По тревогѣ, прискакали съ разныхъ постовъ казаки, но догнать не могли. Оба офицера вскорѣ были возвращены изъ плѣна (изъ дѣлъ однако не видно какимъ способомъ) и какъ по разслѣдованію оказалось, что они уѣхали изъ станицы, не дождавшись оказіи, то за это самовольство графъ Евдокимовъ приказалъ ихъ арестовать на двѣ недѣли въ Майкопской гауптвахтѣ. Вообще, очень дешево отдѣлались!

Василій Александровичъ Гейманъ, пока служилъ на лѣвомъ крылѣ, оставался типомъ стараго боеваго Кабардинскаго офицера, который въ дѣлѣ отлично распоряжался цѣпью, необращалъ вниманія на свистъ пуль и гиканія чеченцевъ, получилъ двѣ или три раны, непричинившія ему особаго вреда, и потому вѣрилъ въ свою счастливую звѣзду, а внѣ военнаго дѣла былъ мастеръ кутнуть, устроить пиръ на весь миръ, съ громомъ и трескомъ, поставить послѣдній грошъ ребромъ. Съ переходомъ на правое крыло и особенно съ производствомъ въ полковники и назначеніемъ командиромъ Севастопольскаго полка, онъ превратился въ колоннаго начальника—совершенно въ духѣ графа Евдокимова, т. е. такого, для котораго нѣтъ ничего невозможнаго, гдѣ дѣло идетъ объ исполненіи какого нибудь распоряженія, конечно, чисто военнаго. Что на лѣвомъ крылѣ для Евдокимова были П. И. Кемпфертъ и покойные Мищенко и Баженовъ, то на правомъ были Гейманъ,

казачій генералъ Бабычъ и нѣкоторые другіе, но особенно первый. «Хоть тресни, да полѣзай», этой солдатской поговоркой можетъ рельефнѣе всего выразить исполнительность Геймана, какъ колоннаго начальника. Будетъ ли голодно, холодно, будутъ ли непроходимыя дебри и трущобы, въ которыхъ горцы могутъ отчаянно драться и нанести намъ значительныя потери, объ этомъ онъ вовсе не думаетъ; нужно достигнуть извѣстной цѣли, указанной командующимъ войсками, вотъ путеводная нить; остальное пустяки. Таковъ былъ самъ Евдокимовъ; благодаря этому— Восточный Кавказъ въ три года палъ предъ неотразимою настойчивостью исполнителя предположеній князя Барятинскаго, а чрезъ четыре года послѣ—Западный Кавказъ превратился въ русскую область. Понятно, что Евдокимовъ отличалъ исполнителей, подобныхъ Гейману и, отдавъ ему начальство надъ нижне-абадзехскимъ отрядомъ, возложилъ на него подготовить овладѣніе Даховскимъ ущельемъ, населеннымъ большимъ горскимъ обществомъ, никогда невидѣвшимъ у себя непріятеля, считавшимъ себя огражденнымъ мѣстностью отъ вторженія русскихъ войскъ и стоявшимъ постоянно во главѣ всѣхъ враждебныхъ противъ насъ дѣйствій.

Доступъ въ Даховское общество былъ чрезвычайно труденъ; нужно было пройти вверхъ по р. Фарсу, тѣснинами, въ которыхъ нѣсколько десятковъ человѣкъ могутъ задерживать цѣлые отряды; нужно было перейти чрезъ гору Куашъ, сильно укрѣпленную завалами и занятую непріятелемъ; мѣстность покрыта огромными лѣсами, въ которыхъ вьется тропинка, едва проходимая для людей. Все это приказано было, такъ сказать, устранить, т. е. уничтожить главныя препятствія, чтобы въ свое время сильный отрядъ могъ удобнѣе пройти въ Дахо.

9-го февраля, въ 3 часа ночи, полковникъ Гейманъ выступилъ съ 11-ю батальонами, раздѣленными на двѣ колонны. Одну послалъ онъ вверхъ по р. Меведукъ, а самъ съ другою (тутъ Кабардинскій батальонъ) предпринялъ опасный обходъ горы Куашъ. Въ головѣ этой колонны шли наши охотники.

Непріятель, устремившій все вниманіе на первую колонну и недопускавшій возможности обхода, далъ Гейману возможность бороться только съ природой, безъ траты людей въ бою;

на разсвѣтѣ наши охотники нагрянули на аулъ Кой-хабль, изъ котораго жители едва успѣли спастись въ лѣсъ; дальше, не теряя времени, почти бѣгомъ, охотники и слѣдомъ за ними Кабардинскій и Севастопольскій стрѣлковые батальоны безъ выстрѣла прошли опасныя тѣснины Фарса, гдѣ и ожидалось главнѣйшее сопротивленіе горцевъ, заняли аулъ Ислакъ-Берцовъ и затѣмъ уроч. Унакосъ, въ тылу укрѣпленной горы Куашъ; цѣль движенія была достигнута.

Непріятель съ изумленіемъ вдругъ увидѣлъ себя обойденнымъ и поспѣшилъ отступить; а наши войска тотчасъ же начали рубку просѣки на встрѣчу другъ другу. Во время работъ и при отступленіи, горцы вели съ цѣпями жаркую перестрѣлку, стоившую намъ убитыми 1 офицера, 3 нижнихъ чиновъ и ранеными 13 нижнимъ чиновъ.

Съ февраля мѣсяца графъ Евдокимовъ открылъ усиленныя наступательныя дѣйствія отъ Ханскаго брода за р. Бѣлую, а на верхнемъ Фарсѣ оставилъ особый отрядъ изъ 6-ти бат. (въ томъ числѣ Кабардинскій) для наблюденія за окрестнымъ пространствомъ и противудѣйствія покушеніямъ непріятеля, начавшаго выказывать большую предпріимчивость въ нападеніяхъ на наши новыя поселенія, посты и пути сообщеній. 6-го марта этотъ отрядъ произвелъ движеніе въ направленіи къ р. Бѣлой, уничтожилъ десятокъ ауловъ и исправилъ попорченные горцами переправы и искусственныя дорожныя сооруженія; въ перестрѣлкахъ мы имѣли 8 человѣкъ раненыхъ.

12-го марта произведено движеніе по Фарсу къ р. Псефиръ и уничтожено болѣе 30 ауловъ, сопротивлявшихся распоряженію о выселеніи на плоскость. При этомъ отрядъ потерялъ 1 убитаго и 8 раненыхъ нижнихъ чиновъ. 15-го марта такое же движеніе предпринято по обѣимъ сторонамъ р. Фюнфтъ, уничтожено болѣе 20-ти ауловъ и хуторовъ, захвачено много скота, овецъ, нѣсколько осѣдланныхъ лошадей. У насъ опять 1 убитъ и 8 ранено. Въ теченіе 17-ти дней нашими войсками совершенно очищено отъ непокорнаго населенія все престран- между Лабой и Бѣлой.

Послѣдніе дни марта полковникомъ Гейманомъ были употреблены для вторичнаго движенія на уроч. Унакосъ и рубкѣ

просѣкъ оттуда до уроч. Жешуко, на пути въ Даховское общество. Непріятель перестрѣливался съ цѣпями; потеря наша состояла изъ 1-го убитаго и 9-ти раненыхъ.

Чтобы закончить колонизацію пространства между Лабой и Бѣлой, вполнѣ обезпечить Бѣлорѣченскую линію отъ вторженій крупныхъ непріятельскихъ партій, упереть лѣвый флангъ линіи въ горы и открыть здѣсь свободный перевалъ на южный склонъ хребта, графъ Евдокимовъ въ послѣдней четверти апрѣля приступилъ къ занятію Даховскаго ущелья, считавшагося на правомъ крылѣ едва доступнымъ, населеннымъ бѣднымъ горскимъ обществомъ, самымъ воинственнымъ и готовымъ отчаянно защищать доступъ къ своимъ ауламъ.

Значительный отрядъ изъ 16½ батальоновъ (въ томъ числѣ Кабардинскаго полка) съ артиллеріей и конницей былъ собранъ у ст. Царской. Непріятель, подкрѣпленный партіями изъ разныхъ дальнихъ обществъ южнаго склона хребта, приготовился къ упорной защитѣ ущелья р. Дахо. Но графъ Евдокимовъ прибѣгъ къ обычному своему маневру, уже столько разъ выручавшему насъ въ Чечнѣ: показывая видъ наступленія въ направленіи занятомъ горцами, послалъ колонну въ обходъ по такимъ кручамъ и дебрямъ, гдѣ непріятель и невоображалъ, чтобы оттуда русскіе могли имъ угрожать. Поборовъ препятствія, казавшіяся неодолимыми, Гейманъ съ колонной ворвался въ Даховское ущелье, вынудивъ непріятеля къ поспѣшному отступленію.

Разсказы о мѣстности оказались фальшивыми. Ущелье Дахо явилось однимъ изъ роскошнѣйшихъ и изобильнѣйшихъ; въ 30-ти аулахъ, населенныхъ 1000-ю семействъ, раскинутыхъ по этой прекрасной долинѣ, видно было полное довольство; въ концѣ мая хлѣбъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже колосился, доставивъ обильную фуражировку отряду. Здѣсь было избрано мѣсто для поселенія станицы Даховской, которой улыбалась самая прекрасная будущность.

Отрядъ тотчасъ приступилъ къ вырубкѣ просѣки и разработкѣ дороги на сообщеніи съ тыломъ, къ очисткѣ окрестностей отъ враждебнаго населенія и т. п. Въ теченіи четырехъ дней (26—30 апрѣля) въ жаркихъ перестрѣлкахъ, веденныхъ

почти исключительно всегда бывшими въ авангардѣ или прикрытіи стрѣлками Кабардинскаго, Ширванскаго и другихъ батальоновъ, мы потеряли 4-хъ тяжело раненыхъ офицеровъ, убитыхъ нижнихъ чиновъ 9 и раненыхъ 75.

Результатъ былъ достигнутъ весьма важный: заградили главный путь прорыва непріятельскихъ партій на плоскость, получили базу для дѣйствій въ горныхъ котловинахъ за Бѣлою, безъ необходимости форсировать въ другихъ мѣстахъ проходы чрезъ хребетъ, и уничтожили притонъ враждебнаго горскаго населенія, отнявъ у него плодородную долину для казачьей станицы.

Сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія для дальнѣйшихъ дѣйствій этого отряда, названнаго даховскимъ, и оставивъ начальникомъ полковника Геймана, графъ Евдокимовъ съ частью войскъ отправился въ другія части края.

XXII.

Дальнѣйшія дѣйствія даховскаго отряда.—Жаркое дѣло 6-го іюня 1862 г.—Подвиги охотниковъ Кабардинскаго полка.—Усиленіе непріятельскихъ нападеній.—Дѣло 18-го августа.—Осеннія дѣйствія даховскаго отряда.—Пріѣздъ принца прусскаго.—Движенія и работы въ Дахо.—Занятіе Хамыши.—Дѣйствія другихъ отрядовъ.—Возобновленіе дѣйствій на Курджипсѣ въ началѣ 1863 г.—Прибытіе Великаго Князя Михаила Николаевича.—Дѣла съ горцами при встрѣчѣ и сопровожденіи Его Высочества.—Занятіе мѣстности для станицъ Нижегородской и Самурской.—Отчаянныя нападенія непріятеля на тылъ дѣйствующихъ войскъ.—Рѣшимость графа Евдокимова не обращать на это вниманія.—Назначеніе даховскому отряду новыхъ работъ.

Теперь намъ предстоитъ прослѣдить дѣйствія даховскаго отряда до конца 1862 года, такъ какъ Кабардинскій батальонъ съ охотниками входилъ въ его составъ, а охотники продолжали и здѣсь все туже отважную, неутомимую дѣятельность, какую они начали еще съ прихода въ Закубанскій край. Главныя занятія отряда заключались въ постоянныхъ работахъ, съ которыми сопряжены были занятія новыхъ мѣстъ подъ поселеніе казачьихъ станицъ и обезпеченіе ихъ отъ опасности, въ виду еще многочисленнаго и сильнаго непріятеля. Вырубались лѣса, разработывались дороги, строились мосты, заготовлялись матеріалы для ограды и укрѣпленія станичнаго вала, конвоировались транспорты продовольственныхъ и военныхъ запасовъ, производились рекогносцировки окрестностей съ снятіемъ ихъ на планъ, окрестности очищались отъ скрывающагося населенія туземцевъ, наконецъ, заготовлялись для зимы большіе запасы сѣна, безъ котораго отряды не могли бы тронуться съ мѣстъ. Всѣ это стоило войскамъ громадныхъ трудовъ и ежечасныхъ встрѣчъ съ непріятельскими партіями, слѣдившими

за всѣми работами, видѣвшими что страна окончательно ускользаетъ изъ ихъ рукъ, что родину приходится бросить, что борьба совершенно напрасна, но не имѣвшими достаточной силы воли—или покориться и идти на указываемыя для поселенія мѣста, или же, не подвергаясь окончательному разоренію, уходить въ Турцію, унося по крайней мѣрѣ выручку за продаваемое имущество. Кто поумнѣе, повліятельнѣе, тотъ, конечно, ужъ упряталъ запасъ на черный день и обезпечилъ себѣ пристань въ Турціи, оставаясь на родинѣ только на легкѣ, для поддерживанія борьбы и ободренія легковѣрной толпы; а толпа, возбужденная до слѣпой, отчаянной враждебности, не соображая что предстоитъ ей въ недалекомъ будущемъ, продолжала подставлять себя жестокимъ ударамъ и старалась, въ свою очередь, гдѣ можно, наносить противнику вредъ, какъ бы уже довольствуясь только пролитіемъ русской крови, ради удовлетворенія чувствъ мщенія.

Да, велики преступленія тѣхъ иностранныхъ подстрекателей, которые изъ желанія вредить и ослаблять Россію, навязывали ей борьбу съ азіятскими народцами! Много пролитой крови должно пасть на ихъ головы и безпристрастная исторія вызоветъ имъ въ потомствѣ тяжкое осужденіе.

Въ теченіе зимы приготовлены были для русской колонизаціи двѣ большія полосы предгорій Западнаго Кавказа. Отъ Большой и Малой Лабы до р. Бѣлой и отъ берега Чернаго моря — Анапы и Новороссійска — до Адагума. Съ половины апрѣля началось движеніе русскихъ переселенцевъ-казаковъ Кубанскихъ, Терскихъ, Донскихъ, и государственныхъ крестьянъ Черниговской, Воронежской и другихъ Малороссійскихъ губерній, нѣкотораго числа женатыхъ солдатъ и разныхъ охотниковъ. Къ концу мая 1862 года, въ 24-хъ станицахъ водворено 3,904 семейства, которыя приступили къ постройкѣ домовъ и приготовленію разныхъ хозяйственныхъ принадлежностей.

Кто не участвовалъ въ этой колонизаціи, кто не видѣлъ всѣхъ громадныхъ препятствій—природныхъ и отъ сопротивленія многочисленнаго воинственнаго населенія—съ которымъ это дѣло было сопряжено, тотъ не можетъ даже приблизи-

тельно представить себѣ великое значенiе совершеннаго дѣла. Только графъ Евдокимовъ—этотъ типъ настойчиваго полководца-администратора, пренебрегающаго всѣми препятствiями и—нечего скрывать—довольно равнодушнаго къ тягостному положенiю туземнаго населенiя и къ усиленнымъ трудамъ войскъ, могъ достигнуть въ короткое время такого результата. Онъ совершенно основательно разсуждалъ: интересъ русскаго государства во стократъ дороже и важнѣе интересовъ полумилліона черкесъ, склоняющихся постоянно на сторону исконныхъ враговъ Россiи,—это разъ; а во вторыхъ—лучше уже потерять въ два три года лишнихъ нѣсколько тысячъ человѣкъ и напрягать силы войскъ до крайности, чѣмъ тянуть дѣло еще десятки лѣтъ и, истративъ въ итогѣ не менѣе людей, вводить государство въ безконечныя жертвы, подвергая самый успѣхъ дѣла всякимъ случайностямъ. Онъ не скрывалъ этого взгляда и высказывалъ его не разъ пишущему эти строки.

Но этими 24 станицами далеко не разрѣшилась задача колонизацiи. Впереди предстояло вдвое болѣе новыхъ поселенiй, чтобы окончательно превратить страну въ русскую область. Для этого дѣйствiя отрядовъ въ теченiе 1862 и 1863 годовъ должны были идти crescendo, проникая все глубже и глубже въ ущелья контрфорсовъ горнаго хребта и безчисленныхъ притоковъ, въ которыхъ гнѣздились десятки тысячъ кореннаго населенiя и скрывшихся сюда въ послѣднее время послѣ вытѣсненiя съ плоскости. Съ каждымъ такимъ шагомъ впередъ задача становилась труднѣе, потому что мѣстность представляла все большiя препятствiя и больше удобствъ защитѣ горцевъ. Каждый изъ отрядовъ имѣлъ свой опредѣленный раiонъ дѣйствiй, но цѣль была одна: вытѣснять туземное населенiе, истребляя его аулы съ запасами хлѣба и сѣна, вырубать просѣки, разработывать дороги, устраивать мосты, промежуточные укрѣпленные посты и, занявъ пунктъ, назначаемый для поселенiя казачьей станицы, приготовить все для ея обезпеченiя еще до прихода поселенцевъ, т. е. очистить окрестность отъ лѣса, окопать рвомъ, сдѣлать изъ фашинъ, частокола и т. п. ограду, заготовить нужный для построекъ матерiалъ, накосить на зиму сѣна, свезти запасъ про-

віанта и снарядовъ, такъ, чтобы въ слѣдующую зиму станицу уже можно было оставить лишь съ небольшимъ прикрытіемъ отъ регулярныхъ войскъ и, въ случаѣ нападеній непріятеля, она могла бы защищаться собственными силами.

Одна изъ труднѣйшихъ задачъ досталась даховскому отряду, благодаря ужасной мѣстности его раіона и близости еще нетронутыхъ нами массъ горскаго населенія. Оставшись по отъѣздѣ команд. войсками начальникомъ отряда, полковникъ Гейманъ производилъ всѣ работы для водворенія станицъ Даховской и Севастопольской, продолжая ихъ до половины іюня. Непріятель былъ постоянно въ сборѣ, велъ перестрѣлки съ цѣпями, прикрывавшими работы, стрѣлялъ по лагерю изъ орудій, а иногда предпринималъ болѣе рѣшительныя дѣйствія. Такъ, напримѣръ: 6-го іюня изъ отряда была послана въ ст. Царскую колонна изъ 6 ти ротъ Севастопольскаго полка, 1 сотни казаковъ, при 2-хъ орудіяхъ. Полторы тысячи горцевъ атаковали эту колонну и послѣ сильной перестрѣлки, замѣтивъ спѣшащій изъ лагеря секурсъ, начали отступать. Вдругъ появилась со стороны огромная партія убыховъ (не менѣе 2 т. человѣкъ) и соединясь съ отступающими возобновили бой. Особенно жаркое дѣло завязалось за обладаніе не большимъ ауломъ на лѣвомъ берегу р. Дахо, занятомъ охотниками Кабардинскаго полка, прибѣжавшими съ одной Кабардинской стрѣлк. ротой въ числѣ войскъ высланныхъ изъ лагеря на помощь. Тысячная толпа горцевъ ворвалась въ аулъ и перемѣшалась съ кучкой охотниковъ въ рукопашномъ бою... Въ это мгновеніе въ аулѣ появилась одна изъ ротъ Севастопольскаго полка, ударила на непріятеля и вытѣснила его изъ аула, а вслѣдъ за тѣмъ появились еще подкрѣпленія изъ лагеря и непріятель вынужденъ былъ отступить, понеся значительную потерю. Командиръ Севастопольской роты поручикъ Лопицкій получилъ 10 ранъ,—4 пулями и 6 шашками,—ниж. чиновъ убито 16, ранено 48, почти исключительно изъ нашей охотничьей команды и Севастопольской роты, ее выручившей, слѣдовательно, изъ какихъ нибудь 200 человѣкъ, сражавшихся противъ толпы, по крайней мѣрѣ въ 6 разъ ее превосходившей!

Вообще, какъ я уже упоминалъ, Кабардинскіе охотники

дѣлали все время чудеса. Одинъ разъ, въ маѣ, они 4 дня отсутствовали изъ лагеря, дѣлая засады по горнымъ тропинкамъ, и возвратились, принеся полное вооруженіе съ 6-и убитыхъ горцевъ. При движеніяхъ отряда всегда впереди, при дѣлѣ съ непріятелемъ въ самомъ жаркомъ бою, при отступленіяхъ въ хвостѣ колонны. На этой командѣ было можно убѣдиться—что́ можно сдѣлать изъ русскаго солдата, взявшись за него умѣючи, безъ холодной педантичности, съ нѣкоторой долей свободы.

Съ каждымъ днемъ горцы становились все болѣе и болѣе рѣшительными, чаще стали собираться въ значительныхъ силахъ и не только защищать доступы въ свои ущелья, но и производить нападенія на колонны, оказіи, новыя станицы и даже укрѣпленія.

14-го іюня ихъ собралось тысячь пять и атаковали укрѣп. Хамкеты, въ которомъ было гарнизона всего три роты лин. батальона. Нѣсколько штурмовъ было отбито и всѣ отчаянныя усилія горцевъ остались тщетными, а между тѣмъ тревога распространилась и со всѣхъ сторонъ скакали казачьи резервы,—непріятель долженъ былъ отступить. Это предпріятіе черкесъ напомнило о временахъ прежнихъ, когда они жестоко дрались и брали у насъ укрѣпленія; но условія измѣнились въ нашу пользу и потому они успѣха не имѣли. Впрочемъ, форштатъ въ Хамкеты былъ сожженъ и гарнизонъ потерялъ 2-хъ офицеровъ и 64 человѣкъ нижнихъ чиновъ.

До 12-го іюля даховскій отрядъ продолжалъ свои работы при частыхъ перестрѣлкахъ, стоившихъ намъ разновременно 4-хъ убитыхъ и 13 раненыхъ ниж. чиновъ; а 18-го полковникъ Гейманъ совершилъ набѣгъ въ долину р. Гуфабго, уничтожилъ тамъ большой аулъ со всѣми запасами только что свезеннаго хлѣба; при этомъ у насъ 1 убитъ и 3 ранены. Съ 1-го августа начался покосъ, тоже постоянно тревожимый горцами, подкрадывавшимися ночью къ копнамъ и зажигавшимъ сѣно. 14-го августа, при такой попыткѣ, они наткнулись на засаду Кабардинскихъ охотниковъ, которые дали залпъ и два тѣла остались въ нашихъ рукахъ. Нужно знать, что для горцевъ оставить тѣла у непріятеля крайній стыдъ и считается

худшимъ пораженіемъ. Отъ нихъ этотъ обычай перешелъ къ нашимъ старымъ кавказскимъ войскамъ и мы, бывало, также заботились не оставлять тѣла убитыхъ какъ и они; нерѣдко потери наши удвоивались изъ за одного желанія вынести убитаго товарища; а когда уже тѣла оставались не вынесенными, значитъ дѣло было весьма жаркое, непріятель имѣлъ преимущество и нельзя было изъ за труповъ продолжать неровный бой.

18-го августа была послана на фуражировку въ двухъ верстахъ отъ лагеря не большая колонна, состоявшая изъ одной роты съ охотничьей командой Кабардинскаго полка, одной роты сводно-стрѣлковаго бат., одного эскадрона Нижегородскихъ драгунъ и одной сотни казаковъ. Въ 6½ ч. вечера, когда уже почти всѣ повозки были наложены накошеннымъ фуражемъ и собирались уходить, изъ ближайшей балки внезапно выскочила партія въ тысячу человѣкъ и безъ выстрѣла кинулась на нашихъ охотниковъ и своднострѣлковую роту, расположенныхъ впереди для прикрытія фуражировъ; едва наши успѣли сдѣлать залпъ, какъ уже были окружены; услыхавъ выстрѣлы, начальникъ колонны—командиръ Кабардинской роты поручикъ Чеховскій бросился съ своими стрѣлками впередъ, пробился штыками сквозь толпу горцевъ и соединился съ атакованными, уже выдержавшими нѣсколько ударовъ въ шашки и едва державшимися противу десятерной силы непріятеля; но прибытіе роты еще не охладило отчаянныхъ атакъ разсвирѣпѣвшихъ черкесъ. Въ эту минуту подскакалъ эскадронъ Нижегородцевъ и врубился въ толпу... Озадаченные такимъ ударомъ, горцы отхлынули, но увидѣвъ что вся сила драгунская заключается въ какихъ нибудь 80 человѣкахъ, съ новою рѣшимостью бросились въ шашки на кучку нашихъ стрѣлковъ и спѣшившихся драгунъ; но—нашла коса на камень: ихъ опять встрѣтили залпомъ и штыками, а изъ лагеря показался бѣжавшій бат. съ 2 орудіями, и партія должна была отступить, унося свои тѣла и раненыхъ. Дѣло это нанесло намъ большой уронъ: 37 человѣкъ убито, 36 ранено, съ убитыхъ захватилъ непріятель оружіе. Больше всего пострадали Кабардинцы, самой судьбой уже предназначенные для всѣхъ жаркихъ встрѣчъ...

Какъ уже сказано, горцы озлились, прекратили апатичное сопротивленіе, которое они оказывали въ 1859—60—61 годахъ и вернулись къ воинственной удали прежнихъ временъ. На всѣхъ линіяхъ, даже старыхъ, гдѣ уже стали забывать о набѣгахъ и кровавыхъ происшествіяхъ, начались ежечасныя тревоги, нападенія, убійства и т. п. Въ совокупности потери наши людьми отъ этихъ происшествій были весьма значительны; нерѣдко гибли цѣлыя команды, какъ напримѣръ въ Адагумѣ постъ Георгіевскій, гдѣ казачій сотникъ Горбатко съ 35 пѣшими казаками (черноморцы) атакованной тысячной толпой, защищались до послѣдняго человѣка и погибли всѣ въ пламени подожженнаго горцами деревяннаго блокгауза! 3 октября горцы всѣхъ племенъ, въ числѣ до 7 тысячъ человѣкъ, ринулись на Адагумскую линію и ворвались въ новую Нижне-Баканскую станицу, успѣли сжечь и разграбить часть домовъ, захватить нѣсколько дѣтей въ плѣнъ, нѣсколько десятковъ лошадей съ сѣдлами бывшей тамъ казачьей сотни и отступили только вслѣдствіе скораго прибытія по тревогѣ резервовъ изъ ближайшихъ станицъ и укрѣпленій, понеся при этомъ нѣкоторую потерю. На пути къ Нижне-Баканской станицѣ горцы встрѣтили тяжести Донскаго казачьяго полка, слѣдовавшіе подъ прикрытіемъ 60 человѣкъ, и разграбили этотъ транспортъ, а прикрытіе, само собою, искало спасенія въ ближайшемъ лѣсу, отдѣлавшись потерею 2-хъ человѣкъ.

Военные журналы того времени—цѣлый рядъ кровавыхъ происшествій, и на одномъ изъ нихъ Государь изволилъ написать: «изъ всего видно, что горцы пока не унываютъ». И дѣйствительно, они какъ будто уже помирились съ мыслью, что гибель ихъ неизбѣжна и что все равно унынеіе ихъ не спасетъ, поэтому пасть, такъ пасть — какъ подобаетъ удалымъ бойцамъ,—нанося противнику елико возможно больше вреда.

25 сентября графъ Евдокимовъ опять прибылъ въ даховскій отрядъ и совершилъ съ нимъ движеніе къ верховьямъ р. Курджипсъ. Разоривъ нѣсколько ауловъ, встрѣченныхъ на пути, отрядъ спустился внизъ по рѣкѣ и, недоходя 16 верстъ до Майкопа, остановился на мѣстѣ выбранномъ для станицы

Курджипской. Сейчасъ, по обыкновенію, приступили къ рубкѣ просѣки, разработкѣ дороги и устройствѣ окопа для склада провіанта и проч. Непріятель велъ здѣсь мелкую перестрѣлку, стоившую намъ 6 раненыхъ. Для изслѣдованія путей между теченіемъ Большой и Малой Лабы, графъ Евдокимовъ послалъ Кабардинскій стрѣлковый баталіонъ и 3 сотни казаковъ. Четыре дня продолжалась эта рекогносцировка по ужаснымъ трущобамъ, гдѣ едва можно было въ рукахъ сводить казачьихъ лошадей; но непріятель, не ожидавшій здѣсь русскихъ войскъ, не былъ въ сборѣ и только мелкія шайки его вели перестрѣлку съ стрѣлками и ранили у насъ 5 человѣкъ.

До 20 октября продолжались работы даховскаго отряда въ ущельи Курджипса; дорога до Майкопа была разработана.

Около этого времени пріѣхалъ въ Кубанскую область прусскій принцъ Альбертъ, (братъ императора Вильгельма, умершій въ 1872 году) желая видѣть нашу Кавказскую войну. Его проводили въ даховскій отрядъ, съ которымъ онъ совершилъ въ первыхъ числахъ ноября нѣсколько движеній по рѣкѣ Тхацъ до аула Шагуже-Хабль. Въ авангардѣ, какъ водится, были Кабардинцы—батальонъ и охотники. Когда завязалась перестрѣлка, принцъ подъѣхалъ къ авангарду и былъ въ восторгѣ отъ нашихъ охотниковъ.

До 9 ноября отрядъ рубилъ лѣсъ, дѣлалъ вокругъ, до р. Пшехи, набѣги и разорилъ много ауловъ, отбивъ не мало скота. Все время происходили незначительныя перестрѣлки; но 9 числа, когда отрядъ снялся съ позиціи и началъ отступленіе, большія сборища горцевъ явились насъ провожать. Въ арріергардѣ—Кабардинцы и 21-й стрѣлковый батальонъ. Дѣло произошло весьма жаркое, стоившее намъ 1 убитаго офицера и 6 рядовыхъ, ранеными 1 офицера и 33 нижнихъ чиновъ.

Съ весны еще шапсуги и большинство натухайцевъ просили начальство адагумскаго отряда не тревожить ихъ набѣгами, дать имъ убрать хлѣба, распродать скотъ и осенью спокойно сѣсть на суда для отплытія въ Турцію, обѣщая съ своей стороны тоже не предпринимать никакихъ враждебныхъ дѣйствій. Но изъ приведенныхъ происшествій видно, какъ они исполняли свои обѣщанія. Графъ Евдокимовъ при-

казалъ, поэтому, немедленно возобновить движенія отдѣльными колоннами по всѣмъ направленіямъ и безъ пощады истреблять все встрѣчаемое населеніе. Приказаніе было исполнено съ достаточною энергіею; всѣ трущобы, ущельица безчисленныхъ рѣчекъ и долинки были осмотрѣны, все сожжено и истреблено; населеніе бѣжало дальше въ лѣса и горы, часть его просила пощады и выселялась на плоскостъ.

14 ноября даховскій отрядъ занялъ непріятельскій аулъ Кой-Хабль, истребилъ его и разработалъ затѣмъ дорогу по рѣкѣ Ауко. 20 ноября истреблены въ разныхъ притокахъ этой рѣчки еще до 20 ауловъ, съ потерею 1 офицера и 7 нижнихъ чиновъ раненыхъ. Работы по устройству станицы продолжались своимъ порядкомъ; а полковникъ Гейманъ съ легкими колоннами (всегда съ Кабардинскимъ батальономъ) производилъ движенія въ ближайшія ущелья. Такъ, 24-го ноября, онъ поднялся вверхъ по р. Губсъ, обогнулъ гору Гукъ и 27-го возвратился въ Даховскую станицу, уничтоживъ на пути нѣсколько десятковъ поселковъ и захвативъ 1,200 барановъ. На другой день, чтобы окончательно очистить все пространство между Курджипсомъ и Бѣлой отъ скрывающагося въ трущобахъ туземнаго населенія, Гейманъ опять двинулся и въ теченіе 6-ти дней выходилъ по всѣмъ возможнымъ направленіямъ. Обледѣнелыя тропинки, обрывы, бурныя рѣчки и пропасти—ничто не остановило марша его колонны, составленной изъ стрѣлковъ и казаковъ; всѣ притоны горцевъ, старые аулы, новые поселки, свезенные на зиму запасы—все было истреблено и населеніе спасалось съ семействами бѣгствомъ дальше въ лѣса, къ главному хребту; небольшія лишь партіи вели съ войсками перестрѣлки или защищали нѣсколько минутъ какую нибудь саклю. За все время колонна Геймана потеряла 4 убитыхъ и 31 раненаго нижнихъ чиновъ.

3-го декабря весь даховскій отрядъ сосредоточился у Каменнаго моста и въ теченіе 12 дней занимался перевозкой провіанта въ складъ Даховской станицы, рубкой лѣсовъ въ ущельи р. Бѣлой, устройствомъ постовъ и разсылалъ небольшія легія колонны вокругъ для истребленія одиночныхъ хуторовъ туземцевъ, стараясь открыть возможно удобное сообще-

ніе вверхъ по Бѣлой до Хамышейскаго общества—жившаго въ трудно доступныхъ мѣстахъ и, подобно даховскому, считавшаго себя обезпеченнымъ отъ появленія русскихъ войскъ.

15-го декабря даховскій отрядъ съ боя занялъ Хамыши и тѣмъ довершилъ рядъ предпріятій, имѣвшихъ цѣлью прочное обезпеченіе пространства между теченіемъ Лабы и Бѣлой и удаленіе изъ нагорной полосы туземнаго населенія. Хамышейцы занимали самыя вершины р. Бѣлой, 4,000 ф. надъ горизонтомъ моря; далѣе, за ихъ аулами, по сѣверному склону хребта уже не было никакого поселенія и пролегала лѣтняя дорога въ землю убыховъ, а на самомъ перевалѣ былъ узелъ дорогъ туда же съ Курджипса, Пшехи и другихъ мѣстъ, по которой всѣ большія партіи проходили въ обходъ нашей Бѣлорѣченской линіи.

Полковникъ Гейманъ весьма удачно занялъ Хамыши. Двигаясь двумя колоннами, онъ отвлекъ все вниманіе непріятеля на ту, которая шла прямо по ущелью, а самъ, между тѣмъ, по ужаснымъ трущобамъ, обошелъ горцевъ, явился у нихъ въ тылу и заставилъ отступить. Въ теченіе 6-ти дней оставаясь въ Хамыши, отрядъ прорубилъ просѣку назадъ къ Каменному мосту, разорилъ всѣ аулы до самыхъ верховій рѣки, осмотрѣлъ часть доступной зимою дороги къ убыхамъ и 21-го декабря возвратился, потерявъ за все время 9 убитыхъ и 32 раненыхъ ниж. чиновъ (о потерянныхъ лошадяхъ я нигдѣ не упоминалъ, а счетъ вышелъ бы не малый...) Упорнѣе всего непріятель защищалъ 15-го числа одно мѣсто, гдѣ войскамъ не было никакой возможности совершить обхода и пришлось пробѣжать подъ нависшей высотой, съ которой горцы стрѣляли и скатывали камни.—Но наша потеря была въ сущности ничтожна въ сравненіи съ достигнутымъ результатомъ.

Этимъ послѣднимъ дѣломъ закончился 1862-й годъ и графъ Евдокимовъ, во вниманіе къ чрезвычайнымъ трудамъ даховскаго отряда, на долю котораго выпала самая тяжелая задача, разрѣшилъ дать войскамъ, его составлявшимъ, отдыхъ до половины января.

Другіе отряды уже съ первыхъ чиселъ января открыли дѣйствія. Адагумскій по Антхыру, гдѣ у горцевъ было захва-

чено совершенно новое турецкое орудіе, лафетъ коего въ виду нашемъ горцы поспѣшили сжечь; а шебшскій отрядъ изъ Григорьевскаго между р. Шебшъ и Иль. Оба уничтожили массу ауловъ со всѣми запасами. Пшехскій же отрядъ овладѣлъ значительнымъ ауломъ Абдохабль, который былъ упорно защищаемъ горцами; при этомъ былъ раненъ Кабардинскаго полка подполк. Адлеръ, командовавшій однимъ изъ сводно-стрѣлковыхъ батальоновъ, составленныхъ изъ стрѣлковыхъ ротъ линейныхъ батальоновъ.

15-го января 1863 г. собрался даховскій отрядъ въ ст. Абадзехской, имѣя назначеніе занять верховья Курджинса и рубить внизъ просѣку. Непріятель собрался здѣсь въ большомъ числѣ и потому полковникъ Гейманъ, во избѣжаніе большихъ потерь, чтобы ввести горцевъ въ заблужденіе, двинулся тремя колоннами по разнымъ направленіямъ, — одна къ устью р. Хокацъ, другая (здѣсь Кабардинскій бат.) къ Каменному мосту, третья съ Гейманомъ къ Даховской станицѣ. 17-го всѣ колонны тронулись—первая отъ устья Хокацъ начала рубить вверхъ по Курджипсу, а другія двѣ соединились въ вершинахъ рѣчки Догуако. На этомъ движеніи была небольшая перестрѣлка съ потерею 1 убит. и 2-хъ раненыхъ. 18-го Гейманъ перевалилъ чрезъ водораздѣльный хребетъ между Бѣлой и Курджипсомъ, спустился къ верховьямъ ея и, ставъ лагеремъ, приступилъ къ рубкѣ просѣки на встрѣчу первой колоннѣ и къ уничтоженію ближайшихъ ауловъ, при чемъ у насъ ранили 1 офицера и 5 рядовыхъ. Въ 3-хъ верстахъ отъ лагеря ниже была тѣснина, которую необходимо было занять, чтобы непріятель не могъ тамъ оказывать сопротивленія и затруднять сообщенія между обѣими колоннами. Полковникъ Гейманъ рѣшилъ перевести туда весь лагерь. Однако въ виду появившихся большихъ непріятельскихъ сборищъ нельзя было безъ большой потери идти прямо по ущелью и потому посланы были два батальона — Кабардинскій и 21 стрѣлковый по лѣсистому хребту лѣваго берега Курджипса, для прикрытія съ этой стороны движенія колоннъ съ обозами. Лишь только эти батальоны вытянулись на высоты, ихъ съ стремительностью атаковали 800 человѣкъ горцевъ, дали залпъ

и бросились затѣмъ въ шашки на слѣдовавшій сзади Кабардинскій батальонъ. Ихъ встрѣтили сильнымъ огнемъ и штыками; не взирая на прибытіе ротъ 21 батальона, горцы съ замѣчательной отвагой еще два раза бросались въ атаку, но встрѣчаемые дружнымъ ура! и штыками, вынуждены были начать отступленіе, бросивъ 10 своихъ тѣлъ на мѣстѣ. Какъ только наши батальоны тронулись дальше, непріятель опять появился и открылъ сильный огонь, заставившій стрѣлковъ отступать перекатными цѣпями; такимъ порядкомъ не большое пространство это было пройдено едва къ 2 часамъ по полудни и оба батальона присоединились къ отряду, успѣвшему между тѣмъ безъ выстрѣла пройти ущелье. Дѣло это стоило намъ 10 убитыхъ, 1 офицеръ (Кабардинскаго полка подпоручикъ Ничо) и 35 нижнихъ чиновъ раненыхъ. Затѣмъ продолжалась рубка просѣки, рекогносцировки, посылка легкихъ колоннъ по боковымъ ущельицамъ для разоренія ауловъ и угона скота.

Положеніе черкесовъ становилось день ото дня безвыходнѣе и многіе начали являться съ покорностью, поселяясь на указываемыхъ мѣстахъ. Въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ явились такимъ образомъ болѣе 10 тысячъ душъ шапсуговъ.

Къ 8-му февраля просѣка была окончена; обѣ колонны Геймана соединились, заложили редюитъ для станицы Дагестанской, свезли въ него запасы провіанта, а съ 18-го февраля начали рубку лѣса вверхъ по рѣчкѣ Бзіюкъ, на которой назначено поселеніе другой станицы «Прусской» (въ честь принца). Каждый день происходили перестрѣлки, уносившія изъ рядовъ нѣсколько человѣкъ.

Въ 20-хъ числахъ февраля, въ Кубанскую область прибылъ новый главнокомандующій, Великій князь Михаилъ Николаевичъ. Проѣхавъ изъ Ставрополя почтовымъ трактомъ по Кубани до Варениковой пристани, Его Высочество здѣсь переправился на лѣвый берегъ, посѣтилъ Анапу, Новороссійскъ и по новымъ Адагумскимъ станицамъ прибылъ на Хабль, оттуда прослѣдовалъ съ отрядомъ въ укрѣпленіе Григорьевское, на Пшеху и въ Майкопъ. Нѣсколько дней движеніе это происходило при жаркихъ перестрѣлкахъ съ горцами, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣшавшихся дерзко нападать на наши цѣпи

и авангардную кавалерію, за что, впрочемъ, они жестоко поплатились 28-го февраля. Великій Князь имѣлъ намѣреніе изъ станицы Пшехинской пройти вверхъ по Пшехѣ 30 верстъ къ устраиваемымъ новымъ станицамъ и оттуда прямо къ даховскому отряду; но свѣдѣнія о нѣсколькихъ тысячахъ горцевъ, собравшихся на этомъ пути, съ намѣреніемъ рѣшительно сопротивляться движенію, что неминуемо повлекло бы за собою большую потерю, измѣнили планъ и Его Высочество проѣхалъ прямо въ Майкопъ, а оттуда уже на Курджипсъ къ даховскому отряду.

Между тѣмъ, до измѣненія упомянутаго плана движенія, полковнику Гейману было послано приказаніе 27-го февраля двинуться на хребетъ по р. Тхоцъ, для встрѣчи главнокомандующаго. На этомъ походѣ, 28 го февраля, непріятель въ большихъ силахъ атаковалъ 21-й стрѣлковый и двѣ роты Кабардинскаго батальоновъ, бывшихъ въ цѣпи. Его отразили съ урономъ и ворвались въ аулъ Хахуринъ, который и былъ истребленъ. Потеря, 1 убит. и 5 ран.

1-го марта у этого аула прорубили частый лѣсъ, заграждавшій дорогу, исправили наскоро спуски и снялись съ позиціи для слѣдованія дальше; непріятель преслѣдовалъ до вечера арріергардъ, который имѣлъ 6 человѣкъ потери. Отрядъ достигъ Пшехи.

2-го марта войска расчищали просѣку, обошли ближайшія окрестности, уничтожили нѣсколько хуторовъ и, потерявъ 5 человѣкъ раненыхъ, возвратились въ лагерь, а 4-го марта получено приказаніе, за перемѣной маршрута Великаго Князя,—передвинуться къ ст. Курджипской.

Горцы въ числѣ 3-хъ т. человѣкъ наблюдали за даховскимъ отрядомъ и выжидали его движеній, чтобы воспользоваться удобною мѣстностью для нападенія. Замѣтивъ сборы къ выступленію, они тотчасъ перешли на правый берегъ Пшехи. Полковникъ Гейманъ, предвидя встрѣчу съ ними, отправилъ впередъ три батальона (Кабардинскій, 21-й и своднострѣлковый) съ 2-мя орудіями, съ тѣмъ, чтобы они форсировано прошли до аула Хахурина и заняли бывшій тамъ и только частью прорубленный лѣсъ. Горцы сейчасъ же открыли по этимъ ба-

тальонамъ огонь, но наши, не обращая на это вниманія, быстро прошли до опредѣленнаго пункта, заняли его, пропустили подъ своимъ прикрытіемъ всю главную колонну и составили арріергардъ отряда. Лишь только они начали движеніе, вся масса горцевъ изъ-за разоренныхъ сакль, сваленныхъ деревъ, кустовъ и всякихъ прикрытій открыла жестокій огонь. Наши хладнокровно, въ порядкѣ, перекатными цѣпями отступали и къ ночи достигли ст. Курджипской. Потеря въ Кабардинскомъ и 21 стрѣлковомъ батальонахъ была довольно значительна: 2 убитыхъ, 4 офицера (въ томъ чистѣ Кабардинскій прапорщикъ Шеллинъ) и 41 нижнихъ чиновъ раненыхъ.

5-го ч. отрядъ имѣлъ отдыхъ, 6-го представлялся Великому князю, 7-го возвратился къ ст. Дагестанской и въ теченіе двухъ недѣль производилъ здѣсь обычныя работы.

20-го марта даховскій отрядъ двинулся отсюда вверхъ по Курджипсу и перешелъ на его притокъ р. Псіе. Дорога была крайне затруднительная, множество перелѣсковъ, крутыхъ овраговъ и т. п., удобныхъ для защиты преградъ, но непріятель ограничивался пустыми перестрѣлками. По обыкновенію, приступлено было къ вырубкѣ просѣки и исправленію дороги по Курджипсу, чтобы обезпечить сообщеніе предположенной здѣсь новой станицы «Нижегородской».

24-го ч. отрядъ перешелъ на Пшеху, уничтожая встрѣчаемые по пути аулы; послѣ нѣсколько часоваго отдыха, двѣ колонны были двинуты къ болѣе значительнымъ ауламъ Аусь и Пшенашъ. Къ первому три батальона съ казаками, подъ начальствомъ командира Кабардинскаго батальона подполковника Граббе (выздоровѣвшаго отъ своей тяжелой раны). Горцы въ Аусь отчаянно защищались и чтобы не дать намъ нафуражировать сами зажгли всѣ запасы хлѣба и сѣна. Кабардинцы однако бросились въ аулъ съ фронта, казаки обскакали его сзади, горцы были выбиты изъ сакель и бѣжали, оставивъ въ нашихъ рукахъ 10 тѣлъ. Мы же потеряли 2 офицеровъ ранеными (Кабардинскаго полка капитана Гернета, другой казачій) 3-хъ ниж. чин. убитыми и 30 ранеными, преимущественно Кабардинцевъ. Да, очевидно судьба уже предназначала Кабардинцамъ роль передовой рати!

Въ теченіе послѣдующихъ десяти дней отрядъ занимался въ верховьяхъ Пшехи устройствомъ новой станицы Самурской и рубилъ просѣки по Псіе и Пшехѣ. Въ мелкихъ перестрѣлкахъ потеряно нами 6 человѣкъ раненыхъ. Непріятель стрѣлялъ по войскамъ изъ орудій, но безвредно; однако число горцевъ ежедневно увеличивалось и очевидно они имѣли намѣреніе предпринять болѣе рѣшительныя дѣйствія. Поэтому полковникъ Гейманъ, съ разсвѣтомъ 6 апрѣля, двинулъ большую часть отряда къ устью рѣки Цыце и занялъ тамъ позицію, обезпечивавшую войска при дальнѣйшихъ работахъ, и тотчасъ же началъ рубить оттуда просѣку назадъ; остальная часть отряда продолжала постройку ограды Самурской станицы. 10 апрѣля произведена рекогносцировка праваго берега рѣки Цыце, непріятель велъ жаркую перестрѣлку, причинившую намъ слѣдующій уронъ: убито нижнихъ чиновъ 6, ранено 3 офицера и 5 нижнихъ чиновъ.

12 апрѣля отрядъ перешелъ на новую позицію на рѣкѣ Шупсъ къ аулу Хатуко. Работа продолжалась и все подготовлялось для занятія верховій Пшехи. Непріятель наблюдалъ за нами, стрѣлялъ изъ орудій, велъ перестрѣлки съ цѣпями и выжидалъ нашего движенія впередъ, чтобы завязать дѣло на удобнѣйшихъ для него въ верховьяхъ рѣки позиціяхъ. По этому, 26 апрѣля въ 3 часа ночи были посланы двѣ колонны: одна изъ $3^1/_2$ батальоновъ съ 2 горными орудіями (Кабардинскій, 21-й и 6 ротъ сводно-стрѣлковыхъ линейныхъ баталіоновъ) на лѣво, по лѣсистымъ высотамъ праваго берега, другая по руслу, съ тѣмъ чтобы до разсвѣта внезапно занять позицію на правомъ берегу рѣки выше аула Маротукъ. Обозъ же съ 2-мя баталіонами долженъ былъ выступить утромъ, когда позиція будетъ занята.

Горцы поздно замѣтили движеніе войскъ нашихъ, и почти уже подходя къ позиціи лѣвая колонна была атакована значительной партіей, но ее прогнали съ большимъ урономъ. Въ 10 часовъ утра лагерь былъ уже разбитъ, огражденъ засѣками и обозъ прибылъ. Вся потеря этого дѣла была преимущественно въ Кабардинскомъ батальонѣ: раненъ прапорщикъ Козловскій, убито 1 и ранено 11 нижнихъ чиновъ.

Тотчасъ приступили къ рубкѣ лѣса въ обѣ стороны по ущелью.

Не взирая на всѣ очевидные успѣхи наши, (въ адагумскомъ, пшехскомъ отрядахъ дѣла шли также успѣшно и дѣятельность происходила не менѣе энергично чѣмъ въ даховскомъ) нападенія непріятеля на наши сообщенія, на тылъ и отдѣльные посты не ослабѣвали. Войска разбросались на огромномъ пространствѣ и не было возможности имѣть вездѣ достаточно силъ для самостоятельныхъ прикрытій транспортовъ и сообщеній. Необходимо было выбирать одно изъ двухъ: или сосредоточиваться на меньшемъ пространствѣ во избѣжаніе потерь, затягивая рѣшеніе задачи на много лѣтъ и давая возможность непріятелю тоже сосредоточиваться и продолжать получать матеріальную и нравственную поддержку Турціи и англичанъ, или же, не обращая вниманія на мелкія потери отъ набѣговъ и партизанской войны непріятеля, устремить главное вниманіе на скорѣйшее занятіе края по сѣверному склону главнаго хребта и переходъ на южный, послѣ чего непокорному населенію все равно придется—или уходить въ Турцію, или склониться предъ неизбѣжностью безусловной покорности и выселенія на плоскость. Графъ Евдокимовъ рѣшился на второе и вооружился полнымъ равнодушіемъ на счетъ всѣхъ кровавыхъ эпизодовъ, разыгрывающихся въ тылу дѣйствующихъ отрядовъ, зная что они сами собою прекратятся, какъ только впереди будетъ достигнута цѣль. Для уменьшенія этихъ происшествій, само собою, принимались мѣры, на линіяхъ оставлялись резервы и т. п., но ихъ было недостаточно, чтобы недопускать непріятеля съ успѣхомъ производить свои набѣги; въ этомъ отношеніи горцы въ 1861, 62, 63-мъ годахъ имѣли гораздо больше успѣха и дѣйствовали съ большею дерзостью, чѣмъ въ прежнія времена, когда мы вели здѣсь въ Закубанскомъ краѣ почти только оборонительную войну.

При каждомъ извѣстіи о какомъ нибудь кровавомъ происшествіи въ тылу отрядовъ, на сообщеніяхъ между новыми станицами, гдѣ иногда гибли цѣлыя команды въ нѣсколько десятковъ солдатъ, особенно малоопытной резервной дивизіи, поднимались голоса, осуждавшіе графа Евдокимова, за его

безжалостное отношеніе къ подобнымъ жертвамъ и пророчили неудачи... Но это были голоса изъ сферъ, мало знакомыхъ съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ: горцы оживились какъ мухи осенью, и осень ихъ пришла дѣйствительно... Графу Евдокимову это было виднѣе всѣхъ и никакія гуманныя соображенія не могли его сбить съ занятой позиціи. «Еще нѣсколько сотъ человѣкъ погибнетъ, за то конецъ жертвамъ». И правъ былъ.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля графъ Евдокимовъ пріѣхалъ въ Керчъ, куда изъ Кубанской области приказано было отправить два баталіона для работъ по укрѣпленію пролива. Познакомившись тамъ съ мѣстными условіями этихъ работъ, онъ отплылъ въ Анапу и Новороссійскъ, осмотрѣлъ берегъ, затѣмъ перевалилъ чрезъ хребетъ къ адагумскому отряду, указалъ мѣста для постройки новыхъ станицъ, переѣхалъ на Пшеху и 18 мая прибылъ къ даховскому отряду, къ строившейся станицѣ Самурской. Убѣдясь лично въ громадныхъ трудахъ отряда, успѣвшаго прорубить по всему ущелью просѣку, построить 4 поста, разработать дорогу, графъ Евдокимокъ проѣхалъ до самой вершины пшехскаго ущелья и, оставивъ у Самурской три батальона для довершенія ея устройства, остальныя войска даховскаго отряда отправилъ къ станицѣ Дагестанской, съ тѣмъ, чтобы оттуда онѣ двинулись въ долину рѣки Тхацъ и приступили къ постройкѣ станицы Прусской.

Такимъ образомъ даховскій отрядъ занимался всѣми обычными работами по постройкѣ Нижегородской, Самурской и Прусской станицъ, а съ 25 мая выдѣлилъ еще особую колонну для разработки дороги отъ Даховской станицы въ Хамышки, гдѣ назначено построить штабъ-квартиру Кавказскому линейному № 3 батальону. Охотники же Кабардинскіе по прежнему рыскали кругомъ и часто разбивали мелкія хищническія шайки.

XXIII.

Перемиріе съ абадзехами.—Занятія даховскаго отряда.—Покорность абадзеховъ.—Партизанскія дѣйствія легкихъ колоннъ.—Приготовленія къ переходу на южный склонъ главнаго хребта.—Овладѣніе позиціею непріятеля на перевалѣ.—Работы по устройству дорогъ и укрѣпленій.—Изгнаніе остатковъ населенія.—Возмущеніе лезгинъ.—Усмиреніе возстанія.—Послѣдній періодъ дѣйствій на Западномъ Кавказѣ.—Положеніе обѣихъ воюющихъ сторонъ.—Выселеніе абадзеховъ и переходъ отряда чрезъ хребетъ.—Занятіе приморскихъ укрѣпленій и прекращеніе горцами борьбы.—Неудачный поискъ въ Тубу.—Общество Хакучи.—Движеніе отряда Геймана къ убыхамъ.—Изъявленіе ими покорности.—Окончательное выселеніе черкесовъ.—Прибытіе Великаго Князя и окончаніе войны.—Покореніе Хакучи.—Возвращеніе войскъ въ свои квартиры.—Сдача полка И. А. Клингеромъ, его командованіе.—Общество офицеровъ и характеристика Клингера.—Новое религіозное ученіе Зикръ и его послѣдствія.—Дѣло съ Зикрицами въ январѣ 1864 г.—Ихъ усмиреніе.—Выселеніе чеченцевъ въ Турцію.—Мирныя занятія полка и неожиданное отправленіе ротъ въ Закаспійскій край.

Въ іюнѣ всѣ абадзехи собрались на совѣщаніе, для окончательнаго рѣшенія вопроса—что дѣлать? Между тѣмъ просили полковника Геймана о перемиріи хоть на короткое время. Вслѣдствіе этого, посылка легкихъ колоннъ и охотниковъ для истребленія поселеній были пріоставлены, но работы продолжались по прежнему и отрядъ, занявъ на Пшехѣ бывшій аулъ Магометъ-Эмина, построилъ здѣсь постъ и перешелъ къ мѣсту, избранному для новой станицы «Ширванской».

Въ теченіе всего іюля мѣсяца работы и покосы продолжались безъ всякаго безпокойства со стороны непріятеля, нѣсколько семействъ явились съ покорностью и доставили въ отрядъ фалконетъ. Въ то же время въ адагумскомъ отрядѣ былъ сдѣланъ набѣгъ къ морскому берегу и въ захваченномъ аулѣ взято 6 фунтовое орудіе.

Окончивъ устройство Ширванской станицы, даховскій отрядъ передвинулся въ ущелье Шекодза, прорубилъ здѣсь вверхъ и внизъ просѣку и уничтожалъ въ окрестностяхъ поселки горцевъ. (Срокъ перемирія уже окончился).

9-го сентября командующій войсками опять прибылъ къ даховскому отряду и 10-го произвелъ рекогносцировку къ верховьямъ р. Тхухъ. Абадзехи прекратили враждебныя дѣйствія и всѣ хищническія нападенія совершались уже исключительно горцами южнаго склона хребта. Они усилили эти набѣги до крайности и имѣли большею частью успѣхъ, благодаря отчасти свойственной русскому человѣку безпечности, да надеждѣ на «авось», на «Богъ милостивъ» и т. п.

Цѣль убыховъ была озлобить русскихъ за эти нападенія, вызвать подозрѣнія и обвиненія абадзеховъ, которымъ тѣ не могли простить, что они склонились къ мысли о покорности, о прекращеніи борьбы и отказались отъ общаго союза. Но это не подѣйствовало: абадзехи, въ лицѣ самыхъ почетнѣйшихъ вліятельныхъ своихъ людей, явились къ графу Евдокимову и умоляли позволить имъ остаться на зиму на своихъ мѣстахъ. Въ виду ихъ дѣйствительно тяжолаго положенія, имъ было разрѣшено это, но съ тѣмъ, что управлять ими будетъ назначенный нами приставъ, что весь абадзехскій народъ изъявитъ полную покорность, (впрочемъ, изъявленную уже въ концѣ 1859 года, когда они думали, что это нѣчто номинальное. .) что 1-го февраля обязываются очистить теперешніе аулы и идти на назначенныя для ихъ поселенія мѣста между Кубанью и Лабой, гдѣ земля отводится имъ въ вѣчное и потомственное владѣніе; тѣмъ же, которые пожелаютъ идти въ Турцію, дается срокъ съ 1-го февраля еще на $2^1/_2$ мѣсяца и на это время будутъ имъ указаны для пребыванія мѣста особыя. Во все время до 1-го февраля абадзехи обязывались жить спокойно, исполнять законныя требованія русскихъ властей, выдавать преступниковъ, бѣглыхъ, враждебныхъ Россіи людей и освободить плѣнныхъ. Къ приставу назначить въ помощь нѣсколько старшинъ и конвой. Для переселенія въ Турцію вообще давался годичный срокъ. Условія эти должны были подписать всѣ общественные старшины и,

въ случаѣ ихъ невыполненія, имъ угрожала высылка на житье въ русскія губерніи.

Между тѣмъ даховскій отрядъ въ теченіе сентября легкими колоннами искрестилъ всѣ верховья мелкихъ рѣчекъ, до самаго главнаго хребта, уничтожая поселки и заставляя населеніе или уходить дальше, или выселяться въ тылъ отрядовъ. Оставались самыя ужасныя трущобы между Курджипсомъ и Пшехою, въ ущельи Цыца и его притокахъ. Туда были посланы Кабардинскій и своднострѣлковый бат., а отъ стан. Нижегородской на встрѣчу другая колонна. Обѣ онѣ углубились въ самую средину угрюмаго ущелья Цыца и жгли найденные тамъ аулы. Жители разбѣжались, часть явилась съ покорностью. На нихъ видимо уже начиналъ распространяться паническій страхъ: бѣжали большею частью не защищаясь, изрѣдка дѣлая одинъ, другой залпъ; казаки и стрѣлки бѣгомъ захватывали аулы одинъ за другимъ, жгли, истребляли запасы, многіе жители попадались въ плѣнъ съ оружіемъ. Въ теченіе цѣлой недѣли такихъ летучихъ движеній потеря наша ограничивалась всего 4 убитыми и 8 раненыхъ ниж. чиновъ. Плѣнныхъ же взято 138 человѣкъ и отбито нѣсколько сотъ штукъ скота. Въ послѣдній разъ еще 27 сентября была послана колонна истребить нѣсколько замѣченныхъ въ трущобахъ отдѣльныхъ хуторовъ, при чемъ Кабардинцы потеряли раненымъ прапор. Костина и 3-хъ рядовыхъ. Мѣстность до главнаго хребта была окончательно очищена.

Въ то же время адагумскій и джубскій отряды оперировали уже на южномъ склонѣ хребта, въ долинахъ Адербы, Мезиба и Пшады, возобновляя на морскомъ берегу Геленджикъ и другіе, во время войны въ Крыму, брошенные пункты, а пшехскій строилъ на Пшишѣ укр. Хадыжи—главный опорный пунктъ для предстоявшаго перехода чрезъ хребетъ въ долину Туапсе, къ бывшему укрѣпленію Вельяминовскому. Вездѣ производились самыя дѣятельныя работы, рубили просѣки, прокладывались дороги, строились промежуточные посты, истреблялись поселенія туземцевъ и т. п. Дѣло на сѣверной сторонѣ западнаго Кавказа можно было считать почти оконченнымъ и оставалось перенести дѣятельность на послѣднюю

полосу—на морской берегъ, чтобы наконецъ въ дѣйствительности довершить покореніе всего Кавказа.

1-го Октября даховскій и пшехскій отряды, закончивъ возложенныя на нихъ задачи въ сѣверной нагорной части, были соединены и сосредоточены у Хадыжи, для дѣйствій, предстоявшихъ на южномъ склонѣ. Прибывъ къ нимъ, графъ Евдокимовъ 4-го октября выступилъ (17½ бат. 4 эскадрона, 5 сотень и 14 орудій) съ вьючнымъ обозомъ, имѣвшимъ 10-ти дневный запасъ провіанта. При сліяніи р. Шечкаро съ Пшишемъ, четыре батальона съ дивизіономъ драгунъ были оставлены для постройки не большаго укрѣпленія, остальныя войска двинулись вверхъ по Пшишу и въ 20 верстахъ отъ Хадыжи остановились лагеремъ на Мельгоштѣ, откуда на другой день приступили къ разработкѣ колесной дороги назадъ и вверхъ, къ долинѣ Тукъ. Оставленная на зади колонна въ 5 дней устроила укрѣпленіе и присоединилась къ отряду.

Между тѣмъ, отъ лазутчиковъ получены были свѣдѣнія, что убыхи и шапсуги собрались въ значительномъ числѣ для противудѣйствія войскамъ, при дальнѣйшемъ движеніи по ущелью Пшиша. Графъ Евдокимовъ, зная что впереди, между долинами Тукъ и Ашабжа, ущелье съуживается и представляетъ много сильныхъ оборонительныхъ позицій, предупредилъ непріятеля, отправивъ полковника Геймана съ 8½ батальоновъ, 8 горныхъ орудій и сотней казаковъ на перевалъ, въ долину Туапсе. 8-го числа вечеромъ эта колонна прибыла къ самому перевалу, разогнала встрѣченные незначительныя партіи горцевъ и устроила на водораздѣльныхъ высотахъ засѣки для обезпеченія своего расположенія; съ 9-го же числа начала разработывать дорогу назадъ, внизъ по Пшишу.

Затѣмъ, всѣ войска занялись дорожными работами и постройкой еще одного промежуточнаго укрѣпленія, а по окончаніи, даховскій отрядъ долженъ былъ перейти въ долину Туапсе для подготовленія мѣстности между этою рѣкою и Джубою къ колонизаціи. По Джубѣ же, какъ выше сказано, уже дѣйствовалъ особый отрядъ, дѣлая набѣги къ морскому берегу. Одинъ разъ колонна изъ этого отряда весьма удачно захватила большой аулъ, служившій складочнымъ пунктомъ для товаровъ

и боевыхъ запасовъ, доставляемыхъ горцамъ изъ Турціи; тутъ были взяты 5 орудій, масса жестяныхъ ящиковъ съ патронами, снаряды и проч. Кромѣ того, на батареѣ бывшаго укрѣпленія Тенгинскаго еще взята пушка. Все это были даянія нашихъ *друзей*...

Въ послѣднихъ числахъ октября 4,000 человѣкъ убыховъ и шапсуговъ и нѣсколько европейскихъ агентовъ, съ 4-мя нарѣзными орудіями, прибыли на Пшишскій перевалъ и расположились въ 6-ти верстахъ отъ даховскаго отряда, чтобы не допустить его перехода въ долину Туапсе; между тѣмъ послали небольшія партіи въ тылъ намъ возмущать абадзеховъ и нападать на сообщенія. Графъ Евдокимовъ приказалъ пшехскому и даховскому отрядамъ соединиться и разбить непріятеля.

Полковникъ Граббе съ 7-мю батальонами, 3-мя сотнями и 6-ю орудіями пошелъ въ обходъ правымъ берегомъ Ази-Пшиша, а полковникъ Гейманъ съ 6-ю батальонами и 4-мя орудіями долженъ былъ двинуться съ фронта не много позже, чтобы дать время обходной колоннѣ совершить свой маршъ.

Лагерь непріятеля былъ расположенъ на Туапсе не много выше впаденія въ нее небольшой рѣчки; сзади лагеря на возвышеніи стояли орудія и паркъ съ боевыми запасами, въ особомъ деревянномъ баракѣ; этотъ пунктъ командовалъ ущельемъ и соединеніемъ двухъ дорогъ.

8-го ноября, колонна Граббе, подойдя гораздо ранѣе предположеннаго времени къ расположенію непріятеля, не откладывая дѣла, воспользовалась замѣтнымъ смущеніемъ горцевъ, вовсе неожидавшихъ насъ, и раздѣлившись на три части рѣшительно атаковала ихъ. Первые же удары смѣшали толпу и они, бросивъ 76 труповъ, много оружія и проч., поспѣшно отступили, а европейцы еще раньше ускакали съ частью конницы и съ орудіями, взорвавъ паркъ, при чемъ погибли 24 черкеса, хотѣвшихъ въ суматохѣ захватить патроны и порохъ... Наша потеря ограничилась 3-мя убитыми и 20-ю ранеными нижними чинами! Даховскій же отрядъ, на который было обращено все вниманіе непріятеля, подошелъ къ позиціи его, когда дѣло уже было окончено, а горцы скрылись въ глубину ущелья Туапсе.

Послѣ этого славнаго дѣла, войска цѣлый мѣсяцъ работали дорогу внизъ по Пшишу и довершили постройку укрѣпленія на Жипсѣ; затѣмъ перешли на работы по укрѣпленію Гойтхъ, посылая легкія колонны уничтожать всѣ уцѣлѣвшія въ вершинахъ Пшиша непріятельскія поселенія, при чемъ 1-го декабря, въ захваченномъ внезапно аулѣ оказались не бѣжавшіе жители; наши охотники, бывшіе, повсегдашнему, впереди, были встрѣчены залпомъ, которымъ раненъ начальствовавшій командой поручикъ Плещеевъ и 1 рядовой. Преслѣдованіе разбѣгавшихся горцевъ—приняло въ это время совершенное подобіе травли дикихъ звѣрей; команды наши взбирались на кручи, спускались въ трущобы, пробирались сквозь лѣсныя чащи, уже вполнѣ какъ охотники... Чтобы судить, каковы были тропинки, по которымъ пробирались войска, довольно сказать, что въ теченіе послѣднихъ дней сорвались съ кручи и погибли 43 лошади. Это уже напоминало походы на Лезгинской линіи, съ тою разницею, что здѣсь дѣло происходило зимою.

Графъ Евдокимовъ къ концу 1863 года считалъ покореніе Западнаго Кавказа на сѣверной сторонѣ горъ законченнымъ и готовился вскорѣ довершить его и на южномъ. Никакихъ сомнѣній въ близости конца уже не оставалось.

Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, когда общее вниманіе было обращено на дѣйствія наши въ Западной части Кавказа, войска, оставшіяся на Восточномъ, были заняты мирной, но весьма важной работой по довершенію начатыхъ постройкой укрѣпленій и постовъ, по прорубкѣ просѣкъ и проведенію въ гористыхъ мѣстахъ хорошихъ вьючныхъ дорогъ. Кабардинскій полкъ занималъ Кишень-аухъ и, за исключеніемъ небольшихъ частей, оставшихся въ Хасавъ-юртѣ, высылалъ большинство своихъ людей на эти работы. Спокойствіе было нарушено только одинъ разъ и именно тамъ, гдѣ этого менѣе всего можно было ожидать. На бывшей Лезгинской линіи, въ Закатальскомъ округѣ, нѣкто штабъ-ротмистръ Хаджи-Муртузъ, объявивъ себя имамомъ, и во имя мусульманской религіи, не допускающей подчиненія гяурамъ, взволновалъ часть населенія Алазанской долины, увѣряя ихъ въ немедленномъ присоединеніи къ нимъ

всего Дагестана. Поддержанный проповѣдью нѣсколькихъ муллъ, вздумавшихъ пропагандировать ученіе новой секты Джазмы, Хаджи-Муртузъ собралъ 3,000 человѣкъ и 6-го іюня 1863 года осадилъ крѣпость Закаталы, въ которой весь гарнизонъ состоялъ изъ двухъ ротъ линейнаго № 25 батальона, подъ начальствомъ подполковника Романова, получившаго еще 4-го числа извѣстіе о сборѣ возмутителей и приготовившагося къ оборонѣ.

Попытка Хаджи-Муртуза взять крѣпость штурмомъ неудалась. Толпы лезгинъ бросались смѣло въ ровъ, лѣзли на валъ, но всякій разъ, послѣ картечныхъ и ружейныхъ залповъ, сбрасывались штыками назадъ и съ огромной потерей должны были отказаться отъ своего предпріятія.

По полученіи извѣстій объ этихъ происшествіяхъ, начальникъ Закатальскаго округа генералъ-маіоръ кн. Шаликовъ, находившійся по службѣ въ отсутствіи, съ 2-мя ротами Тифлисскаго гренадерскаго полка (215 человѣкъ) поспѣшилъ изъ Лагодехи къ Закаталамъ. На дорогѣ онъ былъ встрѣченъ Хаджи-Муртузомъ, расположившимъ свое сборище на высотѣ, прилегающей къ самой дорогѣ. Князь Шаликовъ, весьма пылкій и, подобно всѣмъ своимъ соотечественникамъ-грузинамъ, геройски храбрый человѣкъ, незадумался пойти съ своею горстью солдатъ на штурмъ позиціи непріятеля. При первыхъ выстрѣлахъ онъ палъ жертвой своей отваги съ нѣсколькими передовыми людьми, бывшіе съ нимъ нѣсколько сотъ туземныхъ милиціонеровъ перешли къ Хаджи-Муртузу, а оставшійся за старшаго поручикъ Серафимовичъ успѣлъ пробиться къ крѣпости, не оставивъ лезгинамъ ни единаго раненаго солдата.

Быстро прибывшія съ разныхъ сторонъ войска разогнали сборище возмутителей, а появленіе изъ Дагестана милиціи аварской, андійской и другихъ убѣдили населеніе Алазанской долины въ лживости увѣреній, будто всѣ горцы къ нимъ присоединятся. Лезгины явились, прося пощады... Главные проповѣдники новаго ученія были высланы въ Россію и въ нѣсколько дней мятежъ былъ подавленъ, волненіе стихло.

Потеря въ эти дни заключалась въ убитомъ генералѣ и

54-хъ ниж. чинахъ, ранен. 2-хъ офицерахъ и 55 нижнихъ чинахъ *).

Происшествіе это однако еще разъ показало, какъ мало можно полагаться на покорность мусульманскаго населенія, даже такого, которое менѣе всего имѣло повода къ враждебному противу насъ расположенію. Лезгины Алазанской долины непринадлежали къ новопокореннымъ, не привыкшимъ къ русскому управленію, потерявшимъ возможность безнаказанно хищничать, или къ тѣмъ, которые во время послѣднихъ лѣтъ войны сильно пострадали въ своемъ матеріальномъ благосостояніи, разорены выселеніемъ на новыя мѣста и т. п. Нѣтъ, они жили на исконныхъ своихъ мѣстахъ и широко пользовались дарами щедрой природы, необремененные никакими тягостями, ни кѣмъ непритѣсняемые. Всосанная съ молокомъ матери ненависть къ гяурамъ—вообще, а къ русскимъ въ особенности, къ русскимъ, отнявшимъ у нихъ возможность безнаказанно грабить Грузію и получать постоянную дань съ этой несчастной христіанской страны, брошенной среди мусульманства на жертву, спасенной отъ ихъ хищныхъ когтей, только благодаря Россіи. На этихъ лезгинахъ—ближайшихъ сосѣдяхъ Грузіи—можно было достаточно убѣдиться, что нѣтъ тѣхъ средствъ, которыми можно бы было уничтожить вражду къ намъ, что гуманность, снисходительность и проч.—только принимаются за слабость и придаютъ больше дерзости въ проявленіи ненависти. Нужно очень и очень много времени и особую экономическую политику, чтобы тѣсно связать интересы мусульманскихъ туземцевъ съ Россіей и тогда, хоть враждебность въ душѣ и сохраниться,—какъ къ невѣрному, но собственная выгода заставитъ не проявлять ее, даже при кажущихся благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ; враждебность будетъ, такъ сказать,

---

*) Вообще же въ 1863 году вся наша потеря состояла, кромѣ показанной выше, въ слѣдующемъ: убито 6 штабъ и оберъ-офицеровъ, 1 священникъ, 256 нижнихъ чиновъ, 5 торговцевъ, 3 женщины и 1 мальчикъ: ранено 52 штабъ и оберъ-офицера, 1177 нижнихъ чиновъ, безъ вѣсти пропали 3 офицера, 47 ниж. чиновъ и 27 разныхъ неслужащихъ людей, и все это въ Закубанскомъ краѣ...

платоническаго характера, почти никакою опасностью намъ неугрожающая...

Нельзя скрыть, что уроки, подобные сейчасъ разсказанному, проходили для насъ безслѣдно. Мы постоянно повторяли одну и ту же ошибку: отдыхать на лаврахъ достигнутаго успѣха. Возстаніе подавлено—значитъ, дѣло можно сдать въ архивъ. Мы ограничиваемся наказаніемъ преступленія, но о предупрежденіи его въ будущемъ, объ устраненіи причинъ, такъ легко допускающихъ катастрофы, мало заботились и потому онѣ повторялись не рѣдко, ставили насъ въ затруднительное положеніе и требовали крупныхъ жертвъ.

Теперь мы перейдемъ къ разсказу о послѣднемъ актѣ, или, правильнѣе, къ финальнымъ сценамъ великой Кавказской драмы, разыгравшимся уже на морскомъ берегу и имѣвшимъ послѣдствіемъ совершенное измѣненіе нашего положенія на Кавказѣ. Край измѣнилъ свою физіономію и вѣковыя традиціи его старыхъ полковъ стали отходить въ область преданій.

До открытія наступательныхъ дѣйствій на южномъ склонѣ хребта, графъ Евдокимовъ приказалъ всѣмъ отрядамъ еще разъ пройти легкими колоннами по всѣмъ закоулкамъ сѣвернаго нагорнаго края и выжить остатки туземнаго населенія, водворившагося въ различныхъ трудно-доступныхъ ущельяхъ и долинахъ, чтобы не оставлять въ тылу своему враждебныхъ шаекъ. Приказаніе это было исполнено на всемъ пространствѣ отъ верховьевъ Бѣлой до Адагума, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Нужно видѣть мѣстность, нужно знать умѣніе горца мгновенно устроиться въ какой нибудь трущобѣ, нужно помнить, что происходитъ зимой въ горахъ, на высотѣ 5—6 тысячъ фут. надъ поверхностью моря, чтобы представить себѣ, каковы были эти поиски, что пришлось перенести войскамъ, ихъ совершавшимъ.

Не говоря о другихъ отрядахъ, я упомяну здѣсь лишь о даховскомъ, о которомъ вообще веду исключительный разсказъ, какъ потому, что въ его составѣ былъ Кабардинскій батальонъ, такъ и потому, что онъ игралъ важнѣйшую роль, особенно въ послѣднихъ эпизодахъ войны.

8 января 1864 года Гейманъ, уже произведенный въ ге-

нералы, отправилъ колонну изъ 3-хъ батальоновъ (въ томъ числѣ Кабардинскій) 4 эскадр., 13 сот. 2 горн. орудія изъ станицы Самурской вверхъ по Пшехѣ. Къ сильной стужѣ присоединилась мятель; войска едва могли двинуться и пройдя не много выше устья рѣки Куши (впадающей въ Пшеху) остановились ночевать; впереди была тѣснина, замыкающая съ сѣверной стороны аулы общества Туба. Эта тѣснина или вѣрнѣе трещина, едва проходимая лѣтомъ, представляла въ январѣ неимовѣрныя затрудненія. 10 числа однако колонна тронулась; всѣ силы были напряжены въ борьбѣ съ этой угрюмой природой. Казаки шли впереди, ведя въ поводу коней и пробивая такимъ образомъ въ снѣгу тропинку для пѣхоты; во многихъ мѣстахъ сугробы однако заставляли браться за лопаты и продѣлывать въ лавинахъ осунувшагося снѣга родъ коридора. Наконецъ одолѣли этотъ ужасный переходъ, кавалерія на рысяхъ пошла впередъ, ворвалась въ аулы, неожидавшіе гостей, сожгла что можно было и захвативъ 141 плѣнныхъ и до 500 штукъ скота отступила на пѣхоту, занимавшую выходы изъ тѣснины. Не малая часть ауловъ однако осталась нетронутою: подступы къ нимъ чрезъ овраги и перелѣски были завалены такими массами снѣга, что кавалерія не могла туда пробраться. Къ вечеру колонна отступила, при чемъ казаки пробираясь боковыми тропинками, захватили еще нѣсколько десятковъ плѣнныхъ и добычу. Перестрѣлка была самая пустая, потому что жители разбѣгались, спасаясь въ лѣса и трущобы; мы потеряли 2 человѣкъ ранеными; 12 лошадей сорвались съ кручъ.

Около половины января морозы и мятели такъ усилились, сообщенія такъ затруднились, что пришлось пріостановить до 1 февраля всѣ дѣйствія.

Къ 10 февраля, послѣ нѣсколькихъ дней дорожныхъ работъ, даховскій отрядъ сосредоточился у укрѣпленія Хадыжи. 12, 14 и 16-го числа легкія колонны опять ходили по лѣвымъ притокамъ Пшехи и выгоняли остатки абадзеховъ, уклонившихся отъ исполненія даннаго обязательства выселиться 1 февраля. Въ разныхъ трущобахъ взято до 400 душъ

со всѣмъ имуществомъ, при чемъ въ перестрѣлкахъ убиты 2 и ранены 3 нижнихъ чина.

Читатель можетъ видѣть изъ описаній всѣхъ этихъ поисковъ за скрывавшимися въ неприступныя горныя мѣстности туземцами—съ одной стороны—какую тяжелую службу составляла эта своего рода охота для войскъ, съ другой — съ какимъ упорствомъ уклонялись туземцы отъ исполненія самыхъ торжественныхъ своихъ обѣщаній, отъ обязательствъ, данныхъ взамѣнъ снисхожденія къ ихъ просьбамъ. Мы ихъ, впрочемъ, не намѣрены обвинять: привязанность къ роднымъ мѣстамъ, присущая всякому человѣку, въ горцѣ и вообще въ азіятцѣ еще болѣе развита; не взирая на очевидную невозможность дальнѣйшей борьбы, на совершенную несбыточность всѣхъ этихъ обманныхъ обѣщаній о внѣшней помощи, обѣщаній—въ теченіи десятковъ лѣтъ внушаемыхъ легковѣрной толпѣ безсовѣстными авантюристами—агентами Турціи и западныхъ враговъ Россіи, черкесы до послѣдней крайности цѣплялись за каждый кустъ, за каждый выступъ скалы, въ надеждѣ удержаться на нихъ, быть можетъ, избѣгнуть ужасной необходимости уходить въ Турцію, или выселяться къ берегамъ Кубани подъ надзоръ и управленіе русскихъ. Но намъ не было никакой возможности принимать въ уваженіе ихъ положеніе: здѣсь, предъ роковою государственною необходимостью, долженъ былъ умолкать всякій порывъ сердечныхъ чувствъ, не говоря о томъ, что и въ самихъ чувствахъ состраданія предстоялъ выборъ—между состраданіемъ къ черкесамъ и состраданіемъ къ русскимъ: оставивъ въ покоѣ первыхъ, значило длить Кавказскую войну до безконечности и при первомъ столкновеніи съ Европой подвергаться крайнимъ опасностямъ; а чего стоила русскому народу Кавказская война, кажется, изъ настоящей книги достаточно ясно, хотя я вовсе не касался денежныхъ затратъ, колосальные размѣры которыхъ легко себѣ представить...

У насъ не было недостатка въ филантропахъ и между агентами нашими за границей, и между высокопоставленными столичными лицами, и даже между кавказскими генералами, которые находили, что не слѣдуетъ доводить черкесовъ до

выселенія въ Турцію, или даже до переселенія на указываемыя имъ нами на плоскости мѣста; что вслѣдствіе климатическихъ и другихъ мѣстныхъ условій ни русскіе, ни другіе христіанскіе поселенцы на черкесскихъ земляхъ колонизаціи не составятъ, что вообще эта мѣра не одобрительная, безполезная и проч. и проч.; многіе не останавливались предъ обвиненіемъ графа Евдокимова въ жестокомъ безсердечіи, свойственномъ человѣку безъ образованія, вышедшему изъ солдатскихъ дѣтей...

Послѣдствія показали кто былъ правъ и какая фальшивая филантропія заключалась во всей этой черкесоманіи. Стоитъ только вспомнить послѣднюю турецкую войну, участь Сухума, среди остававшагося на своихъ мѣстахъ Абхазскаго населенія, возстанія въ Чечнѣ и Дагестанѣ, и подумать: что было бы, если бы въ это время въ горахъ и ущельяхъ Западнаго Кавказа, между морскимъ берегомъ, Лабой и Адагумомъ, обитало полмилліона черкесовъ?... А климатическія условія, какъ и вездѣ на новыхъ мѣстахъ, въ первое время губительно отозвались на нѣкоторыхъ станицахъ, но безъ подобныхъ жертвъ развѣ можно было достигнуть въ нѣсколько лѣтъ такого результата? Обвиненія же лично генерала Евдокимова были плодомъ незнанія дѣла и еще болѣе нерасположенія къ человѣку, быстро опередившему многихъ на лѣстницѣ отличій... Ни мысль о выселеніи черкесовъ и колонизаціи всего этого края русскимъ казачьимъ населеніемъ, ни даже самая система дѣйствій, къ этой цѣли направленныхъ, непринадлежали ему; онѣ были выработаны за пять лѣтъ до назначенія графа Евдокимова главнымъ начальникомъ Закубанскаго края;—онъ былъ только геніальный, энергически непреклонный исполнитель и организаторъ подробностей выполненія плана. И заслуга его предъ государствомъ по истинѣ велика, и русская исторія, военная въ особенности, должна считать своею обязанностью не забывать имени Евдокимова на тѣхъ своихъ страницахъ, которыя будутъ повѣствовать о завоеваніи Кавказа. Князь Барятинскій, какъ главнокомандующій, графъ Милютинъ какъ начальникъ штаба и графъ Евдокимовъ какъ исполнитель— вотъ дѣйствительные покорители Кавказа, дѣйствительные ви-

новники одного изъ великихъ успѣховъ, достигнутыхъ въ царствованіе Императора Александра II. Говорю это на основаніи изученныхъ оффиціальныхъ документовъ, кромѣ личнаго знанія дѣятельности этихъ лицъ. Большимъ подробностямъ не мѣсто въ настоящей книгѣ. Завершеніе дѣла на Западномъ Кавказѣ выпало на долю Великаго Князя Михаила Николаевича и исторія не скроетъ заслуги, оказанной государству братомъ Государя, тѣмъ уже, что онъ остался вѣренъ принятой системѣ, лично посѣтилъ весь обширный театръ дѣйствій, ободрилъ начальниковъ и одушевилъ войска къ предстоявшимъ окончательнымъ подвигамъ.

17-го февраля даховскій отрядъ перешелъ къ Пшишскому перевалу и расположился лагеремъ у строившагося укр. Гойтхъ; въ послѣдующіе два дня были осмотрѣны верховья р. Зипшишъ и захвачены еще нѣсколько бродившихъ семействъ абадзеховъ, между тѣмъ какъ главная масса этого многочисленнѣйшаго черкесскаго племени, согласно условію, двинулась чрезъ хребетъ къ устью Туапсе для переселенія въ Турцію, а часть (впрочемъ не малая) направилась къ Лабѣ для поселенія на указанныхъ мѣстахъ, съ тѣмъ, что въ теченіе года они сохраняли право уйти тоже въ Турцію, еслибы пожелали.

Къ 20-му февраля, за исключеніемъ нѣсколькихъ ауловъ горнаго общества Туба, такого же, до тѣхъ поръ даже никому изъ русскихъ неизвѣстнаго общества Хакучи и нѣсколькихъ десятковъ одиночныхъ, скрывшихся, подобно звѣрямъ, въ логовищахъ, семействъ, на сѣверномъ склонѣ хребта туземнаго населенія не осталось; задача здѣсь была рѣшена; надобность въ кордонныхъ линіяхъ миновала и ихъ упразднили; сѣть казачьихъ станицъ частью уже поселена, частью подготовлена для нихъ мѣстность и въ теченіе 1864 г. онѣ должны были поселиться безпрепятственно.

Графъ Евдокимовъ нашелъ, что наступило время перенести театръ дѣйствій на южный склонъ. 19-го февраля онъ прибылъ къ даховскому отряду; но немедленный переходъ чрезъ перевалъ оказался невозможнымъ за громадными снѣгами. Послали четыре батальона, которые въ двое сутокъ успѣли расчистить тропу на 5 верстъ. 21-го ч. отрядъ высту-

пилъ, но миновавъ расчищенное пространство вынужденъ былъ на каждомъ шагу останавливаться, прокапываться чрезъ снѣгъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выше сажени, двигаясь съ вьюками лишь шагъ за шагомъ между этими снѣжными стѣнами. Наконецъ, главное было сдѣлано: перевалъ (въ этомъ мѣстѣ весьма невысокій, впрочемъ) пройденъ и войска, сдѣлавъ за весь день 8 верстъ, спустились въ ущелье Туапсе. 22-го ч. прошли ниже 12 верстъ и ночевали по обѣимъ берегамъ рѣки, а 20-го прибыли къ бывшему укр. Вельяминовскому, на берегу моря. 24-го сентября приступили къ разработкѣ дороги вверхъ по ущелью, правымъ берегомъ Туапсе.

Движеніе отрядовъ было для горцевъ неожиданостью, сборовъ никакихъ не было и только мелкія шайки изъ ближайшихъ, отступившихъ на южный склонъ жителей провожали кое гдѣ войска выстрѣлами, которыми у насъ 2 человѣка убиты и 1 раненъ. Но результатомъ появленія войскъ въ Вельяминовскомъ была явка всѣхъ шапсуговъ съ безусловной покорностью. Имъ данъ короткій срокъ для выхода изъ ущелій на морской берегъ, а желающимъ возвратиться и жить на Лабѣ выдавались билеты; но такихъ было очень мало. На берегу въ нѣсколько дней собрались громадные таборы въ нѣсколько десятковъ тысячъ душъ, ожидавшихъ судовъ для отплытія въ Турцію. Чтобы облегчить ихъ тяжелое положеніе, при развившихся болѣзняхъ, и сократить время пребыванія въ ненастную погоду на берегу моря, наняты были пароходы; однако бѣдствій пришлось черкесамъ перенести въ эти дни не мало, а турецкія кочермы, занимавшіяся перевозкой, по своей тѣснотѣ, грязи, по алчности ихъ владѣльцевъ, набиравшихъ двойное число людей, чѣмъ судно могло вмѣстить, наконецъ жалкое турецкое правительство и его продажные агенты, не принявшіе никакихъ мѣръ къ встрѣчѣ и водворенію переселенцевъ, все это удесятерило бѣдствія и было поводомъ громадной смертности несчастной легковѣрной толпы; тифъ и оспа свирѣпствовали безпощадно...

Въ это же самое время западнѣе дѣйствовалъ джубскій отрядъ, который перешелъ чрезъ хребетъ въ долину Шапсухо и въ устьяхъ ея занялъ бывшее береговое укрѣпленіе Тенгинское.

До 4-го марта даховскій отрядъ работалъ дорогу и устроилъ посты Вельяминовскій и вблизи его Черноморскій; а затѣмъ генералъ-маіоръ Гейманъ открылъ наступленіе къ Псезуапе и 5-го марта пополудни безъ выстрѣла занялъ бывшій фортъ Лазаревъ. Сами старшины ближайшихъ ауловъ выѣхали къ Гейману, сознали совершенную безплодность дальнѣйшей борьбы, просили не трогать ихъ и дозволить уйти въ Турцію, что, само собою, имъ и было разрѣшено.

Оставивъ въ бывшемъ укрѣпленіи Лазаревскомъ 3 бат. для устройства поста, Гейманъ съ остальными войсками, раздѣленными на двѣ колонны, двинулся берегомъ и горами назадъ для очищенія мѣстности отъ туземнаго населенія, и 9-го числа прибылъ въ Вельяминовское; а 10-го ч. пошелъ съ тою же цѣлью вверхъ по Туапсе, въ ущелья Пшенахъ и Ахипсе; 12-го числа двинулись мелкія колонны въ разныя боковыя ущелья, уничтожая вездѣ брошенные жителями аулы и запасы, чтобы отнять у нихъ возможность возвращаться съ морского берега въ свои жилища и, формируя шайки, безпокоить наши сообщенія. Многіе черкесы дѣйствительно ушли изъ таборовъ расположенныхъ на берегу и не замѣтно пробрались въ Тубу, къ хакучамъ, а кое гдѣ въ другія трущобы, такъ что этотъ сбродъ еще долго держалъ насъ на тревожномъ положеніи и мѣстнымъ войскамъ не мало пришлось принести жертвъ, пока ихъ вполнѣ и окончательно уничтожили, или выгнали въ Турцію. Остатки Тубы, напримѣръ, были еще поводомъ кроваваго происшествія, которое я разскажу здѣсь какъ образчикъ этой войны.

Предполагая что въ Тубѣ осталось не много скрывшихся горцевъ, начальникъ ближайшей кордонной линіи составилъ небольшую партизанскую команду, изъ 66-ти пѣшихъ и 30-ти конныхъ казаковъ вновь поселеннаго № 26 полка и поручилъ ее лихому боевому офицеру сотнику Дугину. Тотъ и отправился въ Тубу. Подойдя къ самымъ вершинамъ и убѣдясь въ безполезности конныхъ казаковъ, Дугинъ отослалъ ихъ назадъ въ станицу Самурскую, а съ пѣшими пошелъ дальше. Въ виду открывшихся ауловъ, онъ раздѣлилъ свою команду на три части, чтобы охватить разомъ съ трехъ сторонъ жи-

лица горцевъ, и тронулся смѣло впередъ. Вдругъ, совершенно неожиданно, казаки были встрѣчены многочисленнымъ непріялемъ, не менѣе 300 человѣкъ, открывшимъ изъ-за кустовъ и т. п. прикрытій сильный огонь. Раздѣленныя глубокими оврагами, наши маленькія команды лишены были возможности поддерживать другъ друга и, имѣя съ первыхъ выстрѣловъ уже нѣсколько раненыхъ, вынуждены были отступить; горцы этимъ воспользовались и насѣли на нихъ съ ожесточеніемъ. Не видя возможности дальнѣйшаго движенія, безъ оставленія на жертву всѣхъ раненыхъ, Дугинъ рѣшился скрыться въ бывшую въ вблизи дороги пещеру, чтобы тамъ отсиживаться до прихода помощи. На первыхъ же порахъ самъ Дугинъ, его помощникъ хорунжій Саблуцкій были убиты, за старшаго остался казакъ Евтушенко; горсть казаковъ въ теченіи 4-хъ сутокъ, безъ пищи и воды, держалась противъ нѣсколькихъ сотъ черкесовъ, стороживших обреченныя имъ жертвы. Изъ нѣсколькихъ человѣкъ, рѣшившихся ночью пробраться, чтобы дать знать на линію о происшествіи, только одному удалось это, остальные погибли. Наконецъ явилась помощь и выручила остатокъ уже полуживыхъ казаковъ. Изъ 66 человѣкъ, кромѣ обоихъ офицеровъ, убиты 23 и ранены 16.

Во время движенія легкихъ колоннъ отъ Вельяминовскаго, въ одномъ изъ ущелій завязалась перестрѣлка съ цѣпью Кабардинскихъ стрѣлковъ и тутъ впервые встрѣтили мы новаго непріятеля въ лицѣ хакучей—неизвѣстнаго до сего времени племени. По подробнымъ распросамъ оказалось, что это небольшое общество, живущее въ самыхъ недоступныхъ горныхъ трущобахъ истоковъ Псезуапе, никогда никому не подчинявшееся, враждовавшее почти постоянно и съ шапсугами и съ убыхами, которые нѣсколько разъ пытались силою заставить ихъ удовлетворить справедливыя претензіи за грабежи, укрывательство у себя бѣглыхъ холоповъ и преступниковъ, но безъ успѣха. Пользуясь мѣстностью и усиливаясь постояннымъ притокомъ разнаго сброда со всѣхъ горъ Западнаго Кавказа, хакучи упорно отстаивали свою полную независимость и были въ глазахъ самихъ черкесъ какой-то шайкой дикарей-разбойниковъ. Въ религіозномъ отношеніи—они представляли какую

то смѣсь христіанства, мусульманства и язычества; обычаи, нравы и языкъ у нихъ были своеобразны, тоже смѣсь разныхъ черкесскихъ нарѣчій съ собственно ими изобрѣтеннымъ. Вообще эти хакучи на Западномъ Кавказѣ представляли нѣкоторое подобіе хевсуръ на Восточномъ,—послѣдніе въ верховьяхъ Аргуна и его притоковъ,—о которыхъ уже упомянуто въ первомъ томѣ настоящей исторіи, при описаніи экспедиціи 1813 года.

Въ теченіе девяти дней генералъ-маіоръ Гейманъ очистилъ все пространство между Туапсе и Псезуапе отъ ауловъ; шапсуги безъ остатка вышли на берегъ моря для отплытія въ Турцію. Остались только хакучи, но къ нимъ нельзя было въ это время года пробраться и потому отложили дѣло до болѣе благопріятнаго времени.

Даховскому отряду предстояли теперь дѣйствія на р. Шахе, въ землѣ убыховъ, гдѣ по полученнымъ свѣдѣніямъ, молодежь, призвавъ на помощь сосѣднее общество Ахчипсху (самое восточное изъ Западно-Кавказскихъ, прилегающее уже къ Абхазіи и Цебельдѣ) рѣшилась оказать намъ упорное сопротивленіе, для чего избрали крѣпкую позицію при устьи р. Гадликъ и укрѣпляли ее.

Чтобы не дать имъ времени усилиться новыми сборами и увлечь, пожалуй, часть шапсуговъ съ береговъ моря, генералъ Гейманъ рѣшился не откладывать движенія къ Шахе. Прибывъ 15-го марта опять въ Лазаревскій фортъ, пополнивъ продовольственные и другіе запасы отряда изъ прибывшей шхуны, онъ 18-го марта выступилъ тремя колоннами. Подойдя одновременно къ непріятельской позиціи, войска были встрѣчены сильнымъ огнемъ, но батальоны Севастопольскаго и недавно сформированнаго Бакинскаго полковъ, скинувъ ранцы, бросились въ атаку съ фронта, Кабардинскіе и Самурскіе стрѣлки ударили также во флангъ, а третья колонна между тѣмъ обходила позицію горцевъ, чтобы выйти имъ въ тылъ. Непріятель поспѣшно оставилъ занятый имъ аулъ и засѣлъ въ устроенные въ тылу его завалы, но мгновенно атакованные и здѣсь, горцы, послѣ упорнаго сопротивленія, вынуждены были бѣжать. Часть ихъ бросилась въ горы, а большинство къ берегу моря, изъявляя покорность и прося пощады. Потеря наша

ограничилась 1 убитымъ офицеромъ и 7 нижнихъ чиновъ, ранеными 1 офицеръ и 14 нижнихъ чиновъ. Это были послѣднія жертвы войны на Западномъ Кавказѣ.

19-го марта отрядъ продолжалъ движеніе къ Шахе и Гейманъ былъ встрѣченъ всѣми убыхскими почетнѣйшими старшинами, съ 300 всадниками, составившими его конвой, въ сопровожденіи которыхъ онъ и достигъ бывшаго форта Головинскаго. Такъ пало и послѣднее сопротивленіе! Покорились гордые убыхи, никогда еще непризнававшіе нашей власти, бывшіе главными вожаками всѣхъ враждебныхъ противъ насъ дѣйствій, игравшіе первую роль въ народныхъ собраніяхъ, въ депутаціяхъ къ турецкому султану, къ лондонскимъ покровителямъ. Мы опять вступили въ развалины укрѣпленій, брошенныхъ десять лѣтъ тому назадъ, во время Севастопольской борьбы, и горцы наконецъ вполнѣ убѣдились въ несбыточности химерическихъ надеждъ, въ гнусномъ обманѣ ихъ «друзей», доведшихъ ихъ до крайняго положенія.

Велики были жертвы Россіи; но результаты достигнуты прочные. Берегъ моря былъ опять занятъ, но уже не такъ, какъ въ 1830-хъ годахъ, когда мы владѣли только тѣмъ клочкомъ земли, на которомъ стояло укрѣпленіе, когда гарнизонъ былъ въ безпрерывной осадѣ, не имѣя другого сообщенія, кромѣ морскаго, а горцы оставались независимыми на своихъ мѣстахъ и могли безнаказанно истреблять брошенный на жертву имъ, на жертву климата и тоскливаго «безвыходнаго» существованія небольшія части черноморскихъ прибрежныхъ гарнизоновъ. Теперь этого непріятеля не существовало, онъ былъ покоренъ и удаленъ, а на его мѣстахъ появилась русская колоннизація, и не берегъ моря только, но и хребетъ горъ по обоимъ склонамъ, и вся плоскость на сѣверѣ, были уже прочно въ нашихъ рукахъ. Оставалось мирнымъ трудомъ, устройствомъ путей сообщенія, развитіемъ каботажа и проч. упрочить дорогія завоеванія.

За все это послѣднее время на южномъ склонѣ, кромѣ дѣлъ 10 марта, даховскій отрядъ потерялъ еще 10 человѣкъ ранеными, 1 утонулъ, 3 погибли, сорвавшись съ кручъ, 2

пропали безъ вѣсти. Утонули и сорвались съ кручъ болѣе 60 лошадей.

Дѣло 18 марта и покорность убыховъ навели ужасъ на все населеніе, остававшееся въ горахъ на южной покатости хребта и не терявшее надежды какъ нибудь отсидѣться, переждать грозу и избѣжать переселенія. Они увидѣли, что каждый день промедленія можетъ только привести къ ухудшенію ихъ участи и потому разомъ отказались отъ всякихъ чаяній, бросились къ морскому берегу и въ порывѣ какой-то паники, или, вѣрнѣе, отчаянной рѣшимости скорѣе уйти—бросались въ первую попавшуюся кочерьму или фелуку, стараясь на перерывъ попасть первыми, тѣснились въ суетливомъ ужасѣ, какъ будто бы за ними гнался кто нибудь по пятамъ...

Пользуясь такимъ настроеніемъ населенія, генералъ Гейманъ 22 марта устроилъ на Шахе мостикъ и началъ переправлять пѣхоту, (конница и вьюки въ бродъ) чтобы не теряя времени двинуться въ центръ земли убыховъ и предупредить возможность колебаній съ ихъ стороны. Погода была ужасная, проливные дожди подняли всѣ горныя рѣчки до громадныхъ размѣровъ, переправы становились едва возможными, опасными и стоили всякій разъ нѣсколькихъ погибшихъ лошадей. Въ этотъ день успѣли отойти только 4 версты отъ Головинскаго форта, какъ уже стемнѣло и должны были остановиться на ночлегъ.

23 числа генералъ Гейманъ двинулъ отрядъ тремя колоннами и достигъ Варданэ, 24 — пришли на рѣчку Дагомызъ, а 25—къ устью Сочи, въ бывшее укрѣпленіе Навагинское. Убыхи сдержали слово, не сдѣлали ни одного выстрѣла и спѣшили уходить къ берегу моря. Вслѣдъ за ихъ уходомъ аулы сжигались.

На Дагомызѣ явился къ Гейману главный предводитель всѣхъ партій, дѣйствовавшихъ въ послѣдніе годы противъ насъ, нападавшій на укрѣпленія, станицы и проч. Это былъ Хаджи-Догамуковъ, нерѣдко ѣздившій и въ Константинополь, послѣдній изъ черкесскихъ могиканъ.

Въ то время какъ здѣсь происходили эти событія, въ Поти собирался особый отрядъ отъ гренадерской дивизіи, съ

которымъ Великій Князь главнокомандующій предполагалъ произвести десантъ къ Убыхскимъ берегамъ, для совмѣстныхъ съ войсками Кубанской области дѣйствій. Получивъ извѣстіе о дѣлѣ 10-го марта и вступленіи даховскаго отряда уже на Сочу, Его Высочество взялъ съ собою двѣ роты стрѣлковъ и на яхтѣ «Тигръ» прибылъ къ укр. Навагинскому 2-го апрѣля, гдѣ былъ встрѣченъ прибывшимъ туда двумя днями раньше чрезъ горы графомъ Евдокимовымъ. Путешествіе графа по обледѣнѣлымъ тропинкамъ, по поясъ въ снѣгу, во многихъ мѣстахъ пѣшкомъ, чрезъ хребетъ въ самое ужасное время года, было тоже не малымъ подвигомъ для человѣка его лѣтъ. Подъѣхавъ къ выстроившемуся для его встрѣчи даховскому отряду, 30-го марта, графъ Евдокимовъ, снявъ фуражку, обратился къ войскамъ съ слѣдующими словами: «снимаю шапку и низко преклоняю мою сѣдую голову предъ вами, героями. Не мнѣ благодарить васъ за такіе ваши труды и подвиги. Государь Императоръ и Россія скажутъ вамъ свое спасибо».

И дѣйствительно, это были *труды* и *подвиги*, въ самомъ обширномъ значеніи этого слова. Только тотъ кто участвовалъ въ такихъ походахъ, кто многіе годы изо дня въ день несъ такую службу, кто голодалъ, мерзъ, срывался съ кручъ, на ногахъ имѣлъ какіе то перевязанные веревочками обрывки обуви, а на плечахъ рваную одежду, можетъ понять всю богатырскую мощь русскаго воина, всю ту силу его духа, которую онъ проявилъ на Кавказѣ въ теченіе столѣтія! Образчикъ подобныхъ трудовъ и подвиговъ мы видѣли недавно при зимнемъ переходѣ чрезъ Балканы,—слѣдовательно судей у насъ много.

Вмѣстѣ съ войсками встрѣтили покорителя толпы убыховъ, шапсуговъ, джигетовъ, ахчипсхувцовъ, заявлявшихъ о подчиненіи нашимъ требованіямъ, о готовности переселяться и просившихъ прекратить противъ нихъ враждебныя дѣйствія. Имъ дали мѣсяцъ срока для отплытія и чтобы облегчить имъ это, были наняты пять пароходовъ. Дѣло выселенія болѣе 250 тысячъ душъ черкесовъ въ Турцію было сопряжено съ большими затрудненіями и издержками для насъ, но въ подроб-

ности этой операціи я не могу входить: это предметъ уже со всѣмъ не имѣющій отношенія къ настоящему труду.

Война была окончена. Если въ 1859 году князь Барятинскій могъ телеграфировать Государю, что Кавказъ покоренъ отъ Военногрузинской дороги до моря Каспійскаго, то въ 1864 г. Великій Князь Михаилъ Николаевичъ могъ телеграфировать, что Кавказъ покоренъ отъ моря Чернаго до моря Каспійскаго.

21-го мая, послѣ того какъ гренадерскій отрядъ высадился въ Сухумѣ и двинулся тоже въ землю ахчипсхувцев и убыховъ, разсѣявъ мелкія бродячія шайки, въ общемъ лагерѣ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ и Его Высочество обратился къ кавказскимъ войскамъ съ слѣдующимъ приказомъ: «Съ чувствомъ искренней радости и уваженія къ доблести вашей, поздравляю васъ войска Кавказской арміи съ покореніемъ Западнаго Кавказа и окончаніемъ Кавказской войны.

«Своимъ мужествомъ въ бояхъ, своею безпримѣрной твердостью въ перенесеніи тяжелыхъ трудовъ и лишеній, сослужили вы Государю и отечеству великую службу: ни ужасы дикихъ, недоступныхъ горныхъ убѣжищъ, ни отчаянное сопротивленіе обитателей ихъ, ни суровая стужа, ни палящій зной, ничто не остановило васъ,—все преодолѣвали вы въ теченіе многихъ лѣтъ, не слабѣя духомъ, запечатлѣвая потомъ и кровью каждый шагъ,—и достигли цѣли!

«Слава Всевышнему, увѣнчавшему ваши усилія. Слава и признательность отечества вамъ, покорители Кавказа! Вѣчная память павшимъ товарищамъ вашимъ, недождавшимся настоящей радостной, великой минуты».

Въ Бозѣ почившій Императоръ, жалуя за окончаніе войны Великому Князю орденъ св. Гергія 2-го класса и алмазную саблю, собственноручно писалъ: «этими двумя наградами Я хотѣлъ въ лицѣ твоемъ почтить всю славную Кавказскую армію и увѣренъ, что молодцы наши такъ ихъ и примутъ».

За покореніе Западнаго Казказа всѣмъ участникамъ пожалована такая же серебрянная медаль какъ и за покореніе Восточнаго. Кромѣ того Государь учредилъ особый крестъ «за

службу на Кавказѣ», для всѣхъ лицъ безъ различія чиновъ и званій когда либо участвовавшихъ въ военныхъ дѣйствіяхъ и походахъ кавказскихъ; крестъ этотъ пристегивался на лѣвой груди въ видѣ звѣзды. Нашимъ стрѣлковымъ ротамъ пожалованы *серебрянные рожки*. Вообще же Кабардинскій полкъ за послѣдніе четыре года, какъ за дѣла при усмиреніи возстаній въ Чечнѣ, такъ и за войну на Западномъ Кавказѣ, былъ щедро награжденъ; всѣ свѣдѣнія, какія я могъ собрать въ архивѣ главнаго штаба, помѣщаются въ примѣчаніи, но онѣ не полны, особенно въ отношеніи гласныхъ георіевскихъ крестовъ, пожалованныхъ разновременно Его Высочествомъ нижнимъ чинамъ *).

Послѣдній, заключительный эпизодъ вѣковой борьбы былъ—одолѣніе хакучей. Гейманъ съ даховскимъ отрядомъ двинулся къ нимъ тремя колоннами, съ великими затрудненіями проникъ въ центръ ихъ поселеній, построилъ тамъ укрѣпленіе, нѣсколько постовъ и разработалъ дорогу; охотничьи команды, какъ за хищными звѣрями, еще долго гонялись за этими дикарями, гнѣздившимися въ разныхъ горныхъ трещинахъ и пещерахъ, пока наконецъ ихъ выжили въ Турцію, а частью истребили.

---

*) Слѣдующіе чины: подпоручику Калмыкову, прапорщикамъ: Тимошенкѣ, Лосицкому, Львовскому, Иванову 2-му, Котоврасову, Дьячкову-Тарасову; маіору Граббе, капитану Щелкачеву, штабсъ-капитану Щелкачеву, капитану Никитину, подпоручику Ничо, прапорщикамъ: Шеллину, Жирякову, унтеръ-офицерамъ: Макарову, Лазаревскому, Рыжкову, Алейникову; юнкерамъ: Людкевичу, Костину, подпоручикамъ: Козловскому, Плещееву, капитану Козловскому Гернету, прапорщику Козловскому, поручикамъ Козловскому, Салькову, подпоручику Пржедпельскому.—Станислава 2-й ст. подполковнику Муравьеву, маіору Щелкачеву, 3-й степени, поручикамъ: Михайлову, Салькову, подпоручику Шелеметеву, прапорщикамъ: Гедеванову, Курбатову, Бачковскому, Миловидову, лекарю Финну, Прусскій краснаго орла 3-й ст. подполковнику Адлеру, 4-й ст. подполковнику Граббе, золотая сабля ему же, и подполковнику Данилевскому, Анна 3-й ст. капитану Васильковскому, поручику Шелеметеву, подпоручику Валуйскому, лекарю Финну, Владиміра 4-й ст. поручику Плещееву, Анну 2-й ст, маіору Вороновичу, той же ст. съ короной маіору Ноздрачеву. Нижнимъ чинамъ 164 георгіевскихъ крестовъ. Вообще же за подвиги и особое мужество во время Кавказской войны, въ 1868 г. *пожалованъ* первымъ 4-мъ батальонамъ полка *гренадерскій* бой.

Всѣ войска, находившіяся въ Кубанской области изъ другихъ раіоновъ, были отправлены къ своимъ частямъ, для приведенія въ мирный составъ. Великая, безконечная война достигла своего предѣла; для Кавказа наступили мирныя времена и новый образъ жизни для полковъ. Имъ предстояло работать по устройству своихъ штабъ-квартиръ, по проведенію въ краѣ дорогъ, по охраненію спокойствія и заняться своимъ строевымъ образованіемъ—предметъ, бывшій до того въ совершенномъ почти небреженіи, за недостаткомъ времени.

Съ возвращеніемъ батальона стрѣлковъ къ полку, послѣдуемъ и мы за нимъ и взглянемъ, что происходило за время его отсутствія въ Хасавъ-юртѣ и вообще въ раіонѣ расположенія Кабардинскаго полка.

Прежде всего нужно упомянуть, что въ апрѣлѣ 1864 г. полкъ получилъ новаго командира въ лицѣ полковника Экельна. И. А. Клингеръ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ другимъ назначеніемъ, а впослѣдствіи вышелъ въ отставку. Періодъ его командованія совпалъ уже почти съ окончаніемъ войны на Восточномъ Кавказѣ, когда мюридизмъ умиралъ, такъ сказать, въ послѣднихъ своихъ судорогахъ и когда вмѣсто подвиговъ боевыхъ настала для полка мирная работа. Полковникъ Клингеръ немало сдѣлалъ для улучшенія штабъ-квартиры полка—Хасавъ-юрта. Благодаря его почину и содѣйствію, частными пожертвованіями устроилась тамъ школа для мальчиковъ—дѣтей солдатъ; въ нѣсколько мѣсяцевъ возвели особое зданіе, снабдили всѣмъ нужнымъ и 1-го ноября 1860 г. открыли школу; это было благодѣяніе для женатыхъ солдатъ, весьма заботившихся дать своимъ дѣтямъ какое нибудь образованіе и жертвовавшихъ на это свои нищенскіе достатки. Онъ обратилъ серьезное вниманіе на санитарное положеніе Хасавъ-юрта, отличавшагося сильною болѣзненностью; госпиталь былъ всегда переполненъ и въ половинѣ 1859 года, когда Клингеръ вступилъ въ командованіе, въ немъ было до 1,700 больныхъ. Убѣдясь во вредномъ вліяніи расположенія Донскаго казачьяго полка съ 900 лошадей внутри форштата, при чемъ никогда не вывозившійся навозъ образовалъ цѣлую гору въ 2 саж. вышины и 150 саж. протяженія, Иванъ Андреевичъ распорядился выве-

сти казаковъ за форштатъ, все очистить, улицы и площади, пользуясь пожарами, расширить и вымостить, на частныя пожертвованія провести хорошую воду изъ р. Акташа, съ устройствомъ пяти бассейновъ и 2-хъ фонтановъ, торжественно освященныхъ и открытыхъ въ томъ же ноябрѣ мѣсяцѣ; результаты оказались благотворными, число больныхъ до того уменьшилось, что госпиталь перечислили въ низшій разрядъ, а мысль о переводѣ штабъ-квартиры въ Кишень-Аухъ была оставлена.

Я уже упоминалъ, что съ командованія полкомъ князя Барятинскаго произошла довольно замѣтная перемѣна въ образѣ жизни общества офицеровъ. Прежніе безшабашные кутежи, преобладаніе забубенныхъ головъ, незнавшихъ середины между боевою жизнью отрядовъ и попойками въ казачьихъ станицахъ, съ примѣсью нѣкотораго цинизма, стали замѣняться болѣе приличными собраніями и попойками, невыходившими изъ совершенно естественныхъ порядковъ кутежей, свойственныхъ военной молодежи того времени вообще, а кавказской, по условіямъ ея жизни, въ особенности. Частые вечера у князя съ дамами, иногда пріѣзжими изъ Владикавказа, невольно заставляли молодежъ умѣрять размахи широкихъ натуръ, обратить вниманіе на свои манеры и костюмы, въ которыхъ проявилось не только приличіе, но даже щегольство, послѣ того какъ въ теченіе долгаго времени большинство уже слишкомъ небрежно относилось къ платью и ходило въ фантастическихъ походныхъ нарядахъ.

Разъ данный въ этомъ направленіи толчекъ продолжалъ дѣйствовать и при всѣхъ послѣдующихъ командирахъ, изъ которыхъ никто не былъ монахомъ, никто не отказывался отъ веселья, и отъ кутежа, иногда такого, что «небу жарко становилось», но не часто и съ соблюденіемъ границъ приличія и порядочности. При И. А. Клингерѣ, человѣкѣ весьма мягкого характера, скромномъ, не отличавшемся наклонностью къ «гулянію» временъ Козловскаго, прогрессъ въ этомъ отношеніи, само собою, еще болѣе подвинулся. Кутежи стали легендарными преданіями, а веселились уже по общезаведеннымъ обычаямъ, карты потеряли всякое значеніе и даже коммерческія игры составлялись рѣдко, фантастическіе костюмы вы-

велись, каждую недѣлю танцовали въ клубѣ, устраивались пикники и т. п., завели хорошую библіотеку, начали больше читать. Вообще И. А. Клингеръ оставилъ по себѣ память симпатичнаго, добраго человѣка, весьма заботливаго о своей части, входившаго въ положеніе подчиненныхъ. Самъ пройдя службу съ молодыхъ лѣтъ во фронтѣ, затѣмъ въ разныхъ штабныхъ должностяхъ, командуя стрѣлковымъ батальономъ, наконецъ полкомъ, онъ былъ хорошо знакомъ съ условіями быта офицеровъ и солдатъ, съ требованіями кавказской службы и могъ потому распоряжаться, не возбуждая ошибками ропота или нареканій. Въ службѣ его нельзя не отмѣтить печальный эпизодъ: въ іюлѣ мѣсяцѣ 1874 года, въ качествѣ состоявшаго по особымъ порученіямъ при ком. войсками Кавказской линіи, Клингеръ былъ командированъ въ г. Кизляръ, для принятія мѣръ противу свирѣпствовавшей тогда холеры, и на почтовой дорогѣ захваченъ чеченскими хищниками въ плѣнъ, гдѣ пробылъ до 1 января 1850 года, 2½ года. Испытанныя за эти долгіе мѣсяцы нравственныя и физическія страданія, сильно отозвались на здоровьи его и были, безъ сомнѣнія, причиной ранняго выхода въ отставку.

Вскорѣ послѣ паденія Шамиля, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Закавказья появилось новое ученіе Зикръ. Ученіе это составляло одно изъ многочисленныхъ толковъ магометанскаго исправительнаго тарриката, издавна существовавшихъ въ мусульманскихъ государствахъ; но тамъ оно не теряло безвреднаго религіознаго характера, а у насъ тотчасъ приняло политическую окраску, давая злонамѣреннымъ честолюбцамъ средства возбуждать фанатизмъ, соединить мусульманское населеніе въ компактныя массы, съ цѣлью ниспровергнуть русскую власть.

Впервые ученіе Зикры обнаружилось въ Кубинскомъ уѣздѣ, въ южномъ Дагестанѣ, въ 1861-мъ году. Энергическія мѣры прекратили здѣсь первыя проявленія волненія и ученіе проникло въ Шемахинскій уѣздъ, найдя тамъ ревностныхъ поборниковъ. Въ 1862 году въ Терской области появился возвратившійся изъ Мекки андійскій выходецъ Кунта и началъ здѣсь вводить Зыкръ, проповѣдуя, повидимому, совершенно

безвредныя идеи о необходимости постоянно молиться, трудиться, оказывать другъ другу взаимную помощь и даже совѣтывалъ не носить оружія. Обманутое ловкимъ проходимцемъ, мѣстное начальство сочло несправедливымъ и даже вреднымъ предпринимать противъ Кунты строгія мѣры и такимъ образомъ онъ, въ теченіе полутора лѣтъ спокойной дѣятельности, успѣлъ пріобрѣсти въ Чечнѣ до 3 тысячъ послѣдователей и каждый день число ихъ возрастало. Увидавъ себя уже довольно сильными, зикристы скинули маску, измѣнили постнически скромный образъ жизни, стали тѣснѣе соединяться и исполнять различные обряды, возбуждавшіе фанатизмъ. Кунта началъ вводить правильную организацію по образцу Шамиля, назначилъ въ каждый аулъ векилей для наблюденія за точнымъ исполненіемъ послѣдователями предписанныхъ обрядовъ и для пропаганды новаго ученія между жителями еще не принявшими его; надъ нѣсколькими векилями поставилъ наиба (рядомъ съ наибами назначенными русскимъ начальствомъ).

Если читатель вспомнитъ описанное въ первыхъ главахъ втораго тома начало мюридизма, его появленіе въ южномъ Дагестанѣ, его утвержденіе въ Шемахинскомъ уѣздѣ, возвращеніе въ Дагестанъ, яко бы безвинное проповѣдываніе чисто религіозныхъ покаяній, постепенное превращеніе ихъ въ политическую агитацію и т. д., то ему станетъ ясно, что Кунта, Зикра и проч. не составляли новости: совершенно то же содержаніе, тѣ же формы, только названія перемѣнились. Если бы мы лучше знали исторію предшествовавшихъ событій и хотѣли извлекать уроки изъ нея, то первое появленіе Зикра должно было бы вызвать мѣры къ немедленному его подавленію, показавъ горцамъ, что никакими обманчивыми, якобы религіозными проповѣдями насъ провести нельзя и, рискуя даже возбудить тѣмъ на время неудовольствіе, избавили бы и себя, и самихъ туземцевъ отъ печальныхъ послѣдствій. Оставивъ же Кунту свободно дѣйствовать въ теченіе около двухъ лѣтъ, а за тѣмъ, при обнаруженіи очевидно враждебнаго намъ оборота дѣла, употребленіе вялыхъ мѣръ, въ родѣ увѣщаній чрезъ мѣстныхъ муллъ, довели до катастрофы. Первая энергическая мѣра — арестъ Кунты, его брата Мавсура и пяти

векилей, высланныхъ въ Россію, взволновала всю партію, началось возмущеніе, большинство молодыхъ людей въ аулахъ присоединилось къ зикристамъ. Сосредоточившись въ Большой Чечнѣ, въ аулѣ Герменчикъ, усилившись прибывшими изъ Ичкеріи, Качкальковскаго и другихъ наибствъ людьми, партія, силою болѣе 3 тысячъ человѣкъ, уже прямо объявила рѣшимость идти для нападенія на какой нибудь изъ русскихъ населенныхъ пунктовъ.

Послѣ этого ужъ не оставалось ничего болѣе, какъ прибѣгнуть къ ultima ratio, т. е. къ военной силѣ. 14 января 1864 года былъ собранъ отрядъ изъ 6 батальоновъ, (въ томъ числѣ 2-й Кабардинскаго полка) 4-хъ сотень казаковъ съ 4-мя орудіями и двинутъ за Аргунъ. Начальникъ отряда и Чеченскаго округа генералъ-маіоръ князь Тумановъ подошелъ къ аулу Шали, гдѣ сосредоточились возмутители, посылалъ старшинъ уговаривать ихъ разойтись, но они стояли на своемъ требованіи: возвратить Кунту и всѣхъ сосланныхъ, а въ противномъ случаѣ будутъ сражаться. Князь Тумановъ, подъ предлогомъ *сближенія съ провіантскими запасами*, отступилъ къ Бердыкелю и, во избѣжаніе невыгоднаго боя на походѣ, построилъ весь отрядъ въ каре, въ ротныхъ колоннахъ... Чеченцы приняли это за страхъ предъ ними и 18 января произошло никогда не виданное на Кавказѣ дѣло: три тысячи фанатиковъ ринулись на каре изъ 6 батальоновъ, 4-хъ сотень, при 4-хъ орудіяхъ! Солдаты держали ружья на руку; не приказано было стрѣлять, пока не подасться сигналъ. Подойдя менѣе чѣмъ на сто шаговъ, толпа дала залпъ и съ разныхъ сторонъ бросилась на каре съ обнаженными шашками... Тогда только послѣдовалъ сигналъ открыть огонь и въ нѣсколько минутъ разстроенныя толпы обратились въ бѣгство, потерявъ 164 убитыхъ, въ числѣ коихъ было шесть переодѣтыхъ женщинъ, тѣла которыхъ въ числѣ другихъ остались на мѣстѣ. У насъ убито 8 нижнихъ чиновъ, тяжело ранены 3 офицера и 30 нижнихъ чиновъ.

Скопище, потерпѣвъ это пораженіе, разсѣялось мелкими шайками въ разныя стороны, а масса народонаселенія, хотя въ душѣ сочувствовавшая зикристамъ, не рѣшилась возстать, помня недавній погромъ. Старшины являлись съ выраженіемъ

преданности, готовности исполнять всякія требованія и т. д. Нерѣшительныя дѣйствіи князя Туманова имѣли свою хорошую сторону: онъ показалъ народу весь размѣръ нашего снисхожденія, нашего миролюбія и нежеланія пользоваться безъ крайности своею силою; чеченцы видѣли, что первые выстрѣлы сдѣланы не нами, первыя жертвы были русскіе солдаты и, что наконецъ, мы вынуждены были, уже защищая себя, поразить возмутителей. Рѣшившись же на атаку ихъ въ Шали, мы могли вызвать участіе въ защитѣ аула и массы его населенія, еще не приставшей къ сектѣ, а затѣмъ возстаніе, пожалуй, сдѣлалось бы общимъ. Такъ оцѣнивалъ дѣйствія князя Туманова бывшій тогда начальникъ Терской области М. Т. Лорисъ-Меликовъ. Впрочемъ, зная характеръ кавказскаго населенія и судя по многимъ бывшимъ примѣрамъ, можно придти и къ другому заключенію: если бы 3 тысячъ человѣкъ, вмѣсто припадка безумія, каковымъ было открытое нападеніе на каре, небольшою частью производили демонстраціи и вели переговоры, а сами ночью внезапно ринулись на какую нибудь слабѣе защищенную станицу и разгромили ее, заставивъ отрядъ въ суетахъ спѣшить на помощь, то почти навѣрное можно сказать, вся Чечня была бы увлечена въ возстаніе, а за нею, нѣтъ сомнѣнія, пошли бы и другіе общества въ Аргунскомъ ущельи, въ Андіи и т. д.

Въ Тифлисѣ поняли, что даже послѣ пораженія зикристовъ на полное спокойствіе полагаться нельзя и поспѣшили подкрѣпить Терскую область войсками изъ Закубанскаго края, гдѣ дѣла тогда уже близились къ развязкѣ.

Генералъ Лорисъ-Меликовъ, прибывъ въ Чечню, собралъ старшинъ, рѣшительно потребовалъ выдачи всѣхъ зачинщиковъ, запретилъ Зикру, взялъ подписки, что кромѣ изданныхъ тогда же кадіями правилъ религіозныхъ обрядовъ, никакихъ другихъ никто исполнять и пропагандировать не будетъ, арестовалъ и сослалъ еще девять векилей, поставленныхъ Кунтою, и водворилъ совершенное спокойствіе въ краѣ.

Происшествіе это было поводомъ совершенно неожиданнаго изъявленія чеченцами желанія послѣдовать примѣру черкесовъ и выселиться въ Турцію. Само собою, мы поспѣшили оказать

имъ къ тому полное содѣйствіе и, какъ только послѣдовало согласіе турецкаго правительства, до 5,000 семействъ двинулись изъ разныхъ чеченскихъ обществъ чрезъ Грузію въ Турцію. Вмѣстѣ съ ними отправился и генералъ-маіоръ Муса-Кундуховъ, должно полагать, неудовлетворенный въ своихъ честолюбивыхъ видахъ и въ надеждѣ достигнуть ихъ скорѣе въ Турціи, а можетъ быть и по религіознымъ убѣжденіямъ. Для удобства слѣдованія, переселенцевъ раздѣлили на 28 партій, давали имъ на ночлегахъ топливо, отводили пастбища, даже отпускали казенный фуражъ и всѣ они съ изъявленіемъ величайшей благодарности перешли границу. Но тутъ и начались сейчасъ же ихъ бѣдствія, совершенно естественныя въ странѣ, съ такимъ правительствомъ какъ турецкое. Ничего изъ обѣщаннаго не оказалось въ готовности; мѣста для поселенія, согласно условію съ нами заключенному, должны были быть далеко отъ русской границы, а ихъ задержали въ Карскомъ и Ванскомъ пашалыкахъ; время уходило, мѣстъ неуказывали, явился недостатокъ въ продовольствіи людей и скота, постоянныя во всемъ затрудненія и увертки. Кончилось тѣмъ, что чеченцы взбунтовались и ринулись назадъ, въ Россію, къ гяурамъ... Паши выслали войска, дѣло дошло до картечи, нѣсколько десятковъ людей пало и несчастную орду погнали назадъ, поселивъ гдѣ то за Эрзерумомъ. На этомъ переселеніе чеченцевъ кончилось, охотниковъ больше не оказалось.

Послѣ этого эпизода, для полка настала уже на нѣсколько лѣтъ совершенно мирная жизнь. Батальоны работали дороги по Хулхулау въ Ведень, отъ Грозной до Хасавъ-юрта, отъ Кумыкской плоскости на Буртунай, возводили въ Хасавъ-юртѣ и другихъ мѣстахъ постройки, лѣтомъ собирались близъ Грозной или Воздвиженской въ учебные лагери.

Въ 1866 году, хотя въ двухъ мѣстностяхъ Кавказа и вспыхнули возстанія—одно въ Кайтахѣ, другое въ Абхазіи,—но въ Терской области это не отозвалось, спокойствіе здѣсь не нарушалось, энергическимъ подавленіемъ вспышекъ не дали пламени распространиться.

Въ теченіи шести лѣтъ командованія полковниковъ Экель-

на*) и съ декабря 1867 года Батьянова **) мирное, гарнизонное существованіе полка непрерывалось. Послѣ цѣлаго столѣтія не прекращавшейся боевой жизни, Кабардинскій полкъ наконецъ тоже попалъ въ число мирныхъ; но не на долго: Россіи ужь такая судьба, что въ какомъ нибудь углу ея дерутся... Въ 1870 году полкъ долженъ былъ дать двѣ усиленныя роты (5-ю и 7-ю) для отправленія за Каспійское море. Это обстоятельство и заставляетъ насъ перенестись на совершенно новый театръ дѣйствій.

---

*) Характеристику его читатель найдетъ въ приложенномъ ко II тому «Спискѣ полковыхъ командировъ».

**) Тоже и о Батьяновѣ.

XXIV.

Обстоятельства вызывавшія русское движеніе въ Закаспійскій край.—Занятіе Красноводска и дальнѣйшія событія вслѣдствіе возмущенія на Мангишлакѣ.—Отношенія къ Хивѣ.—Рекогносцировки полковника Маркозова.—Нападеніе ахалъ-текинцевъ.—Ихъ временное смиреніе и возможность занять ихъ оазисъ.—Движеніе колонны за Атрекъ. — Враждебныя дѣйствія хивинскаго хана.—Экспедиція въ Хиву.—Походы колонны Маркозова до Ортакую.—Встрѣченныя ею препятствія.—Неожиданно-страшный зной и недостатокъ воды.—Соображенія о дальнѣйшемъ движеніи.—Рѣшеніе отступить. — Возвращеніе въ Красноводскъ.—Отзывы генерала Маркозова о Кабардинцахъ.

Положеніе наше въ Средней Азіи, вызвавшее занятіе въ 1869 году восточнаго берега Каспійскаго моря (Красноводскъ) и посылку туда кавказскихъ войскъ, составляетъ, если можно такъ выразиться, дѣло находящееся въ производствѣ, и потому объ немъ, по весьма понятнымъ причинамъ, невозможно говорить съ такою подробностью, какъ о Кавказской войнѣ—дѣлѣ оконченномъ и «сданномъ въ архивъ». Къ тому же, самъ я въ тѣхъ краяхъ не былъ, разсказовъ участниковъ почти не слышалъ и всѣ свѣдѣнія о событіяхъ почерпнулъ единственно изъ оффиціальныхъ донесеній главныхъ начальниковъ военному министру, слѣдовательно, безъ излишнихъ мелкихъ подробностей, бросающихъ однако не рѣдко свѣтъ на такія стороны дѣла, которыя для характеристики лицъ, или какой-нибудь части войскъ, особенно интересны. Однимъ словомъ, для этихъ дѣлъ возможность «исторіи» еще не наступила.

Такимъ образомъ, я долженъ ограничиться лишь самымъ краткимъ изложеніемъ — какъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ посылкѣ ротъ Кабардинскаго полка за Каспійское море,

такъ и тѣхъ военныхъ происшествій, которыя произошли тамъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ и въ которыхъ принимали участіе Кабардинцы.

Болѣе подробное историческое изложеніе событій остается задачею будущаго. Матеріялы для самого полнаго историческаго труда уже теперь имѣются въ изобиліи и матеріалы такіе солидные, какихъ для Кавказской лѣтописи почти небыло.

Нѣтъ ничего неосновательнѣе, какъ укоренившееся на Западѣ, а отчасти и въ русскомъ обществѣ убѣжденіе, что движеніе Россіи въ глубь Азіи есть единственно послѣдстіе ея завоевательныхъ стремленій, ея ненасытной жажды захватовъ. Кромѣ недостаточнаго знанія всѣхъ обстоятельствъ и условій, сопровождающихъ русское движеніе, не малую роль въ такомъ убѣжденіи играетъ традиціонная, глубоко вкоренившаяся среди западной интелигенціи враждебность къ Россіи, о причинахъ которой здѣсь не мѣсто распространяться. И у себя дома большинство образованнаго общества, однако, тоже вовсе незнакомое съ ходомъ дѣлъ, недоумѣваетъ, зачѣмъ намъ, владѣя и безъ того громадными, рѣдко населенными пространствами, двигаться еще впередъ, овладѣвать пустынными и песчаными степями, а за тѣмъ азіятскими ханствами, съ дикимъ варварскимъ населеніемъ; зачѣмъ навязывать себѣ бремя большихъ расходовъ на содержаніе въ этихъ отдаленныхъ мѣстахъ войскъ, отрывая десятки тысячъ людей отъ полезной работы внутри государства.

Дѣйствительно, эти вопросы вовсе не праздные, а вызывающіе на размышленія. Но какъ только явится возможность изложить подробно и вполнѣ правдиво всѣ предшествовавшія событія, безпристрастный читатель долженъ будетъ согласиться, что иначе Россіи не было возможности поступить, что она вынуждалась къ своему наступательному движенію на Востокѣ неотразимымъ стеченіемъ обстоятельствъ и что если ее можно въ чемъ нибудь упрекнуть, то единственно въ отсутствіи твердости и энергіи въ этомъ движеніи. Всякій разъ, когда ходъ мѣстныхъ событій вызывалъ необходимость сдѣлать шагъ впередъ въ это роковое, безбрежное простран-

ство азіятскихъ степей, высшее правительство рѣшительно противилось этому, опасаясь расширенія предѣловъ государства, разныхъ усложненій во внѣшнихъ отношеніяхъ, столкновеній съ дикой ордой и необходимостью увеличивать войска и расходы; всякій разъ строжайше подтверждалось избѣгать малѣйшаго повода къ столкновеніямъ и необходимости прибѣгать къ силѣ оружія, а стараться мирными средствами улаживать возникающіе споры, даже съ пожертвованіями видимыхъ нашихъ интересовъ. Такимъ образомъ, неизбѣжный шагъ откладывался на нѣсколько лѣтъ, пока дикая орда не доводила дѣла до того положенія, когда ужъ ничего болѣе не оставалось, какъ возвратиться къ мѣрѣ, предлагавшейся нѣсколько лѣтъ прежде... Въ результатѣ была потеря времени, возросшая дерзость хищныхъ ордынцевъ, много потерь людьми, взятыми въ плѣнъ, скотомъ, захваченнымъ барантачами, и достиженіе цѣли съ десятерными средствами и жертвами противъ тѣхъ, которыя были бы достаточны три, четыре года раньше.

Не вдаваясь далеко въ область прошедшаго, достаточно сказать, что съ того дня, какъ мы въ XVIII столѣтіи приняли въ подданство киргизовъ, кочевавшихъ на востокѣ отъ Урала, уже была рѣшена роковая необходимость нашего движенія впередъ. Оренбургская линія не удерживала кочевниковъ отъ нападеній на подвластныхъ намъ киргизовъ, взывавшихъ къ нашей защитѣ. Исподоволь мы дошли до рѣки Эмбы, до сѣверныхъ береговъ Аральскаго моря, до низовьевъ Сыръ-Дарьи. Насъ не оставляли въ покоѣ; проходили годы оборонительной системы дѣйствій, пока крайняя необходимость оградить себя прочнѣе, обезпечить сообщеніе съ занятыми пунктами, обезопасить движеніе торговыхъ каравановъ, наказать и усмирить хищниковъ, не затягивала насъ дальше, тѣмъ болѣе, что въ тѣхъ мѣстахъ безводіе и климатъ дѣлали почти невозможнымъ существованіе постоянныхъ военныхъ постовъ.

Никакое государство, даже самое третьестепенное, не можетъ допустить безнаказаннаго разоренія своихъ подданныхъ, безнаказаннаго нападенія на свои предѣлы, если оно желаетъ сохранить свое достоинство и самостоятельность; тѣмъ болѣе

приходится заботиться объ этомъ такому государству какъ Россія, которая, по своему географическому положенію, на громадномъ пространствѣ примыкаетъ къ Азіи, къ полудикому хищному населенію—питающему уваженіе лишь къ силѣ и презирающему слабость.

Киргизы, туркмены разныхъ родовъ и владѣній, въ теченіе тысячелѣтій считали хищные набѣги, захваты плѣнныхъ, продажу ихъ въ рабство въ Хиву, Бухару, Коканъ и далѣе, своею профессіею, своимъ главнымъ ремесломъ. Одни безпрестанно нападали на наши пограничныя поселенія и на нашихъ мирныхъ кочевниковъ, другіе—на берега Каспійскаго моря, захватывая жителей Оренбургской, Уральской областей и другихъ русскихъ людей, занимавшихся здѣсь рыболовствомъ; ихъ продавали какъ скотъ. И томились эти несчастные въ ужасномъ рабствѣ, большею частью до смерти! Торговые караваны подвергались разграбленіямъ, что задерживало развитіе торговли, отнимая у русской промышленности самые подходящіе для нея рынки дальняго Востока. Что переносила отъ этихъ кочевыхъ разбойниковъ Персія—мы не говоримъ, а между тѣмъ даже и это, повидимому, постороннее для насъ обстоятельство, не могло хотя косвенно не затрогивать нашего вниманія: разоряемыя по южному прибрежью Каспія населенія Персіи составляютъ весьма важный въ будущемъ для насъ торговый и мѣновой рынокъ.

Очевидно, что когда нибудь нужно было положить предѣлъ такому невыносимому положенію и, шагъ за шагомъ, дойти до такихъ границъ, которыя могли бы быть обезпечены прочно; а это становилось возможнымъ только совершеннымъ подчиненіемъ русской власти тѣхъ мѣстностей, которыя извергали свои полчища для хищничества къ нашимъ предѣламъ, правители которыхъ ихъ поддерживали и вмѣстѣ съ тѣмъ волновали подвластныхъ уже намъ своихъ единовѣрцевъ, доводя ихъ часто до возмущеній и безпорядковъ. Кромѣ всѣхъ этихъ причинъ, существуютъ несомнѣнно еще и другія, важныя политическія, обусловливающія значеніе для Россіи прочнаго утвержденія въ Средней Азіи, безъ ежеминутныхъ опасеній быть потревоженною вліяніями какой-либо другой державы.

Стеченіе различныхъ обстоятельствъ послѣ утвержденія нашего въ Туркестанѣ, вызвало необходимость занятія пункта на восточномъ берегу Каспійскаго моря. Выбранъ былъ Красноводскій заливъ, отъ котораго представлялся ближайшій удобный путь для купеческихъ каравановъ въ Хивинскія владѣнія. Въ 1868 году небольшой отрядъ войскъ изъ Дагестана высадился здѣсь, устроилъ укрѣпленіе и рекогносцировалъ окрестности. Начальникъ отряда полковникъ Столѣтовъ нашелъ крайне необходимымъ занять въ двухъ переходахъ отъ Красноводска пунктъ въ Балаханскихъ горахъ, гдѣ обиліе воды и относительно лучшій климатъ представляли преимущества предъ берегомъ моря; къ тому же тутъ, по свѣдѣніямъ, кочевали туркмены іомуды, менѣе другихъ хищные, склонные подчиниться нашей власти и давать намъ перевозочныя средства—одна изъ существеннѣйшихъ заботъ для степныхъ отрядовъ. Занятіемъ Балахана мы прикрывали этихъ кочевниковъ отъ нападеній другихъ туркменскихъ родовъ.

Осуществленіе этого предположенія вынудило послать Красноводскому отряду подкрѣпленіе и туда были отправлены двѣ роты (5-я и 7-я) Кабардинскаго полка. Выбранный въ Балаханахъ пунктъ былъ занятъ и наскоро укрѣпленъ, а для обезпеченія сообщенія съ Красноводскомъ устроенъ небольшой постъ на 30 человѣкъ съ пушкой при Михайловскомъ заливѣ. За тѣмъ производились рекогносцировки то моремъ, то сухимъ путемъ, для ознакомленія съ окрестностями и дорогами; маленькія колонны, въ составѣ одной, иногда двухъ ротъ и 2-хъ—3-хъ орудій, при полусотнѣ казаковъ, обходили степь, не проявляя ни малѣйшей враждебности къ встрѣчавшимся кочевникамъ, не требуя отъ нихъ ничего безплатно. Однако отъ враждебныхъ дѣйствій туркменъ-тэке это насъ не избавило: 20-го октября 1870 г., безъ всякаго повода, они напали на Михайловскій постъ, но послѣ нѣсколькихъ картечныхъ выстрѣловъ отретировались.

Вскорѣ послѣ этого возникли на Мангишлакскомъ полуостровѣ, среди издавна подвластныхъ Россіи киргизовъ-адаевцевъ, волненія. Приставъ ихъ — подполковникъ Рукинъ, съ 40 уральскими казаками отправившійся въ ко-

чевья по службѣ, былъ окруженъ близъ залива Сартанъ; самъ онъ, другіе два казачьи офицера и нѣсколько казаковъ убиты, остальные схвачены и проданы въ Хиву. За тѣмъ адаевцы огромными толпами окружили фортъ Александровскій, занятый со строны Оренбурга еще въ 1846 году, штурмовали его, разорили до тла береговое поселеніе русскихъ рыбаковъ «Николаевское», уничтоживъ всѣ суда, снасти, убивъ и захвативъ въ плѣнъ нѣсколько десяткомъ человѣкъ. Фортъ, защищаемый двумя сотнями пѣшихъ уральскихъ казаковъ, отбилъ однако приступы орды и удержался.

Происшествія эти вынудили отправить на Мангишлакъ подкрѣпленія, и такъ какъ сообщенія моремъ съ Кавказомъ оказались гораздо удобнѣе и скорѣе, чѣмъ степями съ Оренбургомъ, то полуостровъ подчинили кавказскому начальству и къ Александровскому форту послали войска изъ Дагестана, подготовивъ имъ на случай надобности достаточный резервъ, оставшійся на мѣстѣ, въ Дагестанѣ, въ полной готовности отплыть по первому приказанію. Такимъ образомъ для кавказскихъ полковъ совершенно неожиданно открылся новый театръ дѣйствій и вотъ уже 12 лѣтъ онѣ съ него не сходятъ, успѣвъ проявить, какъ увидимъ ниже, и здѣсь всѣ свои доблестныя качества.

Усмиреніе адаевцевъ и введеніе порядка среди взволнованнаго населенія показало самымъ убѣдительнымъ образомъ, что источникъ всѣхъ смутъ Хива. Оттуда исходили подстрекательства, тамъ выдавались награды за каждаго русскаго плѣннаго, за каждую голову убитаго русскаго солдата; оттуда посылались партіи въ нѣсколько сотъ человѣкъ для нападеній на наши мелкіе степные посты, на почтовыя станціи, или для наказанія и разоренія тѣхъ киргизовъ, которые колебались возставать противъ русской власти. Всѣ попытки измѣнить такой, ничѣмъ съ нашей стороны не вызванный враждебный образъ дѣйствій хивинскаго хана—не имѣли успѣха; письма, посылка почетныхъ людей, обѣщаніе торговыхъ выгодъ, увѣщанія не доводить дѣла до крайности и не подвергать Хиву ударамъ могущественнаго государства, все оставалось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Кровавый исходъ экспедиціи Бековича-Черкаскаго въ 1717 году, погибшаго въ Хивѣ совсѣмъ своимъ

шеститысячнымъ отрядомъ, благодаря довѣрчивости къ коварному хану; неудача второй попытки проникнуть туда—въ 1839 году, когда генералъ Перовскій, потерявъ отъ булановъ и морозовъ много людей, вынужденъ былъ вернуться недостигнувъ цѣли,—поселили въ хивинскихъ правителяхъ убѣжденіе въ своей неуязвимости и безсиліи Россіи нанести имъ вредъ. Особенно съ шестидесятыхъ годовъ, когда хану удалось наконецъ уладить свои внутреннія дѣла съ строптивыми туркменами, усилилъ онъ враждебныя предпріятія противъ Россіи и, что особенно замѣчательно, ни взятіе Ташкента, ни пораженіе бухарскаго эмира и шахризябскихъ бековъ, потерявшихъ большую часть своихъ владѣній, на него не дѣйствовали устрашающимъ образомъ, а, напротивъ, какъ бы еще подстрекали и увлекали къ предназначенному судьбою удару.

Главныя начальства Оренбурга, Туркестана и Кавказа приходили къ совершенно-одинаковымъ взглядамъ на счетъ Хивы: пока она не будетъ усмирена и сломлена, спокойствіе и порядокъ въ киргизскихъ степяхъ не достижимы и сообщенія съ Туркестаномъ не обезпечены. И все таки еще мнѣнія противниковъ рѣшительныхъ мѣръ, опасенія усложненій, новыхъ завоеваній и т. п., болѣе дипломатическія соображенія, одерживали верхъ; объ экспедиціи въ Хиву запрещалось и думать.

Лишь въ видахъ могущей въ будущемъ представиться необходимости движенія туда, приказано было начальнику Красноводскаго отряда легкими колоннами изслѣдовать и изучить страну по направленію къ Хивѣ, стараясь при томъ сохранять совершенно мирныя отношенія съ кочевниками-туркменами и, считая рѣку Атрекъ за границу персидскихъ владѣній, избѣгать до крайности ея нарушенія.

На мѣсто полковника Столѣтова начальникомъ войскъ въ Красноводскѣ былъ назначенъ полковникъ Маркозовъ. Въ теченіе сентября, октября и ноября 1871 г., онъ производилъ весьма удачныя рекогносцировки, преимущественно въ направленіи такъ называемой «муравьевской» дороги, къ Сарақамышу, т. е. дороги осмотрѣнной еще въ 1821 году, по приказанію А. П. Ермолаева, капитаномъ генеральнаго штаба Н. Н. Муравьевымъ (Карскимъ). При колодцахъ, составляю-

щихъ въ степяхъ Средней Азіи этапные и опорные пункты, съ которыми должны сообразоваться всѣ движенія и дѣйствія, Маркозовъ на скоро возводилъ полевыя укрѣпленія и, оставляя въ нихъ взводы съ пушкой, двигался дальше. 13 ноября онъ съ двумя ротами Кабардинцевъ, одной Дагестанскаго полка, нѣсколькими саперами и казаками занялъ прибрежный пунктъ Чекишляръ, пройдя въ 11 дней около 250 верстъ совершенно благополучно, безъ усталыхъ и больныхъ. Въ первую же ночь туркмены открыли по лагерю огонь и ранили одного рядоваго.

Устроивъ въ Чекишлярѣ укрѣпленьице, полковникъ Маркозовъ оставилъ здѣсь Кабардинскую роту, а съ остальными 27 ноября въ 4 часа пополудни выступилъ къ Атреку, куда и пришли уже въ полночь, сдѣлавъ 30 верстъ. Рѣка была въ разливѣ верстъ на 10. На лѣвомъ берегу, въ персидскихъ владѣніяхъ, замѣтна была суета между туркменами, произведенная появленіемъ русскихъ войскъ. 28 — колонна прошла еще 26 верстъ къ Гасанъ-Кале, сдѣлавъ такимъ образомъ въ сутки 56 верстъ, безъ отсталыхъ; люди наши были совершенно бодры и готовы встрѣтить врага. Но туркмены явились съ покорностью, и 29 числа колонна возвратилась въ Чекишляръ.

1-го декабря произведена еще рекогносцировка къ Бѣлому Бугру; за тѣмъ обѣ Кабардинскія роты съ 4 орудіями оставлены на зиму въ Чекишлярѣ, а бат. Дагестанскаго полка ушелъ въ Красноводскъ.

Результатомъ этихъ рекогносцировокъ должно было быть знакомство съ страной и опредѣленіе степени возможности движенія кавказскихъ войскъ къ Хивѣ, если бы явилась неотвратимая необходимость. Оставалось еще пройти дальше вверхъ по Атреку, а также и къ Узбою—старому руслу Аму-Дарьи; это уже было отложено до весны 1872 года.

Оставшіяся въ Чекишлярѣ двѣ роты, подчинялись начальнику Астрабадской морской станціи и всю зиму были въ самыхъ мирныхъ отношеніяхъ съ ближайшими туркменами—іомудами.

Въ 1872 году, однако, вмѣсто рекогносцировки по Атреку

къ Асхабаду, для чего были въ Красноводскъ отправлены остальныя три роты 2-го бат. Кабардинскаго полка, рѣшено было ограничиться лишь изслѣдованіями къ сторонѣ Хивы, дабы движеніями по Атреку не возбудить неудовольствія Персіи, могущей обратиться за поддержкой къ Англіи...

13-го сентября полк. Маркозовъ съ двумя ротами Кабардинскаго полка выступилъ изъ Чекишляра, 25-го числа прибылъ въ Топіатанъ, гдѣ присоединились еще 4 роты Дагестанскаго и Ширванскаго полковъ. Съ этой колонной онъ дошелъ до колодцевъ Игды, гдѣ и подвергся вдругъ нападенію туркменъ Ахалъ-тэке. Но ихъ встрѣтили такъ, что эта орда, считавшая себя искони непобѣдимою, бывшая грозой Персіи, бѣжала безъ оглядки, потерявъ не мало убитыми, ранеными и десять человѣкъ, взятыхъ живыми; при этомъ у нихъ отбили 1000 верблюдовъ.

Повернувъ за тѣмъ на Кизилъ-Арватъ, колонна наша прошла чрезъ всѣ попутные текинскіе аулы до Беурмы, наказавъ ихъ за нападеніе и вражду, ни чѣмъ съ нашей стороны не вызванныя, а послѣ, двумя колоннами, по обѣимъ сторонамъ хребта Кюрендагъ, произвела подробную рекогносцировку.

Разгромъ текинцевъ произвелъ повсемѣстное въ Азіи сильное впечатлѣніе и страхъ: въ ихъ оазисъ еще никакой непріятель не проникалъ, ихъ считали непобѣдимыми. Хивинскій ханъ встревожился и послалъ депутацію къ англійско-индійскому правительству, но отъ враждебныхъ дѣйствій противъ Россіи не отказался и грабежи продолжались. Старшины текинскіе явились въ отрядъ, просили прощенія, обвиняли въ нападеніи буйную молодежь, обѣщали впредъ вести себя совершенно миролюбиво, дать къ назначенному сроку верблюдовъ съ проводниками и умоляли возвратить имъ плѣнныхъ. Полковникъ Маркозовъ удовлетворилъ ихъ просьбу, плѣнные были отпущены; но коварные хищники своихъ обѣщаній не исполнили...

Между тѣмъ 5-го ноября ночью большая партія хивинцевъ атаковала другую колонну нашу, (въ которой была Кабардинскаго полка 7-я рота) находившуюся при укрѣпленномъ пунктѣ Джамалъ; но тоже была отбита съ урономъ.

18-го декабря полковникъ Маркозовъ вернулся благополучно въ Чекишляръ, исходивъ въ теченіе болѣе трехъ мѣсяцевъ около 1800 верстъ. Не взирая на чрезвычайные труды, усиленные марши по безводнымъ или съ скверной водой пространствамъ, на тягость возни съ вьючными верблюдами,—дѣло для русскаго солдата совершенно не привычное,—вообще на лишенія, о которыхъ неучастники степныхъ походовъ едва ли могутъ составить себѣ приблизительное представленіе,—войска были бодры, отсталыхъ не было, а больныхъ не болѣе 2%.—Нужно знать, что движенія по пескамъ въ Азіи вовсе не похожи на маршъ военной силы; это въ полномъ смыслѣ слова движеніе каравана въ столько то тысячъ верблюдовъ, тянущійся подъ прикрытіемъ столькихъ то сотень солдатъ, растянутыхъ въ одну нитку на 12—14 верстъ, съ промежутками, образующимися вслѣдствіе паденія вьюковъ и неизбѣжныхъ остановокъ! Такіе походы въ сто кратъ утомительнѣе обыкновенныхъ и даже горныхъ, такъ, что вспоминая всѣ трудности кавказской борьбы, приходится однако отдать справедливость изумительной доблести войскъ, дѣйствующихъ въ Закаспійскихъ степяхъ.

Послѣ описаннаго движенія полковника Маркозова чрезъ оазисъ текинцевъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ понесеннаго наказанія, безъ сомнѣнія, было легко довершить совершенное усмиреніе этихъ разбойниковъ. Съ незначительнымъ усиленіемъ отряда еще нѣсколькими ротами, раннею весною 1873-го года можно было проникнуть до крайняго восточнаго пункта ихъ поселеній и утвердиться въ плодородномъ оазисѣ, могущемъ обезпечить войска всѣмъ необходимымъ. Персія, казалось, должна бы только счесть себя счастливою, что мы избавимъ ее наконецъ отъ вѣковыхъ разореній, противъ которыхъ сама она оказывалась безсильною, и это тѣмъ болѣе, что намъ не было никакой надобности нарушать неприкосновенность ея територіи для овладѣнія оазисомъ текинцевъ. Къ сожалѣнію, этотъ отличный моментъ, все по дипломатическимъ соображеніямъ, былъ упущенъ, а по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, неугомонная вражда текинцевъ и другія обстоятельства сдѣлали занятіе это уже рѣшительно необходи-

мымъ. Пришлось приступить къ предпріятію уже при измѣнившихся къ худшему условіяхъ и достигать его осуществленія съ большими жертвами... Опять примѣры прошлаго ни чему насъ не научили. Между тѣмъ какъ исторія Кавказской войны должна была служить въ настоящемъ случаѣ прямымъ указаніемъ не откладывать на завтра то, что неизбѣжно и можно сдѣлать сегодня, не жалѣть съ самого начала средствъ, дабы не растрачивать исподоволь, частями, напрасныхъ жертвъ и въ концѣ концовъ все таки быть вынужденными увеличить ихъ, но уже не такою цифрою какая была совершенно достаточна въ началѣ, а вдесятеро...

Усилившіяся враждебныя дѣйствія туркменъ, возбужденія ближайшихъ къ намъ кочевниковъ къ неповиновенію и отказу въ наймѣ верблюдовъ, вынудили полковника Маркозова въ февралѣ 1873 г., въ видѣ исключенія, отступить отъ предписаннаго ему условія и перейти Атрекъ, чтобы наказать откочевавшихъ туда туркменъ. 27-го числа съ колонною изъ 10½ ротъ (въ томъ числѣ пять Кабардинскаго полка—2-я стрѣлковая и 2-й батальонъ) 3-хъ орудій и ½ сотни казаковъ Маркозовъ перешелъ рѣку, а 28-го числа, раздѣливъ отрядъ на двѣ колонны, съ разсвѣтомъ двинулъ ихъ съ двухъ сторонъ въ обходъ кочевьевъ. Наши 5-ть ротъ, подъ начальствомъ маіора Козловскаго, приняли такое направленіе, что должны были пройти рѣку чрезъ мостъ, охраняемый персидскимъ укрѣпленіемъ Ахъ-кала. Персидскій комендантъ встрѣтилъ Козловскаго весьма любезно, благодарилъ что русскіе взялись усмирить разбойниковъ, разоряющихъ персидскія населенія и пропустилъ колонну чрезъ мостъ. Пройдя въ разныхъ направленіяхъ заатречное прибрежье и захвативъ у туркменъ 2200 верблюдовъ, Маркозовъ 6-го марта возвратился почти безъ потери въ Чекишляръ.

Между тѣмъ всѣ попытки усовѣстить хивинскаго хана, уговорить его вступить въ болѣе сносныя къ намъ отношенія и прекратить явно враждебныя дѣйствія не имѣли никакого успѣха. Ханъ выказалъ полнѣйшее упорство къ выполненію самыхъ скромныхъ требованій нашихъ; пятилѣтняя выжида-

тельно - миролюбиво - снисходительная политика не привела ни къ чему: пришлось прибѣгнуть къ силѣ оружія.

Раннею весною 1873-го года рѣшена была экспедиція въ Хиву съ тѣмъ, чтобы войска съ четырехъ сторонъ двинулись туда и, по возможности, одновременно сосредоточились на Аму-Дарьѣ, поступивъ тамъ уже подъ главное начальство командующаго войсками Туркестанскаго края, который съ своимъ отрядомъ шелъ изъ Ташкента; изъ Оренбурга двигался генералъ Веревкинъ, изъ Александровскаго форта мангишлакскій отрядъ полковника Ломакина, имѣвшій соединиться съ оренбургскимъ, а красноводскій отрядъ полковника Маркозова долженъ былъ идти прямо и около 9 мая уже быть въ предѣлахъ Хивинскаго ханства, въ Измихъ-ширѣ.

19-го марта пять ротъ Кабардинцевъ, съ командою саперъ, 4 горными орудіями и нѣсколькими казаками, первымъ эшелономъ выступили изъ Чекишляра къ озеру Топіатанъ. Роты, оставивъ человѣкъ по 30—35 въ Красноводскѣ въ гарнизонѣ, выступили въ составѣ 120 штыковъ въ каждой. За ними по эшелонно слѣдовали изъ Красноводска роты Дагестанскаго, Ширванскаго и Самурскаго полковъ, съ обозомъ въ нѣсколько тысячъ верблюдовъ.

Хивинская экспедиція еще такъ свѣжа въ памяти русскихъ читателей, что подробный разсказъ объ ней былъ бы совершенно лишнимъ; въ газетахъ 1873—1874 годовъ и нѣкоторыхъ журналахъ можно найти много и офиціальныхъ, и частныхъ статей совершенно удовлетворительно знакомящихъ съ этимъ блестящимъ подвигомъ русскихъ войскъ, сломившихъ ужасную природу Средней Азіи и образумившихъ самонадѣянность Хивинскаго хана *). Я тѣмъ болѣе долженъ ограничиться лишь рззсказомъ о частномъ движеніи одного красноводскаго отряда, что въ немъ только и участвовали Кабардинцы.

Сначала движеніе совершалось благополучно. Передовыя

---

*) Генеральный штабъ предполагаетъ издать подробное описаніе Хивинской экспедиціи. Весьма интересно описаніе американца Макъ-Гахана, переведенное въ Русскомъ Вѣстникѣ.

части отряда полковника Маркозова, кавалерія и сборная рота *) прибыли въ Игды еще 16 апрѣля, при чемъ казаки, съ ранняго утра и до 4-хъ часовъ пополудни, имѣли дѣло и потомъ преслѣдовали до Ортакую враждебно встрѣтившій насъ аулъ атабаевцевъ, а также ихъ союзниковъ туркменъ, при чемъ отбили 3 т. барановъ, 1000 верблюдввъ и до 300 плѣнныхъ, въ этомъ числѣ 21 раненыхъ; убито у непріятеля 22 человѣка. — Дѣло это ободрило нашъ отрядъ и придало ему еще болѣе увѣренности въ полномъ успѣхѣ, а когда утромъ 17 апрѣля прибылъ въ Игды 1-й эшелонъ отряда (пять Кабардинскихъ ротъ) и вечеромъ того же числа 2-й эшелонъ (двѣ Дагестанскихъ и Ширванскихъ роты), то полковникъ Маркозовъ почти былъ увѣренъ, что онъ будетъ въ Измыхширѣ (65 верстъ отъ Хивы) уже между 1—3-мъ мая...

Оба эти дня, 16 и 17 апрѣля, жара была уже очень сильная и прибывшія въ Игды части были значительно утомлены.

Дальнѣйшее движеніе отряда предстояло по безводной песчаной степи къ колодцамъ Ортакую до которыхъ, по разнымъ свѣдѣніямъ, считалось три мензиля, т. е. дневныхъ перехода; хотя величина этихъ переходовъ неопредѣленная, но полагая, на основаніи пріобрѣтеннаго доселѣ опыта, каждый въ 20—25 верстъ, можно было расчитывать, что разстояніе это не свыше 60—75 верстъ.

Для движенія по безводной степи, отрядъ снабженъ былъ боченками, наполнявшимися водою, которыхъ было дано до 40 на каждую роту**). Сверхъ того при выступленіи изъ Чеки-

---

*) Сборная рота, двигавшаяся на легкѣ безъ верблюдовъ, была составлена для того, чтобы имѣть всегда подъ рукою свободную строевую часть, на случай нападенія непріятеля, такъ какъ остальныя части, слѣдуя съ большими транспортами верблюдовъ и растягиваясь иногда на значительное разстояніе, требовали времени для своего сбора, съ цѣлью отраженія нападавшихъ.

**) 40 боченковъ или 200 ведръ, на 140 человѣкъ, состоявшихъ среднимъ числомъ въ каждой ротѣ (съ деньщиками и вообще не строевыми), составляло до $1^1/_2$ ведра или 24 бутылокъ на каждаго идущаго человѣка, что́, полагая наибольшій безводный переходъ въ 6 дней, давало по 4 бутылки въ день на человѣка. При осенней же рекогносцировкѣ, на безводныхъ переходахъ, на которыхъ не давалось варки, расходовалось не болѣе 2-хъ бутылокъ на человѣка въ день.

шляра, а еще болѣе по отбитіи у киргизовъ значительнаго количества баранты, было сдѣлано много бурдюковъ и, наконецъ, каждый почти солдатъ несъ при себѣ воду въ баклашкахъ, манеркахъ и бутылкахъ.

Всего же отрядъ поднималъ съ собою свыше 4000 ведеръ воды, количество, котораго, даже при сильной, но обыкновенной жарѣ, было бы достаточно для наибольшаго безводнаго перехода въ 6 или 7 мэнзилей, какимъ предполагался переходъ отъ колодцевъ Додуръ до Измыхшира *).

Дневные переходы отряда производились утромъ съ разсвѣта часовъ до 10 или 11-ти и за тѣмъ, послѣ привала, вечеромъ съ 4 до 8 и 9-ти часовъ. При отрядѣ находились вполнѣ надежные и преданные намъ проводники, почти всѣ члены семействъ, ищущихъ на Хивѣ крови и жаждавшихъ нашего туда прихода, въ томъ числѣ старикъ, извѣстный Ата-Муратъ-ханъ, родственникъ настоящаго хивинскаго хана, бывшій правитель Кунграда.

Въ 4 часа утра, 18-го числа, полковникъ Маркозовъ выступилъ изъ Игды съ сборною ротою, пятью ротами Кабардинскаго полка, 6 запряженными горными орудіями, саперною командою и 25 казаками. При ротахъ гналось необходимое число барановъ.

Кавалерія, съ ракетною командою, отдохнувъ послѣ тяжелаго дня 16-го апрѣля, должна была выступить вечеромъ 18-го числа и, сдѣлавъ нѣсколько усиленное движеніе въ этотъ и послѣдующій день, прибыть къ Ортакую 19-го числа вечеромъ **).

Прочія части отряда должны были выступить изъ Игды по эшелонно 19-го, 20-го и 21-го апрѣля.

---

*) Переходъ этотъ, котораго протяженіе считалось никакъ не болѣе 180 верстъ, предназначалось сдѣлать съ пѣхотою именно въ 6 дней. Артиллерійскія лошади числомъ 40, полагая на каждую по одному ведру въ день, могли быть также обезпечены водою на означенный 6 дневный срокъ (240 ведръ). Кавалерію же предполагалось провести на этомъ пространствѣ форсированнымъ маршемъ въ два или три дня, напоивъ лошадей не болѣе одного раза.

**) Вслѣдствіе этого, запаса воды для лошадей при ней вовсе не было.

Дорога отъ Игды, также какъ и послѣдніе 40 верстъ до этихъ колодцевъ отъ колодцевъ Халмаджи, представляетъ мѣстность страшно пересѣченную высокими песчаными холмами, съ неимовѣрно крутыми подъемами и спусками, до крайности затрудняющими движеніе. Затрудненія эти повели, между прочимъ, къ тому, что на послѣднемъ переходѣ къ Игды обнаружился усиленный падежъ верблюдовъ при Кабардинскихъ ротахъ, такъ что отбитые у туркменъ 1,000 верблюдовъ, оказавшіеся весьма слабосильными, дали только возможность пополнить недостатокъ этихъ животныхъ, образовавшійся въ ротахъ отъ послѣдняго, а равно и прежнихъ съ самаго выступленія падежей.

Съ восходомъ солнца, 18-го апрѣля, палящіе лучи его начали тотчасъ оказывать свое дѣйствіе на двигающіяся части: уже въ 8 часовъ утра нестерпимая жара вынудила отрядъ остановиться, сдѣлавъ всего 13 верстъ *). Тѣмъ не менѣе, вечеромъ 1-й эшелонъ сдѣлалъ еще переходъ въ 12 верстъ и около 9 часовъ остановился на ночлегъ въ 25-ти верстахъ отъ Игды. Этотъ вечерній переходъ былъ уже очень тяжелъ; верблюды падали, лошади приставали, люди были крайне утомлены, и, безъ замѣтнаго утоленія жажды, выпивая чрезъ самые короткіе промежутки времени бутылку за бутылкою, быстро уничтожили всю воду, полученную ими на утреннемъ привалѣ. Между тѣмъ, оказалось необходимымъ расходовать взятую съ эшелонами воду крайне бережливо, такъ какъ при неимовѣрной жарѣ и сухости воздуха она сильно испарялась въ посудѣ и полно налитые въ Игды пятиведерные боченки къ вечеру заключали въ себѣ воды уже не болѣе $3^1/_2$ ведеръ **).

Кавалерія, выйдя изъ Игды вечеромъ, отошла около 20-ти верстъ и часовъ въ 12 ночи остановилась на отдыхъ; хотя люди и лошади были тоже весьма замѣтно утомлены, вслѣд-

---

*) Разстоянія измѣряли цѣпью, привязывавшеюся къ орудію.

**) Это непредвидѣнное обстоятельство сразу уменьшило на $^1/_3$ количество поднимаемой отрядомъ воды, тогда какъ потребленіе ея отъ необычайнаго зноя въ громадной пропорціи увеличилось: на каждаго человѣка требовалось не менѣе одного ведра въ день.

ствіе страшной духоты, стоявшей въ воздухѣ даже и ночью, но относительно переходъ этотъ былъ сдѣланъ еще довольно свободно.

Туркмены, сопровождавшіе отрядъ, видя крайнюю усталость людей и животныхъ, совѣтывали отряду свернуть съ прямой дороги на Ортакую къ колодцамъ Бала-Ишенъ, верстъ 15-ть восточнѣе, на что однако полковникъ Маркозовъ не рѣшился, въ виду того, во 1-хъ, что названные колодцы могли быть закопаны отступившими туда атабаевцами, и отрытіе ихъ, при значительной глубинѣ (до 5-ти саженъ) было бы очень тяжело для утомленныхъ нижнихъ чиновъ; во 2-хъ, что движеніе къ Бала-Ишену увеличивало общее разстояніе до Ортакую на 25—30 верстъ; въ 3-хъ, что для облегченія пѣхотѣ движенія къ Ортакую, повидимому, можно было уменьшить дневные переходы, такъ какъ, воды взятой изъ Игды, казалось все таки могло бы быть достаточно и на лишній день, и въ 4-хъ, что колодцы Ортакую, по незначительной ихъ глубинѣ, всего до 1½ сажени, легко было бы открыть даже если бы они и были засыпаны.

19-го, съ разсвѣтомъ, 1-й эшелонъ (Кабардинцы) выступилъ далѣе и на 5-й верстѣ отъ ночлега былъ обогнанъ кавалеріею, съ которою отправился впередъ начальникъ отряда съ своимъ штабомъ. Кавалерія, съ которою предназначалось достигнуь Ортакую непремѣнно въ тотъ же день, приказано было взять отъ пѣхоты лопаты, на случай если бы пришлось отрывать колодцы въ Ортакую и выслать, если бы оказалось нужнымъ, хотя небольшое количество воды на встрѣчу Кабардинцамъ.

Показавшееся на горизонтѣ солнце силою первыхъ своихъ лучей предвѣщало уже жару, до сихъ поръ еще неиспытываемую, и, дѣйствительно, пѣхота едва въ состояніи была сдѣлать 12 верстъ, а кавалерія, поднявшаяся съ мѣста отдыха въ 3 часа утра, хотя часовъ до 10½ и сдѣлала около 25-ти верстъ, но движеніе это было сопряжено уже съ чрезвычайнымъ затрудненіемъ: люди были утомлены до крайности, лошади едва двигались, многіе казаки должны были вести ихъ въ поводу; сотни растянулись на 10 верстъ. На привалѣ,

около 11-ти часовъ, термометръ реомюра, съ 55 дѣленіями, показывалъ 52°, и наконецъ, не наблюдаемый въ теченіе нѣкотораго времени, около 12-ти часовъ лопнулъ...

Съ этого привала кавалеріи оставалось сдѣлать до колодцевъ, какъ полагали, отъ 15 до 25 верстъ.

Надо было торопиться, такъ какъ вода, бывшая при казакахъ, собственно для людей, вся почти была уже выпита.

Въ 4½ часа, при нестерпимомъ знoѣ, тронулись съ мѣста; въ 3-хъ верстахъ отъ привала, характеръ пути измѣнился: высокіе песчаные бугры смѣнились еще болѣе высокими, и съ болѣе крутыми скатами, холмами самой тончайшей и раскаленной известковой пыли, въ которой люди и лошади увязали по колѣни. При полнѣйшимъ отсутствіи хотя бы малѣйшаго движенія воздуха, пыль эта стояла въ немъ неподвижно, затрудняла дыханіе и покрывала толстымъ слоемъ двигающихся всадниковъ.

Положеніе ихъ становилось невыносимымъ: лошади падали на каждомъ шагу и съ трудомъ поднимались, утомленіе людей достигало крайнихъ предѣловъ; нѣкоторые не удерживались на конѣ и падали въ изнеможеніи на землю, шедшіе пѣшкомъ не въ состояніи были слѣдовать далѣе, пришлось прибѣгать уже къ медицинской помощи. Взятыя съ собою медикомъ, слѣдовавшимъ съ казаками, нѣсколько бутылокъ коньяку изъ запаса, доставленнаго обществомъ Краснаго Креста, принесли громадную пользу: глотокъ и даже нѣсколько капель этого напитка хотя нѣсколько освѣжали совершенно ослабѣвшихъ людей.

Около 8-ми часовъ вечера пришлось оставить на мѣстѣ нѣсколько офицеровъ, чтобы подобрать всѣхъ отставшихъ казаковъ, составлявшихъ почти половину колонны.

Наконецъ, въ глубокую полночь, въ невыносимой духотѣ, стоявшей въ воздухѣ, когда пройдено было, вѣроятно значительно болѣе тридцати верстъ отъ привала, а колодцевъ все еще не было, полковникъ Маркозовъ остановилъ изнемогавшія отъ усталости сотни. Люди окончательно уже не могли двигаться и съ большимъ только усиліемъ могли говорить...

Потерявъ физическія силы, они начали падать духомъ. Проводники не увѣренные, за темнотою ночи, въ вѣрности

направленія дороги на Ортакую, не могли и приблизительно опредѣлить разстояніе до этихъ колодцевъ.

Съ этою цѣлью посланы были въ направленіи къ нимъ, немедленно по остановкѣ отряда, одинъ изъ проводниковъ туркменъ и говорившіе по татарски фейерверкеръ и армянинъ, слѣдовавшій при отрядѣ вмѣстѣ съ маркитантомъ. Три часа прошли въ напрасномъ и мучительномъ ожиданіи ихъ возвращенія; при неизвѣстности же въ какомъ разстояніи и даже въ какомъ направленіи находятся колодцы, идти къ нимъ съ истомленными зноемъ и жаждою людьми и лошадьми было бы безразсудно.

Положеніе стало не безопаснымъ. Рѣшено было тотчасъ же отступить на встрѣчу Кабардинцамъ, у которыхъ была вода, хотя послѣ такого дня и нельзя было уже разсчитывать, чтобы ея оставалось много. Къ этому рѣшенію побудило и то соображеніе, что казаки въ истомленномъ состояніи, въ какомъ они находились въ то время, не имѣли бы возможности оказать ни малѣйшаго сопротивленія, если бы непріятель неожиданно появился передъ ними, захвативъ въ плѣнъ, какъ можно было предполагать, трехъ посланныхъ въ Ортакую.

Принятая мѣра казалась въ данномъ случаѣ наилучшею, такъ какъ уже нельзя было сомнѣваться, что Кабардинцы не въ состояніи будутъ дойти на слѣдующій день до Ортакую и, истощивъ свою воду, будутъ поставлены въ самое критическое положеніе; при чемъ кавалерія не имѣла бы возможности оказать имъ дѣйствительную помощь водою, по недостатку посуды, въ которую могла быть набрана она изъ колодцевъ Ортакую.

Собрана была команда человѣкъ въ 30-ть, болѣе сохранившихъ свои силы казаковъ, которымъ приказано слѣдовать къ пѣхотѣ возможно скорѣе, съ предложеніемъ командиру передняго эшелона: выслать на встрѣчу казакамъ воду и отправить верблюдовъ, съ пустыми боченками и съ прикрытіемъ, назадъ къ колодцамъ Бала-Ишенъ, для подвоза оттуда воды въ Кабардинскій лагерь.

Въ тотъ же день, 19-го апрѣля, Кабардинцы, выступивъ съ дневнаго привала въ 5 часу по полудни, не въ состояніи были дойти даже до мѣста привала кавалеріи. Не смотря на

то, что люди имѣли съ собою воду, они изнемогали отъ необыкновенной жары и сухости воздуха. Кажется, каково ни было бы количество воды, она не могла бы, хотя въ слабой мѣрѣ утолить жажду людей; обезсилившіе, они падали, не будучи въ состояніи слѣдовать далѣе. Эшелонъ растянулся на цѣлый десятокъ верстъ, усѣянныхъ сверхъ того дохлыми баранами и верблюдами.

Казаки еще ночти почью съ трудомъ поднялись съ мѣста и до разсвѣта могли кое какъ двигаться, сохраняя хотя нѣкоторый порядокъ. Но съ первыми лучами солнца, зной котораго сразу далъ себя почувствовать едва-ли не сильнѣе вчерашняго, никакія мѣры къ сохраненію этого порядка стали уже не мыслимы; не говоря о лошадяхъ, люди падали въ изнеможеніи на каждомъ шагу и многіе почти въ безчувственномъ состояніи...

Помочь было не чѣмъ, коньякъ весь истощился. Тѣ, которые въ состояніи еще были двигаться, побросали па дорогѣ почти всю свою одежду и даже оружіе.

Люди, оставленные по пути на канунѣ, и теперь едва передвигались. Около 10 часовъ утра передніе изъ казаковъ, большею частью пѣшіе, или во все безъ лошадей, или ведя ихъ въ поводу, встрѣтили наконецъ 11 вьюковъ высланной имъ на встрѣчу воды, которую полковникъ Маркозовъ принужденъ былъ раздавать самъ, употребляя всѣ усилія, чтобы сохранить при этомъ хотя какой нибудь порядокъ.

Но и вода, сама по себѣ весьма дурнаго качества и къ тому же почти горячая, помогала мало. Между тѣмъ положеніе Кабардинцевъ было едва-ли еще не хуже.

Выступивъ 20-го числа съ разсвѣтомъ на Ортакую, они вынуждены были остановиться въ 7 часовъ, пройдя всего 6 или 7-мъ верстъ.—Изнуреніе было полное; весь отрядъ лежалъ и съ трудомъ можно было поднять человѣка; лагерь и верблюды почти не охранялись; болѣе крѣпкіе изъ людей вымаливали воду, чтобы хоть нѣсколько утолить мучительную жажду, слабые лежали въ безсознательномъ состояніи...

Къ тремъ часамъ пополудни уже и въ лагерѣ не стало воды. Къ счастію, посланные въ Бала-Ишень казаки съ вер-

блюдами и прикрытіемъ, дали знать, что колодцы эти всего въ 15 верстахъ отъ лагеря и не засыпаны, что воды въ нихъ много и она относительно хорошаго качества, и что бывшая у колодцевъ туркменская кочевка, при ихъ приближеніи, немедленно удалилась въ степь.

Къ означеннымъ колодцамъ и потянулись всѣ подходившіе къ лагерю казаки, которые не заставали уже въ немъ воды; при чемъ путь до Бала-Ишеня представлялъ собою ту же картину, какъ и путь казаковъ отъ мѣста ихъ ночной стоянки до лагеря Кабардинцевъ.

Только къ 5 часамъ пополудни начали подвозить въ лагерь воду изъ Бала-Ишена, и до 9 часовъ вечера было подвезено до 230 боченковъ, или всего около 1300 ведеръ. Часть воды изъ лагеря отправляли все еще подходившимъ казакамъ, изъ которыхъ нѣкоторые, за совершеннымъ изнеможеніемъ, оставались въ лагерѣ, а другіе слѣдовали прямо на Бала-Ишенъ.

Привезенная вода нѣсколько освѣжила людей; можно было по крайней мѣрѣ набрать хотя одинъ взводъ, правда, едва способныхъ держать оружіе; взводъ этотъ былъ отправленъ къ Бала-Ишену, на случай нападенія на потянувшихся туда казаковъ.

Туда же рѣшено было направить и весь первый эшелонъ, но это конечно можно было исполнить только на слѣдующій день.

По соображеніи обстоятельствъ этого дня, у начальника отряда весьма естественно родилась мысль о невозможности достиженія отрядомъ цѣли его назначенія, при такомъ знойномъ, палящемъ солнцѣ и удушливомъ, сухомъ, наполненномъ мельчайшею пылью и недостатотномъ для дыханія, воздухѣ.

Ясно было вмѣстѣ съ тѣмъ, что при такихъ условіяхъ задніе эшелоны, выступившіе изъ Игды, въ дальнѣйшемъ движеніи неминуемо встрѣтятъ недостатокъ въ водѣ.

Какъ оказалось, дѣйствительно эти эшелоны шли очень дурно; люди теряли силы и было много случаевъ солнечныхъ ударовъ; верблюды падали въ большомъ количествѣ.

21-го числа 1-й эшелонъ отряда, съ частію почевавшихъ въ лагерѣ пѣшихъ казаковъ, поднятъ былъ для движенія въ Бала-Ишень около 4 часовъ утра, но такъ какъ за отсутствіемъ способныхъ для того нижнихъ чиновъ верблюды съ вечера не были загнаны, по заведенному порядку, въ лагерь, то роты не могли выступить одновременно и послѣднія изъ нихъ оставили лагерное мѣсто только около 5 часовъ; при чемъ многіе изъ офицеровъ вынуждены были сами собирать и загонять къ ротамъ ходившихъ на пастьбѣ баранту и верблюдовъ *).

Съ восходомъ солнца наступилъ зной почти такой же, какъ и наканунѣ, опредѣлить его числомъ градусовъ не было уже возможности: еще 20-го числа во всемъ отрядѣ не оставалось ни одного термометра,—всѣ они полопались.

Около 8 или 9 часовъ эшелонъ достигъ колодцевъ Бала-Ишень, оставивъ на пути болѣе ста человѣкъ, не имѣвшихъ силъ слѣдовать за другими, несмотря на то, что дорога была легче прежней для движенія. Верблюды падали нѣсколько въ меньшемъ размѣрѣ, по пути валялось много павшихъ наканунѣ казачьихъ лошадей.

Въ Бала-Ишень было немедленно произведена перекличка казаковъ, не оказалось на лицо пятнадцати человѣкъ, за которыми тотчасъ и послано было на дорогу отъ бывшаго Кабардинскаго лагеря къ Ортакую 15-ть верблюдовъ съ туркменами проводниками, съ конвоемъ изъ 20 человѣкъ, посаженныхъ на верблюдовъ, съ бурдюками воды и различными медикаментами.

Часамъ къ 5 пополудни посланные эти вернулись въ Бала-Ишень, приведя съ собою только 11 человѣкъ, найденныхъ ими на дорогѣ почти въ безчувственномъ состояніи.—Ими же были доставлены въ лагерь и брошенныя на дорогѣ оружіе и одежда казаковъ.

---

*) Къ крайнему утомленію людей и доведенію ихъ до изнеможенія способствовало также то обстоятельство, что при верблюдахъ, изъ коихъ большая часть захвачена силою, не было, да и не могло быть достаточнаго числа туземныхъ погонщиковъ.

Въ это же время вернулись къ отряду три человѣка, отправленные, въ ночь съ 19 на 20 число, къ Ортакую, для отысканія сихъ колодцевъ. Замучивъ на дорогѣ къ колодцамъ своихъ лошадей, изъ которыхъ одна пала, они могли возвратиться къ мѣсту бывшаго ночлега казаковъ пѣшкомъ только около 6 часовъ утра и не заставъ ихъ уже тамъ, снова прошли до Ортакую за лошадьми, ведя которыхъ въ поводу и достигли Бала-Ишена на другой только день къ вечеру.

По словамъ ихъ, у колодцевъ въ Ортакую, которые оказались приблизительно верстахъ въ десяти отъ мѣста послѣдней остановки сотень, была кочевка туркменъ, оставившая ихъ незадолго до прихода посланныхъ; колодцы не были засыпаны, воды въ нихъ достаточно и хорошаго качества. (Какая неудача! стоило еще нѣсколько часовъ подождать и все дѣло приняло бы другой оборотъ). На обратномъ пути они нашли лежавшихъ въ сторонѣ отъ дороги четырехъ казаковъ, которымъ дали воды и хлѣба, но не могли взять съ собою, такъ какъ не имѣли силъ ни нести ихъ на себѣ, ни посадить на измученныхъ своихъ лошадей.

Такимъ же какъ прежде порядкомъ посланы были снова верблюды для розысканія этихъ четырехъ человѣкъ, которые и доставлены въ лагерь уже утромъ 22-го числа, въ совершенно безчувственномъ состояніи, пораженные солнечнымъ ударомъ и истомленные жаждою *).

Найденная въ Бала-Ишенѣ въ обиліи вода освѣжила людей и животныхъ. Весь день 21-го числа былъ занятъ поданіемъ помощи пораженнымъ въ значительномъ числѣ солнечными ударами и изнемогавшимъ отъ усталости и потери силъ людямъ.

Къ общему упадку и истощенію силъ нижнихъ чиновъ не мало способствовало еще и то обстоятельство, что жара послѣднихъ четырехъ дней отнимала всякую охоту и возможность къ принятію какой бы то ни было пищи.

---

*) Всѣ они довезены на верблюдахъ до Красноводска, гдѣ одинъ изъ нихъ умеръ, а прочіе подавали надежду на выздоровленіе.

Между тѣмъ жара не уменьшалась и для утоленія жажды находившихся въ караулѣ лагеря и пастьбы часовыхъ, найдено было необходимымъ выставлять на каждое смѣнявшееся звѣно ихъ по боченку воды, а самую смѣну производить возможно чаще.

При повѣркѣ лошадей, оказалось павшихъ по дорогѣ отъ Игды до 126 казачьихъ и значительное количество офицерскихъ; въ томъ числѣ пали лучшія и болѣе крѣпкія между другими лошади начальствующихъ лицъ.

Мысль о невозможности дойти до Измыхшира начала овладѣвать большинствомъ чиновъ отряда. Не говоря уже о безводномъ переходѣ до Ортакую и о дальнѣйшемъ движеніи до маловодныхъ колодцевъ Нефесъ-Кули и Додуръ, изъ которыхъ послѣдніе находились отъ Ортакую въ разстояніи около 50 верстъ, предстоялъ затѣмъ наиболѣе трудный безводный переходъ, въ 7 мэнзилей, до Измыхшира; а уже опытъ движенія кавалеріи къ Ортакую показалъ, что каждый мэнзиль слѣдуетъ въ этой мѣстности считать не менѣе 30 верстъ, такъ какъ туркмены, двигаясь по безводному пространству увеличиваютъ переходы, стараясь пройти его сколь возможно скорѣе. Движеніе, въ продолженіи не менѣе 10-ти или даже 12-ти дней, двухтысячнаго отряда на 200 верстномъ безводномъ пространствѣ, при наступившихъ невообразимыхъ жарахъ, по горамъ сыпучаго, раскаленнаго песку и извѣстковой пыли, когда нельзя было не только поднять съ собою, но даже и опредѣлить приблизительно количество воды, которое могло бы утолить за это время мучительную жажду людей,— было очевидно немыслимо.

Въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ представлялось, повидимому, два исхода: или всему отряду сосредоточиться у колодцевъ Ортакую или Додуръ и оттуда послать о себѣ, съ нарочными, вѣсти въ туркестанскій и оренбургскій отряды, съ просьбою выслать на встрѣчу верблюдовъ съ запасомъ воды, или сосредоточившись у названныхъ колодцевъ, направитъ въ Измыхширъ не болѣе двухъ ротъ при двухъ орудіяхъ, передавъ имъ все количество имѣвшихся при отрядѣ боченковъ для воды, съ достаточными перевозочными сред-

ствами, и возложивъ на ихъ обязанность, немедленно по приходѣ въ Измыхширъ, самостоятельно ли отъ себя или получивъ приказаніе отъ начальниковъ оренбургскаго и туркестанскаго отрядовъ, принять всѣ мѣры, чтобы выручить отрядъ изъ затруднительнаго положенія.

По ближайшемъ соображеніи этихъ предположеній, оба они оказывались, однако, равно невыполнимыми: прежде всего потому, что въ отрядѣ не было никакихъ свѣдѣній о успѣхѣ движенія къ Хивѣ войскъ Оренбургскаго и Туркестанскаго округовъ и слѣдовательно, при неблагопріятномъ ходѣ дѣлъ въ тѣхъ войскахъ, двигавшимся изъ Чекишляра отрядомъ было бы только потеряно время, а двумъ ротамъ, прибывшимъ въ Измыхширъ, не было бы даже и отступленія. Сверхъ того новая отправка нарочныхъ была и безполезна, такъ какъ люди, прежде посланные изъ Игды, возвратились впослѣдствіи за невозможностью проникнуть въ предѣлы ханства, сторожимые по всѣмъ путямъ высланными съ этою цѣлью наблюдательными отрядами.

Затѣмъ, и главнѣе всего, выполненіе того или другаго предположенія, какъ выше было замѣчено, могло повести къ безплодной потерѣ времени, котораго терять было нельзя. Хотя отрядъ при выступленіи и долженъ былъ взять съ собою сухарей на $2^1/_2$, а прочаго довольствія для людей на 2 мѣсяца; но, за слабостію верблюдовъ, падавшихъ въ большомъ количествѣ, въ первые дни движенія, болѣе ста вьюковъ сухарей было брошено передними эшелонами и на столько же меньше взято ихъ съ мѣста задними, которые должны были подобрать брошенные вьюки, составлявшіе почти двухнедѣльное продовольствіе всего отряда.

Такимъ образомъ отрядъ оказался обезпеченнымъ, вмѣсто первыхъ чиселъ іюня, только до двадцатыхъ чиселъ мая, т. е. ровно на 2 мѣсяца со дня выступленія передняго эшелона изъ Чекишляра; а по расчету хотя не спѣшнаго, но безостановочнаго движенія отъ Бала-Ишена до Красноводска, онъ могъ прибыть туда только 16-го мая. Слѣдовательно, при малѣйшей неудачѣ одного изъ высказанныхъ выше предположеній, что могло обнаружиться лишь чрезъ извѣстное и до-

вольно продолжительное время, отряду предстояли бы при отступленіи страшныя лишенія, а можетъ быть и конечная гибель уже отъ недостатка пищи.

Точно также безполезно было давать о себѣ знать въ Красноводскъ, съ цѣлью подвоза довольствія оттуда въ Ортакую или Додуръ, такъ какъ для этого въ Красноводскѣ не было и невозможно было достать перевозочныхъ средствъ.

Наконецъ, усиленно отстраняя всякую мысль о полномъ отступленіи отряда къ Красноводску, можно было еще остановиться на предположеніи: подобно тому, какъ это было сдѣлано въ осеннюю рекогносцировку прошлаго года, дойдя до Игды, повернуть на колодцы Динаръ и отойти къ Кизилъ-Арвату, не въ далекѣ отъ котораго можно было расчитывать, хотя съ трудомъ и быть можетъ не иначе, какъ съ помощію оружія, найти довольствіе для людей и для лошадей. Но 100 верстный безводный переходъ до Динара, по невообразимо-трудной песчаной дорогѣ, съ почти отвѣсными подъемами и спусками, переходъ возможный въ позднюю осень, былъ почти немыслимъ теперь, и во всякомъ случаѣ, неминуемо сопровождался бы потерею значительной части верблюдовъ, остальныхъ лошадей и даже орудій, которыя пришлось бы бросить на дорогѣ. Привести же въ Текинскія земли, на весьма невѣрную добычу жизненныхъ припасовъ, истощенный отрядъ, безъ кавалеріи и почти безъ перевозочныхъ средствъ, было слишкомъ рисковано.

Такимъ образомъ выбора, по видимому, не оставалось.

Какъ не убѣдительными представлялись эти соображенія, тѣмъ не менѣе въ высшей степени тяжело и трудно было всѣмъ чинамъ отряда, изъ которыхъ большинство съ неимовѣрными лишеніями исходило въ теченіи трехъ лѣтъ значительную часть этой безотрадной степи, и въ особенности тяжело было начальнику отряда отказаться отъ достиженія преподанной ему конечной цѣли, въ то время, когда цѣль эта казалась уже столь близкою къ осуществленію; но благоразуміе и сознаніе долга — спасти жизнь людей тамъ, гдѣ жертвовать ею было бы совершенно безполезно, къ счастію, одержали верхъ. Полковникъ Маркозовъ придя

лично къ убѣжденію о не избѣжности такого рѣшенія, не приступилъ однако къ его исполненію, не провѣривъ свой личный взглядъ мнѣніями наличныхъ начальниковъ частей и чиновъ отряднаго штаба, и только, когда приглашенные для этого десять человѣкъ единогласно высказались въ пользу отступленія, начальникъ отряда отдалъ окончательныя къ тому приказанія.

Выступленіе по направленію къ Игды, назначено было въ 4 часа пополудни 22-го апрѣля. При сборѣ отряда оказалось, что около 100 человѣкъ казаковъ и болѣе 100 человѣкъ пѣхотинцевъ, потерявшихъ совершенно силы и пораженныхъ солнечными ударами, нужно было везти на верблюдахъ, въ имѣвшихся при отрядѣ носилкахъ, или же просто привязанными къ этимъ животнымъ.

Движеніе до Игды замедлялось сильнѣйшимъ встрѣчнымъ вѣтромъ, поднимавшимъ цѣлыя горы песку, которымъ закрывалось совершенно солнце.. Какъ это послѣднее обстоятельство, освобождавшее людей отъ непосредственнаго дѣйствія на нихъ палящихъ солнечныхъ лучей, такъ и движеніе воздуха, произведенное вѣтромъ способствовало уже тому, что люди шли нѣсколько бодрѣе и не въ такой степени томились жаждою. Но за то верблюды и лошади падали въ значительномъ числѣ; послѣднихъ на переходѣ до Игды брошено было снова около сорока. По дорогѣ валялась масса верблюдовъ и барановъ, павшихъ въ эшелонахъ ширванскомъ, дагестанскомъ и самурскомъ. Причиною усиленнаго падежа этихъ животныхъ было и то обстоятельство, что бывшій въ степи, въ весьма обильномъ количествѣ, подножный кормъ, при наступившихъ страшныхъ жарахъ, весь выгорѣлъ. Падежъ этотъ продолжался, хотя и въ меньшей степени, при возвращеніи отряда по безводнымъ почти переходамъ отъ Игды до Джамала.

За тѣмъ остальную часть пути отрядъ, не смотря на зной и утомленіе, сдѣлалъ уже благополучно, потерявъ умершими изъ числа пораженныхъ солнечными ударами, всего только трехъ человѣкъ.

14-го мая прибылъ въ Красноводскъ послѣдній эшелонъ,

уже все время однако сопровождаемый по пути враждебными туркменами, по которымъ приходилось иногда стрѣлять.

Такимъ образомъ, два мѣсяца ужасныхъ трудовъ и лишеній остались безъ всякаго результата и красноводскій отрядъ не получилъ возможности вознаградить себя участіемъ въ блестящемъ покореніи Хивы. Но Государь Императоръ принялъ во вниманіе безпримѣрную службу частей отряда и повелѣлъ сравнить его во всемъ съ остальными отрядами бывшими въ Хивѣ; а Великій Князь главнокомандующій, 20 іюля за № 159, отдалъ приказъ по Кавказской арміи, въ которомъ засвидѣтельствована дань уваженія къ заслугамъ отряда, особенно замѣчательной твердости и самоотверженію, съ какими переносились всѣми чинами неимовѣрные труды и лишенія, неистощимой энергіи и рвенію въ борьбѣ съ ужасными, неслыханными препятствіями.

Винить въ этой неудачѣ рѣшительно некого. Всѣ обстоятельства такъ сложились, что ни предвидѣть, ни избѣгнуть ея не было возможности; ожидать между 15 — 20-мъ апрѣля жары свыше 50° казалось бы нелѣпостью, а они то въ сущности и были главною причиною всѣхъ бѣдствій отряда. Остальное, какъ недостатокъ хорошихъ верблюдовъ, погонщиковъ изъ туземцевъ, ошибочность въ расчетѣ числа верстъ и наконецъ выступленіе отряда двумя недѣлями позже, чѣмъ бы слѣдовало,—только усилило и ускорило бѣдствіе; но и въ этихъ недостаткахъ трудно кого нибудь обвинить. Верблюды были взяты, такъ сказать, съ боя большею частью табунные, безсильные и, само собою, проводниковъ къ нимъ не могло быть, а наши солдаты, при всей своей сметливости и способности скоро пріучаться ко всякому дѣлу, обращенію съ верблюдами туго выучивались, главнѣйше по какому то особому отвращенію къ этому дѣлу, дѣйствительно тяжолому и требующему долгаго навыка и терпѣнія. Расчетъ верстъ въ мэнзиляхъ не могъ быть сдѣланъ съ математической точностью: въ прежнихъ движеніяхъ они оказывались въ 20—25, а здѣсь вышли въ 25—30 верстъ,—для пѣхоты, при такой жарѣ и песчаныхъ горахъ, разница громадная. Выступленіе 20-го марта, вмѣсто 3—4, какъ настаивалъ полковникъ Маркозовъ,

было основано на расчетѣ одновременнаго появленія въ Хивинскихъ предѣлахъ всѣхъ отрядовъ, а оренбургскій и ташкентскій по тамошнимъ условіямъ не могли выступить рано и прибыть къ Аму-Дарьѣ раньше 10-го числа мая.

Вообще, всякое военное предпріятіе даже въ Европѣ, при самыхъ лучшихъ условіяхъ климата и всѣхъ средствъ, всегда сопряжено съ большимъ или меньшимъ рискомъ, всегда должно расчитывать на обстоятельства, совершенно не предвидѣнныя. Что же говорить объ Азіи, съ ея природными ужасами, съ ея недостатками всѣхъ необходимыхъ войску предметовъ снаряженія и довольствія, до воды включительно, съ неизвѣстностью разстояній и вообще топографіи театра дѣйствій. Остается отнести печальный эпизодъ, выше описанный, къ тѣмъ неизбѣжнымъ военнымъ случайностямъ, которыми полна военная исторія всѣхъ странъ и народовъ, и сохранить добрую память о герояхъ, самоотверженно переносившихъ подобныя лишенія во имя долга.

Что же касается собственно Кабардинцевъ и ихъ службы, то я приведу здѣсь отзывъ самого г. Маркозова, (нынѣ начальн. штаба 12 корпуса) человѣка во всякомъ случаѣ компетентнаго. Въ статьѣ, напечатанной въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1879 г. № 322, объ экспедиціяхъ въ Закаспійскую степь къ Ахалъ-теке, авторъ говоритъ: «между полками кавказской арміи, *какъ между отличнѣйшими превосходный*, выдѣляется Кабардинскій. Походы его, способность ходить безъ устали и бороться до крайности совсѣмъ что мѣшаетъ его служебному долгу, давнымъ давно доставили ему завидную извѣстность и славу, которую его роты закрѣпили въ походахъ своихъ за Каспійскимъ моремъ. А между тѣмъ вотъ эпизодъ изъ его службы въ степи. 11-го августа 1872 г. командиру Кабардинскаго батальона, человѣку испытанному и весьма извѣстному личными заслугами и энергіей, въ силу сложившихся тогда обстоятельствъ, предложено было, выбравъ 80 человѣкъ вполнѣ надежныхъ людей, занять съ ними колодцы Бугдаили. Колодцы эти находятся всего въ 102 верстахъ къ сѣверо востоку отъ Чекишляра и въ добавокъ на прямомъ пути къ нимъ лежатъ группы колодцевъ Тагань-Клычь, Чихирыкъ, Гяма-джикъ

и Чухурукую, не говоря о нѣкоторыхъ другихъ, до которыхъ какъ говорится, рукой подать отъ дороги. Въ другую пору года задача эта была бы не болѣе какъ пріятной прогулкой, доставлявшею случай промять ноги засидѣвшимся въ Чекишляра со времени окончанія послѣдняго похода, а между тѣмъ дѣло не удалось. Сдѣлавъ всего 25 верстъ отъ Чекишляра, команда дошла до такого состоянія, что люди рѣшительно легли. Нѣкоторыхъ изъ нихъ поразилъ солнечный ударъ, свалившій одного сразу на смерть. Не останавливаясь предъ затрудненіями и понимая важность командировки, командиръ батальона *) оставилъ рѣшительно уже обезсилившихъ людей, при двухъ офицерахъ, на пути, приказавъ имъ дождаться вечера и идти назадъ въ Чекишляръ; самъ же продолжалъ маршъ, но только съ 15 штыками дошелъ до колодцевъ Гямяджикъ, что всего въ двухъ третяхъ разстоянія отъ Чекишляра до Бугдаили. Дальше и эти молодцы идти не могли. Пришлось вернуться... Ошеломленные люди разбрелись и извѣстіе въ Чекишляръ принесено было однимъ унтеръ-офицеромъ, съ трудомъ доползшимъ до лагеря.—Отправленные на встрѣчу люди—кого находили зарывшимся до половины въ песокъ, кого такъ просто валявшимся на немъ въ безчувственномъ состояніи; человѣкъ тридцать найдены въ сторонѣ отъ дороги, шинели и вещи изъ походныхъ мѣшковъ разбросаны. Honny soit qui mal y pense. Болѣе того что человѣкъ можетъ сдѣлать, онъ сдѣлать не можетъ».

Вотъ каковы походы въ закаспійскихъ степяхъ, какова служба нашихъ богатырей, вотъ данные для ихъ оцѣнки. И при всемъ томъ отъ возможной неудачи никакой гарантіи не имѣется.

---

*) Маіоръ Козловскій.



Унтеръ-офицеръ въ формѣ 1881 года.

XXV.

Положеніе Закаспійскаго края послѣ взятія Хивы.—Разбои тэкинцевъ.—Сношенія ихъ старшинъ съ нашимъ начальствомъ.—Подстрекательства иноземныхъ агентовъ.—Движеніе къ Кизиль-Арвату и отступленіе оттуда.—Вмѣшательство Англіи.—Занятіе Чата.—Происшествія послѣ отступленія рекогносцировочной колонны — Рѣшеніе занять Ахалъ-тэке. — Экспедиція 1879 года.—Встрѣченныя препятствія.—Смерть генерала Лазарева.—Движеніе отряда впередъ.—Первыя встрѣчи съ непріятелемъ.—Атака Денгильтепе авангардомъ.—Вторая общая атака.—Неудачный штурмъ.- Отступленіе отряда.—Взглядъ на причины неудачи.—Возвращеніе войскъ въ свои квартиры.—Мирное положеніе полка.—Заключеніе.

И такъ отряду полковника Маркозова, въ томъ числѣ нашимъ Кабардинцамъ, не суждено было принять прямого участія въ достославномъ овладѣніи Хивой и прекращеніи навсегда ея враждебныхъ противъ Россіи дѣйствій, хотя, нѣтъ сомнѣнія, даже неудавшееся движеніе этого отряда къ Ортакую удержало немало туркменскихъ силъ отъ подкрѣпленія хивинцевъ и особенно іомудовъ, оказавшихъ, какъ извѣстно, довольно упорное сопротивленіе нашимъ войскамъ уже послѣ овладѣнія Хивой.

Не взирая однако на блистательный успѣхъ въ Хивѣ, положеніе наше въ Закаспійскомъ краѣ вообще, а движеніе торговыхъ каравановъ въ особенности, не могли считаться обезпеченными, пока туркмены-тэкинцы оставались внѣ нашей зависимости. Это очень хорошо понимали мѣстныя власти не только кавказскія, но и оренбургскія, и туркестанскія. Всѣ онѣ одинаково признавали неизбѣжнымъ овладѣніе Тэкинскимъ оазисомъ и усмиреніе разбойниковъ, его населяющихъ. Но, какъ уже упомянуто, политическія соображенія препятствовали рѣ-

шиться на этотъ шагъ, тѣмъ болѣе, что и Персія, въ совершенномъ непониманіи тогда своихъ собственныхъ интересовъ, была недовольна нашими попытками водворить среди туркменъ порядокъ, и когда ей объявили, что никакой экспедиціи въ Тэке не имѣется въ виду, то правительство шаха выразило большое удовольствіе... Предписано было поддерживать съ туркменами лишь мирныя сношенія и обратить главнѣйшее вниманіе на обезпеченіе путей отъ Красноводска къ Хивѣ для торговыхъ каравановъ.

Назначенный начальникомъ Закаспійскаго отдѣла генералъ-маіоръ Ломакинъ и дѣйствовалъ въ этомъ направленіи. Въ тетеніе почти пяти лѣтъ отношенія къ Тэке были самого оригинальнаго свойства: въ Красноводскъ пріѣзжали ихъ ханы и кадіи, даже самые главные, въ родѣ Нуръ-Верды и Сафи-хана, заявляли преданность и покорность Бѣлому царю, принимали подарки, ѣздили на казенныхъ шкунахъ въ Баку, переписывались съ г. Ломакинымъ, иногда сопровождали рекогносцировочныя колонны, открывали въ лагерѣ базары, однимъ словомъ, казалось, мы пріобрѣли въ нихъ самыхъ наилучшихъ если не вѣрноподданныхъ, то васаловъ, и смирнѣйшихъ сосѣдей. А между тѣмъ тэкинцы продолжали грабить купеческіе караваны персидскіе, хивинскіе и іомудскіе, не взирая на требованія наши прекратить разбои. Мало этого, послѣ самыхъ торжественныхъ увѣреній въ покорности и даже настойчивыхъ просьбъ скорѣе принять ихъ въ подданство Ахъ-падишаха, 9-го октября 1874 г., совсѣмъ неожиданно, 500 тэкинцевъ напали въ 34-хъ верстахъ отъ Красноводска на покорный намъ аулъ Хала-сердаря, при которомъ кочевали верблюды для каравана г. Глуховскаго, и произвели въ немъ одну изъ тѣхъ дико-кровавыхъ оргій, которыя знакомы бывавшимъ въ Средней Азіи. Не было пощады ни старцамъ, ни женщинамъ, ни дѣтямъ; все было звѣрски истребляемо, надъ трупами надругано, имущество разграблено. Вѣсть о приближеніи русскихъ заставила разбойниковъ бѣжать и бросить большую часть верблюдовъ.

Генералъ Ломакинъ послалъ къ нимъ нарочныхъ съ вопросомъ—какъ они осмѣлились, послѣ увѣреній въ покорности,

произвести нападеніе и требовалъ возвращенія захваченныхъ плѣнныхъ и имущества. Текинцы хотѣли отрѣзать посланцамъ носы и только послѣ долгихъ увѣщаній нѣсколькихъ благоразумнѣйшихъ старшинъ огриничились отвѣтомъ: «насъ тоже всѣ грабятъ».

Такъ какъ послѣ неудачнаго движенія отряда полковника Маркозова, роты Кабардинскаго полка были возвращены въ свою штабъ-квартиру и до 1879 года уже не посылались въ Закаспійскій край, то мнѣ и неприходится касаться подробно всѣхъ событій, случившихся здѣсь въ теченіе этого длиннаго промежутка времени. Я ограничусь лишь краткимъ указаніемъ на обстоятельства, вынудившія наконецъ наше долготерпѣливое правительство отказаться отъ прежней системы и прибѣгнуть къ крайнему, но въ Азіи единственному средству— къ силѣ оружія, для смиренія тэкинцевъ. Это рѣшеніе привело за Каспій опять роты Кабардинскаго полка.

Я уже говорилъ, что самое занятіе Красноводска и вообще всѣ дѣйствія въ Закаспійскомъ краѣ имѣли цѣлью обезпеченіе торговаго движенія отсюда въ Хиву, потому что этотъ путь значительно сокращалъ разстояніе и представлялъ гораздо больше удобства противъ пути на Оренбургъ; да кромѣ того расширялъ торговый раіонъ въ сторону сосѣднихъ персидскихъ областей. Но достиженіе этой цѣли однѣми мирными средствами, при существующихъ условіяхъ, для насъ немыслимо: въ нашемъ обществѣ, вслѣдствіе всего историческаго прошлаго, нѣтъ тѣхъ элементовъ, которыми богаты другія европейскія державы, особенно Великобританія, гдѣ частная инициатива идетъ впереди правительства не только въ чисто торговыхъ дѣлахъ, но и въ политическихъ, ибо на Востокѣ эти дѣла такъ тѣсно связаны, что трудно провести между ними вполнѣ точную грань. У насъ отдѣльныя личности большею частью вполнѣ равнодушно относятся къ интересамъ государственнымъ, даже гораздо болѣе близкимъ, чѣмъ дѣла въ Средней Азіи, Китаѣ и т. п. Это вынуждаетъ правительство всякій починъ, развитіе и довершеніе дѣла брать на себя, а между тѣмъ не всегда это удобно и возможно, невольно ведетъ къ колебаніямъ и не твердой поступательности въ разъ

принятомъ направленіи: то финансовыя, то внутреннія, то внѣшнія политическія усложненія, то личные взгляды руководящихъ лицъ и т. п. причины измѣняютъ или задерживаютъ ходъ дѣла. Когда же наступаетъ моментъ, вынуждающій рѣшиться на энергическій толчокъ, въ распоряженіи правительства оказывается единственное средство: штыкъ.

Въ 1874 и 75 годахъ генералъ Ломакинъ дѣлалъ рекогносцировку вверхъ по Атреку. Туркмены являлись и выражали миролюбіе. Это не нравилось Англіи, отчасти и Персіи. Были употреблены всѣ средства отклонить тэкинцевъ отъ покорности и на нихъ стали дѣйствовать чрезъ Мервъ. Оттуда въ Ахалъ-тэке въ 1875 году прибыли нѣсколько вліятельныхъ людей, съ большимъ конвоемъ вооруженныхъ всадниковъ, и стали увѣщевать непокоряться никому, особенно русскимъ, которые изъ Ахалъ-теке придутъ и въ Мервъ. «Если вы не исполните нашего требованія, говорили мервскіе депутаты, то мы съ вами будемъ воевать. Русскихъ вамъ нечего бояться; и мы васъ поддержимъ, и изъ Герата придетъ помощь съ отличнымъ оружіемъ, послѣ удаленія оттуда Якуба-хана».

Тэкинцы очень обрадовались такимъ рѣчамъ и возобновили тотчасъ враждебныя дѣйствія. Преданный намъ Сафи-ханъ писалъ г. Ломакину, что боится за свою голову, хотя старшины—почти безъ исключенія, еще продолжали оставаться при убѣжденіи, что покорностъ русскимъ для нихъ выгоднѣе и даже Нуръ-Верды-ханъ, возвратясь изъ Мерва, поддерживалъ ихъ въ этомъ настроеніи. Въ іюнѣ, когда наша колонна рекогносцировала старое русло Узбоя, старшины тэкинскіе выѣхали на встрѣчу, подтверждали свое расположеніе и въ знакъ покорности доставили нѣсколько плѣнныхъ, взятыхъ въ нашихъ іомудскихъ кочевьяхъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ, на уроч. Джамаль, къ генералу Ломакину явился самъ главный кади, выражая полное убѣжденіе въ необходимости покориться Россіи. «Изъ окружающихъ насъ владѣній, обратился онъ къ собравшейся толпѣ туркменъ, Хивы, Бухары, Афгана, Курдистана, Персіи и др. каждое давно уже домагается присоединить къ себѣ наше маленькое общество; но какъ имъ это неудается, то они насъ постоянно грабятъ и разоряютъ; мы отвѣчаемъ

имъ тѣмъ же. Такъ сложилась наша жизнь за послѣднее время и мы разсудили, что единственное средство прекратить это тяжелое для насъ положеніе и избавиться отъ всѣхъ подобныхъ притязаній,—это покориться великому русскому Ахъ-падишаху, какъ сильнѣйшему и могущественнѣйшему изъ всѣхъ царей, просить его принять нашъ народъ подъ свое покровительство—высокое и милостивое. Мы всегда готовы будемъ служить ему вѣрою и правдою и такъ какъ наши люди почти всѣ воины, то въ случаѣ надобности, по первому слову Акъ-падишаха, мы охотно выставимъ нѣсколько тысячь всадниковъ и съ радостью пойдемъ на войну куда онъ укажетъ. Такъ пользовались не разъ службою тэкинцевъ Чингисъ-ханъ, Надыръ-шахъ и другіе, какъ разсказано въ нашихъ книгахъ, и наши люди всегда отлично служили». При этомъ кади добавилъ, что такъ какъ хивинскій ханъ теперь уже подданный Россіи, то они, ахалъ-тэкинцы, желали бы ему подчиниться. Въ подтвержденіе справедливости своихъ заявленій, тэкинцы разсказали, что, кромѣ Мерва, ихъ подстрекаютъ изъ Афганистана, откуда прибылъ какой-то человѣкъ, проповѣдывавшій вражду противъ русскихъ и уже начавшій было пріобрѣтать прозелитовъ, но на Атрекѣ его убили подкупленные персидскими властями убійцы: въ Персіи испугались, чтобы онъ невозбудилъ священной войны и противъ шіитовъ.

Всѣ обстоятельства для совершеннаго покоренія Ахалъ-тэке и устройства у нихъ дѣлъ, согласно нашимъ выгодамъ, казались вполнѣ благопріятными; кавказское начальство настаивало на скорѣйшемъ осуществленіи этого дѣла; но другія соображенія склоняли отложить его и не вызывать усложненій... Между тѣмъ интриги нашихъ противниковъ продолжались, тэкинцы опять стали волноваться, меньшіе ханы враждовали противъ старшаго Нуръ-Верды-хана—нашего приверженца и тотъ, не видя съ нашей стороны рѣшительныхъ шаговъ, долженъ былъ опять удалиться въ Мервъ. Ко всему этому присоединились замѣшательства на Балканскомъ полуостровѣ, сербо-турецкая война 1876 года, и Россіи пришлось обратить въ ту сторону все свое вниманіе.

Короткій промежутокъ спокойствія въ Закаспійскомъ краѣ,

когда нѣсколько купеческихъ каравановъ успѣли совершенно благополучно пройти изъ Хивы къ Каспію, въ Персію и обратно, а генералъ Ломакинъ съ небольшой колонной дошелъ до границъ Хивинскаго ханства, производя по дорогѣ буровыя работы и осматривая мѣстность для выбора пункта подъ укрѣпленную факторію, вскорѣ былъ нарушенъ: тэкинцы, окончательно возбужденные иностранными агентами, прислали къ іомудамъ людей съ предложеніемъ общими силами напасть на маленькій отрядъ Ломакина и воспрепятствовать работамъ; а старшины уже отправили 40 человѣкъ депутатовъ въ Тегеранъ поклониться шаху, гдѣ получили большіе подарки и обѣщаніе ежегодныхъ крупныхъ субсидій. Дѣлалось это съ цѣлью наименовать туркменъ подданными Персіи и такимъ образомъ оградить ихъ отъ притязаній Россіи. Вообще, въ ходъ были пущены всѣ возможныя средства, чтобы поставить намъ съ этой стороны неодолимыя препятствія; деньги, оружіе, прокламаціи, сближеніе афганскаго эмира съ мервцами, угрозы Персіи и т. д.; все это съ британскою настойчивостью и безцеремонностью слѣдовало одно за другимъ.

Всѣ нѣсколькольтнія изысканія привели къ окончательному убѣжденію, что отъ Красноводска до Хивинскаго оазиса около 470 верстъ хорошаго пути, съ водою, безъ снѣжныхъ бурановъ, что военно-торговое сообщеніе можетъ быть устроено тутъ безъ всякихъ затрудненій, но при условіи обезпеченія отъ нападеній тэкинцевъ; а для этого одно средство-покорить ихъ прочно и стать твердо въ ихъ оазисѣ.

Въ 1877 году рѣшено было сдѣлать шагъ по пути къ этой цѣли, именно: занять Кизиль-арватъ — ближайшій къ намъ тэкинскій аулъ. Старшины Ахала, узнавъ о предстоявшемъ движеніи, явились къ генералу Ломакину и приглашали его идти, обѣщая всякое содѣйствіе, предлагая средства удерживать разбойниковъ отъ нападеній на караваны и пр. Но когда нашъ отрядъ (9 ротъ, 2 сотни, 6 орудій) прибылъ въ Кизиль-арватъ, то на 4-й день тэкинцы, возбужденные только что вернувшимися изъ Мекки и Стамбула муллами и хаджіями, собрались огромной толпой и напали на наши войска. Ихъ, конечно, побили и прогнали съ большою потерею, но это уже

обнаружило, что время для мирнаго упроченія прошло и безъ боя занятіе Ахалъ-тэке не возможно. Къ тому же, самый Кизиль-арватъ и ближайшая къ нему мѣстность оказались во всѣхъ отношеніяхъ неудобными для устройства постояннаго укрѣпленія; по этому, генералъ Ломакинъ отступилъ.

Англійскій кабинетъ, впрочемъ, не преминулъ тотчасъ же, чрезъ своего петербургскаго посла Лофтуса, обратиться къ нашему министерству съ указаніемъ на опасность для Афганистана движенія русскихъ войскъ и съ вопросомъ—не въ Мервъ ли мы идемъ?... Это происходило въ то время, когда изъ-за спины турецкихъ пашей, сражавшихся противъ насъ за Дунаемъ и Араксомъ, выглядывали англійскіе офицеры, руководившіе дѣйствіями и когда турецкіе низамы стрѣляли англійскими патронами...

Зима съ 1877 на 1878 годъ, была такъ сурова и продолжительна, что тэкинцы лишились почти всей своей жатвы и вынуждены были пріѣзжать за хлѣбомъ къ покорнымъ намъ іомудамъ. Не взирая на недавнія ихъ враждебныя противъ насъ дѣйствія, мы, со свойственной намъ системой незлобивости, безпрепятственно допускали тэкинцевъ въ раіонъ нашихъ владѣній пріобрѣтать продовольствіе.

Между тѣмъ, въ Мервѣ умеръ ханъ Каршидъ и на его мѣсто былъ избранъ столь усердно желавшій подчиненія Россіи Нуръ-Верды-ханъ тэкинскій. Такимъ образомъ, оба туркменскіе ахала—Мервъ и Тэке соединились, не смотря на враждебныя до того между собою отношенія. Воспользовались такимъ оборотомъ дѣлъ тотчасъ же англичане: агентъ ихъ, капитанъ Нэпиръ, немедленно появился въ Мервѣ и Карыгѣ. Персидское правительство весьма подозрительно относилось къ этому посѣщенію и радо было бы устранить отъ своего сосѣдства очевидно враждебные противъ Россіи англійскіе подвохи, но прямо дѣйствовать оно не въ силахъ, а на косвенныя мѣры, въ родѣ заявленія англійскому посланнику Томсону, что оно не отвѣчаетъ за безопасность мистера Нэпира, ему даже не дали никакого отвѣта... Пришлось и съ нашей стороны послать въ тѣ мѣста агента, который бы, по крайней мѣрѣ, могъ

узнать что предпринимаютъ англичане и во время предупредить.

Не вдаваясь въ подробности, не идущія къ моей спеціальной задачѣ, для изложенія которыхъ къ тому же и время еще не вполнѣ настало, скажу только, что оба англійскіе агенты Нэпиръ и Ботлеръ не жалѣли золота, подарковъ, оружія, а также хитро сочиненныхъ въ восточномъ вкусѣ посланій, для возбужденія туркменъ противъ насъ и совершенно прекратили ихъ сношенія съ нами. Вѣрный человѣкъ изъ Тэке извѣстилъ объ этомъ наше начальство, присовокупивъ, что все дѣлается по указаніямъ «инглизъ тюря». (Англійскій начальникъ, офицеръ).

Кромѣ этого прямого результата, англійскія дѣянія парализовали наше вліяніе вообще, даже среди тегеранскаго правительства: всѣ видѣли, что мы, находясь такъ близко съ военной силой, ничего не можемъ сдѣлать. А въ Азіи, повторяю, величайшій грѣхъ, если можно такъ выразиться, есть слабость...

Все это вынудило наконецъ рѣшиться занять ближе къ тэкинскому оазису какіе нибудь укрѣпленные пункты; безъ этого пришлось бы отказаться отъ всякаго значенія въ Закаспійскомъ краѣ и уже лучше оставить его совсѣмъ. Выбранъ былъ Чатъ, у впаденія Сумбара въ Атрекъ, и въ іюлѣ 1878 г. отрядъ генерала-маіора Ломакина явился туда и приступилъ къ нужнымъ работамъ. Уже одно это движеніе, послѣ длиннаго періода нашего бездѣйствія, тотчасъ отозвалось на настроеніи населенія: туркмены іомуды, уклонявшіеся въ послѣднее время отъ подчиненности, просто игнорировавшіе нашъ авторитетъ, поспѣшили доставить три тысячи верблюдовъ. Съ нашей стороны дѣйствія ограничились устройствомъ укр. Чата, обезпеченнаго сообщенія съ нимъ отъ Михайловскаго залива и рекогносцировкой до Ходжамъ-кала, въ 120 верстахъ выше. Здѣсь, въ Ходжамъ-кале, пріѣзжали старшины и увѣряли, что тэкинцы готовы бы и теперь явиться съ покорностью, но боятся наказанія за прошлогоднія нападенія на русскія войска; самъ Нуръ-Верды ханъ ожидался вскорѣ изъ Мерва и отъ него будетъ зависить все дѣло. Очевидно,

тэкинцы испугались приближенія къ ихъ оазису отряда Ломакина и потому явились съ своими заявленіями; но когда мы, вмѣсто движенія впередъ, изъ Ходжамъ-кала предприняли отступленіе, они опомнились отъ своего страха и нѣсколько сотъ головорѣзовъ не замедлили пуститься въ преслѣдованіе отряда, а у Чата захватили въ расплохъ нѣсколько артиллерійскихъ солдатъ въ плѣнъ. Послѣ этого англійскій агентъ Ботлеръ пріѣхалъ въ Ахалъ-тэке и подъ его наблюденіемъ построена крѣпость Гёгъ-тэпе. Въ то же время случилось и непріятное происшествіе: прикомандированный къ казачьимъ сотнямъ офицеръ изъ закавказскихъ мусульманъ, служившій въ Петербургѣ въ конвоѣ, человѣкъ совсѣмъ дрянной, не разъ уже подвергавшійся наказаніямъ, бѣжалъ къ туркменамъ и, безъ сомнѣнія, нахваставъ своимъ высокимъ положеніемъ и знаніями, посодѣйствовалъ къ возбужденію враждебности противъ русскихъ. Исподоволь, этотъ бѣглый милиціонный прапорщикъ Нуровъ пріобрѣлъ на столько вліянія, что по его совѣту Нуръ-Верды ханъ собралъ до десяти тысячь человѣкъ и въ декабрѣ 1878 года напалъ на Чатъ, — само собою, безъ всякаго успѣха.

Послѣ всѣхъ этихъ событій ничего болѣе не оставалось, какъ рѣшиться наконецъ на занятіе Ахалъ-тэкинскаго оазиса и прочное устройство линіи по Узбою, съ промежуточнымъ укрѣпленіемъ у колодцевъ Игды, или гдѣ окажется удобнымъ по старому руслу Аму-Дарьи. Это и составило цѣль дѣйствій въ наступавшемъ 1859 году.

Начальникомъ всѣхъ войскъ въ Закаспійскомъ краѣ былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Лазаревъ, генералъ уже испытанный въ службѣ въ Дагестанѣ, одинъ изъ способнѣйшихъ для управленія азіятскими племенами въ мирное и военное время.

Къ находившимся тамъ 4¼ батальонамъ приказано отправить еще 10¾ (мирнаго состава) въ томъ числѣ 4-й бат. Кабардинскаго полка, роту саперъ, дивизіонъ драгунъ, 18 сот. казаковъ и конно-мусульманскихъ полковъ, при 34 орудіяхъ и 12 ракетныхъ станкахъ.

Нашъ 4-й бат. (въ составѣ 435 человѣкъ) прибылъ въ

Красноводскъ 3 мая и конвоировалъ оттуда до Чекишляра верблюдовъ. Съ батальономъ былъ и самъ полковой командиръ, флигель-адъютантъ князь Долкоруковъ, назначенный начальникомъ авангарда отряда.

Наши войска еще начинали только собираться, какъ тэкинцы уже открыли враждебныя дѣйствія. Вблизи Красноводска сдѣлали они набѣгъ на покорный аулъ и встрѣтились съ небольшой нашей колонной; произошло довольно жаркое дѣло, стоившее намъ 4 убитыхъ, одного офицера и 15 раненыхъ ниж. чиновъ.

Въ первую же поѣздку свою по занятому нами Закаспійскому краю, генералъ Лазаревъ замѣтилъ отсутствіе почти всякаго вліянія нашего на туземное населеніе, потому что всѣ предшествовавшія дѣйствія носили характеръ слишкомъ миролюбивый, уклончивый, мягкій, а оружіе употреблялось лишь въ крайнихъ случаяхъ, болѣе въ видѣ самообороны. Въ началѣ туркмены, увѣренные въ нашемъ движеніи впередъ, съ цѣлью твердаго занятія пунктовъ, командующихъ ихъ положеніемъ, и со страхомъ относившіеся къ артиллеріи и вообще нашимъ войскамъ были охвачены рабостью и потому готовы подчиниться намъ. Но когда они убѣдились, что мы дѣлаемъ нѣсколько шаговъ впередъ и тотчасъ же возвращаемся назадъ, что мы входимъ съ ними въ излишнія словопренія, они ободрились и стали сплачиваться, забывая о своихъ междуусобицахъ; къ тому же и страхъ предъ новымъ оружіемъ со временемъ сталъ исчезать, да и нѣсколько уроковъ тактики они получили отъ насъ же.

Со времени сбора отряда, какъ сказано, командиръ Кабардинскаго полка былъ назначенъ начальникомъ авангарда и выдвинутъ впередъ къ Дузъ-олуму, съ нашимъ и Куринскимъ батальонами, частью казаковъ и артиллеріи.

Начало дѣйствій встрѣчало большія затрудненія въ заготовленіи достаточнаго количества продовольствія и перевозочныхъ средствъ. Приходилось бороться съ разными стихійными невзгодами, неисправностью каспійской флотиліи и вездѣ неизбѣжными людскими своекорыстными дѣяніями. Вотъ что писалъ покойный Лазаревъ, 26-го іюня, въ Тифлисъ помощ-

нику главнокомандующаго: «здѣсь приходится бороться съ такими случайностями, предвидѣть которыя не въ силахъ человѣческихъ. Что ни день, то сюрпризъ, то не предвидѣнная случайность. Съ такими прекрасными войсками, можно сказать цвѣтомъ арміи, какія находятся у меня подъ командой, я бы давно покончилъ не только съ тэкинцами, но и съ Мервомъ, если бы было приказано, но мнѣ приходится бороться съ неисправностью морскихъ перевозочныхъ средствъ, съ моремъ, съ вѣтрами, вообще съ природой. Въ концѣ концовъ, препятствія будутъ преодолѣны, но въ настоящую минуту онѣ сильно затрудняютъ и парализуютъ всѣ расчеты и предположенія. Напримѣръ: приходятъ суда съ довольствіемъ, ихъ нужно выгружать, но какъ разъ въ это время поднимается непогода и выгрузка не возможна, за тѣмъ, погода устанавливается, *но суда пропадаютъ неизвѣстно гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль*. (!) Есть верблюды—нечего перевозить; есть припасы—нѣтъ верблюдовъ,—и т. д... Конечно, я и не расчитывалъ, что бы все шло какъ по маслу; шереховатости неизбѣжны вообще на войнѣ, а въ пустынѣ тѣмъ болѣе; но я никогда не думалъ встрѣтить такую массу затрудненій. Самый главный врагъ—море; пришлось устраивать дамбу и пристань, но буря размывала всѣ работы; камышъ для фашинъ возили за 30 верстъ. То барказъ затонулъ, то у мелкосидящаго судна машина испортилась и везутъ его въ Баку чинить. Въ Чекишлярѣ настоящая школа терпѣнія», заключилъ ген. Лазаревъ. Разсчитывали имѣть все продовольствіе 20 мая, а оно едва прибыло 20 іюня и то не сполна; въ разсчетѣ нужнаго числа верблюдовъ тоже ошиблись: не доставало нѣсколько тысячъ, а пригнанные съ Мангышлака оказались негодными. Содѣйствіе персидскаго правительства въ дѣлѣ продовольствія было бы весьма полезно, но ген. Лазаревъ, когда еще надѣялся обойтись своими средствами, отказывался отъ этого содѣйствія, что бы не обязываться и не давать повода къ какимъ нибудь претензіямъ, а когда наступилъ іюль и выяснилось, что собственныхъ средствъ не достаточно, то взгляды персидскихъ властей уже измѣнились, стали, напротивъ, являться препятствія, наконецъ подстрека-

тельство англійскихъ агентовъ, обѣщавшихъ значительныя денежныя субсидіи туркменамъ Мерва, если пошлютъ 10 т. человѣкъ подкрѣпленія тэкинцамъ.

Послѣ чрезвычайныхъ трудовъ и настоятельныхъ, энергическихъ хлопотъ, матеріальная часть была кое какъ устроена и 30 іюля началось движеніе отряда отъ Чекишляра къ Дузъ-Олуму четырьмя эшелонами. Донося объ этомъ 3 августа, генералъ Лазаревъ расчитывалъ около 20 августа достигнуть тэкинскаго оазиса и дѣйствовать по обстоятельствамъ, а главное—по ходу операціи доставки необходимыхъ запасовъ.

Но судьба рѣшила иначе: достигнувъ Чата, начальникъ отряда почувствовалъ себя больнымъ и 13 числа рѣшился возвратиться въ Чекишляръ или даже въ Баку для излеченія. Отъѣхавъ нѣсколько верстъ отъ Чата, онъ такъ ослабѣлъ, что вынужденъ былъ остановиться, слѣзъ съ коня, легъ на бурку и чрезъ полчаса скончался... Эта неожиданная несчастная кончина генералъ-адъютанта Лазарева была крупною потерею для Кавказской арміи, а особенно въ данную минуту, для Закаспійскаго края.

Старшимъ послѣ него оказался генералъ-маіоръ Ломакинъ, мѣстный начальникъ, уже шесть лѣтъ дѣйствовавшій въ краѣ и хорошо знакомый со всѣми мѣстными условіями. Онъ вступилъ въ командованіе и продолжалъ стягивать войска къ Бендесену. Дальнѣйшій разсказъ привожу изъ оффиціальнаго донесенія.

«Оставивъ въ Ходжамъ-Кала 1 батальонъ Апшеронскаго, двѣ роты Дагестанскаго полковъ, взводъ полевой закаспійской артиллеріи и нѣсколько милиціонеровъ, генералъ Ломакинъ, съ четырьмя батальонами, двумя сотнями, дивизіономъ драгунъ и 10 орудіями, 20 августа прибылъ въ Бендесенъ, гдѣ стоялъ авангардъ отряда. (Куринскій и Кабардинскій батальоны).

Въ Бендесенѣ еще оставленъ на позиціи 3-й батальонъ Ширванскаго полка, съ двумя орудіями и нѣсколькими милиціонерами, а также за неоконченностью разработки дороги, всѣ повозки, которыя предполагалось первоначально взять съ

собою; съ цѣлью уменьшить обозъ, столь обременительный при движеніи войскъ, приказано было на этой сторонѣ перевала чрезъ Кюренъ-Дагъ оставить всѣ лишнія вещи и часть продовольствія.

Назначенный къ выступленію въ оазисъ передовой отрядъ, двумя колоннами, съ 15 дневнымъ (по 6-е Сентября) запасомъ выступилъ изъ Бендесена 22 и 23-го Августа въ Бами.

Авангардная колонна: батальоны Куринскаго и Кабардинскаго полковъ, сводно-стрѣлковый батальонъ, дивизіонъ драгунъ, Волгская казачья сотня и двѣ сотни Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, съ полубатареею конной артиллеріи, выступивъ въ 5 часовъ утра 22 числа стянулась въ Бами только чрезъ сутки.

Не разработанный спускъ съ перевала и узкое каменистое ущелье, по которому идетъ дорога отъ подошвы хребта почти до Бами, задерживали движеніе. 23-го августа авангардъ выступилъ въ Беурму и прибылъ въ Дурунъ 25-го августа.

Вторая колонна, состоявшая изъ трехъ батальоновъ, 3-хъ казачьихъ сотенъ и 4-хъ орудій, выступивъ изъ Бендесена 23, прибыла въ Дурунъ въ полдень 26-го августа и соединилась съ авангардомъ, имѣвшимъ дневку.

Когда наши войска подходили къ Дуруну, то показались первые непріятельскіе разъѣзды, которые были отогнаны нашими милиціонерами; до тѣхъ же поръ, на разстояніи 88 верстъ, тэкинцы во все не показывались, а попутные аулы найдены брошенными жителями, за исключеніемъ нѣсколькихъ семействъ, оставшихся въ Арчманѣ. Тутъ жители вели себя сдержанно и продавали войскамъ хлѣбъ, овощи и сѣно. Сюда же прибыли жители изъ Нухура тоже для продажи разныхъ припасовъ, и на другой день, потребованію нашему, опять доставили нѣкоторое количество продуктовъ за деньги.

Между Беурмой и Арчманомъ переходъ въ 26 верстъ; отъ Арчмана же начинаются аулы чаще: такъ, въ 13 верстахъ Сюнче, еще девять верстъ далѣе, нѣсколько вправо, Мурче, затѣмъ $6\frac{1}{2}$ верстъ, Бегердзенъ и въ $1\frac{1}{2}$ верстахъ Дурунъ.

Повсюду, начиная съ Арчмана, встрѣчаются посѣвы дозрѣ-

вающей джугары, обширныя бахчи и небольшіе садики. Всѣ аулы имѣютъ хорошую воду, текущую небольшими ручьями съ горъ. Видны по всему пути большія поля сжатаго хлѣба Въ аулахъ встрѣчались запасы самана, енджи (люцерны) и пшеницы. Съ Богердзена начались посѣвы хлопка и виноградъ. Вообще было замѣчено, что мѣста эти имѣютъ значительное и густое населеніе, которое, очевидно, покинуло свои жилища передъ самымъ наступленіемъ нашихъ войскъ, увезя свои семейства и имущество къ Гегъ-Тепе и Асхабаду, гдѣ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, ахалъ-текинцы рѣшили сосредоточить свои силы.

И дѣйствительно, только подъ самымъ Дуруномъ показались передовые тэкинскіе наѣздники, поддержанные небольшою конною же партіею, которые завязали перестрѣлку съ нашими кавалерійскими разъѣздами, причемъ, вечеромъ, въ день прихода въ Дурунъ, въ перестрѣлкѣ раненъ одинъ драгунъ и убито три лошади.

27-го августа отрядъ выступилъ въ томъ же порядкѣ, какъ и прежде, къ тремъ часамъ пополудни сосредоточился у аула Ярадже, сдѣлавъ переходъ въ 23 версты. Самое движеніе и ночлегъ въ Ярадже прошли совершенно спокойно; непріятель не показывался.

Съ разсвѣтомъ 28-го августа, отрядъ выступилъ тремя эшелонами. Авангардъ полковника князя Долгорукова былъ выдвинутъ, въ два часа ночи, на четыре версты впередъ, по дорогѣ на Гегъ-тепе, дабы прикрыть остальныя войска во время вьючки верблюдовъ, самаго опаснаго времени для отряда, въ случаѣ нападенія непріятеля. Въ 4 часа выступилъ второй эшелонъ. Въ третьемъ эшелонѣ находился, въ общей колоннѣ, вагенбургъ всего отряда. Для приданія первымъ двумъ эшелонамъ большей подвижности, ими взяты съ собою были верблюды только съ патронами и съ боченками для воды; кромѣ того, люди имѣли на себѣ на два дня сухарей и въ кавалеріи на одинъ день зерноваго фуража. За симъ всѣ тяжести шли въ общемъ вагенбургѣ и для прикрытія ихъ назначено по одной сборной ротѣ отъ каждаго изъ шести батальоновъ пѣхоты, четыре сотни казаковъ и взводъ горной артиллеріи. Начальнику 2-й

колонны поручено было сообразовать движеніе своего эшелона съ движеніемъ вагенбурга, чтобы въ случаѣ надобности поддержать его.—Въ 5 часовъ утра выступилъ весь отрядъ.

Мѣстность на 5 верстъ отъ Ярадяжи открытая. Слѣва отъ дороги въ 1/4—1/2 верстѣ не высокіе барханы песку, а справа въ 4 верстахъ Копетъ-Дагъ и у подошвы его нѣсколько ауловъ, съ обыкновенными глиняными крѣпостцами.

Пройдя 12 верстъ, авангардъ сдѣлалъ привалъ и затѣмъ тронулся дальше, имѣя въ головѣ сотню Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, позади ея четыре конныхъ орудія съ сводно-стрѣлковымъ батальономъ и полуротой саперъ, по правому фасу Куринцевъ, по лѣвому Кабардинцевъ, въ срединѣ вагенбургъ и въ арріергардѣ казаковъ со взводомъ горныхъ орудій.

Въ восьми верстахъ отъ укрѣпленія Денгиль-Тепе, на которое направлялся авангардъ, справа, по подошвѣ горъ, стала показываться непріятельская конница въ большихъ массахъ. Не предпринимая ничего противъ колонны, она, держась подошвы горъ, стала сосредоточиваться у аула Егманъ-Батыръ.

Вскорѣ за появленіемъ конницы справа, показалась масса ея и съ лѣвой стороны колонны.

Полагая, что непріятель имѣетъ намѣреніе атаковать вагенбургъ, Ломакинъ послалъ ко 2-й колоннѣ сначала казака, который на дорогѣ былъ убитъ наскакавшими тэкинцами, а затѣмъ драгунскаго поручика Александровскаго, съ предупрежденіемъ о появленіи на флангахъ непріятельской кавалеріи и съ приказаніемъ, подтянувъ вагенбургъ, слѣдовать вмѣстѣ.

Около 10 часовъ утра непріятель въ числѣ до 1000 человѣкъ, выйдя изъ аула Егманъ-Батырь, направился ко 2-й колоннѣ. Немедленно выслали казачью сотню на встрѣчу противнику, съ цѣлью выиграть время, дабы дать остановленной колоннѣ построиться и притянуть вагенбургъ. Непріятель сталъ смѣло приближаться къ колоннамъ, стараясь охватить ихъ, а затѣмъ, подскакавъ къ казакамъ и видя ихъ малочисленность, тэкинцы бросились въ шашки. Въ свою очередь казаки, поддержанные нѣсколькими милиціонерами изъ кавказ-

скихъ татаръ, несмотря на численное превосходство непріятеля, смѣло врѣзались въ ихъ толпы. Уступая однако многочисленному противнику, наши казаки, при помощи артиллерійскаго и ружейнаго огня подбѣжавшей пѣхоты, послѣ жаркой схватки, отошли къ колоннѣ, а тэкинцы удалились обратно къ Ягманъ Батыру. Потеря наша въ этой схваткѣ оказалась: убитыми четыре казака, три милиціонера и 11 лошадей. Похоронивъ тѣла убитыхъ, колонна продолжала движеніе.

Почти одновременно съ этой атакой, другая масса непріятельской конницы завязала перестрѣлку съ лѣвой кавалерійской цѣпью первой колонны, а затѣмъ часть ея бросилась въ атаку. Послѣ схватки съ нашей милиціей и драгунами, тэкинцы, оставивъ на мѣстѣ четыре тѣла, отошли назадъ и затѣмъ часть изъ нихъ осталась у мельницы, лежащей въ двухъ верстахъ ниже по арыку отъ Денгиль-тепе, а другая остановилась сѣвернѣе означеннаго укрѣпленнаго аула.

Подойдя къ аулу, авангарду видно было, что бугоръ среди него, наружный фасъ и пространство близь крѣпости, составлявшій передовой опорный пунктъ, было покрыто сплошной массой непріятеля.

Въ 600 саженяхъ отъ западнаго фаса авангардъ былъ остановленъ. Людямъ данъ отдыхъ, а изъ конныхъ орудій сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ по толпамъ тэкинцевъ. Послѣ часоваго отдыха, авангардъ былъ передвинутъ на другую позицію, въ 350 саженяхъ отъ аула. Здѣсь войска были перестроены въ боевой порядокъ и вся артиллерія авангарда (4 конныхъ, 2 горныхъ орудія) открыла огонь по непріятелю, занимавшему густыми массами водопроводную канаву, идущую передъ ауломъ, и все пространство между нимъ и передовымъ укрѣпленіемъ. Въ это же время приказано было части нашей кавалеріи съ ракетами и двумя горными орудіями очистить отъ непріятельской конницы мѣстность къ сѣверу отъ Денгиль-тепе и затѣмъ обойти непріятельскую позицію для дѣйствій у него въ тылу.

Отогнавъ большую часть тэкинцевъ изъ передовыхъ закрытій, авангардъ двинулся впередъ въ боевомъ порядкѣ.

Аулъ Денгиль-Тепе расположенъ въ видѣ четырехугольника,

съ сѣверной и западной сторонъ обнесеннаго глинистымъ валомъ, съ наружнымъ и внутреннимъ рвами, частію наполненными водою изъ арыковъ. Кромѣ того, мѣстами, позади этой ограды, для усиленія обороны были установлены въ нѣсколько сплошныхъ рядовъ кибитки, изъ которыхъ многія наполнены землею. Позади этихъ кибитокъ были скучены кибитки собравшагося населенія съ его домашнимъ имуществомъ. Пространство впереди укрѣпленнаго аула, а также и внутри изрѣзано множествомъ оросительныхъ канавъ и покрыто густою сѣтью глиняныхъ стѣнокъ.

Въ это время, поддерживаемые сильнымъ ружейнымъ огнемъ съ вала, толпы пѣшихъ тэкинцевъ, преимущественно вооруженные холоднымъ оружіемъ, вышли изъ за вала и ближайшихъ къ нему закрытій и устремились съ гикомъ на встрѣчу колоннъ. Послѣ нѣсколькихъ дружныхъ залповъ пѣхоты и учащеннаго огня картечными гранатами конной полубатареи и горнаго взвода, тэкинцы, оставивъ на мѣстѣ массу труповъ, повернули назадъ, и войска вслѣдъ за ними бросились къ крикомъ «ура», а конная полубатарея, вынесшись въ карьеръ, открыла огонь съ 200 саж. Стрѣлки быстро овладѣли передовымъ укрѣпленнымъ валомъ и вмѣстѣ съ другими устремились за отступившимъ непріятелемъ.

Не признавая тогда возможнымъ овладѣть сильно укрѣпленнымъ ауломъ, обороняемымъ многочисленнымъ противникомъ, одними войсками авангарда *), приказано было, въ ожиданіи прихода второй колонны, остановить наступленіе, залечь въ ближайшихъ къ валу закрытіяхъ и продолжать огонь по защитникамъ. Изъ крѣпостцы и изъ мельницы, вблизи ея находящейся, пришлось выбивать тэкинцевъ штыками. По защитникамъ мельницы можно было судить, на какое отчаянное сопротивленіе рѣшились туркмены, такъ какъ только смерть заставляла ихъ прекратить оборону.

Кавалерія наша, перейдя арыкъ у второй мельницы, была

---

*) Зачѣмъ же было начинать эту атаку, не дождавшись прихода всѣхъ войскъ?. *Примѣч. автора.*

встрѣчена оттуда сильнымъ огнемъ. Дагестанскіе всадники и милиціонеры смѣло бросились на коняхъ черезъ изгороди, джугару, канавы и изрубили засѣвшихъ тамъ тэкинцевъ; не избѣжали шашекъ нашихъ храбрецовъ и засѣвшіе въ мельницѣ.

Въ это же время изъ Денгиль-Тепе къ нашей кавалеріи стала пробираться по оврагамъ и арыку тэкинская пѣхота. Противъ нея была выдвинута ракетная сотня съ спѣшенными драгунами и непріятельская пѣхота принуждена была возвратиться въ укрѣпленіе, а кавалерія наша продолжала движеніе, очищая поле отъ конныхъ тэкинцевъ.

Для дѣйствій на сообщенія непріятеля были отправлены двѣ сотни дагестанскихъ всадниковъ; по пути, встрѣтивъ крѣпостцу занятую непріятелемъ, открывшимъ по дагестанцамъ огонь, эти молодцы, не смотря на удаленность отъ отряда и свою малочисленность, спѣшились, атаковали и взяли укрѣпленіе. Затѣмъ они же произвели блистательную атаку противъ значительно превосходнаго непріятеля, вышедшаго изъ аула. Наши дагестанскіе горцы поддержали здѣсь свою воинственную славу.

Горный взводъ и ракетная сотня продолжали обстрѣливать непріятеля съ сѣверной стороны укрѣпленія. Сюда же была переведена стрѣлковая рота, которая открыла мѣткій огонь черезъ выходъ, устроенный въ брустверѣ, по тэкинцамъ, стоявшимъ на банкетѣ западнаго фаса укрѣпленія. Вскорѣ однако, выходъ этотъ былъ забранъ войлоками и разнымъ имуществомъ изъ ближайшихъ кибитокъ, и такимъ образомъ тэкинцы были прикрыты отъ огня стрѣлковъ.

Къ тремъ часамъ пополудни подошла вторая колонна. Послѣ небольшаго отдыха на арыкѣ, Эриванцы, Грузинцы, четыре конныя и два пѣшія орудія были переведены черезъ арыкъ и расположены противъ сѣвернаго фаса укрѣпленнаго аула. Противъ западнаго фаса остались саперы, Куринцы, Кабардинцы, три роты сводно-стрѣлковаго батальона, два полевыхъ и два горныхъ орудія.

Вагенбургъ былъ остановленъ сзади въ $^1/_2$ верстѣ отъ передовой крѣпости, подъ прикрытіемъ шести сводныхъ ротъ.

Въ общемъ резервѣ у вагенбурга оставлены: 4-й батальонъ Ширванскаго полка и двѣ казачьи сотни.

Имѣя въ виду, что въ случаѣ успѣха непріятель можетъ броситься чрезъ восточный фасъ, относительно слабо занятый, генералъ-маіоръ Ломакинъ послалъ одну сотню, съ двумя конными орудіями и полуэскадрономъ драгунъ, для усиленія дѣйствовавшей тамъ кавалеріи, причемъ приказалъ узнать о положеніи дѣлъ въ той сторонѣ. Между тѣмъ, по овладѣніи войсками авангарда отдѣльными укрѣпленіями и валами впереди Денгиль-тепе, занятыми массой непріятельскихъ стрѣлковъ, отбитыхъ и отброшенныхъ съ большою потерей въ главный укрѣпленный аулъ, Ломакинъ приказалъ начать обстрѣливаніе этого аула изъ всѣхъ орудій. Дѣйствіе нашей артиллеріи сначала изъ шести, а потомъ, съ приходомъ второй колонны, изъ 12-ти орудій, противъ густо сплоченнаго непріятеля, должно было быть ужасно, и хотя внутри аула, какъ говорятъ, устроены были крытые ходы и блиндажи, но не смотря на то, по словамъ плѣнныхъ, потери туркменъ были громадны. Жены и дѣти, по настоянію ишановъ (духовенство), были привлечены въ это укрѣпленіе, для того, чтобы заставить защитниковъ его умереть или побѣдить, чтобы не было возможности возврата и бѣгства, чѣмъ и объясняется та изумительная стойкость и ожесточеніе, какія непріятель выказалъ въ этомъ дѣлѣ.

Вскорѣ послѣ начала бомбардированія, изъ аула стали выходить къ нашей кавалеріи, обошедшей аулъ съ тыла, туркмены, съ просьбою прекратить огонь артиллеріи и начать переговоры. Генералъ-маіоръ Ломакинъ послалъ офицера объявить имъ, что требуетъ для сего выхода имамовъ и другихъ почетныхъ лицъ, хановъ и старшинъ. По всему видно было, что непріятель только затягиваетъ время, чтобы ночью оставить аулъ; нѣсколько каравановъ уже начинали вытягиваться изъ него, но наша кавалерія возвращала ихъ обратно *). Кон-

*) Непростительная ошибка! Если бы генералъ Ломакинъ былъ опытный, кавказскій боевой офицеръ, то не посылалъ бы отрѣзывать пути отступленія тэкинцамъ и не ослаблялъ бы себя отправкой почти всей кавалеріи, оставшейся въ бездѣйствіи, когда ея присутствіе могло имѣть рѣшающее вліяніе на ходъ дѣла, при вылазкахъ непріятеля. *Прим. автора.*

ница непріятельская, послѣ нанесеннаго ей нашими колоннами пораженія, уже не возвращалась въ Денгиль-тэпе, а направилась черезъ Куматлы къ Асхабаду, гдѣ устроенъ былъ второй непріятельскій укрѣпленный лагерь, и гдѣ, какъ слышно, было уже нѣсколько тысячъ мервскихъ туркменъ. Главные предводители текинцевъ въ дѣлѣ подъ Денгиль-тэпе: старшій сынъ Нурверды-хана Мервскаго, Верды-Мурадъ-ханъ и Кара-Батырь, постоянно предводительствовавшіе текинцами въ ихъ прежнихъ набѣгахъ, были убиты.

Въ виду всего этого, признавая необходимымъ воспользоваться паникой, какую возбудилъ въ нихъ нашъ артиллерійскій огонь, а также тѣмъ, что тутъ сосредоточено было почти все населеніе Тэке, генералъ-маіоръ Ломакинъ полагалъ полезнымъ тогда же нанести ему рѣшительный ударъ, не давъ непріятелю опомниться и ночью уйти изъ Денгиль-тэпе, такъ какъ о таковомъ намѣреніи непріятеля имѣлись свѣдѣнія. При этомъ имѣлась въ виду невозможность сколько нибудь продолжительнаго пребыванія отряда въ бездѣйствіи, при ограниченномъ запасѣ продовольствія и при отсутствіи свѣдѣній о ходѣ подвозовъ съ базы.

Вслѣдствіе этихъ соображеній, рѣшено было атаковать Денгиль-тэпе всѣми силами, какъ только отдохнутъ послѣднія пришедшія со второю колонною войска. Для этого, въ 5 часовъ вечера, на тѣхъ же мѣстахъ, пѣхота была перестроена въ ротныя колонны въ двѣ линіи съ цѣпью впереди, участившею огонь вмѣстѣ съ артиллеріей по обороняющимся.

По условленному сигналу—залпу четырехъ орудій, войска колоннъ флигель-адъютанта полковника князя Долгорукова противъ западнаго фаса и генералъ-маіора графа Борха противу сѣвернаго пошли одновременно на штурмъ. Не смотря на градъ пуль, осыпавшихъ нашихъ храбрецовъ, войска шли какъ на маневрахъ стройными колоннами, предшествуемыя цѣпью стрѣлковъ. Непріятель, не смотря на свое численное превосходство, не выдержалъ перваго дружнаго натиска. Гренадеры штыками проложили себѣ путь внутрь аула, сбрасывая толпы тэкинцевъ съ бруствера и выбивая ихъ изъ-за рядовъ кибитокъ. Съ западной стороны пѣхота авангарда была остановлена рвомъ до

2-хъ сажень глубиной и шириной, съ отвѣснымъ эскарпомъ *); многіе изъ храбрецовъ, взлѣзшіе по одиночкѣ, съ помощію товарищей изъ рва на брустверъ, поплатились жизнію. Здѣсь палъ храбрый командиръ сводно-стрѣлковаго батальона, маіоръ Сафоновъ. Долго стрѣлки отстаивали своего раненаго командира, но подавленные многочисленнымъ непріятелемъ, израненные, принуждены были отойти. Поручикъ Невтоновъ, взявшій маіора Сафонова на плечи, раненый шашкой, долженъ былъ его оставить.

Съ перваго шага по овладѣніи валомъ сѣвернаго фаса, нашей горсти храбрецовъ пришлось бороться съ непреоборимыми искусственными препятсвіями, глубокими рвами, наполненными водою, высокими стѣнками, сплошными рядами кибитокъ, наполненныхъ землею и пескомъ, и все это отбивать у въ десятеро сильнѣйшаго и ожесточеннаго непріятеля. Отъ людей, *находившихся на ногахъ весь день* и столько времени въ бою, нельзя было требовать большихъ усилій. Между тѣмъ, дальше въ глубь аула, число обороняющихся возростало и чрезъ то стали возростать потери въ рядахъ и безъ того уже ослабленныхъ нашихъ батальоновъ, а потому имъ ничего болѣе не оставалось, какъ отойти.

Отступленіе ободрило тэкинцевъ; толпа ихъ, болѣе 3,000 человѣкъ, сдѣлала отчаянную вылазку съ сѣвернаго фаса и бросилась въ шашки вслѣдъ за отходившими гренадерами и стрѣлками съ такою стремительностью, что только у батареи, открывшей огонь картечью, возможно было, усиліями командировъ, устроить отступившихъ гренадеръ и они, не смотря на усталость, вновь устроившись, бросились въ штыки, опрокинули непріятеля и двинулись вторично на штурмъ аула.

Тэкинцы, при вылазкѣ, въ своемъ неудержимомъ натискѣ, наскочили на конную батарею, но здѣсь встрѣченные картечнымъ огнемъ, направленнымъ съ замѣчательнымъ спокойствіемъ и мужествомъ есауломъ Макухо, и дружнымъ ударомъ въ шашки

---

*) Еще доказательство неопытности: повели штурмъ безъ предварительной рекогносцировки. *Прим. автора.*

казачьей артиллерійской прислуги, были съ большой потерей опрокинуты.

Колонна князя Долгорукова, какъ сказано было, встрѣтила очень глубокій ровъ, наполненный водою. Вслѣдствіе этого, она не въ состояніи была проникнуть далеко въ аулъ и потеряла много людей во рву, куда тэкинцы сосредоточили самый сильный огонь. По отступленіи этой колонны, вылазка тэкинцевъ противъ нея была произведена не такъ стремительно и при томъ меньшимъ числомъ непріятеля, почему Кабардинцы и Куринцы спокойно отошли и заняли позиціи, которыя занимали до штурма.

Съ переходомъ тэкинцевъ въ наступленіе, вслѣдъ за гренадерами, дабы удержать натискъ непріятеля, изъ резерва былъ двинутъ 4-й Ширванскій батальонъ. Перейдя глубокій оврагъ, батальонъ перестроился въ ротныя колонны, съ музыкой и распущеннымъ знаменемъ пошелъ на встрѣчу вышедшему изъ аула въ превосходныхъ силахъ непріятелю. Встрѣченный огнемъ, батальонъ продолжалъ наступать, но потерялъ раненымъ батальоннаго командира маіора Шауфуса, а въ передовой ротѣ всѣхъ офицеровъ, фельдфебеля и до 30 человѣкъ нижнихъ чиновъ, и потому, а также въ виду наступившихъ сумерекъ, во избѣжаніе дальнѣйшихъ напрасныхъ потерь, Ширванцевъ отвели обратно и въ тоже время отозваны отъ аула и всѣ прочія войска...

Успѣшному отраженію вылазки тэкинцевъ много содѣйствовала атака полуэскадрона драгунъ и ракетной сотни, дѣйствовавшей шашками.

На ночь лагерь былъ устроенъ въ верстѣ отъ Денгиль-тэпе. Люди были сильно утомлены и потому приходилось смѣнять часовыхъ въ аванпостной цѣпи черезъ каждые полтора часа. Ночью непріятель насъ не тревожилъ; по реву верблюдовъ слышно было, что онъ большими массами направляется изъ аула.

Въ виду сильнаго утомленія людей, истощенія у насъ патроновъ и снарядовъ, (хотя ихъ имѣли съ собою три комплекта) отвода воды изъ арыка противъ Денгиль-тэпе, значительнаго

числа раненыхъ, которымъ ночью не могли сдѣлать перевязки, необходимо было отойти къ ближайшей водѣ, у аула Карры-Каризъ, въ 10-ти верстахъ отъ Денгиль-тэпе. Переходъ этотъ не могъ утомить людей, а крѣпкая позиція въ аулѣ и хорошая вода позволяли людямъ лучше отдохнуть и давала возможность спокойно перевязать всѣхъ раненыхъ. Предъ разсвѣтомъ отрядъ снялся съ позиціи и отступилъ...»

Вся потеря наша была, убитыми: штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 6, нижнихъ чиновъ 170; ранеными: штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 19, нижнихъ чиновъ 248. Безъ вѣсти пропавшихъ нижнихъ чиновъ 8 *). Для отряда состоявшаго всего изъ 3,000 человѣкъ, включая офицеровъ, потеря весьма значительная. Непріятель же потерялъ, по самому скромному расчету, не менѣе 1,000 человѣкъ.

Неудача, постигшая отрядъ, само собою, произвела общее тягостное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что всякому было понятно, какъ это должно ободрить туркменъ къ продолженію враждебныхъ дѣйствій и обрадовать многочисленныхъ враговъ Россіи. Подробный и вполнѣ основательный разборъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла теперь еще невозможенъ, да и едва-ли когда нибудь можно будетъ составить себѣ вѣрное опредѣленіе обо всѣхъ причинахъ печальнаго исхода экспедиціи. Въ подобныхъ случаяхъ—что ни голосъ очевидца и участника,—то другой тонъ, другіе мотивы; безпристрастія мало, да и различіе взглядовъ мѣшаютъ установиться безповоротно вѣрному рѣшенію.

Соображая оффиціальныя данныя съ нѣкоторыми разсказами участниковъ, можно придти къ слѣдующему, приблизительно вѣрному опредѣленію причинъ неудачи: во 1-хъ, смерть генералъ-адъютанта Лазарева не только лишила отрядъ опытнаго, съ твердымъ самостоятельнымъ характеромъ начальника, но и самихъ туркменъ ободрила къ болѣе дерзкому образу дѣйствій, такъ какъ они уже имѣли достаточныя

---

*) Кабардинскій батальонъ потерялъ убитыми: капитана Скорино и прапорщика Смирнова, ранеными: поручика Головачева и подпоручика Гусакова: нижнихъ чиновъ убито 30.

свѣдѣнія о личности Лазарева и обаяніе его извѣстности сильно дѣйствовало на нихъ; во 2-хъ, генералъ-маіоръ Ломакинъ, при всей своей опытности въ административномъ отношеніи по дѣламъ Закаспійскаго края, никогда значительными отрядами не командовалъ и самостоятельно военными дѣйствіями не руководилъ, (ибо его рекогносцировки невстрѣчали серьезнаго сопротивленія и ихъ нельзя считать достаточной школой), да къ тому же неожиданно попалъ въ начальники отряда, въ составѣ котораго были еще два генералъ-маіора свиты и нѣсколько другихъ флигель-адъютантовъ, вообще высшихъ чиновъ; въ 3-хъ, на линіи сообщеній было оставлено слишкомъ много войскъ, тогда какъ очевидно было, что тэкинцы при наступленіи нашемъ въ сердце ихъ оазиса соберутся тамъ поголовно для упорной защиты, а не станутъ раздроблять свои силы посылкой большихъ партій для нападенія на наши этапныя укрѣпленія; слѣдовательно, нужно было стараться сосредоточить сколько можно было болѣе войскъ для главнаго удара; а при данныхъ обстоятельствахъ даже лишнихъ двѣ-три роты могли играть рѣшающую роль; въ 4-хъ, при такомъ незначительномъ составѣ отряда, какъ 6 батальоновъ, едва имѣвшихъ по 400 штыковъ съ строю, не слѣдовало вовсе раздѣлять его на три отдѣльныя колонны, а на послѣднемъ переходѣ къ Денгиль-тепе идти вмѣстѣ, имѣя въ авангардѣ, въ близкомъ разстояніи, части кавалеріи и избѣгая раздробленія частей отдѣленіемъ отъ батальоновъ по одной ротѣ къ обозу; въ 5-хъ, подойдя къ укрѣпленію съ утомленнымъ маршемъ войскомъ, не слѣдовало въ тотъ день предпринимать рѣшительной атаки, а тѣмъ болѣе еще пускать одинъ авангардъ, напрасно только утомившійся и потерявшій людей, ободрившій своимъ отступленіемъ туркменъ; довольно было ограничиться непродолжительной бомбардировкой изъ всѣхъ 12-ти орудій и посмотрѣть, какое дѣйствіе произведетъ этотъ приступъ къ дѣлу. Если бы это не повліяло на рѣшимость туркменъ защищаться, то дѣло не ухудшалось, а между тѣмъ понесенныя ими отъ бомбардировки потери во всякомъ случаѣ ослабляли противника въ такое время, когда мы еще никакой потери не имѣли. Если же бы они воспользовались ночью

и бросили укрѣпленіе, то тѣмъ лучше: приготовленная къ немедленному движенію, наша кавалерія могла бы ихъ преслѣдовать и нанести совершенное пораженіе, потому что обремененные караваномъ съ семьями и имуществомъ, самые храбрые и ловкіе люди лишены возможности свободно дѣйствовать, особенно противъ болѣе стройныхъ, неменѣе храбрыхъ казаковъ и драгунъ, поддерживаемыхъ конною артиллеріею, ракетами и попятамъ слѣдующею пѣхотою. Между тѣмъ укрѣпленіе было бы занято, вѣсть о бѣгствѣ тэкинцевъ разнеслась бы мгновенно по Азіи, обаяніе ихъ непобѣдимости исчезло бы, а слава нашего оружія окончательно была бы утверждена; въ 6-хъ, отрѣзывать всѣ пути отступленія туркменамъ изъ Денгиль-тепе было во всякомъ случаѣ большой ошибкой, потому что это доводило ихъ до отчаянія и заставляло драться на смерть. Это понимали ихъ старшины и потому собрали всѣ семейства въ крѣпость. Между тѣмъ, какъ съ уходомъ семействъ, большинство защитниковъ, безъ сомнѣнія, бросились бы за ними—подъ предлогомъ прикрытія отъ нашихъ нападеній; наконецъ, въ 7-хъ, послѣ неудачи не слѣдовало ни въ какомъ случаѣ предпринимать такого поспѣшнаго отступленія ночью: это роняло насъ и въ глазахъ непріятеля, и въ собственныхъ. Можно было съ разсвѣтомъ даже возобновить артиллерійскій огонь, выждать разъясненія предположеній непріятеля, понесшаго такія огромныя потери и успѣвшаго ночью выпроводить свои семейства изъ укрѣпленія, а за тѣмъ уже если бы неизбѣжно было отступать, то совершить это хотя нѣсколькими часами позже, но стройно, въ порядкѣ, внушительно, такъ чтобы непріятель видѣлъ, что случайная неудача не измѣняетъ грозной силы русскаго отряда. Какого преслѣдованія можно было ожидать отъ ошеломленныхъ потерями туркменъ! Да и что значили бы ихъ преслѣдованія для свернувшагося въ каре отряда, которому нужно было пройти всего 10 верстъ до выгодной позицій?

И такъ послѣ, долгихъ приготовленій, отрядъ нашъ 28-го августа 1879 года потерпѣлъ въ тэкинскомъ оазисѣ неудачу и отступилъ. Впечатлѣніе этотъ эпизодъ, какъ сказано, имѣлъ вездѣ дурное, и даже іомуды, въ теченіе десяти лѣтъ почти

вполнѣ покорные, рѣшились составить шайки и начать грабить; тэкинцы же, конечно, съ не бывалою дерзостью возобновили свои хищническіе подвиги, нападая и на оставшихся намъ покорными туркменъ, истребляя цѣлые аулы и все встрѣчаемое по дорогамъ. Они отправили къ сосѣднему буджнурдскому хану, (въ Персіи) хвастливое письмо объ усѣянномъ русскими трупами и ружьями полѣ, благодарили его что онъ не оказывалъ русскимъ содѣйствія и т. д. До этого тэкинцы не были почти въ союзѣ съ Мервомъ, а послѣ имъ обѣщали оттуда большое подкрѣпленіе съ 6-ю пушками. Однимъ словомъ, отступленіе въ глазахъ азіятцевъ всегда считавшееся синонимомъ пораженія, въ этотъ разъ окончательно и не безъ основаній было принято за наше пораженіе, а тэкинцы причисленны къ непобѣдимымъ.—Но не чуяли всѣ эти дикари, что ихъ ожидаетъ въ ближайшемъ будущемъ!..

На мѣсто генерала маіора Ломакина былъ отправленъ генералъ-лейтенантъ Теръ-Гукасовъ, одинъ изъ лучшихъ кавказскихъ боевыхъ генераловъ и не менѣе Лазарева могущій выполнить предстоявшую задачу. Прибывъ на мѣсто, онъ нашелъ войска и лошадей въ хорошемъ состояніи, но совершенное отсутствіе перевозочныхъ средствъ и потому невозможность возобновить дѣйствія. Онъ, поэтому, и распорядился тотчасъ возвратить всѣ лишнія войска на Кавказъ, а между тѣмъ въ Дузъ-Олумѣ устроить укрѣпленіе съ мостомъ чрезъ Сумбаръ (притокъ Атрека). Такимъ образомъ отъ Чекишляра къ Тэкинскому оазису уже образовался рядъ укрѣпленій, обезпечивающихъ сообщенія и дающихъ опору наступленію.

Въ октябрѣ приказано было войскамъ возвратиться чрезъ Баку и Петровскъ. Батальонъ Кабардинскаго полка прибылъ въ Хасавъ-юртъ 22-го ноября, за исключеніемъ 16-й роты, которая оставалась съ обозомъ и прибыла еще двумя недѣлями позже. Послѣ этого Кабардинцы уже больше за Каспій не командировались и не пришлось имъ принять участія въ томъ разгромѣ, который нанесъ тэкинцамъ генералъ Скобелевъ въ началѣ 1881 года, когда и туркмены Ахалъ-тэке, эти столь упорные противники, подобно кавказскимъ джигитамъ, усѣявъ

свою песчаную степь десяткомъ тысячъ труповъ, вынуждены были склонить выю предъ русскою доблестью. Азія вновь познала, что напрасны всякія надежды ея на сопротивленіе русскому штыку, а западные друзья зашипѣли и занялись соображеніями о дальнѣйшихъ мѣрахъ на защиту «свободы и цивилизаціи Европы», какъ выражаются политическіе ханжи.

Съ того времени полкъ ведетъ мирную жизнь въ своемъ старомъ штабѣ Хасавъ-юртѣ; два батальона по очередно посылаются для содержанія карауловъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру и Грозный, остальные два остаются дома, занимаясь фронтовымъ образованіемъ или работами. Лѣтомъ обыкновенно собирается близъ кр. Воздвиженской дивизіонный кампаментъ, въ которомъ свободные отъ другихъ служебныхъ занятій части совершенствуютъ свои фронтовыя познанія.

Въ полковой церкви находятся образа въ серебрянныхъ ризахъ: въ алтарѣ явленіе Іисуса Христа своимъ ученикамъ Ѳомѣ и др., съ надписью внизу образа: «стараніемъ при бытности въ Брянскомъ полку полковникомъ графомъ Ѳедоромъ Александровичемъ Апраксинымъ 1795 года января 20 дня». Образъ этотъ въ видѣ царскихъ вратъ, а около него два старинныхъ образа—Николая Чудотворца и Дмитрія Ростовскаго Чудотворца. Въ церкви образа: «Богоявленіе Господне» съ надписью 1795 году и «Казанской Божіей Матери» съ надписью: «сооруженъ отъ усердія иждивеніемъ Брянскаго пѣхотнаго полку полковника графа Ѳедора Александрова сына Апраксина въ 1794 году декабря 24 дня». Кромѣ того образъ съ надписью: 3-му батальону егерскаго князя Чернышева полка, въ память 14 іюня 1845 года, отъ батальоннаго командира князя Барятинскаго». Затѣмъ отъ каждой роты 20 ротныхъ образовъ (по прежнему 5-му батальонному составу).

Въ залѣ дома, занимаемаго полковымъ командиромъ, находятся четыре шефскихъ портрета: Императора Александра II, Государя Императора—настоящаго Державнаго шефа, князя Барятинскаго и князя Чернышева. Около нихъ въ пирамидкахъ стоятъ бельгійскіе штуцера, выписанные въ 1847 году княземъ Барятинскимъ для охотничьей команды; сама же знаменитая команда съ 1873 года упразднена.

Въ полковомъ саду, вблизи церковной ограды, сохраняется памятникъ съ слѣдующею надписью: «здѣсь покоится прахъ подполковника Константина Траскина, командира 3-го батальона Кабардинскаго, нынѣ егерскаго генералъ-адъютанта князя Чернышева полка, павшаго за честь и славу русскаго оружія въ бою съ горцами 1842 года іюня 2 дня». На другой сторонѣ: «послѣдній долгъ храброму отъ имени полка и брата». Въ саду же есть и другой памятникъ, съ надписью на одной сторонѣ: «Кабардинскаго пѣхотнаго генералъ-фельдмаршала князя Барятинскаго полка въ дѣлахъ съ горцами на Кавказѣ съ 1839 по 1860 годъ всѣхъ чиновъ убито 2131, ранено 3084», а на оборотѣ: «признательный полкъ своимъ въ бою павшимъ сослуживцамъ».

Въ полковомъ клубѣ еженедѣльно ведутся военныя бесѣды и военная игра; по праздникамъ и воскресеньямъ устраиваются танцовальные вечера, играютъ въ биксъ, въ шахматы и на билліардѣ. Общей столовой при клубѣ нѣтъ, но всѣхъ принадлежностей—бѣлья, сервизовъ и проч. есть на 120 человѣкъ и во время выступленія батальоновъ въ дивизіонный лагерь устраивается общій столъ. Въ библіотекѣ 2200 томовъ; изъ періодическихъ изданій, кромѣ главныхъ газетъ, получаются Отечественныя Записки, Дѣло, Русскій Вѣстникъ, Вѣстникъ Европы, Русская Рѣчь, Русскій Архивъ, Русская Старина, Военный, Артиллерійскій и Инженерный Сборникъ, Природа и Охота, Библіотека для чтенія.

На этомъ я оканчиваю исторію Кабардинцевъ. Каковы они были въ теченіе болѣе полутораста лѣтъ, читатель можетъ видѣть изъ моего посильнаго труда; таковыми же будутъ они и впредь, когда военная труба опять призоветъ ихъ къ оружію, и—нѣтъ сомнѣнія— слава имени Кабардинцевъ не померкнетъ никогда. Пусть подвиги предшественниковъ служатъ нашему дорогому полку путеводною нитью на славномъ поприщѣ служенія Престолу и святой Руси, на защиту ея могущества и поддержанія исконной славы русскаго оружія!

КОНЕЦЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Всемилостивѣйшая телеграмма полученная отъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Николаевича изъ Орла, 26 октября 1881 года.

Владикавказъ, командиру Кабардинскаго генералъ фельдмаршала князя Барятинскаго полка, через Владикавказъ. Желая показать особое Мое уваженіе Вашему Шефу и его славному полку, Я зачисляю Себя въ Ваши ряды въ тотъ самый день, когда 21 годъ тому назадъ Я заслужилъ Георгіевскій крестъ, и буду гордиться носить Вашъ мундиръ.

Александръ.

Всемилостивѣйшая телеграмма Императора Александра Николаевича, полученная изъ С.-Петербурга, января 6 дня 1879 года.

Хасавъ-юртъ, командиру Кабардинскаго полка черезъ Грозную. Поздравляю молодцевъ Кабардинцевъ съ полковымъ праздникомъ. Въ ознаменованіе подвиговъ, при усмиреніи Чечни въ 1877 году, жалую офицерамъ полка золотыя петлицы, установленныя за боевыя отличія, и повторяю Мое спасибо за то, что Кабардинцы достойно поддержали свою прежнюю славу.

Александръ.

Всемилостивѣйшая телеграмма полученная отъ Государя Императора Александра Николаевича изъ С.-Петербурга, 26 февраля 1879 года.

Хасавъ-юртъ, командиру Кабардинскаго пѣхотнаго полка. Шефъ Вашъ, фельдмаршалъ князь Барятинскій скончался вчё-

ра скоропостижно въ Женевѣ. Въ память незабвенныхъ его заслугъ, полку сохранится на всегда имя покойнаго фельдмаршала, и наложить трауръ на девять дней; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ знакъ особаго Моего уваженія къ подвигамъ полка, принимаю на Себя званіе Шефа.

Александръ.

Высочайшій приказъ, отданный въ С.-Петербургѣ 1 марта 1879 года.

Его Императорское Высочество, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ назначается вторымъ Шефомъ 80-го пѣхотнаго Кабардинскаго Генералъ - Фельдмаршала князя Баратинскаго полка.

Подписалъ: Военный Министръ, Генералъ-Адъютантъ Графъ Милютинъ.

Приказъ по 20-й пѣхотной дивизіи. 2-го сего мая (1880 года) я получилъ изъ С.-Петербурга, отъ командующаго войсками Терской области генералъ-адъютанта Свистунова, телеграмму слѣдующаго содержанія: «вчера, въ день моего дежурства, Государь Императоръ, выйдя къ обѣду въ сюртукѣ Кабардинскаго полка, соизволилъ осчастливить меня слѣдующими милостивыми словами: форму эту надѣлъ для тебя, въ честь славной 20 дивизіи; всегда радъ случаю видѣть *дорогой* моему сердцу 20-й номеръ». Невыразимо счастливъ, что могу извѣстить Васъ и Вашихъ подчиненныхъ объ этомъ новомъ знакѣ высокаго монаршаго благоволенія»

Гордясь таковою телеграммой, объявляю ее славнымъ полкамъ командуемой мною дивизіи. Командующій 20-ю дивизіею генералъ-маіоръ Авиновъ.

СПИСОКЪ.

Штабъ-офицерамъ Кабардинскаго полка съ 1732 года *) по порядку времени зачисленія въ полкъ.

Премьеръ-маіоръ Филипъ Гнамъ,	Въ 1734 г. умеръ.
Премьеръ-маіоръ Севастьянъ Обловъ.	Въ 1737 г. произв. въ подполковники въ Бакинскій полкъ.
Секундъ-маіоръ Никита Спицынъ.	Въ 1738 г. произведенъ въ премьеръ-маіоры въ Казанскій полкъ.
Подполковникъ Иванъ Безобразовъ.	Въ 1737 г. произв. въ полковники въ Куринскій полкъ.
Подполковникъ Петръ Мичуринъ.	Въ 1738 г. уволенъ въ отставку.
Премьеръ-маіоръ Степанъ Веревкинъ.	Съ 1740 уже непоказанъ въ полку.
Премьеръ-маіоръ Алексѣй Языковъ.	Въ 1746 г. произв. въ подполковники въ Углицкій полкъ.
Подполковникъ Андрей Фливеркъ.	Въ 1743 г. произведенъ въ полковники въ Ярославскій полкъ.
Секундъ-маіоръ Петръ Щербачевъ.	Въ 1745 былъ отставленъ, въ 1747 г. опять зачисленъ, а въ 1752 уже непоказанъ въ спискѣ; но въ 1758 значится команд. 3-го Кронштадскаго батальона.
Премьеръ-маіоръ Князь Николай Доргорукій.	Неизвѣстно.

*) До 1732 г. вообще никакихъ списковъ не оказывается; съ этого же года только списки штабъ-офицеровъ и тѣ съ большими пропусками, какъ въ отмѣткахъ, такъ и за цѣлые годы, а оберъ-офицерскіе самые отрывочные. Что найдено въ Петербургѣ и Москвѣ, то здѣсь и помѣщается за исключеніемъ полковыхъ командировъ, о которыхъ особый списокъ приложенъ ко II-му тому.

Секундъ-маіоръ Иванъ Рейнгольдъ.	Въ 1752 произв. въ премьеръ-маіоры, а съ 756 уже непоказанъ въ спискахъ.
Премiеръ-маіоръ Карлъ Таубе.	Въ 1755 произв. въ подполковники, а въ 1761 уже не значится въ полку.
Секундъ-маіоръ Георгій фонъ-Голтей.	Тоже.
Секундъ-маіоръ Матвѣй Качаловъ.	Никакихъ свѣдѣній не найдено.
Секундъ-маіоръ Людвигъ фонъ-Фрейдерсдорфъ.	
Секундъ-маіоръ Георгій фонъ-Толь.	
Секундъ-маіоръ Семенъ Невскій.	
Подполковникъ Михаилъ Бороздинъ.	
Премiеръ-маіоръ Вильгельмъ Эллерсъ.	Въ 1768 произв. въ подполковники.
Секундъ-маіоръ Василій Мортонъ, изъ капитановъ Кабард. же полка.	Въ 1768 г. уволенъ на свое пропитаніе въ гарнизонъ.
Премiеръ-маіоръ Василій Левашевъ, изъ Бѣлозерскаго полка.	Неизвѣстно.
Премiеръ-маіоръ Юрій Бибиковъ.	14-го сентября 1769 г. произведенъ въ подполковники; дальнѣйшихъ свѣдѣній нѣтъ; но должно полагать, что это впослѣдствіи генералъ-поручикъ Юрій Богдановичъ Бибиковъ, совершившій въ 1789 году несчастную экспедицію въ Анапу.
Секундъ-маіоръ Андрей фонъ-Сваненбергъ.	Неизвѣстно.
Подполковникъ Александръ Цедельманъ.	Въ 1773 произведенъ въ полковники въ Смоленскій полкъ.
Премiеръ-маіоръ баронъ Іоанъ фонъ-Ферзенъ *).	Въ 1771 г. въ подполковники въ Пермскій полкъ.

*) Впослѣдствіи знаменитый побѣдитель Костюшки при Мацѣевицы.

Премiеръ-маiоръ Никифоръ Маринъ.	Въ 1773 г. въ подполковники въ Воронежскiй гарнизонъ.
Подполковникъ Вильямъ фонъ-Гартонгъ.	Неизвѣстно.
Полковникъ Христофоръ Петерсонъ.	Въ 1771 переведенъ въ Куринскiй полкъ.
Премiеръ-маiоръ Николай Рахмановъ.	Въ 1773 переведенъ въ Ярославскiй полкъ, въ 1785 былъ генералъ-маiоръ при 2-й дивизiи.
Секундъ-маiоръ Василiй Мальцовъ.	Въ 1776 г. переведенъ въ Троицкiй полкъ.
Секундъ-маiоръ Степанъ Пущинъ.	Въ 1773 выключенъ въ 1-ю армiю.
Подполковн. Василiй Дурново.	Въ 1774 г. переведенъ въ полки Московской дивизiи.
Премiеръ-маiоръ Отто фонъ-Штрандманъ.	Въ 1775 произв. въ подполковники съ переведомъ въ Куринскiй полкъ.
Подполковникъ Ѳедоръ Мекнобъ.	Въ 1774 г. въ Невскiй полкъ извѣстный герой, ком. егерскаго батальона.
Секундъ-маiоръ Графъ Андрей Мантейфель.	Въ 1773 г. умеръ.
Секундъ-маiоръ Карлъ Рикъ.	Въ 1778 г. переведенъ въ Свiяжскiй полевой батальонъ.
Полковникъ Сергѣй Филицынъ, изъ Владимiрскаго полка.	Неизвѣстно.
Секундъ-маiоръ Отто Гинтергакъ.	Въ 1777 произв. въ премiеръ-маiоры въ Ростовскiй полкъ.
Секундъ - маiоръ Александръ фонъ-Перилле.	Въ 1775 г. переведенъ въ Углицкiй полкъ.
Подполковникъ Иванъ Германъ.	Въ 1877 г. изъ генеральнаго штаба, въ 1783 произвед. въ полковники въ Сѣвскiй полкъ, а затѣмъ въ генералъ-маiоры; извѣстный побѣдитель Баталъ-паши.
Подполковникъ Михаилъ Давыдовъ.	Изъ Преображенскаго полка, 1777 г. переведенъ въ Нарвскiй полкъ.
Секундъ-маiоръ Иванъ Букрѣевъ.	Неизвѣстно.

Премiеръ-маiоръ Егоръ Германъ. Секундъ-маiоръ Өеодоръ Усковъ. Подполковн. Өедоръ Кишенской, назначенъ командиромъ Кабардинскаго егерскаго батальона въ 1785 г. вмѣсто умершаго отъ ранъ, полученныхъ въ дѣлѣ противъ Шихъ-Мансура, подполковника (20-ти лѣтъ) Принца Гесенъ-Гейнсфельдскаго. Премiеръ-маiоръ Өедоръ Кривцовъ, изъ Астраханскаго полка.	Неизвѣстно.
Секундъ-маiоръ Митрофанъ Денисовъ.	Въ 1782 г. умеръ. Онъ будучи капитаномъ отличался во время войны 1769—74 г.
Секундъ-маiоръ Комарской.	Убитъ въ 1785 при набѣгѣ къ Шихъ-Мансуру въ Чечню.
Секундъ-маiоръ Яковъ Басъ. Секундъ-маiоръ Матуровъ. Премiеръ-маiоръ Егоръ Геркенъ. Премiеръ-маiоръ Өедоръ Буксгевденъ, Подполковникъ Фридрихъ фонъ-Вреде, изъ маiоровъ Гессенъ-Дармштатской службы. Подполк. Борисъ Мансуровъ. Подполковникъ Иванъ Глѣбовъ. Секундъ-маiоръ Иванъ Сонъ. Премiеръ-маiоръ Дрексель. Бригадиръ Дмитрiй Корсаковъ. Подполковникъ Никита Елагинъ Изъ пажей и флигель-адъютантовъ, послѣ въ гражд. службѣ надв. сов. и прокуроромъ, за тѣмъ опять въ воен. службѣ въ Кабард. полку.	Всѣ показывались по спискамъ полка между 1783 и 1794 годами, но куда и когда выбыли неизвѣстно.
Бригадиръ Георгiй Меллинъ.	Неизвѣстно.
Секундъ-маiоръ Василiй Ковалевъ.	Умеръ въ 1797 г.

Секундъ-маіоръ Александръ Некрасовъ.	Неизвѣстно.
Секундъ-маіоръ Ѳедоръ фонъ-Гаудрингъ.	
Секундъ-маіоръ Дмитріевъ.	
Маіоръ Алабинъ Андріянъ.	Уволенъ подполковн. въ 1799 г.
» Подцевъ Петръ.	Уволены въ 1798 г.
» Богдановъ Иванъ.	
» Лыковъ Петръ	Уволенъ въ 1806 г. подполковникомъ.
» Грековъ Степанъ.	Уволенъ въ 1799 г.
» Себастіянъ Иванъ.	По болѣзни въ Астраханскій гарнизонъ въ 1803 г.
» Апалевъ Петръ.	Разжалованъ въ 1804 г. въ рядовые.
Маіоръ Будбергъ Иванъ.	Уволенъ подполковникомъ въ 1805 г.
Подполковникъ Алексѣевъ Матвѣй.	Умеръ въ 1808 г.
Маіоръ Есиповъ Андріянъ.	Въ Моздокскій гарнизонъ въ 1813 г.
» Жиленковъ Николай.	Уволенъ подполков. въ 1805 г.
» Гарцевичъ Козьма.	Тоже въ 1806 г.
» Маматъ-Гирей Бадировъ.	Въ Кизлярскій гарнизонъ въ 1807 г.
» Тихоцкій Яковъ.	Въ грузинскій Гренад. полкъ въ 1817 г.
» Волковъ Александръ.	Умеръ въ 1811 г.
» Тыртовъ Петръ.	Въ 16 Егерьск. полкъ въ 1818 г.
» Пономаревъ Петръ.	Въ Ширванскій полкъ въ 1819 г.
» Грековъ 4-й.	Тоже.
Полковникъ Муромцевъ.	Уволенъ за ранами въ 1817 г.
Маіоръ Чеснокъ.	Уволенъ въ 1823 г. подполковникомъ.
» Гавриленко.	Въ Астраханскій гарнизонъ въ 1820 г.
Маіоръ Устимовъ.	Въ Саратовскій гарнизонъ въ 1821 г.
» Шапошниковъ.	Въ Астраханскій гарнизонъ въ 1821 г.

Подполковникъ Якубовичъ Федоръ.	Умеръ въ 1834 г.
Маіоръ Урнижевскій.	Переведенъ въ Навагинскій полкъ въ 1822 г.
» Акининъ.	Уволенъ за ранами подполковникомъ въ 1823 г.
Подполковникъ Тарановскій.	Умеръ въ 1828 г.
» Егоровъ Василій.	Комендантомъ въ Моздокъ въ 1833 г.
» Коротковъ Николай.	Уволенъ полковникомъ въ 1842 г.
» Денисенко Владиміръ.	Умеръ отъ ранъ въ 1839 г.
Маіоръ Генушъ.	Плацъ-маіоромъ въ Ставрополь въ 1841 г.
Подполков. Ливенцовъ.	Назначенъ команд. Навгинскаго полка въ 1831 г.
Маіоръ Татьянинъ Левъ.	Зачисленъ по арміи въ 1833 г.
» Катасановъ Николай.	Тоже.
Полковникъ Алехинъ Константинъ.	Назначенъ начальн. Кабардинской линіи въ 1846 г.
Подполковникъ Наттеръ Николай.	Умеръ въ 1854 г.
Полковникъ Кашкаревъ.	Команд. Ширванскаго полка въ 1828 г.
Маіоръ Ракусса Сущевскій Константинъ.	Уволенъ въ 1834 г.
Полковникъ Тиммерманъ Павелъ.	Комендантомъ въ Кизляръ въ 1839 г.
» Забродскій Іосифъ.	Команд. Лин. № 4 бат. въ 1838 г.
Маіоръ Савченко Бѣльскій.	Команд. Лин. № 1-й бат. въ 1835 г.
» Коробовъ Василій.	Уволенъ подполковникомъ въ 1835 г.
» Ивановъ Николай.	Умеръ отъ ранъ въ 1834 г.
» Новицкій Викентій.	Въ Куринскій полкъ въ 1837 г.
» Рудаковъ Александръ.	Уволенъ подполков. въ 1840 г.

Маіоръ Астафьевъ Владиміръ.	Умеръ въ 1845 г.
» Сервіяновъ Иванъ.	Уволенъ подполков. въ 1848 г.
» Дятковъ Андрей.	Уволенъ за ранами подполк. въ 1851 г.
» Пасынкинъ Иванъ.	Въ Черноморскій № 7-й бат. въ 1837 г.
» Трихъ Егоръ.	Въ Куринскій полкъ въ 1837 г.
Полковникъ Князь Шаховской Александръ.	Комендантомъ въ Кизляръ въ 1858 г.
Маіоръ Шагановъ Михаилъ.	Уволенъ подполков. въ 1846 г.
» Кириленко Георгій.	Убитъ въ 1848 г.
» Толмачевъ Матвѣй.	Умеръ отъ ранъ въ 1839 г.
» Сорочанъ Авксентій.	Уволенъ подполков. въ 1841 г.
Полковникъ Патковскій Лаврентій.	Командиромъ Симбирск. полка въ 1849 г.
Подполковникъ Траскинъ Константинъ.	Убитъ 2-го іюня 1842 г.
Маіоръ Орловскій Александръ	Команд. Грузинск. Лин. № 14 бат. въ 1849 г.
» Луковскій Петръ.	Въ Мингрельскій пол. въ 1841 г.
Подполковн. Шуляковскій Александръ.	Команд. Черномор. № 12 бат. въ 1844 г.
» Лойвисъ Карлъ.	Команд. Черномор. № 2 бат. въ 1841 г.
» Жердевъ Иванъ.	Ком. Кавк. № 3 бат. въ 1842 г.
Маіоръ Даниловъ Михаилъ.	Уволенъ подполков. въ 1859 г.
» Базилевичъ Семенъ.	Приставомъ Закубанскихъ ауловъ въ 1843 г.
Полковникъ Краузъ Адольфъ.	Командиромъ Рязанск. полка въ 1858 г,
Маіоръ Горяиновъ Иванъ.	Уволенъ подполков. въ 1854 г.
Подполковникъ Цытовскій Василій.	Уволенъ въ 1860 г.
» Нейманъ Дмитрій.	Ком. Лин. № 12 бат. въ 1854 г.
Маіоръ Рыковъ Карпъ.	Уволенъ подполков. въ 1843 г.
» Лукашевичъ Петръ.	Въ резерв. дивизію въ 1844 г.
» Ляховъ Николай.	Въ Могилевскій полкъ въ 1842 г.
Подполковникъ Ясинскій Ѳедотъ.	Въ резерв. дивизію въ 1853 г

Маіоръ Тютьковъ Николай.	Умеръ въ 1842 г.
Подполковникъ Островскій Михаилъ.	Убитъ въ 1842 г.
» Тиммерманъ Николай.	Команд. № 10 бат. въ 1851 г.
Полковникъ Ранжевскій Іосифъ.	Убитъ въ 1845 г.
Маіоръ Солонининъ Андрей.	Умеръ въ 1847 г.
» Масловъ Павелъ.	Уволенъ подполков. въ 1845 г.
» Киселевъ Илья.	Въ Тенгинскій полкъ въ 1860 г.
Подполков. Шелеметьевъ Николай.	Команд. Кавк. № 7 лин. бат. въ 1859 г.
» Дмитріевъ Прокофій.	Команд. Кишиневск. мѣст. бат. въ 1848 г.
» Гротенфельдъ Адольфъ.	Уволенъ полковникомъ въ 1846 г.
Полковникъ Бѣликъ Петръ.	Начальникомъ Чеченск. округа въ 1858 г.
» Гейманъ Василій.	Команд. Севастопольскаго полка въ 1861 г.
Подполков. Ноздрачевъ Петръ	Уволенъ полковн. въ 1873 г,
Полковникъ Щелкачовъ Иванъ.	Команд. Тифлисск. мѣст. бат. въ 1875 г.
Маіоръ Дуровъ Николай.	Въ Тенгинскій полкъ въ 1847 г.
» Гриневъ Яковъ.	Уволенъ подполков. въ 1847 г.
Полковникъ Быковъ Константинъ.	Переведенъ въ Бородинск. полкъ въ 1849 г.
» Левицкій Николай.	Въ Апшеронск. полкъ въ 1848 г.
Подполковникъ Соковнинъ Василій.	Команд. Херсонск. мѣст. бат. въ 1861 г.
» Муравьевъ Александръ.	Начальникомъ Нагорнаго округа въ 1863 г.
Маіоръ Арсеньевъ Гавріилъ.	Въ Черноморскій лин. бат. № 2 въ 1848 г.
Подполковн. Григоровичъ Александръ.	Командиромъ Владикавк. мѣст. бат. въ 1878 г.
Маіоръ Дуровъ Дмитрій.	Въ Провіантск. штатъ въ 1853 г.
» Шапшіевъ Григорій.	Въ Мингрельск. полкъ въ 1849 г.
» Трамбецкій Михаилъ.	Умеръ въ 1852 г.
Подполковникъ Властовъ Георгій.	Въ гражданскую службу въ 1857 г.

Подполковн. Хризопулло Дмитрій.	Умеръ въ 1869 г.
Маіоръ Розенбергъ Адольфъ.	Въ Александропольск. крѣпост. полкъ въ 1877 г.
Подполков. Вороновичъ Петръ.	Ве Ленкоранскій п. полкъ въ 1875 г.
» Хрисанфовъ Иванъ.	Уволенъ полковн. въ 1866 г.
Маіоръ Козловскій Константинъ.	Умеръ въ 1870 г.
» Ахвердовъ Александръ.	Уволенъ въ 1858 г.
Подполков. Крыловъ Иванъ.	Командиромъ Кавк. № 2 бат. въ 1854 г.
Маіоръ Тимошенко Вячеславъ.	Уволенъ подполков. въ 1856 г.
» Никитинъ Алексѣй.	Въ Владикавказскій п. полкъ въ 1863 г.
» Базинъ Флорентинъ.	Умеръ въ 1860 г.
Полковникъ Ольшевскій Мелетій.	Произведенъ въ генералъ-маіоры въ 1855 г.
Маіоръ Пилларъ Фонъ-Пильхау Николай.	Уволенъ подполковникомъ въ 1859 г.
Полковникъ Зиновьевъ Василій.	Назначенъ для особыхъ порученій къ главноком. въ 1856 г.
» Щелкачевъ Василій.	Команд. Александропольскаго п. полка въ 1860 г.
» Петрусевичъ Григорій.	Уволенъ генералъ-маіоромъ въ 1856 г.
Маіоръ Шредеръ Дмитрій.	Въ 19-й стрѣлковый батал. въ 1861 г.
Полковникъ Чертковъ Михаилъ.	Флигель-адъют. командиромъ Куринскаго полка въ 1858 г.
Маіоръ Панютинъ Порфирій.	Уволенъ въ отставку въ 1861 г.
» Гернетъ Константинъ.	Въ гражданскую службу въ 1865 г.
Подполков. Талызинъ Степанъ.	Тоже въ 1858 г.
Полковникъ Иверсенъ Эмилій.	Команд. Ряжскаго п. полка въ 1860 г.
» Граббе Михаилъ.	Команд. Куринскаго полка въ 1864 г.
Маіоръ Зыбзѣевъ Александръ.	Въ Абхазскій полкъ въ 1863 г.
Полковникъ Вельяминовъ Ерофѣй.	Зачисленъ по арм. пѣхотѣ въ 1862 г.

Подполковникъ Фонъ Крузенштернъ Павелъ.	Ком. 20-го Стрѣлковаго бат. въ 1861 г.
» Каменевъ Александръ.	Ком. Кавк. № 5 бат. въ 1864 г.
Маіоръ Фонъ-Ферзенъ Петръ.	Въ Ленкоранскій полкъ въ 1875 г.
Подполковникъ Адлеръ Евгеній.	Въ Невскій полкъ въ 1863 г.
Маіоръ Темиръ-Булатъ Кубатіевъ.	Въ Переяславскій драгунскій полкъ въ 1864 г.
Полковникъ графъ Орловъ Давыдовъ Владиміръ.	Изъ флигель-адъют. въ генер.-маіоры въ 1871 г.
» » » Анатолій.	Тоже въ 1872 г.
» » Чернышевъ Кругликовъ Ипполитъ.	Командиромъ Либавск. п. полка въ 1871 г.
» Данилевскій Викторъ.	Команд. Самурскаго п: полка въ 1871 г.
Подполковникъ Ильченко Тарасъ.	Умеръ въ 1859 г.
Маіоръ Вороновъ Александръ.	Въ Куринскій полкъ въ 1873 г.
Подполковникъ Есьманъ Александръ.	Въ Александровскій крѣпости. полкъ въ 1877 г.

СПИСОКЪ

Офицеровъ Кабардинскаго полка состоявшихъ на лицо къ 1-му января 1881 года *).

Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Александровичъ.	Съ 1-го Марта 1879 года вторымъ, а съ 1 марта 1881 первымъ шефомъ полка.
Генералъ отъ инфантеріи Иванъ Михайловичъ Лабынцовъ.	Состоитъ по армейской пѣхотѣ и въ запасныхъ войскахъ; въ полку числится съ 1862 года Сентября 1.
Генералъ-адъютантъ кн. Дмитрій Ивановичъ Святополкъ-Мирскій.	Членъ Государственнаго Совѣта и Харьковскій генералъ-губернаторъ; 1868 г., мая 24-го.
Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Михаилъ Ивановичъ Батьяновъ	Командиръ 3-й стрѣлковой бригады; въ полку числится съ 1868 года, января 20-го.
Командиръ полка флигель-адъютантъ полковникъ Петръ Петровичъ фонъ-Энденъ.	Бывши командиромъ 4-го батальона лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, назначенъ командиромъ сего полка 1879 г., ноября 2-го.
Подполковники:	
Флигель-адъютантъ Григорій Дмитріевичъ Коленко.	Поступилъ на службу въ полкъ унтеръ-офицеромъ съ выслугою 3-хъ мѣсяцевъ за рядоваго 1851 года, сентября 25. Ком. 1-го бат.
Александръ Васильевичъ Шелеметьевъ.	Юнкеромъ 1852 года, октября 25-го. Командиръ 4-го батальона.
Маіоры:	
Николай Васильевичъ Хвостиковъ.	Переведенъ изъ Владикавказскаго казачьяго полка съ пере-

*) Составленъ изъ присланныхъ отъ полка свѣдѣній; но за полноту и вѣрность не ручаюсь. *Прим. авт.*

именованіемъ въ поручики 1865 года, января 20-го. Командиръ 3-го батальона.

Михаилъ Агиджановичъ Кегамовъ. — Переведенъ поручикомъ изъ 79-го пѣхотнаго Куринскаго полка 1865 г., іюля 24-го. Командующій 2-мъ батальономъ.

Капитаны:

Павелъ Федоровичъ Вискуновъ. — Зачисленъ унтеръ-офицеромъ изъ Оренбургскаго № 8 батальона 1863 г., сентября 24-го. Командиръ 7-й роты.

Флигель-адъютантъ Иванъ Гедевановичъ Гедевановъ. — Переведенъ унтеръ-офицеромъ изъ Дагестанскаго пѣхотнаго полка 1857 г., марта 15-го. Командиръ роты Его Величества.

Авраамъ Лукичъ Макаровъ. — Переведенъ унтеръ-офицеромъ изъ Ставропольскаго пѣхотнаго полка 1855 г., января 29-го. Команд. нестроевой роты.

Алексѣй Никитичъ Киселевъ. — Рядовымъ 1849 г., сентября 7-го. Командиръ 4-й роты.

Николай Никонbackrовичъ Лукьянченковъ. — Переведенъ прапорщикомъ изъ 133-го пѣхотнаго Симферопольскаго полка 1864 г., сентября 17-го. Завѣдывающій въ полку оружіемъ.

Густавъ Карловичъ Селлиненъ. — Переведенъ юнкеромъ изъ 75-го пѣхотнаго Севастопольскаго полка 1867 г., марта 8-го. Командиръ 15-й роты.

Николай Самсоновичъ Анастасіенко. — Переведенъ изъ 14-го гренадерскаго Грузинскаго полка портупей юнкеромъ 1870 г., мая 3. Находится въ распоряженіи интенданта Закаспійскаго края.

Штабсъ-капитаны:

Степанъ Моисѣевичъ Рыжковъ. — Унтеръ-офицеромъ переведенъ изъ лейбъ-пѣхотнаго Бородинскаго полка 1856 г., августа 19. И. д. завѣдывающаго въ полку хозяйствомъ

Алексѣй Павловичъ Ковтунъ.	Переведенъ изъ 5-го резервнаго батальона Лейбъ-Бородинскаго полка унтеръ-офицеромъ 1858 г., мая 28-го. Командующій 2-ю ротою.
Николай Петровичъ Лобановъ.	Съ производствомъ въ прапорщики переведенъ изъ бывшаго 20-го нынѣ 2-го Кавказскаго стрѣлковаго батальона 1865 г., февраля 19-го. Командиръ 10-й роты.
Петръ Ивановичъ Ларіоновъ.	Опредѣленъ унтеръ-офицеромъ 1864 г., іюня 29-го. Полковой казначей.
Дмитрій Макаровичъ Макухо.	Переведенъ прапорщикомъ изъ Горскаго казачьяго полка 1870 года. августа 1-го. Въ командировкѣ старшимъ адъютантомъ штаба 20-й пѣхотной дивизіи.
Александръ Степановичъ Зыковъ.	Унтеръ-офицеромъ 1864 г., іюня 29-го. Командующій 5-ю ротою.
Николай Александровичъ Паскевичъ.	Переведенъ портупей-юнкеромъ изъ 48-го пѣхотнаго Одесскаго полка 1870 г., іюня 24-го. Командующій 6-ю ротою.
Михаилъ Григерьевичъ Игнатьевъ.	Унтеръ-офицеромъ 1866 г., апрѣля 1-го. Субалтернъ-офицеръ.
Марцелій Романовичъ Гонсецкій.	Переведенъ портупей-юнкеромъ изъ 155-го пѣхотнаго Кубинскаго полка 1873 г., іюля 15-го. Командующій 16-ю ротою.
Бекъ - Рустамъ Абарцумовичъ Мадатовъ.	Унтеръ-офицеромъ 1866 г., апрѣля 1-го. Командующій 8-ю ротою,
Поручики:	
Александръ Михайловичъ Арванитаки.	Переведенъ прапорщикомъ изъ 153-го пѣхотнаго Бакинскаго полка 1872 г., сентября 9-го. Полковой адъютантъ.
Алексѣй Михайловичъ Савинъ.	Опредѣленъ унтеръ-офицеромъ

1866 г., октября 15-го. Командующій 4-ю ротою.

Егоръ Андреяновичъ Головачевъ. — Зачисленъ изъ топографовъ 2-го класса межеваго корпуса 1870 г., мая 1-го. Командующій 13-ю ротою.

Петръ Ивановичъ Юдинъ. — Переведенъ юнкеромъ изъ Кавказскаго линейнаго № 28 батальона 1871 г., февраля 28-го. Командующій 12-ю ротою.

Иванъ Дмитріевичъ Цинамзгваровъ. — Переведенъ юнкеромъ изъ Кавказскаго линейнаго № 22-го батальона 1871 г., февраля 27-го. Командиръ 11-й роты.

Александръ Ивановичъ Грессель. — Опредѣленъ унтеръ-офицеромъ 1868 г., сентября 18-го. И. д. бригаднаго адъютанта 2-й бригады, 20-й пѣхотной дивизіи.

Николай Апполоновичъ Боголюбовъ. — Переведенъ поручикомъ изъ 146-го пѣхотнаго Царицынскаго полка 1880 г., іюля 13-го. Командующій 3-ю ротою.

Михаилъ Александровичъ Чистопольскій. — Переведенъ прапорщикомъ изъ Кавказскаго линейнаго № 5 батальона 1877 г., марта 1-го. Субалтернъ-офицеръ.

Леонидъ Васильевичъ Турчинъ. — Опредѣленъ унтеръ-офицеромъ 1867 г., августа 10-го. Завѣдывающій учебною командою.

Вячеславъ Васильевичъ Федоровъ. — Опредѣленъ унтеръ-офицеромъ 1867 г., декабря 12-го. Полковой квартермистръ.

Александръ Павловичъ Матвѣевъ. — Съ производствомъ въ прапорщики переведенъ изъ 79-го пѣхотнаго Куринскаго полка 1876 г., іюля $^{17}/_{29}$. Субалтернъ-офицеръ.

Подпоручики:

Николай Львовичъ Эттингеръ. — Съ производствомъ въ прапорщики переведенъ изъ 77-го пѣхотнаго Тенгинскаго полка 1876 г., $^{17}/_{29}$. Дѣлопроизводитель полковаго суда и желонерный офицеръ.

Леопардъ Васильевичъ Драчукъ.	Съ производствомъ въ прапорщики переведенъ изъ 77-го пѣхотнаго Тенгинскаго полка 1875 г., іюля 15-го. Батальонный адъютантъ 3-го батальона.
Сергѣй Федоровичъ Кулицкій.	Переименованъ изъ писарей штаба-войскъ Дагестанской области унтеръ-офицеромъ 1870 г., іюля 15-го. Завѣдывающій библіотекою сего полка.
Илья Артамоновичъ Ильинъ.	Съ производствомъ въ прапорщики, переведенъ изъ 73-го пѣхотнаго Телгинскаго полка 1876 г. 17/29. Субалтернъ-офицеръ.
Николай Степановичъ Островскій.	Съ производствомъ въ прапорщики, переведенъ изъ 77-го пѣхотнаго Тенгинскаго полка 1876 г., іюня 17/29. Субалтернъ-офицеръ.
Василій Ивановичъ Гусаковъ.	Опредѣленъ унтеръ-офицеромъ. 1869 г., іюля 20-го. Субалтернъ офицеръ.
Пшемахо Долаковичъ Дахкильговъ.	Произведенъ въ прапорщики изъ 2-го Константиновскаго военнаго училища. 1877 г. іюня 22-го. Субалтернъ-офицеръ.
Прапорщики:	
Александръ Ивановичъ Николаевъ.	Опредѣленъ унтеръ-офицеромъ. 1883 г., октября 4-го. Субалтернъ-офицеръ.
Григорій Михайловичъ Посельниковъ.	Переведенъ изъ 2-го Кавказскаго стрѣлковаго батальона. 1879 г., марта 22-го. Субалтернъ-офицеръ.
Алексѣй Александровичъ Неклюдовъ.	Съ производствомъ въ прапорщики переведенъ изъ 4-го пѣхотнаго Капорскаго полка. 1877 г., іюля 17-го. И. д. батальоннаго адъютанта 2-го батальона.
Александръ Николаевичъ Чапцевъ.	Съ производствомъ въ прапорщики переведенъ изъ 4-го пѣхотнаго Капорскаго полка. 1877

	г., іюля 17-го. Баталіонный адъютантъ 4-го батальона.
Александръ Клавдіевичъ Тихомировъ.	Переведенъ съ производствомъ въ прапорщики изъ 4-го пѣхотнаго Капорскаго полка. 1877 г., іюля 17-го. Находится временно въ Кавказской учебной ротѣ.
Аѳанасій Андреевичъ Селадцевъ.	Съ производствомъ въ прапорщики переведенъ изъ 4-го пѣхотнаго Капорскаго полка. 1877 г., іюля 17-го. Субалтернъ офицеръ.
Владиміръ Павловичъ Печеневъ.	Съ производствомъ въ прапорщики переведенъ изъ 3-го пѣхотнаго Нарвскаго полка. 1877 г., іюля 17-го. Субалтернъ офицеръ.
ЛеопольдъАльфонсовичъКиршъ.	Съ производэтвомъ въ прапорщики переведенъ изъ 4-го Капорскаго полка. 1877 г., іюля 17-го. Субалтернъ-офицеръ.
Александръ Васильевичъ Успенскій.	Переведенъ съ производствомъ въ прапорщики изъ 3-го пѣхотнаго Нарвскаго полка 1877 г., іюля 17-го. Субалтернъ-офицеръ.
Леонидъ Николаевичъ Сахновскій.	Переведенъ изъ 2-го Кавказскаго стрѣлковаго батальона 1879 г., сентября 15-го. Субалтернъ-офицеръ.
Павелъ Лазаревичъ Хмаладзе.	Изъ вольноопредѣляющихся 1872 года, декабря 24. Суболтернъ-офицеръ.
Степанъ Антоновичъ Яковицкій.	Изъ вольноопредѣляющихся 1873 года, іюля 15-го. Субалтернъ-офицеръ.
Андрей Григорьевичъ Соболевъ.	Переведенъ прапорщикомъ изъ 77-го пѣхотнаго Тенгинскаго полка 1880 г., марта 8-го. Субалтернъ-офицеръ.
Исай Гавріиловичъ Гуцунаевъ	Изъ вольноопредѣляющихся 1876 года, февраля 28-го. И. д. ба-

	тальоннаго адъютанта 1-го батальона.
Сергѣй Михайловичъ Савичъ.	Переведенъ прапорщикомъ изъ 153 пѣхотнаго Бакинскаго полка 1880 г., октября 3-го. Субалтернъ-офицеръ.
Викторъ Эдуардовичъ Берхманъ.	Переведенъ прапорщикомъ изъ 153 пѣхотнаго Бакинскаго полка 1880 г., октября 3-го. Субалтернъ-офицеръ.
Василій Степановичъ Банниковъ.	Переведенъ прапорщикомъ изъ 153 пѣхотнаго Бакинскаго полка 1880 г., октября 3-го. Субалтернъ-офицеръ.

ХРОНИКА КАБАРДИНСКАГО ПѢХОТНАГО ПОЛКА.

---

1) Въ генварѣ 1726 г. изъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, отдѣленныхъ отъ разныхъ армейскихъ полковъ, за исключеніемъ Астраханскаго и Ингерманландскаго, для усиленія войскъ, занимавшихъ провинціи, присоединенныя Императоромъ Петромъ 1-мъ отъ Персіи, въ Москвѣ генераломъ Бономъ, сформированы были пять пѣхотныхъ полковъ, въ составѣ одной гренадерской и семи фузелерныхъ ротъ каждый и въ слѣдующемъ числѣ чиновъ—въ ротѣ: оберъ-офицеровъ 4, нижнихъ чиновъ 157, а въ полку, штабъ-офицеровъ 34, нижнихъ чиновъ 1265, нестроевыхъ 139, деньщиковъ 56, а всего 1497 челов. Въ числѣ этихъ полковъ 1-й, полковника Фонъ-Девица. По неудобству именованія фамиліями полковыхъ командировъ, генералъ Левашевъ, командовавшій всѣми войсками въ Персіи, далъ пяти полкамъ этимъ названія по мѣстнымъ провинціямъ и 1-й полкъ названъ Ранокуцкимъ. 1732 г. іюня 19-го, полкъ переформированъ въ восемь фузелерныхъ ротъ съ распредѣленіемъ въ каждую по 16 гренадеръ, и за тѣмъ положено имѣть въ ротѣ: оберъ-офицеровъ 4, нижнихъ чиновъ 155; въ полку: штабъ-офицеровъ 4, офицеровъ 33, нижнихъ чиновъ 1152, нестроевыхъ 63, деньщиковъ 55; всего 1407 человѣкъ.

1732 г. ноября 7-го, полкъ названъ Кабардинскимъ пѣхотнымъ, такъ какъ съ возвращеніемъ Персіи занятыхъ провинцій, въ томъ числѣ Ранкуцкаго магала, Персія претендовала на оставленіе полкамъ прежнихъ названій. (Все до этого относящееся подробно изложено во II-й главѣ исторіи полка, томъ 1-й).

1746 г. января 1-го. Изъ распредѣленныхъ по ротамъ 128 гренадеръ, съ прибавленіемъ къ нимъ вновь 3-хъ оберъ-офицеровъ и 17 нижнихъ чиновъ, сформирована въ полку особая гренадерская рота.

1747 г. января 27-го. Полкъ приведенъ въ три фузелерные баталіона,—каждый изъ четырехъ ротъ, съ одною гренадерскою ротою; при чемъ положено имѣть: въ гренадерской ротѣ: оберъ-офицеровъ 3, нижнихъ чиновъ 164, въ фузелерной: оберъ-офицеровъ 5, нижнихъ чиновъ 157, а въ полку: штабъ-офицеровъ 5, оберъ-офицеровъ 53, нижнихъ чиновъ 2025, нестроевыхъ 125, деньщиковъ 81, всего 2299 челов.

1753 г. іюля 9-го. Каждый баталіонъ приведенъ въ одну гренадерскую и четыре фузелерные роты, и за тѣмъ положено имѣть: въ гренадерской ротѣ: оберъ-офицеровъ 5, нижнихъ чиновъ 219, въ фузелерной: оберъ-офицеровъ 5, нижнихъ чиновъ 157, а въ полку: штабъ-офицеровъ 5, оберъ-офицеровъ 79, нижнихъ чиновъ 2379, нестроевыхъ 144, деньщиковъ 109, всего 2859 челов.

1756 г. марта 30-го. Гренадерская рота 3-го баталіона отчислена на сформированіе 4-го гренадерскаго полка (*), и за тѣмъ въ полку, принявшемъ составъ трехъ мушкатерскихъ баталіоновъ,—каждый въ четыре роты,—и двухъ гренадерскихъ ротъ, осталось 2626 челов.

1762 г. марта 13-го. Полку повелѣно быть въ составѣ двухъ баталіоновъ,—каждый изъ одной гренадерской и 5 мушкатерскихъ ротъ и въ слѣдующемъ числѣ чиновъ: въ гренадерской ротѣ: оберъ-офицеровъ 4, нижнихъ чиновъ 173, въ мушкетерской: оберъ-офицеровъ 4, нижнихъ чиновъ 141, а въ полку.—Штабъ-офицеровъ 4, оберъ-офицеровъ 42, нижнихъ чиновъ 1766, нестроевыхъ 44, деньщиковъ 74, а всего 1930 челов.

1762 г. апрѣля 1-го. Сверхъ состоявшихъ уже въ полку нестроевыхъ чиновъ, повелѣно имѣть при обозѣ еще 84 челов.

1762 г. іюля 5-го. Полкъ по прежнему приведенъ въ три мушкетерскіе баталіона, съ двумя гренадерскими ротами, по положенію 30-го марта 1756 г.

1763 г. января 14-го. Переформированъ въ составъ двухъ баталіоновъ,—каждый изъ одной гренадерской и пяти мушкетер-

(*) Нынѣ 10-й Малороссійскій Гренадерскій фельдмаршала гр. Румянцова-Задунайскаго полкъ.

скихъ ротъ, изъ коихъ въ каждой положено имѣть: оберъ-офицеровъ 4, нижнихъ чиновъ 149; въ полку: штабъ-офицеровъ 4, оберъ-офицеровъ 52, нижнихъ чиновъ 1829, нестроевыхъ 126 деньщиковъ 81, всего 2092 челов.

Въ мирное время изъ полка убавлялось: 12 оберъ-офицеровъ и 200 рядовыхъ.

1765 г. октября 13-го. При полку учреждена егерская команда изъ 60 челов.

1777 г. мая 26-го. Егерская команда отчислена отъ полка на сформированіе особыхъ егерскихъ баталіоновъ.

1786 г. апрѣля 10-го. Полкъ по вновь состоявшемуся штату приведенъ въ составъ 2104 челов., изъ которыхъ въ мирное убавлялось 10 оберъ-офицеровъ и 200 рядовыхъ.

1796 г. ноября 29-го. Повелѣно имѣть: въ гренадерской ротѣ: оберъ-офицеровъ 4, нижнихъ чиновъ 177, въ мушкетерской: оберъ-офицеровъ 4, нижнихъ чиновъ 175, а въ полку, переименованномъ изъ пѣхотнаго, въ мушкетерскій, генералъ 1, штабъ-офицеровъ 5, оберъ-офицеровъ 50, нижнихъ—чиновъ 2109, нестроевыхъ 116, деньщиковъ 32, а всего 2363 челов.

1798 г. января 5-го. По вновь состоявшемуся штату положено имѣть въ ротѣ: оберъ-офицеровъ 4, нижнихъ чиновъ 153, а въ полку: генерала 1-го, штабъ-офицеровъ 5, оберъ-офицеровъ 50. нижнихъ чиновъ 1823, нестроевыхъ 163, деньщиковъ 84, а всего 2126 челов.

1798 г. октября 31-го. Полкъ названъ, по шефу, мушкетерскимъ генералъ-маіора Арсеньева.

1799 г. декабря 17-го. Названъ мушкетерскимъ генералъ-маіора Кохіуса.

1800 г. января 29-го. Названъ мушкетерскимъ генералъ-маіора Гулякова.

1801 г. марта 29-го. Полкъ названъ, по прежнему, Кабардинскимъ мушкетерскимъ.

1802 г. апрѣля 30-го. Приведенъ въ три баталіона, гренадерскій и два мушкетерскіе,—каждый изъ 4-хъ ротъ, при чемъ положено имѣть: въ гренадерской ротѣ: оберъ-офицеровъ 4, нижнихъ чиновъ 180, въ мушкетерской: оберъ-офицеровъ 4, нижнихъ чиновъ 178, а въ полку: генерала 1-го штабъ-офицеровъ 6, оберъ-офицеровъ 54, нижнихъ чиновъ 2156, нестроевыхъ 148, деньщиковъ 95, всего 2459 челов.

Въ мирное время изъ полка убавлялось 96 гренадеръ, 192, мушкетера и 3 нестроевыхъ.

1803 г. мая 16-го. Одна рота отдѣлена на сформированье Вологодскаго мушкетерскаго полка, а въ замѣнъ ея сформирована новая.

1810 г. октября 12-го. Каждый баталіонъ переформированъ въ одну гренадерскую и три мушкетерскія роты.

1810 г. ноября 12-го. Прибавлено въ полкъ 350 рядовыхъ и убавлены 2 флейщика.

1811 г. февраля 22-го. Баталіонамъ которые до того именовались: одинъ шефскимъ, а два остальные,—по фамиліямъ полковаго командира и старшаго за нимъ штабъ-офицера, повелѣно называть по нумерамъ 1, 2 и 3-мъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и полкъ изъ мушкетерскаго переименованъ въ пѣхотный.

1815 г. апрѣля 14-го. Положено имѣть: въ гренадерской ротѣ: оберъ-офицеровъ 4, нижнихъ чиновъ 256, въ мушкетерской: оберъ-офицеровъ 4, нижнихъ чиновъ 254, въ полку: генерала 1, штабъ-офицеровъ 7, оберъ-офицеровъ 54, нижнихъ чиновъ 3067, нестроевыхъ 132, деньщиковъ 97, а всего 3358 челов.

1815 г. іюля 10-го. Изъ штатнаго числа чиновъ убавлены: 1 генералъ, (Шефъ) и одинъ оберъ-офицеръ (Шефскій адъютантъ) по случаю упраздненія званія шефовъ полка.

1819 г. апрѣля 12-го. Къ строевымъ нижнимъ чинамъ полка прибавлено 27 горнистовъ.

1819 г. апрѣля 19-го. Прибавлено еще 60 унтеръ-офицеровъ и 840 рядовыхъ.

1819 г. ноября 4-го. Генералъ Ермоловъ переименовалъ Кабардинскій полкъ въ Ширванскій, а Казанскій въ Кабардинскій. Подробности этого эпизода подробно изложены въ XXIII главѣ I т. исторіи полка.

1820 г. апрѣля 20-го. Къ числу оберъ-офицеровъ полка прибавлено 12 прапорщиковъ.

1830 г. сентября 9-го. Полкъ приведенъ въ комплектъ чиновъ, состоявшій въ немъ по 19-е апрѣля 1819 г.

1834 г. марта 21-го. При переформированіи войскъ отдѣльн. Кавказскаго корпуса, полкъ, съ присоединеніемъ къ нему 1-го и 2-го баталіоновъ 39 егерьскаго полка (бывшій Брянскій, сформированный 15-го декабря 1763 года) наименованъ Кабардинскимъ егерьскимъ и приведенъ въ составъ 4-хъ баталіоновъ дѣйствующихъ и одного резервнаго, съ двумя ротами: нестроевою и инвалидною;

въ полку положено имѣть: въ военное время—6524, а въ мирное 5993 человѣкъ.

1835 г. февраля 19-го. Нестроевая рота, оставаясь при полку, составила вмѣстѣ съ прочими ротами полковъ 20 пѣх. дивизіи, фурштатскій баталіонъ сей дивизіи, который съ другими таковыми же баталіонами отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, составилъ 11-ю фурштатскую бригаду, впослѣдствіи упраздненную.

1835 г. іюня 5-го. Резервный баталіонъ названъ 5-мъ,

1836 г. апрѣля 4-го. Въ запасныхъ войскахъ повелѣно имѣть для полка запасный полубаталіонъ № 79-й.

Примѣчаніе. Названіе запаснаго полубаталіона послѣдовало по случаю установленія безсрочнаго отпуска

1841 г. іюня 14-го. Приписанъ къ полку резервный баталіонъ находившійся въ составѣ резервной дивизіи отд. Кавказскаго корпуса.

1842 г. марта 11-го. Вышеозначенный баталіонъ для различія отъ 5-го названъ 6-мъ полка.

1843 г. апрѣля 11-го. Полкъ названъ, по шефу, егерьскимъ генералъ-адъютанта кн. Чернышева.

1843 г. мая 12-го. Составленіе запаснаго полубаталіона, отмѣнено.

Высочайшимъ приказомъ 17-го апрѣля 1856 г. наименованъ пѣхотнымъ генералъ-адъютанта князя Чернышева полкомъ.

Въ 1856 году при каждомъ батальонѣ сформированы особыя стрѣлковыя роты изъ лучшихъ по стрѣльбѣ людей; роты сводились въ одинъ стрѣлковый батальонъ.—Остальныя же роты велѣно называть по нумерамъ, вмѣсто прежнихъ названій „карабинерныя и егерьскія".

Высочайшимъ приказомъ 21-го іюня 1857 г., по смерти князя Чернышева, полку повелѣно именоваться Кабардинскимъ пѣхотнымъ полкомъ.

Высочайшимъ приказомъ 6-го декабря 1859 г. полку повелѣно именоваться Кабардинскимъ пѣхотнымъ генералъ-фельдмаршала князя Барятинскаго полкомъ.

1872 п. За упраздненіемъ 5 бат. въ полкахъ Кавказской арміи 6-е резервн. баталіоны переименованы въ 5-е.

Высочайшимъ приказомъ 7-го ноября 1873 г., 5 резервный баталіонъ Кабардинскаго полка наименованъ Абхазскимъ пѣхотнымъ полкомъ 40-й дивизіи, съ прибавленіемъ нужнаго числа людей до 3-хъ бат. состава.

Приказомъ Военнаго Министра 25-го марта 1864 г. № 89 полку повелѣно именоваться 80 пѣхотнымъ Кабардинскимъ генералъ-фельдмаршала князя Барятинскаго полкомъ.

По утвержденному въ 1863 г. штату въ полку полагалось 1 полковникъ—полковой командиръ, 2 подполковн., 96 оберъ-офицеровъ, строевыхъ нижн. чиновъ и музыкантовъ 4043, клас. чиновниковъ и священниковъ 8, нестроевыхъ нижн. чин. 434.—Это такъ называемый усиленный мирный составъ 4-хъ баталіонный.

Для приведенія же четвертыхъ баталіоновъ въ высшій составъ, содержалось въ безсрочномъ и вообще продолжительныхъ отпускахъ 638 нижн. чиновъ.

ВѢДОМОСТЬ

знакамъ отличія, даннымъ разновременно Кабардинскому пѣхотному полку.

Наименованіе частей.	Какія имѣютъ знаки отличія.	Когда состоялись Высочайшія повелѣнія.
1-му и 2-му баталіонамъ.	Георгіевское знамя съ надписью по краямъ: «за взятіе у Аварскихъ войскъ знамени при рѣкѣ Іорѣ 7-го ноября 1800 года и за взятіе приступомъ Ахульго 22-го августа 1839 года и взятіе Анди 14-го іюня, Дарго 6-го іюля 1845 года. Александровская лента съ вензелями и надписями: на первой сторонѣ: вензель Екатерины I-й и «1726 г. Ранокуцкій пѣхотный полкъ» *). На второй и третьей сторонахъ: вензель Павла I-го Александра I-го» и 1800 г. За взятіе у Аварскихъ войскъ знамя при рѣкѣ Іорѣ 7-го ноября 1800 г. На четвертой сторонѣ: Кабардинск. Егерьскаго полка. На бантѣ 1838 года. Скобка съ вензелями и надписями:	

*) Эта лента пожалована въ 1840 году, когда полкъ считался по хроникѣ носившимъ имя Ранокуцкаго съ 1726 г., подробности же сформированія полка, открытыя моими изслѣдованіями въ архивахъ, не были еще извѣстны.

Наименованіе частей.	Какія имѣютъ знаки отличія.	Когда состоялись Высочайшія повелѣнія.
	Вензель Екатерины I-й 1726 года Ранокуцкій пѣхотный полкъ. 1800, 1839 и 1846 годы, за взятіе у Аварскихъ войскъ знамя при рѣкѣ Іорѣ 7-го ноября 1800 года; взятіе приступомъ Ахульго 22-го августа 1839 года и взятіе Анди 14-го іюня и Дарго 6-го іюля 1845 года. 1846 г. генералъ-адъютанта князя Чернышева Кабардинскаго Егерьскаго полка. Перваго баталіона, втораго баталіона. Знаки на шапкахъ съ надписью: «за отличіе». За подвиги въ войнахъ съ Персіею и Турціею въ 1826—1827—1828 и 1829 годахъ.	
Въ 3-мъ баталіонѣ.	Георгіевское знамя съ надписями: подъ Орломъ «1763—1863» и по краямъ: «за взятіе Анди 14 іюня 1845 года и взятіе штурмомъ аула Веденя 1-го апрѣля 1859 года. Александровская лента съ вензелями и надписями: Вензель Екагерины II-й. На первой сторонѣ: 1763 года Украинскаго корпуса Брянскій полкъ. На второй и третьей сторонахъ: вензеля Николай I-й и Александръ II-й 1846 и 1859 г. за взятіе Анди 14-го іюня 1875 и взятіе штурмомъ аула Ведена 1-го апрѣля 1859 года.	Высочайшій приказъ 20-го марта 1846 г., 3-го августа 1859 г. и 15-го декабря 1863 г. Высочайшіе грамоты 18 марта 1847 г. 3-го августа 1859 г. и 15-го декабря 1873 г.

Наименованіе частей.	Какія имѣютъ знаки отличія.	Когда состоялись Высочайшія повелѣнія.
	На четвертой сторонѣ. Кабардинскаго пѣхотнаго генералъ-фельдмаршала князя Барятинскаго полка.	
	На бантѣ 1863 г. Скобка съ вензелями и надписями: вензеля Екатерины II-й 1763 Украинскаго Корпуса-Брянскій-полкъ 1846 и 1859. За взятіе Анди 14-го іюня 1845 г., за взятіе штурмомъ аула Ведепя 1-го апрѣля 1859 года. 1864. 80-го пѣхотнаго Кабардинскаго генералъ-фельдмаршала князя Барятинскаго полка. 3 баталіона. Знаки на шапкахъ съ надписью «за отличіе», за подвиги въ сраженіяхъ съ Французами въ 1814 году. Генваря 17-го при Бріенъ-ле-Шато и 20-го при селеніи Ла-Ротіеръ.	
	Серебряныя трубы Всемилостивѣйше пожалованныя 39-му Егерскому полку съ надписью на каждой «за отличіе, оказанное при осадѣ крѣпости Ченстохово. 1863 г.»	
Въ 4-мъ баталіонѣ.	Знамя безъ надписи. Скобка съ вензелемъ и надписью: вензель Екатерины I-й 1726 года. Ранокуцкій пѣхотный и 1763 г. Украинскаго корпуса Брянскій полкъ.	
	1874 г., пѣхотнаго Кабардинскаго генералъ-фельдмаршала князя Барятинскаго полка 4 баталіона.	

Наименованіе частей.	Какія имѣютъ знаки отличія.	Когда состоялись Высочайшія повелѣнія.
	Знаки на шапкахъ съ надписью «за отличіе». «За подвиги въ сраженіяхъ съ Французами 1814 г. генваря 17-го при Бріенъ-ле-Шато и 20-го при селеніи Ла-Ротіеръ». Сверхъ того 1, 2, 3 и 4 стрѣлковыя роты. 1) Что нынѣ 13, 14, 15 и 16 роты имѣютъ именныя, каждая на свою роту, по одному Георгіевскіе серебрянные рожки, съ надписью «за отличіе при покореніи Западнаго Кавказа въ 1864 году».	
Весь полкъ.	Гренадерскій бой. Петлицы за военное отличіе на штабъ и оберъ-офицерскіе мундиры.	



